

Т.Е. Эфендиева
С.И. Эфендиев
Ф.С. Эфендиев

Кайсын Шуваевич
КУЛИЕВ

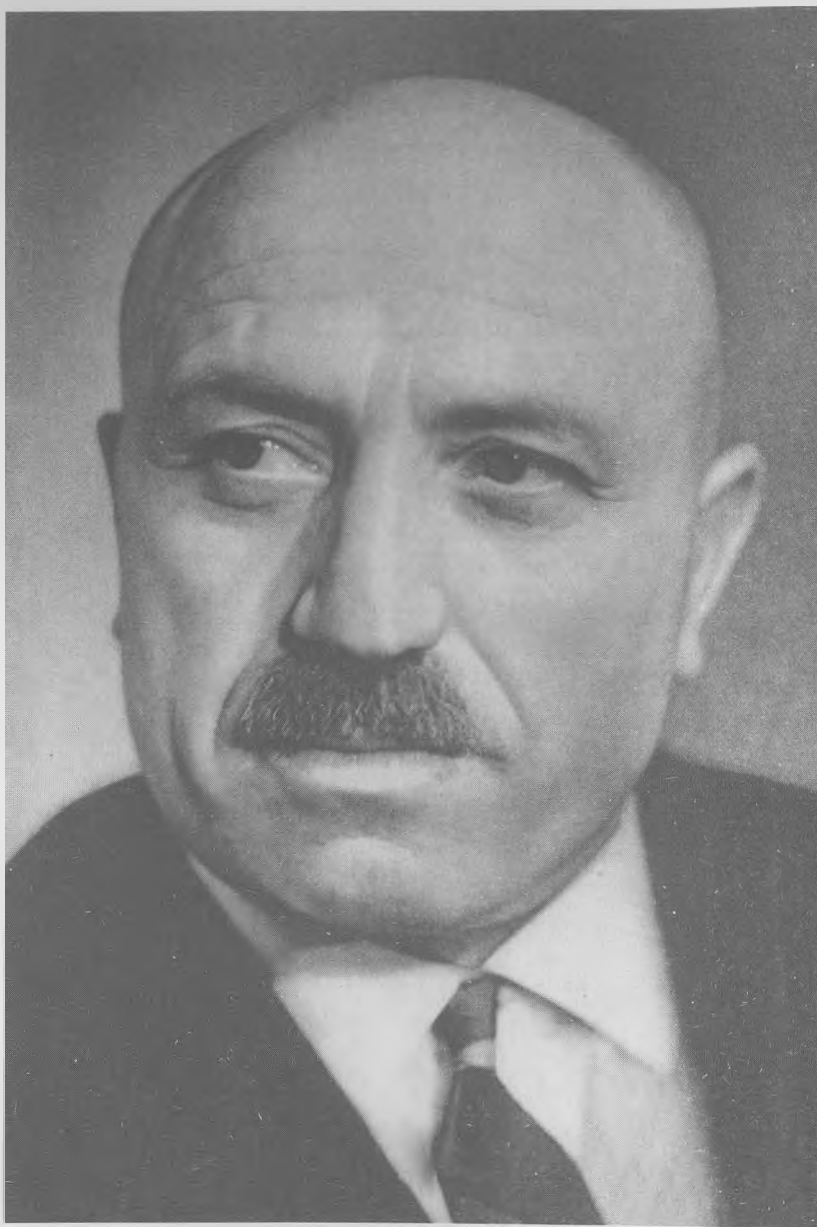
СИМВОЛ НАЦИОНАЛЬНОЙ
ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ

ТОМ
VI

Восьмидесятипятилетию со дня рождения
народного поэта Кабардино-Балкарии
КАЙСЫНА КУЛИЕВА

Т. Е. Эфендиева, С. И. Эфендиев
Ф. С. Эфендиев

А. С. Юсупов } с 156
С. М. Мамедов } с 393-395
2406

Кайсын Шуваевич

КУЛИЕВ

СИМВОЛ НАЦИОНАЛЬНОЙ
ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ

ТОМ 6

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР "ЭЛЬ-ФА"
2003

Серия «КЛИО»
(«Кавказский литературно-исторический Олимп»)
Раздел «Архив». Выпуск 11

Научный редактор серии **А. М. Мусукаев**
Литературные редакторы серии
Л. О. Тамазова, М. М. Хафицэ
Художник серии **М. М. Горлов**

Рецензенты:

Член-корр. РАН, Председатель Северо-Кавказского
научного центра высшей школы **Ю. А. Жданов;**
академик Академии гуманитарных наук, заслуженный
деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор
В. Е. Давидович

Книга выходит в авторской редакции

Э $\frac{4702250104-027}{Т 43(03)-2003}$ без объявл.

ISBN 5-88195-575-7

© Т. Эфендиева,
С. Эфендиев,
Ф. Эфендиев, 2003
© Издательский центр
«Эль-Фа», 2003
© М. М. Горлов,
Оформление, 2003

ПРЕДИСЛОВИЕ

В шестой том вошли в основном научные статьи и очерки, написанные нами в последние годы. При создании данной монографии авторами впервые введены в научный оборот интересные архивные материалы, которые раньше никогда не были опубликованы.

Этот том отличается от предыдущих томов тем, что в кайсыноведении впервые рассматриваются такие проблемы, как «Кайсын Кулиев и музыка», «Кайсын Кулиев в изобразительном искусстве, живописи и графике», «Кайсын Кулиев и писатели Дона», «Письма однополчан Кулиеву как исторические документы Второй мировой войны», «Кайсын Кулиев и Константин Симонов», «Борис Ручьев и Кайсын Кулиев», «Кайсын Кулиев в контексте мировой культуры», «Художественное отражение категории времени в поэзии Кайсына Кулиева», «О психологии поэтического творчества К. Ш. Кулиева», «Кинжал» в поэзии А. С. Пушкина и К. Ш. Кулиева», «Духовное завещание Кайсына Кулиева как итог его земной жизни» и многие другие.

Главная задача профессоров Эфендиевых – как можно глубже показать поэзию К. Ш. Кулиева, раскрыть уникальные грани его творчества в художественной этнокультуре XX в. Поэтому мы стремились всесторонне рассмотреть его поэтическое творчество и литературно-критическое наследие как неповторимое художественное явление, сыгравшее большую роль в духовной жизни балкар-

ского народа. Имя Кайсына Кулиева вошло в историю балкарского народа как символ национальной духовной культуры. Он является знаменем национальной культуры.

Как известно, Кайсын Кулиев оставил огромный след в социальной памяти многих народов России, СНГ и зарубежных стран. На его стихи писали музыку самые известные композиторы Советского Союза. Песни на слова Кулиева до сих пор звучат в самых престижных концертных залах России, и поют их талантливые и популярные артисты.

Многие художники создали и создают бессмертный образ поэта-мыслителя К. Ш. Кулиева на полотнах, в мраморе, бронзе и дереве. Это свидетельство глубокого уважения и всеобщей любви к нему как великому поэту и Гражданину нашей планеты.

Поэзия Кайсына Кулиева – это эхо Космоса, дыхание родной Природы, всеобщая гармония Мира. В таком аспекте мы и рассматривали его творчество в данной монографии и во всех предыдущих томах. Шеститомник почти завершает научные исследования профессоров Эфендиевых. Фотоальбом о поэте, который предполагается тоже издать, не будет носить научно-исследовательский характер. Но есть у нас замысел написать 8-й том «Архив Кайсына Кулиева как отражение целой исторической эпохи» и дальше приступить к созданию энциклопедии о К. Ш. Кулиеве. Но это лишь только замысел: как позволит судьба.

Авторы благодарят за оказанную финансовую помощь в издании данного тома Заурбия Касимовича Тлехаса и Алима Хусейевича Чочаева. Их благородный поступок останется в истории духовной культуры балкарского народа.

*Салих Эфендиев
Фуад Эфендиев
Тамара Эфендиева*

7 декабря 2001 г.

**Доклад С. И. Эфендиева, доктора философских наук,
профессора, зав. кафедрой философии КБГУ,
посвященный 80-летию со дня рождения
Кайсына Шуваевича Кулиева
«Кайсын Кулиев и проблемы национального
возрождения»**

Дорогие товарищи! Многоуважаемые гости и участники данной конференции!

Сегодня все народы Кабардино-Балкарии отмечают 80 лет со дня рождения великого поэта и выдающегося гуманиста XX в., народного поэта Кабардино-Балкарии, лауреата Ленинской и Государственной премий Кайсына Шуваевича Кулиева.

Он родился в одном из красивейших ущелий Кавказа. В Чегемской теснине горы пылают всеми цветами радуги, от ярко-желтого до темно-красного, переходящего местами в угольно-черный. Могучей силой звучит эта фантастическая симфония красок крутых и красочных скал. Легко можно читать их сложную структуру, эту великую книгу геологической истории земли, где каждая страница – сотни тысяч лет. С детства его окружали великолепная природа и горные вершины в розовом снегу, где свое начало берет бурная река Чегем, где постоянно дует ветер, с шумом которого гармонически сочетается красота природы, переходя в симфонию музыки. Здесь Природой и Всевышним Аллахом были заложены задатки будущего гениального поэта Кайсына Кулиева. Все это начало его духовного взлета, истоки его неповторимого таланта. «...Великие имена, – писал американский антрополог и культуролог Альфред Луис Кребер, – появляются по ходу истории отнюдь не равномерно, не рассыпью, а в своеобразных сгущениях, подобно созвездиям на небе» [1].

Земля для каждого народа, где он живет, является «биохрамом». В нем отражаются природно-ландшафтные, духовно-нравственные ценности народа. Все это свидетельство духовного взрыва для проявления пассионарности генотипа и этнокультурного феномена балкарского народа, воплотившегося в лице великого поэта. Верно говорил еще в XVIII в. известный немецкий философ

и просветитель И. Г. Гердер: «Гений живет в каждом народе и с каждым народом».

Кайсын Кулиев является сеятелем добра и хранителем духовных ценностей, певцом родного края. Он творец и создатель одной из высочайших вершин культурного и интеллектуального потенциала балкарского народа. Написанные им многочисленные стихи и поэмы органически сочетаются с этнопсихологическими и этнокультурными образами горских народов, величественной панорамой родной земли, цветением весной садов и альпийских лугов, движением белоснежных облаков на небе, туманом, окутывающим горные вершины, шумом водопадов, многократным эхом в горах, мудростью старших и благородством матерей. Во всем этом мы видим воплощение поэзии Кулиева и его всестороннего таланта, сияющего в духовной культуре народов Кабардино-Балкарии. В его поэзии глубоко выражены этнопсихологические особенности и духовно-нравственные ценности горских народов. Величие Кайсына Кулиева заключается в том, что в центре своей поэзии он поставил человека, проблему гуманизма, воспел красоту природы, дружбу и братство людей.

В его поэзии философской «звездой» служил принцип антропологии. Для К. Кулиева человек – антропологическое существо и высшая ценность, «царь земной и Бог, сошедший с неба». По утверждению поэта исходным началом и главным предметом всякого философствования является человек. Человека он рассматривает как явление космопланетарного характера. И эту главную проблему века Кайсын Кулиев поднял на самый высокий уровень социально-философского обобщения. Поэзия К. Кулиева органически сочетается с судьбами человечества и самыми актуальными социальными интересами современности. Великий поэт, он считал, что в ответе и за судьбу всего человечества.

Черный день под развалинами Хиросимы, –
Он идет и ко мне, он вступает в мой дом.
Мне Освенцима видятся черные дымы,
Стоны черных ветров слышу я за окном.
Потому что земля – общий дом всех живущих.
О земля, отчий дом!

Я помню, как детей беда военная
Гнала, в крови, средь выжженных путей.
Мне кажется: рыдает вся Вселенная,
Когда я слышу плачущих детей.

(Перевод С. Липкина)

В предисловии к трехтомнику К. Кулиева Чингиз Айтматов писал: «Время пронзительно отпечаталось в стихах Кайсына. Его знаки и символы – не отвлеченная условность, в них – боль и горечь, сострадание и нежность эпохи, человека, преодолевающего тернии на пути к звездам. А мужество поэта – что ж, оно свидетельство тому, что сердце, устремленное к добру, сильнее и тверже камня, ибо способно понять его «немую боль и, переживя невыносимое, оставаться добрым и ранимым – воистину человеческим. Да, поэзия Кайсына – документ эпохи. И в то же время – кардиограмма его сердца, чутко реагирующего на малейшие колебания в духовном мире современного человека. Его творчество еще раз убеждает, что писать надо не на тему современности, а современностью. Болью и кровью» [2].

Он был одним из великих гуманистов XX в. Нам и будущим поколениям предстоит познать и осмыслить в социально-философском плане глубину содержания поэзии Кайсына Кулиева. В его творчестве отражен весь ход развития балкарской художественной культуры. Этот человек внес огромный вклад в формирование менталитета балкарского народа. Все самое лучшее, что было накоплено за всю историю существования балкарского народа в его гено типе, было воплощено в Кулиеве. Он был и остается восходящей энергией духовной и нравственной культуры своего этноса. «О, безымянные поэты моей древней земли, простые и великие! – писал Кайсын Кулиев. – Я, знающий сегодня Данте и Шекспира, Пушкина и Мицкевича, удивленный и восхищенный, склоняю голову перед силой вашего таланта! Вы слагали свои песни, вися над пропастью, идя за деревянным плугом или ночью проезжая верхом через тесное ущелье, откуда едва виден синий клочок неба с крупными звездами. С тех пор прошли века, окутанные туманами, как горы в пасмурную ночь, и освещенные грозой. Но порывы вашей

души, ее мужество и доброта дошли и до меня, и я как бы коснулся их рукой, словно стали кинжала старинной работы, до сих пор не потерявшего остроты и блеска. Вы еще раз убедили меня в том, что прекрасно хорошо сделанное дело, какое чудо – талант! Милые и неподкупные кудесники, вы высоко несли знамя души своего народа, ни разу не уронив его, и оно поныне развевается над нами» [3].

Многие стихи и поэмы Кайсына Кулиева посвящены представителям народов бывшего Советского Союза и зарубежных стран. Для него не существовало национального различия, но вместе с тем Кайсын Кулиев остался сыном родной Кабардино-Балкарии.

В землях многих как друг я, скитаясь, был,
У чужих очагов грел руки свои.
Хоть многих поэтов земли полюбил,
Но сыном гор я остался, горы мои! [4]

Он глубоко изучал античную культуру и ее историю. Об этом свидетельствует тот факт, что из всех северокавказских поэтов в двадцатилетнем возрасте Кайсын Кулиев первым создает поэтический образ Прометея. Он часто обращался к именам великих музыкантов мира – Баху («Учись у Баха»), Бетховену («Бетховен»), Шопену («Играют Шопена»), легендам и мифам Древней Греции («Орфей», о Прометее и т. д.). О них возвышенно, с чувством преклонения и глубокого восхищения писал Кайсын стихи, которые известны всему миру.

У наших народов есть великие нравственные ориентиры – Кязим Мечиев, Бекмурза Пачев, Кайсын Кулиев, Али Шогенцуков, Керим Отаров, Бетал Куашев. Кайсын Кулиев поднял на небосклон поэзию Кязима Мечиева, своего учителя, и тем самым возвысил духовные ценности балкарского народа, которые никто и никогда до такой степени не поднимал. Разве этим Кайсын Шуваевич уронил свой авторитет? Нет! В этом заключается высокая культура и порядочность, величие его как человека и поэта. Без Кайсына Кулиева мы потеряли бы Кязима Мечиева и современная цивилизация не знала бы гуманистическую сущность его поэзии. Такой поступок является нравственным возвышением в глазах народа. Это

воплощение культуры. Это урок для всей творческой и научной интеллигенции. В предисловии к сборнику К. Мечиева «Огонь очага» К. Кулиев писал: «Он был выдающейся личностью, вобравшей в себя самые сокровенные качества человека-труженика. Он, кроме всего, обладал глазами... в которых горел огонь вечной поэзии. В этих глазах клубились столетия, их мудрость и муки, их радость и боль. Эти глаза смотрели на вас как сквозь века, они были глазами народа» [5].

Башкирский поэт Назар Наджми писал Кайсыну Кулиеву: «В Ялте мне рассказывали, как ты, находясь в издательстве «Художественная литература» и узнав о том, что ты включен в томик поэтов единственным из балкарцев, спросил: «Почему я один, а где Кязим Мечиев?» А как некоторым этого благородства не хватает! Спасибо тебе за это!» [6].

В 1939 году на конференции Союза писателей Кабардино-Балкарии Кайсын Кулиев сделал доклад о проблемах развития балкарской поэзии. Его выступление все слушали очень внимательно, потому что всех поразили выводы, к которым пришел молодой поэт. На этой конференции присутствовали: гость из Москвы – известный писатель-прозаик Юрий Либединский, Кязим Мечиев и Ибрагим Маммеев, будущий заслуженный артист КБР. В этот день его и Кязима Мечиева приняли в члены Союза писателей СССР. Вспоминая об этом, Ибрагим Маммеев говорит: «Несмотря на то что Кайсын Кулиев был очень молодым, глубина мысли, цели и задачи поэзии были четко определены. Я считаю, что после его доклада балкарская поэзия в своем развитии получила новое направление: она должна отражать реальную жизнь, глубоко выражать гуманистическую сущность человеческого бытия, любовь к родному краю и его людям. Действительно, Кайсын Кулиев раскрыл смысл подлинной поэзии и дал толчок новому направлению в развитии всей балкарской литературы. Благодаря ему многие балкарские поэты поняли, что прошел период призывов и лозунгов в художественной литературе. Мы все были убеждены, что наступила новая пора осмыслить назначение истинной поэзии».

Кайсын Кулиев приложил немало усилий, чтобы имя Кязима Мечиева – основоположника балкарской поэзии –

не было забыто. Он добился через обком партии, чтобы в связи со 100-летием со дня рождения К. Мечиева был проведен торжественный вечер в Нальчике и юбилейные мероприятия в республике. 9 октября 1959 года К. Кулиев выступил с эмоциональным докладом о Кязиме на торжественном собрании в зале заседаний Дома Советов.

В докладе «Свет народной души» Кайсын Шуваевич говорил: «Он умер на чужбине. Горный орел не может жить без гор, как рыба без воды, и он угас. Он умер далеко от родных ущелий. Его могилу должны были бы омыwać дожди родной земли, засыпать ее снега, над ней должны были бы проходить облака, идущие от Эльбруса к Казбеку, и с клетком пролетать орлы, будто читая в полете его поэмы» [7]. Для многих из присутствующих имя мудреца, народного ашуга было почти неизвестно, а многим совсем не знакомо. Своим докладом Кайсын Кулиев открыл для всех Кязима. Он широко осветил заслуги основоположника балкарской литературы и гуманистический смысл поэзии К. Мечиева. После такого обстоятельного доклада Кулиева люди по-другому взглянули на этого мудреца, стали читать книги этого выдающегося поэта. После доклада К. Кулиева творчество Мечиева стало достоянием миллионов читателей СССР. В этом великая заслуга Кулиева. «Я лично благодарен Кайсыну, — сказал Ибрагим Маммеев, — ведь он мне подсказал идею, чтобы я написал на основе поэзии Кязима Мечиева пьесу «Раненый тур», которая вот уже более тридцати лет не сходит со сцены балкарского театра».

С именем Кайсына Кулиева связано то, что у балкарского народа возникла подлинно художественная литература, включая поэзию, драматургию, связано появление настоящего театра с профессиональными актерами. Он оставил громадный след в духовной жизни балкарского народа. Именно Кайсын Кулиев расширил диапазон мышления творческого и духовного потенциала своего народа. Он поднял на небывалый уровень его культуру. Благодаря его поэзии балкарский народ стал известен всему миру, а уникальный этнокультурный феномен Кулиева вошел в систему ценностей мировой цивилизации как неотъемлемая часть общечеловеческой культуры. Этот гигантский взлет духовного творчества Кайсына

Шуваевича Кулиева нередко именуется «раскрытием Кулиевского таланта».

В этом заключается выдающаяся заслуга Кайсына Кулиева перед своим народом. Он своей творческой деятельностью доказал, что и малые звезды освещают небосклон, что и этнически малочисленные народы обогащают мировую культуру.

В годы Великой Отечественной войны стихи Кайсына Шуваевича Кулиева получили всесоюзное признание. Так, в 1942 году стихотворение «Всегда гордился тем, что горец я!» московское радио передавало в сообщениях Совинформбюро на 14 языках Европы. Как призыв к мужеству и отваге звучали в те дни слова Кайсына Кулиева, воспевавшего величие Кавказа и его свободолюбивые народы:

Как жить мне без тебя, седой Казбек,
Без узких горных троп страны родной,
Без милых сердцу скал и бурных рек?
Как позабыть Баксан и Терек мой?

Орлы Кавказа, с кем дружить без вас?
Родные пляски, как прожить без вас?
Друзья мои! Кому служить без вас
И голову за что сложить без вас?

Чем родину предать врага мечу
И на коленях жить, уж лучше я,
В сражение за тебя упав, хочу
Спать на груди твоей, земля моя» [8].

(Перевод Д. Кедрина)

В 1942 году в Москве Союз писателей устроил творческий вечер К. Кулиева. На нем присутствовали Александр Фадеев, Борис Пастернак, Самед Вургун, Перец Маркиш, Мамед Рагим, Дмитрий Кедрин и другие. В эти дни Кайсын Шуваевич много раз выступал по заданию Военной Комиссии Союза писателей СССР по центральному радио, на заводах и фабриках Москвы. По словам критика Сергея Иванова, «поэзия Кайсына становилась выражением патриотических чувств и настроений всего сражающегося народа». Статья была написана для печати 25 декабря 1942 года.

Елена Дмитриевна Стасова называла Кулиева «огненным сердцем Кавказа, ярким представителем мужественных горцев, огромным талантом, в котором есть доброта и сила» [9]. В 1943 году сборник стихов Кайсына Кулиева был выдвинут на соискание Сталинской премии. Тогда ему было всего 26 лет. В связи с депортацией балкарского народа в 1944 году К. Кулиеву не дали премию.

Удивительная твердость характера, непоколебимая вера в себя, в свои поэтические идеалы помогли Кайсыну Кулиеву выдержать и устоять при жестоком комендантском режиме в период ссылки в Среднюю Азию. В условиях политического геноцида в изолированном пространстве поэт находился вне системы координат, можно сказать в «торричеллиевой пустоте». Но, несмотря на все это, он не поддавался пессимизму, работал упорно и много, черпая силы в своем могучем таланте. Известный немецкий философ и психоаналитик Эрих Фромм писал: «Немногие могут выдержать одиночество и говорить истину, не боясь лишиться связи с другими лицами. Это истинные герои человечества». К. Кулиев говорил: «Я был исключен в 1949 году из Союза писателей СССР, даже не имел права печатать свои произведения ни на одном языке». Здесь следует особо подчеркнуть, что его поразительная стойкость, способность не впадать в отчаяние в невыносимых условиях изоляции от общественной, политической и культурной жизни страны, изоляции, унижающей и оскорбляющей национальную честь и человеческое достоинство, его безграничная вера в жизнь и оптимизм заслуживают глубочайшего уважения.

Несмотря на все эти трудности, поэт реализовал свою творческую мощь в пространстве и во времени, где бы он ни жил. Прав Родион Щедрин, сказавший, что настоящий талант пробьется в любом случае. Будет тоталитаризм или фашизм, все равно гений — это термоядерная мощь, которая пробьет все [10]. Английский философ Ф. Бэкон писал, что время есть величайший из новаторов. Время подтвердило высказывание мыслителя. Белинский говорил, что гении не теряются. Таланты могут затеряться, а гении нет.

Когда бы горцам, молодым и старым,
Уменья верить не было дано,

Нас ветром, как труху гнилой чинары,
С чужой землей смешало бы давно.

Когда лишились хлеба мы и песни,
Когда мы скалы на плечах несли,
Нас тяжесть горя подавила б, если
Нам солнце не мерецилось вдали [11].

(Перевод Н. Гребнева)

Поэт анализировал огромный духовный пласт Востока и Запада. Кайсын Кулиев очень интересовался историей и культурой народов Средней Азии и не раз говорил, что среднеазиатские народы, особенно таджики и узбеки, внесли значительный вклад в мировую науку, литературу, философию; ведь достаточно вспомнить Аль-Фараби, Авиценну, Омара Хайяма, Рудаки, Бабура, Алишера Навои, Улугбека и многих других. В стихотворении «Говорю Омару Хайяму» Кайсын писал:

Соединилась боль моя, Омар Хайям, с твоей,
Через века твоя река с моей слилась рекой,
И для меня свята земля и все, что есть на ней, —
Вино и хлеб, и плеск воды, и гомон городской [12].

(Перевод Я. Акима)

Молодой тридцатилетний поэт плодотворно трудился в творческом союзе литераторов Киргизии: сначала заместителем ответственного секретаря Союза писателей республики, а затем председателем русской секции писателей. В 1947 году Кайсын Шуваевич начал писать поэмы «Огонь» и «Завещание», которые закончил после возвращения на родину. «Завещание» К. Кулиев относил к лучшим своим вещам. Впервые тема депортации народов Северного Кавказа была затронута именно в этой поэме, и ее долго не переводили на русский язык. Она находилась как бы под запретом и лишь только в 1990 году, после смерти поэта, была переведена на русский язык Семеном Липкиным и впервые опубликована в газете «Кабардино-Балкарская правда».

Многие горькие строки поэмы Кайсын Кулиев посвятил тем, кто погиб безвременно, по пути в ссылку, кто умер от голода, холода, эпидемии, морального унижения

и оскорбления национального достоинства, комендантского режима на чужбине.

Словами, как двуострые мечи,
Как расскажу о глубине страдания?
И не нашлось и савана в ночи
Для тех, кто умер в горький час изгнания.

* * *

Балкарским детям не забыть вовек
Холодные и смрадные вагоны
И мартовский – в слезах кровавых – снег [13].

(Перевод С. Липкина)

Поэма «Завещание» – это гимн тем моим землякам, кто остался без могил вдоль железнодорожного полотна, когда везли нас по дорогам ада, и тем, что в Кызылкумах и Каракумах искал дорогу обратно на родину, блуждал без ориентира в необъятном пространстве пустынь и, когда поднимался самум, был погребен под песком Средней Азии и Казахстана. В результате чудовищного изгнания из отчего края исчезли целые балкарские роды, выпав из генеалогии человеческой истории. Поэма «Завещание» является памятником несломленной духовной крепости балкарского народа и осуждением жестокости, навечно оставшейся в историческом сознании репрессированных народов.

После возвращения Кайсына Кулиева из Киргизии на родину, в свою этническую колыбель, окрыленный высоким чувством любви к родной земле, всесторонне раскрылся выдающийся талант Кайсына Кулиева.

В стихотворении «Старым горским мастерам» поэт писал:

Вы ютились над крутизной,
Властелины страны богатой,
Глину с камнем земли родной
Почитавшие выше злата.

Не вставая весь век с колен,
Вы построили здесь твердыни,
Камень созданных вами стен
Да прославит ваш труд и ныне.

Вы ровняли вершины скал,
Обживали такие кручи,
Где до вас никто не бывал,
Разве только орлы и тучи.

.

Враг селенья сжигал дотла,
Где вы строили, где вы жили,
Ваша кровь по камням текла,
Отливалась гранитной пылью.

.

Пусть же святые будут в веках
Для балкарцев всех поколений
Кровь мозолей на ваших руках.
И заплате на ваших коленях.

Я – ваш внук, который рожден,
В старом доме, созданном вами,
Пуповиной соединен
С этим краем, с его камнями.

В тех местах, где и тропок нет,
Вы о камне сбивали ноги,
Чтоб я шел через сотни лет
По проложенной вами дороге.

.

Все мы камни скалы одной,
Все мы глина земли родной,
Части дерева одного,
Я лишь ветка – вы корни его [14].

(Перевод Н. Гребнева)

В этом стихотворении поэт выразил не только душевное состояние, но и свою этническую принадлежность родной земле.

К. Кулиев чувствовал небывалое творческое вдохновение, когда видел горы Балкарии в розовом снегу, в утренних солнечных лучах. Он мог долго стоять, слушать симфонию шума Чегемских водопадов, смотреть на орла, парящего в теснине, вдыхать запах родной земли, ее трав, восхищаться своеобразной, неповторимой красотой ущелья, по которому поэт всегда тосковал, будучи на чужбине.

С. Цвейг определял вдохновение как пламенное состояние души, как пламенную стихию. Он сказал, что вдохновение – это пламя, упавшее с неба, возгорающееся от молнии. Действительно, в родном краю Космос и Природа способствуют возникновению в поэтических натурах богатого воображения и особого художественного мировосприятия.

С 1957-го по 1985 год Кайсын Шуваевич опубликовал более 60 книг и сотни статей в центральных и местных журналах и газетах. В эти годы Кайсын Кулиев вошел в мировую художественную культуру как один из выдающихся поэтов-гуманистов. Его цитировали в своих выступлениях крупные общественно-политические деятели. О нем писали известные литераторы страны, такие, как Александр Фадеев, Дмитрий Кедрин, Борис Пастернак, Николай Тихонов, Константин Симонов, Александр Твардовский, Михаил Дудин, Чингиз Айтматов, Мустай Карим, Алим Кешоков, Расул Гамзатов, Ираклий Андроников, Адам Шогенцуков, исследователи Нафи Джусойты, Левон Мкртчян, Станислав Рассадин, Нина Байрамукова, Тамара Эфендиева, Зейтун Толгуров, Фатима Урусбиева, Светлана Башиева, Зухра Кучукова и многие другие. По творчеству Кайсына Шуваевича защищены докторская и четыре кандидатские диссертации. Так, Нина Байрамукова, Светлана Башиева, Зухра Кучукова защитили кандидатские диссертации, а Тамара Эфендиева – докторскую диссертацию. В 1997 году 14 марта на Ученом совете Азербайджанского государственного университета Ада Намазова защитила кандидатскую диссертацию по философии на тему: «Вопросы этики в творчестве Кайсына Кулиева».

О его поэзии писали известные писатели, поэты и литературоведы Европы, Америки и Азии, такие, как французский писатель Робер Мерль, Марта Вебер из Германии, Николай Христов из Болгарии, Альберт Расмусен из США, Антал Гидаш из Венгрии, Вацлав Йелинек из Чехословакии, Витольд Домбровский из Польши, Латауверс из Голландии, пакистанский поэт Фаиз Ахмад Фаиз и другие.

Кайсын Кулиев не был простым наблюдателем жизни, а был активным участником бытия. Он всегда открыто говорил и поднимал свой голос как личность. Поэт

до конца своей жизни находился в гуще общественно-политической и культурной жизни страны. Кайсын Кулиев долгое время был депутатом Верховного Совета СССР и КБАССР, входил в Советский комитет защиты мира, работал секретарем Союза писателей РСФСР. Он принимал активное участие во многих общественно-культурных мероприятиях, которые проходили в нашей стране и за рубежом. В своих выступлениях на международных конгрессах и конференциях солидарности стран Азии и Африки, на симпозиумах, съездах писателей СССР, РСФСР и других союзных и автономных республик, литературных декадах К. Кулиев подчеркивал новизну и актуальность современной поэзии. Он говорил: «Даже землю пахали не во все времена одинаково, изобретались новые способы и орудия. Так же строились и жилища. Может быть, не меняется только сияние звезд над полем и лунный свет, лежащий на крыши наших домов. Для того, чтобы понять это, не надо быть большим философом. Традиции и новаторство тоже, разумеется, бывают разные. И отношение к ним должно быть умным [15].

Выступая на VII Конгрессе писателей в Берлине 18 октября 1973 года, Кайсын Кулиев говорил о том, что художник, не поняв языка родной земли, не может понять другого, он подходит, если позволяет степень дарования, к человечеству только через образы отчей земли, своего очага, через опыт родного народа. Гениальность К. Кулиева — это синтез мысли и образа.

Глубина философской мысли, интеллектуальность, гениальная простота изложения, сила убедительности, умение проникать в человеческую душу и искренне ее раскрывать — вот те детерминанты, которые сделали известной всему миру поэзию Кайсына Кулиева. А. Тарковский писал, что творчество К. Кулиева получило не только всесоюзное признание, но и мировое. Кайсын Кулиев — поэт небольшого народа, вышедший на общечеловеческое поприще поэзии, — стал поэтом всего мира. Интересы всего человечества, многих народов выразил поэт своим творчеством. Действительно, Кулиева всегда волновали те же проблемы, что и людей всего мира, и он подходил к ним с гуманистических позиций, отстаивая права личности и воспевая ее. Возможно, поэтому, когда Индире Ганди понадобились весомые слова, чтобы сказать о необходимо-

сти сохранения мира на Земле, она процитировала слова балкарского поэта: «Каждая пуля на войне попадает в сердце матери».

Величие и мудрость Кайсына Кулиева как поэта-мыслителя следует подчеркнуть и тем, что он многие свои стихи посвятил женам погибших и ушедших из жизни поэтов. Это, например, стихи, посвященные Марике Чиковани, Амине Залиловой (жене Мусы Джалиля), Зульфие (жене Хамида Алимжана). В них Кайсын Кулиев показал безграничную любовь, духовную и нравственную чистоту женщин различных национальностей. Как верно подметил врач из Дагестана М. Абдулхабиров, когда он писал в 1987 году: «...кайсыновские стихи, посвященные вдовам поэтов, звучат как звон колоколов в нашем хрупком и тревожном мире. Но они еще и гимн женской верности, ибо верность нужна мужчинам не только при жизни, но и после смерти. Она нужна, чтобы пережить горе и прожить годы без самого близкого человека». Замечательные слова М. Абдулхабирова с полным правом можно отнести и к Зульфие, и к Амине Залиловой.

Развитие и реализация гигантского потенциала культуры любого народа возможны только в условиях преодоления изолированности ее от мирового художественного процесса. Кайсын Кулиев знал мировую культуру и обладал широким диапазоном мышления, пропускал через свое сердце тревогу и боль людей. Боль каждого человека он воспринимал как свою собственную. Отзывчивость — это основная черта Кулиева-гуманиста. На гибель первого космонавта Юрия Гагарина он написал статью «Плачут горы». Настроение всенародной скорби Кайсын Шуваевич выразил глубоко символично: «Горы скорбят, как люди, и нельзя измерить глубину их горя».

К. Кулиев был буквально потрясен, когда услышал весть о злодейском убийстве главы правительства Индии Индиры Ганди, которую он лично знал, беседовал с ней во время пребывания советской делегации в Индии. В форме плача, народного причитания, балкарский поэт решил обратиться к природе, так как она самая надежная опора в беде, постигшей людей.

Стихотворение «Жизнь на земле не убить», посвящен-

ное памяти Индиры Ганди, было опубликовано в 1985 году, еще при жизни поэта. В нем Кайсын Шуваевич писал:

Горы мои Кавказские, чей чистый свет прославляем,
Горы, дарящие радость всем людям, всем детям земли!
Горы, оденьтесь в траур, оборотясь к Гималаям, –
Оттуда горькие вести для мира всего пришли [16].

(Перевод Л. Шерешевского)

Лейтмотив всего его творчества – гуманизм, любовь ко всему живому. Ибо его поэзия как бы высечена из много видевшего горного камня, она отражает Свет, Добро, Человечность, Мужество, служит неисчерпаемым источником совершенства, способствующим духовно-нравственному возвышению и национальному возрождению.

В процессе дальнейшего развития общественных отношений между различными странами и глубокого социально-философского осмысления мировой культуры всемерно будет возрастать значение поэзии Кайсына Кулиева, так как XXI в. должен быть веком гуманизма. Об этом пишет переводчик его стихов на болгарский язык Николай Христов: «...Кайсын Кулиев – сын своего времени. Века, долго не думая, оставил ему право говорить от имени Человека. Может быть, этим объясняется чувство планетарности поэзии Кайсына Кулиева. Потому что и слово «человечество» не имеет множественного числа» [17]. Преподаватель русского языка в женской гимназии американец А. А. Расмусен говорил: «Ваши мысли о человечестве очень важны для всех народов. Ваша «женщина, которая купается в реке», не зная зла и смерти, вьюги и зимы, тюрьмы и сумы, должна познакомиться со всеми людьми всех стран. Вы действительно открываете свое сердце человеческому горю. К сожалению, в нашем мире есть много горя. Нам надо слушать Вас, доброго поэта нашего времени» [18]. А читательница из города Уфы Л. Н. Павлова писала, что, читая стихи Кулиева, хочется думать, хочется плакать. «Даже камень под ногой и то хочется благословить после чтения Ваших стихов. Хочется быть лучше, добрее – вот какие чувства возникают от Ваших слов. Так писать может человек, у которого добрая душа, который сам любит жизнь» [19].

Врач из Курска, Бичель, говорил, что стихи Кайсына Кулиева покоряют искренностью, естественностью, задушевностью, простотой мудрости, что они написаны с любовью к людям, ко всему прекрасному в природе и человеке, что «в каждом Вашем стихотворении, — обращается он к Кайсыну Шуваевичу, — есть кусочек Вашей души и сердца».

Я людям дарил на доброй земле
И песни, и сердце свое, —

писал поэт.

Кайсын Кулиев как великий гуманист и мыслитель высоко ценил дружбу со всеми народами и говорил о невозможности жизни человека без взаимопонимания и взаимной поддержки. В этом отношении он был посланцем мира, носителем идеи гуманизма, дружбы и братства между народами. Кайсын Шуваевич достойно представлял культуру народов нашей страны за рубежом, всегда выступал с общечеловеческими проблемами и подчеркивал целостность исторического человечества. Для поэта человечество — это великая симфония, где представлены все народы мира.

В 80-е годы, анализируя свой пройденный жизненный путь, Кайсын Кулиев пришел к глубокому философскому выводу и заявил, что человек не одинок в этом мире.

Что я без вас, мои братья, один?
Что друг без друга мы?
Дом мой без вас — ледянее льдин,
Небо чернее тьмы.

Без вас, как былинка, я слаб и мал,
Без вас — навек одинок.
А с вами — я крепче чегемских скал,
Как вечный Эльбрус высок.

Кайсын Кулиев — это сконцентрированная энергия в духовной жизни балкарского народа. Мощные импульсы его поэзии несут свет доброты и надежды. По своему складу мышления и опоре на общечеловеческие духовные и нравственные ценности К. Кулиев принадлежит

всем народам. В этом заключается гуманизм Кулиева и величие его как человека и поэта, который так прекрасно воспел жизнь и родную землю.

На торжественном заседании, посвященном 70-летию Кайсына Кулиева, Алим Кешоков сказал: «Он был для меня честью и совестью. Он высоко ценил дружбу, всегда был открытым и справедливым и никогда не кривил душой. Когда партийные руководители республики стали меня чернить и хотели оклеветать мой роман «Сломанная подкова», то Кайсын во время обсуждения моей книги встал горой в защиту романа, меня и моего творчества. Они пытались лбом прошибить стену, лишь бы снизить достоинства моего романа, единственный Кайсын дал им, нашим партийным идеологам, понять, что культура и искусство не создаются по указаниям сверху и криками. Против меня в те годы была организована настоящая травля. Кулиев всегда был мужественным человеком и не боялся сказать правду. Сейчас мне бы хотелось отметить еще один его мужественный поступок. Когда был выслан его народ в Среднюю Азию и ему предлагали остаться жить в любом городе за исключением Москвы и Ленинграда, то он сказал: «Я пойду по дорогам моего униженного и оскорбленного народа». Наша с ним дружба всегда была искренней и настоящей. Мы часто с ним вспоминали, как вместе сражались на фронтах и как я спасал его, раненного на Сиваше. Оба мы уроженцы Чегемского ущелья, и я не преувеличу, когда скажу, что его поэзия останется бессмертной, а его имя сохранится на века в социальной памяти народов» [20].

2 сентября 1975 года К. Кулиеву писал из Москвы полковник в отставке Роллан Сейсенбаев: «Салам алейкум, Кайсыга-ага! Вашу книгу «Так растет и дерево» купил вечером, сейчас только пробивается дымное московское утро. Закрыв последнюю страницу и долго сидел молча. Так неожиданно пришла мысль написать Вам. Написать слова благодарности от имени молодежи, от тех, кто только начал свой путь в литературе. Не только благодарность, а чувство преклонения перед Вашим талантом и человеческой мудростью.

Не помню, чтобы кто-нибудь из братских литератур (не имею в виду литераторов и критиков) написал книгу такого характера. Это не «заметки». Я их понимаю как

взволнованный и честный рассказ о людях, чья судьба и талант достойны самого божественного восторга и удивления.

Ваши эссе о Пушкине, Лермонтове, Твардовском, Са-рьяне и других – это целая школа понимания и усвоения гениев.

«Страницы автобиографии» потрясли меня там, где Ваша семья подъезжала к Нальчику после одиннадцатилетней разлуки. Вы, обняв сына, сказали: «Вот она, наша родная земля, земля отцов». А у самого щеки были мокрые от слез... Какими извилистыми тропами шли Вы, сколько бед и несчастий натерпелись Вы и Ваше поколение. Об этом мы редко задумываемся и не сразу понимаем слова: «Не ради забавы слагаю я стих...» Или же: «Мир – это горькое море, чьи только в нем не тонули корабли». Спасибо Вам и за Кязима Мечиева. Я добуду все его вещи, которые есть в Москве. Спасибо, Ага, за книгу, за Ваш мудрый совет и наставления. «Так растет и дерево» будет для меня самым дорогим подарком от Вас, от Ваших гор и народа... Вы блестяще написали книгу «Так растет и дерево»... Обнимаю Вас, радуюсь за Вас. Горжусь!

С уважением *Роллан Сейсенбаев*, бывший половец, казах в настоящем» [21].

Поэзия К. Кулиева стала достоянием мировой цивилизации. В этом большая заслуга его переводчиков Д. Кедрина, Н. Гребнева, С. Липкина, Л. Шерешевского, О. Чухонцева, Д. Долинского, Я. Козловского, Ю. Нейман, Д. Голубкова, Я. Акима, Я. Хелемского. На стихи и поэмы Кайсына Кулиева созданы песни, романсы, оратории, баллады Э. Колмановским, Г. Свиридовым, Р. Щедриным, Х. Кардановым, М. Жеттеевым, А. Байчекуевым, Н. Пахомовым, А. Рахаетовым, Я. Френкелем, И. Шериевой, М. Османовым, Т. Блаевой, Дж. Хаупой, В. Моловым, Ю. Мейтусом, А. Дауровым, А. Казановым, А. Шахгалдяном и многими другими.

Книги Кайсына Кулиева изданы на 80 языках народов России, СНГ и на 40 языках дальнего зарубежья. Особенно популярна поэзия К. Кулиева в Испании. Сейчас в испаноговорящем мире насчитывается более 250 миллионов человек, которые живут в Испании, Латинской Америке, на Филиппинах и в Африке. Перевели стихи

К. Кулиева на английский язык – О. Штарце, на болгарский – Николай Христов, на венгерский – Антал Гидаш, на польский – Витольд Домбровский, на чешский – Вацлав Йелинек и Мечислав Кргоун, на немецкий – Марта Вебер, Вильгельм Гирнус, на голландский – Латауверс, на арабский – Муин Бсису, на колумбийский – Энрике Сендойя, на кубинский – Луис Суарднас, на турецкий язык – Каншаубий Мизиев.

Кайсын Кулиев издавался во многих городах Европы, Азии, Африки, Америки. Это свидетельство общепризнанной значимости его произведений в духовной жизни людей многих стран мира. Балкарская поэзия в лице великого поэта К. Кулиева, завоевывая географические пространства континентов, накапливает художественный потенциал и силу эстетического воздействия на людей различных стран мира.

Кайсын Кулиев радовался молодой поэтической поросли, которая входила в литературу. Он бескорыстно, честно помогал начинающим поэтам, поддерживал их. Кайсын высоко ценил поэтические дарования Зубера Тхагазитова, Ибрагима Бабаева. Многим молодым поэтам К. Кулиев дал путевку в жизнь. Одним из них является народный поэт Карачаево-Черкесии Назир Хубиев. В 1956 году двадцатилетний парень обратился к Кулиеву с просьбой послушать его стихи, которые были опубликованы в Соколукской районной газете «Ленинский путь». Кайсын Шуваевич увидел поэтический дар в начинающем поэте. Вот что писал Кайсын Кулиев на сборнике стихов «Знамя нашей жизни»: «Моему дорогому брату Назиру Хубиеву с пожеланием, чтобы ты стал одним из тех, кто не даст остынуть очагу нашего языка и литературы. 25 мая 1956 г. *Кайсын Кулиев*».

Н. Хубиев считает Кулиева своим первым учителем и наставником в поэзии, особенно в то время, когда он в течение двух лет был членом литературного объединения при Союзе писателей Киргизии, где встречался с Кайсыном Шуваевичем. Сейчас Назир Хубиев является автором 15 книг.

Кайсын Кулиев – это одна из вершин мировой литературы. Он всегда отличался чувством искреннего уважения к другим народам и их культурам, восхищался творениями безымянных мастеров зарубежных стран, уст-

ным народным творчеством среднеазиатских республик, поэтическими сокровищами древней и современной культуры Грузии, Армении, Азербайджана, знал богатейшие национальные особенности украинской, белорусской, молдавской, латвийской, литовской и эстонской культур и преклонялся перед ними. Обращаясь к молодым литераторам, в 1972 году он говорил: «Опыт поэзии и искусства велик и драгоценен. Только бы уметь пользоваться им. Мы должны стараться держать равнение на лучших, учась на примере и опыте, опираясь на них, как на могучие деревья, у которых сильные и глубокие корни. Только так можно двигаться вперед, приобрести все необходимое, стать мастером. Так приходят к зрелости, самостоятельности, новизне и открытиям» [22].

Кайсын Кулиев внес большой вклад в развитие киргизской литературы. Он более 10 лет занимался переводами как поэтических, так и прозаических произведений киргизских писателей и поэтов на русский язык. Переводческую деятельность Кайсына Кулиева Союз писателей Киргизии высоко оценивал. Так, в 1967 году, когда отмечали 50-летие Кайсына Кулиева, киргизские литераторы писали: «Дорогой Кайсын! Твой вклад в киргизскую литературу, который ты внес, мы и весь киргизский народ никогда не забудем. Благодаря твоим переводам с киргизского языка на русский язык произведения киргизских писателей стали известными не только в Советском Союзе, но и в других странах. Киргизия для тебя стала второй родиной. Написанные тобой стихи о нашей республике знает каждый киргиз, рожденный у подножия Ала-Тооуа, который ты так горячо любишь. Мы знаем, что для тебя Ала-Тооуа, Сусамыр, озеро Иссык-Куль так же дороги, как твой родной Чегем, Эльбрус, Казбек и Ушба. Дорогой Кайсын Шуваевич, каждый киргиз тебя считает кровным братом, бесконечно любит. Твои книги являются украшением их библиотек. Твои книги служат нам духовной опорой, так как в них заключена нравственная ценность.

Кайсын-Агай, киргизы никогда не забудут те годы, в которые мы работали вместе» [23].

Киргизский народ увековечил память Кайсына Кулиева, назвав одну из центральных улиц города Бишкека именем поэта. Кулиев считал себя сыном двух брат-

ских народов — балкарского и киргизского. Он в равной степени любил древнюю землю Манаса и свою этническую колыбель — Кабардино-Балкарию. В стихотворении «Киргизия» поэт писал:

Твоя трава служила мне постелью.
Я воду пил, ел хлеб в твоём краю.
В похожих на балкарские ущелья
Оставил боль и молодость свою.

Пусть годы протекли, но знай, я помню
Цвет твоего песка, твоих дождей.
На родине сейчас твой край я помню,
Как помнил край свой на земле твоей.

Ты мне давала сладкий ломоть хлеба,
Ты мне надеждой озаряла сны.
И знал я, что у гор твоих и неба
Передо мною не было вины.

И сквозь отверстие юрты, ночью поздней,
Я видел, как по небу, далеки,
К горам кавказским уплывали звезды,
Неся с собою часть моей тоски.

Киргизия, ты сделала немало,
Ты мне дала в друзья певцов своих.
Они мне жали руки, и сверкала
Слеза не у меня в глазах — у них.

Так пусть же пережитое мной горе
Твоих сынов не тронет никогда.
Пусть хлеб твой никогда не будет горек,
Не будет пусть горька твоя вода [24].

В условиях крушения нравственных устоев в современной России гуманистическая идея имеет исключительно важное значение для возрождения народного духа и выражения коллективистского менталитета. И наследие К. Кулиева в это время имеет для нас непреходящее значение.

У могилы своего друга в Чегеме I, проливая слезы, Алим Кешоков говорил: «Человек, которого мы сегодня хороним, составляет гордость и славу народа, породившего и вскормившего его, поэтому в трауре не только род-

ные и близкие, друзья и братья Кайсына Кулиева по перу... В свое время великий Горький сказал, что талант не зависит от количества населения. Удивительным подтверждением тому является Кайсын Кулиев, чья взволнованная, полная жизнеутверждения поэзия ярким, негасимым лучом ложится в полосу света, освещающую эпоху ожесточенных схваток и созидательного труда, зарождения расцвета нашей культуры, глубокого художественного мышления.

Все произведения, созданные поэтом, — это есть единая, цельная, изумительная книга, которая называется «Кайсын Кулиев», это есть возвышенное и вечное творение, увенчанное славой поэта и окруженное вниманием и заботой благодарного народа...

Кайсын Кулиев оставляет в наследство потомкам нескончаемую, полную драматизма и глубоких мыслей, любви и преданности родной земле поэзию. И памятником ему будет бесконечная эта песня» [25].

В работе Кайсына Шуваевича «Так растет и дерево» гармонически сочетаются самобытность множества национальных культур. Он глубоко раскрыл диалектические взаимосвязи и взаимообусловленность национального и общечеловеческого в культуре. Мне представляется, что в контексте данной конференции, во время работы которой на секциях будут обсуждаться различные проблемы, заслуживает философского осмысления идея возрождения.

Здесь следует отметить, какова мера возрождения и что из прошлого достойно возрождения и не противоречит процессу развития культуры и нравственных ценностей каждого народа. Эти вопросы чрезвычайно актуальны для оценки российской действительности и социально-философского анализа общественной жизни и научного предвидения.

Нам предстоит большая работа в социально-философском осмыслении глубины и значимости планетарного характера поэзии Кайсына Кулиева, содержания в нем гуманистических идей. Его творчество имеет огромное значение для национального возрождения и в духовно-нравственном воспитании подрастающего поколения.

В деятельности и общей жизненной позиции Кайсына Кулиева мы имеем дело с особым культурным, духов-

ным и нравственным явлением, историческое, культурное значение которого еще не достаточно осмыслено и оценено. Вдумчивый социально-философский анализ этого феномена может оказаться достаточно полезным не только для ученых, но и для национального возрождения, формирования мировоззрения и духовно-нравственного облика у молодежи.

В книгах Кайсына Кулиева мы видим призыв обратиться к культурному достоянию человечества. Именно здесь обнаруживается глубинный гуманистический пафос и мировоззренческий смысл наследия великого поэта XX в. Кайсына Кулиева. «Гениальные люди, вечные благодетели человечества, имена которых и даже отчества никогда не будут преданы забвению» [26], – писал Жан Антуан Кондорсе.

Я думаю, что мы сегодня и в будущем должны усиленно и целенаправленно работать по следующим направлениям для всестороннего социально-философского осмысления творчества Кайсына Шуваевича Кулиева:

1. Кайсын Кулиев – этнический и духовный феномен балкарского народа.
2. Нравственно-этические проблемы.
3. Социальная память в поэмах К. Кулиева.
4. Космизм в поэзии Кайсына Кулиева.
5. Натурфилософские и пантеистические проблемы в поэзии К. Кулиева и понимание им живой и неживой природы.
6. Топонимические названия в поэзии К. Кулиева как один из факторов этнической памяти.
7. Проблемы ономастики в стихах К. Кулиева как отражение национально-специфического и общечеловеческого.
8. Нравственное осмысление понятия покаяния как один из важнейших факторов очищения совести в стихах К. Кулиева.
9. Кайсын Кулиев в социальной памяти народов России, СНГ и стран дальнего зарубежья.
10. Переписка К. Кулиева с отечественными и зарубежными деятелями литературы, искусства и науки.
11. Отношение к Кайсыну Кулиеву выдающихся деятелей культуры и науки XX в.

12. Культ природы и традиционно-религиозные верования в произведениях К. Кулиева.

13. Социально-философское осмысление К. Кулиевым проблем гуманизма, войны и мира.

14. О всеединстве природы, жизни и человеческого бытия в поэзии Кайсына Кулиева.

15. Этнокультурные традиции в поэзии К. Кулиева.

16. Мастерство языка Кайсына Кулиева (оригиналы и переводы).

17. Национальная идея и национальный оптимизм в поэзии К. Кулиева.

18. Национальные и общечеловеческие символы в поэзии К. Кулиева.

19. Художественно-эстетические искания К. Ш. Кулиева.

20. Человек и Вселенная в поэзии Кайсына Кулиева.

21. Русский язык в творчестве К. Кулиева.

22. Литературно-критическое наследие К. Кулиева.

23. Восток и Запад в творческом сознании Кайсына Кулиева.

24. Поэзия Кайсына Кулиева как феномен культуры балкарского народа.

25. К. Кулиев и музыка.

26. Природно-ландшафтные образы в поэзии К. Кулиева.

27. Социально-философское наследие Кайсына Кулиева в системе мировой культуры.

28. Национально-культурная специфика в поэзии К. Кулиева.

29. Фауна и флора в поэзии Кайсына Кулиева.

30. Поэзия Кайсына Кулиева в период депортации.

31. Роль литературно-критической деятельности К. Ш. Кулиева в формировании балкарской литературной критики.

32. Национальные имена в поэзии Кайсына Кулиева и их религиозно-историческое значение.

33. Военная публицистика Кайсына Кулиева (1941–1944).

34. Проблема метода, жанра, поэтики в творчестве Кайсына Кулиева.

35. Нравственно-философские и стилевые тенденции в лирике Кайсына Кулиева.

36. «Была зима» Кайсына Кулиева в контексте развития исторического романа балкарской прозы.
37. Художественная структура лирических и лиро-эпических поэм Кайсына Кулиева.
38. Художественное осмысление социально-философских проблем в лирике Кайсына Кулиева.
39. Эволюция художественной концепции личности женщины в поэзии Кайсына Кулиева.
40. Художественное осмысление традиций преемственности в поэзии Кайсына Кулиева. (Социально-философский анализ).
41. Нравственно-этическая проблематика и художественные изыскания Кайсына Кулиева в 60-х – начале 80-х годов.
42. Художественная концепция личности в поэзии и прозе Кайсына Кулиева.
43. Проблемы человеческого бытия в поэзии Кайсына Кулиева. (Социокультурологический анализ).
44. Общественно-политическая деятельность Кайсына Кулиева.
45. Социальный оптимизм в поэзии Кайсына Кулиева: онтологический аспект.
46. Жанровые искания Кайсына Кулиева в 50–60-е годы.
47. Изучение творчества Кайсына Кулиева в средней школе.
48. Кайсын Кулиев – поэт-лирик.
49. Роман Кайсына Кулиева «Была зима»: характер замысла в идейно-художественной концепции.
50. Роль Кайсына Кулиева в формировании и развитии детской балкарской литературы.
51. Книга Кайсына Кулиева «Так растет и дерево» и ее место в системе общечеловеческой культуры.
52. Гуманистические традиции Кязима Мечиева в творчестве Кайсына Кулиева.
53. Восточнотрадиционная и новаторская поэзия Кайсына Кулиева.
54. Письма Кайсына Кулиева как эпистолярное наследие.
55. Письма Кайсыну Кулиеву как источник осмысления его нравственно-этических и психолого-педагогических проблем.

56. Кайсын Кулиев как поэт и переводчик.
57. Пьеса Кайсына Кулиева «Есть на свете любовь» в контексте развития балкарской драматургии.
58. Национальная специфика поэзии Кайсына Кулиева в русских переводах.
59. Художественный мир Кайсына Кулиева и специфика послевоенной балкарской поэзии.
60. Пространство и время в поэзии Кайсына Кулиева.
61. Природа как символ в поэзии К. Кулиева.
62. Отражение этнокультурных особенностей в поэмах К. Кулиева «Чегем», «Половецкая луна», «Завещание».
63. Кайсын Кулиев как культурно-исторический феномен.
64. Проблема добра и зла в поэзии Кайсына Кулиева.
65. Национально-историческая тема в цикле стихов и поэмах Кайсына Кулиева.
66. Проблема вечности жизни в поэзии Кайсына Кулиева.
67. Творчество Кайсына Кулиева в русской критике.
68. Диалог культур в произведениях Кайсына Кулиева.
69. Социально-философское и историко-познавательное значение архива Кайсына Кулиева.
70. Личность поэта в архивных документах и воспоминаниях современников.
71. История и время в поэзии Кайсына Кулиева.
72. Этнографические особенности в поэмах Кайсына Кулиева.
73. Проблема патриотизма в произведениях Кайсына Кулиева.
74. Архив Кайсына Кулиева как отражение целой исторической эпохи.
75. Послания и посвящения Кайсыну Кулиеву.
76. Символы поэзии Кайсына Кулиева в среднеазиатский период.
77. Кайсын Кулиев и Алим Кешоков. (Основные мотивы и жанры военной лирики).
78. К. Кулиев и северокавказская художественная культура.
79. Кайсын Кулиев и карачаевская литература.
80. Основные мотивы творчества К. Ш. Кулиева периода Великой Отечественной войны.

81. Кайсын Кулиев в изобразительном искусстве, живописи и графике.

82. Культурно-историческое значение книги К. Кулиева «Так растет и дерево».

83. Кайсын Кулиев и армянская культура.

84. Поэзия К. Ш. Кулиева в контексте развития многонациональной художественной литературы России.

85. Кайсын Кулиев и его друзья-переводчики.

86. Кайсын Кулиев как драматург и театральный критик.

87. Поэзия Кайсына Кулиева – это отражение этнофилософии балкарского народа.

88. Письма однопольчан и их историко-познавательное значение.

89. Кайсын Кулиев как учитель для многих начинающих поэтов.

90. Письма учащихся школ союзных и автономных республик Советского Союза и их нравственно-воспитательное значение (по архивным материалам К. Кулиева).

91. Горы в поэзии Кайсына Кулиева как символы стойкости, мужества и духовной крепости балкарского народа.

92. Кайсын Кулиев и Расул Гамзатов. (Поэтическая дружба).

93. Письма-отклики на выступления К. Кулиева по радио и телевидению.

94. Песни на слова К. Ш. Кулиева, которые поют известные певцы России и СНГ.

95. Письма-пожелания многочисленных читателей Кайсыну Кулиеву – свидетельство глубокого уважения и всенародного признания его заслуг в области художественной культуры.

96. Кайсын Кулиев и Назар Наджми.

97. Кайсын Кулиев и писатели Дона.

98. Основные закономерности вхождения Кайсына Кулиева в систему мировой художественной культуры.

99. Письма-приглашения Кайсыну Кулиеву.

100. Кайсын Кулиев и этнический ренессанс духовной культуры балкарского народа.

101. Творчество Кайсына Кулиева в контексте культур Запада и Востока.

102. Литературно-историческое значение записных книжек К. Ш. Кулиева 1948–1954 годов.

103. Значение поэзии Кайсына Кулиева в культурно-историческом развитии балкарского народа.

104. Проблемы переживания в поэзии К. Кулиева.

105. Поэзия Кайсына Кулиева в аспекте истории развития художественной литературы России.

106. Эстетическое и художественное мышление Кайсына Кулиева.

107. Двуязычие в системе художественного творчества Кайсына Кулиева.

108. Кайсын Кулиев и Танзиля Зумакулова.

109. Лингвокультурный аспект в поэзии К. Ш. Кулиева.

110. Кайсын Кулиев и его время.

111. Классификация архивных документов К. Ш. Кулиева.

112. Кайсын Кулиев и Дмитрий Кедрин.

113. Образ тишины в поэзии Кайсына Кулиева.

114. Кайсын Кулиев и Польша.

115. Пейзаж в поэзии Кулиева.

116. Кайсын Кулиев и российская культура.

117. Кайсын Кулиев о Лермонтове.

118. География культуры К. Ш. Кулиева.

119. Культурно-географический образ в поэзии Кайсына Кулиева.

120. Кайсын Кулиев и лингвистическая география тюркского этноса.

121. Кайсын Кулиев и Нафи Джусойты.

122. Кайсын Кулиев и Назир Хубиев.

123. Творчество Кайсына Кулиева за рубежом.

Особо отмечу, что тема неисследованная область в литературоведении и культурологии. Эти проблемы необходимо глубоко исследовать в социально-философском аспекте для раскрытия общих закономерностей и специфических особенностей вхождения литературы малых народов в систему мировой цивилизации.

Можно только надеяться, что молодые ученые заинтересуются этими проблемами.

Но я не считаю, что эти проблемы полностью охватывают его многогранное творчество. Это только постановка вопросов для научного осмысления будущими кайсиноведами.

Без глубокой разработки вышеуказанных проблем и направлений невозможно социально-философское осмысление бессмертных творений поэта.

Следует сказать, что на сегодняшний день мы еще недостаточно представляем значимость и глубину поэзии Кайсына Кулиева. Нам всем надо по-новому осмыслить величие своего национального гения. Это наш научный гражданский и национальный долг перед его памятью, перед его современниками и особенно перед грядущими поколениями.

Пройдут многие века, и каждое поколение будет восхищаться великими творениями К. Кулиева, обращаться к его творчеству, чтобы глубже понять смысл жизни и человеческого бытия. В своей поэзии Кайсын Кулиев глубоко раскрыл диалектику взаимосвязи и взаимообусловленности всего живого и неживого как всеобщей гармонии Земли и Космоса. В его поэзии космогония — это необозримая бесконечность и неповторимая красота, которая существует для человека. Культ природы в понимании поэта — это божественное творение, рефлексия красоты гор, ущелий, шум водопадов, горение на небесах звезд, цветение весной чинары, пение птиц, полет орла, рев буйвола и ржание коня, созревание на полях пшеницы, на горных дорогах медлительность волов и мулов, обитание горного тура на альпийских лугах, даль степей и луна над рекой.

В поэзии Кулиева выражается гармония небесных сил, движущаяся мелодия и энергетическая форма слова. Кулиева можно считать основателем в северокавказской поэзии космизма.

Талант Кулиева выражает глобальные мировоззренческие проблемы, великие идеи человечества, которые принесли с собой Низами, Саади, Петрарка, Бетховен, Пушкин, Фейербах, Лермонтов, Шопен, Махтумкули, Лев Толстой, Гарсиа Лорка.

Благодаря его поэзии образ вековых скал Чегемского ущелья приобрел философский и поэтический смысл, став достоянием миллионов читателей, а балкарский народ через музу Кайсына Кулиева стал известен современной цивилизации. В письме китайскому другу Назым Хикмет писал, что «нет ни одного народа, который бы не внес своей национальной лепты в эту общую культуру. Каждый из них на протяжении своей истории дает что-то

важное и хорошее всему человечеству и объединяет его в единую семью доброжелательных друг к другу людей. В этом процессе неумирающие корни интернациональной дружбы» [27].

Мировидение Кайсына Кулиева как поэта-мыслителя носит вселенский характер. Он рассматривал мир как органическое целое и развивал целостность органического миропонимания. Ведь он воспел в своих стихах и поэмах все мироздание, любил и глубоко уважал все народы, живущие на земле, никогда не делил людей по национальным признакам, бесконечно дорожил дружбой и считал всех, кого знал и с кем общался, своими кровными братьями.

Где б ты ни жил – в горах ли, у моря,
Ты мне брат, коль тебе дорога
Вся земля, если святы все взгорья,
Все низины, луга и стога.
На каком бы ни пел ты наречии,
Все равно ты и брат мне, и друг,
Если ценишь ты труд человеческий,
Доброту человеческих рук [28].

(Перевод Н. Гребнева)

Ему писали письма со всех концов Советского Союза и из многих зарубежных стран и очень часто благодарили его за стихи, посвященные женщинам. Давид Кугультинов, выступая на юбилее – 60-летию Кайсына Кулиева в 1977 году, – рассказал: «Я недавно был в Японии. Меня просили передать привет международной солидарности поэту Кайсыну Кулиеву, автору стихотворения «Женщина купается в реке» от японских женщин. Они выразили надежду, что он по-прежнему пишет так же с необычайной целомудренностью и психологической тонкостью о красоте человеческих чувств, о материнстве и мире».

Плещется купальщица в воде,
Нету зла и смерти нет нигде.

В мире нет ни вьюги, ни зимы,
Нет тюрьмы на свете, нет сумы,

Войн ни на одном материке...
Женщина купается в реке [29].

(Перевод Н. Гребнева)

Кайсын Кулиев как поэт – фигура огромного масштаба, великая личность. Он сын Земли, его поэтический голос, несущий тепло людям, утешение нуждающимся в добре, гармонии человеческого бытия с окружающим миром, – это эхо Космоса, дыхание Природы. Его голос – обращение к живым, предостережение людям – беречь мир от войны и гибели цивилизации.

На кладбище старинном камню тесно.
Сам среди камня рос я с малых лет.
Мне потому доподлинно известно,
Что от беды и камень вопиет
Как он седеет, видел я воочию.

Защито все, что превратилось в клочья,
Заплатаны дырявые места,
Но слышно, как Европа стонет ночью,
Не оттого ль, что совесть нечиста?
Здесь и земля и небо – сплошь могила [30].

В памяти современников Кайсын Кулиев остался простым, доступным, душевно щедрым и общительным человеком. Его глубоко уважали за доброту, за любовь ко всему живому. Он, как магнит, притягивал к себе, был любимцем миллионов людей Советского Союза и многих зарубежных стран.

Неповторимый образ гениального поэта мы навечно сохраним в своей памяти и передадим из поколения в поколение, ибо его поэзия – это неисчерпаемый источник доброты, гуманизма и высокой духовно-нравственной культуры.

Я жил, как все, без славы, без вины,
Любил цветы, боялся смерти скорой,
Работал тяжко, поднимался в горы,
Зимой нетерпеливо ждал весны.

Я жил, как все, был и велик и мал,
Хлеб запивал водою с наслажденьем,
И каждый год мне сердце ублажал
Цветеньем вешним, золотом осенним.

Шел по дороге, падая порой,
Смеялся, плакал, старости страшился,
Своим крестьянским званьем не кичился,
Я был, как все, не гений, не герой.

Я жил, как все, свой жребий не кляня.
Случалось, что душой кривил, не скрою.
Придя домой, печь разжигал зимою,
Бросал дрова и грелся у огня.

Я был не хуже всех других людей,
И превосходством не был я отмечен.
Но песню я со дна души своей,
Как птицу, выпускал весне навстречу.

Был кем-то нелюбим, кому-то мил,
Я был, как все, не лучше, не умнее,
Я жил, как все, я жизнь всегда любил,
Я и теперь страшусь расстаться с нею [31].

(Перевод Н. Гребнева)

Поэзия К. Кулиева – это воспевание героических свершений на благо человечества, нетленное сияние вечных истин, непреложная ценность законов бытия и справедливости. Поэтому поэт Кайсын Кулиев пользовался большим авторитетом и глубоким уважением у народов Советского Союза и многих зарубежных стран, убежденных в его честности, бескорыстии, глубочайшем патриотизме и интернационализме. В этом заключается социально-философский смысл творчества великого поэта и выдающегося гуманиста XX в. Кайсына Шуваевича Кулиева. Об этом свидетельствуют более 10 тысяч писем и телеграмм, полученных им, записи его 250 выступлений и речей, свыше 300 литературно-критических статей, написанных по-этом на русском и балкарском языках. Весь этот материал, датируемый 1939–1985 годами, хранится в его личном архиве ЦГА КБР, ЦГАЛИ СССР, ЦДЛ им. А. Фадеева и в других архивах. Это огромный духовный пласт и бесценный эмпирический материал, который требует глубокого анализа и всестороннего исследования.

Поэзия Кайсына Кулиева – это его родные горы, бурное смешение красок Чегемского ущелья, где прошли его детство и весь мир, в котором живы Пушкин и Лермонтов, Федерико Гарсиа Лорка и Петефи. В его стихах высокие страсти, огромный заряд неистребимого человеческого добра, напряженность мысли и свобода интонации, свойственная большому мастеру. Жизнь поэта неразрывно

была связана с судьбой его родины. Кайсын Кулиев — сын балкарского народа, вместе с ним прошедший путь духовного возрождения.

Свое творческое кредо поэт четко определил в автобиографии: «Как и многие из моих братьев-поэтов я стою за разнообразие форм и направлений в поэзии, совершенно отвергаю узость в этом отношении и нервную нетерпимость. Я считаю себя братом тех поэтов, которые горячо любят землю от ее снежных вершин до запыленной былинки у дороги, которым доставляет самую большую радость изображать мир и людей. Мне думается, такой человек и является художником. Я за разносторонность и отзывчивость поэта» [32]. Все было под силу К. Кулиеву — высокая гражданственность и глубокие философские размышления, светлая грусть и большая земная радость.

Имя балкарца Кайсына Кулиева будет существовать в веках как яркая звезда на небосклоне. Она вечно будет сиять своим поэтическим блеском. Его поэзия — это гимн любви ко всему живому, всеобщая гармония Земли и Вселенной во имя существования человека. Поэтический гений Кулиева — неотъемлемая часть мировой художественной культуры, ибо произведения его — это достояние Человечества. И ныне, когда мы идем по пути национального возрождения, Кайсын Шуваевич светит нам как путеводная звезда. Поэт писал:

Среди миров огромных и светил
Пусть я всего песчинкой малой был.

Но и песчинкой малой — и таким,
Наверное, я был необходим.

Моя была мгновенна с жизнью связь,
Но жизнь и без меня не обошлась.

В октябре 1984 года Кайсын Шуваевич выступал в актовом зале университета. Обращаясь к студенческой молодежи, он говорил:

Не пройденные мною перевалы
Другие покорят, придет пора.
Слова, что не давались мне когда-то,
Отыщут молодые мастера.

Это было его последнее выступление в Кабардино-Балкарском государственном университете, и эти стены последний раз слышали голос великого поэта современности. К сожалению, не был записан голос человека, который бесконечно любил студенческую молодежь и глубоко уважал преподавательско-профессорский коллектив университета.

В его поэзии заложена огромная духовная энергия, которая играет важную роль в формировании идеи гуманизма и способствует духовно-нравственному очищению совести людей. Она может вдохновить человека на благородные дела, так как поэт сам был «одним из благороднейших людей, когда-либо живших на древней земле Кабардино-Балкарии».

Рассматривая в социально-философском плане творчество Кайсына Кулиева, хотел бы подчеркнуть, в чем причины его духовного взлета после возвращения его из Средней Азии.

Во-первых, мы считаем, что Кайсын Кулиев был выразителем чаяний балкарского народа, который был лишен всех политических прав и находился в морально подавленном и униженном положении комендантского спецрежима.

Во-вторых, в условиях социальной несправедливости, когда балкарский народ не мог проявить свои духовные и творческие возможности, Кайсын Кулиев как часть народа хорошо понимал его нравственную рану души и сознавал, что национальное самосознание находилось в духовном вакууме, на грани нравственной деградации. И его поэзия явилась как бы вызовом времени, когда идеологический диктат довлел над общественно-политической жизнью, повлиял на развитие литературы и искусства и, в частности, на развитие творчества самого поэта. Поэтому он был морально-нравственной основой для дальнейшего духовного развития культуры балкарского народа.

Елена Ивановна Рерих говорила, что задача гения состоит в том, чтобы претворять и пропустить через призму своего сознания достижения всех народов и всех веков и дать свой неповторимый «синтез этого конгломерата творческих мышлений» [33].

Поэт рассматривал в своей поэзии духовную сферу человека со всеми мыслями, общечеловеческими ценностями.

Творчество Кулиева отражает целую эпоху развития исторического процесса. Его поэзия оказала и оказывает огромное влияние на формирование исторического сознания балкарского народа. Кайсын Кулиев был сыном своего времени, был представителем интеллектуальной жизни своего народа. Еще Белинский писал: «Чем выше поэт, тем больше принадлежит он обществу, среди которого он родился, тем теснее связано его развитие, направление и даже характер его таланта с историческим развитием общества» [34].

Без его поэзии не было возможно дальнейшее развитие балкарской литературы, творчества И. Бабаева, Т. Зумакуловой, М. Мокаева, А. Созаева, С. Гуртуева. Кайсын Кулиев для них был духовным родоначальником.

Пусть сегодняшние успехи балкарской поэзии будут залогом новых свершений, достойных памяти нашего великого земляка и национального гения – Кайсына Шуваевича Кулиева.

Дорогие коллеги и многоуважаемые участники конференции! В заключение хотел бы сказать, что нам нужно ежегодно проводить Кулиевские чтения, чтобы они стали традицией. В 2002 году мы должны провести Международную конференцию, посвященную 85-летию К. Ш. Кулиева, на тему: «Кайсын Кулиев и современность». На эту конференцию необходимо пригласить ведущих ученых, друзей поэта, переводчиков из стран ближнего и дальнего зарубежья.

В 2017 году исполнится 100 лет со дня рождения великого поэта современности К. Ш. Кулиева. Эту дату следует отметить по линии ЮНЕСКО в международном масштабе, чтобы этот год был объявлен Годом Кайсына Кулиева. Поэтому в 2013 году мы отправим в эту организацию ходатайство, чтобы в план юбилейных мероприятий 2017 года включили и юбилей Кайсына Кулиева. Как известно, ЮНЕСКО отмечает только столетие со дня рождения выдающихся людей.

Мы подготовили текст. Этот документ необходимо отправить в ЮНЕСКО не позже января 2013 года. Текст будет размножен и по одному экземпляру отдан родным

поэта – дочери Жанне Кулиевой, сестре Марзият и жене Элизат. Один экземпляр будет храниться в музее поэта, а также по одному экземпляру – на кафедрах философии и балкарского языка и литературы КБГУ.

Это будет нынешнему и будущему поколениям национальным и нравственным наказом, памятью великого поэта и выдающегося Гражданина и гуманиста нашей планеты – Кайсына Шуваевича Кулиева.

12 ноября 1997 г.

Литература

1. Антология исследований культуры. Т. 1. Интерпретация культуры. СПб., 1997. С. 226, 227.
2. Кулиев К. Собрание сочинений. В 3 т. М., 1987. Т. 1. С. 10.
3. Там же. С. 6.
4. Там же. С. 124.
5. Там же.
6. ЦГА КБР, ф. 852, оп. 2, д. 140, л. 3–9.
7. ЦГА КБР, ф. 852, оп. 2, д. 95, л. 103.
8. Кулиев К. Собрание сочинений. В 3 т. М., 1987. Т. 1. С. 59.
9. Эфендиева Т. Е., Эфендиев С. И. Кайсын Шуваевич Кулиев: Биография поэта. Нальчик, 1997. Т. 1. С. 87.
10. Московский комсомолец. 1998. 23–30 апр. № 15. С. 3.
11. Кулиев К. Собрание сочинений. В 3 т. М., 1987. Т. 1. С. 161.
12. Кулиев К. Собрание сочинений. В 3 т. М., 1987. Т. 2. С. 218.
13. Кабардино-Балкарская правда. 1990. 24 апр.
14. Кулиев К. Собрание сочинений. В 3 т. М., 1987. Т. 1. С. 139, 140.
15. Кулиев К. Так растет и дерево. М., 1975. С. 395.
16. Кулиев К. Собрание сочинений. В 3 т. М., 1987. Т. 3. С. 275.
17. ЦГА КБР, ф. 852, оп. 5, ед. хр. 89, л. 5.
18. Там же.
19. Читатель и современный литературный процесс. Грозный, 1989. С. 5.
20. Личный архив Эфендиевых.
21. ЦГА КБР, ф. 852, оп. 3, д. 78, л. 47.
22. Кулиев К. Поэт и культура // Юность. 1972. № 12. С. 56.
23. ЦГА КБР, ф. 852, оп. 2, ед. хр. 209, л. 1.
24. Кулиев К. Мир дому твоему. М., 1966. С. 166, 167.
25. Эфендиева Т. Е., Эфендиев С. И. Кайсын Шуваевич Кулиев: Биография поэта. Нальчик, 1997. Т. 1. С. 101, 102.
26. Философия истории. Антропология. М., 1994. С. 41.
27. Назым Хикмет. Корни дружбы // Литературная газета. 1986. 19 ноября. С. 15.

28. Кулиев К. Мир дому твоему. М., 1966. С. 5.
29. Кулиев К. Собрание сочинений. В 3 т. М., 1987. Т. 1. С. 265.
30. Кулиев К. Собрание сочинений. В 3 т. М., 1987. Т. 2. С. 13.
31. Кулиев К. Собрание сочинений. В 3 т. М., 1987. Т. 2. С. 50, 51.
32. ЦГА КБР, ф. 852, оп. 2, д. 226, л. 5.
33. Мир образования. 1997. № 3. С. 52.
34. Дань любознательности любви. Лениздат, 1979. С. 119, 120.

С. И. Эфендиев

ТЮРКОЯЗЫЧНЫЙ МИР НЕ ЗАБЫЛ СВОЕГО ПЕВЦА

1997 год был назван Годом Кайсына Кулиева в КБР. В ноябре этого года поэту исполнилось бы 80 лет со дня рождения. Тюркский мир широко отметил эту дату торжественными собраниями, научными конференциями, вечерами поэзии, юбилейными выставками в музеях, конкурсами выразительного чтения в городских и сельских школах, диспутами за «круглым столом» в библиотеках и Домах юношества республики, посвященными К. Ш. Кулиеву. В Азербайджане и Киргизии, в республиках Северного Кавказа и Армении и во многих других регионах страны прошли торжества, связанные с этой датой. Тюркоязычный мир приветствовал своего певца. Так, президент Конгресса тюркских народов Российской Федерации Боронтай Бедюров прислал телеграмму с Алтая 14 ноября, когда в Музыкальном театре Нальчика собрались жители КБР, гости из разных регионов России, ближнего и дальнего зарубежья, чтобы отметить 80-летие К. Ш. Кулиева. Бедюров оценил творчество поэта как явление не местного, а глобального масштаба. Присутствующие на вечере узнали о том, что одно из алтайских сел носит имя Кайсына Кулиева, а горная вершина получила название Кайсын-баши.

С 20-го по 25 декабря этого года в Турции широко отмечали юбилей поэта. В Анкаре был издан на турецком языке сборник стихов «Раненый камень» («Жаралы таш»). Его перевел балкарец Каншаубий Мизиев, который долгое время живет в Турции. Книга издана в хорошем переплете, на финской бумаге. Правительство

сделало все возможное, чтобы достойно встретить делегацию в составе 16 человек из Кабардино-Балкарии. В ее состав входили писатели, поэты, артисты, музыканты, ученые, сын поэта Азамат Кулиев, художник, и племянница поэта Фатима Кулиева, директор музея К. Ш. Кулиева. Они вылетели из аэропорта «Нальчик» прямым рейсом в Стамбул. Полет длился 2 часа 20 минут. В 9 часов 30 минут были в аэропорту «Стамбул». Он порастил прилетевших разноцветными огнями и разноязычной речью. Стамбул — красивый город. Это город со всемирно известным дворцом Топакы, величественным Хагия-София, «Голубой мечетью», «Большим базаром», своими 4000 магазинами и привлекательными ценами на изысканные украшения из золота, изделия из высококачественной кожи и искусно выделанные ковры. Здесь удивительно, что один дом не похож на другой. Стамбул построен на 14 холмах. Через Босфор висят мосты соединяют Европу с Азией. Движение — 8 рядов в каждую сторону.

Нашу делегацию встретили советники Президента Сулеймана Демиреля депутат Меджлиса Намык Кемал Зейбек и родившаяся в Турции карачаевка Ажаяк Хурият, а также представители Министерства культуры Турции. Делегацию усадили в комфортабельный автобус, привезли в одну из лучших высотных гостиниц «Мерит» и разместили в одно- и двухкомнатных номерах на третьем этаже, из окон которых открывалась красивая панорама города, поражавшего своими минаретами, мечетями и другими старинными архитектурными сооружениями. Переодевшись с дороги, делегаты спустились вниз, в зал ресторана, где их ожидал ужин — «шведский стол».

На второй день делегацию ознакомили с достопримечательными местами, уникальными шахскими дворцами, мечетями, музеями Стамбула, расположенного недалеко от Босфорского залива. Эта экскурсия заняла почти весь день, включая обед в небольшом ресторанчике на берегу Босфорского залива. Были видны торговые корабли различных стран, которые проходили через залив, слышны крики прожорливых морских чаек и поражаало множество красивых террас, располагавшихся на берегу. Зимнее солнце светило ярко. Оно озаряло зеленые кустарники и засохшие на них цветы. В Нальчике, когда

улетала делегация, мороз достигал 30 градусов, шел снег. И в Стамбуле тоже выпал снег, но мороз был значительно слабее: около 4–5 градусов. Снег таял на наших глазах, и многие нальчане удивлялись большому контрасту в температурах, хотя расстояние было близким.

Вечером приехали в гостиницу, уставшие от больших впечатлений и множества различных людей, прибывших сюда со всех концов мира. Здесь были японцы, китайцы, американцы, евреи, украинцы, молдаване, французы, поляки, шведы. Много было представителей из африканских стран, Филиппин и Индонезии. В положенный час они заходили в мечети и совершали намаз.

После ужина в номере профессора С. И. Эфендиева собирались Алим Теппеев, Каншаубий Мизиев, Муталиб Беппаев, Танзиля Зумакулова, Галина Таукенова, Алим Газаев, Ольга Сокурова, Руслан Мусукаев, Ислам Тхазап-лижев, Азамат Кулиев и обменивались мнениями о прошедшем дне, о том, что увидели, что поразило воображение европейца, — трансформация и взаимопроникновение восточной и европейской цивилизаций в этой стране.

На третий день после завтрака, то есть 22 декабря, наша делегация отправилась на комфортабельном автобусе с телевизором и другим, для нас необычным, дорожным оборудованием в Анкару. Путь был долгим, около 6 часов, поэтому мальчик, который нас обслуживал, все время предлагал нам чай, кофе, минеральную воду, фрукты и соки. В пути наши музыканты и артисты исполняли сольные и групповые номера: пели песни, танцевали, читали стихи Кайсына Кулиева наизусть. Потом, вспоминая дорогу в Анкару, участники делегации говорили, что рельеф местности и природа напоминают им нашу родную Кабардино-Балкарию: были видны снега на вершинах гор, на склонах разноцветные леса, живописные ущелья, красивые долины с расположенными в них селами, в некоторых из них, как говорил экскурсовод, проживают компактно кабардинцы и другие выходцы с Северного Кавказа.

Чтобы попасть в Анкару, нужно проехать ряд пригородных районов и городов, поражающих чистотой, опрятностью и ухоженностью дорог и великолепным освещением, что несвойственно нашим российским дорогам. Как не вспомнить Н. В. Гоголя, сказавшего, что бездорожье

погубит Россию. Хотелось бы отметить и корректную работу дорожной ГАИ Турции. В два часа дня мы были в Анкару, устроились в центральной гостинице. После обеда поехали в пригородный район, где по решению правительства должен быть заложен Национальный парк им. Кайсына Кулиева. Здесь делегацию уже ожидали несколько тысяч людей различного возраста, включая и детей, прибывших из близлежащих населенных пунктов. Еще издали на большом полотнище члены делегации с помощью переводчика прочитали: «К 80-летию Кайсына Кулиева закладывается здесь национальный парк. Он увековечит память великого поэта XX века тюркского этноса». Красивые зеленые буквы на белом полотне радовали взгляд и души людей. «Добро пожаловать!» («Хош келлигиз!») – прочитали приехавшие на своем родном языке.

Митинг открыл мэр пригородного района господин Алтынок. В этом районе проживает более 800 тысяч человек, в том числе и кабардинцы, балкарцы, карачаевцы, абазинцы, шапсуги, дагестанцы и другие выходцы с Северного Кавказа, переселившиеся сюда более ста лет тому назад. Молодой мэр, в возрасте 30–35 лет, выше среднего роста, плотного телосложения, с быстрым взглядом карих глаз, привлекал к себе внимание всех присутствующих. Говорил он громко, четко, владея приемами ораторского искусства. Приветственная его речь была краткой, после чего он дал слово министру культуры Турции Истемихану Талаю и советнику Президента господину Зей-беку. После них выступали приехавшие из КБР: писатель Алим Тепшеев, зам. министра культуры нашей республики Ислам Тхазаплижев. Он преподнес мэру Алтыноку сувенир, сделанный из турьего рога в форме орла, и книгу о Нальчике. Все выступавшие говорили о значении парка имени Кайсына Кулиева, который усилит культурные взаимосвязи и дружбу между Турцией и Кабардино-Балкарией. После всех выступавших мулла прочитал молитву в честь памяти поэта. Во время церемониала присутствующие совершали поминальное «дуа» (молитву). Они стояли кругом, а в середине один из молодых людей держал белого барана, предназначенного для жертвоприношения. После этой церемонии все пошли к тому месту, где спланировали парк: были заложены мрамор-

ные дорожки из плиток с восточным орнаментом, цементные бордюры вдоль дорог, была подготовлена почва для посадки деревьев и т. д. Гости приняли участие в подготовке парка. Профессор С. И. Эфендиев, писатель А. М. Теппеев, поэтесса Т. М. Зумакулова, артист А. Газаев, певица Г. Таукенова бросили по две-три лопаты цементного раствора в фундамент парка Кайсына Кулиева.

Парк расположен у подножия возвышенности, где стоят на склоне близко расположенные друг к другу села. Красивый пейзаж великолепно вписывается в этнографию, напоминая жителям этих районов горные пейзажи селений Булунгу, Безенги, Верхней Балкарии нашей республики. Национальный парк им. Кайсына Кулиева расположен в пригородном районе Анкары «Кечиёрен». Без сомнения, при выборе места для парка им. Кайсына Кулиева учитывались уникальные природные условия Верхнего Чегема – Эль-Тюбю, этнической колыбели поэта.

Когда закончилась торжественная часть, присутствующие на митинге подходили к членам делегации – профессору С. И. Эфендиеву, зам. министру культуры КБР И. И. Тхазаплижеву, поэтессе Т. М. Зумакуловой, народной артистке КБР Г. Таукеновой – обнимали их и говорили на турецком языке: «Я кабардинец!», «Я абазинец!», шапсуг, балкарец, карачаевец и т. д. Это были в основном старики и старухи, которые, не скрывая слез радости общения с соплеменниками, по-разному выражали свои чувства. Растрогались и члены делегации, видя такое сердечное отношение к нам и прежде всего к памяти Кайсына Кулиева. Мы уверены, что эти милые седобородые, умудренные жизненным опытом старики и благородные старухи передадут своим детям и внукам традиции горских народов, любовь и уважение к национальным святыням. Уезжая, мы оставляли частицу своей души, своих чувств здесь, где так сердечно и тепло провожали нас в Анкару. Ехали мы на автобусе до здания мэрии пригородного района Анкары минут десять. День подходил к концу, вечер наступил незаметно. Когда мы вышли из автобуса, то увидели удивительную красоту множества искусственных водопадов, поражавших разноцветными брызгами и величием падающей воды. С высоты двадцати пяти метров гранитной скалы вода идет сплошным потоком длиной в сто метров, создавая

величественную панораму. Рядом расположены памятники — Ататюрку и многим историческим и военным деятелям Турции. Эти водопады были сооружены по инициативе мэра пригородного района Алтынока. Он по специальности строитель и постарался вложить душу и все знания в это красивое сооружение, которое почти точно соответствует природно-ландшафтным, этнографическим и национальным особенностям творчества Кайсына Кулиева, воспевшего снег, горы, реки, водопады, деревья, травы, облака, звезды, Землю, Космос.

На фоне этого красивого зрелища у профессора С. И. Эфендиева взяли интервью поэт Муталип Беппаев и Мурат Боттаев, оба они работники телевидения КБР.

После этого вся делегация была приглашена в мэрию. С нами была пожилая женщина — госпожа Хачаева (ее мать, Акбаева, одного из видных родов Карачая) с дочерью лет двадцати. Обе они хорошо говорили на карачаево-балкарском языке, хотя родились и выросли в Турции. Старшая хорошо знала обычаи и традиции карачаевского и балкарского народов, интересно рассказывала о свадебных обрядах, которых придерживаются в Турции выходцы с Северного Кавказа. Мэр Алтынок пригласил всех к себе в кабинет, где нас угостили чаем, соками, фруктами. Непринужденно беседуя, мы обменивались впечатлениями. Нам предложили осмотреть здание мэрии, оно было построено два года тому назад из белого мрамора. Здание в пять этажей с колоннами внутри поражало удивительной архитектурой в восточном стиле. Внутри оно расписано орнаментами тюркских этносов: узбекского, туркменского, киргизского, казахского, якутского, алтайского, уйгурского народов. На вопрос: «Кто является автором этого проекта?» Зейбек ответил: «Мэр Алтынок, и под его руководством было построено это здание». — «Даже если он ничего не сделает уже в последующие года жизни, построенного этого здания и циркулирующих водопадов ему достаточно, чтобы войти навечно в историю и обессмертить свое имя!» — сказали мы.

Вечером мы были на ужине в ресторане. С нами вместе сидели ответственные работники президентского аппарата, Министерства культуры, представители мэрии и некоторые гости, которые были при открытии парка, и многие другие. Было около ста человек, которых объеди-

няла простота взаимоотношений и высокая культура поведения. Среди них не наблюдалось чинопочитания. Не по списку приглашают на подобные мероприятия: у них давно изжиты чванство, высокомерие и бюрократизм.

Застолью предшествовало слово Зейбека, советника президента Турции. Он говорил о том, что в составе делегации в ноябре 1997 года был в Нальчике, когда отмечали 80-летие К. Ш. Кулиева, что вместе с делегацией ездил по селам Кабардино-Балкарии, посетил Дом-музей Кайсына Кулиева в Чегеме I, был на родине поэта. «В знак большого уважения выдающегося балкарского поэта мы тоже решили отметить его юбилей в Турции, поэтому и пригласили вас к себе, дорогие гости», — закончил свою речь Зейбек. С аналогичными приветствиями выступили мэр Алтынок, руководитель Фонда культуры им. Ахмеда Есави — Хурият. От имени делегации Кабардино-Балкарии выступили писатель Алим Теппеев и Салих Эфендиев, который сказал: «Сегодняшний день встречи представителей двух государств — Турции и Кабардино-Балкарии — это историческое событие. За эти дни я познал (хотя интересовался давно вашей историей и культурой) многое, а также то, что у народов Северного Кавказа и Турции много общего в обычаях и традициях. Я лично и от чистого сердца благодарю вашего Президента Сулеймана Демиреля за то, что он решил отметить 80-летие Кайсына Кулиева, одного из великих поэтов XX в., в Турции, где проживает более 80 национальностей, из них многие выходцы с Северного Кавказа. Семидесятимиллионный тюркский этнос вашей великой страны сегодня отмечает день рождения нашего поэта. Вы являетесь основным корнем всего приблизительно двухсотмиллионного тюркского этноса. Мы, балкарцы, тесно связаны биогенетическими, этногенетическими и культурными связями с вами. Вы, организовав юбилей выдающегося поэта современности и великого гуманиста К. Ш. Кулиева, делаете не только честь народам Кабардино-Балкарии, памяти Кайсына, но вы и отдаете дань уважения нынешним и грядущим поколениям. В этом заключается смысл гуманизма, доброты и человечности бытия. Этот высокий нравственный урок послужит примером дружбы и взаимопонимания будущим поколениям. Для культуры не существует пространственной

изоляции. Этим подтверждается всеединство человеческого рода, неразрывной преемственной связи всех поколений тюркских народов.

Дорогие мои братья, я вам бесконечно благодарен за то, что вы выбрали в рельефно-географическом отношении такое место для Парка им. Кайсына Кулиева, которое отражает образ восприятия горной местности балкарского народа.

Сейчас зима, весной вы будете сажать деревья в парке, для этого все подготовлено. Если пригласите нас, мы приедем и привезем с родины Кайсына Кулиева — Чегемского ущелья — голубые ели и черенки с того дерева плакучей ивы, которую посадил сам поэт в Нальчике, в парке около «Комсомольского озера», после возвращения из Киргизии, и под которой он любил сидеть и отдыхать с друзьями. Желаю, чтобы эти деревья пускали мощные и глубокие корни на вашей благодатной земле — Турции. Когда они вырастут, под их кронами, слушая шум зеленых листьев, будут сидеть на скамейках мудрые старики со своими внуками и внучками, смотрящими на мир, как все дети, удивленными глазами, дышать чистым воздухом, а молодые женщины будут петь своим детям колыбельные песни. У Кайсына Кулиева есть стихи: «Колыбельная Лейле», «Колыбельная песня», «Колыбельная деревьям», «Колыбельная горё», которые переложены на музыку, их поют в Кабардино-Балкарии матери своим детям.

Я знаю: песен лучших не бывает, —
Все в песню колыбельную влилось.
В ней — радость и тревога вековая,
И сладость молока, и горечь слез.

.

Нет в мире песни колыбельной лучше,
Она родится снова каждый раз.
Ее ни грохот битвы не заглушит,
Ни песни бед, ни скорбный плач о нас.

(Перевод Н. Гребнева)

Над Парком им. Кайсына Кулиева будут проходить высоко на небе белые облака, а ночью на небосводе будут гореть звезды. Одна из этих звезд принадлежит Кайсыну

Кулиеву. Люди, побывавшие в этом парке, будут вести беседы о «доброде хлебов и мудрости трав», как писал поэт.

Я глубоко признателен всем жителям Турции. Тюркский этнос в XX в. дал много великих имен. В общественно-политической жизни — это Кемал Паша Ататюрк, в области литературы — Назым Хикмет, Кайсын Кулиев, Чингиз Айтматов, Самед Вургун, Мухтар Ауэзов, Гафур Гулам, Мустай Карим, Муса Джалиль.

Отмечая 80-летие Кайсына Шуваевича Кулиева, вы подняли на высокий уровень нашу культуру, достоинство нашего стотысячного балкарского народа. Это есть действительное духовное возвышение. За все это я вас благодарю, желаю всем крепкого здоровья, кавказского долголетия. Пусть ваша древняя земля — этническая колыбель тюркских этносов — будет всегда благословенной и гостеприимной».

В конце вечера был дан концерт артистами Кабардино-Балкарии. Песенные номера исполняли: Галина Таукенова, Ольга Сокурова, Алим Газаев, Руслан Мусукаев. Потом под национальную гармошку танцевали «Кафу» и «Исламей». Первыми начали танцевать Зейбек и Хурият. Танцевали они искусно, чем удивили нас, так как эти танцы характерны для горских народов. Также хорошо танцевали живущие там кабардинцы, балкарцы, карачаевцы, сами турки. Члены нашей делегации тоже танцевали в числе их. Вместе с нами все время был молодой якут, который учится на первом курсе университета Анкары. Его послала учиться в Турцию Республика Саха (Якутия), чтобы он изучил турецкий язык. Этот студент был с нами и в качестве переводчика, так как свободно владел и русским, и турецким. Танцевал он тоже искусно, с элементами танца своего народа, подражая якутским шаманам. Мы видели, что к этому пареньку и его таланту все относились с большим уважением. Зейбек в шутку сказал, наблюдая за его танцем: «Это шаман, так как он делает сальто не только как артист-акробат, но и как прирожденный шаман-танцор». Поддерживая разговор, профессор Эфендиев продолжал: «Безусловно, после окончания учебы у вас он вернется в Якутию и будет заниматься миссионерством среди своего народа, будет пропагандировать мусульманскую религию и исламскую

культуру». Молодой студент смеялся и говорил: «Да, действительно, я глубоко изучаю турецкий язык, историю культуры Турции и одновременно стараюсь познать тонкости исламской религии, так как у нас другая религия — шамаизм. Здесь у меня много друзей, и они мне помогают в этом. Стараюсь все время говорить на турецком языке».

После ресторана нас привезли в гостиницу «Мерит» города Анкары. Было около 10 часов вечера. Все мы были трезвыми, так как за весь вечер не было выпито ни одной рюмки ни водки, ни коньяка: в Турции вообще не принято употреблять вино и прочие горячительные напитки. В этой стране нет проблемы алкоголизма и пьянства, тем более наркомании.

На следующий день мы поехали в Фонд культуры им. Ахмеда Есави. Здесь мы увидели все этнографические атрибуты среднеазиатских республик — Казахстана и Уйгурской автономной области Китая. В этом Фонде ежегодно бывает очень большое количество туристов из многих стран мира. Часто сюда приходит местное население, и не только затем, чтобы посмотреть редкие экспонаты и познакомиться с этнографическими особенностями тюркских народов, но и просто побеседовать за чашкой чая. К этому располагает высокая культура обслуживания, идеальная чистота помещения, душевный прием и восточная кухня — восточные сладости, соки и фрукты. Это здание Фонда расположено на возвышенности, окружено зелеными скверами, с большим обзором. Их украшают умело оформленные разнообразные цветники.

Из Фонда культуры примерно в 12 часов мы направились в исторический музей «Топ-Капы». На встречу с нами приехали из различных городов и сел балкарцы, карачаевцы, кабардинцы, проживающие долгое время в Турции. Исторический музей, как и другие виденные нами сооружения, поражал своей древней архитектурой. Серый мрамор, обрамленный позолоченным орнаментом, отражающим различные этапы развития Турецкого государства, запоминался мгновенно. Именно он в золотой оправе придавал музею величественную красоту. Этот музей, по нашему мнению, был свидетелем многих исторических событий и культурных связей.

Зал музея был набит битком, многие стояли в проходах. Было здесь примерно более тысячи человек: турки, казахи, киргизы, кабардинцы, узбеки, карачаевцы и многие другие молодые люди, которые учатся в различных вузах Турции. Вечер открыл вступительным словом Зейбек, он приветствовал всех собравшихся, благодарил за встречу. Нашу делегацию посадили в первом ряду. После Зейбека выступила директор Фонда культуры им. Ахмеда Есави — Хурият. Она говорила, что в 1989 году была в Кабардино-Балкарии на фестивале культуры карачаево-балкарского народа. Она сказала: «Я тогда посетила Дом-музей Кайсына Кулиева в Чегеме I. Так я познакомилась с культурой и литературой балкарского народа. К нам по приглашению нашего правительства приехала большая делегация, чтобы отметить 80-летие великого поэта». Ее слушали внимательно, она говорила на балкарском языке и одновременно переводила на турецкий язык, которым владеет в совершенстве. Это ее второй родной язык, если не первый. Хурият здесь родилась и выросла, выучилась и уже много лет работала в области культуры.

В огромном зале музея висит большой портрет Кайсына Кулиева. Этот облик поэта нам был хорошо знаком по фотографиям 70-х годов. Турецкий художник великолепно нарисовал и отразил внутренний мир нашего дорогого Кайсына. Под портретом на белом полотнище была надпись: «К 80-летию Кайсына Кулиева».

С докладом о творчестве и жизненном пути поэта выступил доктор филологических наук Бедат Балкан, его предки были выходцами из селения Гунделен, Эльбрусского района (рода Балаевых). Рассказывая о поэте, он иногда читал стихи Кайсына на турецком и балкарском языках. В конце доклада он подчеркнул, какое огромное влияние оказывает творчество Кайсына Кулиева на развитие всей карачаево-балкарской литературы. После основного докладчика выступили Алим Теппеев, Танзиля Зумакулова, Ислам Тхазапличев, Азамат Кулиев, Салих Эфендиев, Фатима Кулиева. Потом силами наших артистов был дан концерт. Песни пели на балкарском языке Галина Таукенова, Алим Газаев, Ольга Сокурова, Руслан Мусукаев. Танцевальная группа исполнила «Исламей» и «Кафу». В этом концерте принял участие казахский

студент. Он спел народную казахскую песню в сопровождении домбры. В фойе музея была организована выставка картин художника Азамата Кулиева, сына поэта, окончившего Ленинградскую художественную академию. Она привлекла наибольшее внимание присутствующих здесь, в музее.

В конце этой встречи наша делегация подарила Зейбеку белую бурку как национальный символ душевной чистоты, дружбы. Президенту Сулейману Демирелю преподнесли картину художника Азамата Кулиева «Женщина купается в реке» на одноименные стихи Кайсына Кулиева, известные в России и многих странах мира. От профессора С. И. Эфендиева были подарены с памятной надписью книги «Кайсын Шуваевич Кулиев: Биография поэта» (Часть 1. 1917–1958) и «Кайсын Шуваевич Кулиев: Биография поэта» (Часть 2. 1959–1985), изданные в Нальчике в 1997 году издательством «Эль-Фа» в серии «Кавказский литературно-исторический Олимп». Эти книги, изданные к 80-летию поэта, он вручил министру Турции Истемихану Талаю, Президенту Сулейману Демирелю, мэру пригородного района Анкары Алтыноку. Поблагодарив за подарок, министр культуры Истемихан Талай сказал: «Эти книги мы обязательно переведем на турецкий язык! В Турции народ должен знать биографию этого великого поэта».

После этого к Истемихану Талаю подошли наши работники телевидения и взяли у него интервью. Он сказал: «В 1999 году мы планируем проводить Дни культуры Кабардино-Балкарии в Турции, тем самым мы укрепим дружбу между нашими народами. Постараемся укрепить культурные связи Кабардино-Балкарии и Турции».

В течение пяти дней, проведенных в Турции, с нами неотлучно находился в качестве переводчика и один из организаторов этого мероприятия – Каншаубий Мизиев со своей женой Фатимой Гулиевой, выпускницей медицинского факультета КБГУ, кандидатом медицинских наук, и с сыновьями Алимом и Расулом, которые учатся в школе в Стамбуле и прекрасно владеют русским, турецким и балкарским языками. Каншаубий Мизиев – выходец из Чегемского ущелья, селения Яникой. Он окончил МГУ, факультет восточных языков, факультет турецкого

языка и литературы. Одно время работал переводчиком в Турции. Готовясь к юбилею Кайсына Кулиева, он перевел на турецкий язык книгу стихов поэта «Раненый камень». Каншаубий Мизиев пользуется большим авторитетом в Турции. Часто приезжает к родителям в КБР, которые проживают в Чегемском районе. У него много друзей и в Москве.

Мы расставались с вновь обретенными друзьями в Анкаре, чтобы уехать в Стамбул. «Ахши жолгъа! В добрый путь, до новой встречи! Дорогие братья! Мы бесконечно рады вашему приезду. После ваших выступлений мы по-новому стали смотреть на поэзию Кайсына Кулиева и понимать его величие!» – говорили они, провожая нас. Мы сели в автобус в 8 часов вечера и приехали где-то во втором часу ночи в Стамбул. Вся дорога от Анкары до Стамбула была ярко освещена. Ехали весело, пели песни, играла наша национальная гармоника, звучала родная речь, исполнялись песни на слова Кайсына Кулиева. Особенно активное участие принимал в наших музыкальных номерах младший сын Каншаубия Мизиева – Расул. Он удивительно пел русские и балкарские песни. В Стамбул приехали благополучно и остановились в той же гостинице «Мерит».

В последний день пребывания в Турции мы посетили мечеть, построенную в средневековую эпоху. Это самая крупная мечеть в мире, с шестью минаретами. Когда эта мечеть была построена и об этом узнали в Саудовской Аравии, где находится святыня исламской религии, в Мекке, центре паломничества, то глава духовенства мусульманской религии сказал: «Почему в Турции построили мечеть с шестью минаретами? В Мекке у нас мечеть только с пятью минаретами!» И возмущенный имам Саудовской Аравии приказал разрушить мечеть в Стамбуле. Чтобы сохранить это прекрасное мраморное изваяние с богатейшими орнаментами в арабо-турецком стиле, султан Турции послал архитекторов и строителей, чтобы они построили в Мекке мечеть с семью минаретами, то есть на один минарет больше. Все расходы на строительство новой мечети в Мекке взял на себя султан Турции. Так была спасена уникальная куполообразная мечеть, длиной 100 и шириной 59 метров, где одновременно делают намаз более 1000 чел.

В память о поэте Кайсыне Кулиеве в этой мечети 24 декабря 1997 года была совершена ритуальная молитва: мулла сделал «дуа», после его действий верующие совершили намаз. Так отдали дань глубокого уважения поэту собравшиеся здесь в тот памятный день представители мусульманского мира – верующее местное население и туристы, находившиеся в мечети. Поминальная молитва в этой прославленной «Голубой мечети» Сулеймана Ахмеда, которую умело вели имам и его помощник, разом склонившиеся головы всех присутствующих, их искренность и вера в назначение ислама поразили нас и озарили наши души. Мы вдвойне гордились своим любимым поэтом-гуманистом, душа которого находилась во власти Аллаха, и боялись нарушить священную связь, образовавшуюся между нами и теми, кто совершал этот обряд, обращаясь к Всевышнему.

Вечером в гостинице нас навелили наши соотечественники, проживающие за рубежом – кабардинцы и балкарцы. Исмаил Теппеев с женой, детьми и братом пришел, чтобы проститься перед отъездом и по душам поговорить о жизни и былом. В Кабардино-Балкарии он был 20 лет тому назад, и ему было интересно, что же произошло за это время в бывшем Союзе, подробно расспрашивал о своих родственниках и знакомых, которые проживают на его исторической родине. Ему недавно отметили в кругу семьи 70-летие, но выглядел он молодожаво. Высокий и худощавый старик производил впечатление интеллигентного и воспитанного горца с европейской культурой. За свою долгую жизнь он побывал во многих странах Ближнего и Среднего Востока, был и в Америке. Беседовали мы с ним в фойе гостиницы, сидя на диване за большим круглым столом. Он внимательно рассматривал наши сувениры: открытки с видами Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Чечено-Ингушетии и книги о Нальчике. Его дети заинтересовались красивыми видами Приэльбрусья, Чегемских водопадов, Домбая, Архыза, Пятигорска, высокогорных пастбищ, альпийских лугов, табунами лошадей, отарами овец и мужественными чабанами, одетыми в бурки и башлыки. Исмаилу Теппееву мы подарили два тома книг, изданных к 80-летию Кайсына Кулиева, – его биографию, а также книгу «Зурлук» («Насилие») на балкарском языке авторов, профес-

соров С. И. Эфендиева, И. Х. Ахматова и Ж. М. Гузеева, изданную в Нальчике в 1996 году. В этой книге рассказывается о выселении балкарского народа в 1944 году 8 марта в Среднюю Азию, сюда вошли и воспоминания людей, которые на чужбине прожили 13 лет, их песни и стихи, созданные в этот трудный период. Писатель Алим Теппеев, его близкий родственник, подарил Исмаилу папаху из бухарского каракуля. Старик сразу ее надел и обрадованно сказал: «Я давно мечтал иметь такую папаху. Теперь я буду чувствовать себя горцем, живущим на Кавказе».

В свою очередь Исмаил Теппеев подарил нам – Алиму Теппееву и мне – изделия своей небольшой парфюмерной фабрики.

Расстались мы со своими зарубежными соотечественниками поздним вечером. Знали, что это, может быть, последняя встреча и последнее расставание. «Поклонитесь от меня моей исторической родине, земле, где родились мои предки. Ведь я родился здесь, но душа моя всегда с милой родиной, с родным очагом моих родственников – Теппеевых и Батчаевых», – сказал он на прощанье.

25 декабря в 6 часов вечера мы были уже в аэропорту «Стамбул». Нас провожали вновь обретенные друзья: Каншаубий Мизиев, переводчик и представители Министерства культуры Турции – госпожа Нежла и ее подруга Серап.

Прощай, Турция, прощай тюркоязычный мир, культура которого освещена национальным самосознанием – все во имя добра, все «во имя Аллаха Милостивого Милосердного!» (Из Корана, девяносто седьмая сура «Могущество»).

В 9 часов вечера мы были уже на земле Кабардино-Балкарии. Рейс самолета «Стамбул–Нальчик» завершился успешно. В назначенное время нас ждали жены, сыновья и близкие родственники. Приятное ожидание и радостная встреча. «В гостях хорошо, а дома лучше», – думал каждый из нас. Маленький Нальчик показался еще меньше в сравнении с большим Стамбулом с его 16-миллионным населением. Однако он был таким бесконечно милым, наш Нальчик, наша подкова счастья, расположенная у подножия Центрального Кавказа, наша дорогая земля, богатая минеральными источниками, где построе-

ны санатории, лечебницы, дома отдыха, а в горных долинах пасутся стада овец, коз, табуны лошадей, бродят буйволы и ослики. На память приходят строки Кайсына Кулиева:

Хоть я научен городским манерам,
Хоть и ношу я тонкое сукно,
Любовь к траве, к земле и к скалам серым
Во мне неистребима все равно.

И часто даже в городах большущих,
Где что ни здание – храм или дворец,
Я вижу, как во сне, волов жующих,
Бредущих коз, пасущихся овец.

(Перевод Н. Гребнева)

Ф. С. Эфендиев

РУССКАЯ ТЕМА В ЛИРИКЕ КАЙСЫНА КУЛИЕВА (к 80-летию со дня рождения)

Статья была напечатана в журнале «Научная мысль Кавказа», № 4 1997 г. – С. 74–79. Северо-Кавказский научный центр высшей школы.

Кайсын Кулиев – сложный поэт и проникнуть в его художественный мир непросто. Своеобразие кулиевского творчества – в автобиографичности его произведений, непосредственности восприятия реального мира и жизни человека, в органическом единстве ощущений.

Русская тема в творчестве Кулиева огромна и многоаспектна. Тематика «русских» стихотворений балкарского поэта чаще всего носит автобиографический характер. Кайсыноведа к этой тематике обычно относили стихи Кулиева военной поры, такие, как «Из тетради «В старой Руссе» (1941), «Сосны России шумят» (1941), «Девушке с Севера» (1942), «Лампочка из гильзы от снаряда» (1943) и «Всегда гордился тем, что горец я!» (1942).

Конечно же, истоки русской темы в творчестве Кулиева – в его непосредственном участии в Великой Отече-

ственной войне, когда он сражался с оружием в руках на бескрайних полях России за честь, свободу отчизны, видел своими глазами героическую оборону Сталинграда и разгром немецко-фашистских войск на Волге.

Место русской темы в эволюции творчества Кулиева до сих пор еще никем не определено, и литературоведы ее обходят стороной, считая эту тему в современный период реформирования России и социальной интеграции недостаточно актуальной.

Общеизвестно, что намного раньше вышеперечисленных стихотворений в цикле стихов «Мои соседи» Кайсын сказал прекрасные и полные благодарности слова своему первому русскому учителю Борису Игнатьевичу:

Мне в сердце запали уроки,
Когда я впервые постиг
Зовущий, как мир, и широкий,
Чарующий русский язык.
И русских поэтов стихи я
Читал, задыхаясь от слез,—
Меня обступала Россия
Сплошным хороводом берез [1].

(Перевод Е. Елисеева)

Можно ли обвинять Кулиева в том, что он якобы поддался соблазну (как и все прочие поэты) хвалить русских в советский период, когда национальная литература (и культура в целом) открыто причислялась к классово-партийной идеологии? Конечно, нет.

Сквозь призму подлинного искусства поэт приобщал читателя к художественному видению мира, искренних движений своей души, откликавшейся в минуту восторга на все, что заслуживало его внимания. Вот он в древнем городе, овеянном легендами Руси, где жил Достоевский и так же бродил по узким улицам, выходил в сосновый лес и смотрел в зимнее «небо серое, стальное»:

Дремлют сосны вековые.
Тишина. Лишь треск ветвей.
Здесь, в лесу, душа России
Постигается полней [2].

(Перевод Н. Коржавина)

Поэтический дар Кайсына Кулиева естественно впитал в себя русскую тему наряду с родственными ему лириками, которых именовали «небожителями», «магами», «ангелами» (так воспринимала Блока Марина Цветаева). Кулиевское стихотворение «Сосны России шумят» не повторяет поэтические образы, созданные Блоком и Гумилевым в произведениях «Россия» и «Природа», хотя мысли о величии земли, питавшие их национальные корни, очень близки Кайсыну. Он воспел Россию в другое время, в самый первый трудный год войны, когда приходилось отступать осенними, размытыми дождями дорогами:

Осень. И тучи плывут в поднебесье.
Грустно. Дорога не радует взгляд.
И, напевая нам хмурую песню,
Сосны России шумят [2. С. 76].

Стихи огненных сороковых Кайсына Кулиева стали той основой, на которой впоследствии возникли многие произведения этой тематики. Основная тематика «русских» стихотворений прославленного горского поэта — русская природа, русские друзья, любимые поэтом русские женщины, русская история.

Обратим внимание на следующие стихотворения типа послания или посвящения: Валентине Лебедевой «Девушке с Севера» (1942), «Дмитрию Кедрину» (1945) и «Памяти Дмитрия Кедрина» (1946), М. Кирееву «Вечером, когда гремел гром» (1950) и «Памяти Михаила Киреева» (1973), Н. Тихонову «Поэт и горы» (1956), М. Дудину «Соловьи» (1962) и «Говорю моему поколению» (1980), Я. Козловскому «Ты помнишь лето? Лес, трава кругом...» (1963), Ю. Воронову («Чужого горя для поэта нет» (1981), Ярославу Смелякову «Дождь в Братиславе» (1966), Якову Смоленскому «Дом моего друга» (1969), Дмитрию Бычкову «Перевал», врачу Н. А. Лопаткину «Стихотворение, написанное в больнице» (1970), Георгию Свиридову «Мы слушали музыку» (1970), Т. Марутовой «Вечер у горы Машук» (1970), М. М. Герасимову «Откуда все мой друг узнал...» (1971), Д. Гранину «Как хорошо, что вынес все невзгоды» (1973), ленинградскому другу «Владимиру Николаевичу Орлову» (1974) и др. Все это

незабываемые друзья, милые сердцу Кайсына — музыканты, художники, ученые-литературоведы, поэты, писатели, врачи и любимые женщины. Так, в одном из ранних стихотворений описан жизненный случай, который произошел с Кайсыном в 1943 году на фронте. Случай свел его с военврачом медсанбата Верой Максимовной Сидоровой. В этом же году поэт написал стихотворение об этой девушке:

Лампочка из гильзы от снаряда
Засветилась. Хата. Ночь темна.
Я читал стихи, а в балке рядом
Били пулеметы. Шла война.
Ты, не сняв подогнанной шинели,
Села в уголок под образа.
Я читал, а на меня смотрели
Цвета летних сумерек глаза.
Так и состоялась наша встреча,
Наша дружба от нее пошла [2. С. 109].

(Перевод Н. Коржавина)

Все было именно так, как описано в стихотворении. Была ночь, которую надо было скоротать. Кулиев сидел с солдатами в хате и читал по памяти стихи Сергея Есенина, чуть прикрыв глаза. Когда он кончил читать и открыл глаза, то увидел девушку, удивленно смотревшую на него. Оказалось, что она тихо вошла и молча села послушать стихи любимого ею поэта Есенина в исполнении молодого горца.

Так об этом не раз вспоминал и рассказывал студентам Кулиев, когда его спрашивали: «Вымышленное ли имя Вера в стихотворении «Лампочка из гильзы от снаряда?» Реальная, земная Вера Максимовна разыщет Кулиева после войны в Средней Азии и станет на некоторое время его опорой и моральной поддержкой. Кайсын, мужественный офицер, только что демобилизованный из рядов Красной армии, награжденный орденом Отечественной войны II степени, медалями за свои боевые заслуги, в это время был на положении спецпереселенца, исключен из Союза писателей Киргизии и СССР с ярлыком чуть ли не врага народа. В стихах он сказал об этом тяжелом для него времени: «Нас тяжесть беды на плечах, как об-

вал» (вместе со своим несправедливо наказанным народом).

В те военные годы в лирику поэта вошла и тема русской природы.

Кулиева восхищал «русский мягкий снег» и «русских сосен шум над головой». Любовь к России занимала в душе поэта прочное место рядом с сыновней любовью к «земле родной, орлиной», где его первая песнь «ушла, как тур, по тропкам горным». Есть высокий смысл в словах, произнесенных в январе 1941 года: «Да, нынче песни стороны лесной, как песни гор, мне сделались родными». Пейзажные детали украшают и стихотворение «Россия», написанное в 1942 году. В нем дан образ могучей Родины, с ее чарующей красотой – «прозрачными родниками», «медлительными реками», бескрайними просторами и трудолюбивым народом. В России все дорого сердцу поэта: «березы, дубы, опушки и русского неба свод голубой, которым в былом любовался Пушкин».

Русская природа для горца – это совершенно особый мир зрительных и чувственных ощущений. У нее особые краски, аромат лугов и лесов. Однако все стихотворение овеяно грустью, и поэтическое зрение улавливает скорбную тень полей, «как тень на лице потерявшей друга», «из труб деревень печальный дымок над степной округой», безмолвие длинных дорог, «обрызганных вражеской темной кровью». В сознании горца военного лихолетья Россия была ему родной матерью:

Мы любим тебя, как мудрую мать,
Что кос не рвала в беде, причитая,
Пророчествам злым не стала внимать,
Любимых сынов на бой провожая.

Поэтому Кулиев уверенно сказал от лица народа:

Мы любим тебя, как любит река
То море, где путь ее так просторен.
Россия! Россия для нас на века –
Как небо для звезд и поле для зерен [1. С. 142].

(Перевод В. Звягинцевой)

Расцвет, связанный с русской темой, придет позднее, в 50–70-е годы, когда личное и выстраданное вошло

неотъемлемой частью в историю его жизни. Сам Кулиев отдавал должное русским поэтам-классикам, которых он считал своими наставниками-учителями и друзьями. В предисловии к книге стихов «Я пришел с гор» он писал: «Идеалом поэта я считаю Пушкина, именем же Лермонтова даже клялся в самые трудные дни моей жизни. И клятва эта была нерушимой. Нам так приятно знать, что бурка, сделанная руками горянок, согревала плечи Лермонтова, берегла его от ливней в пути, а наши горы и синева неба давали ему столько радостей и утешения! Это давние русско-кавказские связи стали при советской власти подлинным братством, без чего наша жизнь кажется немыслимой» [3].

Яков Козловский, поэт, переводчик и друг балкарского поэта, писал в 1964 году: «Кайсын Кулиев рано полюбил поэзию, особенно стихи Лермонтова» [4]. О плодотворном влиянии русских писателей на поэтов Кавказа, и, в частности, на свое творчество, Кулиев рассказал в книге, написанной на русском языке, «Так растет и дерево». Заметим, русский язык поэт знал превосходно, был переводчиком многих произведений киргизских писателей и поэтов с родного языка на русский. Так, К. Кулиев перевел на русский язык роман Тугельбая Садыкбекова «Среди гор» (Фрунзе, 1948).

Рассматривая проблему преемственности и развития художественных традиций, Кулиев размышлял о творчестве Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Некрасова, Горького, Есенина, Тихонова и других мастеров искусства слова.

Тема взаимосвязи русской поэзии органично перешла у Кулиева в тему России, ее раздольных красот. Ему, балкарцу, беспредельно дороги и русские сосны («Сосны России шумят»), и «вешних заливных лугов узоры и степей печальные просторы» («Девушке с Севера»), и белая береза, — «поэтов России сестра, утешенье» («Березка»). Это ей пропел свои лучшие песни Сергей Есенин, назвав ее «березкой-белолицушкой», зеленоокой красавицей.

О белоствольной березе, олицетворяющей собой Родину — Россию, писал и Кулиев, хотя у него слово «березка» связано с любовью к Лермонтову:

Поэтов России сестра, утешенье,
Белеет березка в чащобе осенней.

Быть может, на нашем Кавказе, в изгнание,
Тоской по отчизне оставленной ранен,
Оглядывал Лермонтов горы седые,
Искал тебя взором, березка России [5].

(Перевод Д. Голубкова)

Образы России, русской природы, русских друзей были близки и дороги сердцу Кайсына Кулиева. Они присутствуют не только в лирике, но и в его письмах, размышлениях о поэзии, его многочисленных статьях, литературных портретах. Русские поэты и писатели — первые, кто прославили имя Кайсына Кулиева в стихах и высоко ценили его творчество. Так, А. А. Фадеев еще в годы Великой Отечественной войны был хорошо знаком с творчеством балкарского поэта, поддержал книгу Кулиева «Горы мои» на выдвижение Сталинской премии, устроил в ноябре 1942 года его творческий вечер в Москве, на котором присутствовали Б. Пастернак, С. Вургун, Д. Кедрин, П. Маркиш, М. Рагим, Н. Асеев, К. Симонов и др. Вечер поэзии открыл вступительным словом сам А. А. Фадеев, ответственный секретарь Президиума правления СПП, сказавший «много приятных слов о стихах Кайсына» [6]. А в мае 1943 года Фадеев в своей записной книжке отметил: «Прекрасный балкарский поэт К. Кулиев. Подлинный горец и подлинная поэзия» [7].

Кайсын Кулиев в это время был не только военным корреспондентом дивизионной газеты, он активно участвовал в ожесточенных сражениях в крымских боях за Симферополь и Севастополь. В это же время он переписывался с поэтом Дмитрием Кедриным, который переводил стихи Кулиева на русский язык, начиная с 1942 года. Когда на Кулиева обрушилась беда и начались репрессии (подвергались дискриминации даже те горцы, которые, как и Кулиев, защищали Отечество на фронтах Великой Отечественной войны), Д. Кедрин не оставил его без внимания и дружеской поддержки.

Для военнослужащих депортация началась в тот же трагический 1944 год. Подвергся этой унижительной акции и капитан Советской армии Кайсын Кулиев, награжденный к этому времени орденом Отечественной войны II степени и медалями за безупречную воинскую службу. «Сверху» было дано указание: книгу Кулиева «Горы

мои», выдвинутую на соискание Сталинской премии, не издавать, так как люди его нации объявлены изменниками Родины.

Поэт Дмитрий Кедрин писал Кулиеву: «Милый Кайсын! Уже очень давно я получил твое письмо и все не мог собраться ответить тебе. Пустяки писать не хотелось, а для серьезного разговора письмо не совсем подходящая форма. Надеюсь, ты поймешь это и простишь мое молчание.

Недавно говорил с Деевым о твоей книге, вернее, пытался говорить, так как он раздраженно прервал меня и заметил, что причины ее невыхода ты знаешь...» [8]

Кедрин был в числе тех, кто стал хлопотать перед Сталиным, чтобы Кайсын не подлежал высылке. К. Симонов, А. Фадеев, Л. Субоцкий и другие старались облегчить судьбу поэта, но им это не удалось. В начале 1945 года вышло разрешение: Кулиев мог жить там, где пожелает (за исключением Москвы и Ленинграда). Кайсын в это время жил у Кедриных в Черкизово. Там и было решено, что он поедет в Среднюю Азию, где находился балкарский народ. На Курский вокзал Кайсына пришли провожать только Д. Б. Кедрин и его супруга Людмила Ивановна. Тогда они прощались навсегда. Через несколько месяцев Дмитрий Кедрин (1907–1945) трагически погиб. Убийцу не найдут.

Дмитрий Кедрин еще до отъезда Кайсына в Среднюю Азию посвятил ему стихотворение «Ночь поземкою частой...», которое впервые было опубликовано в книге Д. Кедрина «Избранное» в 1947 году под названием «Другу – поэту». Дата написания стихотворения 10 февраля 1945 года:

.

Но над нами есть выше,
Есть нетленнее свет:
Я не знаю, как пишут
По-балкарски «поэт».
Но не в песне ли сила,
Что открыла для нас
Кабардинцу – Россию
Славянину – Кавказ? [9]

Кулиев очень гордился этим стихотворением, особенно в то время, когда многие боялись переписки с опальным поэтом. «Как я обрадовался этим стихам в тот зимний день!» — ликовал он.

Сохранилось еще одно послание Д. Кедрина Кайсыну Кулиеву. Оно было написано на отдельном листке Дмитрием Борисовичем во второй половине ноября 1944 года. Начиналось оно так:

Трубка

Чтоб реже мытарила скука
Тебя в подмосковной избе
Из корня балкарского бука
Друг вырезал трубку тебе.

На том же листке Кедрин дописал еще два четверостишия и сам поставил точные даты: 23 и 27 ноября 1944 года. Позже, весной 1945 года, Кедрин продолжил работу над этим стихотворением, но уже без названия.

Чтоб легче скиталось, чтоб скука
Не мучила в русской избе,
Из корня балкарского бука
Друг вырезал трубку тебе.

Чтоб легче казалась дорога,
Изогнутый тонкий мундштук
Из крепкого турьего рога
Старательный вырезал друг.

Серебряной тонкой насечкой
Покрывл ее старый калмык,
Чтоб дым завиваясь колечком
Представился другом... на миг [10].

Кулиев любил Д. Кедрина и дорожил им как другом, ценил его как одного из лучших переводчиков, как настоящего поэта.

Влияние русских писателей и поэтов на художественное творчество Кайсына Кулиева было огромным. Русская тема в лирике балкарского поэта — не случайное явление. Она была потребностью души Кайсына, и он был всегда благодарен им, первым оценившим его талант. Так, редкий дар Кулиева в годы войны отметил и Кон-

стантин Симонов. 11 июня 1947 года Константин Михайлович в письме секретарю СП СССР Льву Матвеевичу Субоцкому отмечал, что «стихи Кулиева очень талантливы».

Много прекрасных слов сказал о Кулиеве Б. Л. Пастернак. Дружба Кайсына с Борисом Леонидовичем началась в 1942 году. Познакомила их Мария Сергеевна Петровых, будущая переводчица стихов горского поэта на русский язык.

Это был 1939 год. Кайсын тогда учился на первом курсе актерского факультета Театрального института им. Луначарского в Москве (ГИТИС). Кайсыну было 22 года, а Борису Пастернаку – 50. Еще никому не известный начинающий горский поэт, имевший только одну напечатанную в местном издательстве небольшую книжку «Здравствуй, утро!», и прославленный поэт. Борис Пастернак не забыл молодого поэта ни через год, ни позже. Когда Кайсын находился в ссылке, переживая трудное время, Пастернак был в числе тех людей, которые поддерживали поэта умным и добрым словом. Пастернак переписывался с Кулиевым, отсылал ему книги, которыми Кайсын гордился и дорожил в течение всей жизни.

В ноябре 1948 года Б. Пастернак в письме Кулиеву указал на особенные черты его характера и поэтического таланта. «Вы пользуетесь моей взаимностью, — писал Борис Леонидович. — Вы из тех немногих, которых природа создает, чтобы они были счастливыми в любом положении, даже в горе». Далее Б. Пастернак отмечал прирожденный талант, самобытное дарование Кулиева, умение показывать человека в его многомерных связях с природой, бытием «для постижения мира изнутри с его лучшей и наиболее ошеломляющей стороны». «В Вас есть эта породистость струны или натянутой тетивы, и это счастье. Про это я Вам и хотел написать» [11].

Оба поэта в начале пятидесятых годов жили мужеством ожидания невозможного. Они надеялись, что будут более свободны в своих поступках и действиях, что мечты их осуществляться. Начало письма от 10 августа 1953 года говорит само за себя: «Дорогой мой, Кайсын! Спасибо за письмо. Я Вам отвечу коротко и второпях, потому что после инфаркта, который я перенес, незакон-

ченные работы, которыми я занят, стали еще неотложнее и времени у меня все меньше, чем прежде.

Не падайте духом, мужайтесь. Избавление придет обязательно, хотя я сам ждал, что оно наступит раньше. Но и для меня пока ничего не изменилось, и мое время не наступило еще, и я не знаю, доживу ли до него.

Я давно сказал Вам, **очень люблю Вас и верю в Вас.** Эта вера не прошла. Я всем про Вас рассказываю. После Есенина я только в одном Павле Васильевиче находил такие черты цельности, предназначенности и отмеченности, как в Вас». Через пять месяцев Пастернак снова написал Кулиеву: «С Новым годом Вас, и верю в близкое исполнение самых смелых Ваших, казавшихся прежде несбыточными, мечтаний» [12].

Письмо датировано 4 января 1954 года. Сталин умер в 1953 году, и все ожидали «оттепель», которую подарил народу Н. С. Хрущев.

Через два года поэты встретились, и Пастернак был одним из первых, кто пригласил Кулиева к себе в гости. «Поэзия Пастернака была мне дорога с тех пор, как я стал взрослым, — писал позже Кулиев. — Если я продолжал учиться и вынес многие тяготы, то в этом огромная доля стараний Бориса Пастернака» [6. С. 458].

Русские поэты старшего поколения и ровесники Кулиева сыграли большую роль в его поэтической судьбе. Одним из таких поэтов был Михаил Дудин. «Говорю моему поколению» — это последнее стихотворение Кулиева, посвященное Дудину, милому Мише, как ласково называл его Кайсын. Он любил его за чудесный рассказ «Девочка и море» (М., 1975), сборник стихотворений и поэм «Соловьи» (Ярославль, 1972), за его легендарную жизнь, когда он «вышел с ружьем в превосходную стынъ» (Дудин), за то, что он жил в городе на Неве и вынес вместе с ленинградцами 900 дней жестоких испытаний холодом и голодом и самой смертью, за то, что Дудин был в Кабардино-Балкарии в 30-е годы и строил Баксанскую ГЭС и за многое другое.

Дудин и Кулиев встречались часто: в Пятигорске, отмечая Лермонтовские дни, на юбилейных торжествах в Грузии, Армении, Киргизии, Казахстане, Белоруссии, на Украине, летали вместе в Норильск и зарубежные страны. И везде у них было много друзей. «Он прекрасно

умел превращать своих старых верных друзей в друзей своих новых друзей. Он обрастал друзьями, как матка роем гудящих пчел, — писал М. Дудин в январе 1986 года, уже потеряв навсегда своего Кайсына. — Он познакомил меня с Берды Мурадовичем Кербабаевым, и этот мудрый аксакал позволил мне быть его другом. Он познакомил меня с Абиджамилом Нурпеисовым, блистательным казахским писателем, и тот стал моим другом, отзывчивым, верным.

Он свел меня с удивительным армянским поэтом Амо Сагияном, и я с восхищением перевел его книгу на русский язык, а Левон Мкртчян, по рекомендации Кайсына, раскрыл мне свою Армению во всех ее измерениях.

Я познакомил его с моим лучшим другом Сергеем Орловым, и Орлов вошел равным в круг нашего дружества» [13].

Статьи М. Дудина о Кулиеве — это глубокий и содержательный анализ поэтического творчества, интересный рассказ о времени и своем друге. Дудин высоко оценил его «Книгу земли», получившую Государственную премию СССР, и много раз писал о Кулиеве, начиная с 1962 года и до последней статьи «Свет любви и жизни», датируемой январем 1986 года, в которой он как бы подводил итог всему сказанному о Кулиеве и прощался с ним навсегда.

Предчувствуя дыхание вечности, Кулиев последний раз обратился к тому, кто поймет его. Во второй части стихотворения «Говорю моему поколению», посвященного М. Дудину, Кайсын грустно заметил:

Уходит наше поколение
Без грома с молнией, тайком.
А ведь когда-то мы камень
Раскалывали кулаком.

Костром в снегу перед веками
Пылали верности года.
Теперь мы стали стариками
И вот уходим... Навсегда [14].

(Перевод М. Дудина)

Кулиев искренне любил Дудина и его чувства нашли выражение в поэтическом послании 1963 года «Соловьи», посвященном Михаилу Александровичу.

Дудин написал Кулиеву сердечное послание «Письмо Кайсыну»:

Кайсын, мне хочется в Чегем,
Под своды старой сакли,
Там угли в низком очаге
И хворост не иссякли.

Там мягок легкий мех козы,
И мы, присев на шкуре,
Поговорим о днях грозы
И предстоящей буре... [15]

Подарил Дудин своему прославленному чегемцу и еще одно замечательное стихотворение «Сонет Кайсыну» (1977).

Когда К. Ш. Кулиеву исполнилось 60 лет, общественность России широко отметила эту знаменательную дату: в Москве в Концертном зале им. П. И. Чайковского и в Ленинграде в госфилармонии им. Д. Д. Шостаковича были проведены поэтические вечера с участием юбиляра и его друзей: М. Дудина, С. Михалкова, А. Межирова, К. Ваншенкина, С. Викулова, Г. Горбовского, Ю. Друниной, С. Наровчатова, С. Орлова, Л. Ошанина и др. Это были последние творческие вечера с участием Кайсына Кулиева, когда писатели России чествовали горского поэта. И он был благодарен им, представителям русской культуры, русского языка. «Я люблю русский язык, — говорил он, выступая в 1962 году на сессии языковедов, организованной АН СССР. — Он у нас в крови, мы понимаем его, как родную речь, он нам необходим, мы относимся к нему с полным пониманием его значения для нас. Другого отношения к русскому языку у нас не может быть. Кроме прочего, он приобщил к культуре человечества» [6. С. 402].

Можно с уверенностью говорить, что Кулиев занимает достойное место среди прославленных поэтов, писавших о России. «Русские» стихи нерусского поэта Кайсына Кулиева в процессе модернизации российского общества, периода бесконечных конфликтов в межэтнических и межнациональных отношениях звучат особенно актуально и призывают к взаимопониманию и дружбе, осуждая

узконационалистические интересы. В сознании горского поэта никогда не существовали понятия «коренные» и «некоренные» народы, титульные и нетитульные нации, маргинальность. Он знал цену дружбы людской, народов многонациональной России.

Чингизхановским копьём, арканам и стрелам
умертвить то содружество не удалось,
пыль далеких веков на него не осела,
все доспехи всех орд проржавели насквозь.

Это братство живет в одинаковых сказках
неизвестных сказателей разных племен,
в материнских тревогах, заботах и ласках,
одинаковых всюду с древнейших времен [16].

(Перевод Н. Коржавина)

И как бы ни относились к национальной поэзии в условиях современной политической трансформации, «золотое сердце России» будет звучать на разных языках и пробуждать чувства добрые.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кулиев К. Горы. М., 1975. С. 56.
2. Он же. Избранные произведения. В 2 т. М., 1970. Т. 1. С. 68.
3. Он же. Я пришел с гор. М., 1959. С. 6.
4. Козловский Я. От составителя // Кулиев К. Избранная лирика. М., 1964. С. 4.
5. Кулиев К. Избранная лирика. М., 1967. С. 157–158.
6. Он же. Так растет и дерево. М., 1975. С. 445.
7. ЦГАЛИ СССР, ф. 1628, оп. 1, ед. хр. 421, л. 1–2.
8. Там же, ф. 1706, оп. 1, ед. хр. 56.
9. Кедрин Д. Избранное. М., 1947. С. 57, 58.
10. ЦГАЛИ СССР, ф. 1706, оп. 1, ед. хр. 252, л. 5.
11. Чудо поэтического воплощения (письма Б. Пастернака) // Вопросы литературы. 1972. № 9. С. 168.
12. Эфендиева Т. Е. Борис Пастернак и Кайсын Кулиев // Вопросы литературы народов СССР. Киев – Одесса, 1990. С. 21, 22.
13. Остаться в памяти людской. Нальчик, 1987.
14. Кулиев К. Человек. Птица. Дерево. М., 1985. С. 227.
15. Дудин М. Собрание сочинений: В 4 т. М., 1987. Т. 2. С. 221.
16. Кулиев К. Земля и песня. М., 1959. С. 5.

СЛОВА ЛЮБВИ, СЛОВА ПРИЗНАНИЯ

Выступление на научно-теоретической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения Кайсына Кулиева 12–13 ноября 1997 года. Нальчик, Кабардино-Балкарский государственный университет.

Первого ноября 1997 года исполнилось 80 лет со дня рождения Кайсына Шуваевича Кулиева. Он мог бы еще жить и находиться среди нас, преподавателей КБГУ, где он работал до войны, преподавал русскую литературу. Вот как он сам вспоминал это время: «В конце июня 1940 года, приняв экзамены у студентов, всем поставив «отлично» и «хорошо», подарив им по экземпляру первой своей книги, я уехал в Красную Армию... Тогда мы не могли представить себе размеры предстоящих испытаний и бедствий. Мы в тот вечер никак не думали, что одни из нас погибнут на фронте, а другие через пять лет встретятся так далеко от родных гор... Не вернулись с фронта и многие из моих студентов...» [1]

Большой и сложный творческий путь прошел поэт. При его жизни уже были написаны о нем и о его творчестве монографии, очерки, эссе, много статей, защищены по его творчеству кандидатские и докторские диссертации [2], сняты документальные фильмы, проведены многократно читательские конференции и литературные диспуты по его книгам, а в Ереванском университете на факультете русского языка и литературы при содействии проф. Левона Мкртчяна были организованы постоянно действующие «литературные Среда Кайсына Кулиева», в Москве в ЦДЛ (Центральный Дом Литераторов) были его поэтические вечера с личным участием автора.

В статье «Поющая земля» поэт Н. С. Тихонов справедливо заметил: «в маленьком балкарском народе вырос талантливейший Кайсын Кулиев». Его большой поэтический дар сразу оценили и в разные периоды его жизни (это очень важно отметить!) такие известные пи-

сатели, как А. Фадеев, И. Сельвинский, Ю. Либединский, Д. Кедрин, К. Симонов, А. Твардовский, М. Шолохов, А. Кулешов, Ч. Айтматов, М. Дудин, Г. Марков, С. Михалков, Р. Гамзатов, А. Кешоков, Д. Кугультинов, М. Карим, И. Абашидзе, В. Гоффеншефер, М. Бажан, М. Танк, К. Ваншенкин, С. Вургун, Э. Межелайтис, К. Каладзе, С. Капутикян, знаменитый художник Армении М. Сарьян, а о критиках и литературоведах нашей страны и за рубежом и говорить нечего! И что интересно: все они и всегда писали о Кулиеве в превосходной степени, не было случая, чтобы высказывались отрицательные оценки и критические замечания. Критические замечания высказывались по поводу некоторых переводчиков и отдельных стихотворений, переведенных ими на русский язык. Обычная тема их: близок ли перевод к подлиннику или далек от него и другие замечания.

За долгие годы моих исследований творчества Кайсына Кулиева (хотя я писала и о других поэтах Кабардино-Балкарии: Б. Гуртуеве, М. Геттуеве, Т. Зумакуловой, К. Отарове, С. Гуртуеве, А. Бицуеве) [3], мне не приходилось встречать в печати и в архивах поэта КБР и ЦГАЛИ РФ (Москва) негативных рецензий. Его творчество и личные качества очень высоко оценивали те писатели и поэты, которые составляли славу и гордость России и СНГ. Мое выступление больше касается истории русской литературной критики, охватывающей начало 40-х и 50-х гг. И даже здесь я не могу охватить все слова любви и слова признания, адресованные Кайсыну Кулиеву в это время со стороны А. Фадеева, Д. Кедрина, Б. Пастернака, К. Симонова, потому что взаимоотношения с каждым из них могут быть цельным предметом исследования. Одни только письма Бориса Пастернака Кайсыну Кулиеву с 1948 года по 1953 год – это целая история литературных взаимосвязей драматических лет в личной жизни Пастернака и Кулиева. А о дружбе Д. Кедрина и К. Кулиева и говорить не приходится! Придет время и о них, об их творческих связях будут много писать молодые исследователи национальных литератур.

Итак, май, 1943. Кулиев, тогда молодой, начинающий поэт, делал первые шаги в балкарской поэзии. Он имел только одну опубликованную книгу стихов и писал новые стихи будучи на фронте. Стихи публиковались в

центральных и местных газетах. Александр Фадеев, уже известный писатель, читал фронтовую лирику Кулиева и отметил его дарование. Он писал в одной из своих записных книжек: «Прекрасный балкарский поэт К. Кулиев. Подлинный горец и подлинная поэзия». Их близкое знакомство началось годом раньше, когда в ноябре 1942 года Кулиев приехал с фронта на несколько дней в Москву по вызову Политического управления Красной Армии и лично А. А. Фадеева. В честь поэта-фронтовика был организован творческий вечер. На нем присутствовали Фадеев, Асеев, Симонов, Самед Вургун, Перец Маркиш, Мамед Рагим, Борис Пастернак и некоторые переводчики стихов Кулиева. Фадеев слушал выступления Кулиева, его проникновенные стихи о России («Сосны России шумят», «Девушке с Севера», «Жить!»), о любимой и друзьях, очевидно, он и записал тогда себе: «Прекрасный балкарский поэт К. Кулиев. Подлинный горец и подлинная поэзия».

С этого же времени началась дружба Кулиева с Борисом Пастернаком. Познакомила их в 1939 году Мария Сергеевна Петровых, будущая переводчица стихов горского поэта на русский язык. Кулиев тогда учился на первом курсе актерского факультета ГИТИСа. Он произвел на Пастернака большое впечатление, и известный поэт не забыл молодого горца даже тогда, когда Кулиев находился в Средней Азии вместе со своим народом, лишенным гражданских и политических прав. Пастернак поддерживал Кулиева умным и добрым словом и понимал его как никто другой.

25 ноября 1948 года Борис Пастернак писал: «Дорогой Кайсын! Спасибо Вам за Ваше порывистое горячее письмо. Вы пользуетесь полной моею взаимностью. У меня есть мысли о Вас, которые я мог бы сейчас же сообщить Вам или записать для памяти, но у меня нет времени, и я их все равно не забуду. Или вот они в двух словах. Вы из тех немногих, которых природа создает, чтобы они были счастливыми, в любом положении, даже в горе. Тот, кто очень рано или при рождении получает от нее несколько, все равно каких, нравственных, душевных или физических задатков, но выраженных до конца из не составляющих сомнения, тот в завидном положении и вот почему. На примере самого себя (а это ведь очень удоб-

но: каждый всегда под рукой у себя) на примере самого себя, на примере именно этих выступающих определенных качеств рано убеждается он, как хорошо и в мире все законченное, недвусмысленное, исправное и образцовое, и на всю жизнь пристращается к самосовершенствованию и охватывает тягой к совершенству. Прирожденный талант, конечно, есть путь к будущей производительности и победе. Но не этим поразителен талант. Поразительно то, что природенный талант есть детская модель вселенной, заложенная с малых лет в ваше сердце, школьное учебное пособие для постижения мира изнутри с его лучшей и наиболее ошеломляющей стороны. Дарование учит чести и бесстрашию, потому что оно открывает, как сказочно много вносит честь в общедраматический замысел существования. Одаренный человек знает, как много выигрывает жизнь при полном и правильном освещении и как проигрывает в полутьме. Личная заинтересованность побуждает его быть гордым и стремиться к правде. Эта выгодная и счастливая позиция в жизни может быть и трагедией, это второстепенно. В Вас есть эта породистость струны или натянутой тетивы, и это счастье. Про это я Вам и хотел написать, но таких вещей не пишут с кондачка и на фу-фу, жаль, что я это скомкал...

Ваш Б. Пастернак» [4].

Письмо это приведено полностью. Оно помещено в избранных произведениях Бориса Леонидовича. Составление, подготовка текста и комментарии Е. В. Пастернак и Е. Б. Пастернака. Рисунки художника Л. О. Пастернака.

В этом письме, как понятно, Б. Пастернак отметил то, что составляло тогда лучшую сторону лирики балкарского поэта, указывая на особенные черты его характера и поэтического таланта. «...Вы пользуетесь моей взаимностью, — писал Борис Леонидович. — ... Вы из тех немногих, которых природа создает, чтобы они были счастливыми в любом положении, даже в горе». Отмечая далее природенный талант, самобытное дарование Кулиева, его умение показывать человека в его многомерных связях с природой и бытием «для постижения мира изнутри с его лучшей и наиболее ошеломляющей стороны», Пастернак отметил: «...В Вас есть эта породистость струны

или натянутой тетивы, и это счастье. Про это я Вам и хотел написать».

Пастернак начал писать письма Кулиеву с 1947 года во Фрунзе, где Кулиев работал в Союзе писателей, возглавляя русскую секцию. Знал Пастернак и другое, что Кулиев был исключен из Союза писателей как спецпереселенец, у него были проблемы с жильем — он не имел постоянной прописки, поэтому свои письма он отправлял одной журналистке, сотруднице по Союзу писателей Киргизии Елене Дмитриевне Орловской. Она эти письма передавала Кулиеву. Так, в письме от 10 мая 1947 года Пастернак ей писал: «...Я очень хорошо помню Кулиева и рад Вашему сообщению о нем. Он, конечно, из той породы, когда человек приходит с определенностью и значительностью явлений». В своих письмах Пастернак интересовался судьбой Кулиева, понимая душевное состояние и положение ссыльного поэта, когда, по словам Н. Джусойты, «вернувшись с войны, Кулиев нашел Балкарию опустевшей и по доброй воле последовал в изгнание за своим народом в киргизские степи, в вынужденное двенадцатилетнее молчание».

Письма Б. Пастернака Кулиеву — это отражение истории развития нашей отечественной литературной критики, а не только приметы самого времени, сложных путей творческой мысли в условиях культа личности, общественных противоречий послевоенных лет. Так, в письме от 10 января 1948 года Пастернак с тревогой сообщал: «Дорогая Елена Дмитриевна! Так как стали иногда пропадать письма ко мне (как, например, Ваше совместное с Кайсыном Кулиевым, о котором Вы упоминали) и мои письма к другим, я не уверен, получили ли Вы мое большое заказное письмо на четырех страницах, посланное Вам в ответ на Ваше». Заканчивая письмо, он поздравлял далеких друзей с праздником: «С Новым Годом Вас и Кулиева и от души всего лучшего Вам обоим. В том письме я обещал Вам прислать «Избранное» в новом подборе. Случай, кажется, скоро представится.

Ваш Б. Пастернак» [5].

Ни Кулиев, ни Орловская этого «Избранного» не получили. Беда обрушилась и на Пастернака: в течение последних 15 лет он, как и Кулиев, почти не печатался. Но Кулиев в это время много писал и некоторые из про-

изведений посылал «на суд» Пастернаку. Об этом свидетельствуют строки из письма от 30 апреля 1948 года, адресованного Е. Орловской: «Это ответ на Ваше письмо и пакет с подстрочниками Кулиева... Мне нравится все, «Пери» больше Кедрина, но необыкновенными кажутся мне, нравятся по-настоящему и дают ощущение непроизвольно врывающейся извне и лежащейся на страницу жизни (то, чем должно быть искусство) два последних: «Над старой книгой горских песен» и «Охотникам, заблудившимся в ущельях». Кулиев – молодец, что и говорить.

Он писал мне, я Вам отвечу, но сейчас я тороплюсь послать Вам обоим только что вышедшего Петефи, а также вкладываю в конверт для Вашего и его ознакомления стихи из романа в прозе (речь шла о романе «Доктор Живаго».— Т. Э.), о котором я, кажется, Вам писал ранее... Простите меня за лаконизм и торопливость тона, главное мое желание – доставить Вам и Кайсыну радость этой книгой. (Кайсыну я, между прочим, pošлю роскошнейшего Пшавелу, не ради перевода моего, а всего издания, внешности, иллюстраций, хевсурского Кавказа и пр. и пр.)

Бесконечно Вам и Кайсыну спасибо за Ваши письма. Известите меня о получении книги и письма.

Ваш Б. Пастернак.

Простите меня, в последний момент вдруг решил подписать Петефи одному Кайсыну...» [6].

Этими книгами и автографами Б. Пастернака Кулиев очень гордился и дорожил ими в течение всей жизни. «...Он писал мне, присылал книги с такими автографами, которые мог сделать только он один,— вспоминал об этой поре Кулиев.— В своих письмах он учил меня чести и достоинству. Я постоянно чувствовал на своем плече его руку. Его голос доходил до меня в моей среднеазиатской дали, был опорой и поддержкой» [7].

Кулиев ждал письма от Пастернака. Это, по существу, была единственная связь с литературным миром столицы, о чем всегда тосковал Кулиев. В лице Пастернака он видел для себя пик литературного существования, оправдание своего поэтического труда. 29 апреля 1948 года Кулиев получил письмо, в котором сообщалось: «Дорогие Елена Дмитриевна и Кайсын! Получил обе Ваши те-

леграммы, спасибо, но лучше бы Вы мне написали письмо. Не ждите от меня обещанного «Избранного» ... Готовую и однажды уже разрешенную книжку задержали и предложили издательству не выпускать. Сборника не будет» [8]. Вероятно, Пастернак дорожил мнением Кулиева, его знанием трудностей жизни и очень хотел, чтобы он написал свое мнение по поводу его только что законченной первой части романа «Доктор Живаго». Поэтому в письме к обоим от 30 января 1949 года Борис Леонидович писал: «Милые мои Елена Дмитриевна и Кайсын! Как я понял дочку Цветаевой, Ариадну Сергеевну Эфрон, она все же послала Вам из Рязани рукопись. Но так как от Вас ни слуху ни духу, то, видимо, Вы либо не получили ее, либо она так не понравилась Вам, что Вы на меня сердиты...» [9]. Рукопись они получили, читали первую часть романа и были одними из первых, кто имел свое собственное суждение о нем, в отличие от тех, кто не читал, а считал содержание романа антисоветским. О таких людях Пастернак говорил: «Когда же кончится раздолье подхалимам, которые ради своей выгоды готовы шагать по трупам?» [10]

Над этим романом Пастернак работал упорно и успешно. Через год, 14 января 1950 года, Пастернак извещал своих друзей — Кулиева и Орловскую: «... не посылайте мне назад рукописи. Надеюсь, мое письмо застанет Вас и Кайсына на месте (Вот уже о чем приходится мечтать!). Но если б в будущем Вам пришлось уехать, считайте этот экземпляр своей собственностью.

Я теперь перед вероятной уймой новых переводных задач (среди них несколько поэм Петефи, шекспировский Макбет и 2-я часть Фауста). Месяца два-три с бож. помощью напишу вторую книгу романа, пишу также стихи вроде тех. Удивило совпадение слова «снегопад» у меня и в Вашем переводе Кулиева и сходство настроения. Кстати, Ваш перевод так лишен мишуры и прикрас, что может показаться почти пересказом оригинала, я не знаю, как велика Ваша близость или как велико стремление к благородной простоте, в обоих случаях честь Вам и слава, это очень большая Ваша заслуга». Из этого письма Пастернака видно, что стихи Кулиева ему нравились, так как они были близки ему по их глубокому художественному содержанию, покоряли своей драматичностью и

поиском идеала. В этом же письме от 14 января 1950 года Пастернак отмечал: «...Большое Вам спасибо за письмо Ваше и Кайсына и за вложенные стихотворения. Впечатление было необыкновенное, огромное. И о нем подробнее в письме Кулиеву... Первым побуждением было ответить Вам тотчас же: невозможность рассказать важное и значащее». Обещанное письмо Кулиеву было написано в канун Нового (1950-го) года, а точнее – 31 декабря 1949 года. Она интересно по тем выводам-решениям, к которым пришел Пастернак в связи с чтением кулиевских стихов, таких, как «Говорю дождю» (1949), «Стихи, написанные в день рождения» (1947), «Стихи, ск...нные во время дождя» (1949) и некоторые другие. Пастернак увидел в этих стихах выверенную, твердую внутреннюю позицию поэта, истинно глубокое художественное чутье, так восхитившее Бориса Леонидовича. «Дорогой Кайсын! – писал он. – В тот день, как пришло письмо от Вас и Елены Дмитриевны, из Тбилиси приехала моя приятельница, жена Тиц. Табидзе. Она обедала у нас, я пробовал читать ей листки с переводами Елены Дмитриевны, она читала глазами и соглашалась с моим потрясенным восхищением. Все это очень и очень хорошо. Это не только выношено и выражено с большой потрясающей силой, это каждый раз ее новый образ в той или иной форме прометеевой скованности и неволи.

Елена Дмитриевна права, выделяя стихи, которые Вы написали в день рождения, и стихи, написанные мне, они хороши сверхъестественно, но я ставлю рядом и «Я хочу, чтоб было так», «Вечером, когда листья падают», «Видя, как идет дождь».

Между прочим, несмотря на лучшие наши гетевские переводы, персидской и арабской лирики, несмотря на Саади, Омара Хайяма и др., на Ваших примерах я впервые в жизни понял, открыл и испытал на себе действие и природу этих газелеобразных возвращений и повторений, трагическую естественность и победоносность этой формы, так сказать, роковой, заклятый ее ход. Все это очень крупно и бесподобно. Но что же, кроме этих восторгов, Кайсын, сказать мне Вам утешительного?.. Сегодня мне самому так грустно, что сам я больше всех нуждаюсь в утешении. Ну да все равно. Целую Вас и обнимаю. Се-

годня 31 декабря. С Новым годом Вас и Елену Дмитриевну. Что делать, что делать!

Ваш Б. Пастернак»

Кулиев, получив это письмо, сделал на нем пометку карандашом: «Январь, 1950 год» [11].

Письма Пастернака Кулиеву интересны тем, что они позволяют увидеть, как он в это время работал над романом и поэзией, переводами Шекспира, Гете, Кальдерона, что его волновало и тревожило. Письма позволяют также проследить, как складывалась пастернаковская концепция поэтического перевода отечественной и зарубежной классики, его взгляды на национальную литературу, на процесс ее становления и развития. Но главное то, что в его письмах дана четкая и глубокая оценка лирики Кулиева среднеазиатского периода. В истории развития русской литературной критики взгляды и концепции Пастернака имеют немаловажное значение в отношении того или иного писателя, поэта, переводчика или литературоведа. Обратимся снова к письмам Пастернака. Так, от 4 февраля 1950 года он писал: «Дорогой Кайсын! Вот Вам два из тех новых стихотворений, которые я хотел бы послать в более полном числе, а потом раздумал. Может быть, они Вам что-нибудь скажут? Это все в тот же роман в прозе, который я продолжаю и в который будут поступать все мои новые стихи, пока я его не допишу. Я мечтаю довести его до конца в течение этого года...» Роман не был закончен к этому времени, как предполагал Пастернак. Он продолжал работать над ним еще много времени и переписывался со своими друзьями — Кайсыном и Еленой Дмитриевной, которым он все больше и больше доверял свои мысли, тревоги и то, что его огорчало. А огорчало его многое: он много трудился над переводами, уставал и не оставалось сил дописать роман «Доктор Живаго».

22 февраля 1950 года он получил от них поздравительную телеграмму с днем Красной Армии и спешно отвечал: «Дорогая Елена Дмитриевна! Сердечно благодарю Вас и Кайсына за телеграфное поздравление. Я как раз болел тогда гриппом в тяжелой форме. Теперь поправился.

Если рукопись «Живаго» в хорошем состоянии (т. е. шрифт не стерся), сделайте мне, пожалуйста, одолжение,

пошлите ее заказной бандеролью Анастасии Ивановне Цветаевой,

Новосибирская область, Пихтовский район, Пихтовка, до востребования.

Не сердитесь на просьбу, м. б. что-нибудь из написанного там доставит радость получательнице, а у меня нет лишнего экземпляра.

Всего лучшего Вам обоим.

Преданный Вам Б. Пастернак»

Работу над романом «Доктор Живаго» Пастернак начал в 1946 году. Радовался, когда освобождался от переводов и продолжал работать над ним. Об этом он и писал Кулиеву 29 апреля 1948 года: «У меня сейчас месяц-два свободных, и я поглощен работой над прозой, которую тороплюсь писать, потому что скоро опять придется заниматься проклятыми переводами (проклятый даже Фауст). Простите, что пишу второпях. Но я бы желал Вам хоть малой доли того чувства счастья и удовлетворения, которыми я полон в последнее время». И далее он с радостным чувством сообщал: «...нет, правда, я не нахваляюсь на свое самочувствие и не могу настроиться серьезно, чтобы со вниманием отнестись к своим неудачам».

Многогранной по тематике и сложной по форме общения была переписка Пастернака и Кулиева в эти годы. Это был период их наибольшей духовной близости. Рассказывая в письмах о своих творческих замыслах, о работе над романом «Доктор Живаго», над многочисленными переводами (он перевел семь трагедий Шекспира, «Фауста» Гете и многое другое); Пастернак, по существу, общался именно с Кулиевым, хотя адресовал свои письма Орловской. Приведем письмо Пастернака, которое он написал Кулиеву 20 мая 1950 года (по счету это было 9 письмо). «Дорогая Елена Дмитриевна! – писал он. – Простите, что не пишу Вам и не удовлетворил Вашего дозволенного и естественного любопытства. Не ищите за моими словами и тем стихотворением никаких символов, это все простые факты жизни, и если я сближал их с некоторыми положениями в Фаусте, например, со сценой Маргариты в тюрьме, то в том прямом смысле, что и одна моя бедная знакомая находится точно в таком же положении. Больше Вам ничего знать не надо и не надо

ни о чем этом распространяться, потому что под пером эти материи искажаются до немыслимости и перестают быть самими собою.

Я хочу послать Кайсыну том только что вышедшего Гете. Это ему, но я пошлю его по Вашему адресу, потому что не знаю точного адреса Киргизского Союза писателей, куда послать было бы еще разумнее, чтобы они видели, как я его ценю.

Наверное, Вас и Кайсына так же, как это случилось со мной, удивят блеск и совершенство почти всех новых переводов. Под ними Вы и он найдете много имен бывших знакомцев (по Союзу) необычно выросших. Вот что делает непрерывная и напряженная трудовая тренировка, которой были лишены предшественники. Среди этих работ Фауст мой тонет и теряется больше, чем я мог предполагать. По наивности и неведению (я не знал, что делают другие) я считал, что он отличается больше от обыкновенного уровня.

Мне бы хотелось, чтобы Вы и Кайсын сказали что-нибудь веское и дельное на эту несомненную тему, а не принялись разуверять меня, споря с очевидностью.

Всего Вам лучшего. Я рад, что Вы все там же. (Помните, вы боялись переезда). Спасибо за пересылку рукописи Цветаевой.

Ваш Б. Пастернак»

Из этого письма видно, что Пастернак хотел сделать приятное Кулиеву: послать книгу на Союз писателей Киргизии, чтобы все увидели, как Пастернак ценит Кулиева. Понятно и другое, что Пастернак с чувством уважения относился к способностям Кулиева как переводчика, хорошо зная из писем Орловской, что Кайсын в это время сам много переводил стихов с киргизского языка на русский, чтобы как-то материально обеспечить себя и семью. Поэтому он просил Кулиева откровенно высказаться по проблеме мастерства перевода — «сказать веское и дельное».

Пастернак снова писал Кулиеву и Орловской 11 октября 1951 года. «Дорогая Елена Дмитриевна! Спасибо за чудесные Ваши яблоки, — благодарил он. — Мы не только две недели лакомились ими, но, разложенные на блюде, они долго были ярким украшением комнаты. Но зачем

Вы трудились, тратились, хлопотали? И я не заслужил этого.

Я оставил без ответа последнее Ваше письмо и Кайсына и пачку новых его стихов, которые были так же хороши, как всегда. У меня около года болели (да боли и не прошли совершенно) левая сторона спины и шеи, левое плечо и лопатка. Все это каким-то образом было связано с положением тела в сидячей позе за писанием и, ограничившись заказной работой, источником заработка, я воздержался от излишнего засиживания за столом, не писал писем и не читал. Это что-то нервно-мышечное, но очень застарелое, укоренившееся, кроме того, в этой части имеется глубоко сидящий, широко распластаный жировик, который я бы дал вырезать, если бы был уверен, что от этого станет лучше, а не хуже, потому что причина, наверное, не в нем и он — явление сопутствующее.

Не обращая внимания на боли, в конце зимы и весною очень резкие, я быстро и усидчиво переводил вторую часть Фауста, необозримое нагромождение странных, не всегда содержательных, иногда горячо и творчески, часто холодно-аллегорически написанных отрывков. Отделить от них главное, в этом утвердиться и в этом, вынесенном за скобки, органическом производителе усмотреть связь этих, в большинстве бессвязных, фрагментов — было главной трудностью и задачей перевода, стало главным стилем его, которым он будет, по-видимому, отличаться и вызывать возражения и замечания редакторов и критики. В середине августа я сдал готовую работу в издательство. Теперь редакторы будут читать ее дольше, чем Гете сочинял Фауста, а я его переводил. Но это, конечно, правильно. Все это пустяки, а главное — редакторы, издательства, учреждения и должностные лица.

С середины августа я полтора с чем-то месяца пропал в саду и на огороде, за чем застал меня однажды Орлов, которого я верно разочаровал небрежностью моего перепачканного землей и полузастегнутого костюма, вялостью неинтересного разговора, полным незнанием современной литературы и холодным безучастием к ней.

Сейчас я переехал в город. Надо будет воспользоваться свободным перерывом и постараться закончить роман. Есть продолжение его, которого Вы, кажется, не зна-

ете. Но много, многое изменилось. Еще так недавно работы, усилия, замыслы, события жизни и случайности чередовались, что-то означая в своем движении и оставляя по себе какой-то след. Теперь же все идет у меня как сквозь сон, ваяясь в одну какую-то скучную грудку и ничего не знача, — Фауст, Орлов, огород, современная литература и я сам, все то время, что меня угнетает, усилившаяся скованность и несвобода в плече и шее. В этом виноват не только мой возраст (а может быть, и совсем не виноват), но также возраст и самих вещей, какая-то мера терпения, предел однообразия.

Оттого я и перестал писать Вам и Кайсыну Кулиеву, перестав ждать и желать нового изнутри и изнутри, вместо новой действительности, которая бы пришла из внешней жизни.

Крепко целую Кайсына. Сердечный Вам привет и огромное спасибо. Не сердитесь на меня и о том же попросите Кайсына Кулиева.

Ваш Б. Пастернак»

Орлов мне очень понравился, как и кое-что из его работ. Не поймите меня превратно и не заключите из моей смазанной, сливающейся в одно пятно характеристики моих чувствований чего-нибудь пренебрежительного по отношению к кому бы то ни было».

По этому письму Кулиев и Орловская поняли, что Пастернак был болен и продолжал болеть. Но его ждало еще худшее — инфаркт. Об этом они узнали из его письма от 30 января 1953 года. «Дорогие Кайсын и Елена Дмитриевна! Получил сегодня телеграмму, подписанную «друзья», вероятно, Вашу. Спасибо за пожелания. Верно, Вам сообщили из Москвы, что у меня в конце октября был инфаркт, и я два с половиной месяца пролежал в больнице. Оттого и открытку пишу, а не закрытое письмо, мне еще нельзя. Очень тронут Вашей памятью. Судьба была очень мягка ко мне. И болезнь прошла без особых страданий, и Союз писателей без всяких попыток тревожить его с моей стороны и со стороны Зинаиды Николаевны проявил много забот, которых я ничем не заслужил. На днях мы с ней собираемся в санаторий «Болшево» под Москвой. Целую Вас обоих.

Ваш Б. Пастернак»

Оба поэта в эти прошедшие трудные годы жили, как верно подметил Нафи Джусойты в статье о Кулиеве, мужеством ожидания невозможного. Они надеялись, что в их жизни начнутся перемены к лучшему, что сталинская эпоха кончилась, а вместе с ней преследования людей по политическим причинам. Письмо Пастернака Кулиеву от 10 августа 1953 года говорило об этом (после смерти Сталина прошло четыре месяца). Это письмо было адресовано одному Кулиеву и можно из него многое понять, о чем хотел сказать Пастернак. «Дорогой мой Кайсын! — писал он. — Спасибо за письмо. Я Вам отвечу коротко и второпях, потому что после инфаркта, который я перенес, незаконченные работы, которыми я занят, стали еще неотложнее и времени у меня все меньше, чем прежде.

Не падайте духом, мужайтесь. Избавление придет обязательно, хотя я сам ждал, что оно наступит раньше. Но и для меня пока ничего не изменилось, и мое время не наступило еще, и я не знаю, доживу ли до него.

Я давно Вам сказал, что очень люблю Вас и верю в Вас. Эта вера не прошла у меня. Я всем про Вас рассказываю. После Есенина я только в одном Павле Васильеве находил такие черты цельности, предназначения и отмеченности, как в Вас.

Я думаю, Вы давно уже пишете или могли бы писать по-русски так же хорошо, как на родном языке, или еще лучше. Подлинность, чистота и сила Ваших оригиналов доходила через все подстрочные воспроизведения и передачи, значит она лежала не в привычной, повседневной прелести и документации народного речевого оборота, а перерастала их и коренилась в образном содержании сказанного». Эта высокая оценка поэзии Кулиева, когда он находился на положении спецпереселенца, говорила о многом. И для тех, кто знал Кулиева по Союзу писателей Киргизии, которым предстояло встретиться с поэтом в 60–70-е годы, после того, как он вернется на родину и начнет бороться за высокий статус литератора. Но тогда, в 1953 году, читая письмо Пастернака, Кулиев вдумывался в строки старшего собрата по перу о путях развития национальных литератур, о чем писал Кайсын Пастернаку в Москву. «...Вот что я думаю о национальных литературах, — отвечал Борис Леонидович. — Для того чтобы

явление в какой-нибудь из них возбуждало внимание и вызывало переводы, оно должно обладать новизною и важностью Омара Хайяма или Рабиндраната Тагора, в которых мировая поэзия нуждалась и без которых была бы не так полна. То что Рабиндранат давал переводить себя другим, а не сделал этого сам, превосходно владея английским, его добрая воля и совершенная случайность. Легко могло бы быть наоборот. Тут нет ничего рокового, безусловного и неотменимого. Джозеф Конрад, лучший английский романист нового времени, мог бы изложить все им написанное по-польски, на языке своей родины, который он еще помнил. Но он провел свою жизнь моряка в Англии и писал на языке своей жизни, наверное, казавшимся ему языком моря. Рильке, величайший новейший поэт Германии, признанный теперь величайшим европейским поэтом, много путешествовал, очень любил Россию, хорошо знал Скандинавию и долго жил в Париже, секретарствуя у скульптора Родена и связанный дружбой с писателями и художниками Франции. Последнюю, посмертную книгу стихов он написал по-французски. Вероятно, ему казалось, что в мире немецкого выражения он прошел до конца, до последних отвлечений и обобщений, и он не чувствовал возможности вернуться опять к начальным частностям, без которых не обходится художественное слово, а во французской поэзии он мог стать снова начинающим.

Я Вам пишу так много на эту тему для того, чтобы сказать, что между природным фактом вдруг зарождавшегося произведения на малораспространенном языке (явление большой личности) и пятьюдесятью национальными литературами, в одно и то же время в искусстве возникающими и искусственно поддерживаемыми из политических соображений, к тому еще, может быть, мнимых и ошибочных, огромное расстояние. Первое — самородное явление жизни, которое в сложной своей судьбе рано или поздно должно найти свое живое место среди всего остального живого в той или иной форме». Читая эти строки письма, Кулиев все понимал с полуслова, так как в своем последнем письме он затрагивал все эти вопросы, волновавшие его, — о переводе с подстрочников оригинала, о путях развития литератур больших и ма-

лых народов, о самобытном даровании художников слова и об их условиях развития и т. д. Политических событий, диктата в области литературы они не затрагивали, так как знали, что цензура не дремлет и их письма могли вскрываться, поэтому они осторожно обходили острые углы наболевшего за эти последние годы. За эти семь лет (с 1947-го по 1953 гг.) и для Пастернака, и для Кулиева все оставалось по-прежнему. Время их еще не наступило, как об этом писал Пастернак. И тот и другой занимались переводами, чтобы как-то прожить, иметь небольшой заработок. В минуты отчаяния, уставший от травли и непосильной умственной работы, он писал в письме Кулиеву: «Переводы отняли у меня лучшие годы моей деятельности...» Так же думал и Кайсын Кулиев, когда тратил свои интеллектуальные и умственные способности на переводы стихотворений с киргизского языка на русский. Поэтому он прекрасно понимал Пастернака, который жаловался Кулиеву в одном из писем: «...скоро опять придется заниматься проклятыми переводами (проклятый даже Фауст)...» Кроме того, Пастернак жил тогда в постоянной тревоге: он знал и понимал, что его каждую минуту могут объявить «врагом народа», ведь объявлялись же врагами народа не только отдельные лица, но и целые народы, высланные насильственно из родных краев и обжитых земель.

В этом же письме после суждений и размышлений о национальных литературах (были затронуты Омар Хайям, Рабиндранат Тагор, Джозеф Конрад, Рильке) Пастернак, как бы опасаясь за писательскую судьбу своего молодого друга, за его будущее как поэта, советовал ему творить в мире только доброе и прекрасное, понимая, что во времена тяжелых испытаний, когда всякая свободная мысль подавлялась тоталитарным режимом, человеку всегда необходима идейно-нравственная опора для духа. Поэтому Пастернак, обращаясь к Кулиеву, писал: «...Второе, насильственное, порождение вначале легкомысленно беспочвенное и беспредметное, а потом трагически претерпевающее жестокие превратности всего надуманного и неестественного. Доверяйтесь самому светлому и сильному в себе, Кайсын, самому дальнобойному, не боясь расстояний и трудностей, куда оно Вас занесет, и не считаясь

с распространенными представлениями, какими бы проверенными и неопровержимыми они ни казались». В этих строках письма и дружеский совет, и возможность найти в чужом опыте жизни и в душевных переживаниях заметы своей собственной драмы и сомнений. Заканчивая письмо, Пастернак как бы отчитывался перед Кулиевым, что он сделал и что его еще ожидает: «...Месяца через два-три выйдет полный Фауст. Я Вам его пришлю, я хочу, чтобы Вы его весь прочитали. За исключением многих страниц скучных, вялых и ненужных, но всегда промежуточных, то есть таких, за которыми вскоре всегда следует что-нибудь стоящее, это произведение необыкновенное. Оно занимает совсем особое место в поэзии не по силе достигнутого только, а по единственности и необычайности действующей в нем и заложенной в него лирической стихии. Ее огнем Гете хотел озарить дальние и недоступные закоулки нашего существования иначе, чем это делает философия. Он заразил меня этой энергией, я увлекся передачей главным образом этой, действующей в трагедии силы. Это ново и в моей деятельности и в нашей поэзии, этого прежние переводы Фауста не передавали.

Я много хотел Вам сказать сегодня, Кайсын, и мог сделать это очень скомканно и, наверное, неудачно. Но повторить в другой раз я этого не смогу». Видно, что Пастернак остался недовольным в истолковании многих вопросов, затронутых им, в своих ответах Кулиеву. Письмо заканчивалось сугубо личным, что интересовало Пастернака: «...В каких отношениях Вы с Еленой Дмитриевной, жива ли и здорова ли она и встречаетесь ли Вы, — о, в жизни все бывает! Если она во Фрунзе и вы не в ссоре, то это письмо в каких-то частях также и ей. Я был при смерти зимой прошлого года и вот слава Богу, выжил.

Целую Вас и ее.

Ваш Б. Пастернак» [12]

Через пять месяцев Пастернак снова написал Кулиеву и Орловской: «Благодарю Вас за телеграмму. С Новым годом и Вас, и верю в близкое исполнение самых смелых Ваших, казавшихся прежде несбыточными мечтаний...» Письмо датировано 4 января 1954 года. Этот год был памятным в жизни поэта: во второй половине

декабря Кулиев был в Москве на Втором Всесоюзном съезде советских писателей в качестве делегата. Пастернак как бы предвидел «близкое исполнение самых смелых» кайсыновских мечтаний. Через одиннадцать месяцев они исполнятся! В этом же письме Пастернак выражал надежду, что его друзья прочтут «Фауста», над которым он так много трудился. Эту просьбу Пастернак повторял несколько раз – в письме, написанном в августе 1953 года, и снова то же пожелание – в январе 1954 года. «...У меня было очень немного экземпляров Фауста, когда я один послал Кайсыну, и теперь ни одного не осталось. Но ведь это слишком большая для стихотворного произведения вещь, наверное, ни Кайсын, ни Вы, ни кто бы то ни был из лучших моих друзей не в состоянии будут дочитать его целиком до конца даже из преданности мне.

Я Вам или Кайсыну, кажется, летом писал, какой переворот (в состоянии здоровья после долгой прошлогодней болезни сердца и долгого лежания в больнице) произвела во мне во всем спешная напряженная и объемистая работа над переводом, который я подверг обширной переделке в корректуре, по собственному желанию и наперекор опасениям редакции, что я текст, ею одобренный и принятый, испорчу и задержу напечатание книги. Эта работа возродила меня и осчастливила – с нее, с этих летних трудов пошли разные другие приятности, я сильно двинул вперед роман, написал много новых стихов и т. д.

Переработку Фауста я производил под поторапливание Гослитиздата в листах верстки, все сделанное, тысяч до двух новых стихов, написанных недели в три – в месяц – ушло на этих листах, у меня не было времени переписать новый текст для себя и не осталось ни следа от него. В разлуке с этой работой воображение мое разыгралось, я стал фантазировать насчет значения сделанного, и, наверное, часть того преувеличенного, что я чувствовал в те дни, попало в мою переписку, в том числе, вероятно, в письмо к Кайсыну.

Теперь, раскрыв книгу, он не найдет в ней ничего из того, о чем я писал, как в том же положении оказался и я, когда на днях стал перелистывать вышедшую книгу. Я не разочаровался во внешних качествах перевода: язык

именно в той мере естественен, в стихах плавлен и певуч, как мне того хотелось. Но у меня в воспоминании осталось ощущение, будто прозрачностью и легкостью перевода я исправил грехи самого произведения, уменьшил гнетущую громоздкость целого, оживил мертвые и неподвижные страницы маскарада, космогонических рассуждений и прочих аллегорий, сгладил претящую нравственному чувству последовательность некоторых мест, вроде следования Вальпургиевой ночи и, что еще хуже, праздной, ученой, барской «Золотой свадьбы Титании» после душераздирающей, святой, земной и написанной с такой силой лирики и страсти драмы Маргариты, ее конца и казни. Но увы, все эти странности остались. Но все это Гёте, скажете Вы, разве вы брались его переделывать, и разве Вам это разрешили?

В том-то и дело, что в момент, когда разбереженная гениальным гетевским Фаустом энергия моя кипела, я, не искажая текста, мог бы произвести над ним много превращений. Я бы мог, например, в предисловии или в комментариях, если бы дали мне их написать (а сколько раз я просил позволить мне их написать, но разве мыслимо мне, лицу не должностному и не обладающему никаким милицейским чином, браться за такие высокоидейные дела) многое объяснить...», — так писал Пастернак Орловской.

В конце письма он делился радостью, которую доставляет ему работа над романом «Доктор Живаго», творческими достижениями года и планами на будущее. И все, конечно, было связано с завершением романа. Как сильно радовался Пастернак, когда была закончена последняя глава! «Понимаешь, он умер! Умер! Умер Живаго. Отныне мы, мои дети, наши близкие друзья — все попало в магнитное поле романа. Мы были уже не мы, мы были «служители» романа. И жизнь наша уже была расписана...» — звонил Пастернак из Переделкино О. В. Ивинской. Но и тогда, в 1954 году, он радовался близкому завершению романа и писал об этом Кулиеву: «...Кайсын, как много я бы мог сделать — пожалейте меня. И все же я счастлив. У меня очень, очень хороший год, хотя время мое еще не настало. Я закончил черновой пересказ содержания романа и надеюсь кончить его к весне. Я много работаю. Если господь пошлет мне года три-

четыре жизни (судьбой ему будет отпущено шесть лет.— Т. Э.), Вы обо мне еще услышите совсем по-другому и увидите совсем по-новому.

Крепко Вас целую. Всего лучшего.

Ваш Б. Пастернак»

Эта переписка Кайсына Кулиева с Борисом Пастернаком только еще осмысливается в балкарском литературоведении и имеет непосредственное отношение к развитию и формированию национальной мысли, в истории критики балкарской литературы.

Последнее, о чем бы хотелось еще сказать — о любви и признаниях Кайсыну Кулиеву известнейших русских поэтов 40-х и начала 50-х годов XX в.

Другим человеком, который в эти же годы писал Кулиеву, высоко ценил его как талантливого поэта, был Дмитрий Кедрин. Оба они воевали на фронтах Великой Отечественной войны, переписывались. «Я, сам ты знаешь, восемь месяцев был на фронте,— сообщал Дмитрий Борисович,— сейчас снова собираюсь туда, и на этот раз, видимо, мы будем соседями. Привез много впечатлений, но в стихи они не укладываются, так как слишком серьезны и трагичны». В этом письме Кедрин признавался: «Я люблю твои стихи за полноту мысли и чувства...» Дмитрий Кедрин был одним из первых переводчиков стихотворений Кулиева на русский язык. В своих письмах он оставил глубокие мысли, касающиеся непосредственно военной лирики Кулиева. Об этом я писала на страницах газет КБР в 1987 году — Дмитрий Кедрин о Кайсыне Кулиеве в статье «Я люблю твои стихи за полноту мысли и чувства» («Коммунизмге жол», 1987, 29 октября и в газете «Кабардино-Балкарская правда») и выступала по местному радио (Нальчик, 6 сентября 1987 г.). Записи выступлений хранятся в семейном архиве профессоров Эфендиевых.

Редкий дар Кулиева отметил известный поэт и прозаик Константин Симонов. Уже после войны 11 июня 1947 года Константин Михайлович в письме к секретарю СП СССР Льву Матвеевичу Србoczкому отмечал: «...стихи Кайсына Кулиева очень талантливы».

Слова любви, слова признания А. Фадеева, Б. Пастернака, Д. Кедрина, К. Симонова были, по существу, первы-

ми, самыми ценными. Позже будет сказано и написано много высоких слов о Кайсыне Кулиеве, слов восхищения, восторга, преклонения, благодарности в прозе и стихах. Их читатели и поклонники поэзии Кулиева найдут в книгах «Остаться в памяти людской...» (Нальчик, 1987) и «Я жил на этой земле...» (Нальчик, 1999), составителем которых является дочь поэта Ж. К. Кулиева, и в монографиях о нем – Н. М. Байрамуковой, Ст. Рассадина, В. Деметьева, С. К. Башиевой, Т. Е. Эфендиевой, С. И. Эфендиева, Ф. С. Эфендиева и учебном пособии А. М. Теппеева, а также в многочисленных статьях о великом поэте XX в. – Кайсыне Шуваевиче Кулиеве.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кулиев К.* Так растет и дерево. М., 1975. С. 440–444.
2. *Эфендиева Т. Е., Эфендиев С. И.* «Кайсын Шуваевич Кулиев». Биография поэта. Часть 1. 1917–1958 гг. Нальчик, 1997. 248 с.; *Эфендиева Т. Е., Эфендиев С. И., Эфендиев Ф. С.* «Кайсын Шуваевич Кулиев». Биография поэта. Часть 2. 1959–1985 гг. Нальчик, 1997. 421 с.; *Эфендиева Т.* Кайсын Кулиев. Литературный портрет. М.: Советская Россия, 1985. 128 с.; *Эфендиева Т.* Поэзия жизни. Очерк творчества. Нальчик, 1977; *Эфендиева Т. Е.* Философская лирика Кайсына Кулиева и Расула Гамзатова. Нальчик, 1981; *Эфендиева Т. Е.* Поэмы Кайсына Кулиева. Нальчик: КБГУ, 1979 и др.; *Рассадина Ст.* Кайсын Кулиев. Литературный портрет. М., 1974; *Байрамукова Н.* Кайсын Кулиев. Очерк творчества. М.: Совписатель, 1975. 270 с.
3. *Эфендиева Т. Е.* Откровение. О лирике Танзили Зумакуловой. Нальчик, 1981. 137 с.; *Эфендиева Т. Е.* Страницы жизни и творчества Керима Отарова. Нальчик: Эльбрус, 1997. 120 с.
4. *Пастернак Б.* Избранные произведения. В 2 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1985. С. 469.
5. ЦГАЛИ СССР, ф. 1706, оп. 1, ед. хр. 252, л. 1–15.
6. Там же.
7. *Кулиев К.* Так растет и дерево. М., 1975. С. 458.
8. ЦГАЛИ СССР, ф. 1706, оп. 1, ед. хр. 252, л. 1–15.
9. Там же.
10. *Алова А.* Роман летел к развязке // Огонек, 1988. № 37. С. 23.
11. ЦГАЛИ СССР, ф. 1706, оп. 1, ед. хр. 252, л. 1–15.
12. Там же. Все последующие письма Б. Пастернака цитировались по ЦГАЛИ г. Москвы, по вышеуказанному фонду.

ПОСЛАНИЯ И ПОСВЯЩЕНИЯ КАЙСЫНУ КУЛИЕВУ

Доклад на научно-теоретической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения Кайсына Кулиева 12–13 ноября 1997 года. Вторые Эльбрусские чтения. Нальчик: КБГУ.

В социальной памяти народа имя Кайсына Кулиева осталось навечно. Не забыт поэт и своими земляками: в Чегеме I открыт мемориальный Дом-музей на улице им. К. Ш. Кулиева (быв. Степная), на могиле высится памятник, установленный 5 ноября 1988 года. Здесь отмечают дни рождения и памяти поэта по инициативе национального музея и Союза писателей КБР. В Кабардино-Балкарском университете есть именная стипендия Кайсына Кулиева, присуждаемая лучшему студенту Института филологии КБГУ. В городе Нальчике в районе «Горный» есть красивый проспект, носящий имя поэта, и национальный балкарский театр его имени. Рядом с ним будет и памятник Кулиеву. В 1987 году альпинисты покорили новую вершину в Приэльбрусье и назвали его именем.

Поэты и писатели Российской Федерации и СНГ написали о нем много стихов и очерков, прославив его имя. Его друг из Ленинграда, поэт Михаил Дудин нарисовал портрет Кулиева и подарил ему свои стихи 17 ноября 1972 года. Называется это стихотворение «Письмо Кайсыну». Вот это замечательные душевные строки:

Кайсын, мне хочется в Чегем
Под своды старой сакли,
Там угли в низком очаге
И хворост не иссякли.
Там мягок легкий мех козы,
И мы, присев на шкуре,
Поговорим о днях грозы
И предстоящей буре.

И во главу угла стиха
По мгновенью ока
Поставим посох пастуха
Как инструмент пророка.
Стадам овец нужна трава
И в полдень — тень чинары,
А нам с тобой пасти слова,
Как звездные отары.
Потом сгонять от ледников
В долины гурт овечий
На перекрестке всех веков
И всех противоречий.
Чтобы над пропастью пустынь
Одна спаяла фразу
России трепетную синь
И седину Кавказа.
Чтоб мы воочию смогли
Иные видеть дали,
Как сыновья одной земли,
Одной земной печали.
Чтоб наше слово мир, как цель,
Держало на примете,
Чтобы играло, как форель,
В Жилги при лунном свете.

Кулиеву посвящены очень многие стихотворения еще при его жизни. Свои послания ему адресовали поэты разных поколений. Одним из первых подарил ему прекрасные строки известнейший поэт России Дмитрий Кедрин. Это стихотворение было наградой поэту-воину Кайсыну Кулиеву в далеком 1945 году — в год Великой Победы. Оно называлось «Кайсыну Кулиеву» («Ночь поземкою частой...»). Кулиев очень гордился именно этим стихотворением и писал в книге «Так растет и дерево»: «Дмитрий Кедрин оказал мне большую честь, посвятив мне одно из лучших своих стихотворений». Позвольте мне прочитать его:

Ночь поземкою частой
Заметает поля.
Я пишу тебе: «Здравствуй!»
Офицер Шамиля.

Вьюга зимнюю сказку
Напевает в трубу.

Я прижал по-кавказски
Руку к сердцу и лбу.

Искры святочной ваты
Блещут в тьме голубой
Верно, в дни газавата
Мы встречались с тобой.

Тлела ярость былая,
Нас враждой разделя:
Я – солдат Николая,
Ты – мюрид Шамиля.

Но над нами есть выше,
Есть нетленнее свет:
Я не знаю, как пишут
По-балкарски «поэт».

Но не в песне ли сила,
Что открыла для нас
Кабардинцу – Россию,
Славянину – Кавказ?

Эта сила не знак ли,
Чтоб, скитаньем ведом,
Заходил ты, как в саклю,
В крепкий северный дом.

И, как Байрон, хромая,
Проходил к очагу...
Пусть дорога прямая
Тонет в рыхлом снегу, –

В очаге, не померкнув,
Пламя льнет к уголькам, –
И, как колокол в церкви,
Звонок тонкий бокал...

К утру иней налипнет
На сосновых стенах.
Мы за лирику выпьем
И за дружбу, кунак!

«В этих стихах, подаренных мне, кроме их высокой художественности, я увидел замечательное осязаемо-тонкое чувство истории, – писал Кулиев. – ...Его добрый шаг

явился продолжением прекрасной традиции великой русской поэзии, лучшей части интеллигенции России, их уважения к другим народам. Я понимал это и тогда» [1].

Когда Кулиев находился в Средней Азии на положении спецпереселенца ему посланий в стихотворной форме никто не присылал. Только из Москвы ему писали письма жена погибшего поэта Д. Кедрина — Людмила Ивановна, Борис Пастернак, С. Иванов, писатель Ю. Н. Либединский, критик В. Ц. Гоффеншефер, с которым Кулиев работал во время войны в газете «Сын Отечества», а также поэт И. Л. Сельвинский. Трагическую напряженность душевной жизни Кулиева тех лет кратко передал в своем стихотворении народный поэт Дагестана Расул Гамзатов:

Помню:
на сердце камень один
Мы носили, покуда в разлуке
Был с Кавказом Кулиев Кайсын,
Переживший молчания муки... [2]

(Перевод Я. Козловского)

Но это произойдет в 70-е годы, когда почти все известные и малоизвестные поэты стали слагать стихи в честь Кайсына Кулиева. Одним из таких поэтов был А. Ф. Кравцов (1915–1983), хорошо знавший Кулиева по работе в г. Фрунзе. Он ему посвятил два стихотворения «У гор Тянь-Шаня» (1974) и «Ответ на стихотворение» (1977). Второе стихотворение начинается так:

Я прочитал твои стихи о Жанне,
О милой, нежной девочке твоей,
И вспомнил дом в далеком Киргизстане
И плеск арыка с плеском тополей.

.

Кавказских гор сверкающие грани
В чегемский полдень льют свои огни,
Пусть светят ей всегда — веселой Жанне,
Ей свой поклон с моим соедини.

«Эти стихи написаны ровно через 30 лет,— писали проф. Эфендиевы.— А память вновь и вновь возвращала

Александра Федоровича к тому времени, когда дочери Кайсына — Жанне — было четыре годика, а ее папе не было еще и тридцати» [3].

В эти же годы Кулиеву подарят не менее благородные и душевные строки своих стихов А. Кешоков, Д. Кугультинов, М. Карим, Б. Олейник, И. Абашидзе, Т. Зумакулова, А. Кулешов, Е. Долматовский, И. Кашежева, Н. Джусойты, С. Капутикян, Я. Козловский, И. Драч, И. Бабаев, И. Макаровичина, И. Михайлов, Ю. Николаев, Л. Ошанин, Р. Семенов, Б. Укачин, С. Фиксин, Н. Хубиев, П. Хузангай, М. Чикатуев, А. Шогенцуков, М. Беппаев, Шукруло, А. Созаев и многие другие. Давид Кугультинов посвятил ему стихотворение «Приснились джунгли нынче мне во сне...»:

Кругом визжала обезьянья стая...
Раздобрясь, хвост они давали мне,
Чтоб лезть в верхи, при случае — петляя...
Но отказался я от этих прав,
Остаться человеком пожелав.

Свирепых львов увидел я во сне,
Развеселило их мое обличье!..
И дать клыки они решили мне —
Чтоб слабых бить и жадно рвать добычу...
Но отказался я от этих прав,
Остаться человеком пожелав [4].

(Перевод Ю. Нейман)

Оно касается прошлой жизни Кайсына Кулиева, когда ему милостиво разрешили жить, где он только пожелает за исключением Москвы и Ленинграда. Но поэт решил быть там, где находился его насильственно высланный народ, и никогда об этом не пожалел («Но отказался я от этих прав, остаться человеком пожелав»).

Трое друзей — Кулиев, Кугультинов и Мустай Карим — всегда были вместе, если удавался случай быть на юбилейных торжествах, совещаниях, съездах и прочих мероприятиях. Это были настоящие друзья. Мустай Карим тоже выразил свои чувства к Кайсыну в стихотворном послании «Под солнцем высоким...»:

Под солнцем высоким, под дальней звездой
Я кладбища каменных мертвых аулов встречал —
Здесь времени ветер крепчал и утесы качал,
Здесь целые села сразила гроза наповал.

Под солнцем высоким, под дальней звездой
Хоть угли угасли — осталась зола на земле,
Остались цветы на золе, как лучи на слезе,
И полдень остался, чтоб им не увянуть во мгле...

Осенние тучи ушли за седую гряду,
И ожили камни, изжившие злую беду...
Созревшее яблоко рву я в балкарском саду
Под солнцем высоким, под дальней звездой...

(Перевод Е. Николаевской)

Идея, высказанная Мустаем Каримом, как и Давидом Кугультиновым, одна и та же — о «злой беде», постигшей балкарский народ и поэта в середине сороковых годов, о насильственной высылке, когда «угли угасли — осталась зола на земле», когда «времени ветер крепчал и утесы качал», когда «целые села сразила гроза наповал». И в том и другом стихотворении налицо символика, которая оправдана, потому что в 70-е годы писать открыто о страшной беде — о депортации было запрещено. Как и о возвращении в отчие края некоторых народов Северного Кавказа, Крыма и Приволжских степей. Мустай Карим ограничился одним предложением: «Осенние тучи ушли за седую гряду, и ожили камни, изжившие злую беду». Но всем было понятно, о чем шла речь.

Очень много появилось посвящений Кайсыну Кулиеву после его смерти. Это Максима Танка «Вершина Кайсына Кулиева» (1987), Антонины Баевой «Высокое имя» (1985), Вилаета Рустамзаде «Без Кайсына» (1987), Виктора Стрелкова «Памяти Кайсына», Зубера Тхагизитова «Зерно поэзии», Инны Кашежевой «Памяти Кайсына» (1987), Ивана Драча «Кайсын Кулиев» (1986), Бориса Укачина «Вместо третьего письма» (1987). Поэт Сафар Макитов написал поэму «Семь ярких звезд Балкарии» и посвятил ее своим ушедшим навсегда друзьям, Кайсыну Кулиеву тоже. «Все они, мои современники, преданно служили своей земле», — писал Макитов в предисловии к

поэме, которая была впервые опубликована в газете «Кабардино-Балкарская правда». К 70-летию со дня рождения Кулиева балкарский поэт Салих Гуртуев посвятил ему поэму «Сгоревший камень», а также посвятили стихи чл. Союза журналистов СССР Евгений Лебедев «Наказы Кайсына», карачаевские поэты Сосланбек Байчоров «Кайсыну Кулиеву», Ибрагим Аппакланов «Песнь Прометея», кабардинские и балкарские поэты – Хасан Тхазеплов «Песня Кайсына Кулиева», Тахир Жангоразов «Перо, дающее силу», Магомет Мокаев «С белой вершины смотрит тур», Маштай Кудает «Осиротел», Азрет Акбаев «Памяти Кайсына Кулиева», Исса Боташев «Звезда моего края» (поэма), Артур Баккуев «Поэт на все времена» и многие другие. Поэт Наум Гребнев (1921–1988), переживший Кулиева только на три года, написал «Исповедь переводчика стихов», опубликованную в журнале «Кавказский дом» (М., 1998. Август. С. 37). Прозаики тоже много написали о Кулиеве, в частности Хусей Занкишиев, писатель и журналист, написал документальную повесть «Кайсын» (Занкишиев Х. «Крылья внуков». Нальчик, 1999. С. 9–128), Виктор Логвинов посвятил ему сонеты «Памяти Кайсына». Врач из Москвы М. Абдулхабирова, посетивший могилу Кулиева через год после его смерти, написал краткое эссе-реквием «Поэт земли» (КБП. 1987. 13 января). Дочь поэта Жанна Кулиева опубликовала воспоминания «Меня к истокам возвращает память...» (КБП. 1997. 14 ноября), а Вл. Огнев – статью «Кайсын Кулиев» (Огнев В. На древе человечества. М.: Сов. Россия, 1986). Сын К. Ш. Кулиева – Эльдар Кулиев – опубликовал повесть в журнале «Минги Тау» (1987. № 2. С. 26–54) «Живы будем, встретимся» и очерк «Слово об отце» в том же журнале (1987. № 4. С. 22).

Всех перечислить невозможно, потому что если собрать все послания и посвящения Кулиеву, то получилось бы несколько томов. Мы считаем, что для национальной и русской историографии, истории балкарской литературы, истории балкарской литературной критики все, написанное о Кайсыне Кулиеве, имеет большое значение. Он первый представитель (после Кязима Мечиева) духовной культуры горцев XX в., самый глубокий ум, затронувший актуальные социально-нравственные проблемы; а

его философское мирозерцание повлияло на всю горскую поэзию, в корне изменив ее интеллектуальное начало.

Мне бы хотелось закончить свое небольшое выступление стихами начальника Архивного Управления КБР, теперь уже бывшего, Д. В. Шабаева, который хорошо знал Кулиева, принимал из его рук архив.

Здравствуй, Кайсын, дорогой.
Я пришел к тебе поклониться.
Снег в Чегеме такой голубой
И чуть-чуть серебрится.

Деревья в саду твоём,
Как врачи в халатах белых,
Что с надеждой придя в твой дом,
От бессилья в слезах немели.

Немало ты знал невзгод,
Но выстоял сердцем солдата,
Как раненый камень тот,
Воспетый тобою когда-то.

Боец, гражданин, поэт,
Поэзии нашей вершина.
Над горами поднялся рассвет —
Бессмертие и слава Кайсына.

Лежит тишина окрест,
Но смех твой ее не разбудит.
Из дальних и ближних мест
Идут и идут к тебе люди [5].

В архиве Кулиева есть много писем от простых людей — любителей поэзии, горячих поклонников его лирики, в которых много стихотворных строк, посвященных поэту. Даже простое перечисление имен поклонниц и поклонников заняло бы несколько страниц. Эти стихотворные послания не отличаются особенной глубиной мысли и поэтичностью, но и в них есть своя философия и сильная чувственность, теплота и некая идеализация предмета восхищения. Гейзеры чувств к обожаемому Кайсыну в их письмах и стихах кипят и выражаются при помощи разных поэтических средств: от обращения к космосу

до различных обыденных средств бытия. Вот стихотворное послание Екатерины Холиной из города Истры Московской области «Поэту Кайсыну Кулиеву»:

Может, космос на ладони,
Может, звонкий стук копыт,
Может, лани, может, кони,
Может, песенка летит.

Может, ропоты осины,
Может, горная скала, —
То Кулиева Кайсына,
Песня за душу взяла.

Пусть живет под небом синим,
Замечательный поэт,
Славит солнце, хлеб, Россию
И чегемский горный цвет.

Пусть шумит весенний ветер,
Пусть идет рассвет с реки.
Хорошо, что есть на свете
Ваши добрые стихи [6].

«Я очень люблю Ваши стихи и многие знаю наизусть, — писала эта учительница русского языка и литературы Е. Холина. — У меня много журналов, в которых опубликованы Ваши стихи». Далее она спрашивала Кулиева о том, что не учился ли он в 6-м классе, где она работала и у нее в классе был мальчик по имени Кайсын. Это был колхоз им. Ворошилова Джамбульской области. «У меня в классе был мальчик Кайсын и Володя Хубиев, оба балкарцы. Там было много и чеченцев, греков, карачаевцев...» Нет, конечно, Кулиеву в период депортации и проживания в Киргизии было 28 лет. Он и тогда был известным поэтом, хотя публиковать свои произведения он не мог: был наложен запрет на долгие тринадцать лет.

В обильном стихотворчестве 60–70-х годов (мы имеем в виду стихи-послания, обращенные к Кулиеву) много произведений философских, нравственно-этических и просто любовных обращений. Но все они искренние и задушевные порывы — науки жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кулиев К. Так растет и дерево. М., 1975. С. 177.
2. Гамзатов Р. Собрание сочинений. В 5 т. Т. 2. М., 1981. С. 103.
3. Эфендиева Т. Е., Эфендиев С. И., Эфендиев Ф. С. «Кайсын Шуваевич Кулиев». Биография. Ч. 2, 1959–1985. Нальчик, 1997. С. 180.
4. Кугультинов Д. Избранные произведения. В 2 т. Т. 1. М., 1970. С. 83.
5. «Я жил на этой земле...» Кайсын Кулиев в портретах и документах. (Составитель и автор предисловия Ж. К. Кулиева) Нальчик: Эльбрус, 1999. С. 275, 276.
6. ЦГА КБР, ф. 852, оп. 5, ед. хр. 69, л. 84, 85.

Ф. С. Эфендиев

ОБ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМ, НРАВСТВЕННОМ И ДУХОВНОМ (Философская лирика Кайсына Кулиева)

Доклад на Втором Международном Конгрессе 15–20 сентября 1998 г. Симпозиум 5. Пятигорск: ПГЛУ, 1998.

У народов Северного Кавказа в XX в. были свои выдающиеся поэты-мыслители, ставшие вровень с поэтами-философами – классиками русской литературы. Кайсын Кулиев – один из тех художников слова, энергетическая мысль которого несла всегда в себе созидание, утверждение о духовном совершенствовании человеческой природы по законам эволюции, гармонии и красоты. Не об этом ли свидетельствуют строки стихов о женщинах («Жена поэта», «Женская красота», «Женщина купается в реке», «Женщинам», «Женщина месит взошедшее тесто», «Женщинам, которые любили меня», «Женщинам, которых я не знаю»)? Особенно одно из них, которое покоряет всех своей необыкновенной гармонией мира и человеческой красотой.

Женщина купается в реке,
Солнце замирает вдалеке,

Нежно положив на плечи ей
Руки золотых своих лучей.

.

Затихают травы на лугу,
Камни мокрые на берегу.
Плещется купальщица в воде,
Нету зла, и смерти нет нигде.
В мире нет ни вьюги, ни зимы,
Нет тюрьмы на свете, нет сумы,
Войн ни на одном материке...
Женщина купается в реке [1].

(Перевод Н. Гребнева)

Этим стихотворением обычно восхищались все. Пришел от него в восторг и поэт Михаил Дудин. Он писал: «Здесь и Ренуар, и Кустодиев, Боттичелли и Рубенс сплелись в каком-то новом свете, запели всеми красками торжества жизни, засверкали благородством страсти и тревоги» [2]. Феноменальность духа (умение, опыт, нравственность, духовность) Кулиева проявилась с большой силой и красотой именно в этом широко известном стихотворении «Женщина купается в реке» (1964).

И не только, сказали бы мы, в этом стихотворении. Все его творчество, а именно: поэзия, проза (роман «Была зима»), драматургия («Есть на свете любовь»), литературно-критическое наследие (сборники статей и очерков «Так растет и дерево», «Поэт всегда с людьми») — это своеобразный синтез его культуры мышления, миропонимания и его, кулиевское учение о совершенствовании человека — об интеллектуальном, нравственном и духовном.

В сборник «Жить!» Лирика разных лет. (М.: Сов. Россия, 1986) включены стихи, в которых он философски осмысливал свою жизнь, свои прожитые годы и судьбу родного народа, его интеллект и разум, духовную эволюцию горца на его трудном пути достижения гармонии с природой и недостигаемого идеала счастья. Эта книга стихов вышла после смерти поэта, а работал он над ней в пору своей роковой болезни: он знал о своем близком конце. Кулиев был человеком сильного духа, нестигаемой воли к творчеству. И прав Ф. А. Хараев, когда утверждает, что «дух свою силу проявляет прежде всего в нестандартных, неожиданных, стрессовых ситуациях, предъяв-

ляющих к психике и повышенные, и новые требования» [3]. Мудрость подсказала Кулиеву, что он должен в этих им отобранных стихах оставить людям что-то такое важное, чтобы они запомнили его и его стихи разных лет. Название сборника продуманно: Жить! Жизни! Так он выводил слово за словом, пока не остановился на одном единственно правильном решении – жить!

Хоть за горло горе схватило –
Горе мужеством победить!
Хоть беда наш день омрачила, –
Непокорствуя, в битве жить!

Как ни труден путь наш далекий,
Но нельзя иных проложить.
С ног сшибает ветер жестокий,
Но под ним, не сгибаясь, жить! [4]

(Перевод В. Державина)

Слова «мужество», «мужественный» часто встречаются в его стихах, потому что в действительности поэт тоже часто встречался с этими понятиями, мужественными поступками своих земляков. Стихотворение этого сборника «В горах» – это тоже о мужестве и смелости горцев, живущих в высокогорных, экстремальных условиях, для которых разрушение от бури, селя и снежных лавин – всегда беда.

Пусть над дорогой гремит обвал,
Но вперед мы идем, скользя.
Ливень, ревущий потока вал,
Но нам перед ним стоять нельзя.
.....
Молний и грома полон простор
В ночь, когда буря идет, круша.
Что ж! Пусть опасны дороги гор,
Мужеству здесь учись, душа! [5]

(Перевод Н. Тихонова)

Стихи этого сборника о смелости и мужестве людей, об их нравственных поступках, о том, что жизнь – это труд и непрестанная борьба с препятствиями, неудачами, бедами. Его лирические герои – жители горного края, и горы для них – символ могущества и мужества.

Я с гор пришел, где буран,
Я с гор пришел сквозь пургу.
Отряхни меня, Марзи-джан,
Видишь, бурка моя в снегу.

Я с гор пришел, где буран
Метет из конца в конец,
Где Эльбрус, как белый чабан,
Пасущий белых овец...

(Перевод Н. Гребнева)

Человек сильнее бурана, он пришел оттуда, где даже «орлы гнезд своих не могут найти», где «белы заснеженные пути», где «среди ущелий во тьме ночной путь не радостен и тяжел». Дух его непобедим, сила воли помогла ему преодолеть все препятствия на пути, победить природную стихию. Концовка оптимистична:

Мне ночами казались дни,
Я видел одну пургу.
Обогрей меня, отряхни,
Видишь, бурка моя в снегу.

Поэт учил побеждать жизненные невзгоды и это выражалось в его точных строках-афоризмах: «Жизнь – восхождение», или «Жизнь – это значит дорога крута. Жизнь – это вечно в глазах высота».

Видеть вершину всегда пред собой,
Видеть сквозь бурю, сквозь тучи препятствий,
И по камням, по тропе ледяной
Все подниматься! Все вверх подниматься!

«Жизнь не прожить без черных дней», – итожил поэт, закаляя дух и нравственное начало молодежи. Говорил он и без всяких поэтических сложностей, просто, как говорит народ: «Жизнь, как бой, трудна» («Жизнь, как бой, трудна, я это знаю...»).

Говоря об интеллектуальном и нравственном в поэзии Кулиева, хотелось бы отметить и то, что духовное здоровье родного народа для него мыслилось в планетарном масштабе – как здоровье всего человечества. Отсюда его убеждение, что «каждый язык – это целый мир».

Так говорил поэт, выступая на сессии языковедов, организованной АН СССР в 1962 году. «Язык каждого, пусть даже самого малочисленного народа, — утверждал Кулиев, — это целый мир, полный прелести и волшебства. Его нельзя представлять себе только учебником грамматики. Вспомним хотя бы пословицы и изречения горских народов — это высшее выражение их мысли и фантазии. В них — отчekanенная мудрость и поэзия, вековой опыт народа и красота земли, удивительно самобытный мир, выраженный в неповторимых образах и красках».

Об интеллектуальном, нравственном и духовном своего народа, а следовательно, о гармонии человеческого бытия и природы поэт писал, начиная от раннего стихотворения «Утро мне всего дороже» до стихотворений 1985 года — последнего года жизни поэта — «Любовь остается», «Возвращение», «Слова», «Два сонета», «Птицы в полете», «В этом доме ты живешь», «Гора говорит со снегопадом», «Моя сбывшаяся надежда». В них по-прежнему звучали жизнерадостные мотивы торжества всего сущего на земле, цельного восприятия мира, хвала торжествующей жизни:

Небо и землю в полете восхвалим,
Крылья свои простирая меж ними.
Жизнь! Вознеся тебя к солнечным далям,
Мы остаемся птенцами земными.

Облаку честь воздадим и пшенице,
Крепости камня и звездному свету,
Чистой воде, — чтоб в пути освежиться, —
Песне, что вешней порою пропета [6].

(Перевод Л. Шерешевского)

Эти оптимистические, жизнеутверждающие, почти одические строки приведены из стихотворения «Птицы в полете» (1985). Но есть и много грустных поэтических строк, драматический накал которых приносил боль и страдание всем, кто знал Кайсына Кулиева и читал его на родном или русском языке. Стихи этого года часто появлялись в периодической печати, такие, как «Те, штыковые, помню я бои...» («И если думаете вы, врачи, что

смерть близка – я снова в штыковую пойду в последний раз, последний раз!»), «Погодите, поразмыслить дайте...»

Погодите, поразмыслить дайте,
Мои мысли все еще со мной,
Остаюсь еще самим собою,
Не спешите – я еще ведь «я»!

.

О, не торопитесь, погодите...
Как еще над двориком моим
Небеса синеют! И под ними
Как еще орехи зелены!.. [7]

(Перевод Д. Долинского)

В последние дни тяжелой болезни поэт часто просил, чтобы его вынесли в сад, чтобы увидеть то, что он любил: небо, деревья сада, все, что он здесь создавал своими руками – дворик, круглую деревянную веранду, где он писал стихи и сидел, отдыхая. Когда боль отступала, он писал и находил в творчестве успокоение. Процесс работы отвлекал его от грустного и, вероятно, он думал обо всем, что видел и знал, когда молодым защищал Отечество. Не об этом ли говорят строки стихотворения «Я мог бы из освенцимской трубы...» (1985)? Сознание возвращало его к тому времени, когда люди горели в печах фашизма: «А чем я лучше превращенных в дым тех жизней молодых?.. Порой слабея, в мой тяжкий миг: «Крепись! – твержу себе я, – ты жив, а мог сгореть бы молодым...»

Для Кайсына Кулиева, как и для древнегреческих мыслителей, главным было в его пейзажных стихах единство и взаимодействие природы – вселенной (макрокосмоса) и человека (микрокосмоса). Они находятся в неразрывной связи и эволюционном развитии. Верно писала А. Андреева, что путь духовной эволюции человека (индивида) и человечества (социума) в целом неотделим от духовно-нравственного совершенствования человеческой природы. Оно не может быть заменено абсолютным господством лишенного эстетических основ интеллектуализма, характерного для современной цивилизации». Очевидно, поэтому, как большой гуманист XX в., поэт Кайсын Кулиев никогда не забывал о нравственно-ду-

ховном начале и сущности человека и его окружающей природы. Понимание космического бытия и природы человека, их взаимосвязи заставило горского поэта обратиться к своим собратьям по перу — поэтам XX в. В одноименном стихотворении он писал:

Бессилие в горестный час,
Неволя и смерть человека —
Все было на свете до вас,
Поэты двадцатого века!
И ныне вам верить дано,
Что ум и любовь бесконечны,
Как верит крестьянин в зерно
И каменщик в камень извечный.

(Перевод Н. Гребнева)

Безусловно, благодаря уму, мышлению и интеллекту люди выработали те нравственные принципы, нормы поведения и законы, по которым они пытались жить. «Ум и любовь бесконечны...» Это то, что делает человека человеком: с определенной культурой мышления, способного сопереживать и интенсивно реагировать на добро и зло. «Национальная замкнутость, неуважение или нелюбовь к другим народам никогда не сулила художнику ничего хорошего, — писал Кулиев в статье «Литература — дело всей нашей жизни» (из речи на Пятом съезде писателей СССР). — Человек, желающий беды соседу, не только злобен, но и убог. А художник, ставший на этот путь, просто несчастен. Поэзия не может стоять на стороне вражды и поддерживать ее. В таком случае ей пришлось бы быть не на стороне жизни, а на стороне смерти. Злоба никогда не могла быть источником творчества — она бесплодна. Мы знаем, к счастью, историю культуры. Она порождение света и служит свету». Так осознал Кулиев смысл жизни и назначение писателя. И с полной ответственностью призывал всех людей ускорять путь духовного совершенствования. Обращаясь к своим сыновьям, он как бы стремился сказать всем: «Стремитесь к сознательному добротворчеству!». В стихотворении «Моим сыновьям» поэт писал:

Вы имена свои носите гордо,
В них доброта хлебов и щедрость стад,

В них мягкость трав и скал чегемских твердость,
Вы слышите, Эльдар, Алим и Азамат?

Не оставляйте слабых без участия,
На чьем-то горе свой не стройте дом.
Пусть жизнь обережет вас от несчастья
Соседу или брату быть врагом.

.

Нет счастья там, где в сердце злобу носят,
Тот, кто не дарит радость, сам не рад.
А в ваших именах – шуршание колосьев,
Вы слышите, Эльдар, Алим и Азамат? [8]

(Перевод Н. Гребнева)

ЛИТЕРАТУРА

1. Дудин М. На пути к вершинам. Предисловие к книге К. Кулиева. Избранные произведения. В 2 т. Т. 1. М., 1970. С. 15.
2. Кулиев К. Собрание сочинений. В 3 т. Т. 1. М., 1987. С. 265.
3. Хараев Ф. А. Дух, душа и будущее. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 1996. С. 131.
4. Кулиев К. «Жить!» М.: Советская Россия, 1986. С. 28.
5. Там же. С. 5, 6.
6. Кулиев К. Собрание сочинений. В 3 т. Т. 3. М., 1987. С. 269.
7. Кулиев К. Так растет и дерево. М., 1975. С. 378.
8. Кулиев К. Собрание сочинений. В 3 т. Т. 2. М., 1977. С. 281.

Ф. С. Эфендиев

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОТРАЖЕНИЕ ТРАГЕДИИ РЕПРЕССИРОВАННЫХ НАРОДОВ (Вызов времени: поэзия К. Кулиева 1945–1955 гг.)

Статья напечатана по сборнику научных работ «Государственные языки КБР в теории и практике». Нальчик: КБГУ, 1998 г.

Сложные, противоречивые социально-политические и духовно-нравственные процессы народов Кабардино-Балкарии в то трагическое десятилетие, когда они были

оторваны друг от друга, только еще осмысливаются. Философы, социологи, историки, литературоведы, психологи и другие специалисты закономерно ставят объектом исследования насильственную высылку некоторых народов Северного Кавказа, Поволжья и Крыма с их исторической родины на чужбину. Об этом уже много написано [1]. В современной северокавказской литературе в связи с переосмыслением истории, освещением «белых пятен» развивается документально-мемуарный жанр, который позволяет проследить отражение в литературе исторического сознания этноса и отдельной личности. Так, в 1993 году вышел из печати художественно-документальный сборник «Так это было»: Национальные репрессии в СССР 1919–1952 гг. в 3 томах, изданных Российским Международным фондом культуры «Инсан» (Москва). В нем составитель, редактор, автор предисловия, послесловия, примечаний Светлана Алиева с помощью документов, исторических фактов, воспоминаний современников, статистических данных, произведений народного творчества, прозы, поэзии, драматургии воссоздала картину национальной репрессивной политики в СССР. Материалы трехтомника позволяют выработать собственное мнение о советской национальной политике и сформировать свое отношение к «наказанным» народам, политике Сталина и его окружения, разобраться в последствиях содеянного. Составитель этой книги не делал выводов, под влиянием каких факторов истории была та или иная национальная политика, формировалось национальное сознание и самосознание народа, вследствие каких чувств и мыслей приходила личность к новому качеству сознания или поступка. Борис Пак, пытаясь осмыслить трагедию выселения, повлиявшую на психику человека и его национальное самосознание, писал:

Помнишь страшный Указ,–

наших бед всех исток,–

Как корейцам сказали:

«Всех выслать!!!»

Мать кричала: «За что?!» – не могла все понять

ЗА КАКУЮ ПРОВИННОСТЬ И ГРЕШНОСТЬ?![2]

Одним из первых к этой запрещенной теме обратился Кайсын Кулиев, бросив вызов времени и не испугавшись тоталитарного режима. В поэме «Завещание» («Осужат»), долгое время не переводившейся на русский язык и находившейся под запретом, поэт рассказал не только о трагической судьбе чегемского крестьянина, сколько о страданиях всего балкарского народа, вынесшего политический геноцид. Во многих произведениях Кулиева 1945–1955 гг. звучат мотивы тоски, грусти по родному краю, возмущения, чувства гнева попранных человеческих прав. «В Хуламском ущелье» – одно из таких стихотворений, в котором говорилось о том, что видел вчерашний воин-защитник Родины, вернувшийся домой и не заставший никого из родных и близких, и дорогих ему земляков:

Иду среди белых скал и среди развалин
Домов, старинных башен крепостных.
Вид очагов погасших так печален,
А ведь они пылали для живых.
Жестокость, что вела борьбу со светом,
Водою мертвой залила огонь...
Мой стих, когда не скажешь ты об этом,
Погибни, в бездну упади, как конь! [3]

Стихотворение это датируется 1962 годом, когда Кулиев и его народ были уже на родине. Но о чем поэт рассказал в стихотворении – это было с ним в действительности. Он воин, награжденный орденами и медалями, тоже подлежал депортации, хотя по отношению к нему было постановление: он мог жить везде за исключением Москвы и Ленинграда. Прежде чем поехать к своему высланному народу, Кулиев посетил родное селение и увидел то, о чем он после рассказал. Тогда он думал в этом опустевшем селе и, обращаясь к себе, говорил:

Гляди не бойся, эти камни стали
От горя черными на всем пути.
Молчат, как будто от беды устали
И слово трудно им произнести.

Прошли годы. Поэт снова в том же ауле, но он ничего не забыл из прошлых лет, поэтому концовка стихотворения «В Хуламском ущелье» оптимистична и в духе идеологии 60-х годов: поэт и люди верили в добрые времена:

Упал я на колени пред камнями
И горько плачу о недавнем зле.
Нет, не бывать жестокости над нами!
Пусть, ей жилья не будет на земле!

(Перевод С. Липкина)

Прав Алим Теппеев, когда писал в статье, размышляя над поэмой Кулиева «Завещание», что к этому времени (писатель имел в виду 1945 год) поэт, «уже прошедший войну, не раз истекавший кровью на полях сражений, а потом в двадцать семь лет переживший изгнание, — испытание потяжелее, чем выпало Овидию, понимал, что XX в. — это век раненых людей. И Харун, ровесник этого века, содержал в себе всю горечь обманутых надежд, все пророческие крахи, удушливую глухоту нравственного тупика» [4]. Это была трагедия для всех репрессированных народов, и в самосознании каждого человека она отражалась по-разному. В структуре творческого сознания Кулиева она нашла воплощение в точной и емкой формулировке «нес беду на плечах как обвал». Или читаем в сборнике стихов поэта «Весенний свет»:

И так была война,
Изгнание, разоренье,
И так была длинна
Дорога возвращенья!

(Перевод Н. Гребнева)

Длинная дорога возвращенья — это долгих 13 лет ссылки, когда «наказанные» народы мечтали о возвращении в родные места, о которых они тосковали и ежечасно думали. Приведенное выше стихотворение «И снова я в пути...» хотя и не относится ко времени депортации, но в нем те же мотивы, что и в стихах среднеазиатского периода. Кулиев разделил участь высланных людей и прекрасно знал о сокровенных желаниях своих земляков и всех тех, кто был рассеян по степям Казахстана, отдален-

ным районам Сибири, начиная от Архангельской, Иркутской областей до Красноярского края, Салехарда и Сахалина. Ностальгия по родным местам была естественным чувством каждого человека, оказавшегося на положении спецпереселенца с клеймом предателя. У Кайсына Кулиева она нашла художественное отражение в пронзительных, до боли щемящих строках стихотворения «Родной земле» (1947):

Став глухим, я буду слышать, знаю,
Шум листьев там, в родимой тишине,
И, став слепым, моя земля родная,
В твоих горах не заблудиться мне.

Где б я ни жил, я всюду слышу это –
Свой шаг звучащий на твоём снегу,
Твой зимний снег и добрый пламень лета,
Как песни гор, забыть я не могу.

Обращение к родной земле – это своеобразный поэтический прием, но именно тот, который помогал поэту выразить наболевшее и сказать, чем была и есть для балкарцев отчая земля предков: она научила мужеству, умению переносить достойно беду:

Твоя лишь кровь струится в наших жилах,
И силу сердца ты смогла нам дать.
Ты нас любви и песням научила.
Я повторяю каждый раз опять:

Все наше счастье – это ты, родная,
Тебе, моя отчизна, къор болаим! [5]

(Перевод Н. Коржавина)

В стихах этого периода много трагического, грустного, но больше мужественного. Человек от природы наделяется силой духа, и душа его постоянно находится в борьбе. Кулиев в этот период для балкарцев был и «свотильником разума» и «мыслящим тростником» (Паскаль), поэтому, чтобы поддержать душевное равновесие земляков, много писал в конце 40-х годов о мужестве. Так, в стихотворении «Рисунок к заглавию» (1949) он писал не только о себе, но и о тех, кто жил с ним рядом,

кого он посещал в отдаленных районах Киргизии и Казахстана:

Казалось, что трудностям нету края,
Но с мужеством жил я, судьбу не клая,
Я знал: если мужество я потеряю,
Любовь моя к жизни уйдет от меня.

Без мужества нет ни любви, ни свободы,
Ни дружбы, ни песни, ни дальних дорог,
И вот потому в эти трудные годы,
Как мужества знак, я целую клинок.

(Перевод Н. Коржавина)

Так писал ссыльный поэт в конце 40-х и начале 50-х годов, когда драматическая судьба ссыльных народов никого не интересовала и депортация как мера наказания постоянно эволюционизировалась: за малейшую провинность людей ссылали в трудлагеря и пожизненно зачисляли в тюрьмы и свинцовые рудники. Продолжались и акции по депортации: с 1945-го по 1949 год были насильственно выселены латыши 38911 чел., литовцы – 80189, эстонцы – 19237 и греки из Грузии – 4671 чел. [6].

Об этих акциях и о многом другом рассказал впоследствии А. И. Солженицын в своем историческом исследовании «Архипелаг ГУЛАГ». Потом темы депортации коснутся поэты и прозаики Северного Кавказа. В период перестройки, в 80-е годы будут напечатаны поэмы балкарца Сафара Макитова «Тринадцать лет», карачаевца Юсуфа Каракетова «Огнем опаленное детство», повесть Алима Теппеева и др. Но первым, кто бросил вызов времени, идеологии диктата, был Кайсын Кулиев. Т. М. Хаджиева в статье «Тема выселения в поэзии Кайсына Кулиева» пишет: «Безмерная любовь и тоска по Кавказу, по родному Чегему послужили тому, что на чужбине Кайсын Кулиев создал много прекрасных поэтических произведений. Исповедальная искренность, верность действительности сделали поэзию выселения национальной памятью жизни на чужбине. Вот почему она навсегда вошла в золотой фонд карачаево-балкарской поэзии. Многие стихотворения этого периода переходят в своего рода исповеди. Во всех этих стихах слышится отзвук

душевной драмы поэта» (из книги «Вторые Эльбрусские чтения», посвященные 80-летию со дня рождения К. Ш. Кулиева. 12–13 ноября 1997. Нальчик: Эль-Фа, 1998. С. 46).

Душевную драму переживал каждый насильственно высланный человек, независимо от национальности и общественного положения. Горцы Северного Кавказа, как и все спецпереселенцы из разных концов огромной сверхдержавы, были лишены всех гражданских и политических прав, но с детской наивностью еще продолжали верить в социальную справедливость, и национальный оптимизм поддерживал их в самые тяжелые времена.

Все мы – средь трудных, нерадостных дней,
Пусть хоть обида нам горло сжимала, –
Верили яростно в братство людей,
В гордый призыв «Интернационала», [7] –

(Перевод Н. Коржавина)

уверенно заявил в 1955 году Кайсын Кулиев в стихотворении «Праздник в ауле».

То, что чувствовал тогда Кулиев, и что пережил его народ, сохранится в его поэзии на всю жизнь, о ком бы и о чем бы он ни писал. Так, в конце 70-х годов во многих стихах Кулиева сохранились мотивы депортации: ностальгия и горечь потерь близких вдали от родного Чегема. Обращаясь к своему брату Исмаилу Кулиеву, он как бы изливал свою тоску по Чегемскому ущелью, с пожелтевшими клочьями травы на склонах, по бликам солнца, сверкавшего на снегу, по красотам застывшей воды Чегемского водопада. Все это поэт видел не раз во сне, там, где жил долгие годы на чужбине его родной народ.

.
Всем этим сверканьем и блеском, как будто вдруг сон
Опять из дальней чужбины вернулся ко мне
И горы мои озарили мне душу во сне.
Одни в бликах солнца, другие в снегах, мой Чегем,
Каким на чужбине сверкал в моих снах, мой Чегем! [8]

(Перевод Д. Долинского)

Стихотворение «Зимний день в Чегемском ущелье» датируется 1977 годом и по времени создания к периоду

депортации не относится. Однако прием противопоставления родины и чужбины тот же. Это верно подметила Т. М. Хаджиева: «Большинство стихотворений К. Кулиева, созданных в годы депортации, строятся на оппозиции родина – чужбина. Категория времени в них очень подвижна. Только сны и воспоминания переносят поэта на родину. Однако идиллию мира его снов и воспоминаний безжалостно уничтожает жестокая реальность чужбины». Обратимся к другому стихотворению Кулиева «Реквием Саиду Шахмурзе – поэту из Чегема», тоже написанному в это время. Кулиев в нем вспоминает тяжелые времена репрессии, когда умирали люди от голода и холода, эпидемий и болезней и их хоронили в братских могилах, затерянных и безымянных.

.....дорогой мой Саид,
Было все. И Кязим наш остался в далеком краю,
Хоть в доброй земле, но в чужой [9].

(Перевод Д. Долинского)

Для Кайсына Кулиева его прославленный земляк, мудрец и просветитель Кязим Мечиев – это что-то большое и духовное, начало всему, что есть в Балкарии. Он его первый учитель в поэзии, духовный наставник, бесценный друг и ровесник всем поколениям. Он являлся для Кулиева национальным символом веры в прекрасное и высоконравственное начало. «Кязим – славный классик балкарской поэзии – признан ныне одним из лучших кавказских поэтов» [10], – писал Кулиев в статье «Кязим Мечиев и восточная поэзия» (1965). О нем Кулиев написал поэму «Золотая свирель» (1966–1968), которую перевел Н. Гребнев. В ней рассказано о трагической жизни и драматической судьбе творческого наследия К. Мечиева, могила которого на многие годы затерялась в степях Казахстана. И только через много лет ее отыскивали и прах перевезли на родину. Но тогда, когда Кулиев писал о Кязиме и его смерти на чужбине, невозможно было и предположить, что все будет иначе.

В чужой стороне не слышны
Кавказские громы весною,

И ливни родной стороны
Теперь не шуршат над тобою [11].

Стихи Кулиева среднеазиатского периода разные по содержанию и тематике, стилю и поэтическим средствам языка. В них есть и прометеевское начало, и романтический порыв, установка на бодрость и надежду, призыв к мужеству и терпению, вера в социальную справедливость и благополучный исход выпавших испытаний. Стихи этого периода впервые были опубликованы в сборнике «Горы» (1957) сразу после возвращения Кулиева на родину. Раздел книги называется «Разговор с дождем». К ним взят эпиграф «Примчится ливень с дождем и певой, и содрогнешься, стихом пронзенный» (Тициан Табидзе). Таково было желание поэта: каждый, кто будет читать эти стихи, должен смотреть «в корень» и понимать суть спокойно-мятежных произведений и беспокойное, израненное сердце поэта, способного мучиться, видя страдания других.

Начинается этот раздел стихами «Отшумела война», «Первой весной после войны», «Первым летом после войны», «Девушка ест виноград», «Мы в саду». Это стихи 1945 года, радостные, светлые, наполненные человеческим теплом, домашним уютом («Девушка узоры вышивает»). Но уже среди них встречаются горькие строки: «Если горе придет, губы сожми и не страшись, будь достоин его». Это тоже сказано в том же победном 1945 году! Балкарцы к этому времени были в Казахстане и Киргизии – то где, и были спецпереселенцами, которые обязаны были ходить в определенные дни и отмечаться в комендатуре. НКВД зорко следило за каждым ссыльным, чтобы он никуда не отлучался без особого на то разрешения. Ходил не раз в это грозное учреждение и поэт, как все его земляки. О том, что он тосковал о свободе, повествуют стихи:

Как пахнет трава на родимой земле,
Не в моей позабыть это воле,
Слышал в дальней дали, в полночной мгле,
Как шумят мои сосны в Терсколе.

Талисманом родная земля на груди,
Мне не надо ни лучше ее, ни светлей,

Нет, нигде не забуду, где б я ни бродил,
Как пахнет трава на родимой земле [12].

(Перевод Н. Тихонова)

«Разговор с дождем» (1949) – это тоже воспоминания об отчей земле, когда поэт «еще ребенком, босой, без шапки бегал под дождем» и не знал «о том, что значит горе».

Дождь, для меня ты сказкой был и песней,
Твои любил я радуги в горах,
Ты шел, похож на песню, что чудесней
Всех песен гор, что пелись на пирах [13].

(Перевод Н. Тихонова)

«Песня о детстве», «Смородина», «Когда мальчишкой...» – тоже о родине и о любви к ней. Ярко выраженных социальных мотивов нет, есть только одно чувство, равносильное жизни: «Умру, но позабыть я не могу родные горы в розовом снегу» [14].

ЛИТЕРАТУРА

1. Балакаев А. Тринадцать дней, тринадцать лет: Роман. Элиста, 1995. 496 с.; Эфендиев С. И. и др. Насилие. Нальчик, 1996. 420 с.; «Карачаевцы»: Выселение и возвращение (1943–1957). Материалы и документы. Черкесск: ПУЛ, 1993. 176 с.; Трагедия ингушского народа. Грозный, 1991. 61 с.; Ссылка калмыков: как это было. Элиста, 1993. и др. документы.
2. Так это было. Т. 1. М.: Инсан, 1993. С. 48.
3. Кулиев К. Собрание сочинений. В 3 т. Т. 2. М., 1977. С. 53.
4. Теппеев А. Плач Харуна // Газ. КПБ, 1977, 6 ноября.
5. Кулиев К. Горы. М., 1957. С. 283.
6. Иосиф Сталин – Лаврентию Берия: «Их надо депортировать». М., 1992. С. 4.
7. Кулиев К. Горы. М.: Совписатель, 1957. С. 293.
8. Кулиев К. Собрание сочинений. В 3 т. Т. 3, М.: Худож. литература, 1987. С. 38–39.
9. Кулиев К. Человек. Птица. Дерево. М.: Совписатель, 1985. С. 79.
10. Кулиев К. Так растет и дерево. М.: Современник, 1975. С. 408.
11. Кулиев К. Собрание сочинений. В 3 т. Т. 3. М.: Худож. лит., 1977. С. 534.

12. Кулиев К. Горы. М.: Совписатель, 1957. С. 220.
13. Там же. С. 216.
14. Там же. С. 241.

Т. Е. Эфендиева

«КИНЖАЛ» В ПОЭЗИИ А. С. ПУШКИНА И К. Ш. КУЛИЕВА

Доклад, представленный на научно-практическую конференцию «Пушкинская Россия и культура народов Северного Кавказа», посвященную 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина. Нальчик. ИГИ КБР.

Пушкин написал стихотворение «Кинжал» в 1821 году во время пребывания в Кишиневе. Было ему тогда 22 года. Кулиев написал стихотворение «Кинжал» в 1961 году, в возрасте 44 лет. Тот был восторженный юноша, увлекавшийся идеями декабристов и с интересом следивший за греческим восстанием и мечтавший принять в нем участие. «Я твердо уверен, что Греция восторжествует», — писал он тогда в одном из писем. Кулиев был зрелым мужчиной, пережившим много драматических событий — Вторую мировую войну, депортацию родного народа, смерть близких людей на войне и в период жизни на чужбине. Романтических иллюзий он не питал: суровая правда проступала через его любой художественный символ. Кулиевский «Кинжал» стал известен читателям, когда его перевел Я. Козловский и стихотворение было опубликовано в книге «Раненый камень» (1964).

Пушкинское стихотворение «Кинжал» быстро распространилось в списках по всей России. Поклонники освободительного движения на Западе знали его наизусть и при обсуждении политических событий в Западной Европе часто цитировали строки этого вольнолюбивого произведения. Исследователи творчества Пушкина (В. Вересаев, Б. Шаталов, С. Петров, Б. Нейман) считают, что «Кинжал» Пушкина — это призыв к революционному

террору. С. Петров убежден, что поэт призывал к борьбе с самовластьем путем прямого революционного насилия. Обратимся к строкам Пушкина, откровенно предупреждавшего властей и приближенных у трона:

Где Зевсов гром молчит, где дремлет меч закона,
Свершитель ты проклятий и надежд,
Ты кроешься под сенью трона,
Под блеском праздничных одежд.

Из этого четверостишия почти ясен смысл строк, но поэт продолжал усиливать эмоциональную нагрузку путем сравнений:

Как адский луч, как молния богов,
Немое лезвие злодею в очи блещет,
И, озираясь, он трепещет
Среди своих пиров.

Но нигде нельзя скрыться от неподкупного судьи, «свершителя надежд и проклятий»:

Везде его найдет удар неожиданный твой:
На суше, на воде, во храме, под шатрами,
За потаенными замками,
На ложе сна, в семье родной.

Эта надежда на близость расправы с теми, которых ненавидел поэт, сквозит в строках послания «В. Л. Давыдову» (апрель, 1821 г.): «... мы счастьем насладимся, кровавой чашей причастимся...» С. Петров писал: «Идея расправы с тиранами и деспотами при помощи политического убийства, увлекшая некоторых декабристов, была следствием романтического преувеличения роли личности в истории» [1].

Пушкинской идеи в стихотворении Кулиева «Кинжал» быть не могло: иное время, другие цели и задачи. Но при всем различии, есть общее, что роднит эти два произведения: идея справедливой кары за то зло, которое творится. Проблема добра и зла всегда была в центре внимания художников слова. Занимала она и Кулиева. Обратимся к его стихотворению «Кинжал».

Ты, выкованный мастерами,
Добру служил и злу служил,
За то в аулах матерями
Благословен и проклят был.

Сражал врага земли родимой,
Но и героя наповал
Рукой злодейской иль ревнивой
Ты, выхваченный, убивал.

Отношение к этому орудию добра и зла у К. Кулиева двойственное и чувства он испытывал к нему разные, когда смотрит на его боевую сталь и чеканную рукоять:

Я к равнодушным не причислен,
Иную славу я стяжал.
Ты дорог мне и ненавистен,
Кавказский кованый кинжал [2].

У Пушкина и у Кулиева слово «кинжал» — не просто знак, определенная вещь и даже не просто поэтический образ, а именно символ, несущий целый ряд разнообразных психологических, социально-нравственных моментов огромной смысловой значимости. Обратимся к началу стихотворений «Кинжал».

У Пушкина:

Лемносский бог тебя сковал
Для рук бессмертной Немезиды,
Свободы тайный страж, карающий кинжал,
Последний судия позора и обиды.

Читаем у Кулиева:

Ты, выкованный мастерами,
Добру служил и злу служил...

Итак, пушкинский кинжал сковал Бог. Кулиевский кинжал выкован простыми горскими мастерами. Это значительно ближе к реалистическому искусству. Однако не будем глубоко вдаваться в индивидуализированность и обобщенность художественного изображения, в тип творчества Пушкина и Кулиева, создававших «Кинжал». Укажем лишь на то, что сближало поэтов: кин-

жал должен быть в руках «бессмертной Немезиды», объективного и справедливого правосудия, которое должно стоять на страже правопорядка и законности. В истории много примеров борьбы за свободу и справедливость, когда Всевышний карал и праведных и неправедных в наказание потомкам. Обратимся к Пушкину:

Шумит над Кесарем заветный Рубикон,
Державный Рим упал, главой поник закон.
Но Брут восстал вольнолюбивый:
Ты Кесаря сразил – и, мертв, объемлет он
Помпея мрамор горделивый.

.

Апостол гибели, усталому Аиду
Перстом он жертвы назначал,
Но вышний суд ему послал
Тебя и деву Эвмениду.

Стремление воплотить идеалы времени, усилить эстетическую устремленность «Кинжала» побуждало Пушкина обращаться и к римской истории, и греческой мифологии (легендам и мифам Древней Греции): здесь и Аид, повелитель мрачного царства умерших душ, и дева Эвменида, милостивая и благосклонная богиня при решении судебных дел (бывшая Эриния, защитница всей Аттики). Обращение к греческим именам богов, богинь и героям Древнего Рима – Кесарю и Бруту – позволяло поэту воссоздать историческую обстановку, которая определяла разнообразие определенных идейно-эстетических целей и нравственных идеалов времени. Такой пушкинской образности, присущей именно искусству и проявляющейся в разнообразных формах, у Кулиева в его «Кинжале» нет. Примеры из далекой истории ему не нужны, чтобы выразить ту же мысль о кинжале-символе.

Порой ты беден был, но страшен
Своей чеканной простотой,
Порой насечкой был украшен
И рукоятью золотой.

.

Но там, где рек кипят истоки,
Тебя ковавший уповал

На то, чтоб ты, судья жестокий,
Безвинного не убивал.

Как видим, у Кулиева иное стремление к обобщению и к индивидуализированному изображению назначения кинжала. Он и «судья жестокий», когда невинного не защищает, и, по мнению поэта, — защитник чести. Все зависит от того, в чьи руки попадает кинжал: героя или труса-предателя («...тебя вонзала храбрость в грудь, а трусость всаживала в спину»). Кинжал у Кулиева — тоже определенный символ, определенным образом упорядоченный. На этот типичный символ Кулиев не затратил много историко-мифологической атрибутики, чтобы создать определенный художественный образ. Обращаясь к кинжалу, Кулиев писал:

Но самому тебе учсть ли,
Сколь раз в минувшие века
Неволила, защитник чести,
Тебя бесчестная рука.

Поэт не спрашивал, сколько за всю историю от удара булатного клинка погибло безвинных и виноватых. Он знал, что много было пролито крови как тех, так и других. Поэтому Кулиев уверенно говорил:

Сталь боевая обнажалась,
Холодная была пряма,
А в ней то солнце отражалось,
То кровью запекалась тьма.

История кавказских войн, традиции и обычаи кровной мести, национальная нетерпимость и политические заблуждения много дали примеров тому, как в «минувшие века» «кавказский кованный кинжал» разил наповал. Поэтическое самосознание горца XX в., гуманиста и пацифиста Кайсына Кулиева не могло примириться с тем, что было, когда «сталь боевая обнажалась». Поэтому в конце стихотворения Кулиев искренне признавался:

Ты дорог мне и ненавистен,
Кавказский кованный кинжал.

Литературовед Наталья Капиева в своей книге «Критические новеллы» (М., 1969. С. 25–26) писала о том, что отношение Кулиева к кинжалу – древнему атрибуту мужества, воинственности – куда сложнее, диалектичнее, нежели Ахеда Агаева или автора этих строк». Кайсын Кулиев восхищается кинжалом и говорит о нем с горечью, гневом – кинжал – оружие героя и орудие убийцы, так поворачивается тема. Это еще одно, новое отношение в горской поэзии к кинжалу как символу. Однако важно подчеркнуть, что Кулиеву и мысль не приходит брать кинжал «на вооружение» безоговорочно.

У Пушкина в «Кинжале» этого двойственного чувства нет. Его социально-политические раздумья начала 20-х годов XIX в., близко примыкавшие к взглядам и настроениям членов тайного общества, заговорщиков против царя, были сосредоточены лишь в одном направлении: «Где Зевсов гром молчит, где дремлет меч закона», там должен быть террор, «как адский луч, как молния богов». В. Вересаев писал: «Никто из заговорщиков не посвящал Пушкина в тайну: с одной стороны, боялись его легкомыслия и неосторожности, с другой, – берегли его как огромный талант, и находили, что пером своим он достаточно работает для их целей» [3]. Участники тайного общества И. Пущин, М. Орлов, В. Давыдов, Н. Раевский, Н. Муравьев, Вл. Раевский, Охотников, Якушкин и другие любили Пушкина, гордились им и берегли его как славу и честь России. Пушкин тоже платил им таким же чувством. Поэт в предпоследнем четверостишии как бы предвидел судьбу каждого из них, когда написал строки:

О юный праведник, избранник роковой,
О Занд, твой век угас на плахе.
Но добродетели святой
Остался глас в казенном прахе.

Эти поэтические строки непосредственно относятся к другому человеку, герою немецкого народа, на могиле которого «горит без надписи кинжал».

В твоей Германии ты вечной тенью стал,
Грозя бедой преступной силе –
И на торжественной могиле
Горит без надписи кинжал.

Так заканчивается стихотворение А. С. Пушкина «Кинжал», с его определенной и четкой идейно-эстетической и нравственной устремленностью.

У Кайсына Кулиева есть еще одно стихотворение о кинжале. Это известное всем балкарцам «Клинок и роза». Оно написано в тот же год, что и стихотворение «Кинжал». Очевидно, что понятие кинжал как художественный образ имел для него какое-то основное, национально-специфическое значение. Это слово было для Кулиева особым художественным образом, присущим философии и искусству, и наилучшим способом выражения своего личного «Я» и определенных чувств («Мне дорог розы красноватый пламень и лунный блеск холодного клинка»). Символический смысл Кулиев вложил в концовку стихотворения «Клинок и роза» (1961). Пессимистическое восприятие жизни было чуждо Кулиеву, хотя у него очень много стихотворений о смерти. В тот год он был далек от трагедийности мировосприятия, когда писал строки, так волнующие всех:

Родную землю просьбой беспокою,
Я говорю ей тихо: — Не забудь,
Когда умру, ты мне своей рукою
Клинок и розу положи на грудь.

(Перевод Я. Козловского)

Тему борьбы за свободу, используя художественный образ кинжала, после Пушкина подхватил М. Ю. Лермонтов. У него тоже было стихотворение «Кинжал». В нем, как и у Пушкина, сила гневного протеста против всякого насилия властей. Чувства и мысли Лермонтова на стороне свободного поэта. Его он сравнивал с кинжалом, «мощь которого равна постоянству»:

Да, я не изменюсь и буду тверд душой,
Как ты, как ты, мой друг железный.

Это сравнение Лермонтов повторил и в другом стихотворении «Поэт». Он считал, что истинный художник должен быть подобен кинжалу, который не по одной груди провел страшный след и не одну пробил кольчугу.

Мотивы пушкинского «Кинжала» повторили каждый

по-своему современные балкарские поэты. Так, поэт старшего поколения М. Геттуев не раз обращался к пушкинским образам, потому что к ним его влекло с детства. «Учась в школе, — признавался он, — я зачитывался произведениями Пушкина... Не расставался с ними ни днем, ни ночью. Ложась спать, я клал под подушку «Евгения Онегина»...» Следуя традициям отечественного литературного процесса, он тоже написал стихотворение «Кинжал».

Отмечая наличие интерсюжетов, именуемых бродячими сюжетами, А. В. Азбукина (Казань) отмечает, что они «составляют глубинный архетипический пласт художественного произведения. В их основе лежат вечные, общенациональные ценности, общечеловеческие истины. Однако интерпретация интерсюжетов может варьироваться, отражая мировоззрение как автора того или иного произведения, так и народа, к которому он принадлежит» [4].

Салих Гуртуев — поэт другого поколения. Свое 60-летие со дня рождения он отметил в 1998 году. Он, как и многие его ровесники, тоже обратился к этому символическому образу. Для него кинжал — не просто особый способ вызывать в человеческом сознании художественный образ, определенную идею или эстетическое чувство. Он для него и как предмет национальной гордости, и как знак истории, условно обозначавший высшее понятие о чести; понятие, которое уже уходит в прошлое.

Теперь и в музее кавказский кинжал не найдешь.
Решаются споры посредством словесной дуэли —
Такое вот время, мы стали другими, но все ж
Как быстро мы с памятью нашей расстаться успели, [5] —

(Перевод А. Кайданова)

почти с горьким сожалением признается поэт. Гуртуев прав: в местных музеях его не найдешь. Кинжалом «кама» (мастер Геурк, 1846), клинком булатной стали с инкрустацией и насечкой золотой или клинком «дамасской» стали, инкрустированной золотом (именуемой саблей, 1827) можно лишь полюбоваться в Государственном Эрмитаже Санкт-Петербурга. Художественное оружие Кавказа XVII–XIX вв. на пороге XXI в. становится лишь

понятием символа и имеет большое значение в эстетике и поэзии. Символ в поэзии вызывает целый ряд представлений и действует возбуждающе на чувства людей, то есть эстетически. Кавказский кинжал (обычно это клинок булатной стали) – это богатый символ жизни. Он принят искусством и поэзией, прозой и народной песней.

Давно миновали те годы, когда он один
И в споре, и в ссоре был наиглавнейшим судьей.
На кровника кровник с кинжалом в руке выходил,
Озлоблен тяжелою и беспросветной судьбою.

И камень до блеска бесстрастно шлифуют века, –
Из памяти стерлись деянья кинжала лихого.
Порою лишь в речи медлительной старика
О горском кинжале услышишь звенящее слово [6].

Современные горские поэты сознательно употребляют символы и, в частности, символический образ кинжала. Так, Расул Гамзатов в одном из лирических жанров – двустихиях и четверостишиях – выступает как пацифист, озаглавив их надписями на кинжалах. Носят они нравоучительно-дидактический характер, с большой нравственной значимостью. Обращаясь к молодым, он предупреждает их:

Ты не хвались, джигита сын,
Своим кинжалом,
Ты обладаешь не один
Таким кинжалом.

Или:

Приняв кинжал, запомни для начала:
Нет лучше ножен места для кинжала.

* * *

Хоть солнце будет жечь его огнем
Кровь никогда не высохнет на нем.

* * *

Чтоб владеть кинжалом, помни друг,
Голова куда нужнее рук.

(Переводы на русский язык Н. Гребнева и Я. Козловского)

Вслед за Пушкиным и его «Кинжалом» шли горские поэты в видении и в философском осмыслении жизни, иногда нарушая пушкинские традиции. Но каждый раз они творчески переосмысливали академический канон и вносили свое, национальное, личное. У Р. Гамзатова есть стихотворение «Кинжал». Оно небольшое по объему. Всего пять четверостиший. Это разговор поэта с кинжалом, который висит у него на ковре в комнате для гостей. Уже много лет он его не тревожит, только холстиной иногда стирает с него пыль.

Ты висишь как безделка, а я до сих пор,
Слыша тихий, но явственный голос,
То на палец попробую, как ты остер,
То попробую, режешь ли волос [7].

(Перевод Н. Гребнева)

Беседуя с кинжалом, Гамзатов думает о своем ремесле стихотворца – оно тоже есть оружие («Жизнь дала мне оружие. Оружие мое. Мир несет и с тобою не схоже...»). Поэт счастлив, но что-то тайное иногда тревожит его душу, и тогда со стены он снимает старинный кинжал, сжимая в руке неумело. Вероятно, это вечный зов, кровь предков говорит в нем. Смысловая глубина символа в финале строк:

Почему же тебя берегу и берег
Я, отпетый добряк-стихотворец?
Почему?..

Мне ответил кинжал, если б мог:
«Потому, что ты все-таки горец!»

(Перевод Н. Гребнева)

Кинжал в эстетике и поэзии – это неисчерпаемый многозначности художественный образ. Следуя пушкинским традициям, поэты Северного Кавказа художественно воплощают и передают глубинный смысл этого горского символа, который несет в себе с наибольшей выразительностью национальные особенности, характерные черты эпохи и ее определяющие социально-нравственные идеи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Петров С. М. «А. С. Пушкин» // История русской литературы девятнадцатого века. Т. 1. М., 1960. С. 178.
2. Кулиев К. Собрание сочинений. В 3 т. Т. 1. М., 1987. С. 195.
3. Вересаев В. Александр Сергеевич Пушкин. М., 1945. С. 51.
4. Азбукина А. В. Интерсюжет «Соловей и роза» в поэзии А. С. Пушкина и А. В. Кольцова // В сб. «А. С. Пушкин и взаимодействие национальных литератур и языков». Казань: КГУ, 1998. С. 4.
5. Гуртуев С. Шесть писем совести. Стихи, поэмы. М., 1990. С. 12.
6. Там же.
7. Гамзатов Р. Высокие звезды. Стихи. Элиста, 1983. С. 134.

Ф. С. Эфендиев

О СУБЪЕКТИВНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ЧУВСТВЕННОГО ВОСПРИЯТИЯ ЦВЕТОВ У КАЙСЫНА КУЛИЕВА

Для иллюстрации специфики чувственного восприятия черного и белого цветов у балкарского поэта К. Ш. Кулиева обратимся к его известному сборнику стихов и поэмы «Раненый камень» (М., 1964), который был удостоен Постановлением Совета Министров РСФСР от 11 октября 1967 года Государственной премии РСФСР имени М. Горького. В этом сборнике по моим подсчетам из 180 стихотворений почти половина стихов имеет темную или светлую окраску. Дело в том, что Кулиев философски и эстетически подходил к употреблению черного и белого цветов, осмысливая каждый раз совершенно специфически тот или иной факт человеческого бытия, его трагический или счастливый исход. В его национальном сознании черный и белый цвет – не просто какая-то реальность, определенный предмет бытия, а прежде всего символ, влияющий на чувственное восприятие, несущий главный смысл стиха. Обратимся к небольшому стихотворению «Я помню: и снег был черный...» в переводе Н. Коржавина. Оно написано поэтом в 1963 году.

Я помню: и снег был черный —
Так день этот был тяжел.
И, с болью борясь упорно,
Шатаясь от ран, я шел.
Вокруг меня лес горел,
Казалось, я сгину скоро!..
Но я и тогда смотрел
На жизнь как на белую гору.

О чем оно? Воспоминания поэта, когда он был в Латвии во время Великой Отечественной войны и ему пришлось отступать, когда все было вокруг в огне. Возможно, и об этом, когда историзм в структуре творческого сознания поэта находил смысловое отражение в четкой и категорически отточенной символике черного и белого цветов:

Тогда достиг я горечи предел
Под небом черным, в черную годину,
А все ж на мир с надеждою глядел
И видел жизни белую вершину.

Приведенные поэтические строки из того же стихотворения, но только уже в переводе Я. Хелемского и называется оно «Я помню дни, когда белейший снег чернел...» При анализе этого стихотворения в переводе Н. Коржавина или Я. Хелемского (неважно, кто переводчик) важно знать, что тот и другой переводы близки к оригиналу и указать прежде всего на их символическую значимость, а не национальную специфику употребления белого или черного цветов, на их субъективность или их объективность.

В этом сборнике стихов и поэм Кулиев часто пользовался словами «черный» и «белый». Но вовсе не для того, чтобы художественно отражать или воспроизводить действительность, слепо копируя природу. Важны не внешние детали и картины быта или природы, а внутреннее, национальное осмысление всех этих событий и явлений, фактов и чувствований, народное мироощущение.

Народным миропониманием его чувственным восприятием проникнуты строки «Я, над раненым камнем склонясь, горевал: от огня почернел он, от горькой беды». Для Кулиева и его родного народа камень — это не просто неодушевленный предмет природы, ее вещь, а такая

вещь, которая веками служила людям необходимым предметом в быту, была явлением материальной культуры: из камней строились сторожевые башни, фундаменты для жилищ, заборы, очаги, каменные надгробья, мостились дороги и т. д.

Два каменщика трудятся упорно,
В руках спорится дело и горит.
Один из них сооружает жернов,
Другой надгробный памятник творит.

(Перевод Н. Гребнева)

Прославился Кулиев тем, что воспел камень, и он стал под его пером образцом чистой художественности. Это отметил известный французский писатель Робер Мерль, который был лично знаком с Кайсыном Кулиевым. Они познакомились в Париже и между ними завязалась переписка. В одном из своих писем Робер Мерль писал Кулиеву: «Не нужно забывать, что литература и искусство должны приносить людям большое эстетическое наслаждение. Например, когда Вы в своем письме говорите о «боли раненого камня», я нахожу, что это превосходное выражение. Оно принадлежит искусству, поскольку рождает эстетическое наслаждение».

Возрастающую смысловую насыщенность образа камня можно видеть в стихотворении «Камень».

Много раз я писал о тебе... Издавна
Были камнем богаты аулы нагорий,—

так начинается это стихотворение. Далее поэт пошел по линии символических обобщений, которые не мешали и чистой художественности:

И народ мой оставил свои письмена
В камне: мудрость свою, и надежды, и горе.
Мысль народов других в древних книгах жила,
В фолиантах хранились былого анналы.
А у горцев бесправных — скала да скала.
Мысль вверялась камням. Камни, камни и скалы —
Наши книги, история нашей земли!

Потому-то и камень везде в преизбытке,
Что столетия в нем свой язык обрели.
Это скорби и стойкости твердые свитки!

(Перевод С. Липкина)

В стихотворении «Я над раненым камнем...» черный цвет камня – это символ горя и беды, символ вещи и ее выражения, ее внутренней жизни, которая проявила себя внешним образом. «Для символа вещей или событий, – писал А. Ф. Лосев, – необходима их внутренняя жизнь известной степени напряженности и необходима их внешняя сторона, по которой можно было бы судить об этой напряженности, хотя для нее вовсе не обязательна какая-нибудь красочная разрисовка...» Лосев приводит пример, как после похорон Аксиньи Григорий Мелехов в степи увидел у себя над головой черное солнце («Тихий Дон»), утверждая, что это сильный символ с большими выразительными средствами.

Говоря о субъективных особенностях чувственного восприятия черного и белого цветов в лирике Кулиева, можно утверждать, что эти цвета являются как бы устойчивыми механизмами его мировосприятия и его пластического мышления, когда поэт с потрясающей отчетливостью видел, скажем к примеру, на лицах людей горе или радость.

Ты скажи на милость, человек,
Чье лицо покрыто черной тенью,
Что с тобой случилось, человек,
Где решил искать ты утешенья?

(Перевод Н. Гребнева)

Печаль, горе, беду, душевное страдание, неразделенное чувство, стихийное бедствие, несправедливость, обман, ложь, клевету, унижение достоинства, месть, злобу, жестокость поэт видел в черном цвете, художественно воплощая выражение цвета в интенсивный символ.

Порою кажется, что употребление Кулиевым черного и белого цветов очень понятно, логично, объяснимо, что символ и знак в его стихах – это специальная направ-

ленность его национального сознания и творческого самосознания, что в этом есть некий национальный интерес. Национальный интерес, как указывает американский психолог К. Изард, является исключительно важным в развитии навыков, знаний и интеллекта. Без интереса мышление было бы серьезно нарушено. Взаимоотношение интереса и функции мышления так тесны, что отсутствие интереса угрожает развитию интеллекта не в меньшей степени, чем разрушение ткани мозга.

У Кайсына Кулиева есть маленькое стихотворение «Уснуло ущелье ночное...» в переводе Н. Коржавина. Концовка такова:

... судьбы родного народа
бывали черны ни с чего.
Но черной и в черные годы
Не стала душа у него!

«Черные годы», «черные судьбы» родного народа пережиты поэтом вместе с ним: и тогда, когда он был участником Второй мировой войны, и тогда, когда в 1944 году подвергся унижительному акту депортации и долгой жизни, фактически, в резервации: туда не ходи, с тем не встречайся и т. д. Субъективные особенности восприятия поэтом драматического прошлого указывают на то, что черный цвет мысленно воспринимался им как нечто трагическое, траурное, то, что оставило след в социальной памяти народа. Балкарский народ перенес многое. И его нравственные принципы остались высокими («Но черной и в черные годы не стала душа у него»). Душа народа осталась светлой и чистой. Белого цвета нет в стихе, но он явно осязателен, почти осязаем и чувственно воспринимается. Психологизм кулиевской лирики наблюдается в обобщении и в смысловой нагрузке обычно в концовке стиха. Так, в стихотворении «Как скучно б стало жить...» в переводе Н. Коржавина читаем: «...Шумите же, моря, — на небо вы похожи! Белейте гребни гор, как вам белеть дано!» К скалам и горам Кулиев относился уважительно. Они для него — почти святыня. О них он говорил только так: «Выше вас только солнце и Бог». Горы должны манить людей своей белизной, привлекать

своей нетронутой чистотой белоснежного покрова. Символ белой горы, белеющих вершин у Кулиева не просто есть ее знак. Он рождает собой многочисленные восприятия, воспоминания и смысловое обобщение.

Свойство творческого сознания поэта позволяло ему говорить с неодушевленной природой, которая под его пером оживала. «Говорю с горой» (перевел Н. Коржавин) – одно из таких произведений Кулиева, где он, обращаясь к ней, сказал: «Ты огромна и бела. Но себя принимать я не стану...» И снова повтор:

Ты могуча, бела. Ты блестишь в вышине,
Всем вокруг на далеком видна расстоянье.
Я учусь у тебя: как хотелось бы мне
Так же радовать всех высотой и сияньем.

Разговор на равных с белой и огромной горой – одна из особенностей психологизма лирики Кулиева. Но не это здесь главное. Поэтический образ белой горы важен не сам по себе, он был нужен для раскрытия идейной образности всего стихотворения:

У поэтов и гор долг один – высота!
В этом вся их задача и суть: непрерывно
Звать людей только вверх, чтоб не гасла мечта
На земле, где бывают и грозы, и ливни.

К такому выводу пришел поэт и заставлял литературоведов делать определенные выводы об идейно-образной стороне стихотворения «Говорю с горой».

Язык Кайсына Кулиева составляет несколько тысяч слов. В пределах этого словарного запаса отбор тех или иных речевых средств при создании любого стихотворения представляется непростой задачей. Обычно отбор слов подчиняется художественной мотивировке и объясняется теми специфическими задачами, которые ставил перед собой поэт. Нами отмечено, что чаще всего в стихотворениях Кулиева встречается слово «снег» и связанные с ним словосочетания «снежные громады», «снегопад в горах», «вершины снеговые», «снежные становья», «снеж-

ные пределы», «нескончаемая метель» и т. д. Почти каждое слово «снег» имеет подтекст «белый», «чистый», «светлый», «хороший», «благородный». Но иногда оно имело для поэта противоположный смысл и могло быть понято лишь в связи с той образной системой, которая лежала в основе стиха. Для подтверждения нашей мысли возьмем четверостишие из стихотворения Кулиева «У очага» (1961).

Мели снега жестокой доли,
И помню, что огонь зачах.
Но вот он вновь в балкарском доме
Венчает каменный очаг.

(Перевод Я. Козловского)

Словосочетание «снега жестокой доли» — художественный образ. Этот образ есть определенная форма по отношению к идейной направленности содержания данного четверостишия. Сидя у отцовского очага, поэт вспоминал былое и, очевидно, годы несправедливой высылки балкарского народа и его жизнь на чужбине.

Отбор речевых средств в поэзии Кулиева глубоко содержателен. Сам поэт испытал все унижительные этапы спецпереселения. Поэтому образная система, мотивирующая выбор речевых средств, приводит к пониманию художественной целенаправленности этого стихотворения и многих других, связанных с темой депортации балкарского народа.

Художественно-литературный стиль поэзии Кулиева — явление особое, сугубо национальное, это особая форма этнического самосознания. Без этого учета и понимания нельзя точно определить индивидуальную специфику его языка и каждого стихотворения, созданного им в разные периоды его нелегкой жизни. Снова позволим себе обратиться к стихам о насильственном выселении некоторых народов Северного Кавказа. Одно из них — «В Хуламском ущелье». Оно автобиографично. Поэт, демобилизованный с фронта, побывал в некоторых селениях Хуламского ущелья и увидел одни развалины обезлюдевших очагов («Иду среди белых скал и среди развалин

домов, старинных башен крепостных») и, опечаленный увиденным, сказал, обращаясь к себе:

Гляди, не бойся. Эти камни стали
От горя черными на всем пути.
Молчат, как будто от беды устали
И слово трудно им произнести.

А ты не камень. Плачь же! На колени
Стань пред камнями! Зарыдай в золе!
Пусть никогда разрушенных селений
Ничьи глаза не видят на земле!

(Перевод С. Липкина)

Образ камня, ставшего от горя черным, молчаливым, уставшего от беды, — это художественный образ, возрастающей смысловой насыщенности, философской глубины и национальной значимости. Ты, человек, виноват во всем, что случилось. «Плачь же! На колени встань пред камнями!» От простых человеческих чувств (в данном случае печали) поэт шел к символическим обобщениям. Однако они не мешали чистой художественности восприятия.

Социально-историческая обусловленность символа «раненого камня», «камней, почерневших от горя» в балкарской народной поэзии и, в частности, в лирике Кулиева несет в себе отпечаток времени, характерных черт тех событий и явлений, которые прошли через ум и сердце поэта.

Я, над раненым камнем склонясь, горевал:
От огня почернел он, от горькой беды.
Он мне мертвым казался, и я тосковал,
Потому что хотел на нем видеть цветы,—

(Перевод Н. Коржавина)

писал Кулиев в 1960 году в одноименном стихотворении, выражая свои мысли и чувство о том, что было с народом в годы Второй мировой войны. И в этом стихотворении язык Кулиева художественно мотивирован. А субъективное восприятие людского горя, того, что пришлось пере-

жить почти всем в военное лихолетье позволило поэту обратиться к образу раненого камня, почерневшего от горькой беды.

Субъективные особенности чувственного восприятия черного и белого цветов у Кулиева мотивированы каждый раз мироощущением поэта и той образной системой, которая лежит, как мы уже указывали, в основе стиха. А она, в свою очередь, определяет отбор лексических, интонационно-синтаксических, звуковых средств. Они создают тот или иной художественный образ. «Песня сухой чинары» — лучшее доказательство высказанному. Жизнь — это благо. И чинара была благодарна всему, даже вьюге.

На ветре я песни пела.
Мне, бывало,
Вьюга ветви снегом белым
Пеленала...

(Перевод Н. Гребнева)

Белый и черный цвета у Кулиева могут выступать и в качестве символа, и могут быть художественной метафорой и общезыковой метафорой. При этом каждый раз отбор языковых средств поэтом и его мышление были теснейшим образом взаимосвязаны. Это тесная связь видна в стихотворении «Ветер кажется белым-белым...»

Ветер кажется белым-белым:
Он летел по снежным пределам.
Ветер кажется мне зеленым:
Он летел по лесистым склонам.
В нем — дыханье свежих платанов,
В нем — дыханье снежных становий,
В нем — дыханье древних туманов,
Запах меда и запах крови...

(Перевод С. Липкина)

Язык поэзии Кулиева, как видим, подчинен задаче создания художественного образа. Принцип индивидуализации требовал от поэта использовать белый и черный цвета в самых тонких и разнообразных их оттенках. Это качество достигается при помощи переносных значений

слов, интонаций и др. Различные смысловые оттенки слова, как известно, основаны на многозначности слова. Возьмем стихотворение «Тучи клубятся...» (Перевел Я. Козловский). В нем очень наглядно представлены настроения и чувства радости поэта, когда он смотрел на горы, и эта полнота восприятия передана через белый цвет, многократно повторяющийся в двух четверостишиях.

Тучи клубятся, по склонам кочуя,
Белые горы, вы дороги мне.
Белое утро, проснувшись, хочу я
Белые горы видеть в окне.
Чувству сердечному я покоряюсь,
В Мекку ходивших понять не могу.
Любящий родину, я поклоняюсь
Горным вершинам в белом снегу.

«Белые горы», «белое утро», «горные вершины в белом снегу» — эти подобранные словосочетания последовательно характеризуют начало дня и то состояние души поэта, когда он видел утром из окна горные вершины в белом снегу. Каждое слово первого и второго четверостишия обладает определенным значением, а все вместе они создают ясное представление о желаниях поэта (... проснувшись, хочу я белые горы видеть в окне) и о его отношении к земле отцов, дедов и прадедов («Любящий родину, я поклоняюсь горным вершинам в белом снегу»).

Исследователь творчества К. Кулиева, проф. С. К. Башиева в статье «Метафоризация как средство словесной образности К. Кулиева» пишет: «Одним из средств словесной образности Кайсына Кулиева являются метафоры, придающие стихотворениям поэта особую экспрессию. Заменяв старое, привычное значение слова новым, К. Кулиев, как и все писатели, расширяет его семантический объем, смысловые, эмоционально-экспрессивные связи, раскрывает в нем новые оттенки» («Вопросы филологии». Нальчик: КБГУ, 1985. С. 7). Известный ученый А. Ф. Лосев утверждал, что поэтическая метафора интересна сама по себе, она имеет свою собственную созерцательную ценность и всегда обладает достаточной

глубиной, чтобы в нее всматриваться и о ней задумываться. Обратимся к стихотворению «Ты не ел того хлеба невзгод и нужды...» В нем есть строка: «Черный хлеб и беда учат многому нас, с ними часто становятся люди мудрее», в которой поэт как бы подводит итог своим раздумьям о жизни людей. И не просто о жизни вообще, а, вероятно, он имел в виду людей своей нации, которая была несправедливо унижена, оскорблена в период депортации. И слово «черный» в этом четверостишии понимается как символ национального бедствия в те трагические годы, когда насильственная высылка иссушала народную душу, уничтожала лучший генофонд нации.

В сборнике «Раненый камень» есть стихотворение «Памяти матери». В нем нет слов «черный», но он все время присутствует, подразумевается. Вот второе четверостишие:

...мама умерла. И свет, что мне светил,
Перед зарей погас. Конец. Вопрос решился,
И для меня в ту ночь рассвет не наступил,
И я его не ждал: я матери лишился.

Беда бывает обычно черного цвета, она несет печаль и горе. Кулиев знал ее с детства: он рос сиротой.

Росли мы без отца. Последнее всегда
Ты отдавала нам. Сама недоедала.
Но все ж и в черный день душой была чиста,
И копоть горьких бед в тебе не оседала.

(Перевод Н. Коржавина)

Для поэтического образа употреблял поэт словосочетания «копоть горьких бед», «черный день». Они несли определенный художественный смысл, а употребление выражений «свет перед зарей погас», «рассвет не наступил», несомненно, символично.

Таким образом, проведенный анализ употребления черного и белого цветов свидетельствует о том, что символы и метафоризация – одни из способов усиления выразительных качеств художественной речи Кайсына Кулиева.

Представлено академиком А. М. Нахушевым

АЛИМ КЕШОКОВ И КАЙСЫН КУЛИЕВ
(К 85-летию со дня рождения А. Кешокова)

Статья была опубликована в журнале «Доклады Адыгской (черкесской) международной академии наук». Т. 4, № 1. Нальчик: КБГУ, 1999.

В 1943 году Кайсын Кулиев встретился со своим земляком – кабардинским поэтом Алимом Кешоковым. Они были почти ровесниками: одному 29 лет, другому – 26. До войны они не были лично знакомы, а знали друг друга лишь по стихам, которые появлялись в местной печати. Породнила их, связав узами дружбы и боевого братства Великая Отечественная война, когда они шли вместе тяжелыми фронтовыми дорогами по волжским просторам, украинским степям и крымской земле, истерзанными боями. Вспоминая об этих днях войны, Алим Кешоков рассказал в автобиографической повести «Вид с белой горы». Он писал: «... судьба свела меня с Кайсыном Кулиевым, с которым мы прошли вместе Донбасс, Сиваш, Крым...» В эти огневые сороковые они работали вместе военными корреспондентами в армейской газете «Сын Отечества». В редакции всех сотрудников газеты ласково называли «сынками Отечества». Сюда попал после ранения в боях под Старой Русой новый «сыночек Отечества», воин-парашютист, офицер Кайсын Кулиев. По рассказам Кешокова, Кайсын быстро освоился с работой корреспондента и стал «заметным человеком в редакции...» Его полюбили за веселый нрав и жизнерадостность. В молодом поэте не было ни позы, ни хвастовства, никто не обращался к нему по званию или фамилии, а просто «Кайсын». Кешоков не забыл ничего из тех военных лет, когда они вместе несли военную службу, которая длилась почти всю войну. Спустя несколько лет в стихотворении «Кайсыну Кулиеву» Кешоков писал:

И подняла одна тревога
Нас одного с тобой числа
Одна жестокая дорога,
В одно сражение увела.
И как назначено судьбою,
Мы горской песни два крыла
И одного ружья с тобою
Два неразлучные ствола.

Алима Кешокова и Кайсына Кулиева часто видели на передовой, куда они срочно выезжали по заданию редакции, вместе ходили в атаку. Однажды в одной из атак Кайсын был ранен. Кешоков не оставил его и нес на себе до ближайшего медсанбата. «Вспоминаю: Кайсына ранило под Севастополем, я тащил его на себе в госпиталь, — писал Кешоков в статье «Вершина вела к вершине», приуроченной к 70-летию со дня рождения Кулиева. — Кровь его залила мне одежду так, что невозможно было разобрать, чья она — моя или друга. Его уложили в полуторку вместе с двумя десятками таких же, как он, раненых. Я уже простился с ним, и вдруг Кайсын срывает с себя плащ-палатку и бросает мне: «Носи на здоровье»... Об этом случае Алим Кешоков написал стихотворение, и оно было прочитано друзьям-фронтовикам где-то в донских степях и запомнилось Кулиеву навсегда.

В первые дни работы в редакции газеты «Сын Отечества» Кулиев испытывал затруднения: не имел профессиональных навыков. На помощь ему пришел Гоффеншефер, который освоил и ремесло поэта-переводчика. Помогал Кулиеву и Кешоков. Об их боевой дружбе знали все. Интересно в связи с этим письмо однополчанина М. С. Глущенко, который писал через несколько лет Кулиеву: «... Я собираю материалы о 417-й Сивашской Краснознаменной ордена Суворова 1 степени стрелковой дивизии, о ее бесстрашных воинах-героях, сражавшихся в Ставропольском и Краснодарском краях, освобождавших Прибалтику».

Кайсын, Вы были корреспондентом фронтовой газеты 51-й Армии «Сын Отечества». Вместе с Вами в трудные дни фронтового корреспондента нес службу Ваш коллега Алим Кешоков и сотни других, которые правдивым пером рассказали о мужестве наших бойцов и команди-

ров... Отзовись, Кайсын. Твой Михаил Степанович Глуценко. Мой адрес...». Многие роднило этих двух смелых молодых горцев – защитников Родины. Сближало то, что они показывали правду военного быта таким, каким он был со всеми трагическими обстоятельствами смерти и жестоких испытаний людей, их страдания и потери.

Враг высоту оборонял упорно,
И вот атака захлебнулась вновь.
На наши лица дым ложился черный,
И на рубахах вспыхивала кровь,–

писал Кешоков в 1944 году в стихотворении «Знамя».

Кулиев, как и Алим Кешоков, тоже изображал войну такой, какой он ее знал: сам участвовал в многосуточных боях за города России. Это были жизненно-правдивые описания, когда сила сопротивления врагу в этой вынужденной войне оказалась сильнее любой военной техники врага.

Шел десять суток бой. Но враг упорно
Разил огнем, не отходил назад.
Не зная сна, покрытый пылью черной,
За этот город в бой ходил солдат.

(Перевод Н. Коржавина)

Так писал Кулиев в 1943 году в стихотворении «Город». Есть у него и другое стихотворение «Сталинградцам», посвященное защитникам волжской твердыни.

Алим Кешоков и Кайсын Кулиев в этот 1943 год писали очень много стихов и очерков. Работали они по ночам при свете керосиновой лампы, чтобы к утру сдать редактору порученные им статьи. Надо было выкроить время и для стихов. Несмотря на все трудности, выпавшие на долю этих молодых поэтов, сорок третий год оказался плодотворным периодом во фронтовой жизни Кулиева и Кешокова.

В 1943 году Кулиев написал стихотворение «поэт на фронте». В нем он рассказал о своем друге Алиме Кешокове, о его мужестве, бесстрашии и смелости:

Склоняясь над взлохмаченной гривой коня,
Поводья тугие сжимая в руке,

Он мчался в атаку. Отблеск огня
Играл на холодном клинке.
А ночью, едва затихала заря,
Он молча бродил по уснувшей степи.
Потом, засветив огонек фонаря,
Писал на седле стихи...

(Перевод Л. Шифферса)

Расстались они в 1944 году, когда раненый Кулиев попал в госпиталь, а Кешоков, будучи где-то в Восточной Пруссии, узнал о несчастье своего друга, о депортации некоторых народов Северного Кавказа. Он остался верным дружбе и написал письмо, адресованное в Правление Союза писателей Киргизии на имя К. Ш. Кулиева. Кайсын взял в руки письмо и увидел знакомый почерк. Быстро вскрыв конверт, он с волнением стал читать: «Дорогой Кайсын, получил твое долгожданное письмо. Самое тяжелое – это ждать того, что скажет друг, перед которым чувствуешь свою вину невыполненного долга. То, что после твоего ранения, уезжая не навестил и не попрощался с тобой, и по сей день угнетает меня. Не знаю – простишь ли ты меня, но это я самому себе не прощаю». Далее в письме Кешоков беспокоился о здоровье Кулиева и выражал надежду, что он побывает на родине – в Кабардино-Балкарии. Алим не мог представить Кайсына без родных гор и отчей земли. «Буду бесконечно рад, если ты благополучно вступишь на нашу землю. Мне как-то рассказали ужасную весть, будто с твоею ногою плохо. Если был бы Бог или Аллах, я бы молился ему, чтобы ты в родной дом не постучался сухим костылем, а вошел большими торопливыми шагами.

Ты передай нашим горам поклон и скажи этому дьявольскому творению, чтобы помнили о сынах своих. Пей нартский напиток. Ведь Сосруко тоже пил эту воду каждый раз, когда он, разгоряченный, возвращался с поединка...

У нас ничего нового нет. Гоффеншефер был в Москве. Там он встретил мою жену. Если будешь в Москве, зайди к Тихонову, он обещался прислать тебя обратно к нам».

Кулиеву было приятно, что его боевые товарищи из редакции газеты «Сын Отечества» 51-й Армии помнят его и все еще ждут его возвращения. Грустно было отто-

го, что он не имел даже надежды на встречу с друзьями: он был спецпереселенцем и не имел права выезда в другую республику без особого на то разрешения.

Встретились они только через долгих тринадцать лет. Кешоков не забывал, что его друг в беде. И когда он вернулся с фронта и стал работать в Нальчике, то обратился в органы госбезопасности КБАССР с просьбой разрешить поэту Кайсыну Кулиеву посещать родные края, но получил отказ.

В 1957 году они встретились в Москве, где состоялась декада литературы и искусства Кабардино-Балкарской АССР. В группу участников смотра входили министр культуры КБАССР Б. М. Карданов и поэты Алим Кешоков и Кайсын Кулиев. Их встретили на Курском вокзале композитор В. Мурадели и артист М. Астангов. 20 июня в Колонном зале Дома Союзов состоялся торжественный вечер литературы и искусства КБАССР, посвященный 400-летию добровольного присоединения Кабарды к России.

Кешоков и Кулиев много вспоминали о былом. Оба радовались, что балкарский народ «избавлен от бед и обид» (Кулиев). В этот год все балкарцы в массовом порядке возвращались на свою исконную землю. Все, что тогда волновало Кулиева, он выразил в лирическом стихотворении «Разговор с родной землей». Поэт признавался в том, что так мучительно его тревожило:

Я долго носил твою боль в своем сердце
И счастлив, что кончилось время невзгод.

(Перевод Н. Коржавина)

Выразил Кулиев в этом произведении и свою любовь к малой родине:

Балкария милая, золота залежь
Для нас не сравняется с камнем твоим.

(Из сб. стихов «Горы». М., 1957 г.)

Во все дни декады Кулиев и Кешоков были вместе. На память о прошедшей декаде смотра лучших художественных коллективов КБАССР друзья решили сфото-

графируются. Здесь же, в фойе Колонного зала Дома Союзов они нашли фотографа, который и запечатлел их молодыми и счастливыми. Кешоков и Кулиев стоят рядом, а с ними беседует поэтесса Сильва Капутикян и композитор В. И. Мурадели.

С тех пор Кулиев и Кешоков встречались очень часто в Москве на заседаниях Правлений Союза писателей СССР и РСФСР, совещаниях, Пленумах ЦК и съездах партии, в зарубежных поездках и в юбилейные дни своих коллег по перу, на конгрессах миролюбивых сил и симпозиумах ученых, многочисленных фестивалях и концертах...

Дружба поэтов продолжалась и крепла год от года. Кулиев часто бывал в доме Кешоковых, когда приезжал в Москву, принимал из рук жены друга хлеб-соль. Ей он посвятил стихотворение «Жена поэта». Ее Кулиев знал много лет, восхищался характером этой замечательной женщины, во многом способствовавшей успеху мужа:

Когда успех твой мчится на коне
И ты в чести,— волнуясь и любя,
Жена стоит в тени и в стороне,
Чтоб больше света пало на тебя.

(Перевод Я. Козловского)

Они дружили семьями, поздравляли друг друга с праздниками и днями рождения, дарили друг другу свои книги и не скупились на похвалу. Так, в апреле 1974 года Алим Кешоков писал: «Дорогие Мака и Кайсын, с праздником Вас. Желаем, чтобы эта весна одарила Вас такими цветами, которые обладали бы целительными свойствами от всех недугов.

Успехов и радости Вам. Семья Кешоковых»

Когда Кулиев получил Государственную премию за «Книгу земли», Алим Кешоков поздравил его с этой высокой наградой. В телеграмме говорилось: «Сердечно поздравляю с присуждением Государственной премии. Желаю новых творческих радостей и эльбрусского здоровья. Крепко обнимаю. Алим Кешоков».

И еще надо сказать об одном событии в их жизни и дружбе. В 1973 году в декабре Кулиев получил в подарок книгу Кешокова «Сломанная подкова», на супероб-

ложке которой автор написал «Кайсыну Кулиеву, чей талант в ножнах мужества, с пожеланием новых творческих свершений».

Обнимаю, жму твою руку.

Алим Кешоков. Декабрь. 1973 г.»

Кайсын с интересом прочитал роман. Авторизированный перевод с кабардинского сделал В. Солоухин. Перевод был хорошим. Об этом произведении много говорили и писали в периодической печати. Однако идеологические работники Кабардино-Балкарского обкома партии встретили эту правдивую книгу враждебно и было указание обсудить и осудить «Сломанную подкову». В НИИ истории, филологии и экономики при Совете Министров КБАССР состоялось позорное судилище, не первое и не последнее (вспомним Б. Пастернака, И. Бродского). Кулиев был на обсуждении председательствующим. Он смело защищал роман, отстаивал позиции своего друга Алима, говорил, что «Сломанная подкова» является одним из лучших его произведений. Ему пришлось выступать несколько раз и убеждать, что книга правдивая и она займет определенное место в истории развития кабардинской прозы.

В этот год Кешоков выпустил сборник стихов «Земля добра и винограда» (М., 1973), в котором он посвятил Кулиеву стихотворение «Мы пили воду из Чегема...». Алим знал, что Кайсын правильно поймет смысл этих строк. Еще в 1959 году Кешоков писал: «Кайсын Кулиев полон творческой энергии, он на большом пути. Его поэзия — это зеркало, в которое смотрит балкарский народ и видит себя большим. Поэт, который дает своему народу испытать такое сознание, чувство такой радости — настоящий поэт, кровный сын своего народа». Через шесть лет, видя необыкновенный взлет своего друга, Кешоков снова писал о Кулиеве: «... В небольшой, но очень красочной балкарской литературе особое место занимает Кайсын Кулиев. Точно так же, как разлившийся горный поток, не вмещаясь в узкое русло, широко заливают берега, так его творчество несет свои чистые воды в большую реку советской поэзии».

В 1984 году Алиму Кешокову исполнилось 70 лет со дня рождения. 20 июня этого года появилась большая статья Кулиева «Годы плодотворного труда». Он писал о

своем друге в последний раз, так как жить оставалось Кулиеву ровно год. Он болел, подолгу лежал в больницах и не раз вспоминал свою дружбу с Кешоковым. Очевидно, не случайно Кулиев незадолго до своей смерти написал стихотворение «Алиму Кешокову» (Письмо из больницы), в котором он вспоминал то, что оба они пережили:

Я помню Перекоп, и злобный свист свинца,
И пулею твою пробитую фуражку...
А ты, достойный сын достойного отца,
И храбр и стоек был в тот день студеной, тяжкий...

Время уходит безвозвратно, оно быстротечно. Кулиев это хорошо понимал. Как понимал в эти трагические больничные дни, что он обречен. В самое для него трудное время, в самые для него черные дни болезни, безысходной тоски он писал Кешокову: «Алим, мой друг, земляк, однополчанин мой! Бег дней неудержим, дух времени тревожен».

И если, как пришел для дедов и отцов,
И как настал для всех, огнем сраженных вражьем,
Настанет и для нас, неотвратим, суров,
Последний смертный час, — в одну мы землю ляжем.

(Перевод Л. Шерешевского)

Кулиев был готов к самым тяжелым испытаниям. Главной опорой и поддержкой в эти трагические дни оставались друзья. «...Я в близких и друзьях опору нахожу», — не раз говорил поэт в эти дни. Друзья приносили больному радость и утешение. Кайсын был уверен в том, что пока они слышат голоса друг друга и «пенье горных рек», то «смерти злой коса» им «будет не страшна в своем замахе злобном». Поэтому в печальные дни своей жизни Кулиев обращался к Алиму Кешокову: «Тревоги не тая, играет жизнь опять на черной мне свирели. Я из больницы, брат, пишу тебе сейчас».

4 июня 1985 года балкарский народ потерял своего гениального сына. Проститься с ним и проводить в последний путь приехали Чингиз Айтматов из Киргизии, Шукурлло из Узбекистана, Давид Кугультинов из Элисты, Расул Гамзатов из Дагестана, Алим Кешоков из Москвы,

Левон Мкртчян из Еревана, Нафи Джусойты из Северной Осетии и многие другие из разных городов СССР.

Алим Кешоков дважды выступал на траурном митинге в г. Нальчике у театра им. А. Шогенцукова и у могилы дома-усадьбы в поселке Чегем I.

Его проникновенные, взволнованные слова об ушедшем поэте буквально потрясли собравшихся.

Кулиев предвидел свой конец и заранее просил своих сыновей и родных исполнить его просьбу:

Мои сыновья и моя родня,
Я умоляю вас,
Лицом к родной горе меня
Положите в мой смертный час.
Видел и мой отец на заре
Ее перед своим концом.
К белой горе, к снежной горе
Положите меня лицом!

(Перевод Н. Гребнева)

Кулиева похоронили там, где он просил. Воля его была священна. Через два года после смерти поэта народы Кабардино-Балкарии отметили 70-летие со дня рождения Кайсына Кулиева в драматическом театре, носящем его имя. Алим Кешоков приехал из Москвы, чтобы принять участие в торжественном вечере, посвященном памяти поэта Кайсына Кулиева. Его ждали как самого близкого друга. Кешоков выступил с взволнованным рассказом об их долгой дружбе, о пройденном вместе пути, о том, кем для него был балкарский поэт: «...Он был для меня честью и совестью, — говорил Алим Пшемахович, — олицетворением мужества во всем и нравственным идеалом. Кайсын ценил превыше всех ценностей на свете дружбу людей, их взаимопонимание, доброту и чуткость. Он был принципиальным и смелым человеком, не боялся вышестоящего начальства. И когда надо было защитить меня и мой роман «Сломанная подкова» от несправедливых нападок, он это сделал во имя справедливости, а не только во имя нашей с ним дружбы...»

Все дальше в историю уходят имена великих людей. Кайсын Кулиев и Алим Кешоков останутся навечно в памяти народов. Оба они классики родных литератур, их

поэзию знают миллионы людей. Кулиев и Кешоков стояли почти у истоков развития двух национальных литератур, наряду с Бекмурзой Пачевым, Кязимом Мечиевым, Али Шогенцуковым, Саидом Шахмурзаевым, Бертом Гуртуевым.

Известный переводчик восточной поэзии С. Липкин сказал 25 февраля 1965 года, когда в Москве в СП СССР в творческом отделении художественного перевода шло обсуждение книги Кайсына Кулиева «Раненый камень»: «...В Кабардино-Балкарии говорят: «Эльбрус имеет две вершины. А у нас в поэзии есть две вершины – Кайсын Кулиев и Алим Кешоков».

В 1999 году народы Кабардино-Балкарии, России и СНГ отмечают 85-летие со дня рождения Алима Кешокова. Они рады тому, что он жив, в творческом поиске. Пусть еще много лет радуется своими произведениями любителей художественной литературы!

О Кайсыне Кулиеве и Алиме Кешокове написано много статей, очерков, эссе, воспоминаний, монографий, учебных пособий. По их творчеству защищены кандидатские и докторские диссертации (как по филологии, так и по философии), в вузах читаются спецкурсы, защищаются дипломные работы.

К 85-летию со дня рождения К. М. Симонова

Ф. С. Эфендиев

КОНСТАНТИН СИМОНОВ И КАЙСЫН КУЛИЕВ

Поэты были друзьями. Впервые они познакомились в 1942 году в Москве, в военную зиму, когда Кулиев почувствовал участие в своей судьбе почти всего литературного братства. А. А. Фадеев распорядился, чтобы в честь поэта-фронтовика Кайсына Кулиева был проведен творческий вечер. Буквально через несколько дней после приезда Кайсына с фронта в Москву Союз писателей и члены военной комиссии СП устроили ему творческий вечер. На нем среди многих других литераторов присутствовали А. Фадеев, Б. Пастернак, К. Симонов, С. Вургун, Перец Маркиш, Мамед Рагим, Дмитрий Кедрин и другие.

Константин Симонов знал уже Кулиева по стихам, которые печатались в газете «Правда» («Всегда гордился тем, что горец я!», «Клятва») и его выступлениям по Всесоюзному Радиокомитету при СНК СССР. В декабре 1942 года было организовано несколько радиопередач из лирики военных лет Кулиева. Константин Симонов знал о том, что Воениздат и Госполитиздат готовят к изданию его сборник стихов «Горы мои» о Великой Отечественной войне. Но в тот год К. Симонов не мог и предположить, какая драматическая судьба ожидает его военного друга, защищавшего Россию вдаль от Кавказа. В тот зимний вечер Кулиев был счастлив. Он понимал, что в его лице чествовали всех поэтов-фронтовиков Кавказа. «... Как я был удивлен и взволнован, — писал впоследствии он, — когда узнал, что Союз писателей СССР устраивает мой творческий вечер... Какая мне оказана честь! Творческий вечер молодого поэта, представителя малочисленного народа — и когда! — в тяжелейшую военную зиму 1942 года!»

Константин Симонов и Кайсын Кулиев во время Второй мировой войны были военными корреспондентами. Их голос звучал в годы войны по радио и на страницах периодической печати. Кулиев читал очерк Симонова «Дни и ночи», опубликованный в «Правде» от 25 сентября 1942 года, а его знаменитые стихотворения «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины», посвященное А. Суркову, и «Жди меня» знали все. Жанр послания и посвящения стал одним из популярных родов поэтического оружия и горского поэта К. Ш. Кулиева («Любимой с фронта в первый год войны», «Девушке с Севера», посвященное Валентине Лебедевой, «Твоя земля», посвященное Владимиру Сосюре, «Сестре Мариам с фронта»). Однако тема Родины стала центральной в лирической поэзии К. Симонова и К. Кулиева. Объединяла поэтов духовная общность. Об их дружбе знали многие в Союзе писателей. Может, поэтому в Военной комиссии СП первоначально предполагалось, что Кулиев поедет на Кавказский фронт вместе с поэтом К. Симоновым. Но планы резко изменились, и их послали на Сталинградский фронт. Близость Кулиева к Симонову особенно ярко проявилась в то время, когда они были оба под Сталинградом, обращенным в руины и пепел, и видели своими гла-

зами его защитников, мужественно сражавшихся более трех месяцев и беззаветно умиравших за этот город.

Итак, в конце декабря 1942 года Кулиев отправился на Сталинградский фронт. В его небольшой библиотечке лежали уже прочитанные им «Русские люди» К. Симонова, «Нашествие» Л. Леонова и пьеса «Фронт» Корнейчука, сразу завоевавшие признание миллионов читателей. Симонов и Кулиев, как и другие военные корреспонденты газет «Правда», «Красная Звезда», «Сын Отечества», становились свидетелями и участниками победы огромной важности: здесь будут разбиты немецкий фельдмаршал Манштейн, назначенный срочно командующим созданной группой армий «Дон» для помощи окруженным, и 6-я армия Паулюса вместе с танковой армией Гота. В донских и приволжских степях бесславно погибнут за бредовые идеи фашистского рейха тысячи румынских, венгерских, итальянских солдат стран-сателлитов Германии...

Кроме К. Симонова и К. Кулиева, на Сталинградском фронте были и их коллеги – М. Шолохов, В. Гроссман, А. Кешоков. Общение с ними многое дало молодым горцам – К. Кулиеву и А. Кешокову. Они с интересом читали военные корреспонденции В. С. Гроссмана, объединенные потом в серию «Сталинградская переправа» и «Направление главного удара». По ним они учились, как писать военные заметки и очерки о Сталинградской битве, которая завершилась разгромом вражеских войск и капитуляцией 2 февраля 1943 года, подписанной генерал-полковником Паулюсом.

О защитниках Сталинграда, сражавшихся на берегу великой русской реки, об их мужестве и отваге Кулиев написал стихотворения «Сталинградцам» (1942) и «Город» (1943).

Здесь каждый дом солдаты с боя брали,
Усталость победив, идя в штыки,
И каждый раз товарищей теряли
В густом дыму на берегу реки [2].

(Перевод Н. Коржавина)

Сострадание к участникам Сталинградской битвы по-разному находило выражение в стихах-посланиях поэтов-

фронтовиков К. Симонова, А. Сурикова, А. Прокофьева, Н. Тихонова, М. Исаковского, А. Жарова и других. У Кулиева в данных стихотворениях – через лирико-публицистический характер. Поэт, сам участник битвы за волжскую твердыню, восхищался бесстрашием, героизмом людей. Выполняя свой гражданский и воинский долг, они знали, что за Волгой для них земли нет.

Горели в танках, бегством не спасаясь,
Кто думал о себе в такие дни?
С гранатами под вражий танк бросаясь,
Овладевали городом они... [3]

(Перевод Н. Коржавина)

В 1944 году дружба Кайсына Кулиева и Константина Симонова была прервана на 12 лет. Дело в том, что 8 Марта этого года балкарский народ, как и многие другие народы Северного Кавказа, был насильственно выслан с отчей земли на чужбину, «навечно, без права возврата» – так гласил пагубный Указ. По национальному признаку: калмык, чеченец, ингуш, карачаевец, балкарец – отзывались с фронта солдаты и офицеры и тоже подлежали депортации. В числе их был офицер Советской Армии, получивший орден Отечественной войны II степени, награжденный боевыми медалями «За отвагу» Кайсын Кулиев. Беда неожиданно обрушилась на него почти в конце войны. Друзья не отвернулись от него, а всячески пытались как-то помочь ему. В нелегкой судьбе поэта Кулиева приняли участие И. Эренбург, К. Симонов, А. Твардовский, Н. Тихонов. Они от имени Союза писателей СССР стали ходатайствовать за него перед самыми высшими органами правительства и написали письмо Сталину, который стоял во главе Государственного комитета Обороны и сосредотачивал в своих руках всю полноту власти. Документы рассматривали около месяца. Кулиев в это время жил в семье поэта Дмитрия Кедрина в Черкизово под Москвой. До этого, находясь в полку, Кулиев узнал о депортации некоторых народов Северного Кавказа и рассказал о постигшем несчастье К. Симонову. Он утешал его и вселял надежду на лучшее. Чеченский журналист Саид Лорсанукаев писал: «В тяжелые, черные времена для Кайсына и для его народа рядом

оказался и поэт Константин Симонов». В своих воспоминаниях Лорсанукаев опирается на высказывания самого Кулиева. «Помню, как приходил к Вам снежным февральским днем 1944 года в «Красную Звезду», – писал спустя годы Кайсын автору романа «Живые и мертвые». – На стене у Вас висел автомат. Это были самые трагические для меня дни. Вы, конечно, помните. Вы отнеслись тогда ко мне сердечно, благородно, как полагается не только поэту, но и мужественному человеку. Я помню это. О таких вещах не забывают» [4].

Через месяц Кулиеву сообщили, что ему разрешено жить, где он пожелает (за исключением Москвы и Ленинграда). Поэт решил быть там, где его народ и пойти по мучительному пути своих земляков. По указанию «сверху» Кулиева исключили из Союза писателей и запретили ему печатать свои произведения. Однако Кулиев все годы этой тяжелой ссылки перенес мужественно. Он много работал: изучил хорошо киргизский язык и занялся переводами с киргизского языка на русский как прозы, так и поэзии, написал около 70 произведений стихотворной формы, несколько прозаических очерков о тружениках Киргизии, критических статей о местных писателях – о Тугельбае Сыдыкбекове, Алыкуле Осмонове, Аалы Токомбаеве и других. С 1945-го по 1955 год Кулиев активно переписывался с Борисом Пастернаком, критиком В. Ц. Гоффеншефером, поэтами Д. Б. Кедриным, И. Сельвинским, писателем Ю. Н. Либединским.

Писал письма Кулиев и Константину Симонову. В ЦГАЛИ РФ, фонд 1814, хранятся эти письма. Так, весной 1947 года Кулиев написал подробное письмо Симонову, в котором он сообщал о себе, где работает, как живет. И к этому письму он приложил свои стихи, просил их почтить и, если возможно, то опубликовать. Просил Кулиев о содействии перед СП Киргизии, чтобы он помог ему устроиться с жильем. К. Симонов, прочитав письмо, задумался. Он знал Кулиева как поэта-фронтовика с 1942 года, много раз встречался с ним. И 11 июня 1947 года Симонов написал письмо секретарю СП СССР Льву Матвеевичу Субоцкому, в котором сообщал обо всем, о чем писал Кулиев и просил Симонова. К своему письму он приложил стихи Кулиева с его подстрочниками. Симонов писал Л. М. Субоцкому: «...стихи его очень талантливы...

Надо привлечь к заседанию секретариата Правления СП Скосырева, потому что он хорошо знает Кайсына Кулиева и его творчество» [5]. В этом же письме Симонов писал о том, что надо официально установить через СП СССР местонахождение Кулиева и проявить о нем должную заботу как о поэте-фронтовике.

Встретились К. Симонов и К. Кулиев в памятном для них 1954 году, когда состоялся Второй Всесоюзный съезд советских писателей. «После девяти лет снова увидел Москву» [6], — вспоминал Кулиев. На съезд было избрано 738 делегатов, представлявших 3695 писателей Советского Союза, и присутствовали делегаты от 45 национальностей. Был в числе их и Кайсын Кулиев. 12 дней пробыл он в Москве, жадно слушал доклады А. Суркова, К. Симонова, С. Вургунa, Б. Полевого и выступления П. Антокольского, М. Ауэзова, М. Рыльского, М. Шолохова, А. Фадеева, Ф. Гладкова, К.Федина, И. Эренбурга, В. Лациса, Я. Коласа, М. Исаковского, В. Катаева, Б. Лавренева, С. Маршака.

Встречался Кулиев и с некоторыми зарубежными писателями. Их было на съезде 70 человек из 34 стран, в том числе не только из европейских стран, но из Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии, Чили, Уругвая, Бразилии, Кубы, Колумбии, Ливана, Сирии.

Очень запомнился Кулиеву доклад К. Симонова «Советская художественная проза» и его слова, призывавшие к тому, чтобы литература «не баюкала, а закаляла людей». Эти мысли Симонова были очень близки Кулиеву, проповедовавшему своими стихами среднеазиатского периода преодоление трудностей, мужество терпения, веру в справедливость и выносливость. «Я тоже все это время старался не говорить жалких слов, унижающих достоинство человека... Писал о стойкости и мужестве... Этим я поддерживал себя, закалял дух, защищал свое человеческое достоинство» [7], — писал он в очерке «Страницы автобиографии». В дни съезда Кулиеву удалось встретиться с Симоновым, которого он просил оказать ему содействие в публикации стихов. Симонов обещал помочь и в 1955 году стихи Кулиева были опубликованы в журнале «Новый мир», а в 1956 — в «Дружбе народов». В 1955 году в газете «Красный Киргизстан» за 12 января появилась одна из первых статей о творческом пути

Кайсына Кулиева. Ее написал С. Жигитов. Он указал на общественно-политическое значение поэзии Кулиева в Северо-Кавказском регионе и подчеркнул искание поэтом новых путей в балкарской литературе. О К. Симонове в это время писалось очень много статей и очерков. Он был одним из прославленных поэтов и прозаиков. А Кулиев в середине 50-х годов был полузабытым поэтом: за 11 лет замалчивания репрессированного бывшего поэта-фронтовика, книгу которого «Горы мои» выдвигали в 1942 году на Сталинскую премию, многое забылось и изменилось. Были возвращены на родину наказанные народы, и они обрели все гражданские и политические права. К. Ш. Кулиев поступил в 1956 году на Высшие литературные курсы в Москве. Здесь же учился и Ч. Айтматов, которого знал Кулиев по Киргизии. Кулиеву приходилось много работать, так как на 1957 год были запланированы в издательствах Москвы сборники стихов «Горы», «Хлеб и роза», а в Нальчике готовились стихи Кулиева на русском языке «Мои соседи». Известности Кулиева способствовал во многом Симонов, имевший в это время большой авторитет среди властных структур: в СП СССР и в правительстве.

Два года Кулиев учился в Москве, несколько раз встречался с Симоновым, интересовавшимся учебной и творческой работой своего друга. Успехи были большими. Главное было в том, что его печатали многие столичные журналы, такие, как «Знамя», «Новое время», «Дружба народов», «Вопросы литературы», московские издательства заключали с Кулиевым договоры, его приглашали на многие заседания, юбилейные торжества, литературные вечера, на различные смотры художественных коллективов и пр. В 1958 году Кулиев был избран депутатом Верховного Совета СССР. К. Симонов тоже был депутатом Верховного Совета СССР, членом президиума Советского комитета защиты мира. Кулиев долгие годы был с ним связан одной общественной деятельностью: он тоже входил в Советский комитет защиты мира. Так, 8–9 мая 1964 года Кайсын был участником Второй советской конференции солидарности народов стран Азии и Африки. Перед этим он получил делегатский билет и официальное приглашение за подписью К. Симонова. Многие связывало этих необыкновенных людей.

Кайсын Кулиев знал, что Симонов любит Кавказ, много путешествовал, бывал в 1966 году в Кисловодске, где отдыхал в санатории «Красные камни», не раз бывал в Грузии, Азербайджане, Абхазии, в местечке Гульрипши во время отдыха и в других республиках Союза. Вспоминая свои встречи с К. М. Симоновым, народный поэт Карачаево-Черкесии Назир Хубиев писал: «Константин Михайлович восхищался красотой гор, мечтал приехать в Теберду, подняться на Клухорский перевал и через Главный Кавказский хребет спуститься к Черному морю в Сухуми» [8].

К. Симонов не отказался от приглашения Кулиева побывать в Кабардино-Балкарии, посмотреть прославленное Приэльбрусье – центр международного туризма и альпинизма, познакомиться с национальной литературой и культурой местных музеев и т. д. Он был в Приэльбрусье, где им написано несколько глав из романа «Солдатами не рождаются». В январе 1967 года К. Симонов отдыхал в санатории Долинска. В Нальчике состоялись его творческие встречи с писателями Кабардино-Балкарии, студентами и преподавателями Кабардино-Балкарского госуниверситета. Об этом много писали газеты («Встреча с Константином Симоновым» // Сов. молодежь, 1967, 13 января; Ермак Г. «Константин Симонов говорит» // «Комжол», 1967, 14 января; на балкарском языке. Григорьев В. «Константин Симонов в гостях у студентов» // КБП, 1967, 11 января).

К. Кулиев все это время был рядом с ним. Они много общались, вспоминали прошлое, говорили о своих творческих планах на будущее. Симонов рассказывал Кулиеву, как он работал в 1966 году, находясь в санатории «Красные камни» г. Кисловодска, над «Дневниками 1941 года», вернее, комментариями к ним; как приехали туда его проведывать писатели из Карачаево-Черкесии: Осман Хубиев, Азамат Суюнчев, Назир Хубиев и их приятели из города Карачаевска с приглашением побывать в гостях Малого Карачая, в ауле Учкеекен. «До аула мы не доехали, а вот в ресторане «Кавказ» г. Кисловодска славно повеселились в мае 1966 года, – рассказывал Константин Михайлович. – Я обещал поэту Назиру Хубиеву приехать в Теберду и познакомиться поближе с литераторами Карачаево-Черкесии, но так и не смог. Ограни-

чился лишь перепиской с ним, переводами его стихотворений». — «А вот мне не повезло, — смеялся Кулиев. — Я бы тоже хотел, чтобы мои стихи переводил поэт Константин Симонов. Как я об этом всегда мечтал!»

В ту зиму 1967 года обоих друзей часто видели вместе гуляющими в парке. Они всегда о чем-то оживленно говорили, вероятно, вспоминали былое, особенно военное время под Сталинградом. Кулиев рассказывал Симонову о своих земляках-ветеранах войны, которые с июля сорок второго года по 2 февраля сорок третьего участвовали в ожесточенных боях, когда решалась судьба Родины. Кайсын рассказывал о том, что среди героических участников Сталинградской битвы было немало воинов из Кабардино-Балкарии, в том числе из 115-й Кавалерийской дивизии. По воспоминаниям комдива Антона Филипповича Скорохода, мужество и отвагу проявили Камбулат Керефов, ставший впоследствии видным ученым, поэт Алим Кешоков, Сарби Черкесов, Касим Галачиев. «Я горжусь тем, что среди защитников «дома Павлова», — говорил Кулиев, — был из Нартана Кубати Туков, а в 4-м гвардейском механизированном корпусе командиром минометного взвода там же, в Сталинграде, был брат Кубати — Миша Туков. В 1943 году я написал стихотворение «Поэт на фронте», посвятив его Алиму Кешокову. Вот начало его:

Склонясь над взлохмаченной гривой коня,
Поводья тугие сжимая в руке,
Он мчался в атаку. Отблеск огня
Играл на холодном клинке [9].

(Перевод Л. Шифферса)

Ты помнишь это время, мой друг фронтовой, как мы тогда двадцатипятилетние или чуть постарше ходили в атаки. А теперь на Мамаевом кургане тишина...» Константин Симонов, по свидетельству очевидцев, мог слушать Кулиева часами, внимательно относился к тому, что могло интересовать его друга: будь то прошлое или планы на будущее.

В тот зимний январь они вспоминали и недавнее событие, которое произошло с ними. Дело в том, что два года тому назад, в 1964 году книга стихов Кулиева «Огонь

на горе» была выдвинута на соискание Ленинской премии в области литературы. Но была отвергнута правительством и Комитетом госпремий. В числе отвергнутых оказались и поэты К. Симонов и М. Светлов. Кулиев по этому поводу добродушно шутил, когда его пытались успокоить и не тревожиться в связи с вторичным поражением: «Друзья мои, у меня совсем не плохая компания. Я даже радуюсь и горжусь тем, что вхожу в число отвергнутых — таких известнейших и талантливейших поэтов как Константин Симонов и Михаил Светлов!»

К. М. Симонов был Героем Социалистического Труда, лауреатом Ленинской и шести Государственных премий СССР, в том числе и Сталинских. Многие годы он был членом Центральной ревизионной комиссии КПСС. К. Ш. Кулиев был лауреатом Ленинской премии (посмертно), лауреатом госпремий РСФСР и СССР, награжден орденом Ленина. Советское правительство высоко ценило заслуги перед народом и партией того и другого. Да они и не обижались на Советскую власть, даже Кулиев, народ которого безвинно пострадал и был оторван от развития мировой цивилизации на 13 лет.

Дружба между этими известными литераторами продолжалась и в последующие годы, а их творческие судьбы были подчинены огромной силе — общественному мнению и служению родному народу, национальной культуре. Оба они любили и безгранично уважали поэта А. Т. Твардовского. И когда его не стало в 1971 году, они были буквально потрясены. Кулиев написал о Твардовском статью «Народный поэт» и сказал, что это прощание с Александром Твардовским, это горький реквием, слово горского поэта в чест и славу великого поэта великой России [10]. А К. Симонов принял самое активное участие в издании произведений Твардовского после его смерти. О многом говорят его письма, отправленные К. Кулиеву, как наиболее к тому времени влиятельному лицу и заинтересованному в выходе однотомника А. Т. Твардовского. Симонов написал сразу два письма Кулиеву. Одно — 5 мая 1976 года, но не дождавшись ответа, снова написал другое через два дня, решив, очевидно, что первое ничего не объясняет Кулиеву, и он не предпримет важных шагов по изданию произведений Твардовского. Вот первое

письмо. «Дорогой Кайсын! У меня лежит новое, с твоей готовностью написанное письмо по этому поводу.

Но мне, по некоторым соображениям, существенно — чтобы ты отозвался еще раз сейчас, когда я одновременно рассылал письма всем членам редколлегии!

Крепко жму твою руку.

Твой Константин Симонов. Москва» [11].

Из этого письма видно, что Кулиев, не раздумывая, дал «добро» на публикацию произведений Твардовского. Но Симонову почему-то показалось этого мало. И он снова обратился к Кайсыну Кулиеву с большим и подробным письмом. «Дорогой Кайсын Шуваевич! Очень прошу Вас написать мне Ваше личное мнение по вопросу, как мне кажется, представляющему принципиальное значение при определении состава однотомника стихов А. Твардовского, предполагаемого к выходу в большой серии «Библиотека поэта», — писал он. — Вопрос этот представляется мне принципиальным, потому что и Вы, как один из членов редакционной коллегии «Библиотеки поэта», и я, как председатель комиссии Союза писателей по литературному наследию А. Твардовского, несем большую ответственность за то, чтобы в этом обширном однотомнике, выходящем в таком авторитетном издании, как «Библиотека поэта», была учтена явно выраженная прижизненная воля автора. Воля эта, в частности, совершенно определенно выразилась в том, что в свое прижизненное собрание сочинений, закончившееся изданием в 1971 году, Александр Трифонович счел нужным включить все пять написанных им поэм: «Страна Муравия», «Василий Теркин», «Дом у дороги», «За далью — даль», «Теркин на том свете». Это вполне естественно, учитывая силу эпического начала в поэзии Твардовского и то место, которое занимают в ней его поэмы.

Однако в присланном мне главным редактором «Библиотеки поэта» Ф. Я. Приимы в предварительном составе книги поэмы «Теркин на том свете» нет. Я исключая при этом возможность сколько-нибудь обоснованных аргументов против помещения этой поэмы в связи с объемом тома, потому что эта поэма — самая короткая из всех его поэм. В ней всего около тысячи восьмьсот строк. Наконец, если речь идет о сокращении намеченного объема книги, можно без труда для издания сократить на два

с половиной листа раздел «Другие редакции и варианты», для которого, насколько я знаю, редакция намерена отвести 5–6 листов.

Итак, дело в том, что для поэмы в два с половиной листа может не хватить места в столь обширном – в сорок восемь листов – однотомнике.

А в чем же дело?

Очевидно, в том, что составителю тома П. Выходцеву и редколлегии «Библиотеки поэта» показалось, что в книгу не следует включать часть этой сатирической поэмы, вокруг которой было много споров в нашей литературной критике. Отрицать этот факт – нет нужды – он соответствует действительности. Споры эти, как это всегда бывает с произведениями, продолжающими свою жизнь в литературе, будут происходить и в дальнейшем. Но вывод, сделанный на данном этапе П. Выходцевым и редакцией «Библиотеки поэта», мне кажется неправильным и недальновидным. Зачем, нарушая явно выраженную авторскую волю крупнейшего нашего поэта, исключить сейчас из выходящего – небольшим, кстати, тиражом – его сборника в «Библиотеке поэта» поэму, изданную в последний раз в прижизненном собрании сочинений автора, стоят десятки предисловий...

Зачем исключать из однотомника эту высоко ценимую самим автором поэму, которую уже после смерти, но в авторском чтении выпустила пластинкой фирма «Мелодия»?

Спрашивается: что изменилось за это время, после выхода собрания сочинений, после выпуска этой пластинки? Что случилось? Почему в однотомнике эта поэма должна не выходить?

Зачем выпускать однотомник поэта, изъяв из него одну из пяти поэм и тем привлекая всеобщее внимание к явной неполноте книги?

Зачем без всякой нужды превращать это произведение Твардовского в мнимо запретное, давая этим благодатную пищу для недоброжелателей советской литературы, для их пропаганды?

Мне кажется, что те, кто предложил ныне состав однотомника с исключением из него этой поэмы, не задумались над такими, весьма существенными вопросами, не

говоря уже о том, что они не остановились перед явным нарушением авторской воли.

Я знаю от Ф. Я. Приймы, что окончательный состав тома предполагается обсудить на редколлегии. Но по опыту наших некоторых изданий, на которых значится обширный авторитетный состав редколлегий, мне известно, как в иных случаях впоследствии выясняется, что часть, а порой даже и многие из членов редколлегии практически не участвовали по ходу работы в принятии подобных принципиальных решений и оказываются перед лицом уже свершившегося факта.

Очень не хотелось бы столкнуться с этим при решении вопросов, связанных с таким значительным в литературной жизни явлением, как выход однотомника Александра Твардовского в серии «Библиотека поэта».

Вот почему как председатель комиссии Союза писателей СССР по литературному наследию А. Твардовского обращаюсь к Вам с просьбой ответить мне на это письмо, изложив свое мнение. Со своей стороны я предложил бы включить в однотомник поэму «Теркин на том свете», в примечаниях к ней указать на неоднозначные ее оценки в нашей литературной критике и упомянуть в этой связи наиболее существенные критические высказывания в печати. Очевидно, и в предисловии автор его — в уважительной по отношению к А. Твардовскому форме — вправе высказать свои критические замечания по поэме, если таковые у него имеются.

Считаю нужным также поместить в примечаниях краткую заметку самого А. Твардовского «По поводу Теркина на том свете» и напечатанную 1 августа 1965 года на страницах «Правды» и затем в третьем томе прижизненного собрания сочинений А. Твардовского. Поскольку этой заметки может не оказаться у Вас под рукой, приведу ее заключительные абзацы:

«Поэма «Теркин на том свете» не является продолжением «Василия Теркина», а лишь обращается к образу героя «Книги про бойца» для решения особых задач сатирико-публицистического жанра.

Всякий, кто без предубеждения прочтет поэму, увидит в ней в сказочно-условной форме, что речь идет о том, как герой попадает «на тот свет», представляющий собой в сатирических красках те черты нашей действительно-

сти — косность, бюрократизм, формализм, — которые мешают нашему продвижению вперед, и борьба с которыми — одна из задач нашей литературы...

По сюжету поэмы Теркин в силу самой сути своего характера отвергает «тот свет» и, преодолевая всяческие препятствия и трудности, возвращается оттуда с тем, чтобы «жить ему еще сто лет».

Там, где жизнь,
Ему привольно.
Там, где радость,
Он и рад.
Там, где боль,
Ему и больно.
Там, где битва,
Он — солдат.

Разумеется, каждый вправе, как угодно относиться к замыслу и выполнению моей вещи, давать ей любую оценку — все это нормальная литературная жизнь. Но одно условие необходимо соблюдать: судя о произведении принимать или отвергать его действительное, а не мнимое содержание»...

Думается, что в этой заметке предельно ясно выражена авторская позиция А. Твардовского в отношении поэмы «Теркин на том свете» и связанная с этой позицией воля автора, выразившаяся в том, что он напечатал поэму в своем прижизненном собрании сочинений.

Буду ждать Вашего ответа и, добавлю, ждать с большим нетерпением.

Уважающий Вас

Константин Симонов» [12].

Получив это письмо, Кулиев ответил Симонову, уверив его, что он в качестве члена редакционной коллегии «Библиотеки поэта» сделает все зависящее от него, и Симонов может рассчитывать на него как на самого надежного друга. В письме Кулиев благодарил Симонова за подробное письмо и желание помочь рано ушедшему из жизни Твардовскому в выполнении его авторского желания.

В 1976 году в серии «Библиотека произведений, удостоенных госпремии СССР» были изданы произведения

А. Т. Твардовского «Из лирики этих лет»: Стихи (М.: Совписатель, 1976. 95 с.). Вышел в свет и однотомник, о котором писал К. Симонов Кайсыну Кулиеву.

Оба они написали свои воспоминания о Твардовском, когда жена А. Твардовского – Мария Илларионовна Твардовская – обратилась к ним с просьбой поддержать ее в издании книги «Воспоминания об А. Твардовском» (М.: Совписатель, 1978). Они оба содействовали в этом большом для вдовы деле, помогли ей в проведении научной конференции, посвященной памяти А. Твардовского и в издании книги. К. Симонов написал для сборника очерк «Таким я его помню», а Кайсын Кулиев – «Слово прощания».

В жизни двух друзей были и грустные и радостные события. Одним из таких событий в жизни Кулиева было, когда отмечали его 60-летие со дня рождения в Москве в Концертном зале имени П. И. Чайковского. На вечере присутствовали С. Михалков (председатель), И. Абашидзе, А. Кулешов, Н. Гребнев, С. Данилов, М. Дудин, Е. Евтушенко, М. Карим, А. Кешоков, Я. Козловский, Д. Кугультинов, С. Липкин, И. Лиснянская, А. Шогенцуков, Т. Зумакулова. Был и Константин Симонов. Когда ему дали слово, он сказал: «Дорогой Кайсын, в этот торжественный день, после того, как на родине отпраздновали Ваш юбилей, я хочу сказать, что люблю Ваши стихи. Вам Бог дал дарование. Но еще больше у Вас мужества, силы воли, и их Вы проявили на войне и в мирное время. Твердость духа – замечательное качество Вашего характера, дорогой друг! Желаю Вам, чтобы Вас еще больше любили за Ваши прекрасные стихи. Живи долго. Пиши, твори!» [13]. Это был 1977 год, через два года К. Симонова не станет. Он ушел из жизни в 1979 году, ему было только 64 года! По его завещанию прах развеяли на шестом километре дороги, если ехать из Могилева в Бобруйск, на Буйническом поле. Там построена площадка и на ней дикий камень, с тыльной стороны которого – литая доска с надписью: «Всю жизнь он помнил это поле боя 1941 года и завещал развеять здесь свой прах».

Кулиев в статье «Мужество и собранность» (1983), помещенной в сборнике статей и эссе «Поэт всегда с людьми» (М., 1986), писал: «Встречи, беседы, общение с Кон-

стантином Михайловичем Симоновым были для меня интересны, приятны и очень полезны. Наши дружеские отношения установились давно, когда мы оба были молоды... Он входил в мой дом походкой человека, знающего цену человеческому достоинству, человека, вызывавшего чувство уважения даже у тех, которые видели его впервые. Пусть вот так же войдет он и в мою книгу о тех, кого люблю. Да, это книга о моих друзьях, от Пушкина до Дудина, от Руставели до Шукрулло.

Пусть будет всего несколько страниц, но все равно я должен написать о нем слова уважения, любви и признательности. Пусть в моих заметках будет хотя бы несколько строк скорби, вызванных преждевременной смертью друга, чтобы я горестно склонил в них голову перед его памятью».

К. Симонов дружил со многими литераторами всех национальных республик, краев и областей. Он был подлинным интернационалистом. Вместе с Кайсыном Кулиевым он провожал в последний путь своих близких друзей и стоял в почетном карауле у гроба Ярослава Смелякова, Александра Твардовского, Симона Чиковани, Аркадия Кулешова. «Симонов был из тех, кто умеет ценить дружбу, дорожить ею, — писал Кулиев. — Ему также нравилось писать о дружбе. Мы помним его стихи, обращенные к Самеду Вургуну, Евгению Петрову. Не все знали, что он был добр. Мы с Давидом Кугультиновым видели, как Константин Михайлович плакал на похоронах Аркадия Кулешова».

Как истинный русский интеллигент К. Симонов интересовался историей и культурой народов Кавказа. Подчеркивая это, К. Кулиев писал: «Мы, кавказцы, рады, что он интересовался Кавказом, как и многие из выдающихся деятелей русской культуры, был привязан к Кавказу, любил его. Свой самый серьезный труд — военную трилогию — в основном писал в Кабардино-Балкарии — под Эльбрусом и в Абхазии. Он приезжал к нам то зимой, то летом. Я отвозил его под Эльбрус, и он спокойно трудился там в тишине, писал, глядя на снега вершин, — зимой ли, летом ли — все равно они здесь не тают, их белизна постоянно перед глазами». К. Симонов любил бывать в Приэльбрусье, дышать высокогорным воздухом, загорать на солнце, кататься на лыжах, общаться с горцами. К. Ку-

лиев об этом хорошо знал и когда приезжал в Приэльбрусье уже без него, то тоже смотрел на горы Приэльбрусья, как смотрел на них когда-то Константин Симонов. «Я опять смотрю на Эльбрус с той маленькой зеленой полянки, где мы стояли с Константином Михайловичем в первый наш приезд в Приэльбрусье, — писал Кулиев в конце своей статьи. — Я думаю о нем, незабываемом для меня человеке. А над горами проходят облака, как тысячи лет назад...»

Кайсын Кулиев умер в 1985 году. Было ему 68. По завещанию его похоронили в Доме-усадебке села Чегем I. Здесь открыт его музей на ул. им. Кайсына Кулиева (бывшая Степная), высится памятник поэту. В 1987 году отважные альпинисты покорили новую вершину в Приэльбрусье и назвали ее именем Кайсына. Кулиевский Пик пусть будет Пиком бессмертия дружбы двух великих поэтов — Константина Симонова и Кайсына Кулиева, олицетворявших собой историческую эпоху.

В ноябре 2000 года общественность России отмечала 85-летие со дня рождения К. М. Симонова. Автор данной статьи выступил 16 ноября по радио в г. Нальчике. Кабардино-Балкарское радиовещание почтило память Константина Симонова и Кайсына Кулиева. Тогда материалы, в основном собранные в архиве Кайсына Кулиева, прозвучали впервые [14].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кулиев К.* Так растет и дерево. М., 1975. С. 446.
2. *Кулиев К.* Горы. М., 1957. С. 176.
3. Там же. С. 177.
4. *Эфендиева Т. Е., Эфендиев Ф. С., Эфендиев С. И.* Кайсын Кулиев в воспоминаниях современников. Нальчик, 2001.
5. ЦГАЛИ РФ, ф. 1814, оп. 1. ед. хр. 614, л. 13.
6. *Кулиев К.* Так растет и дерево. М., 1975. С. 454.
7. Там же. С. 454–455.
8. *Хубиев Н.* Солнцу подобное сердце // Газ. «Отечество», Карачаево-Черкесия, 1999, 12 августа.
9. *Кулиев К.* Собр. соч. в 3 т. Т. 1. М., 1987. С. 72.
10. *Кулиев К.* Так растет дерево. М., 1975. С. 164.
11. ЦГА КБР, ф. 852, оп. 5, ед. хр. 73, л. 1.
12. Там же. л. 3–4.

13. Эфендиева Т. Е., Эфендиев С. И., Эфендиев Ф. С. Кайсын Шуваевич Кулиев. Биография поэта. Ч. 2. 1959–1985. Нальчик: Эль-Фа, 1997. С. 289.

14. ЦГА КБР, ф. 852.

С. И. Эфендиев

КАЙСЫН КУЛИЕВ – УНИКАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ БАЛКАРСКОГО НАРОДА

В развитии культуры существуют общие закономерности. У каждого народа есть свои таинственные судьбы, которые восходят к истокам человечества. Все народы, живущие на Земле, имеют свою Вселенную в пространстве и времени. Космос и природно-ландшафтные факторы играют большую роль в формировании и развитии культуры. Об этом свидетельствует ландшафт культур народов Кавказа.

О влиянии красот кавказской природы на эстетическое развитие горских народов писали очень многие отечественные и английские, французские, немецкие, венгерские, польские путешественники, начиная с XIII в., включая XIX в. В этот период многие деятели культуры и науки России и зарубежных стран интересовались этнической культурой народов Кавказа. «Природа, дав горцу крепость и гибкость в теле, не отказала в свойствах души, приемлющих и сохраняющих добрые впечатления; она сделала его обладателем прекраснейшей страны, где благодетельное небо, плодovitая почва и близость моря представляют все средства к удовлетворению; где чудные картины природы возносят думы всякого созерцания выше земных пределов», – написано в книге «Руководство к познанию Кавказа» [1].

Культура порождена общим потоком всемирной истории и в этом отношении открыта всем явлениям социальной жизни, так как в изоляции ни один народ не жил и существовать не может. Тысячелетиями шло взаимопроникновение и взаимообогащение культур различных народов. Лучшие творения национальной литерату-

ры входят в мировую художественную культуру. Одним из таких выдающихся деятелей этнокультуры XX в. был талантливый балкарский поэт Кайсын Шуваевич Кулиев, поэзия которого является духовно-исторической школой без исключения для всех балкарских поэтов и писателей ушедшего века и наступившего XXI столетия. Об этом хорошо сказал в своей статье «Как живой с живыми говоря...» народный поэт Кабардино-Балкарии Борис Кагермазов: «Нам, близко знавшим Кайсына Кулиева, выпало большое счастье: мы общались с гением! И пусть в этом будущие поколения позавидуют нам, жившим в эпоху Кайсына» [2].

Большое историко-познавательное и культурологическое значение имеет записная книжка Кайсына Кулиева 1948–1954 гг. В ней он пророчески сказал: «От сердца подлинного певца к сердцу народа путь очень короткий. Большие поэты как-то похожи на большие реки, которые текут и текут. Длинен их путь до моря, но они не скудеют. Вот так же не скудеет родник поэзии больших поэтов. О народах часто судят по их поэтам. Правильно! По стихам поэтов проходят задумчивые тропинки родной земли» [3].

Как известно, первыми мыслителями и учеными в древности были поэты, которые излагали в стихах исторические события, народные верования, создавали эпосы, а потом они передавались из уст в уста, из поколения в поколение.

У Кайсына Кулиева была богатейшая фантазия, глубокое воображение и очень острое и тонкое мировосприятие окружающего мира, которые не доступны каждому человеку. В 1954 году в своей записной книжке он отметил: «Равнодушие к краскам говорит об отсутствии в человеке художника, поэта. Красота, как талант, – это великое благо» [4]. Об этом же свидетельствуют когнитивные карты его поэзии. Будучи на чужбине в Средней Азии, Кулиев написал замечательные стихи о родном крае, горах, о Чегемском, Баксанском, Черекском ущельях, о горных речках, об альпийских лугах, о чинаровых деревьях и кизиле, в которых выражается мировосприятие и понимание поэтом природно-ландшафтной красоты отчей земли. Любовь к этноприроде послужила могучим фактором творческой деятельности, когда поэт находил

ся в ссылке. Ярким примером этому является его поэма «Завещание» (Осуят), стихи «Над книгой горских песен», «Памяти Эффенди Капиева», «Стихи, написанные в день рождения», «Трава растет», «На улице», «Тень орла», «Осень пришла к вам, горы мои», «Тур», «Смородина», «Ночью в ущелье», «Вечером, когда гремел гром», «Зекер и Зари», «Каратор», «Я с гор пришел», «Огонь очага» и др. Так, в стихотворении «Когда мальчишкой...» (1947) он писал:

Когда мальчишкой
вышел я во двор
И в первый раз
увидел гребни гор,
Сверкающих
на утренней заре,
Мне показалось
тесно во дворе...
Умру,
но позабыть я не смогу
Родные горы
в розовом снегу.

(Перевод Е. Елисеева)

Стихотворение напечатано в книге «Горы» в 1957 году в Москве. Это был первый сборник стихов, который поэт опубликовал после возвращения из депортации. В 1948 году Кайсын Кулиев писал о своей тоске по родным местам в той же записной книжке: «Горы прежде всего поражают высотой и мощью. Горы и героическое искусство в моем понимании сливаются воедино» [5].

Кайсын Кулиев был широко известен как талантливый поэт и в годы Великой Отечественной войны. Его стихи передавались в 1942–1943 годах неоднократно по Всесоюзному радио, а также и на иностранных языках для европейских стран. Так, 19 декабря 1942 года Союз писателей СССР под руководством А. А. Фадеева организовал творческий вечер Кайсына Кулиева в Москве. Об этом факте поэт писал: «... Как я был удивлен и взволнован, когда узнал, что Союз писателей СССР устраивает мой творческий... Какая мне была оказана честь! Творческий вечер молодого поэта, представителя мало-

численного народа – и когда! – в тяжелейшую военную зиму 1942 года!» [6].

После возвращения из Киргизии в 1957 году в свою этническую колыбель Кулиев до конца своей жизни, как и многие писатели, поэты, художники, композиторы, находился в эпицентре общественной и культурной жизни страны. Ни одно культурное мероприятие не проходило в Советском Союзе без его участия. Его приглашали на съезды союзных и автономных республик, на юбилеи, декады литературы и искусства, на международные форумы защиты мира, на международные конференции солидарности стран Азии и Африки, в зарубежные поездки деятелей литературы и искусства и т. д.

Произведения Кулиева были переведены самыми известными переводчиками на многие языки народов Советского Союза и зарубежных стран. В 60-е годы раскрылся могучий талант Кулиева, его редкое дарование. Мировое признание к нему пришло после выхода в свет книги «Раненый камень». 25 февраля 1965 года в Московском отделении Союза писателей РСФСР было обсуждение этого сборника стихов, выдвинутого на соискание Ленинской премии. В нем приняли участие С. Липкин, Н. Гребнев, Я. Козловский, В. Звягинцева, К. Ваншенкин, С. Бабенышев, М. Карим, Я. Аким, А. Салахьян, А. Тарковский, И. Гринберг, М. Ваксмахер, Е. Калашникова, Ч. Б. Уянаев – председатель Президиума Верховного Совета КБАССР. Был здесь и Кулиев. Председательствовал Семен Липкин. «Сегодня, – говорил он, – у нас обычное рабочее заседание. Мы обсуждаем книгу Кайсына Кулиева «Раненый камень» в русских переводах, и в то же время это заседание необычное прежде всего потому, что здесь присутствует сам автор – К. Кулиев. Второе обстоятельство заключается в том, что эта книга, «Раненый камень», выдвинута на почетное соискание Ленинской премии, причем выдвинута огромным количеством организаций и в Москве, и в Кабардино-Балкарии, и в Дагестане, выдвинута писателями, журналистами, студентами, научными работниками, колхозниками. Какое значение придается этой книге, мы можем судить по тому, что сегодня к нам приехал председатель Президиума Верховного Совета Кабардино-Балкарии Чомай Батталович Уянаев.

Прежде чем мы приступим к обсуждению книги, я на правах председателя хочу поделиться очень коротко несколькими соображениями и чувствами. Кайсына Кулиева его почитатели, а их очень много, называют большим поэтом маленького народа. Я бы его назвал большим поэтом больших людей, тех людей, которые работают, которые поняли очень много и еще хотят понять, и которые много пережили, и которые делают свое дело» [7]. Говоря о том, что балкарцы много пережили, Липкин имел в виду трагическое — насильственную высылку в Среднюю Азию и Казахстан. «В 1952 году, — говорил далее Липкин, — я вместе с кабардинскими товарищами был на родине Кайсына Кулиева. Это было тяжелое время. Аулы были пустые, жителей не было, сакли были раскрыты настежь. Та боль, которую я тогда пережил, до сих пор живет в моем сердце. Сейчас я много говорить не буду об этом, это всем известно, я много писал об этом и сам. Я только вспоминаю, когда мы собрались, то вспомнили Кайсына Кулиева, которого не было тогда среди нас из-за жестокости той поры.

Поэзия Кайсына Кулиева — это душа балкарского народа. Никто так не выразил национальное, балкарское после Мечиева, как Кайсын Кулиев... Он выразитель человека в человечестве. Его поэзия, с которой мы все знакомы, замечательна богатством первичных своих признаков» [8].

После Липкина выступала В. К. Звягинцева. Она сказала: «Я считаю Кайсына Кулиева одним из самых лучших советских поэтов и моим любимым поэтом. Я его давно не переводила, а когда переводила, то делала это далеко не так хорошо, как переводят теперь. Кайсын Кулиев — свободный поэт. Он совершенно свободен от литературщины, украшательства, загроможденности, не говоря уже о фальши. Я сказала бы, что он свободен, как ветер, если ветер мог бы быть мыслящим» [9].

Известный советский поэт Константин Ваншенкин в своем выступлении говорил об особом значении стихов Кулиева для него лично. «Я получил колоссальное удовольствие, наслаждение, слушая стихи Кайсына Кулиева, блистательно переведенные нашими товарищами-переводчиками... Он прекрасный поэт. К стыду своему, я не был хорошо знаком с поэзией Кулиева, но один из пере-

водчиков сказал мне, что он такого же масштаба, как Расул Гамзатов, может быть, даже лучше. Когда я познакомился со стихами Кулиева, то увидел, что это другой поэт, Расул Гамзатов – веселый, а Кайсын Кулиев – трагичный поэт.

В первом номере «Нового мира» вслед за книгой напечатаны новые стихи Кулиева, некоторые из них читал Н. Гребнев. Но есть там великолепнейшие стихотворения, которые он не прочел. Не могу не отказать себе в удовольствии, чтобы не прочитать одно из них:

Приходит грусть почти всегда нечаянно,
Себя к ней не готовит человек.
Наверно, так перед началом таянья
Грустит на перевалах горный снег.

Никто не ищет грусти преднамеренно,
Но от чего-то или без причин
Грустят не то что люди, даже дерево,
Грустит трава долин и снег вершин... [10]

(Перевод Н. Гребнева)

Это просто потрясающие стихи, находящиеся на самых вершинах поэзии. Здесь весь Кулиев – абсолютно, кавказский, балкарский и в то же время общечеловеческий. Этим и замечателен Кулиев».

После Ваншенкина выступала Сара Бабенышева. Она сказала: «...Мне показалось очень близким то, что говорила Вера Клавдиевна Звягинцева. Действительно, Кулиев берет вершину за вершиной. Казалось бы, стихи эти великолепны, потом читаешь его другие стихи и видишь, что они еще лучше, еще мудрее. И даже становится немного страшно за Кайсына, как же дальше?

Стихи, напечатанные в «Новом мире», мне очень нравятся, но особенно нравится стихотворение «Терпение». В нем нет ничего сегодняшнего, в смысле злободневного, а есть что-то очень большое, благородное – совершенное. Это не то, что только сегодня тебя трогает, а это больше, шире, глубже. Это не просто биография человека, а биография души. Это мужество терпения. Именно мужество терпения есть в его стихах, и потому они так блистательны.

В твой дом несправедливость и беда
Пусть не найдут дороги никогда.

Но если их тебе не избежать,
Умей терпеть, а это значит ждать.

Терпи, как пуля, сжатая в стволе,
Терпи, как порох, спрятанный в земле.

Как терпят боль от топора чинары,
Как терпит камень молота удары.

Есть мужество боренья, но не менее
Благословенно мужество терпенья... [11]

(Перевод Н. Гребнева)

Я считаю, что если уж кто-то заслуживает Ленинскую премию, — это, конечно, Кайсын Кулиев. Его стихи, особенно последние, что он читал, прекрасны! Будем надеяться, что справедливость существует» [12].

На этом обсуждении выступал переводчик Кулиева Яков Аким. Он сказал: «Сегодня Ваншенкин говорил о критике, о ее невнимании к поэтам. Я подумал, что существуют имена, которые постоянно мелькают, они мелькают, как старые заборы, мимо которых ходишь и перестаешь их замечать. Имя Кайсына Кулиева вызывает совсем другие ассоциации. Его поэзия похожа на вечнозеленое дерево, которое нужно людям во все времена года. Я ловлю себя на том, что очень внимательно слежу за всем тем, что делает Кайсын Кулиев, не только за его стихами, но и за его статьями о литературе, — это всегда очень интересно. То, что он делает, похоже на хорошую музыку, — когда ты ее слушаешь — она вызывает много мыслей. В дополнение к тому, что здесь уже говорили, мне хотелось бы сказать, что поэзия Кайсына Кулиева мне нравится потому, что поэт никогда не скажет лишнего. Он краток и выразителен» [13].

Сотрудник журнала «Дружба народов» А. Салахьян добавил: «... Я хочу сказать, что Кайсын Кулиев — действительно поэт своего народа, своей земли, о которых он пишет с такой болью и любовью. Когда я читаю его стихи в переводах наших товарищей, я иногда чувствую, что

читаю стихи не известного мне армянского поэта, который с такой силой пишет о судьбе своего народа. Конечно, у него своя боль, своя трагедия, но речь идет о том, с какой поэтической силой это сказано. Стихи Кайсына Кулиева о его народе я воспринимаю, как стихи о моем народе. Я думаю, что так же должен подумать и грузин, и казах. Совершается то великое, что делает поэзию замечательной и дорогой, независимо от того, к какой национальности ты принадлежишь, в какой республике ты живешь. То есть, я хочу сказать — он настолько интернационален, что, даже рассказывая о трагедии своего народа, он ни на минуту не забывает о трагедии других народов» [14].

Переводчик и талантливый поэт Арсений Тарковский говорил: «... Я знал стихи Кайсына Кулиева, но в таком большом собрании, как в книге «Раненый камень», получил в первый раз. Когда я читал эту книгу, то я стал искать в ней больше то, что называют «местным колоритом». Я искал то, с чем мы сталкиваемся сплошь и рядом, когда имеем дело с поэзией «малых народов», но что является местным, органичным, что мы, переводчики, принимаем за «местный колорит». Этого я не нашел. Вот почему мне так хотелось, чтобы Кайсын Кулиев прочитал здесь свои стихи на родном языке. Я думал, что там найду какие-нибудь увертки переводчика. Мне казалось, что я найду, что он вольничает, интернационализирует поэзию Кулиева. Но этого тоже не случилось, потому что стихи Кулиева — это настоящая поэзия.

Кулиев — поэт маленького народа, но Кайсын вышел на общечеловеческое поприще поэзии. Если сделать некоторое арифметическое вычисление, то можно сказать, что народ Кайсына Кулиева — это народ удивительно одаренный: если бы у нас было такое же соотношение, то у нас, в Советском Союзе, прекрасных поэтов должно быть семь тысяч. Это, конечно, странно и смешно звучит, и я понимаю неловкость этой шутки...

Кайсын Кулиев — поэт всего мира. Он вышел за пределы национальной ограниченности на общечеловеческое поприще художественной культуры...» [15].

Литературный критик Иосиф Гринберг, выступая на этом обсуждении, отметил выступление Семена Израйловича Липкина, сказавшего, что Кулиева переводить

трудно. «Трудно и увлекательно, — подчеркнул Гринберг. — Точно так же писать о поэзии Кулиева трудно и увлекательно. Я бы сказал — легко и трудно. Легко писать и говорить о Кулиеве потому, что не встретишь оппонента: я не видел ни одного человека, которого бы стихи Кулиева не трогали. Вместе с тем очень трудно говорить и писать о Кулиеве, потому что после этих восторженных, добрых оценок хочется определить, что же рождает те добрые, разнообразные чувства, которые испытываешь, когда читаешь стихи Кулиева...

Поэзия Кулиева — это огромное поле возможностей для дум, для разговоров, это чрезвычайно интересные темы, это обилие вопросов. Здесь очень верно говорили о всечеловеческом характере поэзии Кулиева. Но вместе с тем, это очень горская поэзия. Как же мы можем этого не замечать?! Поэзия Кулиева — это удивительное сочетание локальных, общечеловеческих, глобальных вопросов и интересов... »[16].

Далее Гринберг говорил о том, что необходимо подчеркнуть общие закономерности и специфические особенности развития горской поэзии как уникального этнокультурного феномена. «Невольно нельзя не задуматься над тем, — говорил он, — почему же у нас выходят на всесоюзную и мировую арену один за другим несколько прекрасных горских поэтов? Почему это чудо происходит? Может быть, потому, что в наше время в нашей стране, да и не только в нашей, вопросы нравственности привлекают к себе особое внимание, тот кодекс чести, который вырабатывается в горах, звучит по-новому, приобретает особый, новый смысл, становится общечеловеческим достоянием. Во всяком случае, здесь есть над чем подумать...

Поэт Кулиев — это, по-моему, прежде всего огромная личность. Когда читаешь его стихи, то вступаешь в целый мир образов. Своеобразие поэзии его в том, что ее нельзя свести к каким-то отдельным частностям, ее нужно всю пересказать. Я поражен, как она духовна и вместе с тем это одно из самых удивительных чудес поэзии. Я был счастлив послушать несколько десятков стихотворений, которые я очень люблю и читал их не однажды. Меня привлекает стихотворение «Если цените вы и январь и апрель...» (1960):

Если цените вы и январь и апрель,
Если хлеб выпекаете вы,
Если ночью качаете вы колыбель,
Если слышите шелест листвы,
Если женщиной вы очарованы так,
Что в снегах закипают ручьи,
Я дарю вам на счастье, как верный кунак,
Белоснежную веточку алычи! [17]

(Перевод Я. Козловского)

В своем выступлении М. Ваксмахер указал на философскую направленность поэзии Кулиева и сказал, что в ней много художественных символов, образов и народной мудрости. «... В стихах Кулиева все сказанное состоит из афоризмов, в которых выражена мудрость и душа поэта. А в других стихах часто бывает так, что афоризм существует сам по себе, а вокруг него много разных слов. Здесь же я вижу, как афоризмы рождаются на наших глазах и происходит чудо рождения слитков мудрости, чувств души поэта. И сразу возникает афоризм за афоризмом. Они очень пластичны, я это ощущал, когда слышал и те стихи, которые читал раньше, и новые стихи. Эта афористичность рождается на наших глазах, это то, что нас покоряет» [18].

В записной книжке Кулиева много афоризмов. Он понимал, что афоризм – это своеобразный литературный стиль. Будучи на чужбине, в годы депортации балкарского народа, наблюдая жизнь людей, размышляя над вечными проблемами человеческого бытия, поэт работал над афоризмами. Они действительно поражают силой гибкости мысли, изумительным мастерством, звучной выразительностью, как музыка. Афоризмы Кулиева посвящены различным вопросам человеческой жизни, искусства, этики и эстетики, психологии художественного творчества, литературе, музыке. Из простых жизненных наблюдений и размышлений рождались кулиевские афоризмы.

Завсектором поэзии издательства «Советский писатель» Е. Д. Калашникова сказала: «... Я попросила слово неожиданно не только для присутствующих, но и для себя самой. Хочу сказать два слова отнюдь не как председатель секции, а как рядовой и не очень компетентный

слушатель тонкостей обсуждаемой книги «Раненый камень». Я очень рада, что пришла сюда... Меня очень обрадовало выступление трех переводчиков поэзии Кулиева – С. Липкина, Я. Козловского, Н. Гребнева. Они разного темперамента, но я все время слышала об очень хорошем поэте – философско-реалистического склада. Кулиев – это поэтическая, творческая личность. Благодарю Кулиева за то, что в его стихотворении я слышала две строчки, которые мы не можем легко смахнуть со счета: «Лишь слепые могут полагать, будто зрячим все легко дается» [19].

В числе других выступал на обсуждении книги «Раненый камень» и Я. Козловский. «...Стихи Кулиева я начал переводить не так давно, – говорил он. – Но знаком с ним давно. Уже в 1943 году Кайсын был очень известным поэтом, его имя гремело на фронте, его читали в русских переводах, в хороших и разных. Е. Д. Калашникова верно и тонко подметила, что Кулиева переводят разные люди, а все-таки Кулиев остается Кулиевым. Когда мы переводим Мечиева, Кулиева, Кешокова, Гамзатова, то нами руководят большая дружба и любовь. Мы переводим этих поэтов, обсуждаем их стихи. Поэты бьются за каждую строчку, если считают, что перевод не очень точен. Если мы доставили нашему другу Кайсыну Кулиеву радость, то я благодарю всех за то, что мы сегодня сделали ему такой подарок» [20].

В обсуждении книги «Раненый камень» принял участие председатель Президиума Верховного Совета КБАССР Ч. Б. Уянаев. Он говорил: «Я скажу, товарищи, за теплые слова Кайсын Кулиев дорог нам, как дороги герой Гражданской войны Х. Асанов и Алим Байсултанов, который погиб, защищая Ленинград в годы Великой Отечественной войны. Мы любим Кайсына Кулиева, как любим Кязима Мечиева.

Кулиев много пишет о том, что пережил наш народ. Да, наши суровые справедливые горы видели много страданий нашего народа, но то, что пережил наш маленький народ в недалеком прошлом, превзошло все его страдания. Мы говорим: «Спасибо русскому народу за все, что он сделал для нашего народа». Я благодарю всех присутствующих здесь за теплые слова о Кулиеве, следовательно, и о нашем народе. Ваша оценка – это выше всех на-

град. Трудящиеся республики тоже благодарят вас за высокую оценку труда Кулиева. Мы благодарим товарищей переводчиков, которые делают стихи Кулиева достоинством не только русского читателя, но и читателя других народов, населяющих нашу страну.

Думая, что наши далекие предки были умными людьми, когда они свою судьбу связали с великим русским народом 400 с лишним лет тому назад, мы всегда помним этих замечательных людей, которые добрались до Петербурга с Кавказских гор и так правильно решили нашу судьбу.

Мы считаем самой большой наградой те теплые, замечательные слова, которые вы сегодня сказали. Я не могу выразить те чувства, которые меня волнуют, — у меня слезы на глазах, я просто был готов плакать.

Мы с Кулиевым жили вместе 13 лет далеко от родины. Когда было тяжело, я всегда обращался к нему.

Конечно, дело комиссии, как она решит в отношении премии, но я глубоко благодарен вам за то, что вы сделали для нашего маленького народа. Я вас всех приглашаю в Нальчик, если вы будете в нем, то будете дорогими гостями» [21].

После всех выступал сам поэт. Он сказал: «Когда я возвращался из Средней Азии, в соседнем вагоне оказался Ч. Б. Уянаев. Это было удивительное совпадение.

Сейчас здесь собрались большие люди. И эта комната очень памятна для всех нас. Я уже говорил об этом, когда читал свои стихи в подлиннике. У нас много воспоминаний с этой комнатой.

Сегодня у меня большая радость. Я благодарен судьбе: могло бы случиться и иначе. Вы все это понимаете.

Безусловно, всякому работающему человеку слышать в свой адрес много хорошего приятно, но бывает и нелегко — я думаю, вам это тоже понятно. У меня готовы были появиться слезы. Но главное в том, что, слушая все это, мне самому было очень интересно разобраться в словах людей большой культуры. Тронут тем, что вы сюда пришли. Вы, дорогой мастер стиха Арсений, и Вера Клавдиевна, буквально сразившая меня своими словами, превзошедшая всех нас лаконизмом своего выступления. Большое вам спасибо.

Несколько слов о переводах. Здесь сидят действительно великолепные мастера своего дела. Яшу Козловского я знал мальчиком и никогда не думал о том, что он будет переводчиком. Хочу поблагодарить присутствующих здесь Семена Липкина, Наума Гребнева и Яшу Козловского. Мне больше всего доступно судить о качестве их перевода. Я считаю, что эти переводы блистательны. Я сам занимался испанским языком, любил переводить Гарсиа Лорку. Потом судьба моя сложилась так, что мне не пришлось заниматься испанским языком.

В свое время мои стихи переводила Вера Звягинцева. Ей и всем другим я очень благодарен. Семен Липкин сказал хорошее вступительное слово – все было сделано с блеском. Большое спасибо вам всем и моим товарищам – Иосифу Гринбергу и Арсению Тарковскому. Вы смутили меня, но я слушал вас и все наматывал на ус, как делают старые горцы – слушая друга, думают о своем сене и дровах.

Я благодарен и моему другу Мустаю Кариму за то, что он пришел и выступил. Только он и мог с вами состязаться в лаконизме выступления. Хочу сказать и об отсутствующих. Коржавинские переводы мне очень близки, они очень точно передают характер моих стихов, они очень и очень мне дороги.

Закончу свое выступление, такое нестройное, тем, что прочитаю два стихотворения в русском переводе – одно в переводе Наума Гребнева – это замечательный перевод, – другое в переводе Наума Коржавина «Я вижу, мама, день весенний...» Это стихотворение мне очень дорого, моя манера чтения совсем другая, чем у переводчиков. Но я должен сказать: если бы даже переводчик знал язык, – он не мог бы перевести точнее, ближе, ближе невозможно. Другое стихотворение в переводе Н. Коржавина «Молния».

Молния! Даже названьем сверкаешь –
Так ты красива. Но вдруг ни с чего
С маху по дереву ты ударяешь,
В пепел, в золу превращая его...» [22]

Во время выступления А. А. Тарковский задал Кулиеву вопрос: «А как молния по-балкарски?» Кулиев ответил: «Это очень красивое слово – «Элия».

После этого Кулиев продолжал: «Очень сожалею, что это собрание происходит не в горах Кабардино-Балкарии».

Чомай, я хочу сказать тебе большое спасибо за то, что ты приехал и не подумал так: «Вот стихотворцы собираются, зачем я туда пойду... Ты понял меня: это касается нашего народа...» [23].

Обсуждение книги «Раненый камень» в Москве имело огромное значение не только для Кулиева, но и для всего балкарского народа. Это было первое и самое крупное общественно-политическое и культурное мероприятие в истории этого этноса. Хотя тогда и в последующих выдвижениях на Ленинскую премию лауреата Кулиеву не дали. Только через два года, в 1967 году за книгу «Раненый камень» ему дали Государственную премию им. М. Горького. Но сам факт обсуждения сыграл большую роль в духовной жизни балкарского народа.

Были отклики, в которых люди выражали свое недовольство несправедливым решением Комитета по Ленинским премиям. В своих письмах к поэту они писали об этом. Вот письмо якутского писателя Семена Данилова, в котором говорилось: «Мы возмущены и смущены решением... Но дело не в этом. Мы верим и гордимся тобой всегда.

Это – главное.. Ждем твои чудесные книги» [24].

Аналогичное письмо было киргизского писателя М. Аскакова от 26 апреля 1974 года, когда выдвигали «Книгу земли» на Ленинскую премию. Он писал: «Дорогой Кайсын! Делюсь своим негодованием по поводу неожиданного провала моего прогноза. Увижу Айтматова – дам ему «прикурить»: он не оправдал надежд! Но к черту сетования!» [25].

В связи с этим интересно высказывание известного башкирского поэта Назара Наджми. Так, в 1998 году он встретился у себя на родине с работниками Кабардино-Балкарского телевидения – Муталипом Беппаевым и Муратом Боттаевым. В своем интервью он говорил: «... Однажды я сказал Кайсыну:

– Ты не мог не писать «Раненый камень» и не воспеть свой Чегем.

– Да, – ответил он. – Я обязан был воспеть свое родное ущелье. Чегем – это моя колыбель!

— Без этого творения ты, Кайсын, не стал бы таким известным Кайсыном! Именно этой книгой ты обессмертил свое имя и свой народ... Такие поэты, как ты, рождаются через века. Ты — высокая звезда на небосклоне и неповторим в поэзии и в человеческих отношениях.

В этом я вижу величие Кулиева, нашего незабвенного друга, — продолжал Наджми. — Хорошо, что жители КБР одну из вершин гор Кавказа называли пиком Кайсына Кулиева. Я написал стихотворение «Пик Кайсына Кулиева». Этот пик виден с Сахалина, Камчатки и из-за горизонтов земного шара, — закончил он. И добавил: Кулиев высоко поднял поэзию XX в. Он тонко ощущал и чутко реагировал на боль всей планеты. Миропонимание его — это Космос и Земля, всеединство человеческого рода. Этим определяется величие Кулиева, поэтому он дорог каждому человеку. Его имя вошло в общечеловеческую память и будет жить в веках» [26].

Высоко отзывался о поэзии Кулиева известный литературовед Ираклий Андроников. Он говорил, что Чегемское ущелье подарило поэзии Кайсына Кулиева необыкновенное вдохновение, а он своими стихами пригласил туда весь мир.

Кайсын Кулиев своим творчеством и могучим талантом в это время показал всему миру духовный потенциал и этнофилософию своего народа. Он шел все время по восходящей линии после возвращения из Киргизии на родину. Брал одну высоту за другой своими стихами и поэмами, глубоко признанными идеями гуманизма, любви ко всему живому. В своих произведениях он поднимал общечеловеческие и вселенские проблемы. В поэзии Кулиева отражены радость, боль и надежды людей на лучшую жизнь второй половины XX в. и призывы к высоконравственному устройству общества, к этнопланетарному единству людей.

Особенно плодотворными были для поэта 60-е и 70-е годы. В это время Кулиев опубликовал более 20 поэтических сборников в Москве, Ташкенте, Баку, Ашхабаде, Киеве, Минске, Ереване, Тбилиси, Риге, во Фрунзе и за рубежом.

В центральных журналах и газетах, в таких, как «Новый мир», «Дружба народов», «Нева», «Знамя», «Звезда»,

«Огонек», «Дон», «Литературная газета», «Литературная Россия», «Известия», «Правда», «Комсомольская правда», «Красная звезда» регулярно публиковались стихи и поэмы Кайсына Шуваевича. А также были переведены его стихи на немецкий, английский, французский, испанский, болгарский, польский, пакистанский, монгольский, кубинский, арабский, турецкий языки. Все это говорит о том, что вхождение Кайсына Кулиева в систему мировой художественной культуры было объективным и закономерным явлением.

Теперь рассмотрим на конкретном материале высказывания его современников, как говорили о нем читатели и почитатели его таланта. Это даст нам возможность понять и всесторонне показать, что поэзия Кулиева — неотъемлемая часть мировой художественной культуры.

В течение всей жизни Кулиев был связан с такими известными переводчиками, как С. Липкин и Я. Козловский. Вот их письма Кулиеву.

«Дорогой Кайсын,— писал С. Липкин.— Поздравляю тебя, великого поэта Кавказа, с присуждением премии! Горжусь тобой, обнимаю, целую»[27].

Я. Козловский говорил: «Я всегда питал огромное уважение к тебе и твоим стихам, ибо ты и они являются закатом судьбы, ты гордость и честь не только Кавказа, но и всей истинной литературы»[28].

В ХХI в. предстоит глубокое осмысление идей гуманизма, справедливости доброты его поэзии. Его поэтическим завещанием потомкам является стихотворение «Пусть мы умрем, но навсегда...»(1964):

Пусть мы умрем, но навсегда
Жизнь не исчезнет вместе с нами.
Живым останется вода,
Снег на горах, в каминах пламя.

И низменность, и высота,
Останется зима и лето,
Земля и женщин красота,
Которые до нас воспеты.

Живым — в садах вишневый цвет,
Гул городов и тишь аулов,
Живым — стремительность ракет,
Медлительность волов и мулов.

Мы оставляем песни рек,
И, может, это ощущение
Для тех, кто завершает век,
Пусть малое, но утешенье.

И завещая мир живым,
Я буду, может быть, счастливей,
Поверив, что он будет к ним
Добрей, чем к нам, и справедливей [29].

(Перевод Н. Гребнева)

В архиве Кулиева много писем от его современников, в которых они писали о своем восприятии лирики поэта.

Его земляки из Чегемского ущелья в своем поздравлении писали: «Дорогой Кайсын!

Сердечно поздравляем тебя с присуждением высокого звания Лауреата Госпремии СССР 1974 года. Мы, особенно земляки из Чегемского ущелья, гордимся тем, что ты прочно вошел в семью лучших писателей и поэтов Советского Союза, а твои произведения читаются во многих странах мира, что ты своими произведениями славишь свой народ, ущелье, в котором родился и вырос. Мы по праву можем называть тебя балкарским Пушкиным, Чегемское ущелье – ущельем Кайсына.

Жаль, что среди вас (поэтов) нет Александра Сергеевича, он, наверное, притянул бы тебя к своим могучим объятиям.

Итак, от всего сердца желаем тебе нартского здоровья и наилучших творческих успехов! «Все еще впереди!»

С братским приветом жители Чегемского ущелья» [30].

Суть любви к поэту и его поэзии выразили простые шоферы и экскурсоводы. В своем коротком письме в стихах 10 ноября 1974 года они писали (на балкарском языке):

Танг ахшы болсун!
Арию, ахши адам,
Наш любимый, наша гордость
– Кайсын Шуваевич!
Поэты – суть гордости нашей!
Вы – лучший из всех, Кайсын,
Вы – гордость не только балкарского народа
Но и русского, и всех народов нашей страны.

Поздравляем Вас с присуждением Вам Государственной премии. Знайте, мы любим Вас давно и преданно!»

Далее шли подписи шоферов и экскурсоводов КБР, более двадцати человек [32].

Так, 18 сентября 1978 года из Ленинграда Евгения Охотская писала: «... Когда я впервые открыла Ваши книги, то была потрясена, поражена какой-то светлой атмосферой, в которой я очутилась: самый воздух вокруг стал золотистого цвета, какой Вы видите перед собой жизни! Какими прекрасными чертами она открывается перед Вами! В ваших стихах есть «доброта хлебов и мудрость трав», доброжелательность, понятие жизни, простота, естественность, человечность, простор и воздух. Творчество Ваше реально, правдиво. Оно вечное и одновременно новое, всегда мудрое. В нем столько благородства! Счастлива Балкария, имея такого поэта» [32].

Антонина Николаевна Баева писала 27 октября 1982 года: «... Пусть вовеки будет благословенно имя твоей матери, осчастливившей всех нас твоим рождением... Я буду благодарить небо и землю за то, что ты родился в этот день» [33].

Из Туркмении Аширберды Курт писал: «... Потомки Махтумкули благодарны Вам за могучую поэзию. Из Вашего двухтомника стихов льется кровь. Ваша поэзия стоит большой благодарности. Передайте привет народу, который подарил миру такого поэта» [34].

Из города Минеральные Воды почитательница поэзии Кулиева В. Кочукова писала: «... Благодарю Вас за радость, доставленную мне Вашей книгой – «Книга земли». Уже много прочитала и нашла свойственное Вашему перу теплое, сердечное отношение к человеку, глубину мудрости восточных людей» [35].

Известный казахский писатель Сафуан Шаймерденов сообщал в своем письме: «... Горжусь тем, что на такой маленькой земле неукротимого балкарского народа есть такой могучий талант – Кайсын! Эталон величия, огромной доброты и любви к своему народу и человеческому роду» [36].

Из далекой Камчатки журналист Евгений Сигарев восхищался поэзией Кулиева: «...Позвольте преклонить перед Вами голову за Ваше огромное, доброе, человече-

ское и неизбежно поэтическое сердце. Счастлив я, что живу в одну эпоху с Вами, учусь быть у Вас человеком» [37].

С таким же восхищением писала о поэзии горского поэта З. Богомолова, преподаватель вуза из Удмуртии: «...Вы художник с мировым именем. Поэзия Ваша нужна всем. Это чудесно, когда поэт Вашего масштаба любим читателями всех возрастов и национальностей.

Дай Бог Вам оставаться таким, каким я Вас знаю в течение многих лет. Еще раз Вам спасибо за книгу «Так растет и дерево». Прочла ее с глубоким интересом и в этом плане Вы на самом высоком эстетическом и теоретическом уровне. Никто не может так сказать и писать о поэзии, как большой поэт» [38].

Из Москвы писал 1 Мая 1961 года Абдулжамилев Фазиль Апасович: «От Ваших прямо-таки изумительных стихов повеяло на меня чудесной, живописной прохладой наших родных Кавказских гор. В них я слышал такое родное, такое дорогое сердцу моему журчанье наших серебристых ручейков, перед моим взором проплывали величавые молочно-белые туманы, а в синеве неба над вершинами суровых гор медленно парили гордые орлы. Все это есть в Ваших стихах, написанных эмоциональным и лаконичным поэтическим словом... В стихах все горское, самобытное и национальное в хорошем смысле слова...

Кайсын, Вы большой поэт. Спасибо. Вы своими стихами доставили мне огромное эстетическое наслаждение. Ваши произведения общечеловечны по своей значимости. И в то же время заставляют горца еще больше узнать всю прелесть горского края и еще больше любить этот край. С искренним уважением Ф. Абдулжамилев» [39].

Председатель правления Всесоюзного агентства по авторским правам Борис Панкин писал: «Ваше творчество приобщило многочисленных читателей в нашей стране и за ее пределами к поэтической истории балкарского народа, к его мужеству, благородству, таланту. Желаем Вам, дорогой Кайсын Шуваевич, доброго здоровья, долгих лет жизни и творческих удач» [40].

Из Полтавской области г. Глобино Иван Бокий писал Кулиеву: «Очарованный Вашими стихами, Вашей поэзией – высокой, как горы, близкой и светлой, как родная мать, – в этот счастливый день Вашего рождения желая

Вам могучих крыльев, статного шага по родной Вам стране — стране Поэзии. Крепкого Вам здоровья! Ваш благодарный читатель» [41].

Мстислав Кргоун из Чехословакии писал Кулиеву: «...Читая Ваши стихи, я понял, как страстно Вы любите свою горную прекрасную родину и по праву гордитесь ею» [42].

Отклики-письма, направленные Кулиеву из всех отдаленных районов Советского Союза и зарубежных стран, свидетельствовали о любви к поэту и его лирике. Так, из далекого Алтайского края Тувинской республики города Кызыл преподаватель высшего учебного заведения Мария Ходаханэ писала: «...Дорогой и любимый поэт! Я много лет слежу за Вами, своим студентам даю рефераты и курсовые по Вашим сборникам. Летом у костра на высокогорном озере Азас до полуночи читала, и все слушали на тувинском языке Ваши стихи. Будьте здоровы, с Вашим званием любимы и плодоносны» [43].

Работник автопарка из г. Томашполя Винницкой области Украинской ССР Константин Григорьевич Киселев писал: «... Люблю Вашу поэзию, люблю то, что она полна гражданской страсти и глубокой человеческой мудрости, что она пронизана благородным светлым мужеством. Ваше творчество — истинное и ярко национальное. Оно несет в себе нечто общечеловеческое. Ваша великая любовь к культуре других народов делает Вас интернациональным поэтом. Все хорошее, все прекрасное у Вашего народа близко и другим народам» [44].

Полковник Бадахов Аскер Мурзакулович, по национальности карачаевец, писал Кулиеву из Ташкента: «... Пишу тебе, прочитав твою книгу стихов «Книга земли». Я горд тем, что наша земля родила поэта, который смог передать прекрасными словами поэзию мудрости гор и прекрасную душу людей, живущих в горах. Читая твои стихи, Кайсын, я вспомнил неповторимые разговоры стариков моего аула, внешние простодушные рассказы пастухов на кошах и даже самые ранние впечатления моего детства нахлынули на меня после твоих стихов. Таково, видимо, влияние истинной поэзии! Спасибо, Кайсын!» [45].

Жена известного балкарского писателя Хабу Кадиева — Дадуща в своем поздравлении писала Кулиеву:

«...Дорогой Кайсын, дорогая Мака! С чувством огромной радости и гордости я прочитала сегодня указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении тебя, дорогой Кайсын, орденом Ленина.

Гордимся тобой, что ты прославил наши горы, ты заслуживаешь высокой награды. Радует нас тому, что ты был любимцем народа Кабарды и Балкарии, что твое имя проносят во всех уголках нашей страны и за рубежом. Радость моя еще и в том, что ты был другом моего любимого и незабвенного мужа, чью светлую память сохраняю на всю жизнь.

Хабу ценил и любил тебя. Он всегда хотел видеть в тебе горного орла. Ты достиг этого. Творческого успеха и здоровья, счастья желаю тебе и твоей семье» [46].

Многие письма, которые получал Кулиев, носили лирико-поэтический характер. Одним из таких посланий было Тамары Эристави из Грузии. Она писала в 1973 году и поздравляла поэта с наступающим Новым годом: «... За этими горами живет поэт. Там все еще летают орлы и бродят туры. У людей орлиный взгляд и поступь турья. Эти люди гордые и любят свободу. Так было всегда. Люди эти мужественны и умеют дружить. Эти люди жизнелюбивые, умеют петь и умеют выражать свою любовь к жизни. Горы видят все это и гордятся этими людьми. Среди этих людей, среди гор живет поэт, похожий на них» [47].

Известный азербайджанский поэт, близкий друг Кулиева — Наби Хазри писал в «Литературной газете» в 1965 году 3 апреля: «... поэзия этого сына гор бурлива, как горные потоки, задумчива, как вековые сосны, чиста, как снежная вершина, широка, как альпийские луга.»

Талантливый, русскоязычный кабардинский поэт Руслан Семенов писал: «...Когда я брал в руки свою книжечку с тем, чтобы перечитывать ее, то я всегда обольщался только тем, что имел и имею счастье знать Вас, великого живого человека, философского учителя, ненавязчивого, как сама жизнь. Придет время и на Ваших стихах будут воспитываться новые и новые поколения многострадальной земли человечества...» [48]. Кайсыну Кулиеву Руслан Семенов посвятил стихотворение. Оно было написано к Новому году — 28 декабря 1972 года.

О, если бы из слов
Вы свои гнезда вили, птицы,
Я б не жалел трудов,
Чтоб в деле пригодиться.

Тогда б мои стихи
Вас в холоде согрели,
И вы из-под стрехи
На добрый мир смотрели.

Есть движение и разум!
Между ними не прокрадется
Смерть! Все слезы моей
Человеческой радости вашим —
Земным книгам!

Ваша любовь к земле и
Любям труда, как и сама
Земля, была и будет живым
Источником здравствующего
На земле вдохновения!

Долгих вам лет!
Новых земных книг вам!
Мир вашему дому!
Мир!

С чувством благодарности и сыновнего уважения
Р. Семенов»

Из Минска Кулиеву писал научный сотрудник одного из исследовательских институтов, кандидат технических наук Стефан Габриэльян: «... Я хочу склонить свою голову перед Вами в знак глубочайшего почитания и поклонения за те бессмертные строки, которые написаны Вами. Так должны сделать все, кто является истинным ценителем прекрасного. Число Ваших истинных почитателей будет все более и более возрастать по мере того, как люди станут более зрелыми, добрее, справедливее, интеллектуальнее, способными воспринять всю глубину Вашего потрясающего гуманизма (возьмем хотя бы стихотворение «Реквием»). Мудрость и красота Вашей поэзии будет жить вечно. Вы — поэт, опередивший время! Вы — поэт будущего и Ваши творения будут жить также долго, как творения Омара Хайяма, Лермонтова и других классиков.

Спасибо Вам еще раз, замечательный поэт, замечательный человек – Кайсын Кулиев.

Спасибо, что в Вашем большом сердце нашлись слова любви к моему армянскому народу.

Свет, добро, справедливость, которые Вы излучаете, должны уничтожить зло и ненависть.

Ваш друг – Габриэльян Стефан» [49].

Бывший министр культуры Казахской ССР, а потом заведомо культуры Совмина Казахстана, близко знавшая Кайсына Кулиева (фамилию свою она не сообщила) в одном из писем к нему приглашала поэта на большой праздник культуры республики: «...я счастлива видеть Вас в моем родном городе Алма-Ате на большом празднике нашей культуры.

Мои родные, мои друзья знают, что лучший подарок мне – Ваши книги и потому в моем книжном шкафу стоят почти все издания Ваших книг на русском языке. Они – мои добрые, мудрые, верные, мужественные друзья и в часы радости и в часы печали... Ваши стихи помогают жить, работать, потому что они говорят о самом главном в жизни человека, говорят честно, влюбленно в жизнь, с верой в доброе, светлое, но без казенного оптимизма, с честным видением всех сложностей, еще имеющих в нашей жизни.

Хорошо сказал о Вас один из критиков, что Вы «ранены красотой своего края». Как точно он сказал! Вы – поэт великий, не только своим поэтическим даром, но и величием своего сердца. От души, до земли кланяюсь Вам за Ваше Большое, Доброе сердце, за Ваши прекрасные стихи, за Ваше непреклонное мужество.

Да поможет Вам Судьба, долгих Вам лет, счастливой и плодотворной жизни на счастливой родной земле.

Л. Г.»

В конце письма была приписка рукой Кулиева: «Лейла. Бывший министр культуры Казахской ССР, ныне заведомо культуры Совмина. Город Алма-Ата» [50].

Стихи Кайсына Кулиева часто передавались в то время по всесоюзному радио. Так, в феврале 1970 года была передача следующего содержания: «...Поэзия Кулиева полна высокого мужества, душевной открытости, умудренной опытом доброты. Пронизанная чувством долга, она зовет к стойкости и к душевной щедрости.

Поэт родился у границы вечных снегов Чегемского ущелья. Постоянное общение с суровой и требовательной природой гор одарило его особым лирическим видением мира, умением подняться над суетными делами повседневности и взглянуть в неповторимую сложность жизни.

Эмоционально чуткий, душевный настрой поэта всегда питается большим человеческим содержанием. Своиственные ему черты – медлительная мудрость, целеустремленность, сдержанность чувств и мужество мысли с динамичностью их выражения придают стихам Кулиева современную лаконичность и неповторимость его поэзии.

Но самое главное – это неповторимость Кулиева, с его редчайшей простотой и человеческой добротой. Он мужественный человек и умеет отстаивать непреходящие духовные ценности:

Ценю я с нежностью и строгостью
Ту доброту как человек,
Которая перед жестокостью
Вдруг не растает, словно снег.

Ценю я доброту суровую,
Всегда за правду на костер
Взойти пред временем готовую
Жестокости наперекор! [51]

(Перевод Я. Козловского)

Высокая ответственность за ранимость человеческих душ слышится в стихах Кулиева. Он был личностью решительной, бескомпромиссной и одержимой». Оценка высокая и достойная Кулиева.

Мы считаем уместным привести и высказывания народного поэта Узбекистана Шукрулло, неоднократно побывавшего в Кабардино-Балкарии в связи с празднованием 60-летия со дня рождения Кулиева, с похоронами поэта и даже тогда, когда общественность отмечала его 70-летие. «Узбекистан – земля многовековых поэтических традиций, – говорил он. – Она – родина многих великих поэтов Востока. А Кайсына любят у нас, как своего, как родного. Настолько он нам близок, настолько

дорог. Замечательный наш Кайсын уже при жизни занял почетное место среди корифеев Востока. Тюркский мир особенно гордится мастером такого масштаба, поэтому всем понятным, всем доступным, но и таким удивляющим» [52].

Украинский писатель Д. Дереч в газете «Винницкая правда» писал 1 сентября 1973 года в статье «Орлиные крылья»: «...Поэзия К. Кулиева давно стала любимой для миллионов читателей не только в нашей стране, но и за рубежом. Кайсын Кулиев не зря написал «Книгу земли», где каждая строка — это глубокое философское размышление о родной земле, о народе. В произведениях народного поэта Кабардино-Балкарии Кулиева читатели глубоко осмысливают смысл жизни, любовь к отчему краю. В его стихах чувствуется дыхание земли. Поэтому его книги переведены на многие языки мира. У Кулиева яркий талант, природная мудрость. Читая стихи Кулиева, хочется быть добрым и возвышенным» [53].

Много писем получал Кулиев от учителей, которые были покорены его стихотворением «Борису Игнатьевичу». Так, один из них писал поэту: «Глубокоуважаемый Кайсын Шуваевич! С какой душой и правдивостью писала наша газета «Кабардино-Балкарская правда» 3 сентября 1965 года об учителе Борисе Игнатьевиче. Вашей большой гуманностью я тронут, был до слез взволнован и не мог, чтобы Вас не поблагодарить и не пожелать Вам всего хорошего и наилучших успехов в жизни. Все созданное Вами нас, простых людей, учит быть правдивыми, благородными...» [54].

Павлова-Суслова Любовь Яковлевна из г. Киева писала: «Дорогой, любимый, обаятельный поэт, Вы не можете себе представить, какую радость Вы дарите зрителям телевидения и лично мне своими передачами, своими вескими, умными и убедительно жизненными, важными речами, которые увенчаны мудростью прожитого вами...

Ваше отчество я не знаю, но Вы хорошо знаете русский язык, и мы имели счастье слушать Вас. Напишите пару слов, что Вы получили открытку через Зою Тхамокову. Передаю Вам свое искреннее уважение. Адрес Тхамоковой: Нальчик, пр. Ленина, 43, кв. 1» [55].

«Я очень люблю Вашу поэзию, и она неотделима от Вас, в ней чувствуется автор, прекрасный человек, доб-

рый, чистый и мудрый, незаурядная личность, — писала Э. Полещук. — Я рада, что такой человек живет на земле, это явление не столько уж частое в нашей не слишком радостной жизни. От всей души я желаю Вам здоровья и счастья. Вы вполне заслужили, чтобы еще долго радовали нас своими мудрыми, тонкими поэтическими стихами. Как Вы хорошо сказали: «Без боли лист не упадет, без боли ветка не сломается...»

Искренняя почитательница Вашего таланта

Э. Полещук» [56].

Все эти высокие оценки людей, не зависимых от поэта и его положения, свидетельствуют об их искренности и умении правильно оценить талант поэта, его высокую культуру и глубокие знания жизни. Об этом говорил латвийский поэт Альгимантис Балтакис после выступления Кулиева в 1966 году на симпозиуме в Праге. У Кулиева был доклад «Традиции и поиски нового». «...Выступление балкарского поэта удивило всех участников органичным сочетанием крестьянской мудрости и широкой европейской эрудиции», — сказал Балтакис [57].

С мнением Кулиева считались очень известные организации, такие, как Союз писателей СССР, РСФСР. Так, 1 ноября 1974 года председатель Совета по международным писательским связям СП СССР Н. Федоренко писал:

«Члену Совета по международным писательским связям тов. Кулиеву К. Ш.

Уважаемый Кайсын Шуваевич! Союз писателей СССР, а также многие республиканские Союзы накопили значительный опыт проведения международных писательских встреч — двусторонних и многосторонних. Имея в виду совершенствование форм и тематики этих встреч, считаем своевременным поставить на обсуждение Совета вопрос о формах и о тематике международных писательских встреч.

Весьма желательно знать Ваше мнение, какие встречи (двусторонние, многосторонние) Вы считаете наиболее продуктивными, интересными, творческими, как следует готовить такие встречи, какие темы следует включить в планы будущего.

Ваши предложения окажут существенную помощь в работе Иностранной Комиссии СП СССР.

Очередное заседание Совета предполагается созвать 12–15 декабря сего года. Будем признательны, если Вы ответите до 20 ноября. Это позволит нам учесть Ваши предложения при составлении общих рекомендаций.

С уважением Н. Федоренко» [58].

Кулиев неоднократно говорил о самоценности национальной культуры и о значимости каждого народа в мировой культуре. Верно говорил Шеллинг, что каждая народность выражает какую-либо сторону всемирной культуры человечества. Благодаря Кулиеву, его бессмертной поэзии, как уникальному явлению второй половины XX в., балкарская литература вошла в мировую культуру. Он не только усвоил европейскую – всемирную культуру, – но и творчески участвовал в ней. Об этом свидетельствуют его многочисленные выступления на Международных Конгрессах, научно-теоретических конференциях, «круглых столах» по вопросам культуры, истории, языкознания, о взаимодействии и взаимопроникновении культур Запада и Востока, о роли литературы в сохранении мира и т. д.

Сегодня мы с гордостью говорим, что Кайсын Шуаевич Кулиев сыграл огромную роль в становлении и формировании национального самосознания балкарского народа. Он расширил его культурно-исторический кругозор, возвысил национальное достоинство. За это балкарский народ бесконечно благодарен ему. У каждого балкарца в душе его святое имя. Имя Кайсына Кулиева в народе произносят как имя пророка и апостола, ибо он является символом национальной духовной культуры.

Стало традицией в культурной жизни народов Кабардино-Балкарии дважды в год отмечать день рождения поэта 1 ноября и 4 июня – день его смерти. В эти дни из городов и сел республики приезжают все те, кому дорога память о Кулиеве, чтобы соприкоснуться с великой духовностью властителя дум, национального гения балкарского народа.

Национальная идея формируется лучшими представителями народа – его великими сынами и дочерями. Как писал Г. В. Плеханов, великий человек является начинателем, потому что он видит дальше других и хочет сильнее других. Так, в XX в. Кайсын Кулиев был первым, кто открыто сказал, что балкарской литературе нужно

освободиться от натурализма и лакировки. В этом была его историческая заслуга, потому что он направил родную литературу в русло нового направления — формирования критического реализма. Как известно, исторически мыслящие личности являются двигателями истории и духовной культуры. Духовное наследие Кайсына Кулиева неотделимо от его личности, оно навсегда останется в истории национальной художественной культуры. Пройдут многие века и новые поколения читателей и исследователей с интересом будут изучать великое наследие балкарского поэта.

Он силой своего неумного гения создал бессмертные стихи, поэмы, прозу, литературно-критические статьи, эссе, литературные портреты, переводы классиков отечественной и мировой литературы. Все эти высокохудожественные произведения, в том числе и единственная пьеса «Есть на свете любовь», насыщены глубокими нравственно-философскими рассуждениями о смысле человеческого бытия, о проблемах морали, войны и мира, добре и зле, смерти и бессмертии, гуманизме и жестокости, о друзьях и врагах.

Никто из нас не застрахован
От зависти и от беды,
От оскорбительного слова,
От злобы — матери вражды.

Злорадствует твой враг недалний,
И я предположить могу:
Чем день твой горше и печальней,
Тем слаще твоему врагу.

.

Он весел от твоей печали,
Твоей беде он рад весьма,
Хотя она ему едва ли
Прибавит силы и ума.

Врагов не следует стыдиться
И опускать в бессилье рук.
Всегда чем голосистей птица,
Тем больше хищников вокруг.

(Перевод Н. Гребнева)

Ни в жизни, ни в творчестве Кулиев не изменил своим моральным принципам, когда в художественном слове выражал самосознание родного народа и любовь к своему Отечеству. Несмотря на то, что поэт испытал в жизни много трудностей в годы Великой Отечественной войны как участник, в период депортации родного народа как спецпереселенец, переживший моральное унижение, когда его исключили из Союза писателей, поэт не разуверился в жизни и ее добрых началах, остался гуманистом. Именно ему принадлежат слова: «Поэт не может быть плохим человеком». Здесь уместно привести слова немецкого философа Артура Шопенгауэра, когда 50-е годы XIX в. в силу своей нетрадиционности не пользовались у читателей известностью труды великого мыслителя и поэтому оказались невостребованными, когда у него появились восторженные ученики и почитатели его таланта, оценившие высоко его философские воззрения, он сказал: «Закат моей жизни стал зарей моей славы».

После освобождения от морально-унизительного спецкомендантского режима, который в течение 13 лет сковывал, подавлял чувства национального самосознания, творческий порыв и духовное начало интеллектуальной части депортированных народов, всесторонне раскрылся выдающийся талант Кайсына Кулиева. Выступая на выездном заседании Союза писателей РСФСР в октябре 1959 года, он сказал, что каждая национальная культура имеет возможность осознать свою самостоятельность, народные корни, непрерываемую связь с историей, преданиями, многовековыми традициями. «Все это позволит нам, — продолжал поэт, — выйти на дорогу новых исканий и даст возможность вrastания национальных художественных литератур в мировую культуру».

Восхождение Кулиева в мировую культуру — было важным фактором нравственной реабилитации незаконно депортированного балкарского народа. Поэт хорошо знал идеи национальной самобытности, уникальности культурных задач в 60-е годы XX в., стоявших перед балкарской литературой. Поэтому Кулиев занимает особое место в духовной истории балкарского народа. Он стал знаменем национальной культуры, как Алишер Навои — узбекской, Низами — азербайджанской, Шота Руставели — грузинской, Аветик Исаакян — армянской,

Шевченко — украинской, Шекспир — английской, Данте — итальянской, Сервантес — испанской.

Кайсын Кулиев — это гений балкарского народа, сумевший сформировать и создать духовный идеал нации, он отобразил не только национальные особенности балкарского народа, но и его этнофилософию. В своем художественном слове он показал наивысшее проявление духовной стойкости, мужества, трудолюбия и любви к своему отчому краю, которые наиболее проявились на чужбине в людях его нации. Он высоко поднял в эти же годы идеал чести и независимости поэзии и поэта от политических конъюнктур. В своих стихах и поэмах Кулиев создал живые человеческие и природно-ландшафтные образы в балкарской художественной культуре. Он хорошо знал, что в изоляции не может существовать ни одна культура и неоднократно подчеркивал, что великая культура рождается в процессе соединения, взаимовлияния, в столкновениях с художественными культурами других народов. Поэт глубоко знал культуру Востока и Запада и по праву вошел в систему мировой художественной литературы. Это редкое явление в истории национальных художественных культур малочисленных народов, не имевших письменности и литературных традиций. Это под силу только гениям. Таковым и был балкарский поэт Кайсын Кулиев.

Есть одна особенность в поэзии Кулиева — это светочность, всеединство Космоса, Природы и Человечества. Он воспел горы в их философской вечности, могучую симфонию красок этноприроды, гуманистическую сущность человеческого бытия. Его волновали и проблемы сохранения национальных языков. «Язык, — говорил он, — сильнейшее средство выражения культуры. Он должен защищать все доброе на земле». Выступая на сессии языковедов, организованной АН СССР в 1962 году, Кулиев сказал: «Каждый язык — это целый мир. Язык не только предмет для изучения, а живая душа народа, его радость, боль, память, сокровище. Он должен вызывать у каждого из нас горячую любовь, признательность, трепетное отношение. Язык каждого, пусть даже самого малочисленного народа, — это целый мир, полный прелести и волшебства» [59]. Выражаясь языком поэзии, он писал в 1955 году в стихотворении «Родной язык»:

В тебе тепло есть материнской груди
И запах трав родных тебе полей,
Вся свежесть роц в твоих словах пребудет,
Как молоко балкарских матерей [60].

(Перевод Н. Тихонова)

Поэт родился, жил и умер в XX в. При жизни Кайсын Шуваевич получил мировое признание и завоевал огромный авторитет и любовь сотен миллионов людей нашей планеты.

С его уходом из жизни погасла одна из ярких звезд на небосклоне мировой художественной культуры. Он ушел из реальной жизни в бессмертие, оставив потомкам как духовное наследие более тысячи стихотворений, пятнадцать крупных поэм. В XXI в. нынешние и грядущие поколения будут гордиться именем национального гения балкарского народа – Кайсыном Кулиевым, ибо он воспел Человека и все живое окружающего мира, величавую красоту Кавказских гор, создал уникальные национальные символы, придал поэтическое звучание и музыкальную гармонию камням и скалам Чегемского ущелья, где была его этническая колыбель. Он поднял общечеловеческие, планетарные проблемы и оставил неизгладимый след в исторической памяти многих народов.

В его поэзии отражены многовековая мудрость и этнофилософия родного народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Руководство к познанию Кавказа. СПб., 1847. Кн. 2. С. 243
2. Кабардино-Балкарская правда, 2001, 18 января
3. ЦГА КБР, ф. 852, оп. 5, д. 27, л. 7, 33-33б
4. Там же, л. 44
5. Там же, л. 33б
6. *Эфендиева Т. Е., Эфендиев С. И.* «Кайсын Шуваевич Кулиев. Биография поэта». Нальчик, 1917–1958. Ч. 1. С. 85
7. ЦГА КБР, ф. 852, оп. 6, д. 33, л. 2
8. Там же.
9. Там же, л. 30
10. *Кулиев К.* Собрание сочинений. В 3 т. Т. 1. М., 1987. С. 284
11. Там же. Т. 2. М., 1977. С. 146
12. ЦГА КБР, ф. 852, оп. 6, д. 33, л. 3б

13. Там же, л. 37-38
14. Там же, л. 39-40
15. Там же, л. 40-43
16. Там же, л. 44
17. *Кулиев К.* Собрание сочинений. В 3 т. Т. 1. М., 1987. С. 150
18. ЦГА КБР, ф. 852, оп. 6, д. 33, л. 47
19. Там же, л. 46
20. Там же, л. 50
21. Там же, л. 49
22. *Кулиев К.* Собрание сочинений. В 3 т. Т. 1. М., 1977. С. 490
23. ЦГА КБР, ф. 852, оп. 6, д. 33, л. 54-55
24. Там же, оп. 2, д. 163, л. 66
25. Там же, л. 1
26. *Эфендиева Т. Е., Эфендиев С. И., Эфендиев Ф. С.* «Кайсын Шугаевич Кулиев. Друзья поэта». Т. 3. Нальчик, 2000. С. 143-144
27. ЦГА КБР, ф. 852, оп. 3, д. 113, л. 83
28. Там же. Оп. 7, д. 70, л. 63
29. *Кулиев К.* Собрание сочинений. В 3 т. Т. 1. М., 1987. С. 277
30. ЦГА КБР, ф. 852, оп. 3, д. 113, л. 131
31. Там же, д. 81, л. 57
32. Там же, д. 77, л. 65
33. Там же, оп. 5, д. 36, л. 1
34. Там же, оп. 3, д. 77, л. 7
35. Там же, л. 34
36. Там же, оп. 7, д. 7, л. 22-23
37. Там же.
38. Там же, оп. 3, д. 78, л. 4
39. Там же, оп. 1, д. 79, л. 1-2
40. Там же, оп. 7, д. 68, л. 7
41. Там же, оп. 1, д. 79, л. 5
42. Там же, оп. 5, д. 105, л. 7-8
43. Там же, оп. 6, д. 28, л. 6
44. Там же, д. 29, л. 1
45. Там же.
46. Там же, оп. 6, д. 34, л. 3
47. Там же, оп. 2, д. 163, л. 115
48. Там же, л. 121
49. Там же, оп. 7, д. 67, л. 2
50. Там же, оп. 1, д. 76, л. 35
51. *Кулиев К.* Собрание сочинений. В 3 т. Т. 1. М., 1987. С. 180
52. Кабардино-Балкарская правда, 2000, 3 июня
53. ЦГА КБР, ф. 852, оп. 3, д. 117, л. 1
54. Там же, оп. 1, д. 79, л. 1
55. Там же, оп. 6, д. 28, л. 29
56. Там же, оп. 2, д. 163, л. 187

57. *Эфендиева Т. Е., Эфендиев С. И., Эфендиев Ф. С.* «Кайсын Шуваевич Кулиев. Друзья поэта». Т. 3. Нальчик, 2000. С. 493
58. ЦГА КБР, ф. 852, оп. 2, д. 158, л. 1
59. *Кулиев К.* Так растет и дерево. М. 1975. С. 401
60. *Кулиев К.* Собрание сочинений. В 3 т. Т. 1. М., 1987. С. 120

Ф. С. Эфендиев

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ И ВРЕМЕННЫЕ КАТЕГОРИИ ПОЭЗИИ КАЙСЫНА КУЛИЕВА В КОНТЕКСТЕ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ ВОСТОКА И ЗАПАДА

Выступление на научной конференции «История Северного Кавказа в контексте истории Евразии» в Пятигорском государственном лингвистическом университете в марте 2000 г.

Художественно отражая мир, Кулиев часто обращался к пространственным и временным категориям. В его познании поэтического восприятия бытия можно легко выявить конкретно-пространственные и временные представления, свойственные образному мышлению этого горского поэта XX в. В качестве смысловой и художественной доминанты эти философские категории часто носили символический характер, подчиняясь контексту стиха и окрашиваясь индивидуальными кулиевскими, только ему присущими национальными и культурологическими особенностями. «Видит Землю Эльбрус без конца и без края, все милы ему дети вблизи и вдали», — писал он в 1962 году в стихотворении «Выпал снег среди ночи...». Или: «Как время быстротечно, посмотри, стемнеет — не успеешь оглянуться» из стихотворения «На языке любви со мною говори» (1981). Если в первом стихотворении Эльбрус — это и художественный символ, и одухотворенная субстанция вечности и пространства, то во втором — поэтическая мысль уже не в «когнитивной картографии», а в обобщении комплекса определенных ощущений и чувственного переживания.

Весна и лето долго не вернуться,

Но мне слова ты снова говори,
Внушенные тебе весной и летом,
Ручьем прозрачным, тающим рассветом, —
На языке весны со мною говори [1].

(Перевод Я. Акима)

Моральная ценность духовной культуры Евразии — в прославлении и возвышении Человека. Это была культурная задача, поставленная эпохой Просвещения, и мировая поэзия не раз обращалась к таким вечным образцам искусства, как Гомер, Данте, Бах, Бетховен, Шопен, к героям легенд и мифов Древней Греции, скажем, Прометею, «самому благородному святому и мученику в философском календаре» (К. Маркс) [2], Афродите, богине любви и красоты и т. д. Все эти прославленные имена не раз воспетые в поэзии Востока и Запада, встречаются в лирике Кайсына Кулиева. Его широко известный «Дон Кихот» (1966) с максимальной истинности выражает творческую мысль поэта — о неистребимой человеческой вере в победу добра над злом.

И все-таки не вечны неудачи,
Верь, Дон Кихот, поправятся дела.
Пусть скачет зло на скакунах горячих,
И ты еще не выбит из седла! [3]

(Перевод Н. Гребнева)

Поэзия Кулиева развивалась в русле классических литературных традиций Востока и Запада, но углублялась и обогащалась на национальной почве родного фольклора. Гуманистические идеи, свойственные западноевропейской и среднеазиатской культуре, органически были присущи духовной культуре Кавказа и Закавказья. Говоря о переносе евразийских образцов (идеальных образов, сюжетов, тем и др.) в художественную ткань произведений Кайсына Кулиева, нужно учитывать прежде всего их творческое усвоение и своеобразно-национальное утверждение классических идей (идеи равенства, свободы, благодати в смысле мира, социальной справедливости, христианского терпения, любви к ближнему и т. д.). Они

для Кулиева не были умозрительной абстрактностью, когда он писал стихи о Гамлете, Бетховене, Гарсиа Лорке, Шопене, русском композиторе Георгии Свиридове, Индире Ганди, или когда обращался к легендарному Орфею, Омару Хайяму и поэтам XX в., а также жертвам Освенцима и Хиросимы («Гамлет», «Бетховен», «Реквием Гарсиа Лорке», «Играют Шопена», «Мы слушали музыку», «Черный день над развалинами Хиросимы», «В Пражском гетто», «Орфей», «Говорю Омару Хайяму», «Поэтам двадцатого века», «Поэтам Грузии» и т. д.). Национальное творческое сознание Кулиева не сопротивлялось художественной европеизации и восточным идеалам. Балкарский поэт из Чегема вбирал в себя нравственно-этические принципы Евразии, поэтому, говоря его же словами, «... все дороги, все тропы земли... все прошли через сердце поэта». В одном из своих философских стихотворений «Время» (1962) Кулиев уверенно утверждал:

Что б ни было, о Время, — как Казбек
Ты нам вершинами сияешь всеми.
Как с лесом дерево слилось навек,
Так я навек с тобою слился, Время! [4]

(Перевод С. Липкина)

Мысль та же, что и в «Памятнике» Горация, Державина, Пушкина... Кайсын Кулиев смотрел на себя, как на поэта, произведения которого не будут забыты и найдут свое место в пространственно-временной структуре мира. Кулиев был в этом уверен, как и в бессмертии своего предшественника Кязима Мечиева, поэтические традиции которого он обогатил и завершил. Это были два пласта балкарской поэтической культуры. Оба поэта были сближены острым чувством трагической ответственности за судьбу балкарского народа и прозорливо наметили пути духовного развития горцев.

На высокую землю Кязима
Я смотрю и шепчу его имя, —

писал Кулиев в поэме «Безенги» (1972) и желал своим соотечественникам только добра.

Пусть не рушатся больше во мгле
Теплый камень жилья, пусть бедою
Не закружится вихрь над грядкою,
Где народ мой, вовеки живой,
Видит солнце над головой!
Живы, все с ним на свете деля,
Этот камень и эта земля! [5]

(Перевод Д. Долинского)

В предисловии к этому тому «Пространство поэта» Чингиз Айтматов правильно подметил пространственные и временные параметры поэзии Кулиева. В своем безмерном ходе поэзия Кулиева не знала границ и его душевная энергия возносилась в бесконечную высь и прославляла человеческую личность и нетленные ценности жизни. Так, в этой поэме Кулиев воспел горы и аул Безенги, безенгийцев, живших до него, овцевода Салиха Аттоева, стариков и школьников Безенги и даже осликов и мулов, на которых в детстве скакал, а мнилось ему — «На скакуне взлетал на гору». Айтматов писал в этом предисловии о том, что чувство мира шло от врожденной любви к «малой родине», «к Чегему, через который благодаря Кайсыну ныне пролегает одна из дорог современной мировой поэзии. Расцветая, являя в своем мыслительном порыве идею всеобщности, чувство мира выводит дух человеческий на просторы вселенной, к звездам — в пространство поэзии и мечты, где человек подобен птице. Неслучайно последняя книга Кулиева называется «Человек. Птица. Дерево». Сам поэт не терзался загадкой земного существования и зримо представлял, что его «чувство мира» не может быть равнодушным к страданиям людей, к какой бы нации они ни принадлежали.

.

Я думаю про все пути-дороги,
Когда пою тропу в родном краю,
И кланяюсь всем матерям я в ноги,
Когда о матери своей пою.

(Перевод Н. Гребнева)

Это стихотворение называется «Свой дом я вспоминаю часто очень...» (1965) и оно может быть подтверждением

ем тому, о чем говорил Чингиз Айтматов – о чувстве мира в поэзии Кулиева.

Кайсын Кулиев жил в трагическом XX в. В конце его он не увидел изменения форм общественной и политической жизни, развала сверхдержавы и других драматических катаклизмов в своем Отечестве. Кто-то другой художественно осмыслит события постсоветского периода. Кулиев – поэт советской эпохи, длившейся 70 лет. Он, как поэты «золотого и серебряного веков», сумел в период социальных преобразований, когда шло переосмысление прежних ценностей, увидеть в глубинах жизни светлое начало и воспеть Человека-творца. Его трагические и оптимистические мотивы за внешней реальностью раскрывали высший смысл бытия, нетленные духовные ценности и веру в гармоническое слияние человеческого начала с прекрасным миром природы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кулиев К.* Собрание сочинений. В 3 т. Т. 3. М., 1987. С. 216.
2. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 1. С. 26.
3. *Кулиев К.* Собрание сочинений. В 3 т. Т. 1. М., 1987. С. 336.
4. Там же. Т. 2. М., 1977. С. 58.
5. Там же. Т. 1. М., 1987. С. 385.

С. И. Эфендиев, И. С. Жетишева

КАЙСЫН КУЛИЕВ В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ, ЖИВОПИСИ И ГРАФИКЕ

Выступление на региональной научно-практической конференции «Изобразительное и декоративно-прикладное искусство народов Северного Кавказа: история, теория, педагогическая практика» 18–21 октября 2000 г. в г. Карачаевске: КЧГПУ.

В создании неповторимого образа Кайсына Кулиева, запечатленного в граните памятников и в его портретах, принимали активное участие многие художники, такие,

как Михаил Тхакумашев, Хамзат Крымшамхалов, Александр Дурнев, Виктор Абаев, Руслан Хажуев, Александр Глуховцев, Герман Паштов, Виктор Орленко, Валерий Курданов, Суратхан Байрамукова, Владимир Баккуев, Борис Гуданаев и сын поэта Азамат Кулиев.

Народный поэт Кабардино-Балкарии, лауреат Ленинской и Государственной премий СССР и РСФСР К. Ш. Кулиев навечно остался в памяти людей, потому что он представлял собой художественное выражение почти целой эпохи XX в., когда совершилась Октябрьская революция, произошли трагические события Второй мировой войны и памятная дата Великой Победы 9 мая, многочисленные репрессии народов России, взлет и падение национальной духовной культуры.

Первым автором памятника К. Ш. Кулиеву, который установлен на могиле поэта в усадьбе Дома-музея в поселке Чегем I, был М. Х. Тхакумашев, талантливый скульптор, заслуженный деятель искусств Кабардино-Балкарии, заслуженный художник Российской Федерации. Над этим памятником он работал два года. Памятник был сделан из белого мрамора и установлен 4 июня 1987 года, то есть через два года после смерти поэта, именно в тот день, когда перестало биться его неутомимое сердце. Памятник удачно вписался в интерьер усадьбы Дома-музея.

Творческий замысел скульптора М. Тхакумашева глубоко отразил внутренний мир поэта-мыслителя. Вся фигура поэта и его задумчивый взгляд помогают посетителям музея вспомнить его поэтические строки и по-новому увидеть, казалось бы, давно знакомое и привычное, близкое и дорогое:

Друзья мои, родня –
Ткачи и хлеборобы,
Учили вы меня
На мир глядеть без злобы.
Тем не желать невзгод,
Не посылать проклятий,
Кто мыслит и живет
Вразрез с моим понятием.
Учили добрым быть,
Не говорить лукаво.

И, прежде чем судить,
Знать, что имею право.

(Перевод Н. Гребнева)

Поэт гордо выступает из скалы. Сама часть скалы — это красивая голова, грудь, плечо. Для творчества М. Х. Тхакумашева характерно обобщение образа, с сохранением самых выразительных черт того, кого он увековечивал. В работе над этим памятником скульптор создал несколько эскизов в материале, добываясь воплощения замысла. Монументальности и особой элегантности удалось достичь в памятнике из мрамора.

Память, высеченная в граните и в поэтических строках, заставляет думать о прошлом и настоящем, о том, что близко и дорого в духовной культуре балкарского народа. Систематически в год два раза общественность республики отмечает день рождения и дату смерти своего прославленного сына, чье творчество получило мировое признание в области художественной культуры. В этих мероприятиях активно участвует творческая интеллигенция, студенчество вузов, учителя и учащиеся городских и сельских школ Кабардино-Балкарии. Традиционно в этих торжествах первыми выступают и читают стихи ученики начальных классов из селения Эль-Тюбе, где родился Кайсын Кулиев. Когда они читают его бессмертные стихи, то, кажется, их слушают не только все присутствующие, но и сам поэт, воплощенный в увеличенной фигуре из белого мрамора. Так благодарные потомки отдают глубокую дань уважения великому сыну гор Кавказа из Чегемского ущелья.

Дело не только в материале, из которого сделаны памятники, портреты или мемориальные доски, — высечены ли они в мраморе, граните, отлиты ли в бронзе, отчеканены в металле или сделаны портреты из дерева. Важно другое, а именно: стремление людей сохранить на века благодарную память о замечательном горском поэте XX в., сумевшем отразить духовную жизнь своих земляков, их национальный характер и внести достойный вклад в художественную культуру России. Этими, вероятно, чувствами и стремлениями руководствовался заслуженный художник Кабардино-Балкарии Х. Б. Крымшамхалов, когда он стал работать над портретами Кайсына Кулие-

ва. Первый портрет в бронзе им сделан в 1975 году, а второй портрет – из мрамора – в 1976 году. Это были особые, неповторимые страницы в художественной культуре кабардинцев и балкарцев, занявшие почетное место в изобразительном искусстве Кабардино-Балкарии. В этих замечательных, первых портретах, выполненных с большим профессиональным мастерством, посетителей выставок Музея изобразительных искусств, что находится на проспекте Ленина в городе Нальчике, поражает моральный облик поэта, исполненный внутренней духовной силы, решимости и благородства. Задумчивый взгляд поэта устремлен в будущее. Крымшамхалов был близким другом поэта, хорошо знал его нелегкий жизненный путь и был уверен, что слова, сказанные поэтом, отражают правду жизни:

Непрям и труден был мой путь,
И я теперь прошу, как милость,
Чтоб не пришлось кому-нибудь
То пережить, что мне случилось.
Чтоб не запахло вдруг войной,
Чтоб без надежды и без хлеба
Мой не остался край родной
Иль край, где я ни разу не был.

(Перевод Н. Гребнева)

Когда проводили с 22 по 24 ноября 2001 г. региональную научную конференцию «У. Б. Алиев – ученый, поэт, педагог» в Черкесске, то участников конференций возили в Теберду с той целью, чтобы они посетили музей имени Ислама Папаевича Крымшамхалова (1864–1910 гг.), крупного общественно-политического деятеля Карачая XIX в., известного художника и поэта.

Рано лишившись матери, Ислам воспитывался в семье дяди, известного просветителя Балкарии Исмаила Урусбиева. Здесь в Приэльбрусье он изучал арабский и русский языки, познакомился с произведениями восточной и русской классической литературы.

На формирование будущего талантливого художника большое влияние оказывал Исмаил Урусбиев. Он имел богатую библиотеку, где было много книг по литературе, языку, об искусстве и естественным наукам. В то время

И. Урусбиев был самым широко образованным человеком среди балкарцев. Он дружил с М. А. Балакиревым, С. И. Танеевым, И. М. Ковалевским, И. В. Мушкетовым и другими известными деятелями культуры и науки России и Западной Европы. Все путешественники и ученые, которые посещали Баксанское ущелье (Приэльбрусье) останавливались у Исмаила Урусбиева. У него была гостиная для кунаков.

Знакомство с известными людьми XIX в. и близкое общение с ними оказали плодотворное влияние на молодого Ислама. Долгие годы Ислам Крымшамхалов дружил с художником Н. Ярошенко и осетинским поэтом К. Хетагуровым.

В этом музее участники этого научного форума увидели этюд, на котором изображен Кайсын Кулиев. Автором этой картины является Хамзат Баксанукович Крымшамхалов близкий родственник Ислама Папаевича.

Х. Б. Крымшамхалов передал в этот музей свои многие графические картины, в том числе и этюд о Кайсыне Кулиеве. Художник решил запечатлеть на своей картине поэта Кулиева как мыслителя-гуманиста, сидящего на выступе скалы в глубоком раздумье. Его задумчивый взгляд устремлен на северо-запад. Правая рука покоится на груди, а левая опущена на колено. Вся фигура поэта выражает покой, гармонию созвучия с природой бытия. Этюд сделан из гипса черного цвета.

Директор музея рассказывала, что Кайсын Кулиев был в Теберде много раз и всегда посещал этот музей, интересуясь его историей и выставкой картин. Поэт с восхищением говорил о пейзажных картинах различных художников и об удивительной красоте природы Домбая и Теберды.

Известные художники кисти почитали за честь, если получали согласие поэта позировать им и создавать о нем индивидуальные или групповые портреты. У Кайсына Кулиева было много друзей, собратьев по перу, и это тоже хорошо знали художники-современники поэта. Так, художник Александр Дурнев написал серию картин «Поэты гор». На одной из них изображен групповой портрет трех известных личностей в истории балкарской культуры: Кязима Мечиева, Кайсына Кулиева и Танзили Зумакуловой. Картина сама по себе символична: она о по-

этических традициях. Кайсын Кулиев и Танзиля Зумакулова – талантливые ученики основоположника и классика балкарской литературы Кязима Мечиева, продолжатели его литературных традиций. А. П. Дурнев на протяжении своего творческого пути работал больше всего над образом поэта К. Ш. Кулиева. В результате неустанных поисков талантливый художник умело воссоздал в граните духовный мир поэта в одной из работ 1969 года. Этот оригинальный портрет экспонировался на выставке работ «Советский Юг – 69». Посетители выставки высоко оценили работу художника. Об этом свидетельствовали многочисленные записи в «Книге музея». И после смерти поэта художник А. Дурнев продолжал свои творческие поиски: он создал очень интересный, самобытный портрет К. Ш. Кулиева по дереву. Эти портреты хранятся в национальном республиканском краеведческом музее и в личных работах художника.

Вошедший в художественную культуру и изобразительное искусство республики в 60-е – 70-е годы XX в., Кайсын Кулиев своей личностью и многогранным талантом заинтересовал многих художников кисти. Одним из таких был Абаев Виктор Магомедович, народный художник Кабардино-Балкарии, 1935 года рождения, член Союза художников СССР с 1974 года. В 1956 году он окончил Свердловское художественное училище, а в 1962 – Тбилисскую академию художеств. С 1992 года – В. Абаев стал председателем Правления СХ Кабардино-Балкарии. Он постоянно работал как бы над единым циклом произведений о духовной культуре народов Кабардино-Балкарии, над тем, чем жил его народ, над сложными композиционными портретами людей, близких ему по духу, культуре, менталитету – Кайсына Кулиева, Юрия Темирканова, Гида Бжеумыхова, Анны Кузнецовой и многих других. Живописец-колорист В. Абаев – один из известных художников на Северном Кавказе и его первые творческие замыслы, воплотившиеся в живописных холстах «Поэты гор», приобрели известность на выставках Юга России, российских и всесоюзных. Его картины были показаны в более 20 выставках, во многих городах Северного Кавказа, Москвы, Ленинграда, а также в Монголии, Иордании и в Париже. Особенный интерес вызывает картина о трех выдающихся поэтах – К. Кулиеве,

А. Кешокове и Р. Гамзатове. Высокий профессионализм, острое чувство причастности к национальной гордости и славе этих художников слова позволили создать неповторимую по композиции картину с учетом горского этикета и возрастных особенностей поэтов, друживших всю жизнь. Виктор Магомедович не раз цитировал стихи Алима Кешокова, обращенные к Кулиеву:

И подняла одна тревога
Нас одного с тобой числа
Одна жестокая дорога
В одно сражение увела.
И как назначено судьбою,
Мы горской песни два крыла
И одного ружья с тобою
Два неразлучные ствола.

Знал он о том, что Кулиев и Кешоков – поэты-фронтовики, работали вместе во время Великой Отечественной войны корреспондентами армейских газет, а потом дружили до конца дней Кайсына Шуваевича. Они были почти ровесниками, три года разницы в возрасте не ощущались. Эмоциональный мир трех прославленных горских поэтов художник Виктор Абаев глубоко ощущал, когда садился работать над картиной, и помнил слова Расула Гамзатова о «мукe молчания»:

Помню:
на сердце камень один
Мы носили, покуда в разлуке
Был с Кавказом Кулиев Кайсын,
Переживший молчания муки...

Групповой портрет В. Абаева «Поэты гор» прост и ясен по композиции, спокоен и красив по колориту. Образы сидящих за столом К. Кулиева, А. Кешокова и Р. Гамзатова – гордые, суровые и прекрасные. Они поднимают тост в честь их многолетней дружбы и за расцвет культуры народов.

Каждое стихотворение Кулиева настолько глубоко, что дает представление о личности автора: горячем темпераменте горца, мягкой задумчивости мудрого человека, его глубоких чувствах. Галерея портретов поэта включа-

ет в себя работы живописцев, скульпторов, мастеров рисунка: М. Тхакумашева, Б. Абаева, Р. Хажуева, В. Баккуева, Б. Гуданаева, В. Курданова, как маститых, так и молодых. Они знали Кулиева лично, дружили с ним, общались. Некоторые настолько прониклись духом его поэзии, что смогли безошибочно передать главное, что составляло его сущность. Все работы выполнены в реалистической манере, в соответствии с характером творчества К. Кулиева.

В живописных портретах К. Кулиева выражена вся душа его поэзии. Так, в одном из известных портретов Виктора Абаева мы видим цветущие весенние горы, земля вся в голубых и розовых тонах, стоящий на пригорке олененок и сидящая в белом скромная фигура поэта Кулиева. Он босой, без головного убора и руки скрещены на груди. Поэт изображен в левой части композиции и удачно вписывается в пробуждавшуюся весеннюю природу. Поэт – органическая часть ее. Колорит и построение полотна оригинальные, краски очень нежные, мягкие, изысканные.

Много работал над образом Кулиева, над выразительными средствами картин художник В. Баккуев, и он всегда находил что-то необычайное, интересное и характерное. В одном из портретов В. Баккуева показана близость Кулиева к жизни, обычаям, укладу родного народа. Картина выражена в цветовом решении, характерном для цветовой гаммы балкарских кийизов (для войлочных ковров старинной работы горянок-мастериц). Поэт Кулиев на этом портрете смотрит прямо на зрителя, лицо как бы выступает на ярком декоративном фоне. В основу картины, по словам художника, легло стихотворение Кулиева «Мир и радость вам, живущие!» (1971).

Интересной работой В. Баккуева является и портрет-картина К. Кулиева с луной. Здесь по восточной традиции поэт показан в каком-то нереальном, романтическом мире, погруженном в светло-голубые тона. Поэт изображен на фоне ночного неба с луной и бегущими таинственными облаками. Перед ним простираются степные просторы и множество сел, перистыми облаками, покрывшими все небо и сливающимися с горизонтом. Бескрайняя степь покрыта множеством половецких юрт. Сюжет этой картины навеян художнику циклом стихов Кулиева

«Половецкая луна». «Эти юрты,— говорил художник Баккуев автору этих строк,— уходят в небо, сливаются с ним и ничего не оставляют на земле. Это как у Кулиева:

Отвечайте мне, предки, чем память жива,
Где плоды ваших рук, торжество урожая
И каких откровений высоких слова
Вы оставили миру, столетья сближая?

Где он, вашим стараньем построенный кров?
Где они, мастеров и строителей вежи?
Или только одна лишь пролитая кровь
На косматом пожарище ради утех?

(Перевод М. Дудина)

Кулиев видел этот портрет-картину и остался доволен тем, как молодой художник, сын учителя Каншау Барисбиевича подошел к художественному раскрытию замысла цикла стихов «Половецкая луна». Когда Кайсын учился в школе в Нижнем Чегеме, К. Б. Баккуев был директором этой школы. Повзрослев, Кулиев его навещал и «они долго беседовали,— вспоминал Владимир Баккуев.— Я хорошо знал их добрые и теплые отношения. Но я стеснялся просить Кайсына Шуваевича, чтобы он позировал мне. Я всегда желал написать его портрет. Поэтому мне позже пришлось создать наброски графического портрета поэта. И сделал я это от души, так как я много раз общался с великим поэтом и хорошо его знал». Художник создал три графических портрета Кулиева уже после его смерти. Один из них известный эскиз к портрету — крупным планом изображена голова поэта-мыслителя. Кулиев пристально смотрит и его взгляд проникает в душу зрителя. Второй графический портрет напоминает известную фотографию, на которой поэт стоит в весеннем лесу Подмосковья. На голове у него черный бархатный берет, шея обмотана шелковым разноцветным кашне, красивое серое пальто. Художник, объясняя свой замысел, говорил: «Я хотел показать вхождение поэта своими произведениями не только в европейскую культуру, но и в стиль моды конца 70-х годов». В 1993 году В. Баккуев снова обратился к образу поэта и создал третий графический портрет Кулиева в

том же почти берете, но несколько другой формы. Он в пальто серого цвета, воротник которого высоко поднят. На нем теплое кашне. И снова в центре внимания художника были глаза поэта, широко раскрытые, они излучали свет и добро. Губы плотно сжаты. Не внешний облик привлекает внимание зрителя, а то внутреннее состояние души, которое написано на его крупном лице.

Рисунки-портреты Кулиева, сделанные В. Баккуевым, выполнены с большим профессиональным мастерством и глубоки по психологичности образа. В них выражена вся глубина и мудрость души поэта, его доброта и строгость, гуманность и непреклонность, глубокое понимание смысла жизни.

Писал портреты о Кулиеве художник Руслан Хажуев. Его известный портрет о поэте декоративен, ярок и перекликается с мотивами кийизов. Автор портрета подчеркивает композицией и колоритом яркий поэтический мир поэта и его родины.

Художник М. Горлов считает удачным портретом работу талантливого художника Валерия Курданова, рано ушедшего из жизни. Он создал два портрета. Один из них поражает своей оригинальностью: Кайсын Кулиев в летний жаркий день стоит в яблоневом саду у дерева, которое обсыпано спелыми красными яблоками. На голове поэта одета войлочная балкарская шляпа, от которой кажется исходят круги света. Это впечатление создает золотистый ободок. Поэт стоит в задумчивости, положив правую руку на подбородок. Кажется, что он в глубоком раздумье. И несмотря на то, что тона портрета светлые, солнечные, жизнелюбивые, все-таки во всей фигуре немолодого поэта преобладает какая-то грусть и предрешенность. Второй портрет тоже очень выразителен и характерен для кисти художника В. Курданова. Кулиев стоит почти в рост в парадном темно-синем костюме, в белой сорочке с голубым галстуком, почти под цвет костюма. Поэт как будто в движении, он устремлен вперед и его правая рука опущена, а левая держит борт костюма. Портрет нарисован на фоне родной природы: вдалеке идет к роднику молодая горянка с кувшином. Ее черные косы вьются по белому платью. Цветущее дерево с зеленой листвой на переднем плане картины, почти рядом с поэтом. Но романтически-жизнелюбивый

фон никак не вписывается в драматический облик поэта Кулиева, взгляд которого исполнен страдания, и две резкие складки на лбу это усиливают. Раздумья его нерадостны. Эти два портрета В. Курданова передают внутренний мир поэта его последних лет жизни.

Очень интересные, самобытные работы Бориса Гуданова. Он создал три портрета Кайсына Кулиева. Два портрета отображают душевное состояние поэта в начале 80-х годов, а один портрет художник создавал в конце 60-х – начале 70-х годов. Все три – прекрасные работы. Особенно поражает портрет Кулиева, написанный на фоне его родного селения. На переднем плане картины изображена его массивная голова на фоне светло-голубого неба. За его плечами находятся белоснежные горы, отличающиеся синевой и розоватым цветом, и коричневые склоны. У их подножия видны старинные сторожевые башни. Поэт одет в темноватую с полосками рубашку. Лицо освещено лучами солнца, оно выразительно. На зрителя смотрит грустный, строгий взгляд умных глаз. В них скорбь и понимание трагического в жизни людей.

Простор и красота родных мест, изображенных на картине, – это как символы поэтического творчества Кулиева.

На другом портрете Кулиев изображен тоже в пожилом возрасте, в сероватых красках, только лишь виден воротник белой сорочки в разноцветную полоску. На нем теплый серый свитер. Поэт сидит, грустно наклонив голову, взгляд почти опущен. Руки сцеплены, они нарисованы крупным планом, как и вся фигура поэта, заполняющая комнату. Он дома, у себя в Чегеме, но это не чувствуется. Кажется он присел только для того, чтобы его об этом очень просил художник. Весь портрет и внешний облик поэта кажется создан по стихотворению «Руки горца».

Мгла над желтой чинарой,
Над осенней листвою,
Горец, труженик старый,
Покачал головой.

Сел он, седовласый,
Чуть сощутив зрачки,

Положил он на посох
Две дрожащих руки.

Руки горца, знавали
Вы счастливей деньки,
Серый камень тесали,
Закаляли клинки.

.
Разгребали во вьюгу
С гор скатившийся снег,
Подвигали вы другу
Свой последний чурек.

Никогда не ленились,
Не жалели щедрот,
А теперь опустились,
Кто вас в том упрекнет?

(Перевод Н. Гребнева)

Есть и еще один портрет Кулиева кисти художника Бориса Гуданаева, когда поэт был еще физически сильным, зрелым мужчиной, в нем бурлила молодая сила, и его кипящий ум и могучий интеллект были целенаправлены в достижении поставленной цели. На портрете изображен именно поэт-философ, мыслитель-гуманист XX в., олицетворявший собой балкарский народ, его менталитет и духовное начало. Именно таким его видели друзья за работой или в Кремле, в зале заседаний в качестве депутата, слуги народа, тщательно одетым в серый костюм и белую сорочку, при галстуке.

Почти все художники Кабардино-Балкарии старшего и молодого поколения обращались к созданию образа Кайсына Кулиева. Одним из таких был Аккизов Якуб Алиевич, большой мастер литографии, свободно владеющий пространством графических рисунков. Он был участником многих выставок. Якуб Аккизов уроженец Нижнего Чегема. Кайсына Кулиева он знал лично и они не раз общались как земляки. Уже после смерти поэта, в 90-е годы художник подготовил графические рисунки для издания книги К. Кулиева «Твоя книга» («Сени китабынг»), подготовил макет книги. Читателя удивляет рисунок на стихотворение Кулиева «Женщина месит воз-

шедшее тесто...». В нем на переднем плане изображены руки женщины, большие, натруженные работой. Второй рисунок другой – на фоне селения Верхнего Чегема, где виднеется его дом и старинная бойница-башня, изображен поэт. Рядом с поэтом видна величественная стена гор. Третий рисунок создан на стихи «Черный конь умирает на белом снегу» (1964). Это трогательная, потрясающая графическая картина: на фоне белого снега погибает черный конь, который поднял в последний раз голову с красивой гривой, как бы прощаясь с необозримым горизонтом. Из его стекленеющих глаз стекает на белый снег горькая слеза.

Черный конь погибает
От жилья вдалеке,
И слеза застывает
На печальном зрачке.

Сил своих он для дела
Никогда не жалел.
К цели мчаться умел он,
А петлять не умел.

Снег на склоны сползает,
Увядают цветы.
Черный конь погибает.
Жаль такой красоты...

(Перевод Н. Гребнева)

Четвертый рисунок создан по стихотворениям Кулиева «Старик, взрастивший сад трудом своим...», «Старики» («Сидят два седовласых старика...»), «Старики и вечер» («Тучи черны, как дно котла...»), «Старик крестьянин подводил итог...», «Старость!» («Нет, старость, горше участи твоей...»), «Старуха сидит на камне» («Сидит на камне древняя старуха...»), «Старый часовщик» («Слышит часовщик привычный звук...»), «Старым горским мастерам». В них горькая печаль о том, что жизнь и молодость прошли так скоротечно и воспоминания о том, что было радостным и что составляло их счастье и мечты.

Сидят два седовласых старика,
Все далеко от них, лишь смерть близка.

.
Молчат. Кто может старикам помочь?
Конца дороги ближе только ночь.

А в южном небе южная звезда
Горит, как в молодые их года!..

(Перевод Н. Гребнева)

Мотив старости и сопутствующие ей горечи и потери прошли в рисунке «Старики-балкарцы», на которой старики погружены в свои невеселые раздумья о жизни и смерти.

Графический рисунок Я. Аккизова «Белая песня» отражает внутренний мир матерей, которые поют колыбельные песни младенцам и оберегают их покой. На картине изображена колыбель и в ней лежащий ребенок. Это на переднем крае, а вдалеке – воющие волки. Это символика о трудностях жизни и бедах, которые преследуют людей почти с колыбели. Но мать спокойна и поет свою колыбельную песню. Все это изображено на фоне села Верхний Чегем и сторожевой башни. Они тоже являются основой покоя ее ребенка, надежду и опору старости.

Не менее интересной по композиции является картина в графике «Женщина купается в реке», созданная по одноименному стихотворению Кайсына Кулиева. В ней Я. Аккизов постарался быть близким к содержанию этого произведения поэта. Изображена река, вдоль нее высокие деревья. Крупным планом дана молодая женщина, которая купается в реке. Она освещена лучами солнца. Все гармонично: она и природа – это единая часть спокойствия и красоты, мира и тишины, счастья и радости на земле.

Женщина купается в реке,
Солнце замирает вдалеке,
Нежно положив на плече ей
Руки золотых своих лучей.

.
Плещется купальщица в воде,
Нету зла, и смерти нет нигде.

В мире нет ни вьюги, ни зимы,
Нет тюрьмы на свете, нет сумы,
Войн ни на одном материке...
Женщина купается в реке.

(Перевод Н. Гребнева)

Следующая его графическая картина создана по замыслу книги Кулиева «Раненый камень». На нем изображено село Верхний Чегем и зритель видит его в перевернутом изображении. В середине села стоит женщина, а на краю села – художник, автор этого графического изображения Якуб Аккизов. Он в творческом порыве изображает трагедию людей, их душевное состояние во время выселения из отчего края.

«Как хорошо лежать на траве и теплой земле в весеннем лесу и безмятежно думать обо всем приятном!» – это лейтмотив картины Я. Аккизова, созданной в 90-е годы. На переднем плане картины свободно раскинувшись лежит молодой мужчина. Это сам художник Аккизов. Он видит счастливый сон, о чем он мечтал наяву. На склоне горизонта горы видна женщина его идеала. Этот графический рисунок тоже по мотивам стихотворений Кайсына Кулиева, посвященных женщинам. Это такие известные стихотворения, как «Женщинам» («Вы – скорбь ночей, войной сожженных...»), «Женщинам, которых я любил...», «Женщинам, которые любили меня», «Женщинам, которых я не знаю», «Женщины, я ль не страдал от вас...» и др.

Последний рисунок в макете книги Кулиева «Сени китабынг» («Твоя книга») назван «Музыка лирическая», в котором, по замыслу художника, поэзия Кайсына Кулиева – это настоящая музыка, которая волнует людей и очищает их души. Вспоминаются слова известного критика XIX в. Т. Карлейля: «Мы называем поэзию музыкальной мыслью. Поэт тот, кто мыслит таким образом. Взятое в основе все зависит от силы духа: правда и глубина взгляда делают поэта поэтом. Всмотрись только глубоко и ты мелодически улавливаешь, что внутренней сущностью природы всюду является музыка, надо только уметь достичь ее...» [1]

Якуб Аккизов оставил своим землякам очень интересные графические рисунки по мотивам произведений

Кайсына Кулиева. К горькому сожалению, художник не смог осуществить свои мечты: он преждевременно ушел из жизни. А книга, подготовленная в макете с его уникальными рисунками, до сих пор не издана. Я. А. Аккизов был талантливым живописцем и графиком.

Оставил память о Кайсыне Кулиеве в изобразительном искусстве в графике и один из старейших художников Кабардино-Балкарии Александр Ерофеевич Глуховцев. Он создал интересный портрет К. Кулиева в грузинском колпачке, а также сделал иллюстрации к книге «Горская поэма о Ленине» и гравюры на дереве.

Талантливый художник Герман Паштов оформлял сборник стихов А. Кешокова и К. Кулиева «Горской песни два крыла» (Нальчик, 1974). За художественное оформление этой книги он был удостоен Диплома второй степени на Всероссийском конкурсе «Искусство книги» в 1975 году. Кроме того Г. Паштов создал портрет Кайсына Кулиева, иллюстрации к его стихам и экслибрис, то есть книжный знак поэта, получивший всесоюзное признание. Так, один из почитателей таланта Кулиева писал: «...В газете «Книжное обозрение» 14 октября был опубликован Ваш экслибрис. Очень бы хотелось иметь его в своей коллекции. Если Вам не очень трудно, то пришлите мне. Ваш адрес мне дал Даниил Далинский» (Там же, оп. 7, ед. хр. 65, л. 57) [2]. Книжная графика Г. Паштова получила широкое признание и высокую оценку у многих ценителей искусства. Так, Алим Кешоков писал о нем: «Приятно, что у нашего народа духовная культура стала светиться новыми гранями, которые не были известны до сих пор» [3].

Герман Паштов в 2000 году был награжден золотой медалью, учрежденной творческими Союзами России для деятелей культуры и искусства, принимавших активное участие в подготовке к празднованию 200-летнего юбилея А. С. Пушкина. Это вторая награда, которой отмечен результат его десятилетней работы над иллюстрациями по произведениям Пушкина, завершившейся в 1999 году выходом в свет книги, изданной в Санкт-Петербурге.

Долгие годы связывала дружба Кайсына Кулиева с талантливым художником М. М. Герасимовым. Поэт не забыл этого замечательного художника, который будучи больным, держал на своем столике стихи Кайсына, так

как находил в них успокоение. Когда его не стало, Кулиев написал стихотворение «Откуда все мой друг узнал — Бог весть...» (1971), посвященное памяти М. М. Герасимова. В этом стихотворении Кулиев благодарил художника за то, что поэтическое слово стало утешением для больного:

.
Земное завершая бытие,
Известный человек в своем народе
В свой смертный час просил читать мое
Стихотворенье в русском переводе.
Кто я такой?
Лишь автор слов и фраз,
Хвала не моему стихотворенью,
Я кланяюсь тому, кто в смертный час
Чужому слову внял, как утешенью [4].

(Перевод Н. Гребнева)

Художник Руслан Хажуев нарисовал на фоне гор монументальный портрет Кайсына Кулиева. Эта картина имеет большое философско-эстетическое значение. В ней воедино воплощены личность поэта и его любимые горы. Взгляд поэта отражает любовь к своей этнической колыбели, родному очагу. Картина олицетворяет родину и родной край, все то, что дорого человеку от рождения до конца его жизни. И те, кто смотрит на картину Р. Хажуева, вспоминают слова поэта:

У человека должен быть свой дом,
Свой берег, и на берегу крутом
Свой тополь, дуб или чинар зеленый,
Свой край родной и в том краю родном
Свой вечный снег вдали на белых склонах.

У человека должен быть свой дом,
Свой отчий двор, свой мир в краю родном.
Жить человек не может по-другому.
Пусть человек всегда живет в тепле:
В конце концов любовь ко всей земле
Берет исток в любви к родному дому.

(Перевод Н. Гребнева)

В центральном Госархиве КБР в фонде Кулиева есть много поздравительных писем от различных художников. Так, один из старейших художников Украины Борис Владимирович Самус из Крыма регулярно поздравлял Кайсына Шуваевича с праздниками и с Новыми Годом. Он присылал Кулиеву эскизы к сочинениям А. Пушкина, М. Лермонтова, Л. Толстого, С. Есенина и к мемуарно-исторической литературе. А также он присылал Кулиеву вырезки из газет, в которых говорилось о выставках картин Самуса. Вероятно, Борису Владимировичу хотелось узнать мнение поэта о его творчестве, которое получило широкое признание на Украине, а его картины часто экспонировались на областных и республиканских выставках.

К. Ш. Кулиев дружил со многими художниками Кабардино-Балкарии. Одним из них был известный художник Н. Н. Гусаченко. Поэт и художник часто встречались и в беседах делились своими мыслями о культуре и искусстве. Их часто видели вместе, когда они гуляли по парку. Жили они недалеко друг от друга, поздравляли друг друга с праздниками. В одном из поздравлений Н. Гусаченко писал: «Глубокоуважаемого, дорогого, любимого поэта Кайсына Шуваевича! Дорогую, милую Вашу супругу Маку Магомедовну, дорогих сыновей: сердечно поздравляю Вас с Новым Годом – 1979! От всей души желаю Вам отличного, крепкого здоровья, успехов во всех Ваших творческих делах, семейного благополучия, счастья в жизни. Пусть Новый Год принесет Вам много счастливых, радостных дней.

С искренним к Вам глубокоуважаемым приветом. Крепко Вас обнимаем и целуем. Семья Гусаченко. Нальчик, ул. Горького, 56, кв. 18.

Гусаченко Н. Н.» [5]

В другом письме художник Н. Гусаченко писал: «Глубокоуважаемый, дорогой, любимый наш поэт Кайсын Кулиев! Сообщаю Вам о том, что я буду праздновать свой исторический юбилей – 80-летие со дня рождения 12 июня 1973 года. Безгранично буду рад встретить Вас на своем торжестве.

С искренним и глубоким к Вам уважением. Крепко Вас обнимаю и целую.

Н. Гусаченко» [6]

В республиканской национальной библиотеке в краеведческом отделе долгое время находилась картина неизвестного художника, которая называется «Вершины». Ныне установлено, что эта картина кисти художника Константина Половицкого. Сотрудники краеведческого отдела утверждают, что она появилась после смерти К. Ш. Кулиева в конце 1985 года.

Алим Кешоков и Кайсын Кулиев стоят рядом на фоне двух вершин, покрытых снегом, а между поэтами и вершинами видно чуть отдаленное открытое пространство. На фоне величественной панорамы белоснежных вершин гор они смотрят вдаль в глубоком раздумье. У подножия левой вершины стоит Алим Кешоков, а у правой вершины — Кайсын Кулиев. «... У нас в поэзии, — сказал известный переводчик С. Липкин, — есть две вершины — Кайсын Кулиев и Алим Кешоков». Его слова отразили суть содержания картины, и то, что есть в реальной действительности — в поэзии Кабардино-Балкарии. Как известно, Эльбрус имеет две вершины.

Картина символизирует их полувековую поэтическую дружбу. Художник с большим мастерством сумел показать в красках родного пейзажа и в выражении лиц поэтов их духовную слитность и крепкую мужскую дружбу, проверенную годами войны и послевоенного времени.

Музыкальная поэзия нашла точное выражение в поэтических строках А. Кешокова, обращенных к К. Кулиеву в стихотворении «Чегемцы»:

Мы пили воду из Чегема
Ты наверху, а я внизу...

Художники из многих республик и городов Советского Союза обращались к Кулиеву с просьбой разрешить написать с него портрет. Так, в личном архиве Кулиева есть два интересных письма, которые написаны карачаевским художником Байрамуковой Суратхан Батталовой. Первое письмо датировано от 12 октября 1971 года. «Дорогой и глубокоуважаемый Кайсын! — писала она. — Мне необходимо извиниться перед Вами и Вашей женой за свое вторжение в Ваше уединение. Но кто откажется от такой возможности познакомиться с Вами и Вашей женой? Только утром я поняла, что была нетактична и,

не оставив адрес, ушла, хотя Вы дали мне слово позировать. Сделать удачный Ваш портрет — это большой для меня успех. Правда, это не просто. Я хочу попытаться, если Вы позволите. Напишите мне, когда и куда мне прийти, по адресу: г. Люберцы. ул. Калараш, д. 5, кв. 66.

Я буду в Люберцах в ноябре.

С уважением Суратхан» [7]

Не получив ответа от Кулиева, она через 10 дней снова написала письмо поэту. «Дорогой и глубокоуважаемый Кайсын,— писала Суратхан 22 октября 1971 года.— Говорят, не стоит Вам писать, если на письмо Вы не ответили. Тем не менее я Вам пишу. Вы меня очень сильно подвели. Я думала в апреле Ваш портрет закончить и отдать — отнести на выставку.

Жаль, что портрет не создан, и время ушло. Все дело в том, что желание написать Ваш портрет я долго вынашивала. И когда это желание не исполнилось, я заболела. Не могу других рисовать. Я ждала от Вас телеграммы 16 ноября, а Вы не прислали. А я жила в большом напряжении и готовила себя психологически писать Ваш портрет. После такого напряжения мне трудно настроить себя заниматься другой творческой работой, так как я — кандидат экономических наук и занимаюсь исследованием вопросов экономики. Я не всегда способна сразу писать портреты. Это не стихи.

Пожалуйста, напишите, когда Вы приедете в Москву. Мой телефон: 553-00-10, доб.: 24-53. Адрес: г. Люберцы Московской области — 140005, ул. Калараш, д. 5. кв. 66.

Суратхан Байрамукова».

По тону и содержанию второго письма Суратхан Байрамуковой можно предположить, что Кулиев не ответил на ее вторичное письмо, и желание художника не исполнилось. Мечта превратилась в иллюзию, в неисполненные грезы художницы. Можно понять и С. Байрамукову, которая упрекнула Кулиева, что работа художника сложнее, чем работа поэта. В ней говорила обида, когда она упрекала поэта, что он подвел ее. Кулиев ей ничего не обещал, не ответил ни письмом, ни телеграммой. По всей вероятности, что-то не понравилось поэту или, может быть, его занимали более важные дела, чем увековечивание себя в живописи. Да он и не знал, что художница решила отдать его портрет на выставку — какую и где? Обычно

Кулиев аккуратно отвечал на все письма сам, так как не имел никогда личного секретаря. Но так или иначе, нам неизвестно был ли создан портрет Кулиева или нет художником С. Байрамуковой. Пусть будущие исследователи не оставят без внимания эти вопросы важной проблемы «Кайсын Кулиев в изобразительном искусстве и живописи». Как сказал очень верно поэт: «Не пройденные мною перевалы другие покорят, придет пора...»

Пользуясь случаем, что на этой научно-практической конференции принимают участие люди, имеющие отношение к изобразительному искусству Северного Кавказа и России, мы бы хотели обратить внимание и на другой факт. В фонде Кайсына Кулиева, который мы хорошо изучили, есть два письма, написанные ленинградским художником Олегом Булкиным в 1974 году. В первом письме говорилось: «Кайсын Шуваевич, высылаю Вам фоторепродукции, выполненные мною. Надеюсь одну из них заполучить с Вашим автографом. Буду благодарен Вам не менее, чем Вы благодарны солнцу. Спасибо Вам за все.

С уважением

О л е г Б у л к и н

Второе письмо Кулиеву от него было озаглавлено так: «Письмо известному поэту от неизвестного художника». Оно было написано в стихах. Позволю себе процитировать его:

Спасибо, землянин, за «Книгу земли»,
За снег, за траву и опавшие листья...
За то, что был близок живущим вдаль
И дорог своим бескорыстием.

Спасибо за каждое слово из уст,
От доброго сердца идущие строчки...
Хотелось бы выучить их наизусть —
В уме удержат все от точки до точки.

Поэты последние точки не ставят —
И тысячи жизней не хватит Поэту!
Он все, что имеет, в наследство оставит,
Уйдя в мир иной, не покинет планету.

Не время, Кайсын, даже думать об этом.
Еще дней немало и зимних и летних!
Эльбрус — постамент для народных поэтов
От самого первого и до последних.

.
Нам солнце и Землю нельзя не любить,
Пропавшую кровью и потом.
И долго еще будут звезды светить,
Вечные вечным, земным поэтам.

И художники могут быть поэтами, как это характерно для Олега Булкина, выразившего свое уважение и почтение к Кайсыну Кулиеву через поэтическое слово. Не будем говорить о художественных достоинствах этого небольшого послания, адресованного Кулиеву, но мысль в нем верная: как звезды поэты вечны.

Многие художники предлагали свои услуги Кулиеву, чтобы написать его портрет. Они писали ему письма лично и через своих друзей. Так, Кулиев получил письмо из г. Ставрополя 12 мая 1972 года от Евгения Карпова, который писал: «Дорогой Кайсын! Тысячи тебе приветов от старого Карпова, любящего тебя. Податель этого письма, говоря канцелярским языком, — наш художник Герасим Керакозов. Он хороший художник, хороший парень. Герасим решил написать твой портрет. Думаю, это тебе не помешает, а что касается меня, то я горячо поддержал его намерение. Так что уж посиди немного, попозируй.

Обнимаю! Привет тебе от всей моей семьи» [8].

Наиболее яркие и запоминающиеся картины о Кайсыне Кулиеве создал его младший сын — Азамат Кулиев, окончивший Ленинградскую художественную академию.

Молодой художник Азамат Кулиев заявил о себе как мастер кисти в середине 90-х годов. Наиболее ярко результаты его творческих поисков воплотились в ряде работ, представленных на выставку в Турцию — Стамбул и Анкару, когда в 1997 году с 20-го по 25 декабря в Турции широко отмечали юбилей Кайсына Кулиева — 80-летие со дня рождения. К этой дате в Анкаре был издан на турецком языке сборник стихов Кулиева «Раненый камень». Его перевел на турецкий язык балкарец Каншауби Мезиев, который долгое время проживает в Турции. В Стамбул была послана по приглашению делегация в составе 16 человек: писатели, артисты, музыканты, ученые. Среди них был и сын поэта — Азамат Кулиев.

Его выставка картин в фойе исторического музея «Топ-Капы» г. Анкары привлекла всеобщее внимание, особен-

но серия картин об отце — Кайсыне Кулиеве. Здесь же в огромной зале музея был помещен большой портрет Кайсына Кулиева, созданный турецким художником по одной из фотографий. Этот облик поэта нам был хорошо знаком: в фотоискусстве Кулиев многократно запечатлен в центральной и местной печати 60–70-х годов.

Одну из картин о Кайсыне Кулиеве купил Президент Турции Сулейман Демирель. Она его восхитила неординарным композиционным решением эмоциональной жизни поэта, которую сумел передать Азамат в тончайших переливах цвета красок и их бесконечных оттенках. Музыкальная гармония светлых и теплых тонов на картинах художника Азамата Кулиева привлекла взоры и депутата Межлиса Намык Кемала Зейбека и представителя министерства культуры Турции карачаевки Ажак Хурият и многих других посетителей этой выставки.

Азамат Кулиев — художник нового поколения: конца XX в. и начала XXI. Он чутко уловил ритм эпох, начало нового, третьего, тысячелетия, то что может волновать весь мир, а не только одного человека.

Редактор издательства «Молодая гвардия» Л. Хотилевская писала Кулиеву: «Уважаемый Кайсын Шуваевич! Убедительно просим Вас познакомиться с кратким очерком о Вашем творчестве, который мы предполагаем включить в книгу альбом «Об авторах ваших книг». Эту книгу-альбом мы выпускаем для наших юных читателей.

Пожалуйста, внесите необходимые фактические исправления, уточните подписи под фотографиями.

Очень просим Вас не задерживать возвращения верстки в редакцию. Желаем Вам всего хорошего» [9]

Интересно и следующее письмо от издательства «Современник». В нем сообщалось: «Здравствуйте, Кайсын Шуваевич!

Ваши фотографии получены в целости и сохранности, их обилие и разнообразие просто привело всех в восторг. Ваше желание будет выполнено, ибо пойдут, очевидно, все. Разумеется, они будут пересняты, так что останутся невредимыми. Примерно через месяц вы получите их назад.

Пожалуйста, извините за медлительность с ответом — суета. Поздравляю вас с Днем Победы.

М. Попов» [10].

Нашли свой путь в искусстве художники Виктор Орленко, Валерий Курданов и Владимир Кривенко, картины которых выражают сложный духовный мир людей, их исканий и тревог. Так, Владимир Кривенко создал привлекательную панораму: на фоне белоснежных вершин гор парит орел. Ими любуется, стоя на возвышенности одинокая фигура, скрестив на груди руки. Задумчивая поза и взгляд, устремленный к горам и свободолюбивой птице. Черно-белый цвет – это особое цветовое решение, а именно: для природного кавказского мотива. Человек. Горы. Орел. «Кавказ подо мною. Стою в вышине...» Знакомое хрестоматийное пушкинское. Или до боли родные кулиевские строки о горах:

Вы были мне мерилом красоты
И утешали в горе и печали.
Глаза в разлуке делались пусты,
Как без любви. А с вами – оживали.

О горы, шапка ваша высока,
Но в унижение греет нас от веку.
Над нами проплывают облака,
Как золотые караваны в Мекку.

(Перевод О. Чухонцева)

Эта картина художника В. Кривенко удачно иллюстрирует воспоминания известного поэта и переводчика стихов Кайсына Кулиева – Диниила Марковича Долинского, выступившего на страницах «Южной звезды» в новом качестве – автора мемуарной прозы. В свою очередь «ЛГ» познакомила читателя России с главой из его книги «Место на сцене» – «Незабвенный Кайсын» [11].

ЛИТЕРАТУРА

1. Карлейль Т. Герои и героическое в истории. Санкт-Петербург, 1891. С. 116.
2. ЦГА КБР, ф. 852, оп. 7, ед. хр. 65, л. 57.
3. Токарев А. Герман Паштов. Нальчик, 1981. С. 18.
4. Кулиев К. Собрание сочинений. В 3 т. Т. 2. М., 1987. С. 141.
5. ЦГА КБР, ф. 852, оп. 6, ед. хр. 32, л. 50.
6. Там же, оп. 2, ед. хр. 231, л. 161.
7. Там же, оп. 3, ед. хр. 14, л. 1
8. Там же, оп. 3, ед. хр. 15, л. 1

9. ЦГА КБР, ф. 852, оп. 2, ед. хр. 183, л. 7.
10. Там же, л. 17.
11. Литературная газета. 2000. 16–22 февр. С. 14.

**ХУДОЖНИКИ, КОТОРЫЕ РАБОТАЛИ
НАД ОФОРМЛЕНИЕМ КНИГ К. Ш. КУЛИЕВА
В МЕСТНОМ И ЦЕНТРАЛЬНОМ ИЗДАТЕЛЬСТВАХ**

На балкарском языке

1. Избранное. В 2 т. Нальчик, 1958. Под редакцией Ж. Залиханова. Художник не указан.
2. Жангы китаб (Новая книга). Нальчик, 1961. Художник В. Овчинников.
3. Жаралы таш (Раненый камень). Нальчик, 1965. Художник В. Овчинников.
4. Юйюнге игилик (Мир дому твоему). Нальчик, 1967. Художник Б. Бекетов.
5. Чумла къызарадыла. Назмула. (Когда созревает кизил). Нальчик, 1969. Художники: Я. А. Аккизов, И. В. Чичкин.
6. Жер китабы (Книга земли). Нальчик, 1972. Художник З. Бгажноков.
7. Бюгин. Тюнене. (Сегодня. Вчера). Нальчик. 1977. Художник А. Е. Глуховцев.
8. Учуп баргъан къанатлыла (Птицы в полете). Нальчик, 1980. Художник Б. Бекетов.
9. Кече бла танг (Ночь и рассвет). Нальчик, 1985. Художник Г. С. Паштов.
10. Назмула. Лирика (На балкарском и на русском языках). Нальчик, 1987. Художник Г. С. Паштов.
11. Къули Къайсын. Назмула. Нальчик, 1988. Художник Ю. Алиев.
12. Къули Къайсын. Таула тургъан къадарда (Покуда стоят эти горы). Нальчик, 1987. Художник В. Л. Захохов.

На русском языке

1. Мои соседи. Нальчик, 1957. Художник В. Овчинников.
2. Горы. М., 1957. Художник В. В. Медведев.

3. Я пришел с гор. М., 1959. Художник С. И. Нижняя.
4. Избранная лирика. М., 1963. Художник В. Соковин.
5. Раненый камень. М., 1964. Художник Е. В. Викторов.
6. Мир дому твоему. М., 1966. Художник Е. Ф. Капустин.
7. Избранная лирика. М., 1967. Художник Г. Кудрявцев.
8. Земля и песня. М., 1969. Художник М. В. Таирова.
9. Благодарю солнце. М., 1969. Художник А. Ганюлюка.
10. Избранные произведения. В 2 т. М., 1970. Художник В. Горячев.
11. Горская поэма о Ленине. Нальчик, 1970. Художник В. С. Орленко.
12. Книга земли. М., 1972. Художник Е. Ф. Капустин.
13. Книга лирики. М., 1973. Художник Б. Шляпугин.
14. Вечер. М., 1974. Художник Д. Б. Шимилис.
15. Высокие деревья. М., 1975. Художник А. В. Пачина.
16. Так растет и дерево. М., 1975. Художник В. Вагин.
17. Живу среди людей. М., 1975. Художник А. И. Бельюкин.
18. Собрание сочинений. В 3 т. М., 1977. Художник В. Горячих.
19. Весенний свет. М., 1979. Художник Н. С. Лаврентьев.
20. Краса земная. М., 1980. Художник Е. Ф. Николаева.
21. Говорю людям. М., 1985. Художник В. Вейлер.
22. Человек. Птица. Дерево. М., 1985. Художник Н. С. Лаврентьев.
23. Жить! М., 1986. Художник Л. Е. Безручников.
24. Собрание сочинений. В 3 т. М., 1987. Художник Е. Ененко.
25. Была зима. Роман. М., 1987. Художник В. Вейлерт.

26. Лирика. Твоя книга. (На балкарском языке. Сени китабынг). Нальчик, 1992. Художник В. Л. Захохов.

27. Завещание. Поэма. Нальчик, 2000. Художник В. Л. Захохов.

Монографии о творчестве Кайсына Кулиева профессоров Эфендиевых

1. Т. Е. Эфендиева, С. И. Эфендиев. «Кайсын Шуваевич Кулиев». Биография поэта. Ч. 1. 1917–1958. Нальчик: Эльбрус, 1997. Художник М. Горлов.

2. Т. Е. Эфендиева, С. И. Эфендиев, Ф. С. Эфендиев. «Кайсын Шуваевич Кулиев». Биография поэта. Ч. 2. 1959–1985. Нальчик: Эль-Фа, 1997. Художник М. Горлов.

3. Т. Е. Эфендиева. «Поэзия жизни» Очерк творчества. Нальчик: Эльбрус, 1977. Художник А. А. Азаматов.

4. Т. Е. Эфендиева. «Кайсын Кулиев». Литературный портрет. М.: «Советская Россия», 1985. Художник Д. А. Аникаев.

5. Т. Е. Эфендиева, С. И. Эфендиев, Ф. С. Эфендиев. «Друзья Кайсына Кулиева». Нальчик: Эль-Фа. 2000. Художник М. Горлов.

6. Т. Е. Эфендиева, С. И. Эфендиев, Ф. С. Эфендиев. «Кайсын Кулиев в воспоминаниях современников». Из серии «Друзья Кайсына Кулиева». Нальчик: Эль-Фа, 2001. Художник М. Горлов.

7. Т. Е. Эфендиева, С. И. Эфендиев, Ф. С. Эфендиев. «Кайсын Кулиев». Литературно-критические статьи, тезисы и доклады научных Конгрессов, конференций, совещаний. Нальчик: Эль-Фа, 2002. Художник М. Горлов.

8. Материалы научно-теоретической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения Кайсына Кулиева (12–13 ноября 1997). Вторые Эльбрусские чтения. Ответственный за выпуск академик Международной Тюркской Академии наук, академик Адыгской Международной Академии наук, доктор философских наук, профессор Эфендиев С. И. Нальчик: Эль-Фа, 1998. Художник Н. Н. Решетникова.

Книги К. Кулиева были изданы во всех союзных и автономных республиках бывшего Советского Союза и

во многих зарубежных странах. И над оформлением книг поэта работали известные художники издательства СНГ и дальнего зарубежья.

К сожалению, в Республиканской национальной библиотеке КБР нет ни одного экземпляра книг Кулиева, изданных в других республиках и странах. Поэтому за неимением информации мы не включили в приложение всех художников. Эта проблема будущих исследований.

Ф. С. Эфендиев, Т. Е. Эфендиева

КАЙСЫН КУЛИЕВ В КОНТЕКСТЕ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Доклад на межвузовской
научной конференции «Россия
на пороге нового тысячелетия:
проблемы, тенденции, модели.
Ростовский госуниверситет.
Апрель. 2000 г.

Великий испанский мыслитель Х. Ортеги-и-Гассет писал о том, что необходимо уйти от дилеммы «все как один», либо «каждый сам за себя и против всех» к формуле «учитывая интересы других, заведомо не отказываясь от собственных». Поэтому, осмысливая этнокультурные процессы на рубеже XX и XXI вв., хотелось бы обратить внимание на духовный феномен в истории культуры балкарского народа, а именно: на поэта Кайсына Кулиева в контексте духовной мировой культуры. «Не только не важно, но и не нужно, чтобы отдельные части социального целого совпадали в своих стремлениях и идеях, — писал Х. Ортеги-и-Гассет. — Важно и нужно, чтобы каждая группа не забывала об остальных и в определенной мере разделяла их жизнь».

Творчество Кайсына Кулиева в сфере теоретического осмысления в зарубежной литературе XX в. — неисследованная область. Многие вопросы в этой небольшой статье только поставлены, затронуты, в ней лишь намечены подходы к их изучению, исследованию. Этой проблемой занимались в некоторой степени дочь Кайсына Кулиева —

Ж. К. Кулиева, его внучка Лейла Джигоева, кандидаты филологических наук, доценты зарубежной литературы КБГУ Б. И. Тетуев и З. А. Кучукова (см.: статью «К вопросу об историко-культурных взаимосвязях: Кайсын Кулиев и зарубежная литература», опубликованную в кн. «Культурно-историческая общность народов Северного Кавказа и проблемы гуманизации межнациональных отношений на современном этапе». Черкесск, 1999. С. 286) и некоторые другие литературоведы и критики, которые касались вопросов культурного духовного обмена, поскольку в 60–90-е годы социально-политическая система создала условия для формирования и упрочения нового процесса глобализации. Она, в свою очередь, постепенно привела к тому, что конструкция всей мировой системы устарела и потребовалось новое осмысление судьбы цивилизации, культурного взаимодействия. Поэтому мы полагаем, что проблема «Кайсын Кулиев как феномен в системе мировой культуры» побудит молодых ученых к дальнейшему развитию этой теоретической концепции, потому что в истории мировых культур огромную роль всегда играли двухсторонние духовно-нравственные связи.

В своей книге «Так растет и дерево» (М., 1975) Кулиев писал: «Мне приходилось бывать в странах Азии и Европы. И это было полезно для меня и для моей работы». У него было много друзей за рубежом, с которыми балкарский поэт общался по многим вопросам художественной литературы и современного искусства. Заграничные поездки способствовали установлению дружеских связей и знакомств со многими писателями и поэтами, художниками и артистами. С ними Кулиева связывало светлое чувство – любовь к художественной литературе и своей национальной культуре. Его литературные взаимосвязи с писателями Востока и Запада были обширные и прочные. Это прогрессивный французский писатель Робер Мерль, польский поэт и переводчик стихов Кулиева – Витольд Домбровский, венгерский поэт Антал Гидаш, арабский поэт Муин Бсису, о котором Кулиев написал статью «С родиной в сердце», болгарский поэт и переводчик Н. Христов. С ними он не раз встречался в процессе творческой работы в связи с переводами своих стихов на польский, болгарский и венгерский языки. Они

беседовали о поэзии, мире, о будущем их родины и человечества в ХХІ в. Общение с ними продолжалось потом в переписке, в обмене художественными произведениями в их приезды в СССР. На Всемирных конгрессах, проводимых в Ташкенте и Москве, Кулиев знакомился лично с известными писателями мира. Это Рафаэль Альберти, Мария Тереса Леон из Испании, Николас Гилльенс Кубы, Пабло Неруда, Володя Тейтельбойм из Чили, а также многие другие из Аргентины, Парагвая, Гондураса, Боливии и т. д. С ними было немало бесед по вопросам национального своеобразия и художественной ценности культур различных народов. Они высоко ценили поэзию Кулиева и считали его своим другом.

Современный литературный процесс связан со всеми социально-политическими и культурными событиями ХХ в. Люди всех континентов, независимо от языка, понимают и ценят подлинно художественное слово, если даже оно приходит к ним в переводе. Зарубежный читатель и иностранная критика высоко оценили поэтическое слово Кайсына Кулиева, получившее всемирное признание. Так, говоря о Кулиеве как о художнике слова, поэт А. Тарковский подметил в его творчестве главное: «Кайсын Кулиев – поэт небольшого народа, вышедший на общечеловеческое поприще поэзии... Он поэт всего мира... Интересы всего человечества нашли уста в этом поэте». Действительно, Кулиева всегда волновали те же проблемы, что и людей всего мира, и он подходил к ним с гуманистических позиций, отстаивая права личности и воспевая ее, независимо от расы и вероисповедания.

Кулиеву дано было изведать радость духовного общения с людьми разных наций, поэтому он говорил о своей духовной связи с горцами Кавказа, людьми России и всего мира. «Как старый горец любит свой Казбек, так я люблю все земли и края». Все они неразделимы были для сердца поэта, проповедовавшего общечеловеческие идеи:

Кем бы ни был ты: черным иль белым,
У каких бы ты ни жил дорог,
Ты мне брат, если словом иль делом
В час нелегкий кому-то помог,—

писал Кулиев в стихотворении «Где б ты ни жил – в горах ли, у моря...» в переводе Н. Гребнева. «Духовное родство, которое Кайсын безошибочно обнаруживал у самых разных поэтов, укрепляло в нем *чувство мира* как единого дома человечества, – писал Чингиз Айтматов. – Естественно, что зародыш этого чувства – врожденная любовь к малой родине, к Чегему, через который благодаря Кайсыну ныне пролегает одна из дорог современной мировой поэзии.

Расцветая, являя в своем мыслительном порыве идею всеобщности, *чувство мира* выводит дух человеческий на просторы вселенной...»

Чувство планетарности, гуманности подметила в его стихах глава правительства Индии Индира Ганди, когда понадобились доказательные слова о необходимости мира на Земле, взаимопонимания, она процитировала слова Кулиева: «Каждая пуля на войне попадает в сердце матери».

Где-то стонет женщина вдали,
Напевает песню колыбельную.
Вечный страх, тревоги всей земли
Проникают в песню колыбельную.

Первой пулей на войне любой
Поражают сердце материнское.
Кто б ни выиграл последний бой,
Но страдает сердце материнское.

(Перевод Н. Гребнева)

Поэзия Кулиева нашла путь к сердцу многочисленных зарубежных читателей. Вот что писал преподаватель русского языка в женской гимназии Альберт Расмусен, американец, проживавший в ФРГ: «Ваши стихи просто поразили меня великолепной красотой. Ваши мысли о человечестве очень важны для всех народов. Ваша «Женщина, которая купается в реке», не зная зла и смерти, вьюги и зимы, тюрьмы и сумы, должна познакомиться со всеми людьми всех стран... Я читаю книги других советских писателей, но Ваши стихи тронули меня больше, чем все другие. Вы действительно открываете свое сердце человеческому горю. К сожалению, в нашем

мире есть много горя. Нам надо слушать Вас, доброго поэта нашего времени. Спасибо за Ваше искусство, дорогой Кайсын Шуваевич».

На французский язык произведения балкарского поэта были переведены еще в годы Второй мировой войны. Когда Кулиев сражался на Волге за Сталинград вдали от родного края, он написал стихотворение «Всегда гордился тем, что горец я!». Его впервые напечатала газета «Правда» 15 сентября 1942 года. Стихотворение передавалось многими радиостанциями стран Европы и Азии. На французском языке оно было опубликовано в 1943 году в журнале «Ля литератур интернациональ» (1943. № 1. С. 57–58). В 1963 году на французском языке было опубликовано его стихотворение «Когда ты глядишь на меня» в журнале «Эвр электрон опиньон» (№ 6. С. 137) и в 1976 – «Берегите детей» в журнале «Лотус» (№ 2. С. 65).

С прогрессивными деятелями культуры Франции Кулиева связывали общие интересы по работе перевода с русского языка на французский и некоторые другие вопросы культурных взаимосвязей. Так, писатель Робер Мерль переписывался с Кулиевым и высоко ценил его поэтическое мастерство. С ним Кулиев встретился в декабре 1972 года, когда в составе делегации Союза писателей СССР побывал во Франции вместе со своими друзьями М. Дудиным, Р. Гамзатовым и Р. Рождественским. Робер Мерль сердечно приветствовал представителей многонациональной поэзии России на своей вилле «Маль-Мэзон». Они говорили по многим вопросам перевода прозы и поэзии, интересовались творческими планами друг друга, говорили о себе и своих друзьях, о проблемах воспитания современной молодежи, которая, по мнению поэтов, стала другой и духовные ценности стали иными... Эта беседа нашла свое продолжение в переписке между Кулиевым и Робером Мерлем. Письма были опубликованы в «Литературной газете» (1974. 20 марта). Это известное письмо Кулиева «Может ли устареть оптимизм?» и ответ Р. Мерля «Дешевые соблазны отрицания».

Касаясь проблем молодежи и задач писателя по отношению к ней, Кулиев писал в своем письме к Р. Мерлю: «... нам ведь хочется, чтоб наши дети жили лучше и счастливее нас. Возможно ли это или нет? То, о чем я

говору, касается молодежи не только моей одной страны. Речь идет о детях всех народов».

Теоретические положения обоих художников о соотношении положительного и отрицательного в интеллектуальной жизни современной молодежи, мира, о позиции художника в осмыслении жизненных явлений сочетались в этой переписке с конкретным анализом их творчества, сущности и особенностей его. Мерль отметил национальную самобытность и силу художественного воздействия поэзии Кулиева. Он писал: «Не нужно забывать, что литература и искусство должны приносить людям большое эстетическое наслаждение. Например, когда Вы в своем письме говорите «о боли раненого камня», я нахожу, что это превосходное выражение. Оно принадлежит искусству, поскольку рождает эстетическое наслаждение». Этой высокой оценкой Кулиев гордился, потому что Мерль сумел увидеть главное в его творчестве, определил суть эстетических и философских символов в его поэзии. Вспоминая свое посещение городов Франции, таких, как Париж, Экс-ан-Прованс, Ницца, Кулиев рассказывал: «Наша поездка во Францию была полезной. На мой взгляд, она оказалась очень полезной потому, что живое общение литераторов разных стран не может заменить даже самая лучшая книга. Мы встречались с читателями в различных городах Франции, и всюду аудитории были полны...» (Пять рассказов о Франции: Литгазета. 1973. 17 янв.). На одной из встреч со студентами вуза и преподавателями в городе Марселе Кулиева спросили:

– На каком языке пишете Вы, мосье Кулиев, и Ваш друг Гамзатов?

– Я – на балкарском, Расул – на аварском.

– И вас так широко читают в вашей стране? – удивился француз.

Феномен, вызвавший тогда за рубежом большое удивление и недоверие, в СССР был привычным явлением: достижения любой из национальных литератур страны сразу становились достоянием все народов России. Стихи Кулиева звучали на всех языках народов Российской Федерации.

Духовное общение между писателями разных стран играло важную роль в развитии художественной культу-

ры, способствуя укреплению чувства взаимопонимания и взаимоуважения, подготавливало постепенно почву для современных форм демократии, для развития культурного обмена духовными ценностями. Так, на пороге нового тысячелетия, а именно: 3 апреля 2000 года Генеральный Секретарь ООН Кофи Аннан в своем докладе «Мы, народы: роль ООН в XXI в.» говорил о том, что новое столетие приносит народам, населяющим Земной шар, новые вызовы, заботы и тревоги, в виде и старых «ран» (угроза ядерной катастрофы, голод, нищета) и новшеств научно-технического прогресса. Но при всех изменениях духовные ценности человечества должны сохраняться и передаваться тем, кто будет строить будущее.

Кайсын Кулиев побывал во многих странах мира: Англии, Франции, Италии, Монголии, Польше, Венгрии, Болгарии, Индии, Чехословакии, Югославии, Германии, в которых его стихи издавались и пользовались большим успехом. Например, в Болгарии в 1969 году вышел сборник «Избранных стихотворений» К. Кулиева. Составитель сборника и переводчик стихов Кулиева на болгарский язык Николас Христов писал в предисловии: «Кайсын Кулиев – сын своего времени. Век долго не думал – оставил ему великое право говорить от имени Человека. Быть может, этим объясняется чувство планетарности в поэзии Кулиева». О такой высокой оценке свидетельствовали и другие письма, адресованные Кулиеву. Мечислав Кргоун из Чехословакии в одном из своих писем Кулиеву тоже восхищался талантом горского поэта и писал о том, что художественное своеобразие его лирики во многом объясняется истоками поэзии, его любовью к отчему краю. «...Читая Ваши стихи, – писал он, – я понял, как страстно Вы любите свою горную прекрасную родину и по праву гордитесь ею».

Зарубежные критики и литературоведы, поэты и писатели, постигая художественный мир Кулиева, благодарили его за умение быть близким по духу человеком, раскрывать красоту мира, показывать любовь к живой и неживой природе. Так, поэтесса из Германии Марта Вебер писала ему: «...Ваши строки взволновали меня и обрадовали мое сердце, потому что я разделяю Вашу любовь к деревьям... С того момента, как я прочитала Ваше

письмо, Вы стали каким-то образом мне внутренне близки, стали ближе как друг... Литература то же самое, что и музыка: у нее нет границ».

В Берлине стихотворения Кулиева издавались несколько раз (Вечный огонь / Пер. Х. Прейслер. Берлин, 1976; Играл Шопена // Нойес лебен. Берлин, 1968. № 10. С. 8; К коре чинара я прижмусь... // Новая немецкая литература. 1973. № 12. С. 48–58). Такие известные переводчики, как Хельмут Прайслер, Ф. Хитцер, Ф. Лешницер, И. Зиннер, С. Естеррайхер, Ф. Больгер смогли правильно перевести Кулиева на немецкий язык и передавать его национальное своеобразие.

Выступая в октябре 1973 года в Берлине на VII Конгрессе писателей мира, Кулиев говорил о том, что художник, не поняв языка родной земли, не сможет понять другого: он приходит, если позволяет степень дарования, к человечеству только через образы отчей земли, своего очага, через опыт своего народа (статья С. Хенкеля об участии К. Кулиева в VII Конгрессе. Газ. «Нойес Дойчланд». 1973. 18 окт. С. 40).

Проблемами перевода стихов Кулиева на немецкий язык занималась одно время преподаватель госуниверситета г. Пермь И. С. Головина. Она выступила с интересным сообщением на Всесоюзной конференции, которую проводил Институт языка и литературы Академии наук Киргизии во Фрунзе в 1980 году (См.: Головина И. С. Современная балкарская поэзия на немецком языке // Закономерности развития новописьменных литератур и проблемы социалистического реализма. Фрунзе, 1980. С. 57). На этой же конференции выступила с докладом старший преподаватель госуниверситета им. И. Франко из г. Львова Э. М. Лушак «Переводы как один из факторов взаимообогащения художественных культур». Среди авторов младописьменной советской литературы, отличавшихся по количеству напечатанных произведений на испанском языке, она выделила Ч. Айтматова, Р. Гамзатова, М. Ауэзова и К. Кулиева.

Кайсын Кулиев издавался во многих столицах и городах Европы и Азии: Гаване, Софии, Мадрасе, Дели, Улан-Баторе, Праге, Скопле и др. Так, в Варшаве в 1973 году была издана книга стихов Кулиева «Раненый камень», в

которую вошло 36 стихотворений на польском языке. Ее переводчиком и редактором был польский поэт и критик Витольд Домбровский. Он отмечал высокое искусство стиха, особенно ему нравились «Тихие стихи» и «Скалы в лунном свете». В мае 1986 года уже после смерти Кулиева другой польский поэт и критик Юрий Виелюнский прислал в Чегем I, в Дом-музей поэта сборник стихотворений, в котором были и стихи Кулиева на польском языке.

Кайсын Кулиев за рубежом – это свидетельство общепризнанной значимости его произведений в духовной жизни людей и универсальности его художественного слова. У него было много друзей среди писателей мира, живых и ушедших в путь свой дальний, о которых он писал мудро и благожелательно, возвышенно и торжественно, с чувством преклонения и глубокого восхищения. Особенно он почтил память тех, кто трагически ушел из жизни: написал об Индире Ганди («Жизнь на земле не убить»), реквием Федерико Гарсиа Лорке («Вспомнив Гарсиа Лорку», «Смерть поэта»), о Пабло Неруде («Когда свобода была под запретом»). Кайсын Кулиев часто обращался к именам великих музыкантов мира: Баху («Учись у Баха...»), Бетховену («Бетховен»), Шопену («Играют Шопена»), Равелю, а также к легендам и мифам Древней Греции («Орфей»), к общеизвестным литературным героям – Гамлету («Гамлет»), Дон Кихоту («Дон Кихот»), Прометею («Прометей, прикованный к скале...»).

В стихотворении «Письмо зарубежному другу» (1983) Кулиев обратился с завещанием к писателям и поэтам планеты: желал им мира («...жаждал я для земли и покоя и мира»), счастья и справедливости («Будем верить: победа добра неизбежна, будем верить, что солнца не скрыть злою тучею») и призывал их пробуждать в людях чувства добрые.

Утверждаясь в добре, будем жить, как Бетховен,
Чтоб жестокость, печатью позора клейменная
Не осилила нас. И под звездным покровом
Мы, как Пушкин, уйдем, веря в свет и гармонию.
Что Добро есть и Радость, – той веры упорство отстоим.

(Перевод Л. Шерешевского)

КАЙСЫН КУЛИЕВ И МУЗЫКА

Доклад на межвузовской научной конференции «Россия на пороге нового тысячелетия: проблемы, тенденции, модели». Ростовский госуниверситет. Апрель, 2000 г.

На стихи талантливого балкарского поэта Кайсына Шуваевича Кулиева написаны песни многими известными композиторами, такими, как Г. Свиридов. Э. Колмановский, Р. Щедрин, Я. Френкель, Х. Карданов, М. Жеттеев, А. Байчекуев, Н. Пахомов, А. Рахаев, А. Дауров, И. Шериева, М. Османов, Т. Блаева, Дж. Хаупа, В. Молов, Ю. Мейтус, А. Казанов, А. Шахгалдян, И. Крутой, А. Байчекуев, М. Жеттеев, З. Бинкин, Б. Власов, А. Шахбулатов, М. Пелишев, Р. Тохидзе, В. Кулаков, О. Шурова, В. Усович, В. Стасов, И. Парин и многие другие.

Кайсын Кулиев и музыка почти неисследованная тема. В личном архиве К. Кулиева есть очень много интересных материалов: письма, написанные многими композиторами ему, ответы Кулиева им, отклики читателей и слушателей всесоюзного радио, зрителей концертных залов многих городов России и СНГ, а также зарубежных стран. Поэту писали не только известные композиторы Москвы, Ленинграда, Дагестана, Волгограда, Нижнего Новгорода, Казахстана, Грузии, но и начинающие композиторы и студенты музыкальных училищ. В своих письмах они просили согласия поэта написать музыку на его стихи. Многих из них Кулиев не знал. И они не были знакомы с поэтом. Так, Б. М. Шапиро-Власов из Москвы писал Кулиеву: «Здравствуйте, дорогой Кайсын Шуваевич! К своему огромному сожалению, я не знаю точного Вашего отчества и вынужден таким официальным образом обращаться к Вам. Пытался об этом узнать у Наума Исаевича Гребнева, но что-то не смог к нему дозвониться. Однако, полагаю, что в будущем это поправимо. Я давно мечтал с Вами познакомиться, но когда Вы не так давно были в Москве, я в это время отсутствовал, о чем весьма

сожалею. Обращаюсь я к Вам, как человек безмерно влюбленный в Ваш неоспоримый талант, в Вашу бессмертную поэзию, но не только. Дело в том, что я, будучи по профессии композитором, работающим в жанре советской песни, являюсь в некотором роде Вашим соавтором. На Ваши замечательные стихи, переведенные Н. Гребневым, К. Симоновым, Н. Коржавиным и другими на русский язык, мной написаны более 15 песен, которые я считаю одними из наиболее удачливыми среди 200 песен, написанных мной вообще. Одним из монументальных произведений можно считать цикл песен под названием «Люди, дайте отдохнуть печали...». В этом цикле я использовал такие Ваши стихи, как «Дом и мир», «Колыбельные песни», «Я видел, как селенья догорали...», «Речки детства» и др. Некоторые песни из этого цикла и многие отдельные песни исполняются мастерами советской эстрады, и я недавно был свидетелем, когда певец – лауреат Всесоюзного конкурса Оскальд Беседин – на одной из концертных площадок Москвы заканчивал первое отделение своего концерта песней «Люди, дайте отдохнуть печали...» в переводе Константина Симонова и зрительный зал стоя аплодировал ему. За последнее время фонд главной музыкальной редакции Всесоюзного радио записал такие Ваши песни, как «Баллада о черном коне» (исполнитель – лауреат Всесоюзного конкурса Лев Лещенко и эстрадно-симфонический оркестр Всесоюзного радио под управлением Юрия Силантьева). Эта баллада уже несколько раз звучала по Центральному телевидению ретрансляцией из Дворца съездов, песня «Мелодия» (исполнители – заслуженный артист Удмуртской АССР Маргарита Суворова и оркестр под управлением Юрия Силантьева), «Размышления» (исполнители – заслуженный артист Узбекской ССР Алла Йошпе и большой симфонический оркестр Союза ССР), «Восхождение» (исполнители – лауреат Всесоюзного и Международного конкурсов Иосиф Кобзон и оркестр «Кругозор»). В ближайшее время я предполагаю осуществить запись на грампластинке и издание в нотах ряда песен, написанных на Ваши стихи. Сегодня вместе с этим письмом я направляю письмо в Министерство культуры Кабардино-Балкарской АССР. Я запрашиваюсь на приглашение Министерства, чтобы посетить Вашу республику, чтобы познакомиться поближе с

Вашим солнечным краем, подарить комитету по радиовещанию и телевидению копии записей наших песен, предложить для приобретения исполнения артистами республики ряда новых песен на Ваши стихи, выступить по телевидению и радио со своими достижениями, связанными с Вами — народным поэтом Кабардино-Балкарии. Также я хочу переговорить с Министерством и дирекцией филармонии по возможности моих авторских концертов в городе и республике на тему «Песни на стихи Кайсына Кулиева». Буду неимоверно рад и счастлив, если Вы в данное время находитесь дома, встретиться с Вами и познакомиться для нашего дальнейшего творческого и дружеского контакта. У меня во второй половине мая есть свободное время и я надеюсь на нашу встречу. Мой адрес: г. Москва, И-474, Бескудинский бульвар, д. 16, корп. 1, кв. 69. Борис Маркович Власов. Извините, пожалуйста, за беспокойство. С искренним уважением к Вам» [1]. Получив ответ от поэта, Борис Маркович Власов написал второе письмо, датированное 28 апреля 1973 года. Он писал из Москвы Кулиеву: «Я счастлив, что Вы живете на Земле и Ваши гениальные творения окрыляют и вдохновляют меня на скромную возможность — создать на них музыку. Ваши стихи по праву приобрели широкие, могучие крылья и высокий полет. Мне, безусловно, хочется, чтобы и моя музыка, написанная на Ваши стихи, полюбилась людям, была услышана ими и, непременно же, прозвучала по городам, аулам солнечной Кабардино-Балкарии, о которой много слышал, но которую совершенно не знаю». В этом же письме композитор писал: «Недавно в Московском концертном зале «Октябрь» я слушал в исполнении Гелены Великановой свою новую песню на Ваши прекрасные стихи «Поэты, знаете ли Вы...». Исполнительница настолько эмоционально захватывала дух двухтысячной аудитории, что зал был очарован, подтверждая это бурными овациями в честь певицы, в честь Вашей песни». Далее в письме говорилось, что песни на слова Кайсына Кулиева пела польская певица Анна Герман в США. В другом письме он писал: «Дорогой Кайсын Шуваевич! Отправляю Вам забытую пластинку «Мелодии» и новую — «Баллада о черном коне». Днями записываю с Муслимом Магамаевым песню: «Песня, которую любила моя мать» для Всесоюзного

радио. Скоро в Москве появится еще ряд пластинок с песнями на Ваши стихи, кроме того, выйдет ряд песен в издательствах Москвы и в Польской Народной Республике. Я Вас нежно люблю, глубоко уважаю, высоко почитаю, черпаю в Вашем гениальном творчестве неиссякаемое вдохновение. На Ваши стихи мною создано большое количество песен и это не тот нотный балласт, который покоится на полках, а песни и баллады, нашедшие своих исполнителей, звучащие на эстраде, по радио, телевидению, в грампластинках... Мне предстоит провести восемь встреч в г. Кисловодске и две встречи в г. Нальчике. С «Балладой о черном коне» молодая певица Галина Улетова стала дипломантом Всероссийского конкурса артистов эстрады. Балладу по-прежнему поет Лев Лещенко. Ее великолепно исполняет ленинградский певец Эдуард Хиль, которого мне удалось послушать в концертном зале им. П. И. Чайковского. В фонд Всесоюзного радио певец Муслим Магомаев записал «Песню, которую любила моя мать». И это еще далеко не весь перечень работы, которая проделана мной, благодаря Вашей гениальной поэзии. В музыкальных кругах, на всех художественных Советах меня называют «кулиевцем». Многие коллеги завидуют моим удачным песням на Ваши стихи. Мой ответ однозначен: «Пишите тоже. Великая поэзия К. Кулиева в вашем распоряжении». Видимо, не каждый может создать такой музыкальный образ, который с Вашим поэтическим образом слился воедино» [2]. Прозвучали в концертных залах песни на слова Кулиева во многих Союзных и автономных республиках в исполнении Маргариты Суворовой, Льва Лещенко, Муслима Магомаева, Эдуарда Хилия, Аллы Пугачевой и многих других.

Музыкальный мир любил и знал поэта. Когда отмечали 60-летие со дня рождения Кайсына Кулиева, он получил много телеграмм от известных композиторов. Так, композитор, народный артист РСФСР (1973) Н. В. Богословский писал 2 ноября 1977 года из Москвы: «За твои шестьдесят выпью двести пятьдесят. Бедность рифмы искупается богатством содержания. Обнимаю, целую, поздравляю. Никита Богословский».

Не забывал поздравлять Кулиева и другой известный композитор Эдуард Колмановский. В поздравительной открытке от 31 декабря 1972 года он писал: «Дорогой

Кайсын, прими вместе с новогодним приветом мою неизменную любовь и дружбу. От души желаю тебе в наступающем году здоровья, счастья, радостного, вдохновенного творчества. Сердечный привет твоей семье. Обнимаю тебя. Твой всегда Э. Колмановский» [3].

Колмановский написал на стихи Кулиева «Все еще впереди» замечательную музыку. И эта песня стала самой популярной. Одна из знакомых поэта Валя из Ленинграда писала 4 февраля 1974 года Кулиеву: «...Помнишь, Кайсын, на твои стихи Колмановский написал песню «Все еще впереди». Я ее очень часто слушаю. Чудесные слова!» [4]

По Центральному телевидению в 60–70-е годы часто планировались музыкальные передачи на стихи Кайсына Кулиева, и он получал много просьб от режиссеров телевидения и радио. Так, в декабре 1971 года он получил поздравительную открытку, в которой сообщалось: «Искренне уважаемый Кайсын! Поздравляю с Новым годом. Радуюсь Вашим успехам. Ждем новых отличных стихов. Здоровья Вам, душевной молодости, радости и новых высот! Буду делать о Вас программу. Будете в Москве, звоните 1313237. Режиссер телевидения Евгения Егорова» [5]. В эти же годы Кулиева часто приглашали на культурные мероприятия, которые проходили в стране. К примеру, в телеграмме народного артиста СССР Михаила Жарова говорилось: «Дорогой Кайсын, 31 октября состоится торжественное открытие нового сезона театрального Дома актеров. Вечер посвящен Российской Федерации. Согласно нашей договоренности ждем Вас. Все расходы, связанные с Вашим приездом, берем на себя. Просим Вас подтвердить дату приезда по адресу: «Москва, ул. Горького, 16. Общественный директор Центрального Дома артистов, Народный артист СССР с уважением Михаил Жаров» [6].

Музыка создавалась не только на стихи Кулиева, но и на его поэмы. Так, известный черкесский композитор Аслан Дауров написал ораторию на «Горскую поэму...» по заказу Министерства культуры РСФСР. Обращаясь к поэту, композитор писал: «...Сейчас передо мной стоит проблема записи этой оратории. Мне бы хотелось, чтобы партию чтеца исполняли Вы. Для этого было бы хорошо, чтобы мы встретились в Нальчике или в Москве. В

Нальчик я могу приехать в удобное для Вас время... Надеюсь, что оратория Вам понравится. Я с удовольствием принял бы участие как композитор в Вашем творческом вечере. Жду с нетерпением встречи с Вами, дорогой Кайсын Шуваевич. С глубоким уважением к Вам Аслан Дауров» [7]. Они встретились в Нальчике. Дауров записал начало стихов в оратории в исполнении К. Кулиева. Теперь эта уникальная запись хранится в фондах радиокомитета КБР.

Эта поэма Кулиева стала объектом внимания и других композиторов. Ей заинтересовался один из волгоградских композиторов. Так, 8 декабря 1963 года Патрин Иван Тихонович из г. Волжска Волгоградской области писал Кулиеву: «Вашу поэму о Ленине я показывал одному профессиональному композитору – пианисту. Он желает поработать над ней и приготовить ее с музыкой для сцены. Но для этого он просил ее экземпляр. Если Вам это не трудно, то пришлите. Если бы здесь она была, я бы взял ее и передал ему. Ну а свой экземпляр с Вашей авторской подписью мне жаль давать ему, как большую память о дружбе с Вами и поэтому я храню ее у себя.

Услышав поэму впервые 30 октября 1963 года в Долинске со сцены санатория имени Кирова в г. Нальчике на литературном вечере из уст автора и по радио дни октября, я был поражен ее содержанием и глубиной мысли. В то время я отдыхал в Нальчике. Прочитав Вашу поэму, я много думал над тем, чтобы судьба народа была отражена не только в поэме, но и в кинофильме для сравнения прошлого и настоящего народов Кабардино-Балкарии» [8]. Об этой поэме Кулиеву писали и заключенные из тюрьмы, когда они слушали ее по радио в исполнении мастера художественного слова. Так, Иван Прончатов писал 28 января 1963 года: «Многоуважаемый поэт Кайсын Кулиев! 22 января с. г. мы с большим интересом и волнением прослушали по радио передачу Вашей поэмы о Владимире Ильиче Ленине. Поэма нам очень понравилась. К сожалению, быстрое чтение не дало нам возможности более подробно уловить все наиболее поэтичные места поэмы. Но даже то, что нам удалось запечатлеть из прочитанного, дает нам право думать о Вас как о настоящем, большом советском поэте. Поэтому мы загорелись желанием узнать как можно больше о

Вашем творчестве. Поэтому по просьбе группы заключенных, отбывающих свой срок наказания в исправительно-трудовой колонии, убедительно прошу Вас, если это не представит Вам больших трудностей, выслать нам бандеролью «Горскую поэму о Ленине» и другие Ваши стихотворения на русском языке.

Желаем Вам здоровья и больших творческих успехов. По поручению товарищей по лагерю — Иван Прончатов.

Наш адрес: Мордовская АССР, ст. Потьма, полевая почта ЖК 385 1/11 Прончатову И. Н.» [9]

Много писем Кулиев получил от Якуба Земляка, с которым поэт работал в Союзе писателей Киргизии. Я. Земляк, как и многие другие ценители поэзии и искусства, отметил музыкальность стихов Кулиева. В письме из Фрунзе говорилось: «... Читаю и перечитываю в «Новом мире» твои стихи — неповторимые, мудрые. Знаю, что тебе нелегко далась великая простота твоей поэзии, тебе много пришлось пережить, почувствовать, передумать. И вот ты даришь людям большую жизнеутверждающую силу своего таланта, и люди вечно будут благодарить тебя за живое, доброе, щедрое сердце.

Слышу музыку «Тихих стихов», «Ночи свадьбы», «Снегопада в горах», «Раненого камня»... Взволнованно повторяю твои слова «все те, с кем в жизни я сердечным, добрым был, за все мое добро — благодарите маму» [10].

Большая творческая дружба долгие годы связывала Кайсына Кулиева с известным композитором Георгием Васильевичем Свиридовым, в доме которого по улице Большая Грузинская в Москве не раз бывал поэт.

Когда они друг друга долго не видели, то писали письма, поздравительные открытки и телеграммы. Так, в одном из писем Г. Свиридов писал: «Дорогой Кайсын Шуваевич, поздравляю Вас с Новым годом, желаю здоровья и счастья всей Вашей семье. Я посылаю Вам на память свою песенку на Ваши слова. У меня их (пока) три, но они еще не составят циклы, поэтому придется подождать, пока Бог даст силы дополнить остальные.

Обнимаю Вас, дорогой человек!

Эльза Вам кланяется!» [11]

Кайсына Кулиева хорошо знал музыкальный мир страны и его часто приглашали на пленумы и съезды компо-

зителей Российской Федерации и Советского Союза. Об этом писал в своих воспоминаниях известный музыковед Хажбекир Хавпачев, как однажды на пленуме Союза композиторов СССР Георгий Васильевич Свиридов во время перерыва подошел к нему и сказал: «Хажбекир, я пригласил к себе домой Кайсына Кулиева (он присутствовал на пленуме композиторов СССР, как представитель Союза писателей СССР). Я написал новый цикл романсов на его стихи и хочу ему показать. Я пригласил также Отара Васильевича Тактакишвили, Аслана Даурова и прошу Вас тоже приехать ко мне к двум часам дня». В назначенное время они были у него дома, много говорили о поэзии и музыке. Г. Свиридов поразил их тем, что, играя на рояле, пел романсы из нового цикла на стихи Кайсына Кулиева. Поэт с восторгом слушал эти романсы, а потом сказал: «Георгий Васильевич! Вы написали гениальную музыку на мои скромные вирши». Хажбекир, вспоминая об этой встрече, писал: «Действительно, творения двух великих художников сливались воедино, образуя музыкальное ожерелье. Мы завороченно слушали, затаив дыхание». После того, как были спеты все романсы, Кулиев встал, не говоря ни слова, обнял Г. В. Свиридова и сказал: «Благодарю за честь, оказанную моей поэзии, великий мой друг Георгий!» Это была их последняя встреча, хотя они тогда договорились встретиться в Кабардино-Балкарии, так как Кулиев приглашал к себе Свиридова и Тактакишвили.

В знак благодарности и дружбы Кулиев написал в 1970 году стихотворение, адресованное композитору, — «Мы слушали музыку».

Мы слушали музыку. Вечер и сад
Так верили ей, и так мысли парили,
Как будто и музыка, и снегопад,
И все это с нами случилось впервые.

Впервые, давно, до сего, до судьбы,
До участи хлеба, постигшей колосья,
До тяжести, обременившей сады,
До встречи кувшина с водою колодца.

Казалось, что пуля не знает ствола,
Петух не приходит заре на подмогу,

Рука человека огня не зажгла
И жернов еще не учился помолу.

Нет времени позже, чем ранняя рань,
Нет опыта утра у мглы предрассветной,
Не ведает тело премудрости ран,
И нет ничего, кроме музыки этой.

Мы слушали музыку в мире пустом,
Уже существуя, еще не печалась:
Страдания – потом и несчастья – потом,
Пока только музыки первоначальность! [12]

(Перевод Б. Ахмадулиной)

Стихотворение «Мы слушали музыку» написано Кулиевым в 1970 году, когда оба – поэт и композитор – были в творческом подъеме, счастливые и много работали вместе над музыкальным оформлением стихов поэта. Кроме этого стихотворения Кулиев написал еще одно, посвященное Свиридову. Оно называется «Музыка» и входит это стихотворение в статью Кулиева «Власть таланта», опубликованную в сборнике статей и эссе «Поэт всегда с людьми» [13]. В этой статье Кулиев писал: «Мне, немусыканту, говорить или писать о Георгии Свиридове дает право только моя любовь к его могучей музыке. Кажется, я нашел подходящее определение – она именно могучая. В этой музыке заключена огромная сила, ее мощь действует неотразимо. Свиридов – выдающийся художник и неутомимый мастер...» Композитор дарил Кулиеву пластинки, на которых выражал свои чувства к поэту. Так, на одной из пластинок (Георгий Свиридов. Романсы. Всесоюзная фирма грамзаписи «Мелодия». 1981 г.) он писал: «Дорогому Кайсыну Кулиеву с неизменной любовью к его поэзии. Г. Свиридов. 12 октября 1981 г. Москва». Или на другой: (Георгий Свиридов. Пушкинский венок. Всесоюзная студия грамзаписи «Мелодия». Запись 1980) композитор написал: «Дорогой Кайсын Шуваевич, примите мой сердечный привет! Г. Свиридов. 12 октября 1981 г. Москва» [14].

16 декабря 2000 года широко отметили 85-летие со дня рождения великого композитора Георгия Васильевича Свиридова, а через два года, то есть 1 ноября будет

отмечаться также широко в нашей стране 85-летие со дня рождения выдающегося поэта, большого гуманиста XX в. Кайсына Шуваевича Кулиева.

Кайсын Кулиев любил музыку. Об этом свидетельствуют многочисленные стихи, такие, как «Бетховен», «Музыка в храме», «Бубен», «Музыка», «Орфей», «Балкарская свирель», «Мы слушали музыку», «Опять мне чья-то музыка слышна...», «Играют Шопена», «Учись у Баха», написанные в разные годы и по различным событиям в жизни поэта, которые так или иначе прошли через творческое сознание и сердце поэта, обогащая его художественный и музыкальный мир. Выступая на дискуссии в Праге в 1966 году, Кулиев говорил: «Один из великих композиторов сказал, что музыка, основанная только на мастерстве, не идущая от сердца, не стоит той нотной бумаги, на которой она написана» [15]. Кулиев не раз обращался к именам великих музыкантов мира: Бетховена, Шопена, Баха и даже к первому легендарному древнегреческому музыканту Орфею, который покори́л своим искусством всех богов античности и ему разрешили вывести из подземного царства теней свою любимую жену Эвридику.

.
Перебирал Орфей тугие струны,
Я пел напев своих любимых гор.
Порою и теперь мой голос юный
Доносится ко мне с тех давних пор.

Бывает вымысел скуднее были,
Не Эвридика это, не Орфей,
А мы с тобой из ада выходили,
Сломав бессилье песнею своей [16].

(Перевод Н. Гребнева)

Строка «... мы с тобой из ада выходили, сломав бессилье песнею своей» говорила о многом пережитом поэтом в годы депортации на чужбине. Время насильственной высылки поэт сравнивал с адом, имея в виду жестокости спецкомендантского режима, когда человек находился «вне координат» общественно-политической и культурной жизни страны.

Кулиев не только черпал вдохновение в музыке великих композиторов, но и учился у них мужеству, терпению и искал в них утешение. Поэтому недаром поэт в своем маленьком домике, в комнатке, где он постоянно находился, держал портрет Бетховена. Это было во Фрунзе, в Киргизии в период высылки. Об этом говорили многие его современники, посещая поэта. Сохраняется этот портрет Бетховена в Доме-музее в Чегеме I. Восхищаясь стойкостью музыканта, его целеустремленностью и непреклонностью духа, Кулиев писал в 1977 году в стихотворении «Бетховен»:

Он и глухой дарил раскатам грома,
Как мог лишь он, звучанье красоты.
Порой голодным выходил из дома,
И были руки у него пусты.

Когда он возвращался, не имея
На что купить свой хлеб. А за углом,
Блистая золотом, душой чернея,
Воронами в сравнении с орлом,

Соседствовали, те, что власть вершили
Своей ничтожной жизни торжество
И мнили — над вершинами кружили,
Кружа лишь у подножия его.

Да, был недостижим он сердцем, духом,
Да, был огромен душою большой,
Да, слышал гул веков незрячим слухом,
Объяв их необъятною душой! [17]

(Перевод Д. Долинского)

Это стихотворение состоит из 35 четверостиший, самое большое из тех двенадцати стихотворений о музыке, написанные им в 60-е и 70-е годы. Но есть и стихотворение «Бетховен», датированное 1963 годом, которое входит в избранные произведения в двух томах (М., 1970. С. 95). Оно состоит всего из четырех четверостиший. Перевел его Наум Коржавин. Это почти два разных стихотворения. В переводе Н. Коржавина оно не вошло в собрание сочинений Кулиева в трех томах (М., 1987), так как Коржавин считался диссидентом и был выслан из страны.

Второе стихотворение «Бетховен» 1977 года – более глубокое и полное отражение социально-философских и нравственно-этических проблем. В последнем, пятом, цикле Кулиев писал, обращаясь к Бетховену:

Я говорю, Бетховен, твое имя
Подходит к начертанью на скале,
Как мой Чегем с чинарами моими –
На милой, кровной, каменной земле.

.

С рабочим человеком ты единокровен,
Пока поется песня бытия.
Я говорю: с твоих высот, Бетховен,
Мне мир видней, а в мире – жизнь моя! [18]

(Перевод Д. Долинского)

Стихотворение «Бетховен» особенно нравилось однополчанам, с которыми работал Кулиев в газете «Сын Отечества» в годы Второй мировой войны. Так, Мария Федоровна Архарова, работавшая в этой газете, писала Кулиеву в одном из писем: «...Когда читаю Ваши мудрые, чистые и глубоко звучные стихи, то во мне все отзывается так, как будто я слушаю аккорды симфонии Бетховена, а это любимый гений, мой композитор. Ваши стихи очень сильные. И прежде всего тем, что Ваша душа – тонкая и музыкальная, душа сына Кавказских гор, которая в тяжелых испытаниях оказалась крепкой, как старинный клинок из стали, откованной лучшими мастерами народа. И я восхищаюсь Вами и горжусь, что знала такого человека и поэта в дни его славной боевой юности. Все это вызывает во мне особые чувства к Вам – любовь и уважение [19].

Кайсын Кулиев любил музыку Бетховена, и она сильно влияла на его творческое воображение и философские раздумья. Так, в архиве сохранился черновик его статьи «Сияние вершины» (1963), в которой есть такие строки: «...Когда я сел писать статью, то по радио передавали «АППАССИОНАТУ» Бетховена. Я слушал это произведение с таким же чувством удивления, как смотрю на Казбек, когда он на рассвете белым чудом вдруг возникает из мглы. Мой отец не только не мог знать о суще-

ствовании Бетховена, он даже не знал, что на Кавказе жили такие знаменитые кавказцы – его современники: Важа Пшавела и Аветик Исаакян. Народы были не только осуждены на невежество, но и разобщены. А ныне прославленный туркмен Махтумкули так же любим в горах Балкарии, как и наш великий классик Кязим Мечиев» [20].

Кулиев хорошо знал европейскую художественную и музыкальную культуру, в частности творчество выдающегося немецкого композитора – Иоганна Себастьяна Баха, который написал около 200 кантат, инструментальных концертов и сочинений для органа и т. д. Произведения Баха тесно были связаны с демократической линией немецкой художественной традицией, поэзией и музыкальными народными мелодиями. Он был непревзойденным мастером полифонии и музыкальным мыслителем эпохи Просвещения. В его музыке Кулиев находил для себя многое: воспитывал в себе силу воли, мужество, чтобы преодолевать горе, болезни и прочие беды. Поэт призывал к этому себя и своих близких в стихотворении «Учись у Баха...» (1972)

Печаль твоих невзгод, твоих сомнений
Пусть станет звуком иль строкой живой.
Так поступал боль превозмогший гений
И тот певец – земляк безвестный мой [21].

(Перевод Н. Гребнева)

В предпоследний год своей жизни, находясь в больнице и уже зная о своем близком конце, поэт написал большой цикл стихов «Зимняя тетрадь» (1984), среди которых есть «Болеро», занимавшее особое место среди стихотворений этого цикла. Вспоминая прожитые годы – счастливые и тяжелые, – он опирался на «Болеро» Равеля:

Снова слышу я «Болеро»,
«Болеро» Равеля звучит,
Как в счастливые дни мои,
Как в тяжелые давние дни,
«Болеро» Равеля звучит.

Можно думать, что на небесах
Эта музыка родилась.

Ну, а мне, — где б ни слушал ее, —
Мне все чудится каждый раз,
Что шагает за мулом мул
По кремнистой дороге в горах
Вешним вечером между скал.
О вы, мулы моих детских дней!
«Болеро» Равеля звучит...

Неужели для моря и гор,
Неужели для зерен и звезд,
И для музыки, и для воды
Неужели есть тоже смерть?
Неужели нигде и ни в чем
Ничего бессмертного нет?
«Болеро» Равеля звучит...

Дайте мулам тихо шагать,
Дайте мудро мулам ступать
В вешних сумерках среди гор!
«Болеро» Равеля звучит... [26]

(Перевод Л. Шерешевского)

Фридерик Шопен, великий польский композитор, поднял музыку на новую высоту в первой половине XIX в. Он сделал музыку изобразительной, ближе к народному быту. Об этом говорили его мазурки, исторические сцены — в полонезах, народные предания — в балладах, полнота внутренней жизни — в сонетах, этюдах и др. У Кулиева есть стихотворение «Играют Шопена» (1963), идейно-нравственный полифонизм которого мог родиться только из всего пережитого поэтом. То, о чем рассказывал Кулиев в стихотворении «Играют Шопена», могло произойти и с каждым человеком в отдельности и с любым народом, с узниками фашистских концлагерей Освенцима и Штудгофа, с жителями Хатыни. Это стихотворение имело глубокий социально-философский и нравственный аспекты в осмыслении и нынешних трагедий — братоубийственных войн и национальных противостояний. Эту сторону художественно-образного отражения действительности, психологической драмы, национальных трагедий увидел А. Твардовский, когда сказал, что это стихи не об искусстве — о трагедии народа, о его борьбе за свободу. Переживания ума и сердца Кулиев сумел по-

этически выразить в девяти четверостишиях, где в единичном увидено общее, типичное, в части — целое. Поэтому каждый, кто читал это лирическое произведение, понимал, что это траурный реквием человеческому страданию одного человека и народа в целом, мужественный гимн свету и бессмертию тех, кто погиб за свободу и правое дело:

Борцы за свободу сражение ведут.
Но враг одолеет — повстанцы падут.
Рассветные зори для них не взойдут:
Играют Шопена.

В заоблачных высях, вдали от земли,
Кричат, заблудившись в пути, журавли.
И раненый кровью исходит в пыли:
Играют Шопена.

.

Погибших за волю отчизны своей
Хоронят. Плач ветра в безмолвье слышней.
И кружится снег над просторами дней:
Играют Шопена.

Сжав зубы, молчит, словно камень, герой,
Печальный, с угрюмою схож он горой.
И мать его гладит дрожащей рукой:
Играют Шопена.

Вновь всходит трава после зимних невзгод,
И женщина руки на плечи кладет
Любимому, веря, что счастье придет:
Играют Шопена.

Потоки поют, ниспадая со скал.
Платан зеленеет. Рассвет засверкал.
И взору открыт на заре перевал:
Играют Шопена [23].

(Перевод Л. Шерешевского)

Перспектива неизбежной победы добра над злом органично вошла в лирическое повествование этого стихотворения, придавая ему радостный тон. В финальных словах поэта слышались светлые аккорды побеждавшей

гармонии, радости людей, жаждущих мира и справедливости.

Стихотворение «Играют Шопена» покорило всех своей музыкальностью и глубиной мысли. Так, профессор Надежда Петровна Ченина, которая лежала в больнице в том же корпусе, где находился на лечении Кулиев, писала ему после того, как она выписалась из больницы. Вот что писала она 3 июля 1972 года: «Всего несколько раз мы беседовали с Вами. Но я всегда получала удовольствие от этих бесед, от того, что наши литературные вкусы (начиная с Твардовского) так совпадали.

Позвольте мне сказать Вам еще и то, что мне особенно в Вас понравилось:

удивительно гармоничное сочетание яркого, изысканного Востока с хорошей и широкой западной культурой.

Мне всегда нравились Ваши стихи. Я неоднократно говорила Вам об этом. И вот сейчас, как образованному, взыскательному читателю, мне хочется сказать Вам, что Ваша творческая сегодняшняя деятельность представляется мне большим Вашим творческим взлетом. Я с теплым чувством прочитала Ваши стихи в больнице... Восхищаюсь стихотворением «Дождик». Какая чистота и образность! Умытая, прозрачная природа, неповторимая прелесть Вашей родины.

Как-то я сидела у радиоприемника и прослушала Ваши стихи с повторением о Шопене. Опять я поразились музыкальному ритму Вашего стиха; одним словом, безусловно, — это творческий взлет».

Об этом стихотворении Кулиева писали многие, которым нравилась музыка Шопена. Так, во время выступлений Кулиева перед любителями поэзии, ему подали записку такого содержания: «Кайсын Шуваевич! Скажите немного о стихотворении «Играют Шопена», какому из произведений Шопена оно посвящено? Я как-то слушала сонату си бемоль минор (с траурным маршем) и мне показалось, что Ваши стихи написаны под впечатлением этой сонаты. И Ваше стихотворение все прошло тогда передо мной, как и вся соната Шопена. Все это очень субъективно и Вы можете не отвечать на мою записку, если не хотите» [24]. В другой записке говорилось: «Кайсын Шуваевич, когда Вы пишете свои стихи, то думаете

ли Вы о том, что они могут быть переложены на музыку?» [25]

В третьем цикле стихов «Зимняя тетрадь» (1984) снова Кулиев обратился к Шопену и его музыке. Вероятно, он многое для него значил, если находясь зимним вечером в Чегеме, поэт припомнил «былые дни, былые встречи, промчавшееся птицей время» и в его сознании вновь и вновь звучала музыка Шопена:

А пианист играл Шопена,
Переходя от темы к теме.
Клубился снег, белей, чем пена,
Студеным вечером в Чегеме:
Как, по земле родной тоскуя,
Жил горько, тяжело польский гений!
Но людям музыку такую
Он подарил! Шел снег в Чегеме [26].

(Перевод Л. Шерешевского)

Стихотворение называется «Зимним вечером в Чегеме». Оно о прошлом и о любимой женщине, которая последние два года жила с ним в Чегеме, ухаживала за ним, за больным и скрашивала, как могла, его последние месяцы и дни. О любви к ней и к музыке Шопена писал поэт:

Любовь и боль в его напеве
Слились, как мысль и звук в поэме!
Белели крыши и деревья,
Струился снегопад в Чегеме.

Сидела ты, как в ореоле,
В мерцанье свеч над зимней темью,—
И что любовь сильнее боли,
Я вновь уверовал в Чегеме [27].

(Перевод Л. Шерешевского)

Даже в эти трагические дни Кулиев верил, что он будет здоров и любимая будет с ним. Любовь ее спасет поэта, и для него будет звучать музыка Шопена:

И в счастье верю неизменно,
Виденьями оваян теми:

В дружеских отношениях был с Кулиевым народный артист СССР, Герой Социалистического труда Махмуд Эсамбаев, который искусно исполнял танцы народов мира. Они впервые познакомились во Фрунзе в 1945 году. Кайсын Кулиев и Махмуд Эсамбаев в течение тринадцати лет много раз встречались, ходили друг к другу в гости, часто проводили время вместе в кругу своих друзей киргизов, русских, украинцев, ингушей, карачаевцев, калмыков, крымских татар, немцев Поволжья, турок-месхетинцев, высланных так же, как и они в Среднюю Азию. В то время депортированные народы, можно сказать, находились вне общественно-политической и культурной жизни страны. Они как «наказанные» народы не имели право проявить и показать свою художественную, музыкальную культуру. Для артистов и музыкантов недоступны были сцены театров. Невозможна была и публикация в печати произведений писателей и поэтов. Кулиева и Эсамбаева волновали одни и те же вопросы, как сохранить и дальше развивать национальную культуру и искусство чеченского и балкарского народов.

Дружба этих двух великих людей продолжалась до конца их жизни. Махмуд Эсамбаев часто приезжал в Кабардино-Балкарию, неоднократно выступал с концертной программой в музыкальном театре г. Нальчика и в других городах и районах КБР. В 1974 году, когда общественность республики широко отмечала присуждение Кайсыну Шуваевичу Кулиеву Государственной премии СССР, Махмуд Эсамбаев специально приехал в Нальчик с концертной программой, в которую входили танцы народов мира – Европы, Америки, Азии. Концерт проходил в Долинске, в Курзале днем, 6 ноября. Перед выступлением Махмуд Эсамбаев поздравил Кулиева с высокой наградой: присуждением ему лауреата Госпремии СССР за «Книгу земли» и сказал: «Эта книга получила широкое признание у советских читателей и заслуженно оценена правительством. Свой первый горский танец и последующие за ним – испанский, бразильский, индийский, мексиканский – я посвящаю моему близкому другу, брату Кайсыну Кулиеву за его высокую поэзию, признанную в

мире». Далее Махмуд Эсанбаев добавил, что он был с концертами во многих странах — на трех континентах, и там он узнал, что поэзию Кайсына Кулиева хорошо знают за рубежом. «В этом я убедился, когда увидел в книжных магазинах сборники стихов поэта на английском, французском и испанском языках», — закончил свое выступление Эсанбаев.

Кулиев выступил с ответным словом. Они обнялись при бурных овациях многочисленных зрителей. Обращаясь к Махмуду Эсанбаеву, Кулиев сказал: «Когда мы были на чужбине, то не могли увидеть на сцене твой огромный талант. Теперь ты танцуешь не только в столицах союзных и автономных республик нашей необъятной страны, но и во многих городах мира — Париже, Варшаве, Лондоне, Мадриде, Нью-Йорке, Мехико, Пекине, Токио, где тебя с восторгом встречают и аплодируют люди разных национальностей. Это свидетельствует о признании твоего большого таланта, как мастера танцевального искусства. Исполнять танцы народов мира — это великое искусство. Мы, горцы, этим гордимся. Когда ты исполняешь на сцене танцы многих народов, то мы видим в них органическое слияние этнических культур Востока и Запада». Очевидно, вспоминая танцы своего прославленного друга Махмуда Эсанбаева, на концертах которого был не раз, Кулиев писал в стихотворении «Древний танец огневой...» (1973):

Древний танец огневой,
Не забытый и поныне,
Нас ты греешь и зимой
Жарче, чем огонь в камине.

.....

Закружилось все, звеня,
И не оторвать нам взгляда
От мелькающих нарядов,
Будто сшитых из огня.

Нету ночи, нету дня,
Только воплощенье боли,
Вечное стремленье к воле
Горцев, живших до меня.

Древний танец огневой,
Ты бушуешь, все сжигая.
Нет тебе конца и края,
Словно звездам надо мной [29].

(Перевод Н. Гребнева)

Кулиев принимал участие во многих мероприятиях большой общественно-политической и культурной значимости для страны. Так, когда шла подготовка к юбилею – 50-летию образования СССР – его пригласили принять участие 13 мая 1972 года в музыкальном концерте «Песни родины моей», который состоялся в Москве в Колонном зале Дома Союзов. Композиторы всех союзных республик знали Кайсына Кулиева и писали ему письма, чтобы он дал согласие на его стихи написать музыку. Так, от 11 декабря 1969 года композитор Владимир Стасов из города Джамбул Казахской ССР писал: «Уважаемый и всеми уважаемый товарищ Кулиев! Простите, но я не знаю полного Вашего имени и отчества. Дело в том, что я сложил музыку на ваше стихотворение «Все еще впереди». Мне важно знать, первый ли я сочинитель музыки на Ваше стихотворение? Это я спрашивал у местных музыкантов, и они мне сказали, что такой музыки не слышали. Я очень прошу Вас ответить мне на это мое послание-просьбу к Вам. Если действительно, нет еще песни «Все еще впереди», потому что я сам ее не слышал, то напишите мне по адресу: г. Джамбул-3, дом 117 «А» Стасову Владимиру. Я буду ждать! С уважением и с приветом к Вам. Ваш читатель. В. Н. Стасов» [30].

Или вот другое письмо из г. Свердловска от В. А. Усович. «Здравствуйте, глубокоуважаемый Кайсын Шувачев! Пишет Вам искренний почитатель вашего огромного таланта свердловский композитор Виктор Усович. Ваши мудрые, замечательные стихи давно привлекают меня. Меня всегда волновала их образность, и, главное, их особая музыкальность.

У меня есть и песни, и романсы на Ваши стихи, но до сих пор я не считал себя вправе представить свою музыку на Ваш суд. Два года назад я написал камерную кантату на Ваши стихи. В то время я заканчивал Уральскую консерваторию в классе Д. Б. Гибалина, и это произведение вошло в дипломную работу. К сожалению, ввиду

обычных организационных трудностей, которые испытывают молодые композиторы с исполнением своей музыки, кантат, я не смог тогда Вам написать и поставить Вас об этом в известность. Признаюсь Вам, что я сам очень люблю эту кантату и мечтаю ее услышать в реальном звучании.

Очень хочется узнать Ваше мнение относительно моей арии. И Ваше отношение к тому, что я осмеливаюсь писать музыку на Ваши стихи. Надеюсь на то, что Вы мне ответите.

Мой адрес: 620151. Свердловск. Гл. почтамт. До востребования. Усович Виктор Алексеевич. Всего Вам доброго» [31].

Как видно из этих писем и других архивных материалов, поэзия Кайсына Кулиева явилась совершенной системой языка композиторов для выражения своих чувств и особым способом их восприятия мира, когда они знакомились с его поэзией. Это была их индивидуальная когнитивная способность в выражении музыкальности кулиевского стиха. Это подметил грузинский композитор Русудан Тохидзе. 12 мая 1972 года она писала: «Безграничное Вам спасибо, поэт Кайсын Кулиев, за стихотворение «Колосья и звезды». Оно задело мне все струны души. Спасибо за тот обширный параметр, который Вами взят не зря. В медицине не классифицируется «трагический темперамент», но подняться до высокой драматургии и трагедии – не суждено простому смертному, не удел каждого, а только единиц, так же, как нельзя подняться любому до высшей сатиры. И сила таланта в этих случаях отражает самую глубину и даль действительности. Спасибо за высокую лестницу художественного слова. Вам это удалось.

Желаю Вам крепкого здоровья и полного творческого успеха. Очень была бы рада получить от Вас эту книгу. Я врач и композитор. Давно хотела отозваться на стихотворение «Колосья и звезды» музыкой... Пишите по адресу профессора Владимира Амбакаевича: Тбилиси-30, ул. Т. Табидзе, пер. 1, дом 34 для Русудан Владимировны Тохидзе» [32].

Кулиев ответил ей и поблагодарил за такое внимание к его поэзии и вскоре получил от нее второе письмо от 27 июля 1972 года. Она писала: «Дорогой друг Грузии,

глубокоуважаемый Кайсын Шуваевич! С большой радостью получила ваше радушное и поэтическое, восторженное письмо. Жду выхода партитуры... И затем вышлю Вам все мои ноты вместе с партитурой «Кавказ».

Я опять буду в Киеве от 6 июля до 13 июля. С радостью дождусь Ваших глубоко поэтичных и талантливых сочинений...» [33]

В стихотворении «Колосья и звезды» покорила ее, как писала она, глубина мысли и очарование «людского счастья проявления не только в хлебе», а также красота звездного неба и дождя, когда «колосья мирно спеют с домом рядом» и «над домом мирно льется звездный свет».

И радуемся мы таким отрадам,
Таким дарам, цены которым нет, —

писал поэт. Стихотворение действительно прекрасно своей истинностью выражения красоты окружающего нас мира и дает возможность для пробуждения полета фантазии. Это стихотворение обладает настоящим художественным видением действительности. Обратимся к началу стихотворения:

Колосьям на земле и звездам неба
я поклоняюсь, я молюсь на них.
Нет ничего священной счастья хлеба,
нет ничего счастливей звезд ночных [34].

(Перевод С. Липкина)

Поэтическое видение Кулиева отражало в данном стихотворении, в чем трудовой человек видел счастье:

И видит пахарь, трудно засыпая,
как хорошо идут колосья в рост,
он слышит гул рабочий урожай
сквозь шум дождя и созреванье звезд.

(Перевод С. Липкина)

Кулиев знал, что на его стихи создается музыка многими известными и малоизвестными композиторами из разных регионов Советского Союза. Так, в письме М. С. Пелищева от 26 декабря 1975 года из города Нижнекамска

Татарской АССР говорилось: «Уважаемый Кайсын Шуваевич! Вот и наступил момент, когда я решил рискнуть и представить на Ваш суд «Не верю тем...»

Так уж получается, что Вы услышите ее раньше меня. В данном случае, наверное, это справедливо. Я ее только услышу где-то в марте-апреле будущего года. Исполняет песню а капелла, и мужской квартет Московской филармонии и женский квартет Нижнекамского музыкального училища. Пока исполняет ее только для меня. «Дорогу же в люди» она получит после того, как я узнаю на этот счет Ваше мнение. В частности, от судьбы моего «первенца» зависит дальнейшая работа над песенным циклом на Ваши стихи. В него войдут (по сборнику библиотеки «Огонька» № 1, лирика, стихи в переводе Н. Гребнева, издательство «Правда» 1974 г.).

1. «Стихи, сказанные в лунную ночь» в марте будет исполнена а капелла в г. Нижнекамске.

2. «Женщина купается в реке» в марте – в Нижнекамске. Я тоже услышу ее.

3. «Когда стареет красивая женщина».

4. «Речки детства».

5. «Земля, твой камень трону я рукой». Мне хотелось бы, чтобы Вы добавили к нему одно четверостишие.

6. «Упал на траву».

7. «Стихи о врагах».

8. «Уйдя, я не возьму ни речек белых...»

9. «Как хорошо проснуться на рассвете».

10. «Расставание».

11. «Тому, кто придет вслед за мной».

12. «Не верю тем...» Я его не буду излишне комментировать.

Единственно, чего я добивался, это – максимально акцентировать внимание на стихах. Если Вы помните, я звонил Вам из Братска. Я тогда жил там и сказал Вам, что пишу музыку на Ваши стихи. Я намеревался это сделать в 1974 году. Однако переезд из Братска в Нижнекамск, нарушил мои планы. И теперь надеюсь, что они будут выполнены в 1976 году.

Для первого знакомства, тем более заочного, я пишу слишком много, и поэтому заканчиваю.

Поздравляю Вас и Ваших домочадцев с Новым годом!

Я знаю, что этот год для Вас был счастливым, но он

уже прошел. Так пусть будущий год будет еще счастливее!

М. Пелишев. Нижнекамск Татарской АССР.

До востребования: Пелишеву М. С.» [35]

Интересным является и письмо известного ленинградского композитора Виктора Михайловича Кулакова, который тоже хотел писать музыку на стихи Кулиева и просил его согласия. Письмо было написано 17 октября 1977 года. «Добрый день, уважаемый Кайсын Шуваевич! — писал он. — Пишу Вам в надежде получить от Вас принципиальное согласие на использование двух Ваших стихотворений, таких, как «Жить, удивляясь...», «Рождается на свет дитя...» из книги «Лирика», выпущенной издательством «Современник», М., 1973 г. В переводе Н. Гребнева. Эти два стихотворения положены мною на музыку в вокально-инструментальном цикле, который у меня называется «Жить, удивляясь».

Я композитор. Моя фамилия — Кулаков Виктор. Я живу и работаю как композитор в г. Ленинграде. Этот цикл я задумал в шести песнях. Первая песня, которая открывает цикл, — это песня на Ваши стихи! «Жить, удивляясь...», затем идут четыре песни на стихи Сергея Есенина «Ночь», «Восход солнца», «Колокол дремавший», «Ой, купая...». И завершает весь цикл песня на Ваши стихи «Рождается на свет дитя...». Таким образом, возник полностью завершённый цикл, который, на мой взгляд, раскрывает и подчеркивает основную идею Вашего первого стихотворения: «Мне очень жалко тех людей, которых на свете ничего не удивляет». Возникает как бы невидимая нить между Вашим и моим современником и человеком, который так же, как и Вы, жил, трудился, удивляясь... и цветам и птицам, и словам и лицам. Но только в своем времени. Идея вечного стремления человека к прекрасному поможет другому человеку понять это чувство, сделаться лучшим, — красной нитью проходят через Ваше творчество и через творчество С. Есенина. Поэтому Ваши стихи и стихи Есенина мне так близки и понятны. Поймите меня правильно. Это не дифирамбы! Хотя Вы их, безусловно, заслуживаете. Это мое искреннее отношение к Вашему творчеству.

Предполагается этот цикл записывать с певцами — солистами и вокально-инструментальными ансамблями

на Всесоюзной студии грамзаписи в Ленинграде, в начале 1978 года. Поэтому прошу Вас, если Вы не возражаете, то дайте мне согласие в письме.

Кайсын Шуваевич! Для формы грамзаписи, но и для нашего Союза композиторов, где я буду показывать этот цикл, вероятно, потребуется официальная бумага, где Вы, как поэт, не возражаете против моего соавторства как композитор в цикле «Жить, удивляясь...». Если Вас не затруднит, пришлите, пожалуйста, такое официальное согласие.

С уважением к Вам В. Кулаков.

Мой адрес: г. Ленинград-192014, ул. Красные связи, д. № 3, кв. 5. Кулакову Виктору Михайловичу» [36].

Во многих мероприятиях общественно-политической и культурной жизни, которые проводились тогда в нашей стране, многие деятели культуры и искусства обращались к Кулиеву с просьбой принять участие или помочь по тому или другому вопросу. Так, помощник главного режиссера театра имени Моссовета А. С. Митников обратился с просьбой выслать пленку с записью стихов на балкарском языке. «К 60-летию Октября артисты нашего театра, — писал он, — готовят поэтические вечера, где будут читать Ваши стихи. По замыслу режиссера перед выступлением артиста зрители должны услышать звучание этих стихов на родном языке их автора (хотя бы первые четверостишия). Мы просим Вас, если возможно, выслать в адрес театра пленку (или пластинку) с такой записью, или, если в сентябре — начале октября будете в Москве, загляните к нам, в театр — и мы запишем Ваш голос. В концерте будут исполнены Ваши стихи «Давайте называть забор забором...» и «Чтоб я ни делал...»

С уважением помощник Главного режиссера по политической части

А. Митников» [37].

С аналогичным письмом к Кулиеву обратился научный сотрудник Кисловодского театрального музея музыкальной культуры Ирена Петровна Аветисова 20 июня 1975 года. Она писала: «Уважаемый Кайсын Шуваевич! Я обращаюсь к Вам с просьбой. В течение десяти лет существования музея у нас проводятся творческие вечера-утренники под рубрикой «Звезды над горами». Одной

из замечательных и именитых звезд Кавказа мы считаем, многоуважаемый Кайсын Шуваевич, Вас. Поэтому очень просим Вас принять участие в одной из ближайших «Суббот» (ориентировочно, вернее, желательно 10 или 12 июля), которая будет посвящена встрече с Вами и Вашим замечательным искусством.

Вас ожидает самый теплый и радушный прием. Очень просим по возможности не отказать. Во встрече примут участие артисты нашей филармонии.

Начало «Суббот» по традиции в 12 часов дня. Ждем Вашего решения и, конечно, согласия, в какую из суббот Вы сможете приехать к нам.

С уважением Аветисова» [38].

Его литературно-музыкальные радиопередачи по Центральному радиовещанию и телевидению слушали в нашей стране десятки миллионов. В связи с этим поступало много откликов на эти передачи в Союз писателей СССР, КБАССР и лично Кайсыну Кулиеву. Вот что писала москвичка Нина Григорьевна Степанова за передачу «Поэтическая тетрадь» 5 марта 1977 года: «Мы получили большое удовольствие от передачи К. Кулиева «Женщине посвящается». Очень хорошо проведена и организована эта поэтическая передача. Нам было очень приятно услышать голос самого талантливого поэта нашей страны и его поздравления Женщинам. Спасибо ему за это. Просим сделать большую передачу об этом поэте, особенно хотелось бы услышать стихи в переводах Дмитрия Кедрина. Было бы хорошо дать нам возможность послушать и жену Кедрина – этого честного человека по отношению к людям. Талантливый балкарский поэт К. Кулиев делает большое дело – возвышает СССР, когда славит женщину-мать. Это очень важно для воспитания молодежи. Поэтому передачу о матери надо еще раз сделать вечером, чтобы все услышали в подходящее время (как футбол и хоккей).

Творчество Кулиева имеет большое значение в эстетическом воспитании подрастающего поколения. Руководство радиокомитета страны хорошо поступило, что организовало передачу 5 марта – перед Женским праздником...» В конце письма она писала, что она относится к поколению комсомольцев 30-х годов, когда она активно участвовала в общественно-политической жизни стра-

ны, а в годы Великой Отечественной войны самоотверженно трудилась в тылу. Ее адрес: Москва 123423, ул. Д. Бедного, д. 1, корпус 5, кв. 3 [39]. Другая почитательница таланта Кулиева из Башкирии М. Габидулина писала: «...Мне хочется сказать Вам большое спасибо за Ваше выступление по Всесоюзному радио, посвященное Дню 8 Марта. Это была музыкальная передача на Ваши стихи. Спасибо Вам, что Вы так пишете о Женщине, о ее красоте, добром сердце, что кажется, будто все женщины планеты Ваши матери и сестры. И самые даже несчастные женщины могут быть счастливыми от сознания того, что есть на свете Человек, который искренне преклоняется перед ними, уважает их.

Спасибо Вам за Ваши прекрасные стихи и песни, Кайсын Шуваевич. Вас всегда будут любить и уважать и никогда не забудут Вас.

С уважением М. Г а б и д у л и н а» [40].

Нина Степина, учительница средней школы г. Перьми, писала Кулиеву о том, что она с большим удовольствием слушает музыкальные передачи по радио и телевидению, особенно в исполнении Эдуарда Хиля. «... Ваши стихи, — писала она Кулиеву 28 октября 1977 года, — открыли мне удивительный мир, прекрасный мир поэзии. Я познакомилась с Вашими стихами вот так. Однажды по телевидению шел концерт моего любимого певца Эдуарда Хиля. Он рассказывал о новых песнях, в том числе и о «Балладе о черном коне» и очень тепло отзывался о Вас. Он прочел стихотворение «Ценю я с нежностью и строгостью...». Это стихотворение поразило меня своей добротой, оно отвечало моим мыслям. И мне захотелось глубже познакомиться с Вашими стихами. На другой же день я взяла в библиотеке сборник стихов «Раненый камень». С тех пор я в плену Ваших стихов. Теперь Вы для меня самый любимый поэт. Я люблю все Ваши стихи, но самые, самые любимые — это «Ценю я с нежностью и строгостью...», «Жить, удивляясь», «Старинная заповедь», «Чужой бедой жить не все умеют». А ваша песня «Все еще впереди» стала гимном моей жизни. В дни, когда мне бывает очень тяжело, она мне помогает. Огромное спасибо Вам, Кайсын Шуваевич, за Ваши чудесные и добры стихи, за Вашу любовь к людям. С искренним уважением к Вам — Нина Степина» [41].

Подобных писем, в которых любители поэзии и музыки выражали свои чувства, Кулиеву было очень много. Одно из таких писем было из г. Ярославля. Зоя Иванченко писала: «Здравствуйте, дорогая редакция! Слушая сегодня радиопередачу поэта Кайсына Кулиева, я очень взволновалась. Я ее не могла слушать без слез. Я ветеран Великой Отечественной войны и труда. Да, женщина сильна, сильна духом и сердцем! Это верно. Мы, молодые девушки, пошли добровольно на фронт, нам было по 18 и 19 лет. Мы не были матерями, но какая в нас была сила и жалость ко всему живому! Мы делали все: перевязывали раненых, очищали госпитали и больницы, которые немцы превратили в конюшни и держали в них лошадей. Таких девчат на войне было много. Мы стирали для армии белье, обслуживали 59-ю армию, это Волховский район... И вот спустя годы о таких, какими были мы, написаны Вами стихи» [42]. А вот другое письмо. «...Я не могла удержаться от слез, когда слушала Ваши стихи,— писала Афанасьева Александра Ивановна из г. Ирбит Свердловской области.— Я плакала, как никогда. Об этом я пишу Вам. 5 марта утром я слушала Ваши стихи. Невозможно было слушать эти трогательные стихи без слез. В этом минуты я почувствовала, что я тоже мать троих детей. У меня три внуки. Я никогда не слышала таких проникновенных стихов, посвященных женщинам. Я росла в бедной семье, неграмотна и моя судьба сложилась не совсем удачно. 5 марта, слушая Ваши стихи о женщинах, у меня на душе появились светлые мысли. Можно сказать, как будто я помолодела на 40 лет, а мне 67 лет!

Дорогой и милый поэт, пожалуйста, читайте почаще свои стихи. Я всегда буду слушать Вас. Ваши стихи глубоко проникают в женские души, в души всех матерей» [43].

После музыкальных передач, посвященных Женскому дню, когда Кулиев читал свои стихи, было много откликов из различных городов и сел Союза. Так, Сенченко и Баинниковы из Саратова обратились в литературный отдел Московского радио со словами благодарности. Они писали: «...Эта передача взволновала и обрадовала нас, женщин... Благодарим литературный отдел Всесо-

юзного радио и лично Кайсына Кулиева за такие замечательные слова о женщинах...» [44]

Один из молодых и начинающих поэтов писал Кулиеву, что его земляк Шахбулатов создал музыку на стихи поэта, более десяти песен. К сожалению, это письмо было без фамилии и даты. По содержанию письма, нам кажется, что автор письма был из Дагестана, об этом говорят имя и фамилия композитора — А. Шахбулатов. Эта фамилия в Дагестане довольно распространенная. В письме говорилось: «Здравствуйте, Кайсын Шуваевич! Я давно мечтал написать Вам, как читатель и как поклонник Вашей мудрой и человечной поэзии. Вот уже многие годы Ваши стихи помогают мне жить, бороться с ударами судьбы, ценить окружающих людей. Иногда мне кажется, что Вы пишете специально для меня, так глубоко проникают мне в душу Ваши стихи. Еще раз спасибо Вам за мудрую поэзию, за щедрое сердце! У меня есть почти все Ваши книги, а одна из них с автографом: Вы подарили ее мне на VI Всесоюзном совещании молодых писателей, участником которого я имел счастье быть. Это книга — «Высокие деревья».

Кайсын Шуваевич, не судите меня слишком строго за то, что набрался смелости послать Вам свой скромный сборник стихов. Сам бы я никогда не решился. На этот «подвиг» меня вдохновил наш общий друг Даниил Долинский. Он же дал мне Ваш домашний адрес.

У меня к Вам большая просьба, Кайсын Шуваевич. VI Всесоюзное совещание молодых писателей рекомендовало мой сборник стихов к изданию в Москве. Рукопись находится в издательстве «Советский писатель». И, по-видимому, будет принята к изданию. Занимается этим делом Чапчахова. Я буду Вам очень признателен, если Вы сможете рекомендовать переводчиком моих стихов Д. Долинского. Мне нравятся его переводы и лучшего переводчика я не смогу найти.

Заранее я Вам благодарен за творческую помощь.

Хочу Вам сообщить, что наш композитор А. Шахбулатов написал более десяти песен на Ваши стихи. Одна из них — «Женщинам» — получила диплом на Всесоюзном конкурсе, посвященном году женщине. А три песни: «Доброй Вам ночи» («Стихи, сказанные в лунную ночь»), «Пусть никогда не умирают дети», «Женщина

купаются в реке» впервые прозвучали 24 марта на концерте одного из лучших эстрадно-симфонического оркестра под управлением Бадхяна в Ленинграде. Еще несколько песен композитор Шахбулатов предложил радиостанции «Юность» [45].

Поэзия Кайсына Кулиева привлекала не только известных композиторов, но и начинающих, юных музыкантов. Они писали поэту о своих первых пробах в музыкальном мире, о своих мечтах и желаниях, стремились понять поэтическую прелесть и музыкальную тональность его стихов. Такие письма в архиве Кулиева встречаются довольно часто. Так, 16 марта 1976 года в редакцию газеты «Известия» поступило письмо от ученика вечерней музыкальной школы г. Москвы Игоря Парина. Редакция газеты «Известия» это письмо отослала Кулиеву и сообщила: «Уважаемый Кайсын Шуваевич! Посылаем Вам письмо нашего читателя И. Парина. Просим ответить ему. С уважением Г. Добыш, сотрудник отдела литературы и искусства». Приводим полностью письмо молодого композитора: «Здравствуйте, уважаемая редакция! В «Известиях» от 20 декабря 1975 года я прочитал стихотворение поэта Кайсына Кулиева «Легкая песенка». Стихотворение мне понравилось. Оно тонкое, музыкальное, и у меня как-то сама собой получилась к нему мелодия. Потом я подобрал к нем аккомпанемент и записал ноты. Я окончил в прошлом году музыкальную вечернюю школу, может быть, к этой песенке еще нет музыки.

Если можно, перешлите ноты Кайсыну Кулиеву, может быть, песенка ему понравится.

Ученик 8 «Б» класса № 815 школы г. Москвы. Ноты тоже прислал. Мой адрес: Москва, пр. Вернадского, 89, корпус 5, кв. 29. Игорю Парину» [46].

Юные поклонники таланта Кулиева находили в его поэзии особый мир красоты и благородства. В ней они находили возвышенное и чистое восприятие жизни, вытекающей из его нравственно-эстетических принципов. Их юное мышление в своем отражении действительности опиралось на специфические законы художественного творчества. В этом отношении интересным является письмо студентки Волгоградского училища искусств Олеси Шуровой. Она удивительно задушевно и тонко

подметила особенности лирики Кулиева, в которой органично сочетаются симфония музыки и поэзии. «Уважаемый Кайсын Шуваевич! Пишет Вам выпускница Волгоградского училища искусств Шурова Олеся. В течение многих лет я занималась довольно близко Вашими стихами, стремясь изучить их как можно глубже, проникая в суть, в смысл идей каждого из них. И вот у меня появилось желание написать музыку именно на тексты Ваших стихов. Правда, желание написать музыку появилось внезапно, как долгожданный результат моего изучения Вашей поэзии.

Материалом песни послужило Ваше стихотворение «Я вижу, мама, день весенний...». Когда я читала его, то как-то сразу в моем сознании я услышала музыку. Она звучала сначала очень тихо и нежно, потом чуть громче и я назвала ее «Темой воспоминания», темой той самой колыбельной, которую пела когда-то моя мать в детстве. Эта тема звучит в моей песне дважды: в начале и в конце, в очень высоком регистре, но все-таки фортепиано не может преодолеть того тембра, который слышу я. Это очень печальная, грустная тема звучит, как эхо далекого детства, которое никогда не возвращается, но всегда остается самым близким человеку временем его жизни. Мне хотелось бы подчеркнуть хрупкость, романтичность, своеобразную иллюзорность темы, и, наверное, если бы музыка звучала в оркестре, я поручила бы эту тему или колокольчикам или метасимфону. Я стремилась написать ее душевной и понятной каждому человеку, такой же доступной, как сами Ваши стихи. Мне очень хочется узнать, на Ваш взгляд, мнение о моей музыке, как, по Вашему мнению, справилась ли я с характером песни, смогла ли проникнуться духом Ваших стихов?

Представляю на Ваш суд мою музыку. Мне было бы очень приятно, если бы моя музыка Вам понравилась. А если это произойдет, то помогите, пожалуйста, нашей песне найти дорогу в жизнь.

Жду Вашего ответа. С уважением Олеся Шурова.

Мой адрес: 400066, г. Волгоград, ул. Мира, дом 20, кв. 178». К письму были приложены ноты [47].

Начинающие молодые композиторы обращались к поэту из различных городов Советского Союза. Так, из г. Челябинска 19 мая 1970 года композитор Мистулов

Аскольд писал: «Здравствуйте, товарищ Кулиев. Я, начинающий композитор, решил написать музыку на Ваши стихи. Они мне очень нравятся, так как стихи очень хороши! Первый куплет удачно лег на музыку песни «Я люблю твои глаза», но остальные строфы у меня не ложатся на музыку. Прошу Вас убедительно, сделайте новый вариант Вашего стихотворения «Я люблю твои глаза». Второй, третий и четвертый куплеты надо сделать по ритму первого. При Вашем таланте это ничего не стоит. Прилагаю музыку к первому куплету.

Мой адрес: г. Челябинск, 17, ул. Сталеваров, д. 33 «А», кв. 4. Мистулову Аскольду. Родился я и рос на Северном Кавказе, в г. Грозном, но судьба занесла на Урал. Жду Вашего ответа» [48].

Вряд ли Кулиев согласился с предложением композитора. На это стихотворение уже была написана музыка другими музыкантами.

Кулиев был тесно связан с деятелями культуры и искусства Украины, особенно с композиторами Винницкой области. Так, композитор Д. Н. Немченко написал музыку на слова Кулиева «Я не скажу, земля моя родная...» (1974) в переводе Н. Гребнева. 22 декабря 1974 года Немченко писал: «Дорогой Кайсын Шуваевич! Летом 1972 года мне как дирижеру Винницкого Украинского музыкально-драматического театра посчастливилось быть на гастролях в братской Кабардино-Балкарии, в чудесном городе Нальчике. Удивительной красоты край с необыкновенно гостеприимным народом оставил у нас, украинцев, неизгладимое приятное впечатление. Для меня же, получившего высокое звание — заслуженного деятеля искусств КБАССР — он стал дорогим и родным. Уезжая из солнечного города Нальчика, мы с женой, Валентиной Степановной, актрисой театра, увезли на Украину Вашу чудесную «Книгу земли», подаренную нам благодарной зрительницей Еленой Борсоковой. Мы влюбились в высокую поэтичность Вашего стиха и философскую глубину мысли, заложенные в нем. Мы были бесконечно рады, что Ваш труд высоко оценен правительством — Вам присуждены госпремии. Я задумал написать цикл песен на Ваши стихи, отобрав предварительно несколько стихотворений из «Книги земли». Это следующие стихотворе-

ния: «Счастливые сны», «Опять весна на белом свете...», «Красавицы нашей земли», «Зимняя песенка», «Песенка надежды», «Как хорошо проснуться на рассвете», «Горянка» и другие. А недавно в «Литературной газете» за 6 ноября я прочитал замечательное стихотворение «Я не скажу, земля моя родная...» и написал песню, которая может открыть задуманный мной цикл. Высылаю Вам эту песню с целью знакомства с Вашего благословения на задуманный мной творческий труд. Все песни будут написаны для среднего голоса «баритона» или «м.-сопрано» и симфонического оркестра. Если эта песня вызовет интерес певца вашей филармонии, я готов выслать партитуру для симфонического оркестра. У нас ее поет заслуженный артист СССР Владимир Матковский.

Я, конечно, был бы рад услышать ее в оригинале, на балкарском языке. Прошу прощения за беспокойство, которое я так или иначе принес Вам своим письмом. Желаю Вам больших творческих удач в наступающем Новом, 1975 году.

С глубоким уважением, искренне Ваш
Дмитрий Алексеевич Немченко.

Мой адрес: 286018, Винница, пл. Гагарина, 3, кв. 77» [49].

Из обширного архивного материала видно, что на стихи Кайсына Шуваевича Кулиева написано очень много различных музыкальных произведений известными и малоизвестными композиторами, с которыми Кулиев был лично знаком, а с некоторыми никогда не встречался. Он их знал только по письмам и аккуратно отвечал на их послания-просьбы и предложения. Кулиев не забывал их поздравить с юбилейными датами и праздниками. Одним из таких людей был Шейблер Трувор Карлович, композитор. Он жил и работал в Нальчике. В связи с его 60-летием Кулиев поздравил композитора, написав теплое письмо. «Дорогой Трувор Карлович! В день Вашего 60-летия я шлю Вам сердечный привет, желаю Вам горского здоровья, долгих лет жизни на радость всем нам, а Вашим глубоко человечным произведениям – долгого пути в сердцах людей! Большое спасибо Вам за любовь к нашим горам и к самому тонкому и долговечному аромату души нашего народа, – к его песням. День Вашего рождения – одновременно, и в большей степени является

как бы днем рождения нашего профессионального музыкального искусства. В этот день ранней весны мне хотелось сказать Вам очень много теплых слов, но горцы говорят, что хороша веревка длинная, а речь короткая. И это сдерживает меня.

Дорогой Трувор Карлович, Вы жили большой жизнью талантливого художника. Прожитые Вами годы похожи на ту половину честно пройденной дороги, которая остается за холмами. Творчество остается для Вас священным, как хлеб и роза. Желаю Вам долгой взаимной любви с искусством. Мы стареем, искусство остается вечно молодым. В этом наше утешение и счастье. Поэтому художник меньше всех должен бояться старости.

Если я изменил приведенному мной изречению и был многословен, простите великодушно. По-горски трехкратно обнимаю Вас, славного горца!

16 марта 1960. Нальчик, К. Кулиев» [50].

Среди многочисленных писем, которые встречаются в его архиве, есть из сельских районов. Обычно это письма от почитателей таланта Кулиева. Они просили поэта выслать им грамзаписи его стихов. Так, Божко Федор Степанович, услышав по радио стихи Кулиева, написал ему письмо 29 октября 1977 года. В этой передаче его поразила глубина мысли стихотворения «Когда стареет красивая женщина». Он писал: «Здравствуйте, уважаемый и читаемый мной и многими поэт Балкарии Кайсын! Поздравляю Вас с днем Вашего рождения и желаю солнечных дней в Вашей жизни. В клубах нашего района читаю Ваши стихи на музыкальных вечерах. Мне бы хотелось получить грамзапись стихотворения «Когда стареет красивая женщина». Это о тревогах женщин, начинающих сесть. Повторяю: я чту и популяризирую Вас и прошу, если можно, пришлите грамзапись своих стихов. С приветом Ф. С. Божко» [51].

А научный сотрудник, лесовод, житель Москвы Кондратов Александр Васильевич тоже был покорен музыкальностью стихов сборника «Раненый камень». Он писал Кулиеву: «...Меня познакомил с Вами Темир Басиятович Шаханов. Прошлым летом Вы подарили мне книгу «Раненый камень». Мне 45 лет, но Вашу книгу я клал под подушку, как и в 17 лет томик Есенина. И вот, когда

я пишу Вам письмо из командировки, из лесного края, у меня в ушах звучит Ваш «Перевал» (а его начало особенно). Знаете почему? По-моему, Вы там поднялись над природой до общечеловеческих обобщений и эти строфы могут вести по жизни, но только жизни трудной, постоянно натянутой, как струна. И не беда, если та же струна оборвется при торжественном, как в Девятой симфонии, заключительном аккорде: все равно она пела во имя счастья.

Ваши слова о матери (в Казахстане) берут самые лучшие уголки сердца. Понять это я могу, потому что я сам жил в Казахстане. Сердцем своим хочу, чтобы Вы писали и писали на радость и счастье людям.

Бесконечно любящий Вас Кондратов. Будете в Москве – всегда мой дом – это Ваш дом» [52].

Песни Кайсына Кулиева исполняли самые известные артисты страны в самых престижных концертных залах им. П. И. Чайковского в Москве, Д. Шостаковича в Ленинграде и во многих филармониях союзных и автономных республик Советского Союза. Песни Кулиева часто передавались по Всесоюзному радио и телевидению. Музыкальный мир хорошо знал великого балкарского поэта XX в. Имя Кайсына Кулиева вошло в музыкальную культуру многих народов России и СНГ. В этом бессмертие и слава его поэзии. Справедливо писал известный философ А. Ф. Лосев в своей работе «Музыка как предмет логики», что «музыкальное время собирает разбитые и разбросанные куски бытия воедино, преодолевает тоску пространственного распятия бытия, воссоединяет пространственные и вообще взаимно-отдаленные существенности с единством и цельностью времени их бытия» [53].

Каждое утро местное радиовещание Кабардино-Балкарии на балкарском языке начинается с песни «Жюрек жырым – Туугъан жерим», музыку к которой написал Абидин Байчекуев:

Къор болайым. Туугъан жерим, мен санга,
Сенсе бек жарыкъ кюн дуняда манга.
Сенсиз, насып жокъ хар керти адамгъа,
Къор болайм. Туугъан жерим, мен санга.

Ко всем композиторам и певцам, которые были связаны с ним творческой работой, Кулиев относился с большим уважением и ценил их труд. Долгое время поэт имел дружественные связи с популярным певцом Марком Бернесом, с которым он встречался неоднократно и писал статьи о его обаятельном таланте. Одна из статей так и называется — «Обаяние таланта» (о Марке Бернесе). Мы полностью приводим эту статью, которая хранится в личном архиве поэта:

«В те дни, когда я пел «Шаланды, полные кефали...» на Сиваше или где-нибудь на заснеженных и разбитых снарядами донских дорогах, сидя в кузове распатанного грузовика, вовсе не мог думать, что мне предстоит встреча с Марком Бернесом, что замечательный артист, столь известный, славный и знаменитый, одарит меня своей дружбой и станет петь мои скромные стихи. В те суровые дни войны я, как миллионы воевавших людей, просто не знал — вернусь ли к матери — домой. Тогда так легко было умереть!

После войны меня ждали новые испытания, но прошли и они. Мои стихи, часто печатавшиеся в журнале «Новый мир», понравились Марку Бернесу. На некоторые из них он заказал музыку и написал мне, очень обрадовав этим меня. Вскоре у нас завязались дружеские отношения. Он очень понравился мне, как истинный артист и милый человек. Его не сумела испортить широкая популярность. А это мне очень дорого в любом известном художнике. Спесивые люди, вообще, неприятны мне и противны. Хорошо делать свое дело — большая радость, честь и благо для человека, это его высшее украшение. Марк Бернес очень хорошо делал свое дело, как подлинный артист, истинный талант, снискав этим любовь к жизни миллионов слушателей и зрителей, принеся им своим талантом радость и наслаждение, вливая в них энергию, окрыляя их верой в жизнь. Его искусство было проникнуто горячей любовью к жизни, людям, без чего, по-моему, работа художника мертва: она лишается главного — души, проходя мимо человеческой радости и боли.

Главным свойством таланта и исполнительского мастерства Бернеса, на мой взгляд, были проникновенность

и задушевность. В нем в высшей степени ощущалось обаяние таланта. Когда в его исполнении я слушал «Враги сожгли родную хату», то каждый раз меня охватывал озноб. Так исполнить эту замечательную вещь мог только Марк Бернес.

Он был артистом большой культуры и широких интересов, любил не только искусство, но и литературу. Об этом говорит даже тот незначительный в его жизни факт, что он обратил внимание на мои стихи, заинтересовался ими. Мое стихотворение «Все еще впереди», опубликованное в «Новом мире», на которое по просьбе Бернеса Эдуард Колмановский написал музыку, артист впервые исполнил в одном из больших предпраздничных концертов в первых числах ноября 1966 года в Кремлевском дворце съездов. Оттуда с корзиной цветов Бернес пришел ко мне в гостиницу «Москва». Это было радостно не только для меня, но и для дежурных и горничных гостиницы. Они хорошо знали его и любили, как и множество других людей. Это чувство было равно красоте, а может быть, и выше. Обаяние таланта – прекрасно вдвойне. Таким был для меня и остался Марк Бернес – артист, человек, друг.

В августе 1969 года я с семьей находился на Рижском взморье. Однажды, когда мы возвращались из Риги в Дубулты, мой старший сын Эльдар, горячо любивший Бернеса, купил газеты на вокзале. Мы вошли в вагон электрички. Я пошел вперед и сел. Вскоре сын стал пробираться ко мне и крикнул: «Папа! Умер Марк Бернес!» Я был поражен. Эльдар протянул мне «Комсомольскую правду». В ней я увидел траурную фотографию Марка и заметку Никиты Богословского. Я снова встретился с горем, тяжелой утратой. К потерям, смертям близких привыкнуть невозможно. Уход дорогого нам человека каждый раз невероятен, будто это первая смерть на свете. Так было и со мной в тот августовский день, когда я узнал, что не стало Марка Бернеса.

За несколько месяцев до смерти Марк попросил меня написать текст для песни такого содержания: «Придумано много машин, мир удивили чудеса техники, но человек остается человеком с живой душой, со своей радостью и болью, с любовью к цветам, к зеленым деревьям, траве, земле, где созревают колосья и поют птицы». Тема

была, как говорится, моей, и я с радостью согласился написать такой текст, но не успел. Смерть опередила меня. Тяжело переживая безвременный уход друга, я решил написать стихотворение «Памяти Марка Бернеса». Мой замысел не давал мне покоя несколько месяцев. В те дни я был в разных городах от Тбилиси до Варшавы, и всюду думал о своем стихотворении, но написать его все не удавалось. Наконец, вернувшись домой в начале зимы, я написал его и назвал «Песня, которую не может спеть мой друг». Хорошее это стихотворение или неудачное — дело не в этом, а в том, что я не мог не написать его. Это тот скромный цветок моей высокой земли, который я с любовью и нежностью положил на могилу Марка Бернеса». Стихотворение это написано в 1969 году. Перевел его Н. Гребнев. Вот оно:

Меня просил ты этим летом
Для песни написать слова,
Чтоб птицы пели в песне этой,
Цвели б цветы, росла трава.

Пишу я, но к чему трудиться:
Моих ты не оценишь слов,
Хоть песнями зальются птицы
Над полем, красным от цветов.

Как ни проворны строки песен,
Они твой не отыщут след
В краях, где адрес не известен
И адресатов нет.

Ни песня, ни иная малость
Не проникают в те края.
А здесь что от тебя осталось?
Лишь голос твой да боль моя.

Не слышать голос твой мне странно,
Хоть я и знаю: в свой черед
Смерть, взявшая тебя неожиданно,
Нежданно и ко мне придет.

И друг мой, близкий иль далекий,
Былое вспомнит и — как знать, —
Быть может, тоже сложит строки,
Которых мне не услыхать.

Как я ни верю в силу слова,
Я знаю, что не может быть
Ни слова, ни стиха такого,
Чтоб нас из мертвых воскресить.

И эту песню, что с любовью
Пишу я, примирясь с судьбой,
Пусть завершат, как послесловье,
Две строчки, петье тобой:
«Хотел я выпить за здоровье,
А должен пить за упокой!» [54]

Это стихотворение несколько раз передавалось по Всесоюзному радио, и оно имело много откликов. Вот письмо И. Петровой из города Краснодара. «Уважаемая редакция! В одной из радиопередач «Литературные вечера» прозвучали стихи Кайсына Кулиева, посвященные Марку Бернесу, — писала она. — Прошу Вас, напечатайте это стихотворение в «Литературной газете» и расскажите немного о творческой дружбе Кайсына Кулиева и Марка Бернеса. Если это по какой-либо причине сделать нельзя, то сообщите, где можно найти это стихотворение. С уважением Петрова. Краснодар-40, ул. К. Либкнехта, 123/1, кв. 11» [55]. Получив это письмо, редакция «Литературной газеты», органа правления СП СССР, 6 мая 1971 года, обратилась к Кулиеву: «Уважаемый Кайсын Шувачевич! Пересылаем Вам письмо нашей читательницы, — писал Д. Островский, сотрудник отдела искусств. — Я думаю, что ее просьбу Вы выполните лучше, чем кто-либо другой. Надеюсь, Вы сумеете найти минуту и написать нам об этом страницы две-три. Если же потянет на что-нибудь широкое в связи с этой темой (скажем: исполнитель современной песни как интерпретатор не только музыки, но и лирики), то мы будем только рады. Заранее благодарный Вам — Д. Островский» [56]. Подобные письма Кулиеву писали из различных городов Советского Союза. Так, учительница истории средней школы № 166 г. Куйбышева Р. А. Соболевская писала: «Уважаемый товарищ Кайсын Кулиев, здравствуйте! Простите, пожалуйста, что отнимаю у Вас время. Вчера вторично в передаче по радио «Литературные вечера» я услышала Ваше стихотворение «Песня, которую не сможет спеть мой друг», посвященное Марку Бернесу. Хочу сказать Вам боль-

шое, большое спасибо за замечательные стихи, которые Вы очень проникновенно и с большим чувством прочитали. Я тоже очень люблю песни в исполнении Марка Бернеса. Самые мои любимые «С чего начинается Родина...» и «Журавли». Простите, пожалуйста, за нескромность, но если Вас не затруднит, то пришлите мне пожалуйста, Ваше стихотворение, посвященное Бернесу, или же сообщите, где его можно прочитать. И второе, не подскажете ли Вы мне, где было напечатано стихотворение Расула Гамзатова «Журавли». Я к кому ни обращалась, никто не знает, а я слышала, что оно было опубликовано в печати. Поймите, пожалуйста, мою просьбу правильно. Это не просто собирание автографов знаменитостей. Еще раз прошу прощения за то, что отнимаю у Вас время и за мою нескромную просьбу.

Буду очень и очень Вам благодарна за ответ. Спасибо за чудные стихи. С глубоким уважением к Вам Р. А. Соболевская. Мой адрес: г. Куйбышев-79, ул. Гагарина, д. 42, кв. 40» [57]. А Татьяна Глебовна Варыпаева из г. Калуги 9 февраля 1970 года писала: «Уважаемый Кайсын! Простите, что не знаю Вашего отчества. Меня побудила написать Вам радиопередача «Литературные вечера», которая прозвучала в середине января. Вы читали нам свои стихи, написанные в память Марка Бернеса. Они так вошли в мою душу, как будто бы я их сама написала. В этом году я потеряла свою мать, она очень любила стихи и иногда просила меня написать ей хорошие стихи. Сама она писала письма редко. Любила она очень стихи Расула Гамзатова и пение Марка Бернеса. Поэтому Вы поймете, какое чувство я испытала, услышав эту передачу. В ней было все, что любили мы с мамочкой,— и Ваши стихи, а также душевные Расула Гамзатова и чудесное музыкальное оформление Оскара Фельцмана и Ваш проникновенный голос. Очень прошу Вас, пришлите мне эти стихи. И прошу Вас также передайте то, что я написала о Расуле Гамзатове. Наверное, Вы его видите. Искренне уважающая Вас Варыпаева. г. Калуга-1, ул. Ленина, 76 «в», кв. 9» [58]. Не менее интересное письмо было получено Кулиевым от студентки 5-го курса филфака заочного вида обучения МГУ А. Истогиной из села Ястребовка Курской области 19 января 1970 года. Не зная его адреса, она послала свое письмо в редакцию Всесоюзного радио

«Литературные вечера» и просила ее письмо переслать Кулиеву. «Уважаемый Юрий Мануилович! Передачу «Литературные вечера» я слушаю регулярно и с большим интересом. В сегодняшней (от 19 января) я особенно благодарна за страничку Кайсыну Шуваевичу Кулиеву. Его стихи, посвященные Марку Бернесу, — прекрасны и прекрасно прочитаны, то есть с глубокой болью и искренне, с интонацией мудрой и человеческой. Последняя песня, исполненная Марком Бернесом, была «Журавли». Она была как нельзя кстати. Нас очень много, любящих Бернеса и горюющих о нем. В этой «страничке» была та сердечная теплота, которая совершенно необходима для того, чтобы человек оставался человеком, несмотря на то, сколько будет на земле машин. За все спасибо.

Теперь у меня к Вам просьба. Я знаю, что у К. Кулиева есть маленькая поэма «Бетховен», которая до сих пор не переведена на русский язык. Я очень люблю Бетховена и занимаюсь (немного пока) переводами, а потому прошу Вас, если будет возможность, прислать мне подстрочник этой поэмы Кулиева. Лучше мне было бы обратиться к самому Кайсыну Шуваевичу. Но все равно нужно Ваше посредничество. Я посылаю Вам три своих перевода из Байрона. Во-первых, они могут дать некоторые представления о том, что и как я делаю. Во-вторых, уважаемый Юрий Мануилович, может быть, Вы когда-нибудь сможете использовать их в своей передаче. Я никому, кроме друзей, этих переводов не показывала, а потому мне будет интересно знать Ваше мнение.

Два слова о себе: мне 23 года. С младенчества я тяжело больна: не могу двигаться, учусь заочно на 5-м курсе МГУ. Пишу стихи, делаю переводы, но мало. Печатаюсь в областной прессе, больше нигде в силу многих причин, среди которых не последнее место занимает моя болезнь. По Всесоюзному радио мои стихи тоже звучали не раз, но это благодаря работе друзей. Еще одно: нельзя ли в «Литературных вечерах» дать запись Бориса Пастернака, читающего свои стихи? Может быть, можно сделать копии их и прислать мне? У меня есть магнитофон («Яуда-5»), и Вы бы меня искренне обрадовали. Видите, как много у меня просьб сразу. Простите, уважаемый Юрий Мануилович. Искренно, с уважением — Александра Истогина» [59]. Дружба Кулиева с семьей М. Бернеса продол-

жалась. Когда поэт был в Москве, он приходил навещать вдову и выразить ей свое почтение. Они переписывались. В одном из писем жена Марка Бернеса – Лилия Бернес-Бодрова писала: «Милый Кайсын! Спасибо за внимание, за письмо, за тяжелые воспоминания о Марке.

Дома все в порядке, работой занимаюсь, скоро сессия. Чувствую себя неплохо, настроение привычное. Вышли два фильма о Марке на Ленинградской студии и у нас, на телевидении.

Книга движется понемногу. «Воспоминатели» не все дисциплинированы.

Погода в Москве уже хорошая, тепло, светит солнышко, но бывают и дожди. У Вас уже, наверное, за 30 градусов жары?

Когда собираетесь в Москву? Надеюсь, увидимся!
Всего Вам доброго.

С уважением Лилия» [60].

Она поздравляла Кайсына с праздниками. Так, в одной из праздничных открыток от 24 декабря 1974 года писала: «Дорогой Кайсын! Тебя и твою семью поздравляю с Новым Годом. Желаю вам всего самого доброго. Много радости, веселья и здоровья.

Искренне уважающая вас

Лиля и дети» [61].

Тема «Кайсын Кулиев и музыкальный мир России и СНГ» – многопроблемная и многоаспектная. В этой статье не все вопросы, касающиеся так или иначе этой темы, раскрыты. Но кто-то из кайсыноведов-исследователей задумается, и это тоже будет преклонением перед памятью Кулиева и перед всеми теми, кто писал музыку на его стихи. А добрая память – это уже залог того, что общение с Кайсыном Кулиевым и его друзьями продолжается. В связи с этим хотелось бы упомянуть работу, которую сделал заслуженный артист КБР Махмуд Текуев, собиратель песен на стихи Кулиева. К 80-летию со дня рождения К. Ш. Кулиева он подготовил и выпустил книгу «Мир и радость вам, живущие». Песни на стихи Кайсына Кулиева» (Нальчик: Эльбрус, 1997. 103 с.). Эта книга в числе других была подарена гостям, которые прибыли из СНГ, России и Турции на юбилейные торжества в ноябре 1997 года в г. Нальчик.

Любые статьи, брошюры, книги «Кайсын Кулиев в

искусстве» (в музыке, живописи, изобразительном или прикладном искусстве, в фотодокументах или документальном кино и т. д.) будут всегда считаться уникальными изданиями, необходимыми, можно даже сказать, эталонными, кем бы они ни были написаны – музыковедами или искусствоведами, литературоведами или философами. Поскольку в них – не просто знание прошлого, чувство истории, не отдельные признаки национальных художественных традиций, а определенное чувство общности со всем, что было в XX в. с Кулиевым и его друзьями на милой земле, которых он воспел и прославил в своем поэтическом слове. В истории балкарской культуры Кайсын Кулиев стал новым художественным явлением, в котором многокрасочно запечатлены идеалы и чувства современников, живые цветы национального духа, неумирающие традиции человеческой культуры. Музыкальность его стихов поражала современников – композиторов и исполнителей песен. «Музыка, – писал А. Ф. Лосев, – есть особое мироощущение, не сводимое и не переводимое ни на какое другое мироощущение и другой язык» (Лосев А. Ф. Из ранних произведений. М.: Правда, 1990. С. 227).

В конце этого небольшого очерка мы хотели бы приложить список песен на стихи Кайсына Кулиева, которые опубликованы в книге М. Текуева «Мир и радость Вам, живущие» (Нальчик, 1997), для того чтобы композиторы знали, на какие стихи Кулиева и кем создана музыка, указав и исполнителей этих песен. Это сделано, потому что многие композиторы в своих письмах спрашивали поэта: «Написана ли музыка на то или иное стихотворение?» Вопрос этот не так уж важен, потому что на одно и то же стихотворение поэта может быть создана музыка различными композиторами разных эпох и народов.

Песни на стихи Кайсына Кулиева

Собиратель Махмуд Текуев

1. Мир и радость вам, живущие! Музыка И. Крутого.
2. Женщине, которую люблю. Музыка Э. Колмановского
3. Все еще впереди. Музыка Э. Колмановского

4. Пусть никогда не умирают дети. Музыка Т. Блаевой

5. Журавлиный клич. Музыка Т. Блаевой

6. Цветы с фронта. Музыка Ю. Мейтуса

7. Женщина купается в реке. Музыка Дж. Хаупы

8. Гордость горца. Музыка А. Рахаева

9. Песня, подаренная девушкам. Музыка В. Молова

10. Когда бы ты кувшинкой нежной стала. Музыка Н. Пахомова

11. Жюрек жырым – Туугъан жерим. Музыка А. Байчекуева

12. Скачи, мой ослик. Музыка А. Шахгалдяна

13. Ласточка. Музыка А. Шахгалдяна

14. Къызыны жыры. Музыка М. Жеттеева

15. Весенняя песенка. Музыка М. Жеттеева

16. Скалолазы. Музыка М. Жеттеева

17. Очаг. Музыка М. Жеттеева

18. Говорю сердцу. Музыка А. Казанова

19. О, руки женщины. Музыка З. Бинкина

20. Снегопад в горах. Музыка Н. Османова

21. Взгляни, блестит луна. Музыка Н. Османова

22. Танец. Музыка И. Шериевой.

23. Узун жыл. Музыка Х. Карданова

24. Песня о Нальчике. Музыка Х. Карданова

25. Девушке-гармонистке. Музыка народная

26. Сени атыңги айта турама. Музыка народная.

Эти песни в Кабардино-Балкарии поют известные артисты такие, как Наталья Гасташева, Махмуд Текуев, Галина Таукенова, Тамара Гергокова, Исмаил Жанатаев и другие.

Известный балкарский композитор Мустафир Жеттеев говорил, что Кайсын Шуваевич очень хорошо пел народные песни, исходя из содержания текста. Мелодия могла звучать воинственно-лирично, торжественно и грустно, мы много раз ехали вместе на различные Декады литературы и искусства в Москву, Белоруссию, Дагестан, в Северную Осетию, Карачаево-Черкесию, на Украину и т. д. Кайсын особенно любил песню «Каратор» (Вороний конь). Стихотворение это Кулиев написал в годы изгнания на чужбине в 1951 году. Мотив и мелодию к этому стихотворению поэт подобрал сам. Исполнял он эту песню самозабвенно и лирично и в каждое слово вкла-

дывал особый оттенок мелодии старинной народной песенной традиции. Мы слушали его, затаив дыхание, и умело подпевали повтор в конце каждого куплета: «Каратор, каратор, каратор!» Вот слова этой песни:

Стучат копыта сердцу в лад.
Земля, как вихрь, летит назад.
А всадники одно твердят:
— Каратор, каратор, каратор!

Подавшись грудью всей вперед,
Перекосив до боли рот,
Джигит коня нагайкой бьет:
— Каратор, каратор, каратор!

А конь несется через луг,
И шея выгнута, как лук.
И ровен рыси перестук:
— Каратор, каратор, каратор!

А тот, кто в скачке победит,
Идет, принявши важный вид,
Но тихо про себя твердит:
— Каратор, каратор, каратор!

Мы повторяли на коне,
Летя на быстром скакуне,
С клинком, сверкающим в огне:
— Каратор, каратор, каратор!

Любой из всадников удал,
И ветер, мчащийся вдоль скал,
Коню вдогонку повторял:
— Каратор, каратор, каратор! [62]

(Перевод В. Сикорского)

Обычно мы пели хором, когда ехали в поезде, в его купе. Кайсын Шуваевич был всегда запевалой старинных балкарских народных песен, и мы учились у него мастерству исполнения этих песен. У поэта была удивительная память. Он знал наизусть многие народные песни. Хотелось бы мне, как композитору, особо подчеркнуть, что у него был замечательный баритон, которым он управлял очень искусно. «Я часто спрашивал Кайсына Шуваеви-

ча, — вспоминал М. Жеттеев, — когда Вы научились петь? Кто Вам передал мелодии и мотивы старинных балкарских песен?» На это он отвечал так: «Дорогой Мустафир, я же из Чегема! В Чегемском ущелье испокон веков были знаменитые певцы-ашуги. Когда я был маленьким, старики нашего аула обычно сидели в «Ныгыше», как и сейчас сидят возле звонкой горной речки Жилги, стремительно текущей с гор вниз». Эту речку детства и ее бурливую мелодию Кулиев воспел не раз в своих стихах и поэмах. В «Чегемской поэме» он писал:

.

Пришел платить свои долги —
За трепет ледяной Жилги,
Речушки, памятной навек,
За чистый холод прочих рек...

(Перевод Н. Кондаковой)

Вспоминая о Кулиеве, Мустафир Жеттеев продолжал: «Кулиев нам рассказывал, что старики-чегемцы часто пели народные песни и его заставляли петь, так как он имел чистый и звонкий голос. «Я никогда не забуду этих белобородых и удивительно обаятельно-мудрых стариков, — говорил поэт. — Мне приходилось много раз сидеть на коленях зимой и летом у этих благородных и душевно щедрых стариков. Они ко мне относились с любовью и большим уважением, потому что я сын смелого охотника Шувы, их ровесника и близкого друга. Я часто вспоминаю, когда в нашем селении играли свадьбы, то они брали меня с собой, сажали рядом и я пел с ними песни. Меня они называли «Жырчи Кайсын» (Кайсын-певец). Вот так я научился петь песни. Можно сказать, что я прошел подлинно народную музыкальную школу. Отсюда у меня и тяга к старинным народным песням».

Вспоминая о встречах с Кулиевым, Мустафир Жеттеев говорил, что он первый раз встретился с поэтом в 1967 году в селении Булунгу, где композитор был по долгу службы. «В тот день Кайсын тоже был там, — писал М. Жеттеев, — и мы с ним познакомились. Он мной заинтересовался, когда узнал, что я занимаюсь музыкой. Тогда он сказал: «Если вы хотите серьезно заниматься

искусством, то начинайте с изучения народной музыки, постигайте ее, так как она является основой искусства. Все берет свое начало от народных истоков... Нельзя петь народные песни монотонно, а надо учитывать разные моменты: одни слова призывают к подвигу, другие – к грусти, третьи – к радости, веселью, исполнению желаний и т. д. В этих песнях – душа народа, его стремления и чаяния» [63].

О значении песни в жизни людей Кулиев сказал в стихотворении «Стоустое слово» (1960):

Знаю, что горцам,
хоть нравы их строги,
В облачном крае скалистых земель
Песня нужна, словно лошадь в дороге, –
Песня нужна, словно бурка в метель.

Слово, как звездочка полночью темной,
Блещет над гребнями темных громад.
«Горец без песни – что всадник бездомный», –
Издавна в наших местах говорят [64]

(Перевод Я. Козловского)

Музыковед Хажбекир Хавпачев в статье «Он велик и прекрасен» писал: «Кайсын Кулиев имел много друзей не только среди писателей, композиторов, художников, скульпторов, политических деятелей, ученых, но и среди виднейших вокалистов-исполнителей – это Евгений Нестеренко, Иосиф Кабзон, Алла Пугачева, Лев Лещенко, Валентина Толкунова. Он дружил и ценил своих певцов-земляков: Исмаила Жанатаева, Людмилу Кульбаеву, Галину Таукенову, Светлану Богатыжеву, Наталью Гасташеву, Ирину Шериеву, Владимира Кодзокова, Сергея Беппаева, Тамару Гергокову, Махмуда Текуева, Владимира Барагунова. Он по-доброму, с любовью относился к ним, и они отвечали ему взаимностью. Нет почти ни одного композитора в республике, который бы не прикасался к волшебной поэзии великого балкарца [65].

Исмаил Рахаев в своих воспоминаниях «Гордость и слава нашего народа» говорит: «Во время одной из бесед с поэтом в радиокомитете на литературно-музыкальные темы я спросил его: как он относится к современной эс-

традной музыке? Ответ был такой: «Я музыку очень люблю, люблю музыку всякую: классическую, в том числе симфоническую, легкую, в том числе эстрадную. Но любая музыка должна быть хорошей. В хорошей музыке много поэзии, так же, как в хорошей поэзии всегда присутствует музыка. Поэтому я всегда с удовольствием слушаю хорошую музыку, народные и современные эстрадные песни», — сказал Кайсын. «А какие песни на Ваши стихи Вам особенно нравятся?» — вновь спросил я. На что Кайсын, улыбнувшись, ответил: «Хороших и разных песен на мои стихи много, но я, скажу откровенно, люблю слушать, а иногда на досуге даже сам потихоньку мурлычу песни: «Все еще впереди» Колмановского, «Женщина купается в реке» Жабраила Хаупы, «Родина моя — песня моя» Абидина Байчекуева, «Мой город Нальчик» Хасана Карданова и «Всегда гордился тем, что горец я!» твоего сына Анатолия, которого я встретил в научно-исследовательском институте, обнял и поздравил с первым успехом. Не думай, что я тебе льщу как его отцу, вовсе нет. Хорошую музыку написал Толик на мои стихи, очень темпераментная, ритмичная песня!» [66].

Талантливый черкесский композитор Аслан Дауров говорил, что в память о Кайсын Кулиеве «я написал симфонические картины «Горы и люди». Это произведение — дань моей любви к великому балкарскому поэту, прекрасному человеку — Кайсыну Кулиеву. Для меня является счастьем и божьим даром то, что мне посчастливилось знать его, дружить и работать с ним».

Кулиев всегда интересовался развитием музыкальной культуры республики, был дружен с артистами музыкального и драматического театров, интересовался творческой работой многих артистов. Он часто посещал концерты, которые проходили в Нальчике и с удовольствием слушал выступления солистов, гордился их успехами. Об этом свидетельствуют воспоминания заслуженной артистки Российской Федерации Г. М. Таукеновой и профессора Северо-Кавказского института искусств, заслуженного работника культуры Российской Федерации М. Х. Хасанова.

Солистка Госмузтеатра КБР Галина Таукенова вспоминает, что Кулиева она часто видела на премьерах и юбилейных мероприятиях, на встречах с читателями, что

он был и на ее концертах. Кулиев был близким другом ее педагога по актерскому мастерству в ГИТИСе им. Луначарского — Нины Соломоновны Михоэлс. «Она меня очень любила. И всегда передавала мне привет через Кайсына Шуваевича, — говорила Галина Малкарбиевна, — интересовалась моей работой в театре г. Нальчика. С Ниной Соломоновной Кулиев встречался в Москве, когда приезжал туда по делам».

Галина Таукенова рассказала и о том, как однажды она и Кулиев были на встрече со студентами Кабардино-Балкарского госуниверситета и им были вручены ректором, профессором В. К. Тлостановым, почетные студенческие билеты. Была она с ним и на торжественном собрании, посвященном Октябрьской революции в музыкальном театре г. Нальчика, и на премьере балкарского театра. Но при этих встречах Кулиев ни словом не обмолвился о ее любимом педагоге Нине Соломоновне, хотя он недавно приехал из Москвы. Тогда Галина Таукенова сама спросила поэта, почему он не передает, как обычно, привет от Н. С. Михоэлс. Кулиев шепотом ответил ей, что она уехала в Израиль. Увидев на ее лице огорчение, Кулиев успокоил солистку, прибавив: «Правильно она сделала выбор! Ей там будет лучше, чем в Москве». — «Да, — сказала Таукенова, — она испытала в жизни много трудностей, хотя была единственной дочерью знаменитого режиссера Соломона Михоэлса, зверски убитого неизвестно кем в 1949 году». Он был новатором в области театрального искусства, его смелый режиссерский стиль не нравился руководителям того периода. Потом она вскоре потеряла мужа и сына. Не найдя работу в Москве, она уехала на крайний Север. Вернувшись в Москву, Нина Соломоновна снова не могла долго устроиться на работу преподавателя в ГИТИС. И только благодаря поддержке народного артиста СССР, профессора Г. П. Анисимова ее приняли на работу.

Через год Кулиев снова вспомнил Нину Соломоновну и сказал Галине Таукеновой, что беспокоиться о судьбе ее педагога не стоит: она является главным режиссером Тель-авивского драматического театра, который назван именем ее отца — Соломона Михоэлса.

Рассказывая о своей дружбе с Кулиевым, Галина Таукенова говорила о том, что в ее репертуаре много песен

на его стихи. И вспомнила случай о том, как она однажды была на гастролях в г. Тольятти и к ней подошла композитор Лариса Казачок и сказала ей, что она написала красивую песню на стихи любимого поэта Кайсына Кулиева. Казачок выразила желание, чтобы эту песню исполняла Галина Таукенова. Ее пожелание было удовлетворено. «С тех пор я пою эту песню, и она имеет успех», — сказала Г. Таукенова. — Еще мне бы хотелось вспомнить добрым словом талантливое композитора Тамару Блаеву, безвременно ушедшую из жизни. Она написала несколько песен на стихи Кулиева. Среди них «Журавлиный клич» — это моя любимая песня. А семь песен на стихи Кулиева написал одаренный черкесский композитор Аслан Дауров. Это такие популярные песни, как «Малкъар», «Жашчыкъ тепсейди» («Танцующий мальчик»), «Жашчык ойнайды» (Играющий мальчик), «Булут бла жашчыкъ» (Облака и мальчик), «Шапталла жыйгъан къызчыкъны жырчыгън» (Песня девушки, которая собирает абрикосы) и др. К сожалению, Аслан Дауров внезапно ушел из жизни, и мы не успели эти песни записать. После его смерти весь архив увезла его сестра в Карачаево-Черкесию. Когда-нибудь я спою эти песни, так как Аслан Дауров хотел, чтобы я исполнила эти песни на слова Кайсына Кулиева» (семейный архив профессоров Эфендиевых).

Другой человек, который хорошо знал Кулиева — это профессор Северо-Кавказского государственного института искусств, заслуженный работник культуры Российской Федерации М. Х. Хасанов. Он пишет о Кулиеве: «Возглавляя продолжительное время Нальчикское музыкальное училище, мне посчастливилось встречаться с многими видными деятелями культуры и искусства страны. Но в этом воспоминании я хочу рассказать о нескольких эпизодах из встреч с удивительным человеком, большим мастером художественного слова — Кайсыном Шуваевичем Кулиевым. В нашем училище довольно часто проходили вечера-встречи с композиторами, поэтами, писателями, художниками, ведущими артистами театров республики. Особой популярностью у студентов пользовались вечера поэзии и музыки, где читались стихи, исполнялись песни и романсы на слова местных авторов. Не раз в них участвовал и Кайсын Кулиев. В боль-

шинстве случаев он не столько читал свои произведения, сколько говорил о состоянии и развитии литературы и искусства Кабардино-Балкарии. Много увлекательного рассказывал о своих впечатлениях от зарубежных поездок. Поэт знакомил присутствующих с жизнью, культурой и искусством этих стран.

Помню, как на одной из встреч Кулиев взволнованно и страстно говорил о необходимости более серьезного изучения русского языка, особенно в сельских школах. Утверждая, что игнорируя этот великий язык, невозможно в полной мере приобщиться к духовным и культурным ценностям других народов. Он интересовался тем, что читают студенты и как они воспринимают художественную литературу. Кайсын говорил им, что регулярное знакомство с литературой еще не стало необходимой потребностью большей части нашей молодежи.

Кулиева всегда слушали с большим вниманием и интересом. Он мог, как никто другой, подчинить своей воле любую аудиторию, заморозить ее и управлять, как это делает дирижер с оркестром. Все знают, каким превосходным оратором, прекрасным собеседником, интересным рассказчиком был Кайсын.

Преподаватели и студенты музыкального училища с большим уважением относились к Кайсыну Кулиеву не только за признанный в мире его талант, но за понимание им роли и значения музыки в жизни людей, за его любовь к музыкальному искусству. Известно, что Кайсын посвятил музыке и ее создателям ряд прекрасных стихов, тем самым снова и снова подтверждая свое отношение к чудодейственному виду искусства — музыке. Он говорил: «Поэзия и музыка хороши и по отдельности. Но нет сомнения в том, что они достигают наивысшего волшебного воздействия на слушателей при их умелом соединении воедино». Однажды Кулиев признался студентам, что завидует им, так как в свое время он не имел возможности получения музыкального образования. Бесспорно, что отсутствие музыкального образования поэт восполнил упорным самообразованием, ибо человек, не являющийся профессионалом, не мог так тонко чувствовать и понимать музыку, как это было доступно Кулиеву. Он мог умело вести разговор о музыке не только со студентами, но и с признанными музыкантами.

Кайсын любил произведения И. С. Баха. Поэт говорил: «Прелюдии и фуги Баха напоминают мне раскаты грома в горах и журчание рек, берущих начало высоко в горах, а потом образующие бурные реки, которые одаривают жизнью все на своем пути». Действительно, творчество И. С. Баха вот уже несколько веков несет свою живительную силу, обогащая многие поколения духовно, учит их добру и высокой нравственности.

Когда однажды студенты спросили у Кайсына, какое место занимает Бетховен в его жизни? Он ответил: «Бетховен — гигант мировой цивилизации. Он близок мне по духу, по масштабности затрагиваемых им тем и их развитием. Его произведения насыщены огромным драматизмом и эмоциональной силой. Большие и острые трагические конфликты получили в его музыке оптимистическое решение. Я его воспринимаю очень близко, преклоняюсь перед ним и восхищаюсь его гениальностью!»

Я считаю, мог ли человек, глубоко не чувствующий музыку, дать такой ответ студентам?!

Свои стихи Кулиев читал всегда очень выразительно, особенно покорял он слушателей, когда читал стихотворение «Играют Шопена». Оно вызывало у слушателей восторг не менее, чем музыка самого Шопена. Это был настоящий спектакль в исполнении одного талантливойго актера!

Как-то сидя в моем кабинете перед началом встречи с коллективом училища, Кайсын Шуваевич интересовался — имеются ли детские музыкальные школы во всех городах республики? Я ему ответил, что они успешно функционируют не только в городах, но и во многих наших селах, включая и отдаленное селение Верхнюю Балкарию. Кайсын резко встал и, широко разведя руки, воскликнул: «Как это замечательно, что и в наших ущельях будут звучать лучшие образцы разной классической музыки! Наконец-то сбылись мечты дорогого Султан-Бека!» (речь шла о Султан-Беке Абаеве — первом одаренном балкарском скрипаче). Кулиев обнял меня и крепко пожал руку в знак благодарности за принятую новость.

Я считаю, что стихи Кулиева очень музыкальны, и многие композиторы обращались и будут обращаться к ним. На одной из бесед Кайсына спросили, не считает ли

он, что слишком много творцов музыки «набросилось» на его стихи? Все ли они способны создать достойную его музыку? Не следовало ли запретить некоторым из них пользоваться его стихами?

На эти вопросы Кулиев ответил: «Запрет творчества — это не лучший способ борьбы за высокое искусство. Каждый волен творить по своим возможностям, а результаты будут оценивать слушатели, зрители и читатели, для которых создаются произведения».

Высокая эрудированность во многих областях знаний, глубокое понимание музыки позволили Кайсыну Кулиеву войти в среду музыкантов равным и желанным художником. Он остался в моей памяти не только как великий поэт, но и как один из ярчайших мыслителей современности, как гуманист-философ, простой, мудрый и обаятельный человек, целью всей жизни которого было честное служение своему народу и Отечеству!» [67].

Доктор физико-математических наук, профессор Шхануков-Лафишев в своем воспоминании «Слово о Кайсыне Кулиеве» писал: «Великолепное знание мировой литературы, музыкальной культуры многих народов, плюс к тому и огромный поэтический талант позволили ему встать вровень с лучшими мастерами мировой культуры. Как верно говорил Кулиев: «Поэзия наряду с музыкой — высшее явление культуры, она опора и поддержка людей, которым не всегда живется легко и радостно» [68].

Народная артистка СССР Зара Долуханова сказала: «Немногочисленные встречи с Кайсыном Кулиевым оставили в моей душе памятный след. Это был человек необычайного обаяния, привлекательный своей откровенностью, контактностью, добротой. Кулиев любил музыку и часто бывал на концертах, не один раз бывал он и на моих выступлениях. Он даже назвал несколько произведений из моего репертуара, которые ему особенно понравились в моем исполнении. Он говорил о том, что ему нравится звучание моего голоса, о том, что не нравится ему громкое активное пение. Поэт рассказывал о музыке и о своих впечатлениях как человек, который много знает об этом, для которого музыка является постоянным интересом, словом, как человек просвещенный» [69].

Особо следует отметить, что в годы Великой Отече-

ственной войны патриотические стихи Кайсына Кулиева о любви к родному краю и своему социалистическому Отечеству, о национальной гордости слушали по радио в исполнении мастеров художественного слова сотни тысяч солдат, которые воевали против фашизма, и десятки миллионов людей в тылу. Стихи балкарского поэта многократно передавались через Совинформбюро по Всесоюзному радио, а также для зарубежных стран. Так, 26 сентября 1942 года Кулиеву из Правления Союза писателей СССР П. Скосырев писал: «Ваши подстрочники передаю поэтам для перевода и немедленно дам их на радио и в газеты» [70]. А 16 октября 1942 года в своем письме Л. Выборнова сообщала поэту о том, что его стихи «Всегда гордился тем, что горец я!», «Земля моя», «Жене», «Лезгинка», «Дедовский дом» прошли по радио полной передачей с музыкальным оформлением. «И отдельные стихи этой передачи, — писала она, — проходили и проходят в литературно-музыкальных девятиминутках» [71]. Аналогичные письма писали Кулиеву из Кабардино-Балкарии. Работник радиокомитета М. Кустова 5 января 1943 года писала поэту: «Примите мое глубокое уважение, как человек и поэт. Громадное удовольствие испытываешь, читая Ваши стихи. Всеми силами стараюсь сделать их достоянием многих и многих слушателей. Очень прошу Вас написать в радиокомитет. Ваши стихи транслируются у нас каждый месяц два-три раза. Читает их артист Магомет Шаваев. Постараемся подобрать музыку из родных Вашему сердцу народных напевов. Короче говоря, сделаем так, чтобы Вы нас похвалили. От всей души желаем Вам здоровья и ордена «Славы». Крепко жму Вашу руку. М. Кустова.

Прошу Вас, черкните мне — я буду Вам благодарна» [72].

Второе письмо от нее было в том же году. «...Ваши стихи я нашла и включила в радиомонтаж. Храню их, чтобы слушать. От души материнской скажу, что стихи Ваши хорошие и правдивые. Волнуют они и сразу узнаешь их: Кулиев писал! Так хочется услышать слова на милом моему сердцу языке «Татлы тил» (Сладкий язык). Пишите стихи, родной, хороший человек Кайсын!

Всем Вашим друзьям от меня большой материнский привет. Пусть будут живы. Пусть все они вернутся домой, к своим очагам, к любимым! Сейчас Вы деретесь на моей родной земле и, наверное, поэтому Вы еще мне милее, роднее. Хотелось бы узнать, нет ли среди Вас моих земляков.

М. Кустова» [73].

Фронтовые письма имеют большое историко-познавательное значение.

Итак, музыкальный лиризм поэзии Кулиева позволял композиторам союзных и автономных республик Советского Союза не раз обращаться к его творчеству. Песни на его стихи пели, и они пользовались большой любовью. Некоторые из них, как «Каратор», «Родная земля» стали народными. Но особую популярность имеют и до сих пор песни на его стихи «Все еще впереди» и «Черный конь умирает на белом снегу».

Известный азербайджанский композитор Тофик Кулиев, написавший ряд песен на стихи Кулиева, говорил: «Я восхищен поэзией Кайсына, его стихи для меня вроде умного собеседника. Он – гений и настоящий философ» [74].

«Кайсын Кулиев и музыка» – малоисследованная проблема. Она требует кропотливой работы в различных архивах и глубокого изучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. ЦГА КБР, ф. 852, оп. 1, ед. хр. 76, л. 13, 14.
2. ЦГА КБР, ф. 852, оп. 3, ед. хр. 21, л. 8.
3. Там же, оп. 1, ед. хр. 131, л. 2.
4. Там же, оп. 7, ед. хр. 21, л. 3.
5. Там же, оп. 1, ед. хр. 76, л. 24.
6. Там же, оп. 2, ед. хр. 126, л. 1.
7. Там же, оп. 3, ед. хр. 25, л. 1.
8. Там же, оп. 1, ед. хр. 79, л. 37, 38.
9. Там же, оп. 1, ед. хр. 79, л. 39, 40.
10. Там же, оп. 1, ед. хр. 76, л. 206.
11. Там же, оп. 5, ед. хр. 72, л. 1.
12. Кулиев К. Собрание сочинений. В 3 т. М., 1987. Т. 2. С. 120.
13. Кулиев К. Поэт всегда с людьми. М., 1986. С. 164.
14. Кулиев К. Я жил на этой земле... Портрет в документах. Нальчик, 1999. С. 461.
15. Кулиев К. Поэт всегда с людьми. М., 1986. С. 334.

16. *Кулиев К.* Собрание сочинений. В 3 т. М., 1987. Т. 3. С. 141.
17. Там же. С. 51.
18. Там же. С. 54, 55.
19. ЦГА КБР, оп. 2, ед. хр. 159, л. 5.
20. Там же, оп. 4, ед. хр. 35, л. 15.
21. *Кулиев К.* Собрание сочинений. В 3 т. М., 1987. Т. 2. С. 167.
22. Там же. Т. 3. С. 252.
23. Там же. Т. 1. С. 244.
24. ЦГА КБР, ф. 852, оп. 5, ед. хр. 87, л. 3.
25. Там же, л. 19.
26. *Кулиев К.* Собрание сочинений. В 3 т. М., 1987. Т. 3. С. 248.
27. Там же.
28. Там же.
29. Там же. Т. 2. С. 208.
30. ЦГА КБР, ф. 852, оп. 3, ед. хр. 77, л. 91.
31. Там же, оп. 7, ед. хр. 77, л. 1.
32. Там же, оп. 3, ед. хр. 72, л. 98.
33. Там же, оп. 4, ед. хр. 54, л. 1.
34. *Кулиев К.* Собрание сочинений. В 3 т. Т. 2. М., 1977. С. 388.
35. ЦГА КБР, ф. 852, оп. 3, ед. хр. 63, л. 1.
36. Там же, оп. 6, ед. хр. 14, л. 1, 2.
37. Там же, оп. 7, ед. хр. 35, л. 1.
38. Там же, оп. 3, ед. хр. 92, л. 8.
39. Там же, оп. 6, ед. хр. 35, л. 13.
40. Там же, оп. 7, ед. хр. 70, л. 8.
41. Там же, оп. 6, ед. хр. 29, л. 11.
42. Там же, оп. 7, ед. хр. 46, л. 1.
43. Там же, оп. 7, ед. хр. 46, л. 2.
44. Там же, л. 4.
45. Там же, оп. 5, ед. хр. 88, л. 94, 95.
46. Там же, оп. 5, ед. хр. 88, л. 20, 21.
47. Там же, ед. хр. 9, л. 16, 17.
48. Там же, оп. 1, ед. хр. 76, л. 37.
49. Там же, оп. 3, ед. хр. 59, л. 1.
50. Там же, оп. 2, ед. хр. 114, л. 2.
51. Там же, оп. 7, ед. хр. 46, л. 21.
52. Там же, оп. 1, ед. хр. 79, л. 24.
53. *Лосев А. Ф.* Форма. Стиль. Выражение. М., 1995. С. 451.
54. *Кулиев К.* Собрание сочинений. В 3 т. Т. 2. М., 1987. С. 77.
55. ЦГА КБР, ф. 852, оп. 1, ед. хр. 83, л. 20.
56. Там же, л. 21.
57. Там же, оп. 1, ед. хр. 83, л. 24.
58. Там же, ед. хр. 79, л. 7, 8.
59. Там же, л. 19, 196.
60. Там же, ед. хр. 27, л. 1.
61. Там же, оп. 3, ед. хр. 15, л. 1.

62. Кулиев К. Собрание сочинений. В 3 т. Т. 1. М., 1987. С. 113.
63. Эфендиева Т. Е., Эфендиев С. И., Эфендиев Ф. С. Кайсын Шуваевич Кулиев. Воспоминания современников. Нальчик: Эль-Фа, 2001. Т. 4. С. 354.
64. Кулиев К. Собрание сочинений. В 3 т. М., 1987. Т. 1. С. 113.
65. Эфендиева Т. Е., Эфендиев С. И., Эфендиев Ф. С. Воспоминания современников о Кайсыне Кулиеве. Нальчик: Эль-Фа, 2001. Т. 4. С. 12.
66. Там же. С. 101.
67. Семейный архив проф. Эфендиевых.
68. Эфендиева Т. Е., Эфендиев С. И., Эфендиев Ф. С. Кайсын Шуваевич Кулиев. Воспоминания современников. Нальчик: Эль-Фа, 2001. Т. 4. С. 358.
69. Я жил на этой земле... Кулиев Кайсын. Портрет в документах / Сост. Ж. К. Кулиева. Нальчик: Эльбрус, 1999. С. 238.
70. ЦГА КБР, ф. 852, оп. 1, ед. хр. 75, л. 1.
71. ЦГА КБР, ф. 852, оп. 1, ед. хр. 75, л. 3.
72. Там же, л. 4.
73. Там же, л. 5.
74. Эфендиева Т. Е., Эфендиев С. И., Эфендиев Ф. С. Кайсын Шуваевич Кулиев. Воспоминания современников о поэте. Т. 4. Нальчик, 2001 г. С. 368.

К 85-летию со дня рождения Г. В. Свиридова

Ф. С. Эфендиев

МЫ СЛУШАЛИ МУЗЫКУ... (О встречах Кайсына Кулиева с Георгием Свиридовым)

Известный балкарский поэт К. Ш. Кулиев (1917–1985) и прославленный русский композитор Г. В. Свиридов (1915–1997) хорошо знали друг друга при жизни, встречались в Москве на различных юбилейных торжествах, совещаниях, при встрече и проводях зарубежных делегаций. Не раз бывал Кулиев в доме Свиридова в качестве гостя. Можно утверждать, что они были друзьями, ведь они почти ровесники. Композитор был только на два года старше Кайсына. Однако судьбы их были совершенно различны.

Жизненный путь Кулиева длился 68 лет, а Свиридов прожил на 12 лет дольше.

В декабре 2000 года музыкальный мир отметил 85-летие со дня рождения Г. В. Свиридова, выдающегося русского композитора советского периода, а через два года балкарский народ отметил 85-летие со дня рождения своего талантливого сына.

Композитор и поэт познакомились в 70-е годы, когда Кулиев был уже в зените славы, признанным поэтом в Советском Союзе. Представил их друг другу известный композитор, заслуженный деятель искусств РФ, лауреат Государственной премии Российской Федерации Аслан Дауров (1942–1999). Он считал Георгия Васильевича Свиридова своим учителем и наставником. А. А. Дауров восторгался музыкой прославленного композитора так же, как и стихами своего земляка Кайсына Кулиева, поэтому он хотел, чтобы эти два одаренные человека встретились и подружились. Так оно и вышло. Музыка и поэзия во все времена шли рука об руку: песни на стихи поэтов народ распевал и в счастливые, и в горестные дни. Редкие из них становились народными, как «Песня цыганки» Якова Петровича Полонского. Имя талантливого поэта забыто, а слова звучат до сих пор:

Мой костер в тумане светит,
Искры гаснут на лету...
Ночью нас никто не встретит
Мы простимся на мосту.

Аслан Алиевич Дауров чувствовал глубокую симпатию к своему любимому композитору Г. В. Свиридову и поэту К. Ш. Кулиеву и твердо осознал, что они должны встретиться для дальнейшей творческой работы. В своих воспоминаниях о Кулиеве в статье «Великий друг» он писал «...об отношениях Г. Свиридова и К. Кулиева можно написать много. Главное то, что великий композитор нашей современности считал Кулиева великим поэтом, знал прекрасно его стихи и любил его как человека».

По долгу своей общественной и литературной деятельности Кулиев часто бывал в Москве. Здесь жил на улице Большая Грузинская, дом № 62 Г. В. Свиридов, в доме которого часто собирались его друзья: писатели, музыканты, артисты. Это были музыкальные вечера для очень

близких композитору людей. В число их входили горцы с Кавказа — Аслан Дауров, Хажбекир Хавпачев и Кайсын Кулиев. Примечателен тот факт, что в 1970 году на второй день после окончания Московской государственной консерватории им. П. И. Чайковского Аслан Дауров был принят в Союз композиторов СССР по рекомендации Г. В. Свиридова, заметившего в молодом специалисте необыкновенные музыкальные способности, умение неустанно трудиться и добиваться блестящих результатов.

Великий русский композитор Г. В. Свиридов относился к горцам Кавказа с большой симпатией и всегда помогал начинающим музыкантам, уважая их стремления приобщаться к музыкальному миру столицы. Он имел свои ценностные представления о творческой деятельности человека в сфере искусства, поэтому общение с талантливыми поэтами, музыкантами, художниками для него было необходимой частью бытия. С этой целью Свиридов приглашал к себе в гости друзей и близких знакомых на дачу под Москвой и в свою московскую квартиру на Большой Грузинской. Аслан Дауров, пользуясь любезным приглашением композитора, чаще других кавказцев бывал у Свиридова. В один из таких дней он принес пластинку с романсами на стихи Кайсына Кулиева и подарил своему духовному наставнику и старшему другу, Георгию Васильевичу Свиридову со словами: «Познакомьтесь с моими музыкальными сочинениями на стихи нашего прославленного земляка Кайсына Кулиева».

Георгий Васильевич знал Кулиева, так как их связывала еще и общественная работа, которая касалась присуждения Госпремий в области искусства. К мнению Г. В. Свиридова прислушивались все и его слово в защиту выдвигаемого и претендующего на награду играло не раз решающую роль. Присутствовал здесь и Кулиев. Об этом вспоминает Мурад Магомедович Кажлаев (1931), композитор, народный артист СССР, заслуженный деятель искусств РФ, лауреат Государственной премии им. М. И. Глинки: «Кулиева мы часто приглашали на наши заседания по присуждениям Госпремий в области искусства, так как он был для нас авторитетом, и мы желали, чтобы он сказал свое мнение по тому или иному музыкальному произведению. Вспоминая эти годы, мне бы хотелось подчеркнуть, что удивительное отношение было у

этого человека к музыке и к тем, кто ее создавал. Даже не просто отношение, а глубочайшее понимание ее». Это тоже видел и понимал Г. В. Свиридов, соглашаясь с мнением горского поэта во время дискуссий на заседаниях. Они хорошо понимали друг друга, поэтому их мнения совпадали. Г. В. Свиридов ценил в Кулиеве его ум, музыкальную культуру и особое умение проникать в суть произведения. Для убедительности сказанного снова обратимся к воспоминаниям Мурада Кажлаева. «Вот сейчас, — сказал он, выступая на торжественном заседании, посвященном 80-летию со дня рождения К. Ш. Кулиева (1997), — Давид Никитич Кугультинов вспомнил разговор поэта Кулиева. Прославленный музыкант не раз говорил, что «Кайсын Шуваевич глубоко понимал музыку и был высокообразованным человеком во многих областях знаний. Особенно чутко он воспринимал своим добрым сердцем музыкальное искусство». Это высокая оценка прославленного композитора Г. В. Свиридова была хорошо всем знакома в музыкальном мире столицы Кабардино-Балкарии, возможно, поэтому многие местные музыканты и композиторы Северного Кавказа в 70-е годы писали музыку на стихи К. Кулиева. Так, черкесский композитор А. Дауров написал ораторию к «Горской поэме...» Кулиева. 18 августа она впервые звучала в эфире по местному радио в передаче «Салам». Эта оратория для чтеца, смешанного хора и симфонического оркестра прозвучала в декабре 1979 года в концертном зале Нальчикского музучилища в исполнении хора Госкомитета телевидения и радио КБАССР, хора Карачаево-Черкесского радио и симфонического оркестра под управлением Б. Темирканова.

Справедливости ради, необходимо отметить, что к 1979 году творчество Кулиева неплохо было отражено в музыке. Фирма грампластинок «Мелодия» выпустила новый большой диск «Поэзия народов СССР». Стихи читали сами авторы переводов. На слова Кулиева звучали песни в исполнении известных певцов — И. Кобзона, М. Бернеса, С. Беппаева, А. Пугачевой и др. Кулиев творчески работал с такими композиторами, как Я. Френкель, А. Шахгалдян, М. Жеттеев, В. Молов, И. Власов, Х. Карданов, А. Байчекуев, Дж. Хаупа, И. Крутой, Э. Колмановский, Т. Блаева, Н. Пахомов, Ю. Мейтус, И. Шериева, Н. Османов, А. Рахаев, З. Бинкин.

Г. В. Свиридов знал об этом факте творческой биографии поэта, что Кайсын поэт и на его стихи написана музыка известных и малоизвестных композиторов. При разговоре с Кулиевым он ласково шутил, что Кулиев в музыкальном мире не менее известен, чем в поэтическом. Очевидно, Георгий Васильевич видел в Кулиеве раскрытие самих основ его музыкального и поэтического темперамента, дарованного самой горской Природой и генофондом балкарского народа.

«Теперь я понимаю, — писал композитор Мурад Кажлаев, — что многие стихи Кулиева, как «Бетховен», «Играют Шопена» и другие, были овеяны его глубоким пониманием и любовью к музыке... Мы и другие поколения музыкантов будем все чаще и чаще обращаться к его прекрасным стихам, так как они удивительно музыкальны, жизненны, дарят людям красоту, добро и нежность».

Талантливый композитор Г. В. Свиридов понимал, что музыка и поэзия Кулиева — неразрывны, потому что они гармонируют с человеческой душой. Композитор находил в стихах горского поэта естественную музыку чувств, возможно, поэтому летними вечерами на своей даче под Москвой в присутствии гостей Георгий Васильевич пел и играл на рояле новые романсы на стихи Кайсына Кулиева. «Я был в восторге, — восклицал с пафосом Аслан Дауров под влиянием нахлынувших на него чувств, — потому что это была гениальная музыка! Когда я предложил Г. В. Свиридову немедленно сделать запись этих романсов, то великий композитор похлопал меня по плечу и сказал: «Нет. Романсы должны отлежаться». И теперь, к сожалению, я не знаю, какова судьба этих романсов на стихи К. Кулиева.

Буду их искать в архиве композитора, скончавшегося в 1998 году».

Кайсын Шуваевич еще задолго до его смерти написал стихотворение «Мы слушали музыку» (1970). Оно было адресовано Георгию Свиридову. В этом дружеском послании поэт хотел передать многое: и то, что они уже немолодые (им обоим перевалило за пятьдесят!), много пережившие люди и стремительное время так неумолимо уходит в историю, но кажется, что в мире ничего не

было и нет, кроме этой первозданной, неповторимо красивой музыки, которая волнует сердца и тревожит ум:

Мы слушали музыку. Вечер и сад.
Так верили ей, и так мысли парили,
Как будто и музыка, и снегопад,
И все это с нами случилось впервые.

(Перевод Б. Ахмадулиной)

Поэтическое вдохновение и романтический настрой автора передались и переводчику — поэтессе Б. Ахмадулиной, которая и романтическое освещение, и музыкальность стиха выразила как чудесный порыв чувств. Он возник непроизвольно над всем земным и обыденным. Как талантливый художник слова поднимается над временем и пространством, так и гениальная музыка может всегда волновать людей.

Нет времени позже, чем ранняя рань,
Нет опыта утра у мглы предрассветной,
Не ведает тело премудрости ран,
И нет ничего, кроме музыки этой.

Мы слушали музыку в мире пустом,
Уже существуя, еще не печалась:
Страдания — потом и несчастья — потом,
Пока — только музыки первоначальность! [1]

Так передал свое отношение к музыке Свиридова и свои переживания, вызванные любовью к нему, Кайсын Кулиев, собственные философские раздумья которого связаны с далеким прошлым, не имеющим, казалось бы, ничего общего с настоящим, когда звучит «...музыка. Вечер и сад...». Поэтическая игра воображения о том времени, когда пуля еще не знала ствола, и «рука человека огня не зажгла, и жернов еще не учился помолу», подчинена одному: показать только силу музыки и ее влияния на души людей, какие она может пробуждать пылкие чувства. Продуманная, почти бессознательная череда воспоминаний и неоднократный повтор слова «до»: «... давно, до всего, до судьбы, до участи хлеба, постигшей колосья, до тяжести, обременившей сады, до встречи кувшина с

водою колодца» — все подчинено выражению глубоких сердечных чувств поэта, когда он слушал музыку Г. В. Свиридова.

В связи с этим стихотворением Кулиева можно вспомнить о музыкальном вечере в доме Г. В. Свиридова, после заседания Союза композиторов России, в котором принимал участие Кулиев как почетный гость. Хозяйка дома — жена Свиридова, Эльза Густавовна, внимательная и интеллигентная, ждала гостей, к приходу которых был уже накрыт стол на семь человек. Среди прочих приглашенных были грузинский композитор О. В. Тактакишвили, кабардинские композиторы Хажбекир Хавпачев, Аслан Дауров, Кулиев пришел вместе с сыном Эльдаром. Кайсын всех хорошо знал, особенно Тактакишвили, который еще в 1969 году писал: «...В стихах Кайсына Кулиева я узнал новое о грузинских поэтах Леонидзе и Чиковани, хотя и был знаком с ними с детства. Но он увидел их по-своему, заметив то, чего я раньше не замечал. Именно такое предметное, глубокое творчество обогащает нас...» [2], о других и говорить не приходилось. Композиторы Х. Хавпачев и А. Дауров были земляками поэта и были дружны давно.

Садясь за стол, Кулиев окинул взором стол и удивился: были учтены особенности кавказской кухни, стояли грузинские вина и прохладненский коньяк. Впоследствии, вспоминая об этом вечере, А. Дауров писал: «Боже мой, что это был за вечер! Г. Свиридов играл свою гениальную музыку на рояле, Кайсын читал стихи, а О. Тактакишвили рассказывал о своей поездке в Японию. Нам всем настолько было хорошо, что долго не хотели расходиться... Кайсын все восхищался: «Какие люди, какие люди!»

Простились с хозяевами далеко за полночь. Этот вечер мне запомнился на всю жизнь, как один из самых моих счастливых вечеров!»

ЛИТЕРАТУРА

1. Кулиев К. Собрание сочинений. В 3 т. М., 1987. Т. 2. С. 120.
2. Идеи Ленина — источник вдохновения: Материалы объединенного пленума правлений творческих союзов СССР. Декабрь. М., 1969. С. 132, 133.

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ВОСПРИЯТИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО МИРА (Кайсын Кулиев. Человек. Птица. Дерево)

Доклад на Всероссийской научной конференции «VI Ручьевские чтения. На рубеже эпох: специфика художественного сознания». 3–4 октября 2001 г. Магнитогорский госуниверситет, кафедра русской литературы XX в.

Эта книга последняя, которую формировал поэт и надеялся, что она выйдет в свет в издательстве «Советский писатель» в Москве. Так оно и было: книга вышла в 1985 году, но после смерти поэта. За нее в 1990 году поэту была присуждена Ленинская премия, о которой он так мечтал! Три раза его выдвигали на соискание Ленинской премии, но каждый раз он не проходил.

В сборнике стихов «Человек. Птица. Дерево» дано художественное осмысление той духовной действительности, в которой жил поэт и писал стихи, начиная с 30-х вплоть до середины 85-х годов. Полвека Кулиев трудился на поэтическом поприще. Национальное самосознание горца XX в. нашло яркое отражение в поэтизации родной природы и отчего края. В отображении малой родины была своя художественная закономерность и диалектика, опора на «живую и трепещущую стихию» (А. Ф. Лосев) родного языка, на народное миропонимание и народное мироощущение. Глубина поэтического мировоззрения талантливо сочеталась в этом сборнике с раздумьями о бытии и небытии, высокой миссии художника и дружбе людей («Когда я говорю с горами, я с целым миром говорю»), о любви к женщине и духовном богатстве его многочисленных друзей.

Первый раздел книги «Колыбельная моя» — об этноприроде и горцах.

Опять я здесь, среди родных камней,
Где пела мать над зыбкою моей.

И замечал ее усталый взор,
Как снег ложился на отроги гор.
Вот тот очаг, где разводила мать
Огонь, чтоб нас кормить и согреть.
Вот камень, где над пряжею она
Сидела, одинока и грустна,
В тени скалы. А вот сама скала,
Родник, откуда воду мать брала.
А где же колыбельная ее,
Что берегла младенчество мое,
Неся покой и отгоняя страх?
Должно быть, стала дымкою в горах...

Так начинается стихотворение «Среди родных камней» в переводе Л. Шерешевского. Микромир национального художественного сознания Кулиева нашел специфическое воплощение в стихах «Колыбельная моя», «Чегемец», «Раздумье у речки Жылги», «Песня моей матери», «Я вернулся в Чегем», «Ночью в Баксане», «Раздумье у отцовского дома», «Памяти Салиха Хочуева», «Реквием Саиду Шахмурзе – поэту из Чегема», «Земля отцов» и др. 66 стихотворений первого раздела книги – это не просто звуковая оболочка слов, а цельная система взглядов поэта на жизнь, его художественный мир, его индивидуальный поэтический почерк. На фоне общественно-литературного процесса 60–80 годов Кайсын Кулиев стремился понять и сохранить средствами поэзии, народно-поэтический символика «человеческое в человеке», художественно воплотить эту мысль через понятия «Добра и Зла». Так, в стихотворении «Руки» (1965) он писал:

.
Добро и зло всегда – все совершают руки,
И строят города, и разрушают – руки.
Все – дело рук людских: они куют и пахут,
Они и ранят нас и раны лечат наши.
Все разное у людей, различны имена,
Различен взлет бровей и кожи белизна,
Различна форма глаз и очертанье ртов.
Есть руки палачей и руки мастеров.
Есть руки, что плетут кому-то сеть умело,
И те, что создают «Полтаву» и «Отелло».
Одни цветы растят и трудятся до пота,
Другие нож вострят, чтобы всадить в кого-то.

Так будь, моя рука, рукой мастерового,
Рукой, что серп кует и высекает слово.

(Перевод Н. Гребнева)

Кулиевская гуманистическая позиция четко проявилась в стихотворениях «Касыда горам» (Касыда — род оды в восточной поэзии), «Пусть будет так», «Цветок на каменной скале», «Я жил на этой земле», «Материнская боль», «Гора дает приют», «Касыда Ушбе», «Ода». В стихах этого сборника нашли глубокое отражение многообразные связи человека с внешним миром, этноприродой — этой органической его частью. Она просветляет его, открывает ему свои тайны, и он постоянно обращался к ней. Поэт верил в ее животворную силу и мудрость, в чудесные красоты, в доброе и большое сердце родного пейзажа. Обращаясь к горам, Кулиев писал в стихотворении «Касыда горам»:

О горы, вы мои учителя!
Придут ли беды, налетят ли бури,
Чего бы ни хлебнула мать-земля,
Все так же вы белеете в лазури.

В голубизну вершинами вросли,
Вы солнцу побратимы и светилам,
Суровые свидетели земли,
Без вас и жить мне было б не по силам.

.
Вы были мне мерилom красоты
И утешали в горе и печали.
Глаза в разлуке делались пусты,
Как без любви. А с вами — оживали.

Меня учила ваша чистота
Не быть скупым, завистливым, коварным,
Чтоб и в беде не пел как сирота,
Но мужественным был и благодарным...

(Перевод О. Чухонцева)

Поэтому Кулиев обращался к горам и птицам, к чинаровым деревьям и цветам на каменной скале за советом и моральной поддержкой, как обращался бы к мате-

ри и близким людям («Гора мне и теперь дает приют,
над ней, как годы, облака плывут...») или:

Деревья, тень бросающие в зной,
Приязни к вам не выразить словами.
Деревья гор, возлюбленные мной,
И я блаженно сиживал над вами.

.

Деревья, и с надеждой и с тоской
К вам приходил и прихожу опять я,
Вы силы мне даете и покой,
Друзья мои зеленые и братья.

(Перевод О. Чухонцева)

По мнению поэта, только этноприрода может дать счастье человеку, покой, поскольку она неотъемлемая часть его существа, и Кулиев говорил о ней, как о близком друге, чувствуя ее обновляющую силу и дыхание вечности. Так, в стихотворении «Касыда Ушбе» в финальных строках Кулиев писал:

И мне отрадно думать, человеку,
Что смерти нет под вечной белизной.
Так стой же, как стоишь, от века к веку,
Живая сказка стороны родной!

(Перевод О. Чухонцева)

Художественное восприятие национального мира лучше всего видно в пейзажной лирике поэта, в которой мир природы не мыслился вне связи с человеком. Он и природа слиты воедино. При этом поэт умело подчинял и романтический стиль и поэтику одной мысли: родная природа — это сила, соединявшая душу и плоть каждого человека с душой и плотью родины:

.

Издалека, с птичьей высоты,
Но такой отчетливый и близкий,
Родниковый голос чистоты
С гор Чегемских,

голос материнский...—

итожил поэт в финальных строках стихотворения «Песня моей матери» (Перевод О. Чухонцева).

Отмечая особую близость к этноприроде и понимание ее, свойственные мировосприятию Кулиева, хотим уточнить, что корни этого отношения к природе в пантеизме фольклора балкарского народа и, конечно, в традициях восточной поэзии. Наследуя духовные богатства, накопленные поэзией прошлого, Кулиев искал свои решения проблем, волновавших человека XX в. Мир этноприроды и мир человеческих отношений в его лирике представлен в национально-специфическом выражении. Духовный облик его современника выявлялся в большинстве стихотворений, в которых черты характера героя передавались опосредованно – через внешний предметный мир: «Два голоса перед перевалом», «Веточка алычи», «Трава», «Вечером и утром», «Говорю ночью с рекой», «Как зелена трава», «Летняя ночь», «Одинокий голос в ущелье», «Луна над Чегемом». В них, воспринимая природу как живой организм, Кулиев заставлял говорить проникновенным человеческим голосом ночь, траву, реку, землю, луну. Здесь одна из вечных лирических тем – тема единения человека и родной природы – выступала в нравственно-эстетическом истолковании.

Над домиком моим в Чегеме
Стоит спокойная луна,
И я душою слился с теми,
Кто жил в былые времена...

(Перевод М. Синельникова)

В ушедшем XX в. было много романтизированных представлений о взаимоотношениях человека и природы, о дружбе людей различных национальностей, о единстве интересов стран и народов. На рубеже веков и нового тысячелетия романтика в поэзии исчезает. Эволюция взглядов поэтов изменилась в сторону сурового реализма, а гуманистический пафос и оптимизм соцреализма почти исчезли. Природа социальной действительности, эстетическая атмосфера, а следовательно, творческие принципы литературы и искусства стали иными: художественное сознание эпохи – это художественное мышление писателей и поэтов.

О ПСИХОЛОГИИ ПОЭТИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА К. Ш. КУЛИЕВА

История души человеческой... едва ли не любопытнее и не полезнее истории целого народа.

М. Ю. Лермонтов

В данной статье мы пытаемся сказать о роли наследственности в проявлении поэтического таланта балкарского поэта Кайсына Кулиева. Мы не претендуем на исчерпывающий ответ. Проблема эта сложная и спорная. Но можем утверждать одно: в таком аспекте этот вопрос никем не рассматривался.

Кайсын Кулиев принадлежал к определенной социальной, родовой группе горских крестьян – скотоводов и охотников, живших в старинном балкарском ауле Верхний Чегем, «затерянном в верховьях сурового и красивого Чегемского ущелья, на границе Балкарии со Сванетией». Вот как сам пишет об этом поэт в небольшой статье «Страницы автобиографии»: «...Предки наши жили здесь издавна. Мой отец, Шува, как и дед Хаджиби, был скотоводом и охотником». По нашему мнению, его необъяснимый талант предполагал специальный семейный подбор известных психолого-нравственных качеств, переданных ему и усиленных по наследству со стороны Кулиевых и Бечеловых.

«...На зеленом склоне горы находились два аула, – рассказывал о своих родственниках поэт, – Нижний и Верхний Жуунгу. Во втором жили в основном родичи моей матери – Бечеловы, люди спокойные, не в пример Кулиевым – горячим наездникам и метким стрелкам, большим любителям оружия. Бечеловы в большинстве своем были работающие люди. Стада их паслись на зеленых пастбищах над аулом...» Кулиев гордился своим крестьянским происхождением и общественным положением жены-ингушки Маки Дахкильговой, когда пи-

сал, что «...ее отец был одним из интереснейших горцев, мужественным и благородным человеком. В Первую мировую войну он был офицером русской армии, служил в Дикой дивизии, сражался на разных фронтах...» Поэт никогда не скрывал и свою родословную и родословную жены, хотя знал, что развернувшаяся после 1917 года классовая борьба, в условиях которой выявление принадлежности к богатому сословию (князей-таубиев, дворян-помещиков) являлось достаточным основанием для гонений и репрессий. В. Маяковский в стихотворении «Юбилейное», посвященное А. С. Пушкину, писал в 1924 году:

Сукин сын Дантес!
Великосветский шкода.
Мы б его спросили:
— А ваши кто родители?
Чем вы занимались
до 17-го года? —
Только этого Дантеса бы и видели.

В перестроечный период 90-х годов XX в. ситуация в России изменилась, и стало возможным ставить вопрос о наследственности и воспитании личности на традициях рода.

Генеалогический аспект личности в духовной культуре балкарского народа и отдельных родов не был затронут литературоведами, хотя историки пытались (в частности, проф. А. И. Мусукаев) выявить старинные балкарские и кабардинские родословные. В конце 80-х — 90-х годов у людей все чаще проявляется интерес к своим родословным.

Кайсын Кулиев интересовался своей родословной и потомками балкарцев. Он выдвинул свою поэтическую теорию об этом в цикле стихов «Половецкая луна». В них художественная фантазия увела поэта в глубь веков, когда печенегов сменили в причерноморских степях новые азиатские кочевники — половцы. Художественное мышление поэта углубилось в столь давние времена для того, чтобы через опыт осознанного историзма обрести высоту, с которой видны настоящее и будущее («Лишь то в потомках оживает внове, что в предках утверждалось глубоко»). Поэт, конечно, не собирал историко-архивные и

библиографические изыскания по метрическим книгам, ведомостям, аттестатам, формулярным спискам и т. д. Но художественным словом довольно убедительно сказал об историко-культурном наследии своих воинственных предков — половцев, которые несли гибель и разрушение пограничным землям:

Вы неслись по земле черной бурей пустынь,
В дикой страсти своим разрешения рады.
Наслаждаясь пожаром прекрасных святынь,
Вы не знали в кровавом разгуле пощады.

(Перевод М. Дудина)

Известно, что генеалогический тип человека складывается изначально, издревле и корни его духовного и творческого потенциала в его этносе.

Появление поэтического дара Кулиева в XX в. — «это свидетельство духовного взрыва для проявления пассионарности генотипа этнокультурного феномена балкарского народа, воплотившегося в лице великого поэта Кайсына Кулиева, — верно писал философ С. И. Эфендиев. — Все самое лучшее, что было накоплено за всю историю существования балкарского народа в его генотипе, было воплощено в этом поэте. Он был и остается восходящей энергией духовной и нравственной культуры своего этноса». Сам Кулиев, уже будучи прославленным поэтом, очень просто говорил об этом: «...Я рад тому, что рос среди чегемских крестьян, этих по-своему мудрых и трудолюбивых людей. Они были моими первыми учителями жизни».

Общеизвестно, что многие философы и психологи считают, что наряду с другими социально-историческими факторами в судьбе исключительно одаренной личности большую роль играет наследственность. Так, философ Дюпрель считал, что гений в поэзии появляется в результате длительного развития этноса, когда постепенно накапливаются духовные силы в течение смены многих поколений. Причем, по его мнению, это чаще всего относилось к привилегированным по милости судьбы родам. Кулиевы и Бечеловы и их родословные — никак не относились к этой категории людей. Как вспоминает сам поэт, только в 1926 году он впервые увидел книжки, когда

пошел в недавно открывшуюся школу Нижнего Чегема и получил букварь с красивыми картинками. Эти факты известны всем, когда в начале XX в. появились у горских народов объективные и субъективные предпосылки для приобщения к образованию и культуре. Но, по-видимому, исключительные дарования в этих двух родах Кулиевых и Бечеловых долгое время культивировались, а потом передались Кайсыну Кулиеву по наследству. Дюпрель писал в 1887 году в своей книге «Психология лирики», изданной в Лейпциге: «Художественная фантазия как врожденное предрасположение, может стать только через поколения унаследованной и закрепленной способностью, которая благодаря благоприятным обстоятельствам, ускользнувшему от нашего взора, выступит у художника из своего латентного состояния» [1].

Благоприятным обстоятельством для Кулиева можно считать события 1917 года и борьбу партии и правительства советской власти в 20–30-е годы за сплошную грамотность горских масс. Благодаря чему мальчик Кайсын из рода Кулиевых-Бечеловых кончает в отдаленном ауле школу и попадает сначала в педтехникум г. Нальчика, а потом в театральный институт и на Высшие литературные курсы в Москву. Осмысливая прошлое, вспоминая первых учителей, в числе их и старого учителя Бориса Игнатьевича, обучавшего будущего поэта русскому языку, Кулиев писал: «...тогда я не понимал, каким благом станут для меня его уроки, не знал, что русский язык откроет мне свои несметные сокровища и я приобщусь к великой русской литературе — от Пушкина до Твардовского, от Толстого до Паустовского...»

Наследственная предрасположенность получает как бы усовершенствование его определенных поэтических свойств и внутренних черт в его общей духовной организации. Именно эта духовно-нравственная организация выделила Кайсына Кулиева как определенного представителя данной этнической группы. Известный болгарский ученый Михаил Арnaudов в своей монографии о психологии литературного творчества рассматривает наследственность и ее роль в жизни талантливых людей, ссылаясь на высказывание гениального итальянского художника и ваятеля эпохи Возрождения Микеланджело Буонарроти (1475–1564): «И не прав ли Микеланджело, когда в силу

подобного представления об укоренившемся по наследству таланте парадоксально заявлял: «Уже в объятиях няни настоящий живописец является живописцем». И далее М. Арнаудов утверждал: «Значит, не только школа, старание, пример и подражание, как бы они ни были важны и необходимы, имеют решающее значение для призвания, **сколько голос крови, наследственность в известных родах, у которых неисповедимым путем накопилось больше специфической энергии для того или иного вида искусства**» [2].

Биографы известных поэтов не раз отмечали, что их одаренность и склонность к искусству идет обычно от матери, талант которой является основой расцвета гениальности ее сына (например, Роберт Бернс, Гете, Ламартин, Пушкин, Лермонтов, Вазов и др.). У Кайсына Кулиева его мать, Узеирхан, была безграмотной домохозяйкой, выданной семнадцатилетней девушкой за вдовца, у которого от первой жены было уже четыре сына и две дочери. Узеирхан родила еще дочь и двух сыновей, один из которых умер в раннем возрасте. Семья была большая и жить было трудно.

А мать моя не знала, где Тифлис,
Она садилась и сучила пряжу,
Когда туман, окутывая высь,
Незванным гостем опускался сразу.

(Перевод М. Дудина)

Однако, как отмечали ее ровесницы-горянки, Узеирхан из рода Бечеловых была художественной натурой, музыкально одаренной. Она слыла одной из лучших гармонисток близлежащих горных селений. Конечно, ее скрытые таланты остались нереализованными и инстинкты рода Бечеловых передавались ее единственному родному сыну — Кайсыну, а не дочери — Мариам. Первая гармонистка на селе очень любила петь, когда долгими зимними вечерами выдавались минуты отдыха в кругу семьи. Голос у нее был звонкий, чистый и мелодичный. Она знала много народных песен, пыталась сочинять песни и сама. Любил петь с детских лет и Кайсын. По его словам, он жил в атмосфере народной песни и сказки. «Пели чабаны, косари, каменотесы, всадники в пути, девушки, копа-

ющие огород, — вспоминал поэт. — Я был маленьким ашугом, пел своим товарищам и взрослым девушкам, да и на свадьбах тамада, усадив меня рядом с собой, просил петь...» И в этом плане определенные качества таланта передались от матери к сыну. Воспитать в Кайсыне любовь к искусству она не могла, но определенные задатки, дремавшие в ее генах, передались поэту. Неслучайно он поступил в ГИТИС и прошел курс истории мировой музыки и живописи. «Учась в ГИТИСе, — писал Кулиев, — я смотрел все лучшие спектакли московских театров, посещал концерты, выставки живописи».

От матери и рода Бечеловых Кулиев унаследовал такие качества характера, как трудолюбие и доброту души. «...Мать была работающей крестьянкой. Она сумела вырастить нас, послать в школу, несмотря на все трудности. Ее **доброта, терпеливость и трудолюбие** стали первым значительным жизненным уроком для меня», — писал Кулиев о матери. У Кулиева есть немало стихотворений о матерях и о своей матери Узеирхан. Это такие известные, как «Матери» («Ты ради меня забывала про сон...»), «Материнская боль» («Плачут наши матери украдкой...»), «Материнские руки» («Грели детей, пеленали детей...»), «Мать» («Проходит женщина к себе в аул...») и др.

Как известно, Кулиев был человеком необыкновенной доброты. Это качество его характера бросалось всем в глаза, и современники поэта в своих воспоминаниях, не договариваясь друг с другом, подчеркивали его доброту. Может, поэтому так много людей обращалось к Кулиеву за помощью. Об этом свидетельствуют архивные данные.

От рода Кулиевых поэт унаследовал мужество, твердость духа, целеустремленность, смелость, настойчивость и любовь к свободе. «Люди моего рода, — писал он, — Кулиевы, были узденями — свободными горцами. Это значит — они не служили никому и им не служил никто, жили своим трудом». Свободолюбие и храбрость как этногенетические черты передавались из поколения в поколение, то есть эти черты характера были в крови рода Кулиевых. Подтверждением этому может служить высказывание самого поэта: «...В одной из дедовских саклей, что возле ворот, сохранилась даже башня с бойницей. Врагов у жителей гор было достаточно, и жизнь их

вынуждала быть не только пахарями и пастухами, но и воинами одновременно... Они жили среди скал и были замечательными скалолазами и меткими стрелками». Эти качества его рода особенно проявились у Кулиева, когда он был на фронте и избрал одну из самых трудных и опасных воинских профессий — парашютно-десантную. За храбрость и проявленную воинскую доблесть в боях за родину Кулиев был награжден орденом Отечественной войны II степени и боевыми медалями.

Наверное, есть зерна истины и в таких научных теориях и предположениях семейной преемственности и наследственных предрасположений тех или иных родов.

В этом плане интересно и утверждение Гегеля, который пришел к мысли, что великие мужи побуждению к своей цели обязаны не миру, окружающему их, а внутреннему духу, «который еще находится под землей и стучится во внешний мир, как в скорлупу...» [3].

Итак, для проявления таланта и гениальности личности имеет значение не только историко-социальная закономерность, но и чисто субъективная психологическая особенность, природное дарование, которое заложено в генотипе родов. «Посредством воспитания можно заставить плясать медведей,— говорил французский философ XVIII в. Гельвеций,— но нельзя выработать гениального человека» [4].

ЛИТЕРАТУРА

1. Дюпрель. Психология лирики. Лейпциг, 1887. С. 5.
2. Арнаудов М. Психология литературного творчества. М.: Прогресс, 1970. С. 25.
3. Гегель. Сочинения. М.; Л.: Соцэкгиз, 1935. Т. 8. С. 29.
4. Ломброзо. Гениальность и помешательство. Симферополь, 1998. С. 19.

С. И. Эфендиев

КАЙСЫН КУЛИЕВ И ПИСАТЕЛИ ДОНА

Работая в Центральном Госархиве КБР, я обнаружил несколько телеграмм поэта Кайсына Шуваевича своему переводчику Даниилу Долинскому. Они были адресова-

ны в Ростов-на-Дону по адресу: Вторая Краснодарская ул., д. 151, кв. 22. Большинство писем и телеграмм было отправлено Кулиевым из Дома творчества писателей им. Яна Райниса в Юрмале, где поэт любил отдыхать в июне-августе и одновременно работать. Тогда я и решил поехать в Ростов и обратиться к Даниилу Марковичу с просьбой посмотреть письма Кулиева, а если можно, то и переснять их. Случай вскоре представился: в ноябре 2000 года сыновья моих друзей – Юрий Шакумов и Аслан Теувов – защищали кандидатские диссертации в Ростове. Один на соискание ученой степени кандидата юридических наук, а другой – по медицине. Я решил их морально поддержать и поехал вместе с ними. Побывал на защите. Выбрал время и посетил переводчика. Узнав в чем дело, он сказал, что все письма от Кайсына Кулиева и другие материалы, связанные с его именем, он давно передал в Госархив Ростовской области в фонд. Поэтому в дальнейшем все цитирование будет идти по этому фонду, Р-248, оп. 1, д. 74.

Кайсын Кулиев после возвращения из Киргизии и до конца своей жизни был тесно связан с писателями Донского края. Он много раз бывал на Дону, в Ростове, куда его приглашали на различные мероприятия – Дни литературы и искусства, юбилейные праздники, совещания писателей Дона, которые проходили там. Есть историческая фотография 1959 года, на которой Кайсын Кулиев сфотографирован с группой писателей. Это были: Фазу Алиева, Расул Гамзатов, Алим Кешоков, Адам Шогенцуков, Мустай Карим, Даниил Долинский, Михаил Киреев и другие. С этого времени Кулиев и был знаком с Даниилом Марковичем Долинским, но Кулиев не мог тогда и предположить, что этот молодой начинающий поэт станет одним из его талантливых переводчиков в конце 70-х и начале 80-х годов. По подсчетам автора, Долинский перевел более 70 стихотворений и три поэмы – «Знамя», «Свет матери» и «Безенги», опубликованных в разных поэтических сборниках Кайсына Кулиева, в журналах, центральных и местных газетах.

Его переводу принадлежат такие известные произведения Кулиева, как «Бетховен», «Реквием Саиду Шахмурзе – поэту из Чегема», «Послание женщинам Балкарии», «Мой Кавказ», «Над Бештау тревожные тучи», «Щед-

рая пора даров природы...», «Любовь остается», «В горах Монголии», «Марта улицей Праги идет», «Пейзаж с осликом», «Снежный день в Чегеме», «Свадебная песня», «Ода», «Я по улице Лермонтова иду...», «Уйду, как и сосед-каменотес...», «Свет матери», «Рассвет на скалах – розовый олень!..», «Птица, в небо уходя, поет...» и многие другие.

Д. М. Долинский – это известный поэт, а не только переводчик. Его перу принадлежат многие поэтические сборники, изданные в Ростове-на-Дону, Элисте и Москве. В 90-е годы им изданы «Пепел белый». Избранные стихи 1945–1995 годов. (Ростов-на-Дону: издательство «Личный интерес», 1995. 111 с.), «Печалюсь и ликуя». Книга поэм. (Ростов-на-Дону: РИО АО «Цветная печать», 1995. 100 с.), «Отдаленный шум реки» (Ростов-на-Дону: «МП Книга», 1999. 127 с.). Издавался поэт и раньше. Так, в 1978 году вышла его книга стихотворений «Сияет день» (в Ростовском книжном издательстве), издал он и многие другие поэтические сборники.

К числу первых писем Долинского Кулиеву относится послание, датированное 11 июля 1972 года, в котором он просил Кайсына прислать свои стихи для публикации в литературно-художественном ежемесячном и общественно-политическом журнале «Дон».

«Дорогой Кайсын! Все время не беспокоил тебя, слышал, ты болен. С радостью читал о твоих поездках, значит, ты чувствуешь себя хорошо. Слава Богу, считаю я, как человек неверующий. Спасибо за то, что поместил мои переводы в «Книге земли» и спасибо за «Юность»!

Не откажи, пожалуйста, мне нужно в 12 номере «Дона» хоть одно твоё стихотворение. Этот номер посвящен 50-летию СССР, да и в последующие номера будущего года хотелось бы дать твою подборку. Поищи в архивах, хотя несколько страничек пришли.

Сердечно обнимаю. Даниил» [1].

Долинский гордился дружбой с таким известным поэтом, как Кулиев и дорожил его вниманием. Но иногда он не понимал, как сильно занят Кайсын общественной работой и вовремя не всегда мог отвечать на все многочисленные письма и, в частности, на письма Долинского. Приводимое письмо говорит об этом и еще о другом...

«Дорогой Кайсын! Ума не приложу: чем я мог провиниться перед тобой? Я послал тебе несколько писем...

Тешу себя надеждой, что это какое-то недоразумение. Поддержи меня — дай стихи для «Дона».

Посылаю тебе мою новую книгу. Мне бы очень хотелось узнать твое мнение о ней. В столичной прессе мне не везет. Может быть, повезет с твоим отзывом? А то здесь, в Ростове, на «Выбор» появляются нападки.

Шемшелевич, заботами которого мы — в «Доне», написал разгромную статью и послал в какой-то орган в Москву. Ты же сам понимаешь, что значит провинциальное издательство. Они уже перепугались. Выпустили книгу 20-тысячным тиражом, но пока дали первый завод в 10 тысяч экземпляров. А теперь, боясь за книгу, ругают, начинают немного крутить со вторым тиражом.

Если хоть что-то тебе приглянется в книге — найди возможность как-то об этом сказать. Ради Бога, извини меня за эту прямоту. Но в трудный момент я решился обратиться к тебе.

Всего тебе доброго. Галя тебе кланяется. В декабре ожидаем наследника.

Твой Даниил» [2].

Кулиев всегда много работал с переводчиками, особенно с Н. Гребневым, переводы которого составили полностью сборник стихов «Кизиловый отсвет» (М.: Советский писатель, 1969). Но и Д. Долинскому приходилось много работать над переводами тех стихов Кулиева, которые по какой-то причине не переводились другими. Об этом и идет речь в следующем письме Кулиева.

«Дорогой Даниил, здравствуй, — писал Кулиев. — Спасибо тебе за письмо и перевод. С марта месяца я почти не был дома, за прессой плохо следил, поэтому не читал твоей рецензии. Но все равно большое тебе спасибо. А в каком номере она напечатана? В 6-м, кажется? Я читал рецензию на мои стихи, опубликованные в № 1 «Знамени». Сердечно благодарю.

Новые мои стихи, которые составили книгу «Кизиловый отсвет» и которая выйдет в «Советском писателе» в будущем году, уже переведены и, кажется, целиком напечатаны в периодике или розданы. Поэтому посылаю тебе старые стихи, но не переведенные на русский язык.

Если они устраивают тебя, — переводи. Нет, так я несколько не обижусь. Посылаю их на всякий случай. Те

твои переводы идут в книжке издательства «Молодая гвардия».

Кланяюсь твоей семье.

Обнимаю тебя. Твой Кайсын» [3].

Говоря о «Молодой гвардии», Кулиев имел в виду сборник стихов разных лет «Благодарю солнце» (М.: издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 1969). В нем есть предисловие самого поэта «Несколько слов читателям», обращенных к молодым. «В год славного пятидесятилетия Ленинского комсомола, — писал Кулиев, — мне захотелось как бы отчитаться перед своими сверстниками, а также перед новым поколением комсомольцев. Поэтому и предлагаю вниманию читателей стихи разных лет, взятых из ряда моих книг, написанных за многие годы работы...»

В этом сборнике были помещены и новые стихи Кулиева в переводе Д. Долинского, такие, как «Земля», «Память поэта», «Зеленый лист», «Старики».

К юбилею Кулиева, в связи с его 50-летием, Долинский написал стихи в его честь «Надпись на Книге земли». Вот эти стихи:

И я переводил Кайсына,
Парил по мере сил своих
И ощущал: какая сила
Его высокий горный стих!

Под сенью облачного крова,
Куда меня он возносил,
Звучанье истинного слова
Рождало много дум и сил.

И было горько расставаться
С удачей на своем веку,
И было страшно опускаться
С его строки в свою строку... [4].

Кроме того, Долинский опубликовал рецензию на его сборник стихов «Мир дому твоему» в журнале «Дон» [5]. И хотя Кулиев к этому времени был избалован вниманием критики, всегда в восторге писавшей о его стихах, он ответил благодарственным письмом своему переводчику:

«Дорогой Даниил, здравствуй! Сердечно благодарю тебя за проникновенную рецензию.

Мне звонил Захарушкин. Он беспокоится о том, чтобы дать стихи к моему 50-летию. Я отговаривал его, но он никак не поддался.

Все переводы из новой книги уже опубликованы в прессе или отданы в журналы.

Ничего готового предложить тебе не могу. Посылаю несколько подстрочников из непереуведенных стихов. Может быть, переведешь? Посылаю также фото, как ты просил.

Благодарю тебя за все. Будь здоров и счастлив.

Так и объясни дело Ивану Ивановичу, как я растолковал тебе об А.

Твой Кайсын»

В связи с 50-летием в 1967 году Кулиев получил ответственный адрес от редколлегии журнала «Дон»:

«Дорогой Кайсын Шуваевич, редколлегия журнала «Дон» от всей души поздравляет Вас с 50-летием со дня рождения и с 30-летием литературной и общественной деятельности. К своему полувековому юбилею Вы пришли в расцвете поэтического таланта, которому советская поэзия обязана превосходными Вашими произведениями.

Ваши замечательные книги «Огонь на горе», «Раненый камень», «Зеленые чинары», «Горская поэма о Ленине» и другие являются крупным вкладом в сокровищницу нашей литературы и стали достоянием миллионов читателей всех братских республик Советского Союза.

Мы рады отметить, что Вы, дорогой друг, являетесь деятельным участником нашего журнала, и надеемся, что наша дружба будет еще крепче и плодотворнее.

Желаем Вам, дорогой Кайсын Шуваевич, могучего горского здоровья, кавказского долголетия и новых творческих свершений, радостных и светлых, как немеркнущие вершины Эльбруса.

Обнимаем Вас сердечно, ваши донцы: Д. Долинский, И. Бондаренко, В. Сидоров и другие» [6].

Кулиев принимал всегда активное участие в делах писательской организации Дона, особенно, когда страна готовилась отметить те или иные общественно-полити-

ческие события и культурные мероприятия. Так, писатели Дона решили к 50-летию образования СССР издать сборник «Как многие реки в одну...», посвященный дружбе народов Советского Союза. Кулиев принял активное участие в этом издании. Об этом свидетельствует письмо, направленное ему из Ростовского книжного издательства 15 декабря 1972 года следующего содержания: «Уважаемый Кайсын Шуваевич! Посылаем Вам нашу книгу «Как многие реки в одну...», посвященную дружбе народов.

Благодарим Вас за участие в создании этого сборника.

Поздравляем с праздником – 50-летием образования СССР.

Директор Ростовского книжного издательства И. Демченко. Адрес: Ростов-на-Дону, Красноармейская, 23» [7].

От писателей Дона Кулиев много получал поздравлений в связи с праздниками. Так, в апреле 1970 года он получил поздравительную открытку от главного редактора журнала «Дон» М. Соколова. «Дорогой Кайсын Шуваевич! – писал он. – Рады поздравить Вас с праздником весны – Днем Первого мая и от души пожелать Вам доброго здоровья, личного счастья, творческих успехов.

Мы надеемся, что Вы еще не раз порадуете читателей Дона своими новыми произведениями» [8].

27 декабря 1972 года Даниил Долинский поздравлял Кулиева с наступающим Новым годом. Он писал: «Дорогой Кайсын! В Новом году желаю тебе главного: здоровья! Это моя единственная просьба к тебе, брат! Даниил Долинский» [9]. А в своей новогодней открытке писатель Борис Изюмский желал поэту: «Разве слово, данное Поэтом, стоит меньше слов от поэзии! Семейству Кулиевых – наилучшие пожелания в Новом году. Декабрь. 1973. Борис Изюмский. Ростов-на-Дону» [10].

Кулиев знал, что Долинский хороший поэт и автор многих поэтических сборников, которые выходили в Москве, Ростове-на-Дону, Элисте, поздравлял друга, когда на его книги появлялись рецензии. Так, в одном из писем Кулиев писал: «Дорогой Даниил, здравствуй! Спасибо за письмо и добрые слова. Надеюсь, что у тебя все хорошо дома. А что касается поэзии, то кто знает – что хорошо и что плохо? Но я желаю тебе всяческих успехов.

Прочел статью А. Михайлова о тебе. Это хорошо.

У меня был очень тяжелый год и лето нелегкое, но все же не могу не откликнуться на твою просьбу. Посылаю подстрочный перевод карачаевского цикла, написанного лет 8 назад, на русский язык не переводившегося. Если найдешь стоящим делом, то переводи.

Обнимаю тебя, милый Даниил. Кланяйся твоей милой Гале (надеюсь, что я не забыл ее имя), уверен, что малыш твой растет хорошо! Дай Бог!

Поздравляю со стихами... Дерзай!

Твой Кайсын Кулиев» [11].

В этом письме шла речь о цикле стихов «Слова любви к Карачаю», датированные 1965 годом. Они были опубликованы в собрании сочинений Кулиева, во 2-м томе (М., 1977.— С. 260) в переводе Д. Долинского. Подтверждением этому служит письмо Кулиева. «Дорогой Даниил, здравствуй, брат! Спасибо тебе за книгу. Она хорошая — я ее прочел. Калмыки поступили тоже хорошо, издав твою книгу.

Милый Даниил! Посылаю тебе обещанные стихи для журнала, думаю будет предостаточно. Но из Дубултов (я на днях вылетаю туда) я пришлю тебе, может быть, еще, чтобы ты сделал их для моей новой книги... Еще не все подстрочники готовы. Уже перевели и переводят книгу Гребнев, Ахмадулина, Дудин, Аким, ты будешь пятый. Если сделаешь на уровне «Земли» «Стариков», «Вечера зеленого листа» и т. д. — будет очень хорошо.

Все твои старые переводы (о Карачае тоже) я включил в Собрание.

Надеюсь, что твоя Галя и дочка уже дома и все хорошо.

Обнимаю тебя. Поклон Гале. Будь здоров.

Твой Кайсын» [12].

Кайсын Кулиев и писатели Дона — это большая и многогранная тема и почти никем не исследованная. Он был дружен и хорошо знал писателей и поэтов этого края: Михаила Шолохова, Анатолия Софронова, Виктора Стрелкова, Бориса Изюмского, Николая Егорова и, конечно, Даниила Долинского. Ценил творчество Виталия Закруткина и многих других писателей Дона. Не раз был в станции Вешенской, любовался волшебным блеском волн Дона и Цимлянского моря, когда совершал прогулки на

катерах в обществе друзей и известных ученых Ростовского государственного университета и Северо-Кавказского научного центра Ю. А. Жданова и В. Е. Давидовича. Видел своими глазами казачьи хутора, воспетые Шолоховым в «Тихом Дону», и восторженно говорил о неподдельной любви к казачьему краю.

Все это тоже часть его творческой жизни, но она не нашла отражения во втором томе «Кайсын Шуваевич Кулиев. Биография поэта. 1959–1985 гг.» (Нальчик, 1997. 421 с.), выпущенном издательским центром «Эль-Фа» к 80-летию со дня рождения поэта (авторы-составители профессора С. И., Т. Е., Ф. С. Эфендиевы). Просто потому, что они не располагали этими архивными материалами, которые любезно предоставил им Д. М. Долинский. 27 писем Кайсына Шуваевича, написанные его размашистым торопливым почерком то с берегов Балтики, где он был в Доме творчества в Дубулты, то из Москвы, то из Чегема – это интересные прежде всего литературные взаимосвязи двух неповторимых личностей и не только их, так как они были связаны творческой работой и с другими писателями России.

Общеизвестно, что о Кайсыне Кулиеве много раз рассказывало Центральное телевидение из Москвы, но было и много других радио- и телепередач. Так, 6 сентября 1977 года редакция литературно-драматических передач Ростовского телевидения подготовило в эфир передачу «Родник Кулиева» из серии «Литературные встречи» (гл. редактор В. Андрющенко, гл. режиссер Н. Беликов). Автором ее был Д. Долинский, хронометраж составлял 25 минут. Кулиев был здесь 30 августа 1977 года, а через день состоялась запись выступлений по сценарию редактора Е. Джичоевой и режиссера А. Бирюковой. Приводим полностью текст этой литературной встречи.

Д. Долинский говорил о том, что Кайсын Шуваевич Кулиев – выдающийся поэт, знают это не только знатоки и любители поэзии. Он принадлежит к тем поэтам, строки которых сразу же западают в душу и долго притягивают к себе, вызывая желание льнуть к ним все чаще и чаще, как в зной к живительным струям родника. Может быть, это сравнение несколько высокопарно и в то же время банально, но я не случайно упомянул о нем. Родник в горах – звенящая струйка жизни. И жители

высокогорья всегда относились к нему, как к драгоценности. Быть хоть в какой-то мере уподоблением роднику — большая честь для любого слагающего строки.

Родник Кулиева — поистине драгоценность и в горской, и во всей советской поэзии. У него и звон свой, особенный, негромкий, но если можно так выразиться, внушительный, обстоятельный, солидный, и цвет — вбирающий вечные переливы высокогорных снегов и могучую гамму зелени обрывистых склонов, неторопливость — идущая от мудрых речений седых горских долгожителей, величественных и степенных, спокойных и собранных.

Можно много находить определений стиху выдающегося мастера, но, лучше всех сказал об этом он сам в письме ко мне в апреле этого года, напутствуя на большую и сложную работу по переводу его новых стихов из книги «Весенний свет», которая должна быть выпущена издательством «Советский писатель» в будущем году. Он писал: «Помни мой завет: главное не допускай красотостей, лихости, псевдопоэтичности. Все должно быть просто, точно, крупно. Никакой декламации, изощренности. Просто, серьезно, глубоко надо!..» (В кадре письмо К. Кулиева).

В кадре Долинский: «Точнее и определеннее не выскажешь своего кредо, своего понимания поэзии.

Я не случайно привел эти строки и упомянул, что они адресованы мне. Думаю, что не отсутствие скромности позволило мне так поступить. Я горд, что вот уже больше десяти лет непосредственно соприкасаюсь с поэзией Кайсына Кулиева, являясь одним из переводчиков его стихов.

Впервые я перевел его стихи для нашего журнала «Дон» в 1966 году. Я только начал работать заведующим отделом поэзии и мне было важно привлечь как можно больше интересных поэтических имен к сотрудничеству с нашим изданием. Кайсын Шуваевич живо откликнулся и предложил мне самому перевести его стихи для «Дона».

Я никогда не забуду тех тяжелейших, но таких сладостных часов, ночей напролет, когда я впервые переводил его стихи. И его одобрение было для меня большим праздником. Стихи появились в «Доне», а затем в его новой книге «Благодарю солнце», вышедшей в «Молодой гвар-

дии» в 1966 году. Потом ежегодно в журнале появлялись мои переводы его стихов, включаемые им с того времени во все выходящие книги, в двухтомник и выходящий сейчас трехтомник его стихотворений.

Мы не раз встречались и в Ростове, и в Нальчике, и в Москве. Мы много говорили о поэзии, мастерстве перевода.

Недавно я закончил большую работу – перевел стихи Кайсына Кулиева для его новой книги «Весенний свет». Некоторые из них уже опубликованы в журнале «Дон», в частности маленькая поэма «Бетховен», в журнале «Литературная Грузия» – поэма «Свет матери» и большой цикл стихов в августе этого года в еженедельнике «Литературная Россия».

Сейчас я хочу познакомить вас с еще неопубликованными моими переводами Кайсына Кулиева» [13].

Кулиев дорожил дружбой с этим удивительно чутким и умным человеком. Писал ему всегда коротко, так как понимал, что Долинский все сделает, как надо. Так, в этом же, 1977 году 23 января он писал из Чегема:

«Дорогой Даниил, здравствуй! Завтра улетаю в Москву на несколько дней. Посылаю переделанный доклад. Передай его кому надо и попроси перепечатать.

Я обнимаю тебя.

Привет Гале и Стрелкову.

Твой Кайсын.

23 января 1977 г.» [14].

Через месяц Кулиев снова писал Долинскому из Нальчика, где он жил по улице Карашаева, 9, кв. 31: «Дорогой Даниил! Шлю привет и посылаю подстрочники, как было говорено.

Попозже пришлю еще для новой книги.

Обнимаю тебя. Привет Гале твоей. Будь здоров!

Твой Кайсын.

28 февраля 1977 г.» [15].

В июле и августе Кулиев отдыхал под Ригой в писательском Доме творчества имени Яна Райниса. Отдыхал и работал. Он готовил доклад «Поэзия Северного Кавказа сегодня» для журнала «Дон» и вел переписку со многими переводчиками: на Украине это был известный Иван Драч, переводивший стихи Кулиева на украинский язык и написавший предисловие «Огонь на горе поэзии» к

«Избранному» (Кулиев К. Избранное. Киев, 1977. На укр. яз.). А на Дону у Кайсына был верный друг Даниил Долинский. Ему-то и писал Кулиев из Юрмалы 18 июня 1977 года.

«Дорогой друг Даниил, здравствуй! Посылаю тебе подстрочный перевод стихов. Прошу тебя перевести его и послать в ТАСС по адресу: Москва, Тверской бульвар, 10. Главная редакция Союзной информации. Бернацкони Елене Борисовне. (Сделай авиазаказное и сохрани квитанцию). Завтра улетаю в Ригу. Пиши мне туда. А если прилетишь, я буду очень рад.

Если бы я подумал зимой об этом, то легко сделал бы это тебе (в Дубулты). А теперь невозможно, потому что сделал двум другим людям (бедным, больным, которые обратились ко мне с заявлениями).

Обнимаю тебя. Привет твоей Гале.

Твой Кайсын...

Я попросил, чтобы оба редактора мне ответили сюда. При получении ответа я сразу сообщу тебе результат.

Я очень огорчен, что мне не работается, и бросать тоже при такой погоде нет удовольствия.

21 июня мне надо вылететь в Москву на сутки. Вернусь оттуда, попробую поработать.

Да, в этом году здесь совсем не то, что в прошлом. Тогда было хорошо, помнишь?

Желаю тебе, дорогой Даниил, всего хорошего. Обнимаю тебя. Передай Гале большой привет.

До свидания.

Может быть, ты приедешь сюда?

Будь здоров!

Твой Кайсын. Прошу о получении письма сообщить. 18 июня 1977 г. Дубулты» [16].

Кулиев был недоволен погодой: она мешала ему работать и отдыхать и жаловался другу на плохое самочувствие:

«Дорогой Даниил, здравствуй! Спасибо тебе за телеграмму. Мы очень неудачно приехали — здесь собачий холод вот восемь дней непрерывно. Такого ни разу не было. Если так будет и в августе, — то это ужасно. Такая погода, что и ничего не хочется делать.

Надеюсь, что с девочкой твоей уже лучше и настроение твое улучшилось.

Здесь на встрече с американцем был Полевой. Он попросил стихи. Я ему отдал следующие твои переводы: 1) «О Москве», 2) «О человеке, который придумал много машин, но остался человеком», 3) «Четыре песенки», 4) «Любимый твой город», 5) «Пришел палач...», 6) «С сыном мать расстается...», 7) «Мальчишкой в былые дни...» — всего 10 стихотворений.

Главному редактору «Лит. России» послал следующие переводы: 1) «Немало тягот было...», 2) «Стихи, написанные во время дождя», 3) «Песенка не знает смерти», 4) «Говорю горам» («О горы, ваша высота...»), 5) «О Бештау и Лермонтове», 6) «У красной скалы в Чегеме» («Спрашиваю у скалы...»), 7) «Об осени» («Щедрая пора»), 8) «Марта улицей Праги идет...» Обнимаю. Кайсын».

Все эти стихи в переводе Д. Долинского вошли в собрание сочинений Кулиева в трех томах (М., 1987).

На это письмо и еще другое Даниил Маркович сразу же ответил и направил его по адресу: Латвийская ССР. г. Юрмала, Дом творчества писателей имени Райниса. Кулиеву К. Ш.:

«Дорогой Кайсын! Получил твоё письмо, — писал он. — Очень рад, что настроение твоё улучшилось и тебе работается, а то у меня из-за этого настроение было неважное, тем более, что ты сообщил о собачьих холодах. Путевку мне благословенный литфонд не дал — август мой накрылся. И неизвестно, даст ли на сентябрь. Я уже прошу на тот, хотя бы попасть в Пицунду. Там дом отдыха начинает работу с 15 сентября. Нашу одну путевку начальство забрало. Звонил Кешокову, но он весь август в отпуске. Ну и Бог с ним.

Дома у меня по-старому. Галя сидит с Наташей дома. Никаких улучшений в здоровье дочери пока нет, и не может быть — для этого нужно время. Будем пытаться зимой отправить в санаторий, может быть, это поможет.

Я сейчас жду рецензию из Комитета на рукопись моей книги, чтобы уже начать её редактирование. Она в плане Ростовского издательства на будущий год — 3 листа.

Пишу маловато сейчас. Возможно, семейные обстоятельства действуют, не знаю. Когда переводил тебя, настроение у меня было приподнятое почти полгода. Я очень благодарен тебе за все это прекрасное время, которое я

провел как бы рядом с тобой. Я многому научился у тебя, сопереживая с тобой, видя и чувствуя, как бы в твоих стихах. Это прекрасная школа. Спасибо тебе за нее. Я с нетерпением жду решения «Юности» и «Лит. России». По-моему, разделил ты стихи очень верно, как раз то, что подходит к каждому изданию.

Сообщила ли тебе что-либо Бернацкони из ТАСС? И можно ли это стихотворение дать в «Доне» № 11, который мы посвящали 60-летию Октября, оно бы нам подошло? Ты не сообщил, что ты решил с другими стихами, в частности, с «Четырьмя...». Может быть, надо подумать о подборке в «Доне» в первом номере будущего года? Я на всякий случай заявлю строк 100–150 на 2-й или 3-й номера будущего года, может быть, у тебя что-либо появится.

Желаю тебе хорошего отдыха и большой работы. Привет Хелемскому, Ваншенкину и другим, если они в Дубултах, особенно Рейгину, я давно ему не звонил.

Галя передает тебе привет. А я обнимаю и желаю всего искреннего тебе и всем твоим.

Даниил. 2 августа 1977 г.» [17].

Почти месяц Долинский работал над переводами Кулиева. Закончив их, он написал Кулиеву письмо 16 июля 1977 года из Ростова-на-Дону:

«Дорогой Кайсын!

Стихи я перевел и отправил, как ты указал в письме, Елене Борисовне Бернацкони в ТАСС. Посылаю тебе второй экземпляр. Я несколько увлекся и у меня получилось немного больше строк, чем в подстрочнике. Можно пару строф и сократить. Но я решил послать так, как вылилось сразу по чувству и смыслу. Во всяком случае, если тебе понравится и ты вздумаешь где-либо напечатать сей стих, то можно и скостить пару строф. Не обидит ли тебя этакое самоуправство?

Одновременно посылаю и вырезку из «Дона» с «Бетховенным» и другими стихами. Еще раз перечитал «Бетховена» — мне кажется, что он удался.

Извини, что задержался с сообщением о получении письма — меня отправили (как и всех писателей организации) в один район области и я там с 7 по 14 июля работал в районной газете. Поэтому так поздно дал телеграмму.

В понедельник нажму на бухгалтерию, чтобы скорее перевели гонорар.

Ребята из отдела критики говорили мне, что в мое отсутствие они говорили с Давидом Кугультиновым. Он сказал, что пишет для нас несколько страниц к твоему юбилею. Мы дадим его вместе с Кузьминым, статья которого тебе понравилась.

Вот и все.

Сердечный привет Маке Магомет-Султановне, детям. Обнимаю.

16 июля 1977. Ростов-на-Дону» [18].

В это же время Долинский написал Бернацкони: «Уважаемая Елена Борисовна! По просьбе Кайсына Шуваевича Кулиева посылаю Вам перевод его стихотворения «Слово к моим братьям». О том, что перевод направлен Вам, Кайсын Шуваевич уведомлен.

Всего доброго

Д. Долинский» (Там же).

В 1977 году Кулиев и Долинский много писали друг другу писем, так как они успешно работали над переводами стихотворений и поэм Кулиева, нуждавшегося в новом переводчике. Дело в том, что в «Книге земли» 1974 года издания был перевод поэмы «Знамя» Н. Коржавина. В 1977 году многое изменилось: переводы Коржавина были запрещены. Кулиев обратился к Долинскому, чтобы он перевел эту поэму, что и было сделано. Поэма «Знамя» в переводе Д. Долинского вошла в «Книгу земли» (М.: Совписатель, 1977). Об этом, собственно, и идет речь в письме Кулиева:

«Дорогой Даниил, здравствуй! Письмо твое со стихами получил. Большое тебе спасибо. Все хорошо. Как ты? Как Галя, а главное – твоя девочка?

У нас по-прежнему плохая погода. Но теперь я стараюсь работать и каждый день что-нибудь пишу, гуляю-брожу. Так что все равно хорошо. Нет жары, духоты, воздух все же хороший, как тебе известно, – морской и соновый.

«Книга земли» вот-вот появится.

Гонорар в бухгалтерии, сказали мне, задержали из-за библиографии (сведений – сколько раз печаталась та или другая вещь). И 3-й том также вот-вот должен появиться.

ся. Еще раз благодарю тебя, дорогой мой друг. Передай мой привет Гале.

Обнимаю.

Твой Кайсын.

Если будет время, напиши мне о своих делах. Есть ли вдохновение, пишется ли?

Будь! – как говорит Миша Дудин» [19].

Зная, как Кулиев был требователен к себе и другим в работе над переводами, редактора журналов и газет относились к стихам поэта очень внимательно и никогда не забывали о его просьбе, связанной с публикацией. Об этом свидетельствует письмо Л. Осиповой. Она писала Долинскому в ноябре 1976 года из Москвы – издательства «Художественная литература» (Ново-Басманная ул., д. 19):

«Уважаемый Даниил Маркович, внесите правку, о которой говорил Кайсын Шуваевич, пожалуйста, не задерживайте. С уважением ст. редактор Л. К. Осипова». [20].

В 1976 году Кулиев много работал с книгоиздателями, с редакторами газет и журналов, которые запланировали издание его произведений, писал статьи и рецензии, предисловия и послесловия к различным книгам по просьбе друзей и главных редакторов, выступал на XXV съезде КПСС и телепередачах, но особенно много внимания уделял работе с переводчиками Н. Гребневым и Д. Долинским. Последний работал над переводами следующих стихотворений Кулиева: «Пришел палач – и сына твоего...», «О горы, ваша высота...», «Над Бештау тревожные тучи...», «Немало тягот было суждено...», «Деревья срубят, в небо...», «В окно, как и в прежние времена...», «И тебе, и горе, и кизила...», «Хороша ты и так светла!..»

В связи с этим, 16 марта 1976 года Кулиев писал из Москвы Долинскому, однако на конверте написал адрес: Нальчик, ул. Карашаева, 9, кв. 31:

«Дорогой Даниил! Прими мой сердечный привет. Я уже был в издательстве «Советский писатель». Договорился. Безоговорочно дадут тебе переводить книжку Гагиева. Это решенный вопрос. Книжка Гарихана может быть издана только в 1978 году. Раньше просто не успеют и план тоже не позволяет. План 1977 года забит «китами» Оттеснить их молодой поэт Гагиев, конечно, не может. Но ведь это и нормально, 1978 год совсем не за горами. Я дал ему, как и полагается, самую хорошую ха-

рактеристику. Ты сообщи ему все это. Я не захватил его адрес с собой и не могу написать ему.

От тебя письма еще нет. Но пока мое дойдет до тебя, конечно, я получу твое.

Милый Даниил, будь здоров. Всего тебе хорошего. Обнимаю. Поклон Гале. Передавай привет своему шефу Захарушкину и Бондаренко.

Твой Кайсын.

26 марта 1976 г. Москва» [21].

Даниил Маркович отдавал все силы своей души и знания искусству перевода. Все вышеперечисленные стихи 1976 года войдут в собрание сочинений в трех томах «Стихотворения и поэмы», изданные в Москве, в издательстве «Художественная литература» в 1987 году, когда Кулиева уже не будет в живых. Но тогда, в 1976 году, в августе месяце, они вместе отдыхали в Прибалтике — в Дубултах, в доме отдыха. Вернувшись домой, в Нальчик, Кулиев написал 4 сентября своему другу письмо.

«Дорогой Даниил, здравствуй! Как и вы, мы с Азаматом тоже дома, — сообщал поэт. — Несмотря ни на что, мы очень хорошо жили в Дубултах. Если бы я под конец не простыл, было бы совсем хорошо. Знаешь, я лечусь здесь — врачи заставили. Оказалось — я простудился серьезно.

Я очень благодарен тебе за твой звонок. Мне было очень трудно.

Милый Даниил, посылаю тебе подстрочники старых стихов, как и обещал. Если сочтешь, что стоит возиться — переводить, — сделай, нет, так и суда нет. Как найдешь нужным, так и поступай. До 14-го сентября я буду здесь.

Передай мой привет и поклон Гале.

Обнимаю тебя.

Кланяйся Виктору Стрелкову.

Твой Кайсын.

4 сентября 1976 г. Нальчик» [22].

Кулиев писал это письмо, сидя за рабочим столом в здании Союза писателей КБАССР (ул. Пушкина, 18) и отправил его в журнал «Дон» г. Ростова-на-Дону, ул. Красноармейская, 23, Даниилу Долинскому (лично). Он тогда был заведующим отдела поэзии, поэтому Кулиев иногда отправлял свои письма не по домашне-

му адресу Долинского, а в журнал «Дон». Но чаще всего Кайсын Кулиев адресовал свои письма и телеграммы на ул. 2-я Красноармейская, дом № 151, кв. 22, то есть туда, где постоянно жил Долинский. Так оно было и 28 сентября 1975 года, когда Кулиев писал из Нальчика: «Даниил, здравствуй, дорогой друг!

После Киргизии я вернулся домой двадцать шестого сентября и обрадовался тому, что дома ждал меня пакет от тебя с переводами. Большое тебе спасибо. Переводы, по-моему, хорошие. Их я включаю в новую книгу, которую в октябре отдаю в издательство. Просьба к тебе — переделать:

В стихотворении «Вол устает плестись...» пусть последняя строка будет так: «Да, жизнь есть жизнь. Она — всегда нова».

В первой строке стихов «Ираклию Абашидзе» прошу заменить слова «Вас много». Это будет звучать фальшиво: друзей всегда немного. При этом было бы хорошо сохранить рифмующееся «высока моя с вами дорога». Это очень хорошо и жаль будет, если выпадет.

Других стоящих замечаний у меня нет. Завтра отдам стихи машинистке.

30-го сентября улетаю в Баку. Пишу тебе второпях. Прости, пожалуйста.

Передай привет твоей Гале. Надеюсь, она здорова, а также твоя девочка Наташа.

Поклон Виктору Стрелкову. Он парень хороший.

Еще раз благодарю тебя. Обнимаю. Всего тебе доброго.

28 сентября 1975 г. Нальчик» [23].

Как видим, Кулиев в письме упоминает Киргизию. С 15 сентября он находился во Фрунзе, где проходили Дни советской литературы, и Кулиев был в числе большой группы писателей во главе с секретарем правления СП СССР А. Чаковским.

Но где бы ни был Кулиев, он не прекращал работу с переводчиками. Это видно по письмам Кулиева и Долинского, хотя бы взять одно стихотворение Кулиева «Ираклию Абашидзе» (1975), над которым им пришлось вместе много трудиться. В этом стихотворении есть следующее четверостишие:

Друзья! Имена ваши светят, как звезды. Вас много!
Мне стоит любого назвать и — светлеет душа.
Мне с вами легко. Высока моя с вами дорога,
Где с вами встречаюсь я, воздухом дружбы дыша [24].

(Перевод Д. Долинского)

Обратимся к письму Долинского от 5 сентября 1975 года.

«Дорогой Кайсын, — писал он. — Рад твоему письму, что переводы тебе пришлись по душе. Твои замечания исправил. Посылаю тебе стихотворение «Ираклию Абашидзе» с переделанной строфой о друзьях. Я сделал несколько вариантов, но мне думается, что сейчас она звучит глубже, значительнее. Ваше пожелание относительно строчки «Высока моя с вами дорога...» я все исполнил, как и все другие замечания... Буду рад, если сумел почувствовать здесь тебя.

Подборка запланирована на № 1. Уже сдана мной в секретариат журнала. Вероятно, из Дубулты ты мне новых подстрочников не присылал. Как писал я в первом письме, я все время ждал их и жду! Твои стихи я всегда перевожу с большим волнением и подъемом.

Самого главного тебе — здоровья!

Всегда твой Даниил» [25].

Через день, то есть 6 сентября 1975 года Долинский снова написал письмо Кулиеву в Нальчик:

«Дорогой Кайсын! Вчера вернулся из Одессы — был там с семьей в Доме творчества. Там я работал. Посылаю тебе переводы. Лыщу себя надеждой, что хоть что-то тебе придется по душе. Если ты одобришь переводы, то в таком же порядке сдам их редактору на первый или второй номера, ибо № 12 — уже сдан. Старшинов мне рассказывал о пребывании в Дубултах, а я ему завидовал.

Если ты эти переводы считаешь нормальными, дай мне еще подстрочники, буду тебе благодарен. В любом случае прошу тебя сообщить мне свое мнение, ибо все эти переводы должен планировать и сдавать в печать.

Твой Даниил. 6 сентября 1975 г.» [26].

Кулиев все эти письма получил, когда вернулся из Киргизии в Нальчик, а через четыре дня поэт вылетел в Баку на открытие Дней советской литературы в Азербай-

джане. Здесь были его друзья: М. Шагинян, Г. Марков, Н. Тихонов, Ю. Шесталов и многие другие известные писатели страны. Здесь был и я, автор этих строк (С. И. Эфендиев), так как в эти же дни в Баку обсуждали мою диссертацию на соискание ученой степени доктора философских наук на кафедре философии АГУ им. Кирова. Я имел возможность вместе с К. Кулиевым, М. Геттуевым, М. Каримом, Ю. Шесталовым, Н. Новиченко с 1-го по 6 октября 1975 года быть на вечерах поэзии, которые были организованы у трех памятников: Низами, Физули и Вургуну. Кайсын был у памятника Вургуну и присутствовал при открытии его музея, а 8 октября Кулиев был на заключительном вечере в Доме Советов.

Год 1975-й был для Кулиева напряженным: он подготовил и выпустил книгу «Так растет и дерево» (М., 1975) и собирался переиздавать «Книгу земли», в которой были и переводы Даниила Долинского таких стихотворений, как «Мой Кавказ», «Где-то бомб водородных растут штабеля...», «Уйду, как и сосед каменотес...», «Летний день. Зелень трав. Белизна молока...», «Умоешься холодной водой...», «Дождь медленно идет. Он слышен мне...», «Стихи, сказанные в самолете», «Разговор птиц на рассвете» и поэмы «Зная». Все они войдут в эту книгу, за которую постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР Кайсыну Кулиеву была присуждена Государственная премия СССР 1974 года.

Несмотря ни на что, Кулиев всегда находил время, чтобы поблагодарить Долинского письмом или телеграммой. Вот две телеграммы, отправленные переводчику по тому же адресу: Вторая Краснодарская, 151, кв. 22: «Обе телеграммы получил. Спасибо за все. Отправил тебе письмо. Обнимаю. Кайсын» [27] или: «Деньги получил. Спасибо. «Лит. Россия» будет печатать твои переводы. Привет Гале. Кайсын» [28]. Обе эти телеграммы были отправлены Кайсыном из Юрмалы, где он обычно отдыхал в июле-августе.

Этих двух поэтов связывала не только творческая работа, состоящая в переводах стихов Кайсына на русский язык, но и финансовые дела. Вот телеграмма, которую получил Долинский по тому же адресу из Юрмалы от своего друга: «Прошу подтвердить получение моего письма из Москвы. Сделай так, чтобы мой гонорар пе-

ревели в Дубулты обязательно. Обнимаю. Кайсын» [29]. Из Москвы перед поездкой в Дубулты Кулиев сообщал Долинскому об издании книги Гагиева, для которого оба они очень много сделали. Вот эта телеграмма из Москвы, отправленная Кулиевым Долинскому:

«Деньги за обе книги перевели. Книжка Гагиева в порядке. Сообщи ему, что со всеми говорено. Обнимаю тебя. Привет Гале. Твой Кайсын Кулиев» [30]. Или другая телеграмма, отправленная Кулиевым из Москвы Долинскому по адресу журнала «Дон»: «Перевод получил. Хороший. Благодарю, обнимаю тебя. Гагиева тридцатого мы приняли в Союз писателей. Поздравь его. Обнимаю. Кайсын Кулиев» [31].

Молодой ингушский поэт Гарихан Гагиев тогда очень нуждался в поддержке и писал Кулиеву письма с просьбой помочь ему в издании его книг и найти хорошего переводчика. Вот одно из них: «Я буду благодарен Вам всю жизнь. Вы для меня не просто знаменитый поэт, учитель в поэзии. Первое знакомство с Вашими стихами просто потрясло меня... Ваши стихи помогли мне определить свою главную тему – любовь к людям, служение доброте. Мог ли я мечтать в то время, что когда-нибудь буду переписываться с Вами? Нет. Не мог. И сейчас я благодарен Вам за это счастье. Я Вам завидую, Кайсын Шуаевич. У Вас есть самое высокое счастье, о котором только может мечтать поэт: Ваши стихи помогают людям жить» [32].

Письмо это было написано в 1976 году, и оно говорит о многом.

Плодотворной работа была между Кулиевым и Долинским в 1977–1979 годах. Об этом свидетельствует переписка. Так, 9 августа 1978 года Долинский писал Кулиеву из Ростова-на-Дону:

«Дорогой Кайсын! Спасибо за «Лит. Россию», ты оказал мне большую честь, доставил большую радость.

Дали они неплохо, хотя, на мой взгляд, есть и неполадки. Название – «Над Бештау проходят тучи...», а строка первая – «Над Бештау тревожные тучи». Получается несурезица...

Если ты со мной согласен, то, пожалуйста, не допусти этих несурезиц при подготовке рукописи, оставь, как было

в моем варианте, или, если ты хочешь, я изменю сам те строки, которые тебя не удовлетворяют.

Пока сижу дома. Работаю. Пишется. С отпуском пока еще ничего не известно, ибо не знаю куда ехать. Я уже скучаю по твоим подстрочникам. Как работаете тебе? Как здоровье?

Галя посылает привет.

Обнимаю. Даниил. 9 августа 1978 г.»

Прочитав это письмо, Кулиев обрадовался тому, что Долинский «скучает по его переводам» и послал ему «работу». «Дорогой Даниил! Посылаю тебе не новые стихи, — писал Кулиев. — Но никогда не переводившиеся на русский язык. Эти стихи написаны в разные годы. Если они устраивают тебя, переведи.

Шлю тебе сердечный привет. Желаю всего доброго.

Кайсын Кулиев» [33].

Второе письмо этого года было написано Долинским после того, как он с семьей вернулся из Москвы, где его дочь Наташа долго была на лечении. Нужно было дорогое импортное лекарство и Кулиев, узнав об этом, достал его и привез в гостиницу, где проживала жена Долинского — Галя.

«Дорогой Кайсын! Мы уже дома. Наташеньку выписали, — сообщал Даниил Маркович. — Ей немного лучше, но лечение продолжается и дома. Мы до сих пор не могли забыть, что ты сделал для нас. Большое тебе спасибо.

В Переделкине познакомился с Семеном Израйловичем и Инной.

В «Доне» № 1 идет твоя подборка, не все, 22 строчки.

Посылаю тебе «Настольный календарь 1979 года», где твой «Братья» в моем переводе. Жду твоих книг («Книга земли» и другие издания), которые ты обещал подарить.

Скоро получишь посылку.

Обнимаю тебя.

Даня и Галя» [34].

Литературные взаимосвязи Кулиева и Долинского продолжались и в последующие годы. Особенно много они работали вдвоем, начиная с 1980-го вплоть до 1985 года — последнего года жизни балкарского поэта. У Кулиева и у Долинского поменялось местожительство. Даниил Маркович получил новую квартиру в Ростове на Во-

рошиловском проспекте, а Кайсын купил небольшую усадьбу недалеко от Нальчика в поселке Чегем-1, по улице Степная. Так, в 1980 году Кулиев отправил Долинскому заказное авиаписьмо уже по новому адресу из селения Чегем-1 (ул. Степная, 21) следующего содержания: «Дорогой Даниил, здравствуй! Посылаю тебе обещанную маленькую поэмку. Когда сделаешь перевод, пришли мне. Я обещал ее журналу «Литературная Грузия».

Передай Гале мой привет и поздравления с праздником Женщин.

Твои переводы, опубликованные недавно в журнале «Дон», включи в Собрание, как я уже говорил тебе.

Обнимаю тебя, желаю всего доброго.

Твой Кайсын.

Еще раз хочу сказать тебе: новые твои переводы так же хороши, как и прежние. Спасибо!» [35].

Горский поэт не забывал поздравлять ростовчан — своих близких людей с праздниками. На красочной открытке он писал: «Дорогие друзья, Галя и Даниил, с Новым годом Вас! Желаю Вам здоровья и всего доброго. Вы этого заслуживаете, как и все добрые люди.

Милый Даниил, «Безенги» будет напечатана сразу после Нового года. Я уже договорился с редактором.

Благодарю за все и обнимаю тебя.

Твой Кайсын» [36].

Позволим себе привести еще ряд поздравительных телеграмм, отправленных Кулиевым из Чегема-1: «Милые Галя и Даниил, с Новым годом Вас! Желаем Вам здоровья, благополучия, всего доброго, счастливого Нового года.

Элизат и Кайсын Кулиевы. Чегем».

Или: «Дорогие Галя и Даниил! С Новым годом вас! Желаю Вам здоровья, всего доброго. Облегчения всех трудностей в вашей жизни. Ваш Кайсын Кулиев» [37]. Сохранилась в архиве даже телеграмма, в которой Кулиев поздравлял их с днем свадьбы. Вот она: «Сердечно поздравляю тебя, Галю. Счастливой свадьбы Вам, счастливой жизни, обнимаю. Кайсын Кулиев» [38].

Все телеграммы и многие письма Кулиев отправлял из Чегема-1, где он теперь постоянно жил, когда возвращался на родину, в Кабардино-Балкарию. Усадьба и дом, купленные поэтом недавно, были неблагоустроены, ли-

шены всяких удобств, и поэту приходилось много заниматься ремонтом, перестраивать и достраивать. Но он находил время и для творческой работы, и переписки с переводчиками. Так, в письме от 4 сентября 1980 года он писал:

«Дорогой Даниил, здравствуй. Благодаря твоему вчерашнему звонку, я обнаружил, что «Послание женщинам Балкарии» не отправил тебе. Было бы жаль, если бы это стихотворение не вошло в книгу. Ты не бойся размера его. Это мощная вещь. Балкарки пережили, как и кара-чаевки, чеченки, ингушки, калмычки, в наше время больше всех женщин. Вот с сознанием и чувством этого и переводи эти стихи. И все стихи, которые послал тебе, не переводи без этого понимания и чувства. Этим пронизаны все эти вещи.

Работай очень серьезно.

Благодарю тебя и обнимаю.

Привет мой Гале.

Твой Кайсын. 4 сентября 1980 года. Чегем».

Это стихотворение оказалось среди старых экземпляров [39].

Как видно из писем и телеграмм Кулиева Долинскому, между ними было взаимное понимание и согласие. Даниил Маркович понимал, когда нужно было спешно перевести, чтобы порадовать друга и успеть войти в план издательств. И он всегда отправлял Кулиеву свои переводы туда, где в данный момент находился поэт. Так, получив пакет с подстрочниками, Кулиев отослал телеграмму Долинскому: «Спасибо за хорошие, честные переводы. Я позвоню вам из Москвы. Жди пакет еще. Обнимаю. Привет Галине. Кайсын» [40].

Даниил Маркович дорожил доверием Кулиева, гордился тем, что он позволял ему переводить свои произведения и старался, употребляя все свое мастерство поэта-переводчика. Вот как сам об этом говорил Долинский, готовясь к выступлению по Ростовскому телевидению о К. Ш. Кулиеве 31 августа 1977 года:

«Честно говоря, я несколько оробел, ибо соревноваться с переводчиками, работавшими с ним, — выдающимися мастерами своего дела Липкиным, Гребневым, Козловским, Дудиным, Кедринным, Голубковым, Елисеевым и другими — было мне просто не под силу. Но Кулиев сказал,

что он знает мои стихи и не сомневается, что у меня может получиться. Теперь я понимаю, что он не льстил мне, а подзадоривал, побуждал взяться за трудное дело перевода. Теперь я понимаю, что это нужно было и ему: он искал возможность уйти от складывающегося однообразия в переводе, когда и у переводчика, долго работающего с одним автором, возникают свои штампы, которые трудно преодолеть. Поэтому появление свежего взгляда на воплощение его стихов в русском варианте было для такого мастера, как он, очень важно» [41].

И далее, размышляя о своей работе над переводами Кулиева, Долинский добавил: «...Я, думаю, что это было для меня, окончившего в свое время Литинститут имени Горького, своеобразной аспирантурой, ибо я не только многое почерпнул в теории и практике перевода, но я и почувствовал, что сам стал относиться к своему творчеству иначе» [42].

Каждым письмом, телеграммой или даже краткой запиской от Кулиева Даниил Маркович дорожил, сохранил и передал в Госархив Ростовской области. Так, Кайсын, будучи вместе с Долинским в Москве и, конечно, в одной гостинице, передал ему записку через горничную такого содержания: «Даниил! Иди завтракать на 1-й этаж в банкетный зал!

Кайсын» [43].

Кулиев всегда дорожил временем коллеги и его работой, иначе он не стал бы так подробно отчитываться перед Долинским, где он будет и что он будет делать. Об этом красноречиво свидетельствует письмо Кулиева, написанное в 1976 году: «Дорогой Даниил! Вчера прилетел из Тбилиси. 18 июня улетаю в Москву. 19-го — заседание комиссии Верховного Совета. 20-го — выступаю в Колонном зале на вечере Гурамишвили. 22-го — сессия Верховного Совета. 26-го — ложусь в ту же больницу.

Пакет твой еще не пришел. Но я распоряжусь, чтобы послали его при получении в Москву в гостиницу — до востребования. Так будет вернее. Жалею, что тебе не сказал.

Обнимаю тебя по-братски.

Привет Гале.

Твой Кайсын Кулиев» [44].

Пройдет более 15 лет после смерти Кулиева, многие друзья забудут поэта, но только не Долинский. В «Литературной газете» появится его интересная статья «Незабвенный Кайсын», в которой он писал: «Я всегда восхищался его уважением к труду переводчика. Как-то, переводя его стихи, использовал строки его же оригинала: «Жизнь всегда права». Он позвонил: «Знаешь, я подумал, что лучше будет «жизнь всегда нова». Можно это исправить в твоём переводе?» Или, когда в стихотворении «Мой Кавказ» я вместо строки «Кавказ, твои орлиные крылья поднимали меня над землей» допустил отсебятину и, вспомнив увиденные на стене столовки в Верхнем Чегеме крылья орла, как переливалось всеми цветами радуги каждое перо, написал: «Кавказ, я — перо твоих крыльев орлиных», он поругал меня по телефону. Я долго убеждал его, что это он подтолкнул меня к этому образу. Сам бы я до этого не додумался. Кайсын согласился подумать. Через несколько дней пришла телеграмма: «Твои переводы не бумажные плоды, а живые цветы. Спасибо. Твой должник».

Когда Кулиеву нравился перевод, он радовался и своим душевным состоянием делился с Долинским. Подтверждением тому является его письмо от 7 января 1981 года. «Дорогой Даниил! Наша газета напечатала нашу поэму, — с видимым удовольствием сообщал он. —

Выглядит красиво. Часть строк они сняли, предупредив меня, чтобы все легло на страницу. По-моему все хорошо. Спасибо тебе.

Мой поклон Гале. Обнимаю тебя. Твой Кайсын. 7 января 1981г.» [45].

Кулиев обращался к Долинскому не только со своими подстрочниками и при этом был требователен к каждому слову, но часто просил переводить стихи на русский язык и других поэтов Северного Кавказа — ингушей, чеченцев, балкарцев и других. Об этом свидетельствует письмо Кулиева, написанное им 7 июля 1981 года. Приводим его полностью:

«Дорогой Даниил! Вчера я возвратился из Москвы. Письмо твое получил. Еще не успел посмотреть, все ли в порядке со стихами. Завтра-послезавтра сообщу тебе — все ли стихи я получил.

Милый Даниил, посылаю тебе стихи Ахии Ахматова. Посмотри, пожалуйста, их. Автор просит, если будет возможность, то опубликуй их в «Доне». Поддержи его.

Обнимаю тебя. Передай мой привет Гале.

Твой Кайсын. 7 июля 1981г.» [46].

В последние годы жизни Кулиев очень много работал. Он задумал написать книгу лирических стихотворений, в которую бы вошли четыре тематических раздела: о любви к Родине и земле отцов, о женщине и жизни. Поэт считал эту книгу лучшей. Она была издана на балкарском языке в Нальчике, в издательстве «Эльбрус» в 1985 году, последнем году жизни поэта. Была подписана в печать 19 марта, вышла за две недели до смерти Кулиева. Он хотел, чтобы книга была издана и на русском языке, поэтому торопил переводчиков и, конечно же, Долинского, которому писал по-прежнему письма и просил его отнестись серьезно к переводам для этой книги и, в частности, цикла стихов «Безенги»:

«Дорогой Даниил, здравствуй! Посылаю тебе много подстрочных переводов для моей книги «Ночь и рассвет», которую я намерен издать в переводе на русский язык. Среди этих стихов много длинных. Пусть это тебя не смущает (в частности, цикл «Безенги»). Об этом иначе нельзя было писать — тут я слил эпос и лирику. Они почти не поддавались подстрочному воспроизведению. Я видел, как разрушались стихи. Работать тебе придется очень серьезно. В этих стихах присутствует очень простое и суровое письмо. Они должны были быть похожими на каменные ограды балкарских аулов, но в то же время в них живут зелень травы Балкарии и чинар Чегема. Прошу не спешить. Главное, — чтобы не было фальши и литературщины. Все должно быть просто, точно, сурово, серьезно, как судьба Балкарии. Но в то же время пронзительно, искренне. Эта моя книга должна быть (так я думаю) одной из лучших моих книг. Переводчики ее Гребнев, Дудин, Чухонцев, Синельников, Долинский, Аким.

Благодарю тебя за преданность в дружбе со мной. Сообщи о получении пакета в Чегем.

Мой сердечный привет Гале. Обнимаю тебя. Твой Кайсын». [47].

Кулиев остался доволен переводами Долинского для

книги «Ночь и рассвет». Она вышла и на русском языке в 1985 году.

Одновременно Кулиев собирал и другую книгу «Говорю людям» (М.: Современник, 1985), в которую вошли циклы стихов «Безенги» в переводе Д. Долинского. В письме к нему Кулиев почему-то называл эту книгу лирики «Говорю самому себе». Обратимся к письму поэта:

«Дорогой друг Даниил! Шлю тебе, Гале и Вашей девочке мой сердечный привет и поклон. Желаю Вам всем в этом наступающем году и долгие затем годы здоровья, благополучия, много радостей в трудной человеческой жизни!

Я по своей занятости не смог тебе написать вовремя, поблагодарить тебя, милый Даниил, своевременно, потому что твоя посылка пришла в Чегем без меня. Я был в поездке, вернулся перед самым Новым годом. Большое тебе спасибо, мой дорогой друг. Как твоя девочка? Напиши мне, пожалуйста.

Я, кажется, более или менее здоров. Стараюсь, когда дома, особенно писать, но всякие заботы, хлопоты, общественные обязанности, как и у всех, конечно, очень много времени отнимают.

Новая моя книга, где много твоих переводов, одобрена и пойдет по резерву. Думаю, что ее уже подготовили к печати.

Пока я буду здесь, напиши мне в Чегем о своих делах.

Посылаю тебе две книжки с твоими переводами («Книга земли», «Говорю самому себе»).

Обнимаю тебя, милый Даниил. Привет твоей Гале» [48].

Очень много переводов Д. Долинского в сборнике стихов К. Кулиева «Весенний свет» (М.: Советский писатель, 1979). Эту книгу поэт отослал переводчику с большой благодарностью, она проникнута высокими чувствами гражданственности и философскими раздумьями о человеческом бытии. Кулиев предупреждал переводчика, что стихи этой книги как бы освещены весенним светом любви ко всему прекрасному — к женщине, жизни, человеку. Отсюда и ее название, которое символизирует суть поэтического сборника.

Долинскому удалось передать живое дыхание оригинала, Кулиев остался довольным.

«Дорогой Даниил! Письмо твое получил. Спасибо,—

писал Кулиев. — Деньги также пришли. Благодарю тебя. Ты, конечно, уже видел в «Лит. России» стихи со своими переводами. Грибов дал их сразу, как получил. От Полевого еще нет ответа. Это меня удивляет. Но, может быть, он заболел.

Переводы твои, по-моему, выглядят хорошо. Так что поздравляю тебя с большой публикацией. Миша Львов, которому понравились твои переводы, написал мне даже стишок на основе твоих переводов...» В конверт этого письма было вложено и письмо для шефа журнала «Дон». «Уважаемый товарищ Бондаренко (извините меня, пожалуйста, я не знаю Вашего имени, отчества), благодарю Вас за письмо, большое спасибо редакции «Дона» и Даниилу Долинскому. Переводы его близки к подлинникам, хорошие. Только прошу Вас над стихотворением «Мой Кавказ» поставить посвящение Ираклию Андронникову.

Благодарю еще раз. Всего Вам доброго.

Кайсын Кулиев» [49].

Стихотворение «Мой Кавказ» в переводе Д. Долинского включено в собрание сочинений в 3-х томах (Т. 2 М., 1987 на стр. 106), но над ним нет посвящения Ираклию Андронникову. То ли это ошибка редактора Р. Фаткулиной, то ли по другой причине не выполнена воля Кайсына Кулиева.

В последний год жизни Кулиев готовил еще один сборник стихов «Жить!», лирика разных лет (М.: Советская Россия, 1986), в котором также есть перевод Д. Долинского стихотворения «Ираклию Абашидзе». Тогда же он отослал ему поэму «Знамя» для перевода на русский язык. В своих письмах к Долинскому Кулиев извинялся, что не смог вовремя отослать подстрочники.

«Дорогой Даниил, здравствуй! — писал поэт. — Извини, что задержал обещанные строфы. Меня вызвали в Москву после разговора с тобой. Посылаю маленький кусочек из поэмы. Если устроит это тебя и редакцию, переведи. Нет — так я несколько не обижусь.

Будь здоров. Желаю тебе всего хорошего.

Привет Гале, Соколову, Ивану Ивановичу.

Обнимаю. Твой Кайсын» [50].

Донской край с его неповторимой природной красотой, историей борьбы многих поколений за вольность и власть всегда привлекал Кулиева как художника. Пер-

вый раз Кулиев увидел Дон и населявших его людей — казаков — в произведениях великого мастера слова Михаила Александровича Шолохова, после которого, казалось бы, ничего нового сказать и написать о Доне нельзя. Балкарский поэт встречался с Шолоховым, и он высоко оценил поэзию Кулиева. В кратком эссе «Мое слово о Шолохове» Кайсын сказал, чем дорог он для него. «Меня поражают могучесть, широта и яркость поэтики несравненной шолоховской эпопеи «Тихого Дона», — сказал Кулиев.

С невероятной силой выразил Шолохов игру красок, разнообразие характеров, живое дыхание земли, ее ликование и стоны. Его пейзажи так подлинны, что осязаемо чувствуешь каждую травинку, полдневный зной и свежесть рассвета. Физически ощущаешь задумчивый дождь над хатами станицы, бурные ливни над широкими донскими степями. Все сверкает, переливается неповторимыми красками, пленяя и завораживая; все живое и сущее обретает свой точный облик». И всегда, когда Кулиев был на земле донского края, он видел его глазами М. А. Шолохова.

Очерк «Мое слово о Шолохове» Кулиев написал в 1965 году и включил его в свою книгу, написанную на русском языке, — «Так растет и дерево» (М.: Современник, 1975).

Написать о Шолохове в связи с его 60-летием Кайсына Кулиева просил главный редактор журнала «Дон» М. Соколов. В своей телеграмме он писал: «Дорогой Кайсын! Ждем обещанный материал о Шолохове. Уже готовим номер, срочно сообщи срок представления. С товарищеским приветом. М. Соколов» [51].

Вместе с Шолоховым Кулиев встречал на донской земле английского писателя Чарльза Сноу и был при вручении ему советской награды. В статье «Мое слово о Шолохове» Кулиев писал об этом: «Шолохова знает весь мир. Мне вспоминается, с каким благоговением известный английский писатель и ученый Чарльз Сноу во время встреч с нами называл советского романиста Шолохова Великим писателем».

Кайсын Кулиев не раз встречался с Шолоховым: в станице Вешенской, на съездах Союза писателей СССР, РСФСР, различных совещаниях, международных конгрес-

сах и симпозиумах. Историческим документом является фотография, сделанная в доме Шолохова, когда он принимал у себя делегацию писателей Кабардино-Балкарии. В центре стоит Шолохов, окруженный поэтами и писателями. Среди них — Кайсын Кулиев, Алим Кешоков, Адам Шогенцуков, Берт Гуртуев, Амирхан Шомахов, Хачим Теунов. Фотография запечатлела неповторимый момент: Кулиев читает стихи, а они внимательно слушают его. Об этой встрече с Шолоховым неоднократно вспоминал Кулиев и восхищенно рассказывал о гостеприимстве великого писателя Дона, о том что его дом всегда открыт для гостей.

В 1975 году общественность страны широко отмечала 70-летие со дня рождения М. А. Шолохова.

Кулиеву из Москвы была послана телеграмма такого содержания: «Уважаемый Кайсын Шуваевич, с 3-го по 10-е апреля состоятся Дни литературы в Ростове, посвященные юбилею М. Шолохова. Руководителем будет А. Кешоков. Секретариат просит Вас принять участие. Просим подтвердить Ваше согласие.

Бюро пропаганды. С глубоким уважением

Батрак».

Спустя некоторое время секретарь Союза писателей СССР Верченко прислал Кулиеву телеграмму, в которой говорилось: «Юбилейный комитет приглашает Вас на празднование юбилея — 70-летия М. Шолохова.

Просим приехать в Москву 22-го мая. Гостиница «Россия». Восточный блок. Включаем Вас в поездку 29 мая в станицу Вешенская.

С приветом Верченко».

Для творческой интеллигенции Дона мнение горского поэта о Шолохове имело, как мы думаем, большое значение. Если учесть то, что редактор отдела критики журнала «Дон» Ю. Михайлов писал Кулиеву 9 декабря 1974 года: «Уважаемый Кайсын Шуваевич! Просим Вас откликнуться на нашу анкету о М. А. Шолохове и прислать ответы на вопросы в первых числах января. Заранее благодарны. С уважением редактор отдела критики» [52].

С писателями и научной интеллигенцией Дона Кулиева объединяли прочные творческие связи. Так, в 1963 году ректор Ростовского университета, член-корреспондент

АН СССР Ю. А. Жданов пригласил Кайсына Кулиева на торжественную церемонию вручения диплома почетного доктора филологических наук английскому ученому и общественному деятелю Чарльзу Перси Сноу. Поэт, конечно, приехал в Ростов, был на Ученом Совете при вручении диплома, сказал приветственную речь в честь английской науки, встречался со студентами университета, читал стихи и отвечал на многочисленные вопросы молодежи. Зная, что он участник Великой Отечественной войны, студенты его спросили:

– Воевал ли он под Ростовом?

– Да, в 1943 году я был направлен на Сталинградский фронт, был и в донских степях, – отвечал поэт и процитировал стихи Анатолия Софронова:

Я закрою глаза – вот снова в Ростове,
Снова льются мелодии теплой волной,
Снова нет ничего – только небо простое,
Снова юность как будто прошла надо мной...

Тогда я был молодым, почти таким, как вы, мои дорогие студенты.

Кулиев рассказывал им, как в то военное лихолетье случайно встретился здесь под Ростовом со своим земляком, балкарцем Жабраилом Гаммаевым, воевавшим в донских степях. Мы обнялись, как родные братья и обещали друг другу, кто из нас останется живым, должен рассказать правду о жестокой войне. Мне повезло, судьба сохранила меня, и я стараюсь поэтическим словом напоминать молодежи, что пережили мы. Говоря словами вашего поэта, Анатолия Софронова, «...мы уже не в апреле, мы во власти теперь рубежей и границ». Так закончил свое выступление Кулиев, а потом долго давал студентам и преподавателям автографы.

Этот факт биографии Кулиева периода Великой Отечественной войны действительно был. Вспоминая об этом, Ж. Гаммаев 29 августа 1971 года писал Кулиеву: «...Я помню февраль 1943 года в самом крупном городе Северного Кавказа – Ростове, когда мы освободили город от немецко-фашистских захватчиков. На улице Энгельса около университета, где был памятник Кирову, любимцу горских народов, я случайно увидел тебя, ты стоял

с фронтовыми журналистами, и я крикнул: «Кайсын!» Ты услышал меня и оглянулся вокруг. Заметив меня, ты подошел ко мне, и мы обнялись и еще не верили тому, что встретились. Нам казалось, что это во сне. Такая была необыкновенная встреча на фронтовых дорогах! У меня от радости были слезы на глазах. Несколько минут мы расспрашивали друг друга: какие освобождали города, встречали ли мы своих земляков. Ты помнишь, Кайсын, как ты рассказывал мне о своей работе военным корреспондентам на различных фронтах? Вскоре тебя позвали, и мы расстались, обнявшись на прощание. Эта встреча с тобой в Ростове-на-Дону осталась у меня в памяти на всю жизнь, так как мы с тобой участвовали в освобождении Донского края» [53].

Ветераны Великой Отечественной войны Ростовской области, многие из которых воевали вместе с Кулиевым под Сталинградом и Ростовом, тоже не раз писали поэту письма-воспоминания об огневых сороковых и просили Кайсына прислать свои стихи о войне. Просьбы были различными. Вот одна из них. Бюро пропаганды художественной литературы Ростовской областной писательской организации 15 февраля 1975 года направило ему открытку такого содержания: «Дорогой Кайсын! Зная твое доброе отношение к нам, донским казакам, с которыми ты бок о бок воевал с фашистами, надеемся, что ты откликнешься на юбилей нашего земляка, уважаемого тобой и нами, писателя Бориса Васильевича Изюмского.

Обнимаю тебя и шлю привет всей твоей семье.

Член юбилейной комиссии Григорий Тячленко» [54].

Или вот другое письмо от 31 января 1979 года – Иосифа Моисеевича Гегузина, проживавшего по адресу: Ростов-на-Дону, ул. Лермонтовская, 85, кв. 16. Он просил Кулиева помочь опубликовать работу о погибшем в годы Великой Отечественной войны поэте Григории Каце. До войны, по словам И. М. Гегузина, этот молодой поэт был во многих городах Северного Кавказа и его имя хорошо знали горцы, а Владимир Маяковский знал наизусть и всегда читал стихи Каца, когда выступал в 1926 году на своих поэтических вечерах. Жил поэт Григорий Кац всего 34 года, так как ушел добровольцем на фронт и погиб. «Напишите, Кайсын Шуваевич, краткое воспоминание о нашем поэте», – просил в своем письме Гегузин [55].

Кулиев всегда гордился тем, что его земляки — горцы, находясь в составе 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии летом 1942 года, когда немецкие полчища рвались на восток, стремясь пробиться к Сталинграду и Волге, самоотверженно защищали русские города и села. Об этом у Кулиева есть стихи «Сталинградцам» и «Город».

В стихотворении «Сталинградцам» («Сталинградчылда») говорилось о битве в 1942–1943 годах на Волге, о военном событии, когда 330-тысячная отборная гитлеровская армия была окружена, сокрушена и уничтожена. Военная история не знала такого другого масштабного события, как на Волге. И Кулиев воспел беспримерный подвиг защитников Сталинграда на берегу великой русской реки. Выполняя свой гражданский и воинский долг, они знали, что за Волгой земли нет:

Къалдырмай бизни бастыргъынчы сен,
Кетерик туюлююз мындан кери!
Мы не уйдем отсюда.
Пока жив хоть один из нас...

(Подстрочный перевод С. Эфендиева)

Это убеждение зрело в нескончаемых схватках с врагом, когда день и ночь горели земля, камни, железо, дома, сгорали в аду люди («жер ташла да жаналла кече-кюн»). Участвуя в непрерывных многомесячных боях за Сталинград, советские солдаты выполняли приказ «ни шагу назад» и выполняли его глубоко осознанно: это был их нравственный выбор — драться до конца, до последних сил во имя защиты Отечества:

Ёледиле тенглерибиз мында,
Юй къанжалла бла бирге жана [56].
Здесь погибают наши друзья,
Дома горят вместе с металлом.

(Подстрочный перевод С. Эфендиева)

К. Ш. Кулиев высоко отозвался о ростовских ученых. Он говорил, что Юрий Андреевич Жданов — большой ученый и истинный интеллигент, что такие ученые, которые хорошо и сочувственно относились к горским наро-

дам, были в России лишь в XIX в. Вспоминая о неоднократных встречах с ним, Кулиев рассказывал автору данной статьи о том, что для него всегда было чрезвычайно полезно и интересно встречаться с ученым Ю. А. Ждановым. «Для меня была большая честь встретиться с английским ученым Чарльзом Сноу и коллективом преподавателей и студентов РГУ, — говорил поэт. —

Юрий Андреевич хорошо знает традиции, обычаи и культуру народов Северного Кавказа. Он много делал и делает в подготовке научных кадров республик Северного Кавказа и в равной степени любит всех горцев. Но больше всех, по-моему, он любит Кабардино-Балкарию, с которой он связан еще с 30-х годов. За это мы любим и высоко ценим его заслуги в развитии научной мысли нашей республики».

Далее Кулиев говорил о том, что у него много друзей в Ростове. Это — писатели, ученые, художники, рабочие. «Обо всех невозможно сказать, но хотелось бы упомянуть еще об одном ученом. Это профессор, доктор философских наук В. Е. Давидович. Он очень обаятельный человек, большой знаток нашей этнокультуры. Любовь к нам передалась ему от его отца, Евгения Давидовича, который долгое время жил и работал среди горских народов и помогал в развитии животноводства, в частности коневодства, так как он был ученым — кандидатом сельскохозяйственных наук. Об этом до сих пор вспоминают наши аксакалы и вспоминают его добрым словом, даже те, которые были в депортации и жили в Киргизии [57].

Кайсын Кулиев с писателями из Кабардино-Балкарии не раз бывал на Дону. Так, в Дни литературы и искусства в 1972 году они посетили многие города, колхозы и совхозы, высшие учебные заведения и выступали перед рабочими, колхозниками и студентами. Вспоминая об этом, Кулиев рассказывал: «...Недавно на Дону гостила большая группа писателей из Кабардино-Балкарии. Горское гостеприимство, как известно, считается весьма щедрым и высоким. Но донские казаки нас так хорошо, с таким радушием приняли, что порою нам казалось, будто они оставили позади наше гостеприимство. Это мы чувствовали у рабочих в городах Волгодонска, у рыбаков Таганрога, колхозников артели имени Калинина, у студентов Зернограда и писателей в Ростове. Мы много выступали,

нас слушали всюду с большим уважением, вниманием и интересом, принимали как близких друзей, к нам были исключительно внимательны партийные и советские работники начиная от секретаря обкома М. К. Фоменко до директора Дома отдыха в г. Цимлянске.

В Ростовской области мы видели много интересного. Но больше всего увидели нас люди, так душевно и дружески принимавшие посланцев горской республики. Да, самым интересным из виденного нами были люди, они ведь создали все, что нас восхищало на донской земле, — и Цимлянское море, и ГЭС, и каналы, и заводы. Они любовно берегут в Таганроге все, что связано с именем А. П. Чехова, — литературный музей, домик, где родился великий писатель, школьный класс, где он учился, парту, за которой он сидел. И мы глядели на эту святыню с трепетом сердца...»[58].

В этой поездке Кулиев встречался со многими писателями г. Ростова: В. Закруткиным, Н. Егоровым, М. Алексеевым, Н. Скребовым, Д. Долинским, А. Бокаревым и др. Кулиев восхищался всем увиденным и описал свои впечатления в статье «Широкие горизонты». «Да, велик народ, умеющий так ценить и беречь память о своих лучших людях Донского края, — писал поэт. — Мы задержались на Цимлянском море и Виталий Закруткин выехал, чтобы встретить нас на границе Семикаракорского района, ждал пять часов. Так ждут самых близких друзей. Виталий Александрович, отложив свою работу за столом, несколько дней был с нами. Когда мы уезжали, он вместе с Михаилом Александровым, Николаем Егоровым, Николаем Скребовым, Даниилом Долинским и другими провожал нас до границы Краснодарского края. Александр Бокарев и Виталий Закруткин в течение десяти дней не расставались с нами, оказали исключительное внимание и заботу. Донские писатели говорили о наших произведениях не только с любовью, но и с нежностью. Виталий Закруткин играл на пианино и пел на собственные мотивы стихи Николаза Бараташвили («Синий цвет»). Он пел казачьи песни так же проникновенно, как стихи Пушкина и Есенина.

Все это имеет огромный смысл и глубокие корни, свидетельствует о том, как Советская власть изменила нашу жизнь и отношение народов друг к другу. И еще раз яв-

ляется доказательством, как расширились горизонты горцев. Наши предки не раз спускались с гор в донские степи, чтобы угнать табуны лошадей. А в эти дни поэты Кабарды и Балкарии принесли донским казакам свои высокогорные песни — любовь и душу родного народа. Какая громадная дистанция между этими двумя жизненными явлениями, как изменился облик нашей земли, как изменились люди и их отношения!» [59].

В конце статьи «Широкие горизонты» К. Ш. Кулиев писал: «...У меня много друзей — от Ленинграда до Еревана, от Махачкалы до Магнитогорска, от Москвы до Ашхабада, от Ростова до Дальнего Востока. Письма и телеграммы от них доставляли мне большую радость и утешение, когда мне было горько. Я радуюсь успехам своих друзей, как своим собственным, неудачи их я переживаю, как свои. Так нас воспитало наше время. Дружба людей и народов для нас священна. Это чувство порождено самой жизнью, оно одно из ее основ» [60].

Спустя несколько лет, Кулиев снова был с писателями КБАССР в Ростове. Об этом он говорил в октябре 1966 года, вернувшись с Дона. «Во время нашей поездки по Дону нам было очень приятно, как замечательно принимали балкарскую поэтессу Танзилю Зумакулову в разных аудиториях — у рабочих, колхозников, студентов» [61].

В архиве К. Ш. Кулиева (ЦГА КБР) хранится много различных телеграмм и писем от писателей Дона, которые поздравляли его с юбилейными датами и праздниками. Приводим некоторые из них.

Поэт В. А. Стрелков — ему в поздравительной открытке: «Дорогой Кайсын, поздравляем тебя и все твоё прекрасное семейство с Новым 1979 годом! Пусть он принесет твоему дому много счастья, здоровья, радости. Обнимаем! Роза и Виктор». Указанный на открытке обратный адрес гласил: 344001. Ростов-на Дону, ул. Каширская, д. 6/1, кв.58. Стрелкову В. А. [62].

Виктор Стрелков был в числе тех писателей Дона, которые любили поэзию Кулиева и были с ним в дружественных отношениях. «Дорогой Кайсын Шуваевич! Примите мои горячие поздравления и самые искренние, добрые пожелания накануне Октябрьского праздника, — писал он. Всегда горжусь тем, что Ваша трудная и прекрасная дорога не миновала нашего Донского края.

Сердечно. Ваш В. А. Стрелков».

25 декабря 1972 года он писал: «Дорогой Кайсын, от всей души поздравляю тебя с Новым годом! Желаю тебе и твоим близким великого счастья, могучего здоровья, всего, что можно желать самому близкому человеку!

Обнимаю тебя, кунак».

А 26 апреля 1973 года Виктор Стрелков писал: «Дорогой Кайсын! От всего сердца желаю тебе, чтобы праздник Весны и счастья никогда не увядал в твоей душе.

Ради бога, не болей! Обнимаю тебя, кунак.

Виктор Стрелков» [63].

На Дону, как и по всей стране, у Кулиева было много поклонниц его поэтического таланта. Они тоже писали ему письма, посылали поздравительные открытки и телеграммы. Так, Елена Нестерова из г. Ростова-на-Дону писала Кулиеву после его 60-летнего юбилея, отмечавшегося в ноябре 1977 года: «Рада поздравить Вас с Новым Годом! Желаю, чтобы Ваш седьмой десяток лет принес Вам здоровье и новые творческие успехи.

Всегда Вам благодарна. Рыдаю над Вашей книгой. Еще раз спасибо!

Ваша Елена Нестерова» [64].

27 января 2001 года была телепередача «Северный Кавказ», в которой многие писатели и поэты с сожалением говорили о том, что сейчас почти разрушились творческие связи между интеллигенцией этого края: не проводятся Дни литературы и искусства, мало издаются книги писателей и еще меньше переводится проза и поэзия на русский язык. Среди выступавших были Д. Долинский и Н. Егоров. Они рассказывали о Кайсыне Кулиеве и его связях с Донским краем, о его публикациях в журнале «Дон». «Кулиев был тесно связан с писателями Дона, — говорил Д. Долинский. — Он был интегрирующей личностью и мы были счастливы, когда он приезжал к нам...»

Мы не считаем, что затронутая нами тема «Кайсын Кулиев и писатели Дона» исчерпана. Пока еще невозможно охватить все архивные материалы и воспоминания современников Кулиева о его роли в укреплении дружбы между писателями народов Северного Кавказа. Это дело будущих исследователей жизни и творчества Кайсына Шуваевича Кулиева.

ЛИТЕРАТУРА

1. ЦГА КБР, ф. 852, оп. 6, д. 6, л. 1.
2. ЦГА КБР, ф. 852, оп. 3, д. 163, л. 183.
3. ГАРО, ф. р-248, оп. 1, д. 74, л. 35.
4. ЦГА КБР, ф. 852, оп. 2, д. 163, л. 79.
5. «Дон» 1967, № 3. 165-166.
6. ЦГА КБР, ф. 852, оп. 2, д. 218, л. 1.
7. ЦГА КБР, ф. 852, оп. 2, д. 180, л. 113.
8. Там же, оп. 1, д. 78, л. 1.
9. Там же, оп. 2, д. 163, л. 79.
10. Там же, оп. 2, д. 163, л. 82.
11. ГАРО, ф. р-248, оп. 1, д. 74, л. 38.
12. Там же, оп. 1, д. 74, л. 41.
13. Там же, оп. 1, д. 27, л. 1-5.
14. Там же, оп. 1, д. 74, л. 19.
15. Там же, оп. 1, д. 74, л. 21.
16. Там же, оп. 1, д. 74, л. 23, 24.
17. ЦГА КБР, ф. 852, оп. 6, д. 6, л. 1.
18. ГАРО, ф. р-248, оп. 1, д. 77, л. 1.
19. Там же, оп. 1, д. 74, л. 40.
20. Там же, оп. 1, д. 74, л. 8.
21. Там же, оп. 1, д. 74, л. 4.
22. Там же, оп. 1, д. 74, л. 12.
23. ГАРО, оп. 1, д. 74, л. 2, 3.
24. Кулиев К. Собрание сочинений. В 3 т. Т. 2. М., 1987. С. 318.
25. ЦГА КБР, ф. 852, оп. 3, д. 93, л. 22.
26. Там же, л. 20.
27. ГАРО, оп. 1, д. 74, л. 46, 47.
28. Там же.
29. Там же, оп. 1, д. 74, л. 48, 49.
30. Там же.
31. Там же, оп. 1, д. 74, л. 50, 51.
32. ЦГА КБР, ф. 852, оп. 5, д. 43, л. 2.
33. ГАРО, оп. 1, д. 74, л. 34.
34. ЦГА КБР, ф. 852, оп. 6, д. 6, л. 1.
35. ГАРО, оп. 1, д. 74, л. 25, 26.
36. Там же, л. 51.
37. Там же, л. 52-54.
38. Там же, д. 69, л. 101.
39. Там же, л. 42.
40. Там же, л. 44, 45.
41. Там же, д. 74, л. 2, 3.
42. Там же.
43. Там же, д. 74, л. 44.
44. Там же, д. 74, л. 27.

45. Там же, д. 74, л. 29.
46. Там же, д. 74, л. 30.
47. Там же, д. 74, л. 31.
48. Там же, д. 74, л. 33.
49. Там же, д. 74, л. 43.
50. Там же, д. 74, л. 36.
51. Там же, оп. 3, д. 97, л. 34.
52. Там же, оп. 5, д. 120, л. 7.
53. ЦГА КБР, ф. 852, оп. 1, д. 77, л. 16, 17.
54. Там же, д. 11, л. 15.
55. Там же, оп. 7, д. 3, л. 1.
56. Кулиев К. Собрание сочинений. В 3 т. Т. 1. Нальчик, 1958.
- С. 211.
57. Семейный архив Эфендиевых.
58. ЦГА КБР, ф. 852, оп. 4, д. 38, л. 20–23.
59. Там же, оп. 4, д. 38, л. 24, 25.
60. Там же, л. 33.
61. Там же, д. 20, л. 4.
62. Там же, оп. 3, д. 163, л. 62.
63. Там же, оп. 2, д. 163, л. 125–130.
64. Там же, л. 44.

Ф. С. Эфендиев

ПРИРОДА КАК СРЕДСТВО РАСКРЫТИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРАВДЫ (по роману «Была зима» К. Ш. Кулиева)

Тезисы межвузовской науч-
ной конференции «Этноэкологи-
ческая культура и проблемы
окружающей среды». Нальчик,
2001 г.

Равнодушной и всепримиряющей природы в творчестве Кайсына Кулиева не было и быть не могло, поскольку красота и ее помощь отвергают мотивы безысходности, тоски и пессимизма. С художественной убедительностью показаны величие природы, картины вечности бытия. «Была ночь. Молчали горы. Молчали скалы. Так они в своем каменном величии смотрели всегда на аул Чал, чтобы сюда ни приходило – праздник или беда, война или мир. Звезды над древним аулом не гасли ни от каких

бедствий, речки продолжали течь, в свой приход приходили весна, лето, зима...» [1]. Так показана Кулиевым система взаимосвязи форм движения материи – жизнь аула, жизнь природы во времени и пространстве, важнейших всеобщих форм бытия материи. Умение передать «каменное величие», суровую жизнь природы гор, скал, камней – свидетельствовало о тонкой наблюдательности поэта и его глубоких ощущениях этносреды, где родился он и его земляки – чегемцы («чаловцы»). Как поэт и прозаик Кулиев мог серьезно и сердечно переживать за бессмысленность разрушения природы и ее богатств, позволить себе назидательно морализовать по отношению людей к природе, ее экологическому состоянию. Но непоправимой трагичности картин природы у него не было – ни в стихах, ни в прозе.

Во многих случаях пейзажные зарисовки удивляют своей красочностью. Вот начало романа: «Над старинным аулом Чал с востока и запада сурово глядели красно-желтые и серые скалы, а на юге, под синевой неба, высились снеговые вершины...» [2]. Как видно, здесь в одном предложении очень много разнообразных и точно использованных эпитетов: «старинный аул», «красно-желтые и серые скалы», «синева неба», «снеговые вершины». Очевидно, у поэта был свой замысел: красивая, живописная природа и тяжелая трагическая жизнь.

Роман «Была зима», как известно, написан Кулиевым на русском языке, но его мышление, миропонимание, мировоззренческие позиции, социокультурный фон, пространственно-временная конфигурация, социально-бытовые отношения между людьми даны в рамках этнических систем, с учетом национальных особенностей. Сошлемся на высказывание С. К. Башиевой: «...мир героев произведения сугубо национальный, ибо русский язык прекрасно отразил балкарскую эстетическую форму, не явился помехой в создании богатых колоритных образов, в воспроизведении быта, нравов, психологии горцев... Все языковые средства отобраны в соответствии с личными ассоциациями, индивидуально-психологическими особенностями автора, а также с условиями национальной Среды обитания балкарцев» [3]. Она одна из первых ученых Северного Кавказа обратилась к роману Кайсына Кулие-

ва «Была зима» и глубоко, со знанием существа этнокультуры тюркских народов проанализировала этот роман, обратила внимание в нем на этнокультурные особенности горских народов, их обычаи, нравы, быт. Эта монография – часть ее диссертационной работы.

Природа как средство раскрытия художественной правды занимает в романе центральное место. Конкретно-реалистические картины природы балкарского аула Чал, Чалского ущелья напоминают нам родное село самого поэта Кайсына Кулиева из Чегемского ущелья, где проживали его родичи и друзья, которых он знал с детства. С их реальными именами связаны многие герои романа. Реальные жители селения Нижний Чегем стали прототипами героев романа «Была зима», действие которого проходило трудной, холодной зимой 1942 года. Название романа «Была зима» – не случайное, поскольку зимний пейзаж как нельзя лучше раскрывал душевные переживания многочисленных героев и героинь, их поступки и действия.

Стремление раскрыть внутренний мир героев романа отразилось в своеобразном описании природы, которая окружала чаловцев; того, к чему они привыкли и повседневно видели и ощущали. Обратимся снова к тексту: «Так было с фронтовиками из аула Чал, так было и с теми, кого царские власти ссылали в Сибирь или сажали в тюрьмы. Чаловца можно убить, но заставить забыть горы, речки Чал и Жали, чистоту и ледяной вкус воды не смог никто и никогда. Чаловцы всегда носили с собой мужественный и мудрый облик родных гор» [4]. И чуть дальше снова читаем: «...И, умирая на чужбине, в последний миг они видели лицо матери и белизну снега на вершинах и голоса быстрых речек...» [5]. Так Кулиев говорил о свободолюбивом характере горца, о его любви к отчей земле, не употребляя слова «патриотизм», обозначающего любовь к отечеству, преданность ему, стремление своими действиями служить его интересам и т. д.

Кулиев художественно запечатлел в своем романе рождение утра, приближение дня, вечера, наступление ночи в горах и достиг высокой эстетики, художественности, необычайной простоты и яркости. Эти картины люди видели изо дня в день, в них, казалось, нет ничего нео-

бычного. Все было привычным, почти обыденным. Но в том-то и прелесть, что Кулиев опозитизировал этот привычный людям мир. «В Чал пришло утро. Из-за зеленой горы неожиданно показалось солнце. Оно осветило сначала макушки самых высоких вершин, а потом склоны гор, а чуть позже луга, дороги, улочки, дворы. Мир был немыслимо прекрасен, и вся эта картина казалась нереальной, выдуманной» [6]. Эта пейзажная зарисовка хорошо напоминает нам пейзажные картины М. Сарьяна, творчество которого так высоко ценил и любил Кулиев. Он знал художника лично, встречался с ним в его доме. В очерке о нем Кулиев писал: «Арагат и Сарьян – высочайшие вершины Армении, видные всему миру. Они никогда не расстанутся, потому что бессмертный художник воспел обожаемую им библейскую гору – белое чудо древней земли. Вся живопись Мартироса Сарьяна освещена светом Арагата. Так они и останутся вместе, радуя живущих высотой и величием» [7].

Природа как средство раскрытия художественной правды динамична. Картины родной природы великолепны и служили они поэту не только для психологизма, но и для многих других идейно-нравственных целей раскрытия происходящих событий военного грозного 1942 года. Мы знаем, что в начале романа есть эпиграф: «Памяти моей сестры Мариам и всех, кто трудно жил». С самых первых строк романа читатель встречается с ее именем, ее думами, переживаниями. Она принимает участие во всех суровых драматических событиях и трагических ситуациях. С большим мастерством и симпатией Кулиев нарисовал характер этой трудолюбивой, скромной и выносливой горянки. Не страшась трудностей и испытаний, Мариам борется за жизнь и находит опору в среде своих земляков. Она чутко воспринимает красоту природы, понимает как нельзя лучше своих односельчан, разделяя с ними радость и горе. Она и есть тот трудовой народ, с которым она связала свою жизнь и лучшие надежды. Природа сопровождает их, и Кулиев прибегает к использованию черного и белого цветов в качестве художественного символа, для общего эмоционального фона происходящих событий. «Была зима. За ночь выпал снег.

Улицы, крыши, тропы, склоны, скалы, деревья стали белыми. Горе и траур людей были черными, а земля белой. От черноты людских несчастий снег не почернел», — очень удачно писал Кулиев, используя контрастные цвета в своем творческом процессе. Они помогали ему создать образность как особую форму отражения жизни.

Таким образом, в романе Кулиева «Была зима» изображено целостное и многостороннее воспроизведение событий Великой Отечественной войны на широком фоне жизни, быта балкарского народа и его этноприроды. Все нарастающий драматизм событий аула Чал требовал от Кулиева умелого и глубокого раскрытия психологии горцев, и он с большим мастерством прибегал к описанию картин родной природы, которая придавала большую эмоциональную окраску происходящему, углубляла внутренний мир героев, их настроения и переживания. На протяжении всего романа Кулиев прибегал к пейзажу, к радостным или драматическим картинам природы, как средству раскрытия душевного состояния героев, часто и сама природа давалась через восприятия земляков поэта, то есть чаловцев, жителей старинного аула Чал Чалского района.

Роман «Была зима» Кайсына Кулиева по пластичности, художественно-изобразительным средствам языка, индивидуальным оттенкам и метким выражениям языка персонажей, по широте охвата событий 1942 года, по умению мастерски использовать пейзаж, связанный главным образом с изображением аульского быта и жизни аульчан — произведение национальное, народное. Оно по праву входит в золотой фонд произведений о Второй мировой войне. Кайсын Кулиев как крупнейший художник-реалист выступил в новом качестве талантливого прозаика. Он, конечно, и до этого писал рассказы о своем детстве, о животных, создавал замечательные сказки для детей, но роман «Была зима» был первым крупным произведением, художественность которого — в верности обобщения, в жизненности изображения и его народности. Образность и художественность — вот качества романа «Была зима», одного из известных романов на рубеже 80-х годов XX в.

1. Кулиев К. «Была зима». М., 1987. С. 72.
2. Там же. С.9.
3. Башиева С. К. В оригинале и переводе. Нальчик, 1990. С. 97.
4. Кулиев К. «Была зима». М., 1987. С. 13.
5. Там же.
6. Там же. С. 72.
7. Кулиев К. Так растет и дерево. М., 1975. С. 196.

Т. Е. Эфендиева

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОТРАЖЕНИЕ КАТЕГОРИИ ВРЕМЕНИ В ПОЭЗИИ КАЙСЫНА КУЛИЕВА

Тезисы выступления на IV
Конгрессе этнографов и антропологов России. Москва, 2001 г.

В истории мировой философской мысли категория времени всегда стояла в центре внимания вечных проблем бытия. Впервые пытались осмыслить сущность времени древнегреческие мыслители Сократ, Платон, Аристотель. Над сложной проблемой времени работали и известные западно-европейские философы – Бергсон, Сартр, Хейдеггер, которые много писали о том, как время меняет взгляды простых людей, исследователей науки, художников и писателей, архитекторов и музыкантов и т. д. И не только изменяет убеждения и принципы представителей искусства и культуры, но и само развитие науки.

Особый интерес в художественной литературе представляет категория времени в качестве понимания его как культурно-исторического ресурса и как основы идентичности. В этом отношении особое место занимает художественная концепция Кайсына Кулиева (1917–1985) о себе, своем народе, родине. Его личностные представления о прошлом и будущем, сформированные на основе личного опыта жизни в среднеазиатский период, когда он и его народ были насильственно высланы, представляют определенный этнокультурный и нравственно-этический интерес.

Поэт всегда остро чувствовал, что его личная судьба и

судьба родного народа зависели от власти времени. Временной разрыв между прошлым и настоящим он глубоко осознал, особенно это чувствовалось в стихотворениях 1945–1955 годов. Тринадцатилетний период депортации балкарского народа нашел художественное отображение в поэме «Завещание» и стихотворениях «Родной земле» (1947), «Русская сказка» (1945), «Памяти Дмитрия Кедрина» (1945–1948), «Песня о детстве». В стихотворении «Родной земле» Кулиев обращался к родной и любимой Балкарии не только от своего лица, но и от лица всех балкарцев, тосковавших на чужбине по отчей земле:

Став глухим, я буду слышать, знаю,
Шум листьев там, в родимой тишине,
И, став слепым, моя земля родная,
В твоих горах не заблудиться мне.

(Перевод Н. Коржавина)

В кулиевской поэзии середины 40-х и 50-х годов воспоминания о родном крае, своих друзьях, погибших во время Второй мировой войны, почти полностью отождествляются с любовью к земле отцов и к тем людям, которых постигла трагическая судьба.

Зная необратимость времени, поэт, вспоминая своих друзей, обращался к тем художественным образам, которые были понятны всем и близки с детства.

Та чинара, что ты посадил,
До чего разрослась и окрепла!
Ты погиб, но тебя не забыл
Этот мир, возрожденный из пепла.

У чинары высокая стать,
И листва на ветвях молодая.
И глядит на нее твоя мать,
Год за годом тебя поджидая.

(Перевод Ю. Виноградова)

Это коротенькое стихотворение взято из книги лирики Кулиева «Говорю людям», изданной в Москве в 1985 году. Поэту оставалось жить несколько месяцев. В эту книгу вошли в основном произведения, написанные поэтом за

последние годы. В них художественное отражение категории времени как формы бытия материи со своей силой творческого мышления Кулиева прослеживается почти в каждом стихотворении. Сборник начинается так «Прислушайся к словам...»:

Прислушайся к словам: «Светает на земле», —
лицо — уже светло, еще темна природа.
Прислушайся к словам: «Звезда встает во мгле», —
И обретут слова значение небосвода.

.

Прислушайся к словам: «Уже луна взошла», —
на землю снизойдет покой благословенный.
Прислушайся к словам: «Гора опять бела», —
и мысль соотнесешь с веками и вселенной.

(Перевод Б. Ахмадулиной)

Этнопсихология времени в лирике Кулиева ощутима во всем: в обращении к этноприроде и в ее художественном описании, в гармоничности мира бытия и вечности его существования, в поступках и мыслях его литературных героев. В творческих исканиях поэта категория времени часто была художественным символом, который позволял вводить этнографические и фольклорные элементы и создавать повышенный эмоционально-психологический тон произведения и его нравственно-философскую направленность.

Художественное отражение времени в лирике К. Кулиева — это цельная концепция, конечно, не о всеобщей форме бытия материи, а о прошлом, настоящем и будущем людей XX и XXI вв. С глубоким чувством душевной радости, с искренним и сердечным словом, поэт обращался к ним в стихотворении «Мир и радость вам, живущие!» (1971):

Мир и радость вам, живущие,
Чьим трудом земля живет,
Людям всем, без чьих забот
В мире тьма была бы тьмущая,
Мир и радость вам, живущие!

(Перевод Н. Гребнева)

Поэт понимал, что время необратимо, асимметрично, и все изменения в мире происходят от прошлого к будущему. В статьях «Сказки и горы», «Время и песни» он писал о балкарцах и карачаевцах, «древнейших жителях Кавказа, издавна обитавших в самом его центре — у подножия Эльбруса», о созданных ими сказках, песнях, пословицах и загадках...» мы обязаны им за тот полный нетускнеющих красок, неповторимый поэтический мир, — писал Кулиев, — который они оставили нам». Поэт писал и о времени, сожалея, что так быстро миновала молодость — эта прекрасная возможность претворения своих мечтаний в жизнь. С безукоризненным благородством, с кроткой просьбой Кулиев обращался к быстротекущему времени в стихотворении с символическим названием «Вечер» (1971):

Мой вечер, дай еще побыть с людьми,
Будь добр, как день былой, продлись подоле,
Способность разуметь не отними,
Не накажи бесчувственностью к боли!

Прошел мой полдень, здравствуй, вечер мой!
Длинней ты будешь или же короче,
Нет у тебя вины передо мной,
Неотвратима смена дня и ночи.

(Перевод Н. Гребнева)

Не рассудочность, а грусть сквозит в подобных стихах о времени и приближавшейся старости. По-разному поэт подходил к этой теме, но всегда в его стихах была разумность и цельность убеждений. «Две свечи» (1972) — одно из таких лирических откровений:

.

И ныне, подытоживая век,
Я свет их все отчетливее вижу.
«Проходит в жизни все», — мудрец изрек.
Проходит жизнь, а дальнее все ближе.
И, как ни светел зимний вечер мой,
Я вдаль смотрю и ощущаю ясно,
Как две свечи далеких предо мной
Зажгутся слабым светом и не гаснут.

(Перевод Н. Гребнева)

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ СТАТЬИ КАЙСЫНА КУЛИЕВА «ВРЕМЯ И ПЕСНЯ»

Тезисы выступления на международной конференции «Горные страны: эволюция расселения – этнокультурная мозаика – геополитика и безопасность» 12–17 сентября 2001 г., Ставрополь, государственный университет.

Эту статью поэт написал спустя два года после возвращения балкарского народа из Средней Азии и Казахстана в августе 1959 года. В течение 13 лет депортированные народы находились в изоляции от общественно-политической и культурной жизни страны, так как для них был официально санкционированный жесткий режим спецкомендатуры. В этих условиях балкарские писатели и поэты не имели права публиковать свои произведения ни на одном языке, а ученые не могли выступать на научных конференциях и в печати. Видимо, все это побудило талантливое балкарское поэта Кайсына Кулиева написать данную статью и выразить свое душевное состояние и свою боль, любовь к горам Балкарии и этнокультуре родного народа. Это была первая статья, написанная в историко-географическом и культурологическом аспекте в 60-е годы в балкарском литературоведении.

В ней Кулиев глубоко раскрыл взаимосвязь и взаимообусловленность народа с природно-ландшафтной средой: высокими горами, глубокими ущельями, горными реками, высокогорными пастбищами и отвесными скалами. «Балкария – это край высоких гор и теплых долин, стремительных рек и густых лесов, – писал он, – залегла между Эльбрусом и Казбеком на Центральном Кавказе. Тот, кто не знаком с ней, не может сказать, что он хорошо знает Кавказ и полностью видел эту неповторимую красоту. Величайшая гора Балкарии и самая высокая вершина Европы – это Эльбрус. Он, возвышаясь над всей

семьей гор, встречает каждый рассвет, как бы приветствуя все народы: «С добрым утром! Мир вам!»

Эта статья имеет не только большое природно-географическое значение, но и историко-культурологическое.

Касаясь истории прошлого балкарского народа, Кулиев писал в этой статье, что его земляки относятся к одному из древних этносов Кавказа. В течение многих веков балкарцам приходилось отстаивать свою землю, родные очаги и жизнь детей от посягательств внешних врагов. «Стрелы наших предков, — писал он, — свистели над головами монгольских и других завоевателей. В результате упорной борьбы за родную землю многие погибали, и могил оказывалось значительно больше, чем живых жителей аулов. Свидетелями той суровой жизни и борьбы остались до сих пор сторожевые башни и крепости, которые так часто встречаются у нас в горах. Наши предки, не щадя своей жизни, отстаивали земли отцов и никому не дали окончательно погасить огонь родных очагов, родной речи, не позволили убить песни своих прекрасных гор — душу народа. Этим они заслужили нашу глубокую признательность».

Не обойден вопрос и о хозяйственной деятельности балкарцев, которые испокон веков занимались скотоводством и охотой. Их высокогорные пастбища, на мягкие травы которых ложились тени от влажных облаков и крыльев орлов, давали для этого большие возможности, — образно писал поэт, подчеркивая известное трудолюбие горцев.

С глубоким пониманием Кулиев говорил о природно-ландшафтных факторах, оказывающих большое влияние на формирование национального характера и этнопсихологических особенностей балкарского народа. В 60-е годы XX столетия проблема национального характера и этнопсихологические особенности почти не были исследованы. Они еще не стали предметом пристального внимания ученых, как сейчас — в сфере межнациональных отношений. Это говорит о глубоком знании и широкой эрудиции выдающегося поэта XX в. Кайсына Кулиева.

Как известно, балкарцы являются самыми высокогорными жителями Европы. Они живут тысячелетиями в экстремальных условиях высокогорья. У них веками

вырабатывались свойства адаптации к суровым природно-климатическим условиям. Все это закреплялось в генотипе и передавалось из поколения в поколение. Об этих условиях жизни своих земляков хорошо знал Кулиев, когда писал, что балкарцы на арбах, мулах и ослах через теснины провозили саженцы и создавали прекрасные сады в своих узких солнечных долинах по берегам бурных речек и на склонах, где струились горные родники. Горцы пробивали дороги в отвесных скалах, одолевая их вековой гранит. Балкарцы жили так, будто трудности были специально придуманы только для них. Но жители суровых гор с честью справлялись с любыми препятствиями, закаляя свой характер, никогда не отчаиваясь. Они были похожи на свои горы и скалы.

В этой же статье Кулиев касается этнической культуры своего народа. «Наша земля всегда знала замечательных мастеров камня и резьбы по дереву,— писал он.— У нас хорошо помнят о славе великолепных каменщиков Черкесского ущелья». Старинная балкарская архитектура, по утверждению специалистов, представляет собой интереснейшее самобытное явление. Так, московский художник-архитектор Б. Э. Бернштейн отметил «поразительное сходство не только ряда конструктивных элементов балкарских построек с некоторыми деталями архаических памятников Греции и Египта», но даже определенную общность всей плановой композиции целых жилищ. В работе Э. Б. Бернштейна «Архитектура балкарского народного жилища» читаем: «Пожалуй, может показаться странным и даже невероятным, что маленькая, занесенная на кручи высокогорий Кавказа, Балкария вдруг оказалась источником для заполнения недостающих страниц истории всей мировой архитектуры. Но тут уместно вспомнить, что еще в труде Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» то, что касается истории возникновения и роли семьи как общественной формации, тоже основано на наблюдениях быта именно балкарцев, описанных М. М. Ковалевским в очерках, опубликованных в «Вестнике Европы» [1]. Интересен и другой факт. Когда в 1938 году Э. Б. Бернштейн обследовал архитектуру домов Чегемского ущелья, в частности комплекс усадьбы Ахмана Кулиева в Эль-Тюбю, то 130-летний строитель Кауу Жарашуев сказал: «Много

людей сюда приходило, сказки записывали, песни наши, а вот как мы дома строим, ты первый спрашиваешь» [2].

Говоря об архитектуре горных аулов, поэт дал высокую оценку талантам безымянных мастеров, которые оставили огромный след в истории материальной культуры балкарского народа. Построенные ими старинные башни и бойницы до сих пор стоят, как немые свидетели сурового прошлого. «Всякого, кто знаком со старинными балкарскими аулами, не может не удивить это, вызывая глубокое уважение к труду наших мастеров,— как они умели обращаться с деревом и камнем, как подчиняли их своей воле и своему мастерству,— писал поэт.— Об их талантливости и трудолюбии также свидетельствуют старинные башни и кешене — склепы, для которых в те далекие времена так великолепно жгли кирпич и известь. То же самое надо сказать и о знаменитой каменной лестнице, ведущей по громадной отвесной скале в Чегемском ущелье».

Особое внимание поэт уделил в своей статье земледелию в условиях, где было всегда мало пахотной земли. «Каждый клочок земли в горах,— указывает поэт,— был равен золоту, его освобождали от множества камней, которые каждую ночь вновь могли засыпать участок, срываясь с гор. Участок любовно орошали, по склонам тянулись арыки, словно змеиные следы или заброшенные арканы. Так добывали наши предки свой хлеб. Все это требовало не только умения, но и величайшего терпения и мудрости, любви к жизни и родной земле. Жизнь требовала от горцев мужества и трудолюбия, твердости и прозорливости. И они никогда не расставались с этими своими национальными качествами. Так складывался характер жителя гор».

Следы террасного способа земледелия отчетливо сохранились в Хуламо-Безенгийском ущелье, в селении Кёнден Эльбрусского района и в других местах высокогорья.

Проблемы окружающей среды и бережное отношение к природе, особенно к пастбищным угодьям, всегда занимали у балкарцев особое место в их жизни и быту. Высокогорные пастбища всегда служили основой животноводства и благополучия жизни каждой семьи, многие из которых были потомственными скотоводами. До сих пор на балкарском языке существуют такие емкие понятия, как «къышлыкъ», «жазлыкъ» (зимнее и летнее пастби-

ща) и другие экологические обычаи и традиции. Сенокос для балкарцев является одним из национальных символов. Были культурно-обрядовые дни, связанные с сенокосом и скотоводством, такие, как отправление скота на летние пастбища, его спуск осенью и отправка на зимние пастбища и т. д.

Статья Кулиева «Время и песни» затрагивает не только этноприродные аспекты бытия балкарского этноса, но и духовно-нравственные вопросы. Поэта всегда интересовало устное народное творчество балкарцев. Он писал: «В наших суровых и прекрасных горах жили не только храбрые люди-воины, не только мастера дерева и камня, не одни хлеборобы и погонщики овец, но и изумительные мастера слов. Слово и песни у горцев ценились наравне с хлебом и солью. Это общеизвестный факт. Недаром у балкарцев бытует понятие, что бывает слово, стоящее коня. Создания мастеров слова, безымянных поэтов и сказочников оказались долговечнее даже рук мастеров камня».

Подчеркивая особую роль устного народного творчества в духовной жизни балкарского народа, поэт писал: «...Если многие здания и башни, сделанные руками мастеров, разрушены грозной силой времени и навсегда потеряны для нас, то песни, сказки, легенды, пословицы и поныне живут в душе народа, нисколько не теряя свежесть и силу духовного воздействия. Удивительное дело — слово оказалось прочнее камня! В течение столетий балкарский народ создавал свои песни, среди которых мы встречаем героические сказания о древних богатырях — нартах — с их прометеевским мотивом похищения огня для людей, бытовые песни, вроде «Долай-Гапалау», старинные поэмы о мужестве и любви, как «Бийнёгер», охотничьи — «Апсаты», нежные колыбельные, согретые материнским сердцем, и суровые песни о мятежных абреках, как «Канамат», и т. д.»

Хотелось бы подчеркнуть, что Кулиев впервые в национальном литературоведении так глубоко выразил этнокультуру балкарского народа. Вероятно, это связано с тем, что на чужбине его народ и он сам долгие годы жили «без голоса» и не имели право проявить свой духовно-нравственный потенциал в изолированном пространстве Средней Азии и Казахстана. Поэтому после возвращения на родину, испытывая потребность выска-

заться о том что его волновало, Кулиев сумел с таким поразительным умением всесторонне охватить и рассмотреть в диалектическом единстве природу и духовную культуру балкарского народа.

Духовную культуру балкарцев Кулиев исследовал в контексте развития культуры народов Кавказа. «Балкарская народная поэзия,— отмечал он,— постоянно соприкасаясь с культурой разных этносов, имеет много общего с кабардинской, дагестанской, грузинской и другими культурами. Шло взаимное влияние и взаимное обогащение. Это вполне естественно. В то же время наш фольклор остался самобытным в высоком смысле этого слова. Следует особо оговориться и о взаимоотношениях фольклора балкарцев и карачаевцев. Оба эти соседних народа говорят на одном языке. У них быт, обычаи и традиции одинаковы, и фольклор у них общий. Балкарские песни являются также карачаевскими».

Есть даже такая пословица у этих народов, которая гласит: «Песня создается в Большом Карачае, а поется в Балкарии».

В балкарском и карачаевском фольклоре много общих старинных героических песен, которые сохранились в социальной памяти народа и передавались из поколения в поколение. «Пережив своего безымянного автора, у которого наверняка был бешмет в заплатках, а в его душе сияли звезды, песня передавалась из уст в уста, от поколения к поколению, звучала в дни радости и в дни бед, одинаково воодушевляя и утешая согбенного старика и полного сил юношу, крепкоруких воинов и знающих цену куска хлеба землепашцев. Не имевшие письменности, литературы и театра горцы всегда жили в атмосфере песни, сказки, их всюду сопровождали пословицы, ставшие философской системой, мудрыми изречениями. Песни и сказки заменяли им книги, театр и литературу».

Мы считаем, что статья Кулиева «Время и песни» [3] имеет важное научно-теоретическое значение в исследовании этнической культуры балкарского народа в условиях национального возрождения. В этом ее ценность. Она написана более 40 лет тому назад, а звучит актуально и в настоящее время. Философский ум Кулиева, его широкий кругозор мышления, глубина мысли покоряют наших современников и дают им новое направление в исследовании художественной национальной культуры.

1. Бернштейн Э. Б. Архитектура балкарского народного жилища. М., 1993. С. 4
2. Там же. С. 4
3. ЦГА КБР, ф. 852, оп. 4, ед. хр. 25, л. 26–33.

Ф. С. Эфендиев

СОЦИАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ И ТВОРЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ

Тезисы доклада на научно-теоретической конф. «Проблемы национальной культуры на рубеже тысячелетий: поиски и решения». Нальчик: Северо-Кавказский государственный институт искусств. 1–4 апреля 2001 г.

Проблемы социальной жизни и культуры всегда волновали ученых, особенно когда подводились итоги на рубеже веков. «Стык веков и тысячелетий» в наше время оказался благоприятной основой для поисков и решений развития этнокультуры.

XX в. ушел в прошлое, но философская мысль продолжает теоретическое изучение процесса развития духовной культуры, художественного восприятия национального мира. Французский мыслитель Блез Паскаль когда-то сказал, что величие человека – в его способности мыслить. И это, по-нашему мнению, особенно ярко и полнозвучно проявляется в творческом сознании писателей, поэтов, музыкантов, то есть людей творческого труда, которые жили в период «переходных» этнокультур. Часто этот период национальных культур оказывался драматичным, сложным и противоречивым. Так было с «золотым» и «серебряным веком» русской культуры, такое случилось и на «стыке» XX и XXI вв., когда произошло крушение СССР и художественная литература советского периода стала подвергаться сомнению с ее методом социалистического реализма. Ее постигла та же участь, что и многих писателей и поэтов русского Зарубежья,

первой и второй «волн» русской эмиграции. Теперь забытые имена писателей русского зарубежья, скажем, В. Максимова, В. Набокова, Д. Панина, М. Алданова, Б. Поплавского, М. Осаргина, В. Некрасова, А. Солженицына, В. Ходасевича, И. Бродского и многих других возвращены в школьные и вузовские программы по литературе как предмет изучения. Зря, конечно, и сейчас стараются выбросить из программ по литературе и из сознания молодых людей многие славные имена советских писателей и поэтов, которые по праву должны входить в историю русской литературы, хотя бы потому, что около 70 лет Советской власти не выкинешь из истории России. Ведь общеизвестно, что художественное мышление писателя — это художественное сознание эпохи. И очень важно, как оно повлияло на самосознание отдельной личности и народа в целом. Особенно на молодежь, которая вступила в ХХI в. при многих драматизирующих ситуациях: продолжают идти локальные войны, рвутся традиционные экономические и культурные связи с бывшими братскими республиками бывшего Советского Союза, и процесс маргинализации захватывает все большее и большее количество людей. Изменились не в лучшую сторону и ценностные ориентации, идеалы и нормы духовной культуры. Национальная культура КБР, как и вся духовная культура России, потеряла ощущение единства человека с другим близким по духу человеком, социальной группой, страной. Философ А. Ф. Лосев назвал это «соборностью» существования культур, одним из ее основополагающих принципов существования.

Балкарец Кайсын Кулиев, истинный гуманист ХХ в., писал, обращаясь к поэтам будущего, и предостерегал их от пессимистического настроения, которое бывает, как известно, характерным для людей в переходные периоды:

И горечью веков мы наполняли песни,
Чтоб стон запечатлеть в своих словах простых.
Бурлящее вино хранит бочонок тесный,
Живую боль хранит предельно сжатый стих.

Во все века наш путь был тяготен и труден,
Всегда не далеки от нищенской сумы,
Мы оставались все равно друзьями людям,
И жизнь, и солнце все равно любили мы.

(Перевод Н. Коржавина)

Стихотворение «Поэты» написано в 1942 году, когда Кулиеву было 25 лет. Но и через много лет, как бы подводя итоги жизни своего поколения (стихотворение так и называется «Говорю моему поколению»), он с гордостью за тех, кто жил в XX в., сказал:

Мы были силою великой,
В боях, которым равных нет,
И наши лица стали ликом
Жизнь, утверждающих побед.

В его социальной памяти и творческом сознании переосмыслен трудный опыт далеких и близких лет, и нашло предельно художественное выражение всего того, что пережили современники Кайсына Кулиева:

Мы шли, за жизнь и смерть в ответе,
Сквозь все лишения вперед.
Уходит всё на этом свете,
И наступает наш черед.

За нами грозная эпоха
К рассвету выхода из тьмы.
Но в свой короткий век неплохо
Трудились мы, сражались мы. [1]

(Перевод М. Синельникова)

Эти два четверостишия приведены из последней книги Кайсына Кулиева «Человек. Птица. Дерево.», удостоенной Ленинской премии в 1990 году, то есть спустя шесть лет после смерти поэта. Эта книга отличается исповедальной искренностью, задушевностью, глубиной мысли и философскими выводами обо всем том, что пришлось пережить поэту на протяжении его жизненного трудного пути. Отсюда трагический оттенок разделов книги «Жизнь остается жизнью», «Больничная тетрадь» и даже большого цикла стихов «Свет твоего лица». В предельно заостренной философско-этической проблеме «жизнь — смерть» поэт по-своему решал этот вопрос, волновавший различных мыслителей и художников мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кулиев К. Человек. Птица. Дерево. М., 1985. С. 228.

ЗНАЧИМОСТЬ ТВОРЧЕСТВА КАЙСЫНА КУЛИЕВА В ЭТНОКУЛЬТУРЕ БАЛКАРСКОГО НАРОДА

Тезисы выступления. IV
Конгресс этнографов и антропологов России. Москва, 2001 г.
Секция: Традиционные системы
ценностей народов России: прошлое и настоящее.

Творчество К. Ш. Кулиева оказало огромное влияние на развитие художественной культуры и этнофилософии балкарского народа. Он является духовным феноменом балкарского этноса. Своей поэзией Кайсын Шуваевич глубоко выразил национальные особенности, боль и страдания народа в годы депортации. К. Кулиев был человеком огромного таланта, обладавшим не только гражданским мужеством — неустрашимостью перед жестокостью спецкомендантского режима в Средней Азии, — но, прежде всего, интеллектуальным мужеством. Об этом свидетельствует его суровая и объективная автобиография, написанная им и опубликованная в книге «Так растет и дерево» (М., 1975).

В истории балкарской культуры Кайсын Кулиев стал новым художественным явлением, в котором запечатлены идеалы и чувства его современников, живые цветы родной природы, красота гор и этнокультурные черты национального духа.

На его стихи создавалась музыка известными композиторами Москвы и Ленинграда, Свердловска и Махачкалы, Украины, Грузии и Белоруссии. Песни Кулиева прозвучали на многих языках в концертных залах союзных и автономных республик Советского Союза в исполнении Марка Бернеса, Муслима Магомаева, Эдуарда Хила, Аллы Пугачевой, Льва Лещенко, Иосифа Кобзона, Валентины Толкуновой, Елены Великановой и многих других. Часто передавались и сейчас передаются по центральному радио и телевидению такие его песни, как «Песня, которую любила моя мама», «Мы слушали музыку...», «Черный конь умирает на белом снегу», «Все еще впере-

ди», «Женщина купается в реке», «Пусть никогда не умирают дети», «Я люблю твои глаза», «Скалолазы», «Играют Шопена».

Музыкальный мир хорошо знает великого балкарского поэта. Его имя вошло в музыкальную культуру многих народов России и СНГ. Поэт написал более 1100 стихотворений и 15 поэм, роман «Была зима», пьесу «Есть на свете любовь», рассказы и очерки, многие из которых еще не опубликованы. А его литературно-критическое наследие, выступления на международных конгрессах, симпозиумах, научно-теоретических конференциях, съездах Союза писателей СССР и РСФСР, союзных и автономных республик могут составить многие тома.

Кайсын Кулиев был связующим звеном духовной культуры Запада и Востока, замечательным поэтом и критиком в развитии национальной художественной мысли.

Т. Е. Эфендиева, Ф. С. Эфендиев

ПРОБЛЕМА ЭТНОГЕНЕЗА В ЦИКЛЕ СТИХОВ КАЙСЫНА КУЛИЕВА «ПОЛОВЕЦКАЯ ЛУНА»

Тезисы доклада межрегиональной научной конференции «V Минаевские чтения» по археологии, этнографии и музееведению Северного Кавказа – «Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии» 12–15 апреля 2001 г. Ставрополь. Ставропольский госуниверситет, кафедра археологии и региональной истории.

Объясняя свое внимание к далекому прошлому в цикле стихов «Половецкая луна», Кулиев писал в 1974 году: «Это один из самых сложных моих циклов... Сложность заключается в том, что я обратился к истории, к своим предкам, к половцам» [1]. Действительно, «Половецкая луна» уводит нас в даль XI–XII вв., но это не историческое произведение в строгом смысле слова. Здесь нет ни конкретных исторических лиц, ни описания реальных

событий, ни воссоздания целостной картины далекой эпохи, когда печенегов сменили в причерноморских степях новые азиатские кочевники — половцы. Не это было целью автора.

Художественное мышление поэта проникало в столь давние времена для того, чтобы через опыт осознанного историзма обрести высоту, с которой видны настоящее и будущее («Лишь то в потомках оживает вновь, что в предках утвердилось глубоко»). Поэтическая мысль, прозревающая суть исторического события, являлась стержнем цикла стихов «Половецкая луна» и выражала себя через авторское «я». Форма первого лица наиболее соответствовала идее произведения — гуманистической озабоченности судьбами отдельных людей и человечества в целом.

Стремление запечатлеть с позиции гражданина XX столетия исторические формы бытия воинственных предков породило некоторую условность литературного выражения (монолог воина-кочевника, введение образа автора-персонажа, автора-повествователя). Прибегая к форме своеобразной исповеди лирического героя, носителя определенных черт национального характера, поэт почти все содержание семи частей, объединенных единством замысла, но лишенных сюжетно-событийных ситуаций, свел к размышлениям умирающего воина. У этого человека появилась душевная потребность в «горькой правде»: ведь он своей жизнью измерил дороги истории, по собственному опыту знал многолетнюю борьбу половцев с соседними русскими княжествами. Все было в этой борьбе: и победоносные походы русских князей в половецкие степи, и набеги кочевников, и даже временный союз тех и других во время феодальных раздоров.

Но не о мужестве, отваге, воинской доблести думал умирающий, глядя на кровавый лик луны. Он вспомнил походы половецких ханов, в которых участвовали десятки тысяч воинов, несших гибель и разрушение пограничным землям:

Вы неслись по земле черной бурей пустынь
В дикой страсти своим разрушениям рады.
Наслаждались пожаром прекрасных святынь,
Вы не знали в кровавом разгуле пощады.

(Перевод М. Дудина)

Сила, враждебная духовности, противостоящая гуманизму, — страшна и опустошительна. В многовековой истории человечества можно найти немало трагических подтверждений этому...

Дикая жестокость — свойство не только психологии кочевников, но и их сознания, порожденного уверенностью в величии совершаемого:

Он был в своей уверенности слеп.
Пожар и кровь — его судьбы дорога.
Он не растил и не лелеял хлеб
И острый меч считал превыше Бога.

Эта мрачная трагедия человеческого бытия — свидетельство тому, что на земле не было и нет народов с «легкой историей». Каждому выпадали на долю испытания, нередко — жестокие, разрушительные войны. Половцы пережили свою долю, обрели свой исторический опыт. Возможно, это и заставило автора «Половецкой луны» в новом идейно-эстетическом и гуманистическом аспектах взглянуть на их судьбу в ее обусловленности временем. Обращаясь к началу жизни народа. Кулиев утверждал:

Ваша жизнь — судьбы моей исток.
И мне нести свою по жизни ношу.
Но я не буду к прошлому жесток
И камень в это прошлое не брошу.

Основная идея гуманизма о самоценности земной жизни, о стремлении к добродетельным поступкам развивалась и углублялась в творчестве Кулиева в его различных стихах и поэмах и, конечно, в «Половецкой луне». В этом цикле стихов основная идея гуманизма прошла на более глубоком уровне: человек является микрокосмом и самой высшей ценностью на земле. Он предназначен для творчества и созидания.

Беседуя со своими воинственными предками, лирический повествователь судит их за то, что послушные ханам, они несли только смерть и разрушение:

«И все живое превращая в прах, чего же вы оставили потомкам?» В этом вопросе таилось утверждение про-

стой истины — люди должны не разрушать, а созидать и передавать из поколения в поколение сокровища материальной и духовной культуры. Именно поэтому неистовая жажда разрушения обрекла на творческое бесплодие целый народ.

Отвечайте мне, предки, чем память жива,
Где плоды ваших рук, торжество урожая,
И каких откровений высоких слова
Вы оставили миру, столетья сближая?

В философском плане Кулиев принимал жизнь как перспективу творчества, ибо культура каждого народа включает в себя компоненты духовного развития всего человечества. Кочевники же почти ничего не делали будущему народов Восточной Европы.

Где он, вашим стараньем построенный кров?
Где они, мастеров и строителей вежи?
Или только одна лишь пролитая кровь
На косматом пожарище ради утех?

Поэт отдавал должное отваге закаленных в боях воинов, их мужественному презрению к смерти:

Мой предок, закаленный на войне,
Считая храбрость выше всяких правил,
Сидел, как тигр, на бешеном коне,
И злую гибель ни во что не ставил.

Но какая цена этому, если в результате многочисленных набегов половцев зарастали травой села, города, цветущие нивы? Безрадостные картины разорения, бесчисленные кровопролития — все это вызывало справедливую горечь потомка, который судил прошлое строгим судом: «Я знаю вашу храбрость. Но у вас я не нашел Спинозы и Шекспира». Таким укором пронизаны строки, в которых поэт выражал свое представление о сути и смысле человеческого существования: «Те, что шли через гибель под ликом твоим, на земле этой сами оставили что-то?». Это — современное решение темы, издавна волновавшей мыслителей и художников, поскольку в процессе исторического развития преемственность культу-

ры является основой прогресса, важным фактором развития народов и человеческой личности. Тема эта получила мужественное и светлое истолкование в «Половецкой луне». Нравственная взыскательность, вложенная в уста лирического повествователя («Я раздумьем томим. Нету судьбам прошедшего ясного счета»), бескомпромиссная оценка разных этапов жизни кочевого мира степей подсказаны поэту общечеловеческими идеалами. Он как бы вместе со своим лирическим героем прошел дорогами далекого времени, преисполненный высокой любви к людям: «Мне горек запах ваших пепелищ. Моя душа – чужой бедою слеpla».

Лирические строфы о жизни далеких предков-половцев перерастали в поэтическое раздумье о современности. Живой струей вошло прошлое в поток жизни 70-х – 90-х годов XX в. Стихи, начавшиеся воспоминаниями кочевника о нашествиях, заканчивались скорбным рекевием в час его смерти: «Ни правых, ни виновных. Ночь темна. И нет на свете ни зимы, ни лета». Единственный свидетель человеческой трагедии – «кровавая луна в черном небе». Смерть воина символизировала трудную победу поздно прозревшего разума: трагический исход был предрешен железной волей жестокого хана-правителя, хотя никто из его подданных не хотел умирать. Каждый, уходя в поход, надеялся вернуться вновь к своим любимым «по доброй воле рока». Но большинство осталось на поле брани, там, где «красной кровью намокла трава». За драматическим накалом мыслей и чувств героя ощущалось волнение современника XX в., скорбь о тех, которые, по словам поэта, «умели тихо и сурово переносить утраты острой боль». Так естественно и органично входили судьбы людей прошлых поколений в духовный мир человека конца 90-х годов XX столетия. Это уже присущий именно ему строй мыслей – мыслей гуманиста, для которого страдания людей Земли неотделимы от его собственных: «Ваша боль, ваши раны – на теле моем. Ваши судьбы меня окружают стеною». Историческое, объективное и личное, эмоциональное сливались в целостное лиро-эпическое повествование. Художественное постижение истории составляло главное содержание цикла стихов «Половецкая луна». Структура произведения, в рамках

которого равноправно звучали голоса лирического героя и поэта, становилась характерной для лирики 70-х годов XX в. и, в частности, для поэзии Кайсына Кулиева.

Цикл стихов «Половецкая луна» проникнут идеями гуманизма. Говоря о социально-нравственных проблемах прошлого, поэт отстаивал одну из высших человеческих ценностей – люди должны созидать, создавать материальные и духовные ценности, жить в мире и взаимопонимании. Своеобразие внутреннего строения цикла стихов позволяло Кулиеву достоверно передать связь времен. Это произведение, по признанию его автора, «тесно соприкасается с сегодняшними чувствами, мыслями, тревогами моих современников» [2].

Голос истории в стихах Кайсына Кулиева предупреждал об опасности, которая может разразиться над миром:

И я скачу. И крови жаждет хан.
И кровь течет и сохнет на кургане.
И вороны летят через туман,
И черные орлы кричат в тумане. [3].

Образы «черных орлов и воронов» в художественной системе балкарского поэта, как и в фольклоре многих народов, выражали тревогу души, недоброе предчувствие. Черный ворон связан с народными представлениями о «злой судьбе», о несчастье. Таков же символический смысл этого образа и в «Половецкой луне»: он предостерегал, будил мысль, напоминал об ответственности за будущее.

Фольклорная образность и историзм поэтического мышления Кулиева утверждали те жизненные идеалы, то отношение к действительности, какие выражены и в устном народном творчестве. Кулиев не мог быть равнодушным к будущему, которое видел в свете прошлого и настоящего своей отчизны и своего родного края.

ЛИТЕРАТУРА

1. Литературная газета. 1974. 13 ноября.
2. Там же.
3. Кулиев К. Половецкая луна // Аврора. 1974. № 10.

О СИНТЕЗЕ КУЛЬТУР ГОРЦЕВ И НАРОДОВ РОССИИ

Из выступления на научной
конф. «Синтез в русской и миро-
вой художественной культуре»,
посвященной памяти А. Ф. Ло-
сева. Москва, декабрь, 2001 г.

В современном мире, то есть в самом начале XXI в., проблема синтеза культур различных народов приобретает все большую актуальность и практическую направленность. Эта проблема остро стояла и в XX в. Исследование проблемы взаимосвязи и взаимообусловленности этнокультурного и национального самосознания, раскрытие их причин взаимосвязи и влияния друг на друга имеют большое научно-теоретическое значение. Без такого подхода невозможно выявить общие закономерности и специфические особенности формирования и развития этнической культуры и национального самосознания народов Северного Кавказа в контексте духовной культуры России. «Опыт мировой поэзии и искусства велик, — писал Кайсын Кулиев в статье «Поэт и культура» (1971). — Он драгоценен. Только бы уметь пользоваться им. Мы должны держать равнение на лучших, учась на их примере и опыте, опираясь на них, на могучие деревья, у которых сильные и глубокие корни. Только так можно двигаться вперед, приобрести мастерство, стать сильным. Только так приходят к зрелости, самостоятельности, новизне и открытиям».

Культура общения охватывает многие стороны сферы межнациональных отношений горцев и народов России. Веками различные этносы Северного Кавказа имели тесные связи, обменивались материальными и духовными ценностями с россиянами. Постепенно между ними возникала культура общения, которая на основе длительной традиции, многовекового накопления опыта саморазвивалась и самосовершенствовалась. Этнодиалог у горских народов — это исторически признанный метод взаимопонимания и совершенствования межнациональных

отношений. Поэтому в нынешних условиях при решении национальных конфликтов его необходимо использовать как народную дипломатию.

На Северном Кавказе выразителем народных дум и стремлений был Кайсын Кулиев, поэтому он писал в 1970 году, предостерегая народы от вражды и ненависти:

Земля одна, и всякая напасть
во всех концах бедою отзовется
В каком краю Земля б ни сотряслась,
она и под тобою сотрясется [1].

(Перевод Н. Гребнева)

Не только Кайсын Кулиев откликался на волнующие проблемы века. В творчестве Алима Кешокова, Расула Гамзатова, Юрия Темирканова, Махмуда Эсамбаева, Михаила Шемякина-Карданова национальное и общечеловеческое находится в органическом единстве. Они были связующим звеном в культуре горцев, народов России и мира. Эту особенность и их значимость в развитии духовной культуры отметила Е. Книпович. Она писала, что некоторые поэты и представители национальной художественной культуры малых народов вырастают в поэтов, представителей искусства мирового значения [2]. По силе своего проникновения в действительность они становятся представителями этнокультур крупного масштаба. Так, по мнению многих литературоведов и известных писателей, Кайсын Кулиев впервые из национальных поэтов Северо-Кавказского региона соединил восточную поэзию с западной литературой. Об этом говорил Борис Пастернак: «Над вашей головой сошлись стрелки Запада и Востока» [3]. В этом смысле поэзия балкарского поэта Кайсына Кулиева явилась уникальным явлением в литературе XX в. Меткое замечание литературоведа С. Рассадина верно, потому что он увидел в его поэзии явление редко своеобразное, понятное и близкое всем людям. «Он представитель вчера еще полуфольклорной литературы, чей письменный период начался так недавно, — писал С. Рассадин. — И он человек широких познаний в области мировой литературы... Кулиев на перекрестке традиций. Его поэзию формировали русская поэтическая классика, народная поэзия бал-

карцев и вообще горцев, наконец, великая культура Востока. Он – поле их взаимопроникновения» [4].

Духовная культура горских народов основывается на общечеловеческом, динамично вбирая в себя культурные ценности народов России и зарубежных стран.

Книга «Так растет и дерево» Кайсына Кулиева – это его литературно-критическое наследие. Она о синтезе культур горцев, народов России, СНГ и зарубежных стран. После издания книги в 1975 году на нее появилось множество положительных откликов от самых известных российских писателей до деятелей культур Азербайджана, Грузии, Армении, Средней Азии и Казахстана. Книга покорила читателей национальным колоритом, нравственно-философским осмыслением многих проблем XX в., высоким художественным мастерством и умением верно осмыслить традиции Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Некрасова, Руставели, Бараташвили, Чиковани, Горького, Есенина, Твардовского, Тихонова, Кешокова, М. Карима, Кугультинова, Али Шогенцукова и других представителей этнокультур.

О значении творчества Кайсына Кулиева в развитии балкарской литературы, о его роли, которую он сыграл в синтезе культур горских народов, России, СНГ и зарубежных стран, написано много статей, монографий, эссе, очерков, литературных портретов. Об этом можно много говорить на этом научном форуме в Москве в канун Нового, 2002 года и узнать из работ проф. Эфендиевых, которые к 85-летию со дня рождения К. Ш. Кулиева издали 6 томов, дочери поэта, ст. научного сотрудника КБИГИ, канд. фил. наук Ж. К. Кулиевой, выпустившей в свет очень интересные книги («Я жил на этой земле...»: Кайсын Кулиев. Портрет в документах. Нальчик, 1999. 511 с. и «Остаться в памяти людской...». Нальчик, 1987. 367 с.), «Прислушайся к словам...». Нальчик, 2002. 535 с. и очерк о творчестве поэта Н. Байрамуковой, Ст. Рассадина, С. Башиевой.

Взаимодействие и взаимное проникновение культур различных этносов является в наше время объективной закономерностью развития общественных отношений. Развитие этнокультур различных цивилизаций Востока и Запада является ярким подтверждением этому.

В условиях национального возрождения народов Се-

верного Кавказа синтез этнокультур требует особого внимания ученых культурологов и философов, которые в историко-философском аспекте рассматривают вопросы преемственности духовно-нравственных ценностей. Дальнейшее развитие духовной культуры человечества и само его существование – это глобальная проблема в масштабе человечества как неразрывное единое целое. Общеизвестно, что единство человечества базируется на интеграционных процессах – технологических, информационных, транспортных и других, имеющих образовательно-гуманитарный характер и оптимальное направление. В социальный прогресс включены все народы, в результате чего усиливается взаимовлияние национальных художественных культур. Об этом объективном, диалектическом процессе развития этнокультур пишут многие ученые. В частности, В. И. Каширин в книге «Очерки философии планетарного самосознания» (Ставрополь, 1996) пишет, что в этом плане нужно рассматривать не только целый этнос, но и отдельного человека как неотъемлемую часть биосферы. В связи с этим можно вспомнить, что еще в начале XX в. мировоззренческая позиция А. Ф. Лосева (1893–1988), касающаяся многих аспектов синтеза культур, нашла выражение в его известном цикле трудов: «Античный космос и современная наука», «Музыка как предмет логики», «Философия имени», «Диалектика художественной формы» и др.

Этнокультура народов Северного Кавказа и России – единая составляющая часть мировой художественной культуры. Изолированной культуры нет и быть не может. Об этом верно сказал Чингиз Айтматов, выступая на страницах «Литературной газеты»: «...путь нации в способности совершенствоваться, взаимодействовать полноценный исторический элемент, как цивилизованная этническая общность с окружающим миром в процессе глобального развития человечества. Когда же нация увязает в собственной «мелкопоместной» суе, она остается в стороне от этого мирового движения» [5].

Народы Северного Кавказа создали богатую духовную культуру, которая занимает достойное место в системе национальной культуры России и которая влияет на формирование нравственных идеалов и национальных ориентиров многочисленных этносов этого региона.

Вхождение этнокультурного феномена в систему мировой цивилизации и России играло и играет определенную роль в формировании национальной идеи, в ее целостности на протяжении всей истории северокавказских народов. Чувство причастности к мировой цивилизации и к художественной культуре России всегда было в крови каждой нации и лучших представителей горцев, которые гордились разными гранями вхождения в их духовную культуру. Одна из особенностей кавказской культуры в том, что она выполняла связующую роль между цивилизациями Востока и Запада. О ней писали А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Л. Н. Толстой, П. К. Услар, В. Ф. Миллер, С. Н. Трубецкой, Я. М. Неверов и многие другие писатели и ученые-кавказеды. Исторический этнокультурный опыт между Россией и Кавказом всегда представлял для исследователей большой материал, тем более, что Кавказ явился той почвой, где свободолюбивые устремления передовой русской интеллигенции находили моральную поддержку в среде свободолюбивых горцев.

Сегодня на Северном Кавказе идет усиленный критический анализ и переосмысление исторического прошлого горских народов, стремление народов понять друг друга и установить культурные контакты. Многочисленные народы этого региона за многие годы тесного существования и сотрудничества, борьбы за выживание в трудных природных условиях и независимость создали уникальный этнический анклав, горский этикет и почти единый материальный и духовный мир – своеобразную цивилизацию. «На планете не существует региона, где жили бы длительно и совместно сотни народов, — пишет Ю. А. Жданов. — Это удивительное многоцветье является драгоценным сокровищем всего человечества, как горный луг, на котором сотни разнообразных и неповторимых цветов. Именно поэтому художественная и научная мысль Кавказа концентрировала свое внимание вокруг проблем межнациональных отношений, сотрудничества и взаимопомощи народов. Традиции Кавказа в этом смысле неисчерпаемы» [6].

Вхождение северокавказского этнокультурного феномена в систему духовной культуры России и в систему мировой цивилизации связано со многими объективными и субъективными факторами. В синтезе русской и

мировой художественной культуры большую роль играют этнокультурные факторы, влияющие на качественные изменения национального самосознания. Этнические проблемы и культура межнационального общения являются важным направлением в исследовании многих вопросов теории культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кулиев К. Собрание сочинений. В 3 т. Т. 3. М., 1977. С. 64.
2. Жизнь врывается в книги // Вопросы литературы, 1965. № 2. С. 15.
3. Рассадин Ст. Кайсын Кулиев. Литературный портрет. М., 1974. С. 85.
4. Там же. С. 3, 4.
5. «Литературная газета» 1991. 11 сентября.
6. Жданов Ю. А. Солнечное сплетение Евразии. Ростов-на-Дону, 1998. С. 20, 21.

Т. Е. Эфендиева

КАЙСЫН КУЛИЕВ О ТРАДИЦИЯХ И НОВАТОРСТВЕ

Ни один балкарский поэт в XX в. не имел такого сильного, многостороннего и плодотворного влияния на родную литературу, как Кайсын Кулиев. Он расширил пределы влияния одного художника слова на другого, имея в виду различные аспекты творчества: философско-эстетические, идейно-нравственные, проблемно-тематические и др. Не раз он говорил о традициях и поисках нового, о видах и формах преемственных связей в области художественной формы, проявлявшихся в композиции, в типологии, в приемах изобразительности, в художественной стилистике и т. д. Так, выступая на дискуссии в Праге в 1966 году, поэт сказал, что вопрос о традициях и новаторстве в современной поэзии не является новым. «Вопрос этот будет возникать снова и снова и после нас, ибо творческий процесс в мире будет продолжаться, и художники каждой новой эпохи будут смотреть на него со своей горы» [1].

Это выступление поэта касалось в основном поэзии Есенина и Твардовского, которых на этом ученом и писательском форуме в Праге обвинили в «фольклорности». Поэтому в начале статьи (речь, произнесенная на дискуссии в Праге, была оформлена в статью) Кулиев рассуждал теоретически о преемственности литературных традиций, вкладывая в этот термин сложное и многостороннее содержание. «Я, как и выступавшие здесь до меня, считаю, что новизна для поэзии необходима. Это касается и содержания, и формы. Ведь в жизни всегда все обновляется... Традиции и новаторство тоже, разумеется, бывают разные. И отношение к ним должно быть умным. Разве новейшая русская поэзия, к примеру, могла обойтись без пушкинских традиций и опыта, не опираться на них? Думаю, что нет» [2].

Статья «Традиции и поиски нового» опубликована в книге Кулиева «Так растет и дерево», написанной им на русском языке. Сразу после ее выхода в свет поэту писали о ней многие ученые, писатели, представители культуры и искусства и просто читатели и почитатели таланта Кулиева. Об этой книге в его архиве есть сотни откликов, в которых высоко оцениваются его заслуги в осмыслении преемственности традиций мировой художественной литературы, в социально-философском понимании заслуг отечественных и зарубежных деятелей в общечеловеческой культуре. Они подчеркивали национальный колорит книги в сочетании с глубоко философским осмыслением проблем времени и высокое художественное мастерство. Так, проф. МГУ Азиз Шариф писал Кулиеву в одном из писем, что его проза такая же вдохновенная и покоряющая, как и поэзия. А одна из поклонниц творчества поэта писала, что книга «Так растет и дерево» — это народный университет. Были такие учреждения при советской власти, которые официально были названы «народными университетами», в которых проходили учебу люди всех сословий и общественных положений.

Статья Кулиева «Традиции и поиски нового» — это было новое слово в балкарском литературоведении середины 60-х годов XX в., ибо в ней Кулиев коснулся многих разнообразных форм и видов литературно-художественной преемственности. Тогда молодые балкарские

поэты, начинавшие свой путь в литературе, такие, как Ибрагим Бабаев, Салих Гуртуев, Танзиля Зумакулова, Магомед Мокаев, поэтическое творчество которых впоследствии высоко оценил Кулиев, так или иначе испытали многостороннее влияние могучего таланта своего старшего по возрасту и опыту поэтического собрата — Кайсына Кулиева. Не говоря уже о таких, которые только начинали работать на поэтическом поприще, как Абдулах Бегиев и Мурадин Ольмезов. Кулиев никогда не приносил слова «традиция» в своем прямом значении в смысле влияния своей поэзии на чье-либо национальное творчество. В этом отношении Кулиев был чрезвычайно скромный поэт. Он считал себя учеником основоположника балкарской литературы Кязима Мечиева. Но никогда не считал себя учителем молодой поросли в балкарской литературе и всегда высоко оценивал творчество своих молодых коллег по профессии. Так, в статье «Талант и мастерство» в этой же книге «Так растет и дерево» Кулиев писал в 1970 году: «Я не раз писал, что считаю Ибрагима Бабаева лучшим из балкарских поэтов... Казалось, что у него ученического периода не было, что первые же опубликованные вещи написал зрелый мастер. В чем же секрет? Только в таланте, который всегда в ближайшем родстве с мастерством. Только один талант всегда бывает полон жизни и приобретенное мастерство может применять с истинной пользой» [3].

Это высказывание Кулиева тоже можно отнести к его суждениям о традициях и новаторстве в применении к конкретному национальному поэту, его младшему другу — Ибрагиму Бабаеву, новаторство которого опиралось на национальные традиции балкарской литературы и одновременно шло формирование новых художественных открытий и средств. Подчеркивая это, Кулиев продолжал далее развивать свою мысль о традициях и новаторстве. «Вполне естественно, — писал он, — что даже талантливые поэты в начальный период своей работы идут от образов предшественников, зависимы от них, повторяют старших мастеров, подражают им, используют их открытия и достижения, пока, достигнув зрелости, не поймут это и не обретут свой почерк». В этой статье об Ибрагиме Бабаеве и в ряде других Кулиев утверждал определенные свои выводы о том, что поэтические открытия воз-

можны только в процессе творческого развития традиций и процесс их усвоения всегда сопутствует творчеству. Писал Кулиев о нем и раньше – в статье «Молодые голоса» (О молодых поэтах И. Бабаеве, М. Мокаеве, С. Гуртуеве) в газете «Коммунизмге жол» в 1960 году за 14 сентября (на балкарск. яз). Через два года Кулиев написал «Предисловие к книге» (В кн.: И. Бабаев «Выхожу на дорогу». – Нальчик, 1962. С. 3–6. На балкарск. яз.). И было еще одно предисловие Кулиева к книге И. Бабаева «Продолжение весны» (Нальчик, 1968. С. 4, 5). В них тоже Кулиев, подчеркивая самобытный талант Ибрагима Хизировича Бабаева (1936 г. рожд.) писал о творческом развитии национальных традиций, о новаторстве. Глубоко прав был известный литературовед XX в. М. Н. Пархоменко, когда писал, что традиции и новаторство являются «составной частью двуединого процесса: новаторство опирается на традиции и одновременно формирует новые». [4].

В своей большой и многогранной общественной деятельности (и как депутат Верховного Совета СССР, и как секретарь правления Союза писателей СССР и РСФСР, и как член Комитета защиты мира) Кулиев всегда придавал большое значение творческим связям писателей, независимо от близости или различия их общественных позиций, идейно-эстетических воззрений или индивидуальных особенностей. Балкарский поэт, скромно именуя себя стихотворцем, был поистине одаренной личностью во многих областях литературоведческой науки. Слово его ценили, и оно имело большое значение для каждого литератора и критика. Поэтому к нему так часто обращались поэты с просьбой написать предисловие к сборникам стихов, а потом это предисловие помещали и к другим изданиям. Так было с узбекским поэтом Шукрулло Юсуповым, родившимся в 1921 году в Ташкенте. Он был почти ровесником Кайсына Кулиева. По его просьбе балкарский поэт написал предисловие «Светлый талант» к книге «Разговор по душам» (М., «Художественная литература», 1978). Через десять лет в этом же издательстве в Москве у Шукрулло вышло «Избранное». Стихи и проза «Сундук с драгоценными камнями» (1987) в переводе В. Солоухина. Кайсына в это время уже не было

в живых (он умер в 1985), а его предисловие снова украсило книгу Шукрулло.

В истории отечественной критики имя Кулиева не затеряется: со своими критическими трудами он вошел в основные этапы развития истории балкарской критики XX в., начиная с 30-х годов до середины 80-х. «Преемственность в деятельности творчески близких писателей может выражаться в разделении сфер деятельности по принципу: не делать того, что уже сделано или успешно делается другими, — писал А. Бушмин. — Именно этот тип преемственности, условно говоря, преемственности как сотрудничества на основе разделения труда, охватывает случаи выдающегося новаторства в развитии литературы» [5].

В статье «Традиции и поиски нового» Кулиев продолжал развивать мысли о национальных традициях и новаторстве, не забывая однако ж главного. Он писал: «Шукрулло — настоящий поэт... Его творчество — это не просто и не только творчество узбекского поэта, это неотрывная составная часть того, что мы называем поэзией сегодняшнего времени, поэзией богатой, возросшей на лучших традициях национальных литератур» [6].

Внимание Кайсына Кулиева к проблемам традиций и новаторства в 60-е — 70-е годы XX в. было не случайным, так как вопросы литературных взаимосвязей и литературного влияния с их обобщающим смыслом, охватывающим разнообразие форм и видов литературно-художественной преемственности, стало предметом всеобщего интереса писателей и литературоведов. Его статья «Традиции и поиски нового» — это не только общие рассуждения о видах и формах преемственных литературных связей, она и о поэзии Есенина и Твардовского, которых на дискуссии в Праге обвинили в том, что в их творчестве отсутствует новизна. Выступая в их защиту, Кулиев сказал: «...Речь ведь идет о редких явлениях в русской поэзии нашего века, исключительно крупных индивидуальностях. А потому говорить, что в их творчестве отсутствует новизна, что они повторили уже бывшее до них, по меньшей мере странно. Ново в поэзии только то, что выражает жизнь с наибольшей полнотой, наиболее честно и искренне. Есенин и Твардовский — поэты такого разряда. Не говоря о Есенине, гениальную лирику которого у

нас обожают, осмелюсь сказать, что ни один поэт в Европе не написал о прошлой войне с такой силой, как это удалось Твардовскому... их новизна и новаторство не показные, не внешние» [7].

В истории балкарской литературной критики имя Кайсына Кулиева занимает одно из первых мест, поскольку его литературно-критическое наследие имеет основополагающее значение в теоретическом самосознании складывавшегося реалистического национального литературоведения. В накоплении «мыслительного материала» и традиций в литературно-художественной критике роль Кайсына Кулиева велика. Жаль, что до сих пор никто не заинтересовался этой проблемой, вопросами реализма в критике Кулиева, его вкладом в реалистическую эстетику, его поисками идейно-нравственных закономерностей в мире и искусстве, сменяемости форм и этапов в развитии балкарской поэзии. Справедливости ради хотелось бы отметить исследования Кертиевой Светланы Михайловны (по национальности белорусски), кандидатская диссертация которой была посвящена литературно-критическому наследию Кайсына Кулиева. Она ограничилась только его двумя книгами «Так растет и дерево» (М., 1975) и «Поэт всегда с людьми» (1987), написанными поэтом на русском языке. Но множество его литературно-критических работ различных жанров не вошло в эти книги, а опубликовано в различных местных и центральных газетах, журналах, в сборниках, в предисловиях к избранным стихам, собраниях сочинений, монографиях и т. д. Методологическое значение литературно-художественных статей Кулиева для правильного понимания сложных соотношений объективного творчества национальных писателей с их субъективно-индивидуальными особенностями непреходяще и для его времени, и нового взгляда литературоведов XXI в. Балкарские литературоведы до сего времени не проявляли интереса к национальному литературному воздействию и литературному противодействию, к полемике писателей и литературных критиков. Литературную полемику А. Бушмин считает действенным средством развития художественного творчества. «Творческое воздействие одних писателей на других, — писал он, — проявляется и тогда, когда между ними нет внутренней близости, когда они находятся в состоя-

нии идейно-творческой вражды. Вызываемая этим литературная полемика — могучий побудитель к творчеству» [8].

ЛИТЕРАТУРА

1. Кулиев К. Так растет и дерево. М., 1975. С. 394, 395.
2. Там же. С. 395.
3. Там же. С. 301.
4. Пархоменко М. Н. Многонациональное единство советской литературы. М., 1973. С. 135.
5. Бушмин А. С. Преемственность в развитии литературы. М., 1978. С. 146.
6. Шукрулло. Избранное. Стихи. Сундук с драгоценными камнями. (Перевод с узбекского). М., 1987. С. 5.
7. Кулиев К. Так растет и дерево. М., 1975. С. 397, 399.
8. Бушмин А. С. Преемственность в развитии литературы. М., 1978. С. 146.

Ф. С. Эфендиев

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПЕРЕВОДА ПОЭЗИИ К. КУЛИЕВА

Доклад на Международной научно-практической конференции «Русский язык на Северном Кавказе», которая состоялась 24–25 апреля 2001 г. в Пятигорском государственном лингвистическом университете.

Кайсын Кулиев — поэт, творчество которого по праву входит в XXI в., яркий представитель этнокультуры балкарского народа, художественно отразивший историю и менталитет своего этноса. Начиная с 30-х годов вплоть до середины 80-х, он воспевал горцев и горянок, оттеняя национальный характер всеми художественными средствами родного языка. Поэт хорошо понимал, что о его нации и земляках слышали лишь на Северном Кавказе. Возможно, поэтому он писал в 1957 году в «Чегемской поэме»:

В своих ущельях заперт, в час печали
молился наш народ лишь высям скал.
На всей большой земле нас мало знали
И даже мало кто о нас слышал.

(Перевод Н. Коржавина)

Балкарцу Кулиеву повезло: у него были очень хорошие переводчики – Н. Коржавин, Н. Гребнев, С. Липкин, Я. Козловский, М. Дудин. В начале поэтического творчества его переводили не менее известные мастера своего дела – Е. Елисеев, Д. Голубков, В. Звягинцева, Н. Тихонов, Л. Шифферс, М. Петровых, Д. Кедрин, М. Зенкевич, В. Державин, М. Шехтер, А. Старостин, В. Сикорский, Д. Бродский. Довоенная и военная лирика Кулиева завоевывала сердца читателей в их переводах. Они умело передавали национальный колорит, опираясь на многие этнокультурные реалии и особую стилистику поэтической речи Кайсына Кулиева. Вот как он сам говорил об этом в беседе с известным критиком, спецкорреспондентом «Литературной газеты» Генрихом Митиным в 1975 году (1-е января): «Не надо думать, что перевод всегда не совпадает с оригиналом. Могу сказать: в возможных пределах переводы моих стихов очень близки к оригиналу, потому что делали их талантливые русские поэты. Н. Гребнев, например, перевел 14 тыс. строк моих стихов, а он сегодня один из крупнейших переводчиков».

В конце 70-х и начале 80-х годов в связи с тем, что Наум Коржавин и Семен Липкин прослыли диссидентами и чуть ли не врагами народа и, следовательно, стихотворения поэтов советского Востока в их переводах считались запрещенными, Кайсына Кулиева стали переводить Л. Шерешевский, О. Чухонцев, М. Синельников, Н. Кондакова, Я. Аким, В. Краснопольский, Д. Долинский, А. Баева, Б. Ахмадулина. Оставались по-прежнему и М. Дудин, и Н. Гребнев. Как видно, переводчиков у Кайсына Кулиева было много, разных по своему мастерству, мироощущению и мышлению. Однако «русский» Кулиев весомо звучал на всю огромную страну, получив всенародное признание, звание лауреата Госпремии РСФСР и СССР при жизни, а Ленинскую премию – посмертно. О его поэзии высоко отзывались А. Фадеев, Д. Кедрин, В. Пастернак, К. Симонов, Н. Тихонов, Ч. Айтматов, Д. Кугуль-

тинов, М. Карим, А. Кулешов, М. Сарьян, И. Абашидзе, М. Бажан, Мирзо-Турсун-Заде и другие известные представители многонациональной художественной культуры Российской Федерации, Средней Азии и Закавказья.

Мастерству перевода произведений Кайсына Кулиева посвящены кандидатские диссертации С. Башиевой и З. Кучуковой. «Кайсын Кулиев вдумчиво выбирает такие средства, которые позволяют ему при максимальной компактности поэтической речи достичь глубины и полноты в изображении того или иного явления. Умело используя все лексико-фразеологическое многообразие родного языка, — писала С. Башиева в своей книге «В оригинале и переводе» (Нальчик, 1990), — он создает яркие и неповторимые образы. Поэзия его соткана из языковых средств самых различных экспрессивно-эмоциональных оттенков, она богата и многоцветна». Эту особую этнокультуру и стилистические особенности поэзии Кулиева заметили и определили те, кто занимался переводами горского поэта, если даже не в равной мере, то, по крайней мере, правильно поняв его народное мироощущение. А это было главное в работе переводчиков, повторяю, самого разного направления. Они прекрасно знали его высказывания об этнокультурных особенностях в поэзии. Так, в статье «Поэт и культура» (1971), помещенной в книге «Так растет и дерево» (М.: Современник, 1975), Кулиев писал, обращаясь к молодым литераторам: «Сейчас, например, молодые поэты кавказских республик, как мне кажется, смело должны отмечать украшательство, которое многим из них представляется художественным открытием. Нужно чрезвычайно осторожно обращаться с такими словами, как кинжал, гора, бурка, джигит, горец, чтобы близкие сердцу каждого жителя гор слова не набивали оскомину у читателей. Думать, что только такие слова придают произведению национальный колорит — просто безграмотно».

В другой статье «За большую, как жизнь, поэзию!» (Из речи на Первом учредительном съезде писателей РСФСР), когда Кулиев выступал в 1959 году, через два года после возвращения из ссылки, он говорил: «Думать, что национальный характер заключается в том, чтобы писать стихи или прозу в каком-то особом восточном стиле — заблуждение. Под национальной формой мы дол-

жны понимать не внешние атрибуты, вроде бурки или кинжала. Нам надо быть эстетически грамотными в большом смысле слова, иметь широкий взгляд на мир...» («Так растет и дерево»).

Кулиев не допускал в своей поэтической работе оплошностей вроде тех, о которых он предупреждал не раз молодых литераторов и переводчиков, выступая на съездах писателей, научных форумах и совещаниях переводчиков. Так, выступая на V съезде писателей СССР, он сказал, что когда речь идет о переводе, необходимо руководствоваться только одним критерием – идейной и художественной значимостью произведений. Как переводят – это очень важно... Любой крупный национальный художник приходит к человечеству, идя от своей земли, от своего народа, его опыта, мудрости и света его души.

Эту особенность поэзии Кулиева знали его переводчики, учитывая свободу его интонации, простоту слога, реалистический психологизм, удельный вес идейно-нравственной проблематики стиха. Поэт Михаил Дудин, один из его талантливых переводчиков, писал: «Поэзии Кайсына свойственны вещные и вечные категории жизни. Весь запас вековой мудрости его народа, передававшийся изустно из поколения в поколение, отобранный и проверенный временем, во всем своем золотом блеске точности, был в распоряжении Кайсына, и надо быть справедливым до конца, чтобы сказать что Кайсын этим богатством умеет пользоваться как мастер, приобщая его к мировой гармонии поэзии» [1].

Мы глубоко убеждены, что Кайсын Кулиев как феномен культуры XX в. останется негаснущей поэтической звездой и в художественной этнокультуре XXI в. Этому во многом способствовали переводчики, учитывая стилистику родной речи, особенный склад поэтического мышления горского поэта и его жизнелюбивый характер поэзии. Его сборники стихов: «Книга земли», «Горы», «Хлеб и роза», «Мои соседи», «Огонь на горе», «Раненый камень», «Мир дому твоему», «Кизиловый отсвет», «Благодарю солнце», «Звездам – гореть!», «Книга лирики», «Вечер», «Высокие деревья», «Живу среди людей», «Колосья и звезды», «Краса земли», «Говорю людям», «Человек. Птица. Дерево» и другие, вышедшие в переводах на русский язык, стали достоянием миллионов читателей

России, а многие из них, как книга «Раненый камень» и «Книга земли» были переведены на многие языки республик Балтии, Средней Азии, Украины, Белоруссии, Грузии, Армении, Азербайджана.

Может быть, в ХХI в. победит вековечное человеческое добро и мир будет жить по высоким чувствам гуманизма и нравственности, в спокойствии и в гармонии с окружающей нас природой, как об этом писал Кайсын Кулиев в известном стихотворении «Женщина купается в реке» (1964):

Женщина купается в реке,
Солнце замирает вдалеке,
Нежно положив на плечи ей
Руки золотых своих лучей.
Рядом с ней, касаясь головы,
Мокнет тень береговой листвы.
Затишают травы на лугу,
Камни мокрые на берегу.
Плещется купальщица в воде,
Нету зла, и смерти нет нигде.
В мире нет ни вьюги, ни зимы,
Нет тюрьмы на свете, нет сумы,
Войн ни на одном материке...
Женщина купается в реке.

(Перевод Н. Гребнева).

Это стихотворение очень нравилось поэту Михаилу Дудину. Он любил его цитировать на русском и английском языках, где бы он ни был – во Франции или Японии, в Монголии или в Индии. «Здесь и Ренуар, и Кустодиев, Боттичелли и Рубенс сплывались в каком-то новом свете, – говорил он, – запели всеми красками, засверкали благородством страсти и тревоги» [2].

ЛИТЕРАТУРА

1. Русские советские писатели о Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1988. С. 126, 127.

2. Дудин М. На пути к вершинам // В кн.: К. Кулиев. Избранные произведения. В 2 т. Т. 1. Стихотворения и поэмы. М.: Художественная литература, 1970. С. 15.

ПИСЬМА ОДНОПОЛЧАН К. Ш. КУЛИЕВУ КАК ИСТОРИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Доклад, представленный на межрегиональную научную конференцию «V Минаевские чтения» по археологии, этнографии и музееведению Северного Кавказа – «Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии» 12–15 апреля 2001 г. Ставрополь. Ставропольский госуниверситет, кафедра археологии и региональной истории.

Работая в архиве поэта Кайсына Кулиева (ЦГА КБР, ф. 852), мы обнаружили письма однополчан, которые вместе с ним сражались на различных фронтах Великой Отечественной войны, начиная от Прибалтики до Севастополя.

Круг тем, затронутых военными и послевоенными письмами друзей и просто знакомыми Кулиева, весьма разнообразен. Но в этом многообразии как основное начало всегда выступала тема Родины и дружбы солдат, у которых были единые интересы – победить врага, выжить и вернуться к своим родным. В письмах много личного, но во всех них преобладал патриотический пафос. Вот хотя бы письмо фронтового друга Кулиева – Керима Отарова, также воевавшего на фронте. Он писал ему в 1942 году, когда находился в больнице после ампутации ноги: «Я был в очень тяжелом положении. Одной ногой, можно сказать, находился в могиле. Мне было до слез тяжело. И написал тебе тогда открытку, где в конце было: «Будешь на Кавказе, поклонись от меня родным горам»... Тяжелые дни были тогда. Да, дорогой, многое выпало на нашу долю и многое пришлось нам пережить. Но будем верить: настанет день, когда коварный враг будет уничтожен, и земля отдохнет после этих тяжелых потрясений. Тогда мы снова встретимся и будем счастливы тем,

что, исполнив сыновний долг перед любимой Родиной, честно, с чистой душой и совестью скажем: «Да, мы сделали все, что могли для защиты родной земли, не требуя для этого никаких наград и поощрений. Наш долг – честно служить Родине, и мы его выполним» [1]. А в другом письме от 4 декабря 1943 года К. Отаров сообщал: «Дорогой мой Кайсын! Получил твои стихи и письмо. Бесконечно я благодарен тебе, дорогой мой друг. Ждал я твоего письма и стихов с нетерпением. И только поговорили о тебе мы, буквально через несколько минут приносят твоих целых четыре пакета. Твои стихи замечательны. Поверь, Кайсын, я говорю от всей чистой души, без какой лести и прочего другого...» Далее он сообщал Кулиеву в этом же письме о том, что говорил ему Деев из Москвы: «...ты поедешь на Кавказский фронт, – писал Отаров. – Он так и утверждал: «Думаем отправить Кайсына на Кавказский фронт, чтобы он словами и своим авторитетом дрался с врагом за освобождение родного Кавказа, который он горячо любит». Мне было радостно это узнать, что ты поедешь туда, увидишь родные горы...»

К. Ш. Кулиеву писали письма видные военачальники, такие, как маршал Советского Союза, министр вооруженных сил СССР Малиновский, генералы Хаким Депуев, Солтан Магометов, полковник Аскер Бадахов и другие. Они поздравляли поэта с днем рождения и с различными праздниками. Так, генерал-майор, заместитель Туркестанского военного округа Х. Депуев писал: «Уважаемый Кайсын Шуваевич! Сердечно поздравляю Вас и Вашу семью с праздником 50-летия Великого Октября. От души желаю Вам отличного здоровья и дальнейших успехов в работе». А в другой поздравительной открытке он желал поэту: «...Я и вся моя семья сердечно, от всей души поздравляем тебя и твою семью с Новым 1971 годом. Желаем вам крепкого здоровья, большого счастья и успеха в работе. Крепко обнимаем. Хаким и семья. Город Алма-Ата» [2].

28 декабря 1973 года генерал-лейтенант танковых войск С. Магометов писал: «Дорогой Кайсын! Прошу Вас принять мои сердечные поздравления и наилучшие пожелания с наступающим Новым годом, желаю дальнейшего расцвета искрящегося таланта, доброго Вам здоровья и большого счастья.

«Раненый камень» — всегда со мной, с «С клинком и розой» вхожу в трудные дела.

С искренним уважением С. Магометов — генерал-лейтенант танковых войск» [3].

А в другом поздравлении 9 ноября 1976 года говорилось: «Дорогой Кайсын, примите поздравления сердечные с праздником Октября! Новых творческих успехов Вам, дальнейшего расцвета Вашего искреннего таланта, новых высот на Пегасе.

Мы гордимся Вами. Прошу прислать сборники Ваших стихов на родном языке.

С уважением Солтан Магометов» [4].

Они дружили до конца жизни. Кулиев исполнял его просьбы и высылал свои книги с автографами. Солтан Магометов служил в Забайкальском военном округе. Оба они прошли Отечественную войну. Солтан Кекезович был моложе Кулиева на два года. Родился он 20 декабря 1920 года вблизи Эльбруса в древнем ауле Хурзук Карачаевской автономной области в семье горца-скотовода. В армии служил с 1939 года, а всего он в ней пробыл 45 лет, занимая различные посты: от курсанта полковой школы до генерал-полковника Вооруженных Сил Советского Союза. Он участник трех войн: финской, Второй мировой и афганской. Кайсын Кулиев хорошо знал его боевой путь и ценил его качества военачальника. Он был для Кулиева не просто друг, а боевой товарищ по оружию в годы Великой Отечественной войны. О Магометове интересную документально-художественную повесть «А дом его — мир» написал известный карачаевский поэт Азамат Суюнчев. О своем земляке он писал с большим уважением и восхищением. Его поразили один факт, когда Суюнчев посетил в Москве генерала и увидел в углу кабинета личную оружейную коллекцию. «Среди них особенно выделялись кавказский кинжал и сияющая полукружьем красивая сабля. Заметив мой пристальный взгляд на саблю, Солтан Кекезович объяснил:

— Это подарок сирийского президента Хафиза Асада, там я долгое время работал при президенте военным советником. Он мне вручил высокий орден страны и дамасскую саблю в серебряных ножнах как символ доблести, мужества и отваги» [5].

Кайсын Кулиев посвятил своему другу Солтану Магометову поэму «Песня моей любви». Эта поэма опубликована в сборнике стихотворений «Весенний свет» (М., 1979). В ней 14 глав, объединенных единством замысла, где идет речь о красоте отчего края, о трудолюбивых пахарях, чабанах, каменотесах-мастерах, о защитниках Родины («...Я поклоняюсь вам неспроста, вы – сила, мужество и красота...»), о женщинах-горянках («Женщины наши своим теплом согреть сумеют остывший дом») и т. д. Но главная мысль в поэме – это любовь поэта к родине и ее верным и мужественным сыновьям, одним из которых и был Солтан Магометов.

Кулиев получал письма из различных военных округов Советского Союза с различными просьбами. Так, редакция ежедневной газеты Среднеазиатского военного округа «Боевое знамя» 27 декабря 1974 года писала: «Уважаемый Кайсын Шуваевич! Сердечно поздравляем Вас с Новым годом и присуждением Вам в 1974 году звания лауреата Государственной премии СССР! Желаем Вам крепкого здоровья, новых успехов в творчестве.

Пользуясь случаем, просим Вас прислать для нашей окружной газеты подборку своих стихов, желательно на военную тему. Наша газета – самая молодая в Советских Вооруженных Силах, она создана вместе с пограничным Среднеазиатским Военным Округом. Это будет хорошим подарком для наших воинов – представителей всех Союзных Республик.

Заранее Вам благодарны. Всего Вам доброго!

Ответственный редактор газеты САВО «Боевое знамя» – полковник В. Скачков» [6].

Из Политиздата Кулиев получил письмо от 19 марта 1973 года такого содержания: «Многоуважаемый Кайсын Шуваевич! Как Вам известно со слов тов. В. В. Катенова, Политиздат намерен выпустить в свет к 30-летию со дня Победы в Великой Отечественной войне книгу документальных произведений, написанных советскими писателями, участниками войны с гитлеровской Германией и Японией (очерк, дневники, воспоминания и т. д.).

Издательство рассчитывает, что в итоге эта книга не только представит читателю советских писателей-фронтовиков, но и будет осмысливать великие события 1941–1945 годов с позиций нашего времени.

Помимо произведений, написанных специально для книги, ныне здравствующими писателями, в нее будут включены очерки писателей-фронтовиков, ушедших из жизни.

Предполагаемый объем книги – 40 п. л. Издательство намерено выпустить в свет ее в конце 1974 года, а литературную работу по всем рукописям завершит к концу текущего года.

Составитель книги – тов. В. В. Катенов.

Вы согласились принять участие в создании этой книги. Мы благодарим Вас за это и просим рассматривать наше письмо, как официальное обращение к Вам издательства, со всеми вытекающими из этого для издательства обязательствами. Издательство готово, если Вы сочтете это нужным, заключить с Вами соответствующий договор.

Ваш очерк, объемом до 2 авторских листов на тему, о которой Вы договорились с тов. Катеновым, мы просим Вас передать издательству через составителя в двух экземплярах к августу сего года.

С уважением – завредакцией литературы по истории советского общества – А. Котеленец» [7].

Вместе с Кулиевым в годы войны сражались известные писатели, поэты, с которыми он встречался. Это были А. Фадеев, Д. Кедрин, К. Симонов, М. Шолохов, Н. Тихонов. Они были военными корреспондентами различных армейских газет. В послевоенные годы их фронтовая дружба продолжалась до конца жизни. В одном из поздравлений Н. Тихонов писал: «Дорогого Кайсына Кулиева, поэта-воина, героя Великой Отечественной войны, сердечно поздравляю с Первым Мая и праздником 9 Мая – торжеством Победы над фашизмом! Желаю славному победителю фашизма хорошего праздника, весенней радости, мирной жизни, бодрости новой Весны! Вся моя семья желает счастья любимому Кайсыну и славит его от всей души! Слава Кайсыну Кулиеву!

Николай Тихонов» [8].

Особенно много в архиве писем от простых солдат, рядовых войны. Одним из таких был А. И. Самойлов из г. Уфы, участвовавший в освобождении Кабардино-Балкарии. «Многоуважаемый Кайсын Шуваевич! – писал он. – Пишу под впечатлением Вашего чудесного выступ-

ления по московскому телевидению под девизом «Союз нерушимый». Я слушал выступления всех, но меня поразило Ваше выступление... Я – майор в отставке. Один из тех, которые в августе-сентябре 1942 года обороняли вместе с полком 295-й дивизии 27 Армии Кабардино-Балкарию, а в январе 1943 года принимал участие в освобождении вашей республики от оккупантов. В памяти у меня остались Кызбурун, Баксан, Чегем-1, Кишпек, Нальчик, Малка, Советское, Жемтала и другие населенные пункты Кабардино-Балкарии... Особенно много полегло наших солдат за освобождение села Малки Зольского района – свыше 800 солдат и офицеров, а сколько таких братских могил по всей территории КБАССР! Об этом я написал более 30 очерков и рассказов, опубликованных в газетах СОАССР, Ставрополя, Кубани и Молдавии, чтобы воскресить в памяти людей боевую летопись тех фронтовых дорог, по которым я дошел до Праги...» [9].

В годы войны вместе с Кулиевым работала военным корреспондентом в редакции газеты «Сын Отечества» Мария Федоровна Архарова. Она долгие годы переписывалась с Кулиевым, и каждый раз вспоминала их совместный боевой путь, потерю товарищей и трудности военного лихолетья. В одном из писем от 23 ноября 1972 года из Симферополя она писала: «...После Вашего ранения, Кайсын, я все ждала весточки от Вас или о Вас. Расспрашивала газетчиков, а ответ был один: «Кайсын бесследно исчез». И лишь много лет спустя Лев Николаевич встретил Вас у Васи Субботина, в редакции журнала «Дружба народов». Только тогда я с глубокой болью узнала о том, что было с Вами после тяжелого ранения и госпиталя.

Позже, я не помню уже, по поводу какой даты, мы послали Вам поздравительную телеграмму с нашим адресом. Но Вы на нее не ответили, и я решила, что Вам, по видимому не до нас и потому не стоит Вам напоминать о себе. Очень мы обрадовались с мужем Львом Николаевичем за Вас, узнав о присуждении Вам Государственной премии. Теперь Ваши стихи ловлю лишь на страницах газет и журналов. В наших книжных магазинах я их пока не нашла и потому просто бессовестно стянула Ваш сборник «Благодарю солнце» в библиотеке. Сейчас

он стоит на моей полке рядом с книгой Дмитрия Кедрона, а в ней, среди других бессмертных строф, есть посвященное Вам стихотворение – «Другу поэту», которое я не могу читать без волнения.

Прочитав стихи «Женщинам» в Вашем сборнике, я с робкой надеждой подумала, что они могут относиться и ко мне. Ведь я тоже в годы войны клала добрые заплатки на пробитые пулями и осколками шинели и гимнастерки наших бойцов. И из моих рук ели и полководцы, и солдаты и горячо хвалили мою страпню».

Это действительно прекрасное стихотворение, которое Кулиев написал в 1955 году, будучи в Киргизии. Он, вероятно, вспоминал военные годы и женщин на войне, их нелегкую судьбу среди тысячей смертей и опасностей.

Вы – скорбь ночей, войной сожженных.
Вы – наша помощь, совесть, кров.
Вы – наши матери и жены.
Ваш трудный жребий был суров.

Вы клали добрые заплатки
На рубища своих мужей,
Лечили храброго солдата,
Омывши кровь слезой своей.

Из ваших рук умелых ели
И полководец и пастух.
Без вас бы сакли захирели
И в очагах огонь потух... [10]

(Перевод Д. Голубкова)

Далее в своем письме М. Ф. Архарова писала: «...И не раз мне приходилось перевязывать раненых. У меня всегда была с собой большая медицинская сумка с бинтами и лекарствами. Я ведь была командирской женой, дорогой Кайсын, а нас еще до войны обучали не только перевязкам, причем даже самым сложным, но и умению метко стрелять из винтовки и пулемета и скакать на коне. Еще в 30-е годы я была ворошиловским стрелком. И вот пробежала моя жизнь, теперь я уже седая старушка. Но еще держусь, несмотря на всякие болячки. Если удастся нам с Львом Николаевичем прожить еще четыре года, то мы отпразднуем «золотую свадьбу». Очень хотелось бы дожить до этого дня.

Письмо это я начала писать Вам давным-давно. Но закончить его помешало большое несчастье. Я слепну, дорогой Кайсын... Глаукома, необратимые явления. Правым глазом уже не вижу и пишу к Вам из больницы. Сейчас вопрос стоит так, чтобы спасти хотя бы один глаз.

Что же еще рассказать Вам о себе? На старости лет мы с Львом Николаевичем стали «молодыми» драматургами, и крымские театры даже поставили три наших пьесы. Прошли они с успехом: были хорошие отзывы в печати. А в два последние года мы занялись ветеранами нашей армии. У Льва Николаевича это огромная, прямо-таки «лошадиная» нагрузка. Оберегаю его далеко не крепкое здоровье. Я стараюсь часть нагрузок брать на себя и тем оказываю ему посильную помощь. Но об этом надо писать отдельное письмо. Это уже зависит от Вас. Если сочтете нужным, то я напишу.

Дорогой Кайсын, Вы, конечно, понимаете, что для меня было бы большим счастьем получить от Вас очередной сборник стихов. Стихи Ваши очень сильные. И прежде всего тем, что Ваша душа, тонкая и музыкальная душа сына Кавказских гор, в тяжелых испытаниях оказалась крепкой, как старинный клинок из стали, откованной лучшими мастерами народа. И чувство гордости вызывает у меня мысль, что я знала такого человека и поэта еще в дни славной его боевой юности.

Со своей стороны обещаю Вам прислать книгу «В редакцию не вернулся» (М.: Политиздат), где помещен мой очерк «Расскажу вам о друге». Он об одном из наших военных корреспондентов — Михаиле Соловьеве, погибшем на Сталинградском фронте. После долгих лет ожидания, что о Соловьеве напишет кто-либо из наших корреспондентов, я решилась написать и написала сама как умела. Из кавказских поэтов очень люблю стихи Расула Гамзатова и Ваши стихи, Кайсын. Они схожи своими мудрым, чистым и глубоким звучанием и, по-моему, главное в них — то, что они делают людей лучше. Когда я читаю такие стихи, то во мне все отзывается так, как будто я слушаю аккорды симфонии Бетховена, а это мой любимый композитор-гений.

И, конечно, я самая горячая поклонница Чингиза Айтматова. Вы правы — это орел. Но и у Вас, дорогой Кайсын,

теперь орлиный размах крыльев. Так пусть же всегда сопутствует Вам большое, доброе счастье.

Обнимаю, крепко жму Ваши руки. Самый теплый привет от Льва Николаевича. Надеюсь, что мое письмо порадует Вас. Адреса Вашего я пока не знаю, перешлю это письмо через редакцию газ. «Известия». Жду ответа. Мой адрес: Крымская обл., г. Симферополь, ул. Севастопольская, д. 3/2, кв. 40. Архаровой Марии Федоровне» [11].

Не забыли они поздравить Кулиева с его 50-летием со дня рождения. Так, в телеграмме говорилось: «...Итак, 50 лет вершин твоей жизни! Горячо поздравляю и вспоминаю фронт и газету «Сын Отечества» и юного поэта — джигита с пышной, курчавой шевелюрой, как темпераментного человека.

Вспоминаешь ли ты то время, когда волею безжалостного редактора твои стихи попали в сушильный шкаф?! Я никогда не забываю, что последний раз мы читали твои стихи в госпитале после твоего тяжелого ранения на Сапун-горе.

От всей души желаю самого большого счастья.

Да здравствует бессмертная поэзия поэтов Кавказа!

Мария Федоровна Архарова в честь поэта-джигита поднимает самый большой и звонкий бокал. Я счастлив тем, что правда восторжествовала. Мы радуемся всем сердцем за твои успехи. Еще раз горячо поздравляем и обнимаем тебя.

Старый крымский джигит Кондрашов».

Телеграмма была направлена в Союз писателей КБАССР на имя К. Ш. Кулиева [12].

Считал Кулиева своим другом и гордился его успехами еще один однополчанин из Еревана Аршавир Дарбни. Так, 18 февраля 1964 года он писал: «Дорогой Кайсын! Друг мой, брат мой, как я рад за все, что связано с тобой и твоим творчеством! На фронтовых дорогах, на какой-то станции одна цыганка сказала обо мне: «Твое богатство — это твои товарищи». Это была мудрая цыганка! Порой мне кажется, что я родился для того, чтобы от души радоваться победам и успехам моих товарищей и друзей. Как хорошо у меня на душе в эти минуты! Вот в газ. «Литературная Россия» твой портрет, твои стихи и статья о твоём творчестве. Я беседую с тобой (с портре-

том). Мы вспоминаем прошлое и войну, Турецкий Вал, деревушку, где я подарил тебе однотомник Лермонтова. Помнишь, как я говорил, что вернется твой народ под родную крышу и ты будешь певцом этого народа. И я приеду к Вам в гости. Я верю, что сбудется и мечта твоего народа – родной сын его, поэт получит высокую награду. Молюсь всем святым – вашим и нашим и всем богам, чтобы сбылись наши мечты. Этим сказано все. Здесь я и ставлю точку.

Жду письма. Пиши о Ваших. Привет им. Привет и Алимю Кешокову. Обнимаю, целую крепко – брат твой Аршавир. Мой новый адрес: Ереван-9, ул. Абовяна, д. 21, кв. 10» [13].

На это письмо Кулиев ответил своему боевому другу Аршавиру, так как ценил фронтовую дружбу и боевое братство тех трудных военных лет. Долгие годы они не только переписывались, но и встречались в Ереване, когда Кулиев приезжал туда по приглашению на различные юбилейные мероприятия и на научно-теоретические конференции, съезды и совещания писателей республики. В архиве поэта сохранилось и еще одно письмо, в котором Дарбни писал от 25 февраля 1972 года: «Дорогой Кайсын! Только что в «Литературной газете» прочитал цикл твоих новых стихотворений «Стихи, написанные во время болезни».

Брат мой, мне всегда казалось, что я знаю много красивых слов для искренней хвалы. Но сегодня я убедился, что это не так. Беден мой язык, и я не могу словами хвалить твои чудные стихи, а потому по-братски, по-солдатски обнимаю тебя, как в 1944 году у Турецкого Вала.

Ты помнишь эти дни? Дни подвига, дни мужества, дни славы и братства, дружбы и любви. Друг мой, ты и тогда был болен – думал о народе своем и плакал, как ребенок, когда ты узнал о выселении балкарцев.

А я все говорил: «Кайсын, наступит день и твой народ вернется в свои родные аулы». И вернулся! И ты его поэт, его гордость. Как хорошо сказано:

Тому из нас, кто чудом воскрешен,
Жизнь кажется прекраснее, чем ране,
И кажется воскресшему, что он
Впервые видит снег, траву и камень.

Что горы стали выше и белей,
Что счастья на земле не так уж мало,
Что добрых и приветливых людей
На белом свете вроде больше стало!

Как хорошо, что ты написал цикл этих стихов и как хорошо, что я, зная русский язык, прочел их. Тысячу раз благословляю великий русский и прекрасный язык русский! Иначе я не мог бы знать эти милые и чудные стихи.

Еще и еще раз обнимаю крепко, брат мой. От души желаю доброго здоровья, счастья, радости и долгих лет светлой жизни тебе и твоей семье. Пиши о себе и о своем здоровье. Твой Аршавир» [14].

Интересным по содержанию и своей исторической значимости является письмо полковника Аскера Мурзакуловича Бадахова из Ташкента. Он писал 18 февраля 1975 года: «Салам алейкум, багъалы Къайсын!

Мы лично не знакомы, но наши горы, родной язык и общность народов роднят нас – карачаевцев и балкарцев. Пишу тебе, прочитав твою книгу стихов «Книга земли». Я горд тем, что наша земля родила поэта, который смог передать прекрасными словами поэзии мудрость гор и прекрасную душу людей, живущих в горах. Читая твои стихи, Кайсын, я вспомнил неторопливые разговоры стариков моего аула, внешне простодушные рассказы пастухов на кошах и даже самые ранние впечатления моего детства нахлынули на меня. Таково, видимо, свойство истинной поэзии!

Спасибо, Кайсын!

Родина для меня, как и для всех советских людей, понятие очень обширное, не ограниченное милым пейзажем родных гор.

Мне довелось защищать Родину и в окопах Сталинграда и в Карпатах, где поросшие лесом горы живо напоминали мне родной Кавказ. Также я вспоминал о родном ауле, когда я воевал в Татрах, Румынии, Венгрии, Польше, Чехословакии. Теперь я собираюсь уходить на отдых, не представляю себе жизнь в бездействии – конечно, я буду работать, но хотелось бы, чтобы наша молодежь знала о боевой юности отцов не только из занимательных приключенческих романов и профессионально четких телефильмов. Перебирая свои записи о днях вой-

ны, пожелтевшие фотографии, которые невозможно представить на фотоконкурсе, но для меня, моих сверстников, надеюсь, и для молодежи, они являются реликвиями, памятью о днях, когда решался главный вопрос о судьбах всего человечества. Мне кажется, нужно ознакомить нашего читателя с мыслями и чувствами рядового участника Великой Отечественной войны – не маршала, не командарма, а офицера с передовой.

В годы войны я командовал небольшим взводом и ротой, а большую часть времени – отдельным батальоном. С тех пор прошло много времени. Человеческая память не способна сохранить и точно передать все увиденное и пережитое в то давнее время.

Однако я пытался восстановить в памяти, в пределах возможного, и написать о тех событиях войны, участником которых я был сам. Я хотел бы эти записи привести в порядок и опубликовать, но, не имея таланта литератора, я не решался этого сделать. Хотелось бы посоветоваться с тобой, Кайсын. Поскольку я не уйду от фактов, событий, действительно имевших место, назвать эти записи я бы хотел «Фронтовыми воспоминаниями» или «Фронтовыми записями». Можно придумать и другое название. Не буду говорить, что мне неудобно писать тебе – незнакомому человеку – это не так. Прочитав твои стихи, я не могу считать тебя незнакомым. Кроме моего дома, и здесь в Ташкенте, и в Карачае примут тебя как брата. Написав слово «брат», я вынужден задуматься и о многом вспомнить – три моих старших брата погибли в боях за Родину. Их до сих пор ждет моя старая мать Качина. Я хочу, чтобы она была спокойна за внуков и правнуков.

Дорогой Кайсын! Жду твоего ответа и совета, надеюсь на личную встречу, жму руку и обнимаю.

Полковник Бадахов. Мой адрес: 700070. Ташкент-70, ул. Ш. Руставели, д. 22, кв. № 3. Дом. тел.: 53-76-23. Или: 700014. Ташкент-14. Командиру воинской части 53441. Служ. тел.: 66-31-66» [15].

В годы Великой Отечественной войны и после ее окончания разошлись пути-дороги однополчан. Долгие годы они не знали друг о друге: кто остался жив, а кто погиб. Так, спустя более 30 лет один из фронтовых товарищей воздушно-десантной бригады, в которой тоже когда-то сражался Кулиев, писал поэту, когда он увидел его по

телевидению и слышал выступление по радио: «Кайсын Кулиев! Я узнал, что ты жив и здоров. Вспомни и ты твоего фронтового товарища Колтунова Якова Сергеевича, который с тобой служил в 201-й воздушно-десантной бригаде».

Вспомни город Орел, госпиталь Чебоксар. И мы с тобой, раненые, лежали в госпитале. После этого я уехал. А теперь я узнал, что ты жив и здоров и стал писателем. Я вернулся с фронта и стал работать в колхозе «50 лет Октября».

Прошу тебя, вспомни про меня, если не забыл. Я тебе тогда песни пел, а теперь я уже старый. Прошу тебя, если не забыл фронтового друга, военного, напиши о себе.

Откликнись! А я тебя не забыл. Читаю и слушаю твои выступления как известного писателя.

Мой адрес: Белгородская область, Короганский район, поселок Соколовка, село Ивица, Колтунову Якову Сергеевичу» [16].

Как участника Великой Отечественной войны и как известного поэта, который много писал о войне и солдатах, Кулиева часто приглашали на торжественные мероприятия в связи с открытием памятников – защитникам Родины, с Днем Победы. Так, правление Краснодарского краевого отделения Всесоюзного общества книголюбов прислало письмо Кулиеву, в котором сообщалось: «Уважаемый Кайсын Шуваевич! По решению бюро Краснодарского крайкома КПСС в феврале 1978 года во всех городах и станицах Кубани будут проходить литературные чтения, посвященные ратному, трудовому и материнскому подвигу советских женщин в годы Великой Отечественной войны, которые завершатся 21–22 февраля краевыми литературными днями в городе Тимашевске – на родине Е. Ф. Степановой, десять сыновей которой погибли в боях за Советскую Родину. Недавно правительство посмертно наградило Е. Ф. Степанову орденом Отечественной войны. По решению Советского правительства в городе Тимашевске открыт музей семьи Степановых и сооружается памятник (автор. Н. Томский). В краевых литературных Днях примут участие писатели, герои войны и труда. Просим Вас принять участие в краевых литературных Днях и прислать Вашу книгу для откры-

вающейся экспозиции семьи Степановых в музее. Здесь же будут книги известных советских писателей с автографами о Великой Отечественной войне и Ваше пожелание участникам литературных дней и музею семьи Степановых.

О Вашем решении просим сообщить по адресу: 350000, г. Краснодар-центр, ул. Красноармейская, 43, краевое отделение общества книголюбов.

Председатель правления Краснодарского отделения ВОК РСФСР, писатель, кандидат филологических наук Н. Веленгури» [17].

Аналогичные письма шли Кулиеву из многих регионов Советского Союза. Так, из Крымской области ему писали ученики старших классов одной из сельских школ. «Здравствуйте, уважаемый Кайсын Шуваевич! – писали они. – Поздравляем Вас с праздником 1 Мая и днем нашей славной Победы. Это письмо мы шлем Вам благодаря секретарю партийной организации Союза писателей РСФСР, который сообщил нам Ваш адрес. В этом нам повезло.

Немного о себе: мы следопыты отряда «Орленок Крыма». Нами создан музей 51-й Армии, о которой мы собрали около 7000 экспонатов. Наш музей уже посетили свыше 40 тыс. человек. Есть в музее отдельный раздел об армейской газете «Сын Отечества», где мы собрали некоторые материалы об этой газете. Есть у нас подлинники газет с Вашими материалами о мужестве бойцов и жестокости войны. У нас в гостях были работники газеты, которые в годы Великой Отечественной войны были корреспондентами. Нам бы хотелось тоже подружиться с Вами.

Мы очень будем ожидать от Вас письма по адресу: 334061, Крымская обл., Красногвардейский район, село Клепино, средняя школа, отряд «Орленок».

С уважением к Вам. 26 апреля 1976 [18].

Письма однополчан имеют важное историко-познавательное значение. Они являются социальной памятью многих поколений и несут в себе нравственный аспект, напоминают о тех трагических событиях, которые не должны повториться. В них ощущается слитность каждой личной судьбы с исторической судьбой всего народа.

1. ЦГА КБР, ф. 852, оп. 4, д. 49, л. 1-3.
2. Там же, оп. 1, д. 37, л. 1.
3. Там же, оп. 3, д. 50, л. 6.
4. Там же, оп. 5, д. 63, л. 1.
5. *Суюнчев А.* Сирийская сабля. Карачаевск, 2000. С. 11, 12.
6. ЦГА КБР, ф. 852, оп. 3, д. 93, л. 4.
7. Там же, оп. 2, д. 183, л. 41.
8. Там же, оп. 5, д. 78, л. 3.
9. Там же, оп. 3, д. 77, л. 77, 78.
10. *Кулиев К.* Собрание сочинений. В 3 т. Т. 1. М., 1987. С. 116.
11. ЦГА КБР, ф. 852, оп. 2, д. 169, л. 4-7.
12. Там же, л. 9, 10.
13. Там же, оп. 1, д. 76, л. 21, 22.
14. Там же, оп. 2, д. 183, л. 11, 12.
15. Там же, оп. 3, д. 77, л. 9-11.
16. Там же, оп. 2, д. 169, л. 11.
17. Там же, оп. 5, д. 43, л. 1-3.
18. Там же, д. 91, л. 4.

Т. Е. Эффендиева

ЭФФЕНДИ КАПИЕВ И КАЙСЫН КУЛИЕВ

Из доклада на научно-теоретической конференции «Проблемы национальной культуры на рубеже тысячелетий: поиски и решения» 1-4 апреля 2001 г. Нальчик, Северо-Кавказский госинститут искусств.

Кайсын Кулиев был моложе Эффенди Капиева на восемь лет. Но он хорошо знал его по многогранной работе в области национальной культуры и был лично с ним знаком. Капиев был выдающейся личностью и Кулиев всегда сожалел, что умер он так рано: 35 лет от роду! А много у него было творческих замыслов, которые он не успел осуществить. А ведь мог бы, если бы не война 1941-1945 годов.

Эффенди Мансурович Капиев – лакский поэт, один из

представителей многонациональной литературы Дагестана. Родился он в начале столетия – 13 марта 1909 года в древнем высокогорном дагестанском ауле Кумух. Умер в 1944 году в одном из госпиталей Пятигорска. Ему воздала почести, как бойцу, воинская часть залпом из автоматов.

На следующий день глубокий снег выбелил землю. Легла зима», – писала его жена Наталья Капиева в своей книге «Жизнь, прожитая набело» [1]. Эта книга и другие, написанные ею труды, будут многократно переиздаваться в Москве, как и произведения Эффенди Капиева в России и за рубежом. Так, в 1972 году в Праге на чешском языке был выпущен в свет «Фронтовой дневник» Э. Капиева под названием «Неоконченная мозаика». (Пер. В. Тафеловой).

Время духовных исканий этого замечательного горского поэта падает на 30-е и 40-е годы XX столетия. За одно десятилетие ему удалось сделать очень многое для развития национальной художественной культуры: он был истинным собирателем литературных сил Дагестана, одним из первых прозаиков, публицистом и литературным критиком, собирателем народных песен, переводчиком стихов Сулеймана Стальского на русский язык. Перевел он в то время с аварского и повесть Р. Динмагомаева «Как он ушел», печатавшуюся тогда в газете «Красный Дагестан» за 27 сентября 1931 года. Э. Капиев активно участвовал в литературной жизни Страны гор. Так, в 1932 году ДАПП (Дагестанская ассоциация пролетарских писателей) была реорганизована в ДССП (Дагестанский союз советских писателей). Ответственным секретарем этой обновленной творческой организации избирается Эффенди Капиев. Или другой факт. В этом же году созывается первый пленум оргкомитета Дагестанской писательской организации, на котором были обсуждены ход перестройки в литературных объединениях и некоторые особенности освоения принципов социалистического реализма дагестанскими писателями. На пленуме с докладом выступил Эффенди Капиев. Был он ответственным секретарем литературно-художественного и публицистического журнала «Штурм» на русском языке, сообщалось в «Вестнике Дагестанского научного центра» РАН. (Махачкала, 2000. – № 7. – С. 108, 109). Занимался он и

другой работой. Уже в конце 30-х годов его книга «Резьба по дереву» обсуждалась в Союзе писателей СССР. На этом обсуждении присутствовал и другой молодой горский поэт-балкарец Кайсын Кулиев. Вспоминая это событие в жизни лакского поэта, Кулиев писал: «... Участники этого разговора высоко оценили книгу. На меня она произвела ошеломляющее впечатление. Думаю, я не столько понял тогда ее значение, сколько ощутил ее поэтичность, выразительность, колорит. Завидная судьба ждала эту книгу, которую осмелюсь назвать шедевром горской поэзии». Эта высокая оценка первого поэтического сборника стихов Эффенди Капиева дана К. Кулиевым в его статье «Я рад, что знал его», помещенной в книге «Так растет и дерево». (М., 1975).

В 1940 году «Резьба по дереву» была напечатана. В этом же году, летом, Кулиев был призван на службу в Красную Армию и взял с собой эту книжечку маленького формата в твердом переплете. «...Меня иногда просили принимать участие в вечерах художественной самодеятельности,— писал Кулиев в этой же статье.— На первом же вечере я прочитал наизусть капиевского «Хочбара». Тогда я был пленен этой трагической песнью».

Духовный поиск Эффенди Капиева середины XX столетия — сложный и многогранный художественный процесс, в котором отразились характеры, судьбы и творческие черты, свойственные его поколению, особенно тем его сверстникам писателям, которым не суждено было дожждаться Великой Победы в Отечественной войне 1941–1945 годов. Их биографии, подвиги, труд, мечты и мысли нашли художественное отражение в книгах «Поэт», над которой он стал работать с лета 1938 года, и в «Избранном» Капиева, выпущенном в Москве после войны.

Подчеркивая роль и значение Эффенди Капиева в развитии культуры молодой дагестанской республики и его духовное влияние на горских поэтов, Кулиев писал: «...Мое общение с Эффенди Капиевым не кончилось на нескольких случайных встречах и не кончится, пока я живу. Поэт остается жить в своих книгах, в них его сердце, мысли, все существо. Часто, очень часто я беседовал и беседую с поэтом Эффенди Капиевым, еще и еще раз возвращаясь к его прекрасным книгам «Резьба по дереву», «Поэт»...

Эффенди Капиев — явление уникальное. Сын горца из Лакии стал выдающимся поэтом. Он писал на русском языке».

Эта высокая оценка подтверждается и другими высказываниями. Так, творчеством Капиева и его духовной и общественной деятельностью восхищался поэт Николай Тихонов, когда он прибыл в Махачкалу 12 июня 1933 года в составе московской писательской организации. С Тихоновым были П. Павленко и В. Луговской. Тогда они встретились с лезгинским поэтом Сулейманом Стальским и аварским мудрецом Гамзатом Цадазой. Побывал русский поэт в гостях и у Эффенди Капиева. В очерке «Сердце гор» Тихонов писал, что в скромном жилище Капиевых кипела большая интересная жизнь, которой могли позавидовать столичные литераторы: в этом непросторном доме был простор для мыслей, дискуссий, проектов, ибо «здесь охотно бывали писатели и поэты, потому что хозяева гостеприимно приветствовали людей, как они, влюбленных в литературу, в искусство, историю. Здесь можно было посидеть, поспорить, узнать всегда что-нибудь новое, увидеть молодых, начинающих литераторов...» [2].

В статье «Три открытия Николая Тихонова» (страницы истории дагестанской литературы) Н. З. Мунгиева писала: «Подлинно народным писателем Николай Семенович считал Эффенди Капиева, который так глубоко и широко понимал, объективно осмысливал историю, богатейшую материальную и духовную культуру народов Дагестана. Перед Н. Тихоновым он предстал горским энциклопедистом, корни которого ушли в глубинные пласты народного творчества, народной этики и народной мудрости. Вот почему Тихонов станет пристально следить за многогранной творческой деятельностью Э. Капиева, поддерживая его в новых начинаниях и способствуя реализации уже назревших замыслов» [3].

Становится понятным, почему так высоко оценивал творческую деятельность Э. Капиева его поэтический собрат К. Кулиев.

Ему Кайсын Кулиев посвятил стихотворение «Над старой книгой горских песен» (1947). Впервые оно было опубликовано в сборнике стихов Кулиева «Горы» (М., 1957). В этом стихотворении балкарский поэт с уверенностью

утверждал, что имена истинных поэтов не будут забыты потомками, будущими поколениями своих соотечественников («...Уходим мы из мира, песням нашим давая жить гораздо дольше нас»). Или:

.
Мир полон будет после нас другими,
И этим новым, сильным, молодым
Мы с радостями многими земными
Оставим песни – наш подарок им.

Как птицы, песни старые летают,
В них прошлое живет всего сильней,
В них время сердце века оставляет,
В них бродит ветер отшумевших дней!

(Перевод Н. Тихонова)

«Памяти Эффенди Капиева», – написал Кулиев своей рукой, когда окончил писать в 1947 году это стихотворение, довольно большое по объему. Оно состоит из девятнадцати четверостиший и было одним из первых стихов Кулиева, переведенных на русский язык известным советским поэтом Николаем Тихоновым. Прошло только два года после 9 Мая – Дня Великой Победы. Кулиев находился в ссылке со своим многострадальным народом, не имел права печататься, но он не пал духом, а много работал: изучил киргизский язык и переводил стихи местных поэтов на русский язык, писал стихи и поэмы о родном крае. Стихотворение «Над старой книгой горских песен» не только о том, что их имена останутся в социальной памяти народа, но и о мужестве, о котором Кулиев писал очень много, будучи в Средней Азии на положении спецпереселенца. Четвертое четверостишие об этом:

И горец через перевал шагает,
Лед на усах, у бездны на краю,
Но, раненый, отважным умирает,
Когда в бою он дожил жизнь свою.

В статье «Кязим Мечиев и восточная поэзия» (1970), вернее, из доклада на зональном совещании, организо-

ванном АН СССР, Кулиев говорил: «Человек должен жить, своим умом, волей, мужеством, побеждая все трудности, которые встречаются на его пути... Ему необходимы стойкость, храбрость перед врагами, мужество в жизни» [4]. Эти качества личности Кулиев видел в Эффенди Капиеве и был убежден в том, что этот лакский поэт во многом новый для дагестанской поэзии, что он опережает время в своем творческом развитии и с огромной силой чувства и мысли говорил в своих стихах о том, о чем будут писать спустя многие годы. Возможно, поэтому Кулиев в статье о Капиеве писал с таким восторгом о первом издании «Резьбы»: «...она долго была со мной, дала мне много радости и наслаждения. Сам факт, что я взял ее с собой вместе с томиком великих лириков, уезжая в армию, говорит о многом. Я несколько лет тосковал по «Резьбе». И вновь встретился с ней, только когда в Москве было выпущено «Избранное» Капиева. К моей радости, в него вошла и «Резьба по камню». Я купил книгу в городе Фрунзе, столице Киргизии. Я снова встретился с книгой, которая была мне так дорога, что казалась живым существом» [5].

Дружба Кулиева с семьей Эффенди Капиева продолжалась и после его смерти. Жена Эффенди Мансуровича — Наталья Капиева переписывалась с Кайсыном Кулиевым, зная, что он остался верным светлой памяти ее мужа, необыкновенно одаренного лакского поэта и замечательного человека-горца. Таким она описала его в своей книге «Жизнь, прожитая набело». Кулиев одним из первых прочитал эту книгу и высоко оценил ее достоинства, как и неповторимые духовно-нравственные качества верной подруги поэта — Натальи Капиевой, достойной памяти своего мужа. Кулиев посылал ей свои сборники стихов, зная ее любовь к горской поэзии и ценил в ней редкий дар умного литературоведа. Они переписывались. Так, 11 апреля 1971 года Наталья Капиева писала ему из Пятигорска: «Дорогой Кайсын! Надеюсь, не обидитесь на меня за просьбу.

Не смогла у нас достать Ваш двухтомник. Да и никто не смог. Магазин получил 3 (три) экземпляра! А мне так хочется иметь его на полочке, где стоят Ваши, дорогие для меня книги...

Весна эта нас не балует. Мама болеет – все сердце. Лежит и помочь нечем, лекарств много, но все как-то неутешительно и тревожно.

Сердечный мой и ее привет Вашему дому.

Наталья Капиева» [6].

На все письма и просьбы Натальи Капиевой Кулиев аккуратно отвечал, так как дорожил вниманием этой чуткой и умной женщины, которая старалась, чтобы поэт Эффенди Капиев не был забыт соотечественниками, а оставил след в истории лакской литературы, в истории северокавказской поэзии. Она издала интересную книгу «Эффенди Капиев: Воспоминания современников» / Сост. Н. В. Капиева. Махачкала, 1975.

В свою очередь, Наталья Капиева внимательно следила за развитием дарования Кайсына Кулиева, поздравляла его с праздниками, с выходом из печати его новых книг. В архиве Кулиева сохраняются ее письма и поздравительные открытки от 16 декабря 1976 и 22 февраля 1977 года [7].

Она высоко оценила книгу Кулиева «Так растет и дерево», ее значимость в истории литературной критики Северного Кавказа, в развитии критической мысли национальной художественной культуры. Так, в открытке от 22 февраля 1977 года Наталья Капиева поздравляла Кайсына с двойным праздником – 23 февраля и с тем успехом, который ожидал Кулиева после публикации его книги «Так растет и дерево», написанной на русском языке. Написала она и несколько статей о Кулиеве. Когда вышла из печати «Книга земли» в 1972 году, о ней появилось много статей – К. Султанова, А. Кулешова, М. Дудина, А. Шогенцукова, А. Алафаева, З. Налоева, Н. Саакян, Т. Эфендиевой, В. Огнева и других известных поэтов и литературоведов. Наталья Капиева откликнулась на это большое событие в жизни Кайсына Кулиева (за эту книгу Кулиеву дадут Государственную премию СССР) прекрасной статьей «Вечна в мире жизнь», которая была опубликована в газете «Литературная Россия» (1973. 13 июля. С. 10).

Не менее значима была для Кулиева и другая ее статья, опубликованная в журнале «Дружба народов» (1963, № 4. – С. 239, 240). Статья называлась «Песнь убежденного сердца», в которой подчеркивались общечеловече-

ские гуманистические идеалы поэзии Кайсына Кулиева, его умение передать самую суть жизни людской. Писала Наталья Капиева о Кулиеве и в своем сборнике статей «Критические новеллы», которые вышли в Москве, в издательстве «Советская Россия» в 1969 году (Стр. 25, 26).

В 1979 году в Дагестане широко отмечали славную дату – 70-летие со дня рождения Эффенди Капиева, выдающегося дагестанского поэта, прозаика и публициста. Этому событию был посвящен и торжественный вечер, состоявшийся в Махачкале в помещении музыкально-драматического театра. На этом вечере был в числе приглашенных гостей и Кайсын Кулиев. Здесь были его друзья – Расул Гамзатов, выступивший с докладом о Капиеве, Давид Кугультинов, Нафи Джусойты, поэт Николай Доризо, председатель юбилейной комиссии Союза писателей РСФСР, секретарь Союза писателей Российской Федерации. И, конечно, в президиуме среди членов и кандидатов в члены бюро Дагестанского обкома КПСС и известных писателей была жена Эффенди Капиева – Наталья Владимировна Капиева, сын писателя – кандидат технических наук Рустем Эффендиевич. Кайсын Кулиев в перерывах выступлений встречался с Натальей Капиевой и ее сыном, благодарил ее за то, что она принимала самое активное участие в организации этого торжественного вечера и в работе юбилейной комиссии.

После выступлений поэта Николая Доризо и литературоведа Александра Назаревича на трибуне появился Кайсын Кулиев. Он говорил об огромной деятельности и творческом наследии юбиляра, что Капиев был ответственным секретарем Союза писателей республики, собирателем и переводчиком горского фольклора, составителем первых дагестанских литературных антологий, талантливым поэтом, прозаиком и литературным критиком, что его книги «Дагестан», «Дагестанские поэты», «Песни горцев», «Резьба по камню», «Поэт», «Фронтовые записки», прочно вошли в сокровищницу многонациональной советской литературы.

О большом вкладе Эффенди Капиева в развитие советской литературы, культуры Дагестана, о гражданской зрелости этого талантливого писателя на вечере говорили: народный поэт Дагестана Юсуп Хапалаев, народный поэт Калмыкии Давид Кугультинов, поэт и прозаик из

Чечено-Ингушетии Сеид Чахкиев, литературный критик Камиль Султанов, доктор филологических наук, профессор и поэт из Южной Осетии Нафи Джусойты. Кайсын Кулиев потом рассказывал, что Наталья Владимировна Капиева была благодарна всем выступающим, которые сказали добрые слова о ее муже и вспомнили тех, кто приходил в ее маленькую квартирку на улице Оскара, где обсуждали и спорили. Это были известные тогда художники, писатели и поэты – Николай Тихонов, Юнусилау, Алибек Тахо-Гади, Сулейман и Абуталиб, Петр Павленко и Владимир Луговской, Готфрид Гасанов, тогда еще молодой Аткай, Камиль, Абдул-Вагаб, Алибек Фатахов, которыми гордится творческая интеллигенция Дагестана. Особенно было приятно Наталье Владимировне, что в адрес участников вечера поступили приветственные телеграммы от деятелей советской литературы – члена ЦК КПСС, первого секретаря правления Союза писателей СССР Георгия Маркова и писателя Бориса Полевого. «Вместе с вами мы чтим и высоко ценим имя Эффенди Капиева – самобытного и яркого художника, человека прекрасной души, неутомимого труженика, много сделавшего для объединения литературных сил Дагестана, – говорилось в телеграмме Георгия Маркова. – Его книги, полюбожившиеся миллионам читателей, переведенные на многие иностранные языки, были и остаются заметным явлением в истории нашей литературы...»

Борис Полевой в своей телеграмме писал: «Дорогие друзья, от имени сотрудников и писателей «Юности» примите сердечные поздравления с семидесятилетним юбилеем замечательного поэта и воина Эффенди Капиева, сделавшего большой вклад в многонациональную советскую литературу». Кайсын Кулиев был членом редколлегии журнала «Юность». Он как бы дважды сказал о Капиеве на этом торжественном вечере.

В газете «Дагестанская правда» есть историческая фотография группы участников юбилейных торжеств. Среди них есть Кайсын Кулиев, Наталья Капиева, Расул Гамзатов, Давид Кугультинов и многие другие. Они остались запечатленными в фотоискусстве молодыми, жизнерадостными, полными творческой энергии.

Тема «Эффенди Капиев и Кайсын Кулиев» – неиссле-

дованная область в литературоведении Северного Кавказа. Она очень интересна, так как затрагивает многие духовно-нравственные вопросы времени советской эпохи, проблемы взаимовлияния и взаимообогащения национальных художественных культур, их исторические судьбы, традиции и новые обретения теми, кто составлял гордость отечественной литературы в XX столетии.

Об Эффенди Капиеве сейчас много написано статей и книг, защищены кандидатские диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Так, Л. В. Мамедова в автореферате «Проблемы поэтики Э. Капиева (Книга новелл «Поэт»)\», защищенной в Махачкале в 1998 году, утверждала, что ей выявлены такие признаки творчества Эффенди Капиева, которые позволяют говорить о его художественном новаторстве, в частности, связанном с разработкой новой эстетической формы при создании художественного полотна «Поэт». Опираясь на достижения отечественного литературоведения, Лариса Владимировна предприняла попытку проследить процесс формирования и развития жанра русскоязычной прозы в дагестанской советской литературе. Ранее публиковавшиеся исследования по данной тематике существенно переосмыслены с позиции современного литературного процесса.

Интересной работой явилась монография М. Чудаковой «Эффенди Капиев» (М.: Молодая гвардия, 1971), в которой были намечены перспективные пути исследования творчества и книги новелл «Поэт» и сборника стихов «Резьба по дереву».

В своем выступлении на этой конференции мне бы хотелось обратиться к молодым исследователям дагестанской литературы с просьбой, чтобы они обратили внимание на то, что сказал Расул Гамзатов, выступая с докладом о Капиеве в день его 70-летия со дня рождения, и задумались над его мудрыми словами: «Мы от имени всего Дагестана, от имени всех певцов нашей Родины говорим ему: «Здравствуй, с днем рождения тебя, дорогой Эффенди, наш брат и учитель, чудо и чудотворство наших вершин. Ты наш, ты с нами. Вечно молодой, ты будешь одним из самых больших долгожителей кавказских вершин».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Капиева Н.* Жизнь, прожитая набело. М., 1975. С. 315.
2. *Тихонов Н.* Двойная радуга. М., 1969.
3. Вестник Дагестанского научного центра РАН. Махачкала, 2000. № 7. С. 114, 115.
4. *Кулиев К.* Так растет и дерево. С. 417.
5. Там же. С. 300.
6. ЦГА КБР, ф. 852, оп. 1, ед. хр. 43, л. 1, 2.
7. Там же, оп. 5, ед. хр. 58, л. 1, 2.

Ф. С. Эфендиев

БОРИС РУЧЬЕВ И КАЙСЫН КУЛИЕВ

(К вопросу о диалектике поэтических взаимовлияний)

Тезисы доклада, представленные на Всероссийскую научную конференцию «VI Ручьевские чтения, посвященные 70-летию Магнитогорского металлургического комбината». VI Ручьевские чтения посвящены проблеме «На рубеже эпох: специфика художественного сознания». 3–4 октября 2001 г.

Рубеж эпох — не только качественно новый этап в судьбах национальных художественных культур, но и начало нового осмысления взаимоотношений между писателями советской эпохи, длившейся 70 лет.

Борис Ручьев и Кайсын Кулиев жили в XX столетии и в своем поэтическом творчестве художественно отразили сложные и противоречивые события ушедшего в историю века, и они органично вошли в общую панораму единой литературы XX столетия. «Борис Ручьев, как и все наше поколение, живет и трудится в грандиозную и трудную эпоху. Собственно говоря, легких эпох никогда и не было. Жизнь и борьба всегда сложны, — так писал Кулиев в 1964 году, когда поэт с Урала был еще жив. — Только масштабы их в разные эпохи бывают разными.

Масштабы нашего времени требовали от людей небывалого мужества и энергии, сшибка между добром и злом достигала невиданного накала...» Так писал Кулиев в статье «Строитель и жизнелюб» о своем друге Борисе Ручьеве, духовное влияние которого он испытал на себе. Об этом свидетельствовали искренние кулиевские признания: «Мне дорог Борис Ручьев тем, что в самые трудные дни своей жизни он не позволил страданиям согнуть себя, а высекал из сердца замечательные стихи и поэмы, пронизанные высоким чувством веры в жизнь, в справедливость и будущее, в непобедимость созидательной силы народа. Мы знаем, что так поступали только крупные художники» [1].

Когда писались эти душевные строки, Кулиев, как и Ручьев, был в зените славы и расцвета своего поэтического творчества. Кулиеву было только 47 лет и до роковой черты (умер он в 1985 г.) оставалось жить еще целых двадцать лет!

Кулиеву очень нравилась поэма Ручьева «Прощание с юностью», в которой было то, что пережили они, поэты, и люди советской эпохи:

Какой бы пламень гарью нас не метил,
Какой бы пламень нас не обжигал,
Мы станем чище, мы за все ответим —
Чем крепче боль, тем памятей закал.

Социальная память и их художественное сознание были запечатлены в стихах, отражено то, что было характерно для целого поколения людей отчизны — Советского Союза. И поэзия Ручьева «...по-своему оригинально запечатлела облик эпохи, свет души современника, его энергию, гуманизм, верность передовым идеалам. А ведь это верность самой жизни», — правильно отметил Кулиев основные мотивы и черты поэзии своего друга. И чуть дальше горский поэт писал: «... Высокая простота поэзии Ручьева таит в себе настоящее мастерство. Очень ценно то, что Ручьев в произведениях о тяжелых годах его жизни нисколько не рисуется... Он не хнычет, не проклиная жизнь, а мужественно, с достоинством говорит о тех ударах судьбы, которые были нанесены ему так незаслуженно...»

Кайсын Кулиев, переживший Вторую мировую войну как ее участник, депортацию родного народа, незаслуженное и несправедливое исключение его из Союза писателей СССР только за то, что его народ был насильственно выслан в 1944 году в Казахстан и Киргизию, тоже не разуверился в светлых началах жизни и доброте людей. Вспоминая свою жизнь этого времени, Кулиев писал: «Человечность неистребима и непобедима. Человечество одичало бы без милосердия. Как прекрасна поговорка: «Мир не без добрых людей!» Отсюда идет основной тон моих книг «Раненый камень», «Мир дому твоему!», «Кизилловый отсвет». Поэзия рождается из пережитого, как искра из кремня, из убеждения, тесно связанного с опытом». Художественно осмысливая прошлое, горечь потерь, что пережил его народ и он сам, Кулиев писал в стихотворении «Я помню дни, когда белейший снег...» (1963):

.
Тогда постиг я горечи предел
Под небом черным, в черную годину,
А все ж на мир с надеждою глядел
И видел жизни белую вершину.

(Перевод Я. Хелемского)

Оба известные поэты XX в. — Кайсын Кулиев и Борис Ручьев — ушли из жизни, не встретив рубеж веков и тысячелетий, но их творчество и их художественное сознание останутся и в XXI в., с его новым типом мышления, иным типом личности и с его национальным самосознанием. Творческое сознание Ручьева заключительных строк «Любавы» перешагнуло рубеж веков:

В этот — зримый глазами героев,
Нареченный Решающим — год
выше нашего Магнитостроя
в мире не было горных высот...

Стремление к творческому преображению мира духовно объединяло поэтов XX в. и, в частности, русского поэта Бориса Ручьева и балкарца Кайсына Кулиева.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кулиев К. Так и растет и дерево. М., 1975. С. 167.

КАЙСЫН КУЛИЕВ О РОЛИ РУССКОГО ЯЗЫКА В СУДЬБЕ ГОРЦЕВ

Статья подготовлена для научного журнала «Русский язык и межкультурная коммуникация» Пятигорского государственного лингвистического университета и научно-исследовательской лаборатории «Русский язык на Северном Кавказе» (в рамках Федерально-региональной целевой программы «Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру»).

Три года тому назад, пользуясь круглой датой поэта — его 80-летием со дня рождения — я написал статью «Русская тема в лирике Кайсына Кулиева» и отослал в журнал «Научная мысль Кавказа» Северо-Кавказского научного центра высшей школы (1997. № 4. С. 74–79). Как бы извиняясь за избранную проблему, я старался убедить редакционную коллегию этого журнала в важности написанного мной. Я писал: «Можно с уверенностью говорить, что Кулиев занимает достойное место среди прославленных поэтов, писавших о России. «Русские» стихи нерусского поэта Кайсына Кулиева в процессе модернизации российского общества, периода бесконечных конфликтов в межэтнических и межнациональных отношениях звучат особенно актуально и призывают к взаимопониманию и дружбе, осуждая узконационалистические интересы. В сознании горского поэта никогда не существовали понятия «коренные и некоренные» народы, титульные и нетитульные нации, маргинальность. Он знал цену дружбы людской, народов многонациональной России» [1]. И вот теперь, прочитав информационное письмо наших ближайших соседей кафедры современного русского языка ПГЛУ, я обрадовался возможности высказать свои мысли о роли русского языка в судьбе горских народов, опираясь на мудрость, знания и опыт прославленного балкарского поэта Кайсына Кулиева, кото-

рый многократно в стихах и в прозе писал об огромной значимости русского языка, русской культуры в формировании и становлении северокавказской цивилизации, духовной культуры малочисленных наций, проживающих в различных регионах Российской Федерации.

Сын безграмотного горского скотовода, искусного охотника и простой горянки, «не знавшей где Тифлис», Кайсын Кулиев достиг высот мировой поэзии и славы еще при жизни. Неустанный труд и прирожденный талант помогли ему овладеть знаниями и культурой русского народа. Сначала были первые русские учителя, которые приехали к ним в аул, чтобы научить горских ребят русской азбуке, дать красочный букварь. Этот день остался в памяти поэта и он воспел его в «Горской поэме...»:

И в первом классе, праздником даря,
Мне дал учитель книгу и тетрадки.
Я даже в снах картинку букваря
Рассматривал, листая по порядку.

О, книга книг! Утеха из утех!
В душе моей она жива навечно,
Всех книг открытей и красивей всех.
Я ей навек признателен сердечно.

(Перевод М. Дудина)

Русский язык, по мнению Кулиева, открыл ему духовную культуру России, мировую культуру:

Так я и жил бы, тяжесть скал кляня,
И тлел душой, как уголь у жаровен,
И Лермонтов не встретил бы меня,
И для меня б не ликовал Бетховен...

(Перевод М. Дудина)

О русском языке, игравшем и сейчас играющем на современном этапе большую роль в межнациональном общении, в укреплении дружбы и взаимопонимании народов, написано много и научных трактатов, и поэм. Строки любви к русскому языку звучали и звучат на всех языках. Кулиев, получивший высшее образование в Москве в театральном и литературном институтах, не забывал славить русский язык и писать о его значимости для

каждого горца. Так, выступая в 1962 году на сессии языковедов, организованной АН СССР, он говорил: «Я люблю русский язык. Он у нас в крови, мы понимаем его, как родную речь, он нам необходим, мы относимся к нему с полным пониманием его значения для нас. Другого отношения к русскому языку у нас не может быть. Кроме прочего, он приобщил к культуре человечества» [2].

Русским языком Кулиев так же хорошо владел, как и родным. Русский язык для поэта был вторым родным языком. На русском языке он написал роман «Была зима» и книгу литературно-критических статей «Так растет и дерево» как итог многолетних раздумий о законах творчества, мастерстве и назначении поэта. Книга «Поэт всегда с людьми» (М., 1986), написана тоже на русском языке. В ней Кулиева волнуют проблемы преемственности и развития художественных традиций классиков – Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Тютчева и других. Борис Пастернак в начале 50-х годов, когда переписывался с Кулиевым в его среднеазиатский период жизни, отметил в одном из писем хорошее знание Кулиевым русского языка. Так, в письме от 10 августа 1953 года он писал ему: «...Я давно сказал Вам, что очень люблю Вас и верю в Вас. Эта вера не прошла у меня. Я всем про Вас рассказываю. После Есенина я только в одном Павле Васильеве находил черты цельности, предназначения и отмеченности, как в Вас. Я думаю, Вы давно уже пишете или могли бы писать по-русски так же хорошо, как и на родном языке, или еще лучше» [3].

На современном этапе русский язык является одним из важнейших средств обогащения и дальнейшего развития национальных литературных языков, способствует укреплению экономической, политической и культурной сплоченности народов Российской Федерации. Эти неоспоримые факты осмысливаются и находят художественное отражение в многонациональной прозе и поэзии. Об этом не раз говорилось на международных научных конгрессах «Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру», которые проводил ПГЛУ в 1996 и 1998 годах. Его примеру последовал и Кабардино-Балкарский госуниверситет, который в декабре 1999 года провел (при содействии комиссии РФ по делам ЮНЕСКО и бюро ЮНЕСКО в Москве) конференцию «Мир на

Северном Кавказе через диалог культур». На этой конференции выступали ректоры всех вузов Северного Кавказа, в докладах которых говорилось о том, что образование, межкультурные диалоги и русский язык становятся факторами воспитания новых поколений в духе культуры мира. Нелишне здесь напомнить о том, что Северный Кавказ является самым многонациональным районом земного шара, здесь проживает большое количество этнических групп. Поэтому роль русского языка как средства межнационального общения и взаимопонимания имеет особое значение. Правильно Г. Ломидзе писал когда-то, что «с русским языком, с русским народом связаны неисчислимые изменения жизни всех, без исключения народов... С русским языком, с русским человеком у других народов связываются самые лучшие, дорогие чувства». Эти чувства Кайсын Кулиев искренне выразил в стихотворении, посвященном своему первому русскому учителю Борису Игнатьевичу:

Мне в сердце запали уроки,
Когда я впервые постиг
Зовущий, как мир, и широкий,
Чарующий русский язык.

И русских поэтов стихи я
Читал, задыхаясь от слез,—
Меня обступала Россия
Сплошным хороводом берез.

(Перевод Е. Елисеева)

Стихотворение «Учитель Борис Игнатьевич», входившее в цикл стихов «Мои соседи», написано почти в пору юности поэта, но и во времена зрелости Кулиев не переставал напоминать тем, кто забывал о значении русского языка в судьбе горских народов. В статье «Литература — дело всей нашей жизни» (1971) он писал: «Мы не можем забывать уроки великой русской литературы с ее пристальным интересом к судьбе и культуре других народов... Многие крупные советские поэты — от Блока и Брюсова до Тихонова и Дудина — продолжили эту замечательную традицию пристального интереса к культуре других народов и уважения к ней».

Бесспорно, роль русского языка в достижениях этнокультур была значительна всегда. Говоря словами А. Егорова, можно утверждать, что они в период национального возрождения «... знаменуют собой бесспорный прогресс их художественной культуры, которому в огромной степени помогло творческое усвоение многих традиций литературы русского народа, накопившего большой художественный опыт [4].

Заканчивая наши небольшие рассуждения о роли русского языка в судьбе горцев, хотим снова обратиться к высказываниям Кайсына Кулиева и напомнить их тем, кто страдает болезнью «...изма» (нигилизма, экстремизма, национализма и пр.). В статье «Свет братства» (1970) он писал: «Русский народ – один из величайших народов мира – для нас, горцев Кавказа, как и для всех народов страны, зажег тот негасимый Прометеев огонь, который навсегда согрел нас и озарил нашу жизнь. Мы приобщились к русской культуре одному из самых удивительных духовных достижений человечества, а через нее мы узнали и мировую культуру. Без этого блага братства и взаимного духовного обогащения мы бы по-прежнему блуждали во мраке».

Какую б славу без него стяжал
Я на забитом одноухом муле?
В какой обиде дедовский кинжал
Старинной местью обаграл в ауле?

(Перевод М. Дудина)

Так думал Кулиев о значении дружбы в жизни наций. Или его же:

Я, горский мальчик, не умевший «хлеб»
Произносить как следует по-русски,
Вдруг понял сам: без дружбы мир нелеп,
Жизнь не полна, а все дороги – узки.

(Перевод М. Дудина)

«Мы навеки связали свою судьбу с судьбой русского народа. Мы делили с ним горький хлеб испытаний и радость праздников, – писал поэт. – У нас взаимное уважение и взаимная любовь, у нас общий хлеб и общая

судьба. Если мы достигли многого в росте своей экономики и национальной культуры, то этим мы обязаны повседневной помощи могучего русского народа, силы которого неисчерпаемы...» Этой позиции разума мы должны придерживаться, когда говорим о культурно-исторической общности народов Северного Кавказа и проблемах гуманизации межнациональных отношений на современном этапе. Художественно отображая этот объективный, реальный процесс жизни и свое отношение к нему, Кулиев писал, обращаясь к людям различных наций:

Брат мой с Рязанщины голубой,
Брат мой с седых Карпат,
С вами увенчан одной судьбой .
Я, ваш балкарский брат!
Брат мой с киргизских жемчужных гряд,
Брат мой с балтийских дюн,
С вашими рядом – ясней мой взгляд,
Мир в нем – цветущ и юн.
Брат мой с днепровских раздолий,
Брат с грузинских теснин. Союз
наших сердец нерушим. Он свят
святостью братских уз.

(Перевод Д. Долинского)

ЛИТЕРАТУРА

1. Эфендиев Ф. Русская тема в лирике Кайсына Кулиева. К 80-летию со дня рождения поэта // Журн. «Научная мысль Кавказа». Ростов-н/Д., 1997. № 4. С. 79.
2. Кулиев К. Так растет и дерево. М., 1975. С. 402.
3. Вопросы литературы народов СССР. Киев-Одесса, 1990. Вып. 16. С. 21.
4. Русские писатели о Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1988. С. 9.

Т. Е. Эфендиева

РОМАН КАЙСЫНА КУЛИЕВА «БЫЛА ЗИМА» И ПРОБЛЕМА НРАВСТВЕННОСТИ

Проблемы нравственности были самыми важными в поэтическом и прозаическом творчестве Кайсына Кулиева, так как моральные качества людей и духовные осно-

вы бытия и мира, в котором жил и творил поэт, были для него главными жизненными критериями.

Друзья мои, родня —
Ткачи и хлеборобы,
Учили вы меня
На мир смотреть без злобы, —

писал Кулиев в стихотворении «Друзья мои, родня...» в переводе Н. Гребнева. Идеино-эстетические принципы творчества Кулиева складывались и развивались в процессе становления его как поэта и прозаика, чей творческий поиск был нераздельно связан с судьбами Родины и родного народа.

Весь мир, где льется кровь,
весь в сердце у поэта.
Мы сердце всей земли.
Мы соль ее несем.

(Перевод Н. Гребнева).

Моральные качества его земляков особенно ярко отразились в его задуманной исторической диалогии, в двух томах, в которой Кулиев решил рассказать о своем маленьком народе, начиная с событий 1941 года, когда все-народное горе захлестнуло всех, поведать, по его словам, об исторической правде. «Что произошло с моими героями, я расскажу во второй книге», — делился своими замыслами Кайсын Шуваевич. Но была написана лишь первая книга «Была зима». Ко второму тому он даже не приступил, так как помешала роковая болезнь и смерть.

История создания этого романа чрезвычайно интересна и тема его волновала Кулиева на протяжении долгих лет. Вернувшись с войны, он думал о больших прозаических произведениях, которые он хотел бы написать. В его дневниковых записях есть об этом желании, но только в конце своей жизни он написал роман «Была зима». «Знаешь, сколько лет отделяют первую строку этого сочинения от последней? — спросил Кулиев корреспондента А. Подольского. — Тридцать пять лет! Даже самому не верится. В горах нет ГАИ, но все придерживаются правила — по улочкам аула нельзя торопить коня. Оправды-

вает только чрезвычайная причина. Я тоже не торопился и даже надолго останавливался, отдавал все время поэзии, а вот последние четыре года по-настоящему спешил, мучился невысказанным словом». Поэт думал о жанре произведения, о главном герое. То и другое менялось в процессе творческого замысла. Так, из интервью Кулиева, данного журналисту В. Артеменко в рубрике «Над чем вы работаете?», опубликованного в газ. «Правда» (1981, 16 апреля), узнаем, что поэт очень сожалел, что «...долго не писал прозу».

«Хочу наверстать упущенное. В голове уже сложилось несколько повестей. Одна из них будет называться «Была зима». Это о военном времени. Ведь у меня скопился богатый фактический материал: я с первых дней войны стал парашютистом-десантником, сражался в Прибалтике, под Орлом. Был ранен. Потом снова воевал и опять получил ранение. В повести «Была зима» мой герой — известный композитор, смертельно больной и обреченный, заново переживает все тяготы войны. Книга будет остросюжетной».

Это большое эпическое произведение Кулиева относится к романистике о Великой Отечественной войне. Рассказывая о замысле, Кулиев писал, что роман очень близок к его лирике, а в ней, по его мнению, «может быть, самое главное — преодоление трудностей». Тех невероятных трудностей, которые равносильны трагическим обстоятельствам, повлиявшим на судьбы всех людей, которых так или иначе коснулась война. Проблема «человек и война» в художественном решении оставалась одной из самых сложных и волнующих для Кулиева, возможно, поэтому он писал: «О трагических событиях 1941 и 1942 годов писать трудно, и я не стремился рассказать о больших сражениях. Моя цель — пережить вместе с читателем всего лишь одну отчаянную зиму, когда фашисты ворвались в глубокие ущелья Центрального Кавказа. В эту зиму, после тяжелого ранения на фронте, я был прикован к кровати в чебоксарском госпитале, так что эта боль звучит в каких-то строках и образах книги» [1].

Для Кулиева было важно показать драму одной ему близкой семьи — своей родной сестры Мариам во время всенародной беды, когда враг подошел к Кавказу и были оккупированы многие горные селения. Свой роман он

посвятил ей. На первой обложке романа читаем: «Памяти моей сестры Мариам и всех тех, кто трудно жил». Беседуя с корреспондентом А. Подольским о своем романе, Кулиев сказал: «Тех людей, о которых я пишу, никто не знает так хорошо, как я, и мне доступно о них сказать. Вот почему эту работу я выполнил, как святой долг не только перед земляками, которые живут сейчас рядом, но и перед памятью погибших и ушедших» [2].

Мариам Бергенова – главная героиня романа. С самых первых страниц этого волнующего произведения читатель встречается с ее именем, ее заботами и тревогами. Литературная героиня романа имеет реальный прототип – Мариам Кулиеву, которая была старше поэта всего на два года. Судьба ее была трудной и драматичной. Поначалу она складывалась как будто удачно: получила Мариам Кулиева образование в 30-е годы, стала работать учительницей в своем родном селе, вышла замуж за любимого человека, тоже учителя, одного из активных комсомольцев района – А. О. Жетишева. В семье Жетишевых ее уважали и ценили за ее трудолюбие и скромность. Свекр Омар гордился своей снохой, первой учительницей в горном селении. Помогала снохе и свекровь в воспитании внуков, а их было трое: Шарапудин, Масхут и Максим. Но война разрушила судьбы людей. Ушел на фронт ее любимый муж Абдула Жетишев и все долгие пять лет от него не было известий, а Мариам Шуваевна вместе с сыновьями, свекром и свекрухой попала в поселок Боровое Казахстана, как и многие ее односельчане, насильственно высланные из родных мест. В депортации горе постигло молодую женщину. Из трех сыновей Мариам, родных племянников Кайсына Кулиева, остался в живых только один – Максим. Сначала заболел тифом Шарапудин, от него заразился Масхут. Мальчики умирают один за другим. Сколько бессонных и тревожных ночей провела молодая мать, но врачи так и не смогли спасти их. Было Мариам только двадцать шесть лет.

Этим рукам держать бы
Только живые розы,
А не глаза закрывать
Мертвому малышу! –

(Перевод О. Чухонцева)

писал об этом факте ее жизни поэт Кайсын Кулиев, отозванный в 1944 году с фронта. Акция по увольнению рядового, сержантского и офицерского составов из действующих воинских соединений проводилась по национальному признаку — балкарец, ингуш, чеченец, карачаевец, калмык и т. д. Подвергся этой унижительной акции и капитан доблестной Советской Армии Кайсын Кулиев, награжденный к этому времени орденом Отечественной войны II степени и боевыми медалями за безупречную воинскую службу... Он-то и уговорил Мариам уехать с ним из Казахстана в Киргизию, где он работал в Союзе писателей в г. Фрунзе (ныне Бишкек). К этому времени она получила похоронку на мужа, но, как все женщины, надеялась, что, может быть, ее любимый все-таки вернется «всем смертям назло». Вместе с братом Кайсыном, матерью Узеирхан и сестрами Шахидат и Марзият она оставила Казахстан и переехала в одну из пригородных столиц Киргизии. Свекор, Омар Жетишев, остался дожидаться сыновей, которые были на фронте. Такова судьба реального прототипа [3]. Судьба литературной героини Мариам Бергеновой отличается от судьбы родной сестры Кулиева, хотя у них много общего в стечении роковых обстоятельств. Главная героиня романа Мариам Бергенова тоже потеряла мужа. Ее Жанхот погиб во время охоты. Не стало и ее младшего сына Тахира, погибшего от осколка немецкой бомбы. Остался один старший сын Назир, но он был на фронте, защищал Родину, как и тысячи других сыновей, матери которых день и ночь молились Всевышнему, чтобы он спас их, надежду и опору семьи.

Упор для воплощения замысла был сделан Кулиевым на совершении дел и поступках именно женских образов, позволявших автору показать моральную стойкость, исключительное самообладание горянок и выделить их черты большой духовной силы. Во внешнем и внутреннем облике горских женщин Кулиев стремился подчеркнуть их красоту и духовное обаяние. Поэт был далек от идеализации женских образов, как и всех остальных односельчан, представителей старшего и младшего поколений. По этому поводу Кулиев писал: «Иным из читателей может показаться, что я идеализирую земляков-крестьян и их обычаи. Но в моей книге нет ни малейшего

преувеличения. Так было в действительности... Мои воззрения на искусство не позволяют мне заниматься идеализацией кого бы то ни было. Я за правду в искусстве, какой бы суровой она ни была...»

Оккупация стала трагедией для всех односельчан поэта, но особенно она несла непоправимое горе женщинам. В 1960 году, когда было далеко до написания романа «Была зима», в стихотворении «Где-то стонет женщина вдали...» Кулиев писал:

Первой пулей на войне любой
Поражает сердце материнское.
Кто б ни выиграл последний бой,
Но страдает сердце материнское.

(Перевод Н. Гребнева)

Художественное осмысление трагического в суровую военную зиму 1942–1943 годов в своем конкретном (горный аул Чал) и обобщающем смысле (подобное могло произойти в любом другом балкарском селении) прошло через авторскую характеристику двух непримиримых сил – человечности и культа грубой силы, жестокости и унижения оккупантов. Борьба за гуманизм, за жизнь началась с момента первого столкновения горцев с врагами, не считавшимися ни с какими национальными обычаями и условиями жизни в горах. Не случайно Кулиев придавал большое значение эпизодам первых столкновений жителей аула Чал, с теми, кто нес свою мораль и свои нравы, чуждые горцам и горянкам. В широкую экспозицию, предварявшую главные сюжетные линии, вовлечены поэт Сеид Акмурза, старый эфенди Мустафа, кузнец Годой, представитель власти на селе Харун Батыров, молодой горец Асхад, представитель русской интеллигенции – учитель Борис Игнатьевич Орлов, старики: Мазан, Газмай, Окоу, Бекбулат. Все литературные герои могут быть с полным правом отнесены к положительным героям. Ими они стали лишь в результате коренных изменений в своей этносреде, в своем национальном самосознании, общественном поведении и воспитании. Так, духовный мир, моральный облик юноши Асхада был сформирован, во-первых, народной педагогикой, теми национальными обычаями и традициями, которые он усво-

ил с молоком матери. Во-вторых, на его национальном сознании и самосознании в какой-то мере сказалось увлечение романтикой подвига, вольнолюбивой поэзией Пушкина и Лермонтова. Большое влияние на Асхада оказал высоконравственный Мустафа-эфенди, духовное величие которого почувствовали все односельчане.

Каждый из перечисленных выше положительных героев романа имеет свой реальный прототип. «Прообразы этих героев легко раскрываются — автор взял прототипом Кязима Мечиева (Азим) и Саида Шахмурзаева, о чем говорит и чуть измененная близость имен, — пишет В. Дементьев. — Саид Шахмурзаев был земляком Кулиева, одним из первых профессиональных писателей. В селении Верхний Чегем он заведовал начальной школой, помогал молодым дарованиям, создавал учебники на балкарском языке для начальных классов. Он был подвижником народного просвещения...» [4].

Изображение Кулиевым положительных и отрицательных характеров в романе «Была зима» дано исторически конкретно и правдиво. Поэт не нарушил жизненную правду, не исказил историческую достоверность. «В основе романа лежат события военных месяцев 1942 года, — пишет С. Башиева, — на фоне которых автор рассматривает сложные нравственные, этические и психологические проблемы. Сталкивая людей с противоположными характерами, моральными качествами в сложных ситуациях, писатель раскрывает их отношение к добру и злу, морали и антиморали, показывает нравственные взлеты и падения своих героев. Попав в экстремальные условия, одни из них проявляют высокие человеческие качества, другие, наоборот, становятся предателями. Кого бы мы ни взяли из героев романа, за каждым стоит определенный духовно-нравственный мир. Для Кайсына Кулиева, на наш взгляд, важен не показ военного быта или военных событий, а важно исследование поведенческой деятельности людей, которые раскрывают свое истинное «я», оказавшись в необычной жизненной ситуации. Этому свидетельство и отсутствие значительных военно-хроникальных материалов в романе» [5].

Выявление типических характеров, наиболее ясное освещение типических обстоятельств жизни и быта жи-

телей горного аула Чал было главным для писателя, для его философско-этических поисков. В этом отношении С. Башиева права, когда отмечает, что психологизм романа — это не часть и не элемент художественной формы произведения, а творческая манера, творческая индивидуальность Кулиева. Приемы и способы психологического изображения в романе «Была зима» различны и направлены на раскрытие душевной жизни литературных героев — Мариам Бергеновой, Мустафы-эфенди, молодого горца Асхада, Касбота Таракчиева и Келлета Токлуева, красавицы Суратхан и мудреца Сеида Акмурзы, рассказчицы Гоши и почтальона Хусейна и многих других главных и второстепенных персонажей этого непростого произведения, по словам рецензента Ю. Б. Луконина, представляющего собой роман-сказание. При этом известный в стране критик, опытный литературный работник Ю. Луконин отметил, что, говоря о жанре произведения «Была зима», нужно учитывать его законы построения и указания самого Кайсына Кулиева в небольшой заметке, опубликованной в «Литературной газете» (1984, 1 янв.) и в интервью с А. Подольским, которое оказалось последним в жизни поэта [6]. Он сам определил, о чем хотел рассказать: «...роман — о неимоверных испытаниях, которые война обрушивает на простых людей. Я пишу о гражданском мужестве, воле к жизни, патриотизме молодежи... В наше грозное и сложное время человеку необходим воздух мужества, в нем потребность поведения». Конечно, мы не можем говорить о широте охвата действительности в этом романе Кулиева. Жизнь, бытие горцев и горянок ограничена одним аулом Чал, но стремление автора этого романа изобразить личные судьбы горянок и горцев как проявление и часть судеб народа в тяжелый военный год Второй мировой войны вполне позволяют утверждать об эпичности и историзме этой задуманной, но неосуществленной диалогии.

Есть бытие; но именем каким
Его назвать? Ни сон оно, ни бденье;
Меж них оно, и в человеке им
С безумием граничит разуменье,—

писал Е. А. Баратынский в стихотворении «Последняя смерть». Бытие в романе «Была зима» — это не только

война с ее безумием и бессмысленными жертвами, горем и страданием односельчан, их душевной борьбой тогдашней оккупации, в которой не было места холодному равнодушию и не было людей, стоявших над схваткой. Но в понятие «бытия» входила и содержательная форма этого романа, которая несла определенную проблему и идейно-нравственную нагрузку, непосредственное эстетическое воздействие на читателя. Это то, что называется психологизмом литературы. Об этом не раз писали известные литературоведы и критики, которые касались романа «Была зима». Так, В. Дементьев отмечал: «Кулиев писал свою вещь, опираясь на весь опыт своей жизни, стремясь создать широкую этнографическую и психологическую картину бытия родного народа, пропущенную через собственные наблюдения и размышления».

Литературный психологизм Кулиева не во внешней сюжетной занимательности, а в изображении сложных душевных состояний. Как пример приведем отрывок из разговора Касбота Таракчиева с Келлетом Токлуевым, которые в период коллективизации добровольно отдали свой скот в колхоз и с приходом оккупантов решили вернуть утраченное. Обоих волнуют многие вопросы и в их душах идет борьба между чувством собственника и страхом наказания. «А что, если немцев погонят отсюда? — спрашивает Келлет Токлуев. — Придут наши и накажут нас за то, что мы разоряли колхозное добро. А если будем прислуживать фашистам, то могут и расстрелять. Вот чем это может кончиться». «Понимаешь, Келлет, я хочу быть богатым! — ответил ему Касбот, уверенный в окончательной победе фашистов. — Ради этого пойду на все».

«В сложной психологической ситуации Кайсын Кулиев раскрывает нравственную сущность обоих — и Касбота, и Келлета, их представления о чести и морали», — правильно делает вывод исследователь прозы поэта С. Башиева.

Приведенный краткий бытовой диалог двух людей, Касбота и Келлета, у которых свое представление о чести и морали, тоже создает особую атмосферу, насыщенную психологизмом. Подобных сцен в романе множество. Возьмем не бытовой диалог, а на уровне идейно-нравственной и социально-философской проблематики, кото-

рый произошел между образованным полковником Шульцем, воевавшим в Испании, Югославии, прошагавшим как оккупант по разоренным дорогам Польши и Норвегии, и сельским Мустафой-эфенди.

Верноподданный представитель гитлеровского вермахта, убежденный в бредовых идеях Гитлера, Шульц был уверен, что психологически выиграет бой в полемике со стариком, служителем мечети, закрытой перед войной представителями советской власти. Он решил ему подарить «священное писание» ислама – Коран, книгу величайшего почитания и поклонения мусульман.

– Я привез вот это прекрасное, редчайшее издание Корана для вас, но вы не соизволили явиться ко мне и дать мне возможность торжественно преподнести его Вам.

– Служить захватчикам родной земли – издревле считалось у всех народов изменой и каралось смертью, – смело ответил Мустафа-эфенди.

– Вы не пожалеете о своем поступке и тогда, когда вас поведут на казнь?

– Да, и тогда. Просто стану одним из миллионов убитых вами. Я не лучше других и на жизнь имею права не больше, чем они.

Эмоциональное состояние этих двух людей, их мысли и переживания, вопросы и ответы заставляют читателей самих производить психологический анализ и делать определенные выводы о нравственных ценностях, ради которых люди выбирали смерть. Выбрал ее и Мустафа-эфенди. «Он казался спокойным, голова его была высоко поднята, спина не по возрасту пряма. Став у виселицы, он быстро повернулся к народу и молча склонил голову...» Это был его последний поклон тем, кому он служил верой и правдой, многократно говорил о моральном долге, горской чести и совести.

Общеизвестно, художественное мышление писателя – это художественное сознание эпохи. Это хорошо понимал Кулиев, когда работал над образом Асхада, представителя молодого поколения, унаследовавшего лучшие моральные качества горцев, таких, как Мустафа-эфенди, Сеид Акмурза и др. Насильственная смерть в шестнадцать лет – это больше чем трагедия для всех, кто знал Асхада, глубоко убежденного в том, что лучше умереть «стоя, чем жить на коленях». В ночь перед казнью он

говорил об этом Мустафе-эфенди. Старый служитель культа был поражен мужеством и стойкостью юноши, его богатым внутренним миром, его выстраданной правдой.

В романе много драматических ситуаций, неоправданных смертей, жестокостей, людской злобы и зависти. И все это прошло через внутренний мир героев вымышленного аула Чал. Страшной трагедией для них была казнь Мустафы-эфенди. «Это был самый печальный день в истории древнего Чала, и он уходил в вечность, унося с собой безмерное горе людей и свой окровавленный, трагический облик, — писал Кулиев. — Была зима в полной силе, зима, которая всегда со страхом ждет весны. Горы в день казни сурово смотрели друг на друга».

Общие приемы и способы психологического изображения поведения героев романа и народа в целом, жителей гор, у Кулиева разные, особенно в описании драматических событий и печальных дел. Но благодаря этому и создавалось своеобразие психологических установок и сцен романа «Была зима». «Оптимистической» трагедией назвала этот роман молодой исследователь романистики Великой Отечественной войны В. М. Перельгут, выступая на Всероссийской научной конференции «Северный Кавказ: геополитика, история, культура» в Ставрополе в сентябре 2001 года. Ей удалось опубликовать несколько работ по поводу этого романа Кулиева [7].

Обращаясь к трагическим событиям войны, Кулиев решал и вечные вопросы о духовных и нравственных силах человека в экстремальных условиях и ситуациях, о мотивах его выбора, о соотношении личной и общей судьбы. Финал романа «Была зима» оптимистичен. «Завершается роман, — говорил Кулиев корреспонденту А. Подольскому, — днями расплаты: теряя под ударами партизан своих и «примкнувших», гитлеровцы бегут из Чалского ущелья». Завоеватели отступили, аул освобожден, горцы приступили к восстановлению разрушенного войной хозяйства. Столкновение непримиримых сил горцев с захватчиками, составляющих основу сюжетных конфликтов, закончилось победой жителей аула Чал. Индивидуальные судьбы основных героев, семейные истории, массовые сцены при казни Мустафы-эфенди и молодого горца Асхада тесно связаны с сюжетными конфликтами,

социально и психологически мотивированы. В сознании читателя остаются не победимые никем и ничем нормы человечности, высокой морали, правда и совесть тех, кто ценой собственной жизни защищал эти непреложные принципы бытия. Роман Кулиева оптимистичен и полифоничен. Глубоко символичны и красочны картины природы. Это предмет особого разговора. Все главы произведения насыщены лирическими отступлениями, в которых явно ощущается желание автора поделиться своими мыслями, опытом, знанием горского этикета, балкарскими обычаями и нравами. Этнографические аспекты в романе занимают особое место. Это верно подметила В. М. Перельгут, когда писала об этом: «Роман «Была зима» родился из национальной почвы и стал бесценным в этнографическом плане. Подробное описание традиционных обычаев и обрядов со специфически национальными чертами и отражающими духовную культуру горцев дает четкое представление о народе даже неискушенному читателю. Писатель мастерски использовал словесную живопись для отражения характера мышления, мировосприятия, социального строя героев романа, так как все языковые средства отобраны с условиями национальной среды обитания балкарцев» [8].

ЛИТЕРАТУРА

1. «Я жил на этой земле...» Нальчик: Эльбрус, 1999. С. 218.
2. Там же. С. 218, 219.
3. Об этом подробнее см.: *Эфендиева Т. Е., Эфендиев С. И.* Кайсын Шуваевич Кулиев. Биография поэта. Ч. 1. 1917–1958. Нальчик: Эльбрус, 1997. С. 142–146.
4. *Дементьев В. В.* Кайсын Кулиев. Размышления о жизни и творчестве. Нальчик: Эльбрус, 1988. С. 206.
5. *Башиева С. К.* В оригинале и переводе: Литературно-критические статьи. Нальчик: Эльбрус, 1990. С. 85.
6. *Кулиев К.* Живите в радости // Советская Россия. 1985. 6 июня.
7. *Перельгут В. М.* Кайсын Кулиев – двуязычный писатель // Региональное кавказоведение и тюркология: традиции и современность: Материалы 2-й межвузов. научн. конф. Карачаевск: КЧГПУ, 2001. С. 229, 230. Она же. «Оптимистическая» трагедия Кайсына Кулиева «Была зима» // Северный Кавказ: геополити-

ка, история, культура: Материалы Всерос. научн. конф. Ставрополь, 11–14 сент. 2001. Ставрополь: СГУ, 2001. С. 173–176 и др.

8. *Перельгут В. М.* Этнографические аспекты в романе Кайсына Кулиева «Была зима» // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: V Минаевские чтения по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа. Тез. докл. межрегион. научн. конф. Ставрополь, 12–15 апреля 2001. Ставрополь: СГУ, 2001. С. 206.

Ф. С. Эфендиев

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ БАЛКАРСКОГО ЭТНОСА И ПРОБЛЕМЫ ЕГО ДЕМОГРАФИИ

Тезисы выступления на
Международной конференции
«Горные страны: эволюция рас-
селения – этнокультурная моза-
ика – геополитика и безопас-
ность» 12–17 сентября 2001 г.
Ставрополь, государственный
университет.

Для нормального проживания и существования любого этноса нужна земля: определенная территория, система расселения и этнокультурные особенности. Северный Кавказ – уникальный полиэтнический регион, где веками проживают представители более 100 национальностей. Кабардино-Балкария является маленькой республикой в северокавказском регионе, в которой проживают в основном кабардинцы, балкарцы и русские, не исключая и многих других национальностей. Испокон веков эволюция расселения слагалась неоднозначно: кабардинцы занимали равнинные части, а балкарцы – горные районы и ущелья. Это в основном Баксанское, Чегемское, Черекское ущелья. Известные всем Чегемские водопады, Голубые озера, ущелье Адыр-Су с альпбазой «Уллу-Тау», красивейшая теснина Черекского ущелья, турбаза «Терскол» на склонах горы Чегет, туристические гостиницы «Чегет» и «Азау» в Баксанском ущелье – все это достопримечательности горных регионов Кабардино-Балкарии, куда приезжают отдыхать многие туристы из России, СНГ и зарубежных стран.

Интересно в связи с этим вспомнить и то, что этнокультурой балкарского народа в 30-е годы заинтересовался известный художник и архитектор Эммануил Бенционович Бернштейн, который исследовал и своеобразие архитектуры балкарского народного жилища на основе собственных натуральных зарисовок, выполненных в 1938 году. Изучая архитектуру балкарского народного жилища, он побывал в родных местах Кайсына Кулиева, его многочисленной старшей родни. В этой книге можно прочитать следующее: «Селение Эль-Тюбю (Верхний Чегем). Дом Ахмада Кулиева (рисунки 53–58). Усадьба расположена на правом берегу речки Джилги-Су – левого притока реки Чегем. На территории размером 19 на 30 метров расположен дом большой патриархальной семьи, к которому примыкает несколько «отоу» для новобрачных пар с пристенными очагами и без очага, и ряд хозяйственных построек с навесами перед ними, обращенными во двор. С западной стороны за пределами двора находится отдельный дом малой патриархальной семьи. В этом доме родился народный поэт Балкарии Кайсын Кулиев». [1]. Также подробно описана архитектура домов. В Чегемском ущелье – Дом Тамука Кулиева, находившийся тогда в северо-восточной части селения Булунгу, жилище Ахмана Кулиева, усадьба которого была расположена на правом берегу речки Джилги-Су – левого притока реки Чегем в селении Эль-Тюбю и дом Хаджимурата Кулиева с его различными пристройками – «отоу» и навесами для скота.

Современное состояние балкарского этноса в основном такое же, как было много лет назад. Балкарцы проживают по административному делению в основном в горных районах республики, находясь в тесной социально-экономической и культурно-политической связи с равнинными жителями: кабардинцами, русскими, горскими евреями, осетинами, казаками, украинцами, немцами, греками, турками-месхетинцами, татарами, грузинами, армянами и другими национальностями, проживающими в КБР. В конце 90-х годов XX столетия было принято называть эту республику «оазисом мира» и национального взаимопонимания. Того, что происходило в других республиках Северного Кавказа между осетинами и ингушами, чеченцами и иными этносами, в Кабардино-Балка-

рии не было. И почти до сих пор, то есть уже в начале XXI в. продолжает бытовать общественное мнение, что в КБР все по-прежнему относительно устойчиво и стабильно. Так, в газ. «Кабардино-Балкарская правда» от 4 апреля 2001 года сообщалось, что в республику прибыли сотрудники Комитета Совета Федерации России по делам Федерации, федеративному договору и региональной политике, интересовавшиеся состоянием межнациональных отношений в селах и городах КБР. Они побывали, в частности, в селении Нартан, которое является вторым по величине селением в Кабардино-Балкарии, где проживает более 12 тысяч жителей, в том числе представители 21 национальности. Глава администрации Аслан Урусов отметил, что национальный мир и спокойствие – не нартановский феномен, а всеобщее состояние, прочно утвердившееся по Кабардино-Балкарии. Однако следует отметить, как в других республиках Северного Кавказа, так и в Кабардино-Балкарии существуют свои специфические проблемы в совершенствовании межнациональных отношений. Поэтому требуется пристальное внимание к проблемам демографии и миграции. Это прежде всего – отток русскоязычного населения из республики. Особенно много уезжает горских евреев в Израиль и другие страны. Так, в республике было более 12 тыс. горских евреев, а осталось около двух тысяч человек. Это нежелательное явление, поскольку они этнопсихологически вписывались в этническую культуру кабардинского и балкарского народов и в течение многих веков проживали в Кабардино-Балкарии.

К дестабилизирующему фактору межнациональных отношений (как негативному явлению) относятся и потоки беженцев. Этот негативный факт в современной этнополитической ситуации возник в результате деления на «титulyные» и «нетитulyные» нации, на «коренных» и «некоренных» жителей. В основном это русскоязычное население, проживающее во всех республиках Северного Кавказа. Все это не способствует укреплению межнациональных отношений и стабилизации общественно-политической жизни нашего региона...

Этнических конфликтов и территориальных претензий в Кабардино-Балкарии не было и нет до сих пор. Но сейчас остро стоит вопрос о демографии балкарского эт-

носа. До выселения в 1944 году в Среднюю Азию и Казахстан балкарцы проживали в 97 селах. После возвращения на родину в 1957 году они стали проживать только в 29 селениях. В период депортации погибла почти половина населения. Исчезли из этнографии целые роды балкарских семей, и были разрушены около 60 населенных пунктов.

В настоящее время на демографию балкарского этноса негативно влияет ряд факторов. Во-первых, многие балкарцы не вернулись из Средней Азии и Казахстана, где они и теперь проживают, составляя более 10 тыс. чел. Во-вторых, в последние годы появилась массовая безработица в городах и селах КБР в связи с разрушением инфраструктуры сельского хозяйства, с остановкой заводов, фабрик истроек. Поэтому идет рассеяние балкарского этноса и нарушено компактное проживание населения. Небезынтересно будет привести следующие приметы о проживании балкарцев в различных республиках и городах России и СНГ. Так, по переписи 1939 года балкарцев было 42,2 тыс. чел. Из них в Великой Отечественной войне участвовало 12,7 тыс. чел. мужского населения, из них больше половины погибли. После возвращения из Средней Азии, по статистике, в 1959 году население балкарского этноса было 42, 4 тыс. чел. В годы депортации почти не было прироста населения. По переписи 1979 года, балкарцев было 59,7 тыс. чел., а по переписи 1989 года, — 70 793 тыс. чел. жили в Кабардино-Балкарии. За пределами республики проживало около 15 тыс. чел. Например, в Узбекистане живут 448 балкарцев, в Казахстане — 3 тыс., в Киргизии — 2,5 тыс., в Армении — 300, Азербайджане — 200, Грузии — 250, Латвии — 24, Литве — 9, Эстонии — 8, Таджикистане — 42, Туркмени — 65, Молдавии — 35, Белоруссии — 43, Украине — 244 чел.

В различных регионах Российской Федерации тоже постоянно проживают многие балкарцы: в Башкортостане — 31, Бурятии — 48, Дагестане — 83, Калмыкии — 11, Республике Коми — 149, Мордовии — 36, Северной Осетии — Алании — 135, Татарстане — 68, в Республике Тыва — 12, Марий Эл — 3, Карелии — 14, Удмуртии — 23, Чувашии — 8, Якутии — 77, в Республике Адыгея — 29, Карачаево-Черкесии — 402, в Хакасии — 30, в Ямало-Ненецком

автономной округе – 113, Ханты-Мансийском округе – 528 чел.

В других областях России проживает 5593 балкарца. Из них в Москве – 1110, в Санкт-Петербурге – 1300 чел.

Вышеприведенные примеры свидетельствуют о том, что в дальнейшем балкарский этнос станет еще меньше в численном отношении, так как усиленно идет ассимиляция, утрата родного языка и этнокультуры.

Предвизя это, известный балкарский поэт Кайсын Кулиев говорил в 1962 году на сессии языковедов, организованной АН СССР: «... Я помню: еще недавно раздавались голоса о том, что скоро умрут языки так называемых малых народов. Но нет таких пророков, которые могли бы предсказать день и час смерти каждого из наших языков. Не ими языки созданы, не им предопределять их конец. Это решит сама жизнь... Не будем пессимистами, но также не нужно лакировать ход истории, суровые и неумолимые законы, которые нам известны...» И говоря о роли родного языка в жизни нации, поэт далее подчеркивал: «...каждый язык – это живой мир, полный красоты и мудрости... Родной язык для каждого из нас – голос любимой земли и матери. Он бесконечно дорог нам, это наша песня и сказка, отчий дом и очаг. Его прекрасными словами мы выражали и выражаем нашу радость и страдания, нашу любовь и надежды».

В стихотворении «Родной язык» он писал:

И пусть балкарцев мало нас, но с детства
Не мыслим мы житья без слов твоих,
Не можем мы без твоего посредства
Оплакать мертвых, вразуметь живых.

Похожий на родные наши горы,
Великий, как любой язык земной,
Ты защищал нас, ты спасал нас в горе,
Как бурка от ненастья в час ночной.

Я скромный твой певец, но без оглядок
Тебя люблю я, чувств не деля,
Ты, словно голос материнский, сладок,
Прекрасен, как любимая земля! [3]

(Перевод Н. Коржавина)

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бернштейн Э. Б.* Архитектура балкарского народного жилища. М.: Международный фонд истории науки. Издат. «Дикси», 1993. С. 87, 88.
2. Там же.
3. *Кулиев К.* Собрание сочинений. В 3 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1977. С. 327.

Т. Е. Эфендиева

СЕМЬЯ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В ПОЭТИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ КАЙСЫНА КУЛИЕВА И РАСУЛА ГАМЗАТОВА

Из выступления на III Всероссийский научно-практической конференции «Культура как способ бытия человека в мире», организованной Томским госуниверситетом 13–15 декабря 2001 г.

В региональной художественной культуре и, в частности в северокавказской поэзии, семья как малая социальная группа воспета известными поэтами К. Кулиевым и Р. Гамзатовым. Не общность быта семьи воспевали они, а нравственно-этические и этнопсихологические отношения этой малой группы, основанной на кровном родстве.

Душой горского очага, его хранительницей во все века была Женщина-мать, многократно воспетая в прозе и поэзии. «Я знаю: если женщина жива, земля не может вымереть навечно», – писал Кулиев. Женщина в его поэзии, как и Расула Гамзатова, – это великая Мать, родоначальница жизни, в ее руках судьба детей, мирный очаг, счастье семьи. Женщина – чудо, и земная красота ее согревает и волнует сердце. Мать нельзя обижать, обманывать, поступать с ней неблагородно. «Тот час, когда я женщину обидел, всей жизни самым черным часом был», – укорял себя лирический герой поэзии Кулиева.

Гамзатов и Кулиев писали стихи о матери с некото-

рым упреком к самим себе и от этого стихи стали еще более искренними и душевными:

В мой легкий день я буду вспоминать
Пиры, где я плясал, и песен звуки.
В мой трудный день я буду вспоминать
Твое лицо и руки [1].

(Перевод С. Липкина)

Гамзатов воспел Мать в стихотворениях: «Горянка», «Звезда Дагестана», «Родина горца», «Веточка из аула». Такой же высокой человечностью, душевным трепетом чувств проникнуты и стихотворения Кулиева «Материнские руки», «Глаза матерей», «Матери», «Будь я живописцем, там, на скалах...», «Памяти матери». Почти через все их творчество прошел образ матери. Мать в их лирике, как и земля, несет благодать, она — начало жизни. Женщина-мать дает «истоки жизни каждого из нас» [2], чистоту стремлений («О матери и жены, — видно, чище нет наших душ, что вырастили вы» [3] и силу дерзаний «Слабые руки, вы силой своей нас окрыляли» [4]. Мать дарует жизнь человеку, ожидает его первые шаги и слова, она в большом и малом верна всю жизнь благородному назначению Человека.

Современная горская семья, как и любая другая, — не только определенное социальное пространство, где порой происходят и счастливые, и неизбежные драматические ситуации, но и интеллектуально-нравственный «полигон» бытия человека в мире. Так, в стихотворениях «Я тебе такую боль нанес...», «Неужели красота должна быть злой?» Кулиев обращался к сложным вопросам человеческих взаимоотношений, к семейным, житейским конфликтам, которые бывают почти в каждой семье, писал о трудном счастье, обманутом горьком чувстве и разрешал их в свете своих представлений о большой любви, совести и мужской чести. Обращаясь к жене, он как бы признавал свою вину:

Я тебе такую боль нанес,
Будто бы клинком удар неожиданный,
Так обидел я тебя до слез,
Что и сам страдаю, как от раны [5].

(Перевод С. Липкина)

У Расула Гамзатова есть подобные строки, в которых тоже сквозит вина перед той, которую порой незаслуженно обижал. Стихотворение Гамзатова «Когда ты уехала в горы...» о своей жене, когда она уехала на лето отдыхать. В одиночестве, вспоминая прожитое, он признавался в своей вине, укоряя себя: «Хоть обижал порой, но все же я тебя без памяти люблю» [6]. Перевел Я. Козловский.

В нынешней семье на Северном Кавказе большое внимание уделяется изучению родного языка, потому что он прежде всего поможет не забыть национальные духовные ценности и культуру предков. Алжанбек Магомедов пишет: «Родители учат детей родному языку в домашних условиях не потому, что думают над какими-то стратегическими гуманитарными проблемами, а потому, что это один из атрибутов самой жизни и культуры, на нем родителям легче выразить все свои разнообразные чувства и сформулировать распоряжения. В то же время они осознают, что родной язык обеспечит их детям «безболезненную» связь с родиной и родным народом...» [7].

Выражаясь языком поэзии, Кулиев писал о том же в стихотворении «Родной язык»:

И пусть балкарцев мало нас, но с детства
Не мыслим мы житья без слов твоих,
Не можем мы без твоего посредства
Оплакать мертвых, вразумить живых [8].

(Перевод Н. Коржавина)

Отмечая национально-эстетическую и общечеловеческую значимость подобных поэтических признаний, известный литературовед и критик Г. Ломидзе писал, что в этом стихотворении Кайсына Кулиева нет ни грамма национального высокомерия, желания рассматривать мир с позиции национальной исключительности. Первым непосредственным стимулом к написанию стихотворения «Родной язык» явилось твердое убеждение в том, что в родном языке слиты все запахи отчей земли, в его звучание все птицы на свете принесли свой звон. Языка не станет, хлеб не уродится, в ущельях не засветятся огни [9].

Люблю язык тех песен колыбельных
И сказок тех, что в детстве слышал я, —

писал Расул Гамзатов. Родной язык, по мнению поэтов, укрепляет нравственную и психологическую целостность народа и связь отдельной личности с ним. Он — исток жизни слова и дух народа, носитель его национальной идеи. Родное слово — это аромат определенного явления жизни и меткая характеристика предмета. Таким оно предстает в произведениях Гамзатова и Кулиева, в творчестве которых родной язык не просто звучащая материя, связывающая их с миром природы и народом, а близкое, дорогое существо, сыновняя любовь к которому пронесена через всю жизнь.

Кого-то исцеляет от болезней
Другой язык, но мне на нем не петь,
И если завтра мой язык исчезнет,
То я готов сегодня умереть [10].

(Перевод Н. Гребнева)

Эти строки стихотворения приведены из «Родного языка» Р. Гамзатова. Эта тема прослеживается в его поэме «Весточка из аула» (1961) и в «Моем Дагестане». В главе «Язык» поэт не просто объяснялся в любви к родной речи, он говорил и о великой силе родного слова, от которой зависят поступки людей, их судьба, симпатии и антипатии, чувства и мысли. «Мой родной аварский язык! Ты мое богатство, сокровище, хранящееся про черный день, лекарство от всех недугов. Если человек родился с сердцем певца, но немым, то лучше бы ему не родиться. У меня в сердце много песен, у меня есть голос. Этот голос ты — родной аварский язык. Ты за руку, как мальчика, вывел меня из аула в большой мир, к людям и я рассказываю им о своей земле... Я на своем языке могу сказать все, что захочу, и для выражения своих чувств и мыслей мне не надо другого языка».

Выступая на сессии языковедов, организованной АН СССР в 1962 году, Кулиев сказал: «Родной язык для каждого из нас — голос любимой земли и матери. Он бесконечно дорог нам, это наша песня и сказка, отчий дом и

очаг. Его прекрасными словами мы выражали и выражаем нашу радость и страдания, нашу любовь и надежды».

Как видно из этих поэтических и прозаических высказываний, поэты Северного Кавказа придавали большую роль родным языкам, и они были всегда объектом, возбуждающим глубокие патриотические чувства, национальную гордость и широкие раздумья о связи собственной судьбы и судьбы горцев с народами других стран. Вероятно, поэтому Расул Гамзатов считал:

И на берегах чужих морей,
В Сингапуре, в Токио – повсюду
Дагестанской песнею своей
Был понятен я простому люду [11].

(Перевод Н. Гребнева)

В современной семье на Северном Кавказе, как и в других национальных регионах Российской Федерации, родители уделяют по-прежнему большое внимание изучению русского языка. Он является государственным языком, вторым родным языком наряду с национальными языками. Билингвизм – национально-русское двуязычие – это закономерное и объективное явление в северокавказском регионе. В любой из национальных республик этого края билингвизм выполняет необходимые социальные и этнокультурные функции. Русский язык всегда выступал духовной опорой для нерусских людей, особенно для бесписьменных народов, которых на Северном Кавказе, например в Дагестане, – 21 (среди них – одноаульный-гинухский, на этом языке говорят около четырехсот человек). Русский язык служил для больших и малых наций средством приобщения к мировой культуре, к различным региональным национальным художественным литературам и искусствам.

Свои искренние чувства, свою любовь к русскому языку Кайсын Кулиев выразил в стихотворении «Учитель Борис Игнатьевич», а Расул Гамзатов – в стихотворении «Вера Васильевна».

От имени всех бывших учеников, которые изучали русский язык, Кулиев писал в начале 50-х годов XX в.:

Мне в сердце запали уроки,
Когда я впервые постиг
Зовущий, как мир, и широкий,
Чарующий русский язык [12].

(Перевод Е. Елисеева)

Те же общественные стимулы и личные чувства обусловили содержание и характер стихотворения Р. Гамзатова «Вера Васильевна». Поэт от имени бывших товарищей по учебе обращался к учительнице, открывшей им огромный мир знаний:

Верный друг, ты дала нам широкие крылья,
Ты для нас распахнула просторы земли,
Дети тех матерей, что свой век проводили
В тесной сакле,— мы нынче весь мир обошли [13].

(Перевод Я. Хелемского)

Поэтически-образное осмысление Кулиевым и Гамзатовым роли русского языка в жизни горцев и до сих пор, в период национального возрождения, в начале XXI в., имеет непреходящее значение в процессе формирования морально-психологического и духовно-политического облика молодого поколения тех горцев, которые достойно прожили свою жизнь в прошлом веке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кулиев К. Звездам — гореть! М., 1973. С. 215.
2. Кулиев К. Избранные произведения. В 2 т. Т. 2. М., 1970. С. 336.
3. Там же. С. 384.
4. Там же. Т. 1. С. 229.
5. Кулиев К. Собрание сочинений. В 3 т. Т. 1. М., 1977. С. 481.
6. Гамзатов Р. Высокие звезды. М., 1963. С. 64.
7. Магомедов А. Семья на Северном Кавказе. Ставрополь, 1999. С. 105.
8. Кулиев К. Собрание сочинений. В 3 т. Т. 1. М., 1977. С. 327.
9. Национальное и интернациональное в совлитературе. М., 1971. С. 29.
10. Гамзатов Р. Высокие звезды. М., 1963. С. 27.
11. Гамзатов Р. Четки лет. М., 1973. С. 234.
12. Кулиев К. Мои соседи. Нальчик, 1957. С. 28.
13. Гамзатов Р. В горах мое сердце. М., 1959. С. 198.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ И ЭТНОКУЛЬТУРА КАК СПОСОБ БЫТИЯ (О творческом сознании К. Кулиева)

Тезисы доклада 3-й научно-практической конференции «Культура как способ бытия человека в мире», организованной культурологическим факультетом Томского госуниверситета 13–15 декабря 2001 г.

Философско-культурологическое понимание бытия и его соотношения с сознанием означает и материально-предметную реальность и объективно-идеальное, то есть ценности этнокультуры, общезначимые моральные принципы, национальные идеи, категории научного знания и пр.

Проблемы социальной жизни и культуры как способ бытия человека в мире всегда волновали поэтов и затрагивали ученых, особенно когда подводились итоги на рубеже веков. «Стык веков и тысячелетий» в наше время оказался благоприятной основой для рассмотрения многих нравственных вопросов. Народный поэт Кабардино-Балкарии Кайсын Кулиев не жил в перестроечный период и в духовно обновленном российском обществе конца XX и начале XXI в. Своим глубоким творческим сознанием он не охватил социально-исторических изменений и общественных преобразований этого времени. Он умер в 1985 году, но XX в. с его экономическими и культурными взлетами и падениями, полувековым «торжеством» ленинских идей и драматическим бытием человека в этом мире, в котором жил и творил поэт, нашел художественное отражение. Социальная память и творческое сознание Кайсына Кулиева вобрало в себя все, о чем так образно писал аварский поэт Расул Гамзатов в стихотворении «Двадцатый век»:

Если бы были чемпионаты,
кто в веках по убийствам первый –
ты бы выиграл, век Двадцатый.
Усмехается Век Двадцать Первый.

Если б были чемпионаты,
кто по подвигам первый —
нет нам равных, мой Век Двадцатый!
Безмолвствует Двадцать Первый.

Художественное мышление писателя, как известно, — это художественное сознание эпохи, влиявшей так или иначе на самосознание отдельной личности и в целом на национальное сознание народа. Кайсын Кулиев был выразителем дум и чаяний людей своей нации, ее национальной гордостью и тогда, когда он молодым сражался на фронтах в годы Великой Отечественной войны (1941–1944) и писал военные стихи («Всегда гордился тем, что горец я!» (1942), и когда находился в Средней Азии с насильственно высланным народом, за которым он добровольно последовал, и в художественном слове выражал его тоску по родному краю в стихотворениях 1947 года «Когда мальчишкой вышел я во двор...», «Я слагаю песню о тебе...», «Смородина» (1948), «Говорю дождю» (1949), «Родной язык» (1955) и во многих других.

Кайсын Кулиев был истинным выразителем национальной идеи, которая всегда занимала и занимает видное место в этнополитике и этнокультуре, ибо национальная жизнь и духовная культура человека — взаимосвязанные процессы бытия. Национальная идея — это неотъемлемая часть духовной жизни нации; она определяет жизненную правду и художественную особенность всех видов национального искусства и литературы. Национальная идея является сущностью и одновременно условием полноценного бытия этноса, который имеет свои духовные ценности. У любого этноса складывается собственная система кодекса морали, отношений к природе, людям своей и чужой нации, к ее идеям. Кулиев как поэт-гуманист XX в. художественно отразил то, что пережили его современники. В стихотворении «Говорю моему поколению» он писал:

За нами грозная эпоха
К рассвету выхода из тьмы.
Но в свой короткий век неплохо
Трудились мы, сражались мы.

(Перевод М. Синельникова)

Обращаясь к молодому поколению, к тому, что будет жить в ХХІ в., горский поэт завещал ему нравственно-этические народные принципы бытия, то, что было дорого для поэта на протяжении его творческого пути:

Где б ты ни жил – в горах ли, у моря,
Ты мне брат, коль тебе дорога
Вся земля, если святы все взгорья,
Все низины, луга и стога.

На каком бы ни пел на наречье,
Все равно ты и брат мне, и друг,
Если ценишь ты труд человеческий,
Доброту человеческих рук...

(Перевод Н. Гребнева)

Отмечая особенности лирики Кайсына Кулиева в предисловии «Пространства поэта» к его собранию сочинений в трех томах (М., 1987), Чингиз Айтматов писал: «...Черпая вдохновение в прошлом и настоящем, поэзия предугадывает будущее, формирует историческое мироощущение поколений.

Духовное родство, которое Кайсын безошибочно обнаруживал у самых разных поэтов, укрепило в нем чувство мира как единого дома человечества. Естественно, что зародыш этого чувства – врожденная любовь к «малой родине, к Чегему, через который благодаря Кайсыну ныне пролегает одна из дорог современной мировой поэзии.

Расцветая, являя в своем мыслительном порыве идею всеобщности, чувство мира выводит дух человеческий на просторы вселенной...»

Мы считаем, что Кайсын Кулиев как феномен национальной культуры XX в. останется негаснущей поэтической звездой и в художественной этнокультуре ХХІ в.

В своем поэтическом слове многочисленных сборников стихов, в романе «Была зима», написанном им на русском языке, пьесе «Есть на свете любовь», в литературно-критических статьях, предисловиях и послесловиях к книгам в прозе и в сборниках стихов отечественных и зарубежных авторов, в многочисленной переписке с читателями, в публицистических речах на съездах писателей, на различных конгрессах и конференциях Кайсын Кулиев выражал идеалы людей, гуманные нормы об-

пественной жизни и прогрессивные идеи современности. Поэт резко протестовал против попрания истинно человеческого, отстаивал доброту и боролся за реалистическое искусство, которое способно показать в художественных образах правду жизни, какой бы она горькой и суровой ни была. Так, выступая на V съезде писателей СССР в 1971 году Кулиев сказал: «Поэзия с теми, кто идет впереди и творит жизнь. Ее задача искони – служить справедливости, быть опорой и поддержкой тем, кто несет знамя будущего. Поэту завещано бесстрашие. Слово его, может быть, нередко бывает горьким и трагическим. И этого не надо бояться» [1]. Национальная идея и этнокультура как способ бытия прошли в творческом сознании Кайсына Кулиева и нашли художественное отражение в сборниках «Горы», «Раненый камень», «Благодарю солнце», «Кизиловой отсвет», «Книга земли», «Весенний свет», «Живу среди людей», «Колосья и звезды», «Хлеб и роза», «Земля и песня», «Человек. Птица. Дерево». В них, по словам известного критика Владимира Огнева, – «...красота и правда, красота и земные заботы», которые всегда идут рядом [2].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кулиев К.* Так растет и дерево. М., 1975. С. 380.
2. *Огнев В.* О поэзии Кайсына Кулиева. Предисловие // Кулиев К. Избранная лирика. М., 1967. С. 9.

Ф. С. Эфендиев.

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В ПОЭЗИИ КАЙСЫНА КУЛИЕВА

Тезисы доклада Межвузовской научной конференции «Этноэкологическая культура и проблемы окружающей среды». Нальчик: КБГУ, 2001 г.

Экология как наука занимает умы многих ученых в различных областях знаний, и возникла она как результат роста не только общественного сознания, но и нацио-

нального самосознания. Формирование правильного экологического сознания является на пороге ХХІ в. одной из самых актуальных задач, потому что сейчас как никогда остро стоит проблема взаимосвязи общества с окружающей средой, этноприродой как домом бытия человека. Большая роль в решении многих вопросов, связанных с экологией, принадлежит художественной литературе.

Прозаики и поэты в своем художественном слове затрагивают важные вопросы о взаимосвязи человека с природой. Только одно перечисление имен известных писателей, таких, как С. Залыгин, В. Распутин, Ч. Айтматов, Р. Гамзатов, К. Кулиев, В. Астафьев, В. Быков, Д. Кугультинов, говорит о том, что многие их произведения являются важным фактором формирования экологической культуры, а их имена стали как бы символами борьбы за сохранение чистоты родной природы. Так, произведения «Материнское поле», «Ранние журавли» Ч. Айтматова, сборник стихов «Земля родная» Р. Гамзатова, циклы стихотворений «Мои соседи» М. Карима и К. Кулиева, сборник стихов «Сосна и береза» А. Кулешова, «Журавлиный крик» В. Быкова, «Засуха» А. Лупана, «Царь-рыба» В. Астафьева затрагивают проблемы влияния человека на природу, национальные традиции и значение экологической культуры в системе общественного сознания и национального самосознания.

Балкарский поэт Кайсын Кулиев всегда гордился природными памятниками, заповедниками и национальными парками Северного Кавказа. Он не раз бывал в Приэльбрусье, Теберде, Архызе, Домбае, в Дарьяльском ущелье. У Кулиева даже есть «Стихи, сказанные в Дарьяльском ущелье», в которых он говорил о своей любви к Кавказу и к его неповторимой природе. Вот эти стихи:

Облако стыло в небесной пустыне,
И в окружении скал
Пулей сражен был в Дарьяльской теснине
Я, словно князь Синодал.

.....

Кровь моя капала в горную реку,
И, не прибегнув к письму,

Шапку свою завещал я Казбеку,
Сердце — Кавказу всему [1].

(Перевод Я. Козловского)

Многообразие животного и растительного мира, ледниковых вершин, гор, уникальных ущелий, водопадов, горных долин, высокогорных пастбищ — всегда поражало воображение и буйную фантазию поэта, и он воспевал природу этих мест. Окружающая жизнь становилась источником его художественных образов, многообразных символов, начиная от философских, кончая тотемическими и зооморфными. «Пейзаж с осликом», «Чистота воды», «Пел в роще соловей...», «Пейзаж с мулом», «Птица, в небо уходя, поет...», «И абрикос в саду цветет опять...», «В саду не осталось деревьев», «Ночные звезды в небесах горят...», «Журавлиный клич», «Голубая река Теберда» — все они о взаимоотношении человека с природой, о том, как люди положительно или отрицательно относятся к сенокосным угодьям, животному миру, красоте горных речек и родников, берегут или губят окружающий мир. Поэтическое воззрение на окружающий мир легко можно увидеть в небольшом стихотворении Кулиева «Чистота воды».

Чисты будьте, воды родника,
И прозрачны многие века,
Сколько бы ни пролетело лет,
Сколько б вас ни постигало бед,
Крови сколько бы ни проливалось
Я молю, чтобы вовек осталась
Чистота, которой чище нет,
Чтоб и пастухов и плугарей
Вы дарили влагою своей [2].

(Перевод Н. Гребнева)

Разговор с природой у Кулиева — это своеобразная форма философских рассуждений о вечных вопросах бытия, — о жизни, смерти, любви, благородстве, о назначении человека и его призвании, обо всем, что может волновать и тревожить людей. Чем больше Кулиев стремился к убедительности и жизненной правде, тем больше он обращался к родной природе — горам, скалам, камням,

которые он с детства видел перед собой. И прототипы его художественных образов — это живые, конкретные соседи или аульчане — жители Чегема, знакомство с характерами и судьбами которых помогло Кулиеву создавать литературных героев. Это Азрет в поэме «Перевал», Такуш, ашуг Исмаил в «Чегемской поэме», старая Бисли, Хасан, учитель Азамат в поэме «Знамя» и др.; или окружающая природа, с которой мог поэт беседовать, переняв ее язык. Почти как у Тютчева:

Не то, что мните вы, природа —
Не слепок, не бездушный лик.
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык.

Кулиев, как многие классики русской литературы, задумываясь над явлениями природы, полагал, что природа — «не слепок, не бездушный лик». В стихотворении «Не верю тем, чьи никогда...» он писал:

Без грусти лист не упадет,
Без боли ветка не сломается,
Без тяжких мук не тает лед,
И льдом трава не покрывается [3].

(Перевод Н. Гребнева)

Кулиев — поэт-мыслитель. Его пейзажная философская лирика без природы и человека не мыслится. Но главное — это природа, она заставляет человека задуматься, посидеть у ручья или у подножия горы в тишине и подумать о себе и других, о хороших и дурных поступках, о нравственности и т. д. Название стихотворений говорит само за себя: «Раздумье у отцовского дома» («Дом и после меня сохранится...»), «Раздумье у реки Чегем» («С камня на камень — то зелен, то ал...»), «Раздумье у речки Жылги» («Река Жылги, чью воду я пил так много лет...»), «Говорю луне» («Ты, луна, земле не надоела...»), «Говорю морю» («Первый рассвет на Земле видевшие и Гомеру...»), «Говорю ночью с рекой», «Говорю одинокому дереву», «Говорю одинокой чинаре», «Говорю родной земле». Общеизвестно, что художественность без вымысла не существует. На то и поэты, чтобы в создании художе-

ственных образов был свой, неповторимый поэтический вымысел. Наследие Кулиева отличалось национальным своеобразием, и его стихи о природе и человеке не спутаешь ни с какими другими. В его поэзии природа занимает центральное место, и она выступает в большинстве случаев в качестве философского символа.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кулиев. К.* Собрание сочинений. В 3 т. Т. 1. М., 1987. С. 149.
2. *Кулиев. К.* Человек. Птица. Дерево. М., 1985. С. 187.
3. *Кулиев. К.* Благодарю солнце. М., 1969. С. 84.

Ф. С. Эфендиев

НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ И ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Тезисы выступления по секции: «Модернизация российского федерализма: этнический аспект» IV Конгресса этнографов и антропологов России. Москва, 2001 г.

Модернизация российского федерализма конца XX в. повлияла на многие социально-политические явления общественной жизни и, в частности, на национальное самосознание и этносоциальные процессы.

Этносоциальные процессы имеют большое значение в структурном обновлении и изменении национального сознания и самосознания. На Северном Кавказе они резко обострились в связи с распадом СССР, когда произошло крушение идеологии и духовной культуры всех народов, входивших в Союз. Но самое тяжкое было, потерять прежние и диалогические ориентиры. Эта потеря нанесла немалый урон национальному самосознанию, его структурному обновлению.

Структурное обновление национального самосознания этносов северокавказского региона в современных условиях происходит очень медленно, так как оно отягощено многими изменениями в области развития теперешней

экономики, этнополитики, этнокультуры, межнациональных отношений и другими объективными субъективными факторами.

Национальное самосознание является единством общественного и индивидуального, социально-классового и национального, которое по-разному объективизируется в межличностных отношениях и существует в социальной памяти, передается из поколения в поколение в субъективной или в объективированной форме этнокультуры, этнополитики.

Национальное самосознание в качестве неотъемлемого элемента своего содержания должно иметь общечеловеческие качества и ценности, учитывать общенациональные интересы, в противном случае гипертрофирование, обращенность национального сознания только на особенное в жизни нации может привести к национализму, нежелательному явлению, проявившемуся в делении на «титульные» и «нетитульные» нации, на «коренных» и «некоренных» жителей. В основном от этого пострадало русскоязычное население, проживающее во всех республиках Северного Кавказа. Именно «некоренные» нации составляют наибольший процент беженцев с деформацией национального духа, национального сознания и самосознания, так как они ущемлены в своих правах.

Федерализм современной России – это, по словам Рамазана Абдулатипова, демократическая форма государственного обустройства всех народов, и постконфликтное укрепление российской государственности на Северном Кавказе должно идти от реальных проектов к политической воле и объединению народов на основе доверия, взаимопонимания и равноправия. Эти слова процитированы из монографии Рамазана Абдулатипова «Национальный вопрос и государственное устройство России», вышедшей в Москве в 2000 году. Эта книга уникальна тем, что написал ее известный политический деятель, один из компетентных в вопросах национальных отношений российский ученый. Это издание является хорошим учебным пособием для всех, кто изучает новейшую историю нашей страны, ее политические реалии. Особый интерес книга представляет для преподавателей-этнополитологов и студентов, изучающих этнополитические проблемы.

Этнографы и антропологи тоже интересуются историческими реалиями и перспективами развития Российского государства, как и все мы, ученые-культурологи и философы.

На IV Конгрессе этнографов и антропологов, мне бы хотелось закончить свое краткое выступление словами замечательного балкарского поэта XX в. Кайсына Кулиева, который в стихотворении «Жить, удивляясь» (1961) писал, обращаясь к нам, ученым:

Блистают звезды, цвет меняют горы,
Снега сползают, розы опадают,
Мне очень жалко тех людей, которых
На свете ничего не удивляет.

Рождаются великие творенья
Не потому ли, что порою где-то
Обычным удивляются явлениям
Ученые, художники, поэты...

(Перевод Н. Гребнева)

Космокультурная парадигма в философском понимании касается и формирования нового самосознания и этносоциальных процессов. Все взаимосвязано в концепции развития духовного феномена материальной и социокультурной жизни людей. Вероятно, это понимал своим глубоким умом Кулиев, когда писал в стихотворении «Говорю философу» (1966):

Ты твердишь, что мир наш стар и сед.
Стану спорить я с тобой едва ли.
Но смотри: звезда бросает свет,
Озаряя землю, как в начале.

.....

Нету старых слов и старых снов,
Ново все, что холодит и греет,
И готовность дать бездомным кров,
Дать голодным хлеб — не устареет.

(Перевод Н. Гребнева)

ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА КАК ФЕНОМЕН СОЦИАЛЬНОГО БЫТИЯ БАЛКАРСКОГО НАРОДА И ЕГО ИДЕАЛЫ

Тезисы доклада, представленного на Вторую научно-практическую конференцию «Синтез в русской и мировой художественной культуре», посвященную памяти Алексея Федоровича Лосева. Москва. Управление Совета по педагогическому образованию. 6–7 декабря 2001 г.

Этнокультура балкарского народа – древнейший пласт и неотъемлемая часть северокавказской цивилизации. В своем развитии она как духовный компонент бытия прошла те же стадии в едином историко-культурном пространстве, что и национальная культура малочисленных народов Северного Кавказа. «Культура становится тем понятием, с помощью которого пытаются объяснить все феномены общественного бытия» [1], – утверждает кандидат философских наук Р. Н. Ким.

Яркими выразителями духовной культуры как феномена социального бытия балкарцев в XX в. явились основоположник балкарской литературы Кязим Мечиев (1859–1945) и его талантливый ученик Кайсын Кулиев (1917–1985), в поэтическом творчестве которых художественно запечатлены общественные идеалы времени и духовные искания творческой интеллигенции балкарского народа. Оба поэта прошлого века шли от идеи коллективизма и осознанного подчинения интересов отдельного человека обществу. Особенно это было ощутимо в поэтическом творчестве Кулиева – в стихах на тему о дружбе и братстве народов России, о единстве поколений советских людей, о прочности мира на земле. Поэты нашей страны писали в духе той идеологии, которая прочно укоренилась в сознании художников слова. Тема мира была центральной в советской поэзии. Остается она актуальной и по сей день. 56 лет россияне прожили без

войны после победы в Великой Отечественной войне, но в отношении дружбы и братства народов многонациональной России ситуация в конце XX и начале XXI в. принципиально изменилась. Претерпели изменения и социальные идеалы.

Социальные идеалы Кязима Мечиева и Кайсына Кулиева в той эпохе, в которой они жили и создавали общепризнанные духовно-нравственные ценности. Идея общественного долга, гражданской обязанности и гуманизма была ведущей в их поэтическом творчестве. Эти идеи были художественно воплощены в поэмах К. Мечиева «Тахир и Зухра», «Раненый тур», с их трагическими мотивами, «Бужжигит», с проблемами бессмертия творца, и К. Кулиева «Чегемская поэма», «Говорю родной земле», «Знамя», «Перевал», «Золотая свирель».

По нашему мнению, К. Мечиев в начале и вплоть до середины XX в. был выразителем национальной идеи, умонастроения балкарцев, их образа мышления и психологического склада нации. При этом поэт-мыслитель явился и выразителем специфических черт горской ментальности и стремления народа к религиозной свободе. Вера всегда являлась важнейшей составной частью менталитета балкарского народа и изначально присутствовала и присутствует в человеческом сознании. В художественной концепции личности Мечиева есть нечто высшее, духовное. Поэт-философ любил в человеке Бога и думал о всеединстве человеческого рода. Это он сказал: «...одна вера, одно небо и один дом у человечества» или «Мы – братья одной веры». В земном человеке Мечиев художественно воплощал свой идеал и углублял нравственный смысл мусульманских заповедей типа «не убий!», «не укради!», «не лги!» и т. д. Все это имело этический смысл только в контексте его философской лирики («В этом мире радости мало...», «Мой старый кувшин») и в отдельных высказываниях, к примеру, «Я всегда знал огромность и единственность Аллаха» или: «Много я говорил с Аллахом, верил – и народ за мной (к его слову) придет...»

После К. Мечиева восточная нравственно-философская мысль нашла художественное воплощение в творчестве К. Кулиева как и многие его гуманистические и граж-

данские традиции. Кулиев, как и Кязим Мечиев, опирался на идею «разума» и всеобщей любви ко всему живому. Однако Кулиев – поэт не только рационалистического типа и представитель той же культуры, которая создается на основе общественных идеалов. Его стихи преимущественно лирические, в основе которых лежит чувство и авторское «я». В них поэт художественно воплотил мир индивидуального бытия человека, поэтому читающему стихи Кулиева кажется, что он выразил его переживания, личные думы и мысли. Вот стихотворение Кулиева «Еще звезда погасла» (1979):

С каждым годом старость ближе, ближе,
От нее спасения не вижу,
В дверь мою стучится ежечасно.
Год прошел. Еще звезда погасла.
Минул год, но им обижен не был –
Благодарен я земле и небу,
Звездам и цветам, листе и морю,
Пиам гор в заоблачном просторе...

(Перевод Я. Акима)

Или:

Изведаль я бездомных обреченность,
Я дни считал, как птиц считают черных.
Но и тогда я радовался свету,
Дождю и звездам, раннему рассвету... и т. д.

(Перевод Я. Акима)

Идеалы, созданные К. Мечиевым и К. Кулиевым в процессе социально-философского осмысления бытия и их художественного отражения, составили основу духовной жизни балкарского народа, его общественной мысли. Они определяли уровень духовности своего народа и его социально-историческую миссию на земле. Их чувственный социокультурный мир поэзии многогранен и неповторим, с творчески усвоенными элементами поэтических традиций Востока, и национально самобытен. Созданные ими художественные образы являются новаторскими и вызывают восхищение тех, кто глубоко понимает назначение искусства.

Я над раненым камнем, склонясь горевал.
Почернел он от горя и слез...

Или строки стихотворения «Раненый камень» (1964):

Война бедой не обошла и камень.
Когда в горах пылало все огнем,
Он был контужен, обожжен и ранен,
Следы от пуль еще видны на нем...

(Перевод Н. Гребнева)

По поводу художественного образа-символа «раненый камень» французский писатель Робер Мерль писал Кулиеву: «Не нужно забывать, что литература и искусство должны приносить людям большое эстетическое наслаждение. Например, когда Вы в своем письме говорите о «боли раненого камня», я нахожу, что это превосходное выражение. Оно принадлежит искусству, поскольку рождает эстетическое наслаждение». Камень как символ человеческого мужества, терпения и стойкости был воспет не раз Мечиевым и Кулиевым, опиравшимися на родной фольклор и его художественные традиции. Феноменология мышления этих известных балкарских поэтов основывалась на народном миропонимании и народном мировосприятии. Этнофилософия горцев нашла яркое художественное выражение в их поэтическом творчестве.

Кязим Мечиев не раз призывал своих земляков – каменотесов и чабанов, охотников и дровосеков – быть выносливыми, смелыми, мужественными и стойкими, какие бы беды ни обрушивались на них. У народа нет легкой судьбы, у отдельного человека тем более. На фоне красивой природы слагались грустные строки:

Над моими синими горами
Ночь стояла. Нашей жизни пламя
Было вечно залито слезами, –
Ночь стояла темная над нами.

(Перевод Н. Стоярова)

Слово Мечиева, по мнению К. Кулиева, внушало достоинство и стойкость. Вот одно из его знаменитых на родине четверостиший [2]:

Кругом жестокий вихрь, тяжелый снегопад,
Но горы, как всегда, без трепета стоят.
В годину бедствия, тревоги и невзгод
Учись у наших гор, несчастный мой народ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Интеллигенция в судьбах России на рубеже XX и XXI в. М. – Улан-Удэ, 2000. С. 24.
2. Кулиев К. О Кязиме Мечиеве // Мечиев К. Стихи. М., 1970. С. 7.

С. И. Эфендиев, Ф. С. Эфендиев

ЗАВЕЩАНИЕ К. Ш. КУЛИЕВА КАК ИТОГ ЕГО ЗЕМНОЙ ЖИЗНИ

Выступление на Российской научной конференции «Северный Кавказ: геополитика, история, культура» 11–15 сентября 2001 г. в Ставропольском государственном университете.

Мусульманско-христианские идеи о жизни и смерти были близки Кайсыну Кулиеву, и мы считаем, что их рассмотрение было бы интересным не только в философско-этическом плане, но и в историко-нравственном ракурсе.

В стихотворении «Пусть мы умрем, но навсегда...» (1964) Кулиев писал:

И завещаю мир живым,
Я буду, может быть, счастливей,
Поверив, что он будет к ним
Добрей, чем к нам, и справедливей.

(Перевод Н. Гребнева)

Обращаясь к далекому прошлому своих предков – половцев, Кулиев в цикле стихов «Половецкая луна» (в переводе М. Дудина) не столько поставил вопрос об этногенезе балкарцев, сколько призывал их освободиться от

земной суеты и духовного рабства. Поэт-гуманист XX в. осуждал половцев за безрадостные картины разорения городов, цветущих нив и бесчисленные кровопролития. Все это вызывало справедливую горечь потомка, который судил прошлое строгим судом: «Я знаю вашу храбрость. Но у вас я не нашел Спинозы и Шекспира». Таким укором пронизаны строки цикла стихов, в которых поэт выражал свое представление о сути и смысле человеческого существования — «Те, что шли через гибель под ликом твоим, на земле этой сами оставили что-то?»

В философском плане поэт принимал жизнь как перспективу творчества, созидания материальной и духовной культуры. Поэтому, подводя итог своей земной жизни в стихотворении «Работа» (1968), он писал:

Пусть, завершая путь земной,
Пойму, что сделал я лишь малость.
Но то, что сделал я, осталось,
И нету мудрости иной.

Так пусть до рокового дня
Я буду в силах делать что-то.
Храни меня, моя работа,
Спаси меня, спаси меня!

(Перевод Н. Гребнева)

Земное бытие Кулиев воспринимал как естественную смену поколений, их преемственность в развитии национальной культуры, литературы, искусства. С душевным спокойствием поэт говорил об этом непреходящем, объективном законе жизни в стихотворении «Возражение философу» (1968):

Нет, не все за роковой чертою
Кончится, исчезнет на века,
И трава, что пала под косою,
Станет звонкой струйкой молока.

Упадет солдат на поле боя —
Выйдет в поле сын его под стать,
Засияет чистой красотой
Девушка, похожая на мать.

Поэт советской эпохи не просто отчетливо декларировал свои заветы потомству и свои взгляды на проблемы бытия, а просто делился своими мыслями с близкими по духу и вере людьми. Кулиев никогда не писал в канонах господствующей идеологии государственного атеизма, никогда не выступал против религии и всегда соблюдал обычаи и ритуалы мусульманской религии. Он был свободен, как заметила одна из поклонниц его поэзии, «...свободен, как ветер». Господствовавший атеизм советского периода не уничтожил глубинное чувство веры в Кайсыне. У него никогда не было неверия и отчаяния. Пройдя через горнило страданий в годы Великой Отечественной войны, насильственной высылки родного народа и, особенно, через мучительные боли в последний год жизни (1985, Кулиев знал, что болезнь его неизлечима), он с терпением стойка писал светлые, лучезарные стихи, особенно посвященные любимой женщине в цикле стихов «Мой поздний свет», помещенных в его последней книге «Человек. Птица. Дерево» (1985). Прощание навсегда с человеком, когда один уходит, а другой остается, всегда ведет к непосильному страданию, но в общении с другом поэт обретал душевное спокойствие: «...Горестный и усталый, я к тебе прихожу, — и мир и спокойствие в душу мою возвращаются снова...»

Старость, близость мрака ночи как предчувствие собственной смерти отодвигались на второй план, и страх сменялся чувством любви к другому существу:

Горечь постаренья, близость ночи,
То, что снег заносит все пути,
Что земное счастье дня короче,
Дай забыть и душу освети!

(Перевод М. Синельникова)

Философско-религиозное мировоззрение Кулиева формировалось под влиянием, во-первых, восточной культуры, религии ислама, духовная сила которого всегда играла положительную роль в нравственном складе мусульман. Во-вторых, на стиль мышления горского поэта оказала большое влияние русская философия, особенно языческая и христианская стихия поэзии Ф. И. Тютче-

ва и православно-этические мотивы поэзии А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова, которых Кулиев очень любил и писал об этом не раз.

Поэтическое завещание Кайсына Кулиева не противоречиво, оно глубоко гармонично в осмыслении человеческого бытия. Именно эта духовно-нравственная гармония чувства и ума покоряла читателей в стихотворениях «Меня схороните у скал...» (1975), «Вы не плачьте в день моей кончины...» (1975), «О бессмертье думать мы не будем...» (1973), «Как в роще за рекой уже давно...» (1973), «Проходят дни, им надлежит меняться...» (1973), «Ушел твой полдень, наступил твой вечер...» (1972) и др. В стихотворении «Вечер» (1971), он писал:

Прошел мой полдень, здравствуй, вечер мой!
Длинней ты будешь или же короче,
Нет у тебя вины передо мной,
Неотвратима смена дня и ночи.

(Перевод Н. Гребнева)

Это написано о старости, хотя Кулиеву в это время было только 54 года и жить ему оставалось 14 лет. Но уже тогда он желал: «Мне наглядеться бы, пока не поздно, на все, что суще, что видеть рад. Мне наглядеться б на луну и звезды, на горный снег и зимний снегопад...» Философским умом он понимал, как скоротечна человеческая жизнь: «Жизнь коротка, а время бесконечно». Все быстро проходит. Размышляя о смысле жизни, о назначении человека, Кулиев помнил и о смерти, но лишь потому, что стремился успеть побольше сделать для своих близких, семьи, для сыновей и дочери. Время уходит безвозвратно, а у него еще столько творческих планов и желаний!

Уплотненность прошлого создавала в его стихах ощущение длительности. Поэт был всем: «пахарем, солдатом и поэтом» и столько пережил горя, счастья, бед, что казалось порой на свете этом он «прожил десять тысяч лет». Понимал поэт и то, что не сможет однажды встретить весну, почувствовать жажду, вкус земной соли и меда, не сможет греться в холод у костра, не услышит «Смех детей в саду», забудет тепло материнских рук и добрые руки жены.

Не встречу я первого снега
И с черной папахи своей
Морозного белого меха
Страхнуть не смогу у дверей.

«Весны я не встречу однажды...» (в переводе Я. Козловского) – одно из грустных поэтических произведений поэта. Написано оно в 1960 году, поэт был в зените славы и почета, но и тогда задумывался о печальных днях старости.

Твоя дорога, старость, коротка –
Не далее, чем от плетня до грядки.
И сладкая еда тебе горька,
И горькие воспоминанья сладки.
...Ты – мертвый остров, где из-под земли
Не бьют ручьи, где не зимует птица,
Куда не приплывают корабли,
Где нет травы и злак не колосится.

(Перевод Н. Гребнева)

Это стихотворение так и называется «Старость» (1964). В нем образ старости и смерти зрим и реален. «Старость для меня ужасная вещь. Я много думаю о ней, – признался однажды Кулиев. – Смерть близких, гибель людей на войне, стихийные катастрофы в мире – все это остро переживается. И все переживания равны, у сердца нет и не должно быть больше-меньше.

И вообще, художник должен быть плененным всем, что есть на земле: дождем, снегом, цветением алычи, сумерками над горами, белизной снега, чудом самой жизни. Все это уйдет от нас, то есть мы уйдем, а мир останется. Разве это не потрясение? Я не могу не думать об этом» (Кулиев К. Поэзия – жизнь // Литгазета. 1975. 1 янв.).

Кайсын Кулиев много думал о смерти и писал о ней, но его не волновал вопрос, как, скажем, Тютчева, который писал жене в одном из писем: «...что все это значит и каков смысл этой ужасной загадки?». Поэт первой половины XIX в. Баратынский тоже мучился загадкой смерти и мрачно писал о ней в одном из стихотворений:

Ты всех загадок разрешение,
Ты разрешение всех цепей.

(«Смерть»)

Для балкарского поэта важно было другое: встретить смерть достойно и умереть мужественно. Так, в стихотворении «Говорю моему поколению» есть раздел «В последний бой» (это тоже поэтическое завещание поэта), обращаясь к своему другу Михаилу Дудину, поэт с горечью констатировал:

Ну вот и наши сумерки настали,
Стучится старость в двери к нам, а мы —
Что так и будет, мы об этом знали
И вот дождались голоса зимы.

.

И как с врагом когда-то перед боем
Лицом к лицу стояли, так сейчас
Мы перед смертью встанем редким строем, —
Не для того ль и закаляли нас?

Но об отваге речь! И маломощный
В последней схватке бьется как герой.
Жизнь, дай нам силы, чтобы в час полночный
С достоинством принять последний бой!

(Перевод О. Чухонцева)

М. Дудин не раз говорил, что к болезням и смерти Кулиев готовился как философ-стоик хорошо знал заповеди Корана и слово о терпении и покорности воле Всемилостивого Аллаха. В «Больничной тетради» (1985) поэт почти ничего не сказал о своих религиозных переживаниях. В стихотворениях «Вдали от Чегема», «Фотография внука», «Гамлет», «Два голоса в ущелье», «С добрым утром, любовь человека!», «Мой посох», «Трудные вопросы», «Ночью перед операцией», «Будь со мною, мужество!», «Восславь побуждающих боль», «Не поддаваться бессилию», «Ночь тревоги» и др. Кулиев писал не только о своей душевной боли, о предсмертной тоске по всему живому. Основное в них — принять смерть мужественно, так,

как его учили горцы-старики. И поэт не забыл их завет:
«Ваше слово я вновь поневоле повторяю, как давнюю роль:
«Дай, судьба, избавление от боли и восславь побеждающих
боль!» Или:

Всем смертным страх присущ, но в том и суть,
Что храбрость – это только одоление.
Пусть хватит сил мне встать на этот путь.
Всегда со мною, мужество, пребудь
И неперенный спутник твой – терпенье! [1]

(Перевод Н. Гребнева)

Стихотворение «Будь со мною, мужество!» написано в 1985 году и его можно считать одним из лучших в цикле стихов «Больничная тетрадь», в которых поэт неординарно мыслил о жизни и смерти, продолжая в этом плане традиции лучших русских поэтов XIX в. Е. А. Баратынского, А. С. Пушкина, Ф. И. Тютчева, М. Ю. Лермонтова.

Кулиев – поэт не только сильного и искреннего чувства, но и глубокой мысли, одаренный философским складом ума. Так, стихотворение «Будь со мною, мужество!» начинается, казалось бы, очень просто, с рассуждения о смерти:

Рождался ли храбрец на этой тверди,
Чтоб смерти не боялся бы вовек,
Смерть всех страшит с тех пор, как человек
Познал, что он не наделен бессмертьем.

(Перевод Н. Гребнева)

Кулиев никого не повторял из классиков русской литературы, ибо он мыслил по-своему и был оригинальным во всех своих суждениях, национально самобытным, независимо от того, о каких философско-этических проблемах он говорил. Гармония его философских стихов поражала современников живостью и точностью выражения. В них не было сомнения, пессимизма и отчаяния. Обратимся ко второму четверостишию:

Страх смерти свят, поскольку человечен,
И нас, людей, судить за это – грех.
Страх смерти всем живым сгибает плечи,
Но пригибает до земли не всех.

Как видно, здесь выработаны твердое и правильное мировоззрение и миропонимание, поэтому и концовка стиха о понятии своего жизненного долга в конце пути: «Всегда со мною, мужество, пребудь и непрменный спутник твой – терпенье!»

Завещание Кайсына Кулиева как итог его земной жизни – это не религиозные убеждения поэта, но и в нем можно найти его суждения о вере. Он не писал стихов о том, что миром правит благая и мудрая воля Бога, Всесильного Аллаха, но среди лирико-философских произведений Кулиева есть много и религиозных мотивов, морально-этических заповедей мусульманской и христианской религий. Кулиев много писал о нравственно-духовном, об обретении души, спокойствия и об укреплении духовного прибежища человека в последние дни его земной жизни. Поэт хорошо знал и понимал человеческую природу, поэтому он и оставил нам свое духовное завещание.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кулиев К.* Человек. Птица. Дерево. М., 1985. С. 245.

С. И. Эфендиев

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ КАЙСЫНА КУЛИЕВА (По архивным материалам)

Наследие К. Ш. Кулиева представляет собой целый мир духовных ценностей. Его творчество высоко оценили известные прозаики, поэты, художники, композиторы, артисты, ученые, военачальники, многочисленные читатели и крупные, общественно-политические деятели второй половины XX в. Их высказывания о К. Кулиеве мы считаем огромным кладом прекрасных человеческих мыслей. «Мы должны сохранить память не только о деяниях людей, – писал известный английский философ Френсис Бэкон, – но и об их словах. Настоящее хранилище этих слов – это сборник речей, посланий и изречений» [1].

Кайсын Кулиев имел обширные связи и переписку со многими людьми России, СНГ и зарубежных стран. «Человек ведет переписку со всем земным шаром, — писал Козьма Прутков, — а через печать сносится даже с отдельным пространством».

Верно говорят, что великие добрые люди не умирают, их бессмертный дух воплощается в книгах и живет вечно. Именно таким человеком был Кайсын Кулиев, который всей своей жизнью и творчеством призывал к добру, совести, справедливости и гуманизму.

Исходя из этого, в этот том мы включили оценки многочисленных людей, их поздравления и послания великому балкарскому поэту. Это является ярким свидетельством всеобщей любви к нему, его широкой популярности, огромного авторитета, которые он завоевал при жизни своим могучим талантом и бессмертной поэзией среди миллионов читателей Советского Союза и многих зарубежных стран. Об этом говорят многие архивные источники и география адресов этих посланий поэту. Общеизвестно, для культуры не существует дальних расстояний, ибо она не может находиться в изоляции, так как не имеет границ. Художественная культура распространяется как объективная закономерность в пространстве и во времени в каждую историческую эпоху. Пример этому — история развития мировой художественной культуры, ее преемственные национальные связи и общечеловеческий характер.

Кайсын Кулиев — это невиданный, уникальный феномен в истории балкарской художественной культуры. Он творчески усвоил европейско-всемирную культуру. Его национально-самобытная проза и поэзия — это богатая духовная культура и этнофилософия балкарского народа.

В XXI в. будет идти более глубокое социально-философское осмысление учеными-исследователями значимости поэзии Кайсына Кулиева, его идей гуманизма, всеенского характера миропонимания и мировосприятия. «Великие люди, подобно звездам, часто обращают на себя внимание только тогда, когда они погасли», — писал философ П. Буаст.

Огромную роль в развитии балкарской литературы сыграли два доклада Кайсына Кулиева. Первый доклад

был сделан в 1939 году на заседании Союза писателей КБАССР, а второй доклад — в 1958 году на III съезде Союза писателей Кабардино-Балкарии, спустя 19 лет, после того, как поэт и его народ вернулись из Средней Азии и Казахстана. В них были определены основные жанры и пути развития балкарской литературы. Поэт убедительно говорил о единстве содержания и формы национальных произведений, этнотематике и проблемах, о языке и средствах образной выразительности родного слова, подчеркивая при этом роль вековых традиций и обычаев, о способах построения национальных образов и художественных методов.

После его докладов в национально-историческом сознании балкарской художественной интеллигенции наметились новые направления, о которых говорил Кулиев в своих докладах. Количественный и качественный рост молодых литераторов особенно был замечен в 60-е годы. Этому способствовала и духовная атмосфера, которая создавалась вокруг такой одаренной личности, как Кайсын Кулиев, который помогал росту молодых талантливых писателей и поэтов.

Возвращение на родину после 13-летней ссылки и восстановление справедливости балкарский народ воспринял как эпохальное событие в его общественно-исторической и культурной жизни, как великое дело освобождения от морального унижения и оскорбления национального достоинства на чужбине. Постепенно шло духовное возрождение нации и общий подъем образования и этнокультуры. В этих процессах самое активное участие принимал Кайсын Кулиев. Он был интегрирующим фактором и духовным лидером во многих преобразованиях социально-культурной жизни балкарского народа. Верно говорил Жан-Жак Руссо: «Лишь великие события создают великих людей» [2].

Хотелось бы особо подчеркнуть, что его научно-обоснованные, острые полемически и бескомпромиссные критические выступления с глубоким анализом причин, тормозивших долгие годы развитие балкарской литературы, а также его ответы оппонентам и партийным функционерам на выездных заседаниях бюро Союза писателей РСФСР сыграли большую роль в развитии балкар-

ской литературы. Так, в октябре 1959 года в г. Нальчике и г. Тырныаузе проходили заседания бюро Союза писателей РСФСР, на которых остро стояли различные вопросы о дальнейшем развитии национальной литературы. На этих заседаниях с докладами выступил Кайсын Кулиев. Он говорил о самобытности культуры каждого народа, национальных традициях и непрерываемых связях с народными корнями и историей этноса. Большое внимание Кулиев уделил развитию поэтических родов и видов (эпических жанров, лирических и драматических) и подчеркнул, что, хотя у балкарцев сейчас недостаточно прозаических произведений, но в дальнейшем «проза будет развиваться через поэзию».

Кайсын Кулиев вошел в систему мировой художественной культуры благодаря своей удивительно прекрасной поэзии, которая была создана на национальной почве и творчески усвоенных традициях мировой лирики.

О его поэтической значимости свидетельствуют многочисленные высказывания, поздравления, послания различных людей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Философская мысль в афоризмах IV–XVIII вв. СПб.: Паритет, 1999. С. 11.

2. Там же. С. 30.

* * *

«Прекрасный балкарский поэт К. Кулиев. Подлинный горец и подлинная поэзия».

*А. А. Фадеев,
писатель*

1943. Москва

«Сейчас я стал переводить твои новые стихи: «Глядя в темную даль», «Цветы», «Песня о голубых глазах». Говорю без комплиментов: среди них есть маленькие шедевры. Я люблю твои стихи за полноту мысли и чувства, что, увы, не часто в нашей поэзии...»

*Дмитрий Кедрин,
поэт*

9 марта 1944. Москва

«Кайсын Кулиев – огненное сердце Кавказа, огромный талант, в котором есть доброта и сила. Он яркий представитель мужественных горцев».

*Елена Дмитриевна Стасова,
ответ. работник ЦК ВКП(б)*

1943. Москва

«В годы Великой Отечественной войны поэзия Кайсына Кулиева становилась выражением патриотических чувств и настроений всего сражающегося народа».

*Сергей Иванов,
литературный критик*

25 декабря 1942. Москва

«Ты настоящий поэт, и поэт большой. Большой поэт, вышедший из Среды маленького народа, численно маленького. Не будет преувеличением твоих скромных трудов, если мы скажем: балкарцы имеют свою художественную литературу, стоящую на достаточно высоком уровне... В этом львиная доля принадлежит тебе. Ты будешь знаменем нашей литературы».

*Керим Отаров,
поэт*

14 декабря 1943. Нальчик

«Кайсын Кулиев – талантливый поэт и стихи его поражают глубиной мысли».

*Константин Симонов,
известный советский писатель*

11 июня 1947. Москва

«Кайсын Кулиев и его поэзия – это великая жажда жизни и огненный темперамент».

Борис Пастернак

1943. Москва

«Дорогой Кайсын! Я читал Ваши стихи в переводах Елены Дмитриевны Орловской жене Тацциана Табидзе. Она соглашалась с моим потрясенным восхищением. Все это очень и очень хорошо. Это не только выношено и выражено с большой потрясающей силой, это каждый раз ее новый образ в той или иной форме прометеевой скованности и неволи...

Елена Дмитриевна права, выделяя стихи, которые Вы написали в день рождения, и стихи, написанные мне. Они хороши сверхъестественно, но я ставлю рядом и «Я хочу, чтоб было так», «Вечером, когда листья падают», и «Видя, как идет дождь».

Между прочим, несмотря на лучшие наши гетевские переводы, персидской и арабской лирики, несмотря на Саади, Омара Хайяма и др., на Ваших примерах я впервые в жизни понял, открыл и испытал на себе действие и природу этих газелеобразных возвращений и повторений, трагическую естественность и победоносность этой формы, так сказать, роковой, заклтый ее ход. Все это очень крупно и бесподобно...»

Борис Пастернак

31 декабря 1949. Москва

«Я давно сказал Вам, что очень люблю Вас и верю в вас. Эта вера не прошла у меня. Я всем про Вас рассказываю. После Есенина я только в одном Павле Васильеве находил такие черты цельности, предназначенности и отмеченности, как в Вас».

Борис Пастернак

Август. 1953. Москва

«Кайсын открыт для мира и открыт давно. Его поэзия, его поэтическая судьба, как платан на площади, заметны и далеко видны. В его поэзии есть таинство жизни и красота, завораживающая души пронзительностью откровенности и восторга, ответственность перед временем».

*Михаил Дудин,
поэт*

1974. Ленинград

«Прощай, Кайсын! Ты был радостью, Кайсын, радостью живого мира и моей радостью. И слово твое идет по миру... Я люблю тебя, Кайсын. Больше мне нечем расплатиться за твою любовь на пороге твоей вечности».

Михаил Дудин

Июнь. 1985

«...Я являюсь большим поклонником Вашего мастерства и Вашей поэзии. Читая Ваши стихи, я всегда испытываю большое волнение, так как мне кажется, что это я так думаю и чувствую. Это, по-видимому, и есть сопереживание. Близки и помыслы Ваши, раздумья и философия, даже те стихи, которые можно назвать чисто «горскими». На меня стихотворение «Быки, идущие в сумерках» производит очень сильное впечатление.

Вашу книгу «Так растет и дерево» я прочитал с большим интересом. Очень хорошая статья о Твардовском! Читая ее, я все время вспоминал его поэму «Теркин на том свете»...»

*Джазеф Соломонович Клейн,
американский инженер-строитель*

Москва

«Я встретился с Вашей мудрой поэзией на страницах журн. «Новый мир» и поэтому испытываю глубокое уважение к Вам».

*Николай Христовов,
переводчик стихов Кулиева на болгарский язык
Июль, 1969. София*

«Стихи Кайсына Кулиева наполнены мужеством. Но в его лирике так же живет нежность, как удивительные цветы гор вдруг являются нам на каменных ладонях скал, над которыми нависли снега.»

*Николай Тихонов,
поэт*

1975. Москва

«Поэт щедро дарит людям красоту и мудрость своей земли, добро и свет своей души. В этом весь Кайсын Кулиев, сущность его поэзии».

*Мустай Карим,
башкирский поэт*

1965. Уфа

«Кулиев был примером для всех, так как он говорил о мире, гуманизме, доброте, о сущности человеческого бытия, ибо настоящий поэт должен быть со своим народом».

Мустай Карим

1999. Уфа

«Для меня Кайсын как пророк. И не только как пророк, но и святыня. При жизни он поднялся на мировой уровень. Это редкое явление в истории культуры. Его поэзия стала достоянием Европы, Америки, Африки, Азии. Несмотря на все это, Кулиев остался не искушенным славой, остался самим собой – щедрым, простым, добрым, доступным. Его душа была чуткой ко всем народам».

Назар Наджми,
татарский поэт

1999. Уфа

«Как обеднела Россия и ее поэзия с уходом Кулиева»

Г. В. Свиридов,
композитор

Москва

«В память о Кайсыне я написал симфонические картины «Горы и люди» на стихи К. Ш. Кулиева. Это произведение – дань моей любви к великому балкарскому поэту, прекрасному человеку – Кайсыну Кулиеву. Для меня является счастьем и божьим даром то, что мне посчастливилось знать его, дружить и работать с ним».

Аслан Дауров,
композитор

1998. Нальчик

«Меня, как и всех других людей, близко знавших поэта, поражала в Кулиеве гениальная способность обращаться с самыми различными аудиториями на высшей точке взаимопонимания. Среди чабанов – он чабан, среди ученых – ученый. Это не талантливая мимикрия, не подражание, доведенное до шедевра. Просто в этом человеке органично были слиты высокая наивность крестьянина, чья геральдика восходит от самой Земли, с интеллектом современного человека, познавшего и принявшего все добрые открытия века...

Благодаря его стихам и поэмам горы маленькой Балкарии стали вместилищем событий мировой истории культуры».

Инна Кашежева,
поэтесса

Февраль. 1986. Москва

«От имени писателей Тувы и лично от себя сердечно поздравляю Вас, дорогой Кайсын Шуваевич, со славным юбилеем — Вашим 60-летием. Вы как большой советский поэт и общественный деятель страны Советов много делали для развития многонациональной советской литературы. Мы уважаем и любим Вас как человека и гражданина, как патриота-интернационалиста. Вы своими замечательными стихами украшаете нашу жизнь, обогащаете нашу литературу...»

Сувакнит,
писатель

1977. Кызыл

«Дорогой Кайсын Шуваевич, Всесоюзное агентство по авторским правам сердечно поздравляет Вас, известного советского поэта, с 60-летием. Ваше творчество приобщило многомиллионных читателей в нашей стране и за ее пределами к поэтической истории балкарского народа, к его мужеству, благородству, таланту».

Борис Панкин,
председатель правления Всесоюзного
агентства по авторским правам

Ноябрь. 1977. Москва

«Редакция журнала «Советская литература» на иностранных языках сердечно поздравляет нашего давнего и постоянного автора, большого друга и действительного помощника со славным юбилеем и высокой правительственной наградой — орденом Ленина. Ваши стихи знают читатели в 90 странах мира.

Ваша яркая проза, талантливая публицистика, а также личные контакты во время заграничных поездок — все это большой вклад в пропаганду советской литературы, способствующей взаимопониманию и дружбе народов.

Мы высоко ценим роль, которую Вы играете, Кайсын Шуваевич, в популяризации журнала за рубежом».

Дангулов, Бочкарев, Афанасьев,
Харькова, Куприянова

1977. Москва

«Дорогой Кайсын Шуваевич, горячо поздравляем с 60-летием и высокой правительственной наградой. Пусть

наше замечательное время все так же вдохновляет Вас, *большого таланта, на создание новых, глубоко самобытных, народных поэтических произведений*».

*Издательство журн. «Современник». Прокушев,
Сорокин, Панкратов, Нефедов*

1977. Москва

«Дорогой Кайсын Шуваевич! Поздравляю Вас со славным 60-летием и высокой правительственной наградой. Желаю Вам вечной молодости, *как молода Ваша талантливая и мудрая поэзия*. Всегда помню и горжусь знакомством с Вами...»

*Татьяна Санникова,
кандидат филологических наук, доцент*

1977. Пермь

«Дорогой Кайсын Шуваевич, в день Вашего юбилея советский Комитет защиты мира сердечно поздравляет Вас с замечательной датой и награждением за *большие заслуги в развитии литературы и в связи с 60-летием со дня рождения и высокой правительственной наградой СССР – орденом Ленина*.

Вы, известный поэт, являетесь неутомимым борцом за укрепление дела мира и возглавляете Кабардино-Балкарский Комитет защиты мира со дня его основания. Самой гуманной теме – борьбе за мир и дружбе между народами – Вы посвящаете свои литературные произведения. Советский Комитет защиты мира высоко ценит Вашу неустанную работу на благородном поприще борьбы за мир и безопасность народов. Желаем Вам, Кайсын Шуваевич, доброго здоровья, неиссякаемой энергии, новых успехов в творчестве и в наших совместных трудах на благо мира во всем мире».

Советский Комитет защиты мира

Ноябрь 1977. Москва

«...Я счастлив отметить, что ты, сын простого крестьянина-горца, достиг *высокой вершины поэтического*

творчества. Имя твое стало гордостью всей многонациональной поэзии.

*Баграт Шинкуба,
народный поэт Абхазии*

Ноябрь 1977. Сухуми

«Кайсын Кулиев был высокообразованным человеком и в то же время простым и доступным всем... Он был открытым и смелым человеком. Кроме дара поэтического таланта, он обладал чувством справедливости и принципиальности, поэтому его так высоко ценили, горячо любили и глубоко уважали все и везде».

*Давид Кугультинов,
поэт*

Элиста

«Я благодарю судьбу за то, что долгие годы я дружил с Кайсыном. Эта дружба сыграла огромную роль в моей жизни. Еще хочу сказать о том, как высоко народы Кабардино-Балкарии ценят своего поэта, как любят его, чтят память о нем и прививают это драгоценное качество молодому поколению. Моя судьба и жизнь причастны и поэтическому творчеству Кайсына, которого я любил, уважал и ценил за верность дружбе. Я рад тому, что к 80-летию со дня рождения поэта в КБР был издан двухтомник биографии поэта профессорами Эфендиевыми, которые много делают для увековечивания памяти Кайсына Кулиева».

Давид Кугультинов

«Как верно сказал Кайсын Кулиев: «Каждая пуля на войне попадает в сердце матери»! (Речь главы индийского правительства Индиры Ганди во время визита в Советский Союз).

10 июня 1976. Москва

«...Ты в наших глазах один из самых достойных художников страны. Мы знаем и чувствуем в тебе такого участливого и внимательного, чуткого и отзывчивого, доб-

рого, смелого кавказского орла. Годы определяют твоё бессмертие, гордое имя певца, борца чистой натуры...»

*Чакар, Гаджи Гамзатов,
директор Дагестанского филиала
Академии наук СССР, академик РАН*

1977. Махачкала

«Удивительный по тонкости своего лиризма балкарский поэт Кайсын Кулиев, умевший писать проникновенно статьи о русской и всей разноречивой советской поэзии, которая была для него такой же родной и внятной, как слово его кавказских предков».

*Леонид Новиченко,
академик АН УССР*

10 февраля 1988. Киев

«Душу и культуру балкарского народа я познал через прозу и поэзию К. Кулиева... Сегодня праздник великого поэта. Это чествование даёт нам повод чествовать поэта и историю культуры его народа. Его поэзия — это немеркнувшее достояние его народа. Художественная глубина, мужественность, философичность слышатся в его стихах и поэмах.

Наша дружба с ним началась с того времени, когда он был со своим народом, высланным в Киргизию, делил с ним все тяготы и радости жизни. И тогда он вложил большой вклад в киргизскую литературу своими переводами с киргизского на русский язык».

*Чингиз Айтматов,
писатель*

1 ноября 1977. Нальчик

«Сам Кайсын, как раненый камень — неизменный символ его поэзии, — мог сказать о себе: «Я все выдержал». В этом «все» — суровая биография времени, народа и человека, через чье сердце прошли жгучие токи великих и трагических событий истории. Но не испепелили его, а закалили, пробудили в нем ответное мужество и достоинство — чувства, не испытать которые, человек не вправе считать себя человеком, гражданином грозного века».

Чингиз Айтматов

1987. Фрунзе

«Балкарский народ – маленький народ. И из него вышел большой родник поэзии. Кулиев поднял художественную литературу родного народа на высочайший пьедестал. Он стоит в одном ряду с такими поэтами, как Твардовский, Дудин, Кулешов, Гамзатов. А в мировой поэзии он стоит рядом с Назымом Хикметом».

Чингиз Айтматов

1977. Нальчик

«К счастью, вернулся с фронта и включился в жизнь писательской организации Киргизии балкарский поэт Кайсын Кулиев. Уже тот факт, что в братской республике жил и работал поэт, который писал на карачаево-балкарском языке, общался со многими киргизскими поэтами и переводил их, был сам по себе весьма знаменательным».

*А. И. Караева,
литературовед*

1966. Карачаевск

«Достаточно сказать, что Кайсын Кулиев – это сын двух народов – балкарского и карачаевского, – он творил единую карачаево-балкарскую литературу».

*Казбек Чомаев,
кандидат философских наук*

Карачаевск

«Прошли годы, но и на вершине нынешнего признания Кайсын Кулиев не устает благодарить своих друзей за поддержку и помощь в начале пути, в тяжелую пору жизни. Благодарная память – вот еще одно свойство таланта Кулиева».

*Ираклий Андронников,
литературовед*

Москва

«Поэзия Кайсына Кулиева имеет большое общественно-политическое значение. В северокавказской поэзии он один из первых открыл новые пути в развитии художественной мысли».

*С. Жигитов,
литературный критик*

12 января 1955. Фрунзе

«...экзамен превратился в своеобразную творческую конференцию. Вдохновенно рассказывал балкарский поэт Кайсын Кулиев о творчестве Федерико Гарсиа Лорки... Он говорил о традициях испанской поэзии, о романсеро Лорке, о его связи с народом, об образности и эмоциональности, об испанской теме в мировой литературе... Это было вдохновенное слово поэта о поэте, слово, не знающее кордонов и рубежей».

*Из воспоминаний
преподавателя Литературного института
Александра Исбаха*

Июнь 1957. Москва

«Хорошие стихи написал поэт – звучные, музыкальные. Читатель с удовлетворением встретит книгу «Мои соседи» Кайсына Кулиева... Поэт любит родную природу, Кавказ».

*И. Горбатовский,
литературовед*

7 июня 1957. Москва

«...Вы сами поэт и прекрасно понимаете, как важно поэту знать, что голос его не просто шум ветра, а сама душа, которая ищет и находит родственную душу... В Ваших стихотворениях ощущается пламенность Вашей натуры, которая заставляет верить себе и в себя. А это самое главное в творчестве».

*Илья Сельвинский,
поэт*

1 февраля 1948. Москва

«Кайсын, ты уже достиг Эльбрусской вершины. Теперь готовь своих сыновей к такому же восхождению».

*Сергей Фиксин,
поэт и литературный критик*

1968. Фрунзе

«Наши люди читают, почитают имя и творчество великого поэта России, выдающегося деятеля культуры нашей страны, отважного борца и духовного воителя Кайсына Шуваевича Кулиева, который всем нам, литераторам многоликой и многоязычной России, приходил».

ся чутким и добрым наставником, мудрым учителем и вдохновителем. Наш народ знает, что там, в теснинах и ущельях, снеговых высотах центрального Кавказа с древнейших времен гуннско-болгарской общности живет его близкий брат – балкарский народ, родивший Кайсына, который воспел и прославил его на весь белый свет.

Кайсын как поэт всегда воплощал в себе замечательные свойства души горца – честь и благородство, отвагу и доблесть, мужество и красоту, верность и дружбу. В душе Кайсына всегда светился, блистал дух Кавказа».

*Боронтай Бедюров,
президент Конгресса
тюркских народов РФ*

Ноябрь 1997. Москва

«...Стихи твои – замечательные, в них нет тщеты, послужить им – честь и радость».

*Б. А. Ахмадулина,
поэтесса*

22 августа 1972. Крым

«Как человек, Кайсын замечательный, прекрасный, удивительный! Такой же он и поэт – удивительный, прекрасный замечательный.

Кайсын обрел любовь людей. Его герои – это люди труда, герои войны. Он воспел лунный свет, море, тишину, горы, снег на вершинах скал...»

Б. А. Ахмадулина

1977. Москва

«Дорогой Кайсын-ага! В глубинах горного Алтая с особенной теплотой вспоминаю Вас и Ваш светлый образ поэта, бесконечно верного горам. Далеки, очень далеки друг от друга Алтай и Кавказ, но Вас, как и других немногих, по-настоящему больших людей, я чувствую всегда рядом... И хочу Вас впредь всегда видеть таким, какой Вы есть!»

*Боронтай,
Горно-Алтайский поэт*

«Кайсын – это поэт каждой республики. Он бывает везде, но в Тбилиси – чаще всего, чем в других городах. Мы гордимся этим и радуемся, что он пишет на балкар-

ском языке. А читают его по-русски и на всех других языках. Мы гордимся, что он один из лучших поэтов современной мировой и отечественной литературы».

Карло Каладзе

1977. Нальчик

«Перед Кайсыном преклоняется наш видный 70-летний аксакал Альжапар Абишев, поэты и писатели молодой казахской литературы... Некогда в прошлом малоизвестная Балкария сейчас хорошо видна и слышна за ее пределами благодаря Кайсыну Кулиеву. Редко кому удается уберечься от соблазна славы, а он остался скромным, с сердцем гражданина, с умом философа».

*А. Нурпеисов,
казахский писатель*

1977. Алма-Ата

«В нашей памяти все еще жива его пылкая речь, наполненная, как у юноши, возвышенным духом и страстью. При встрече, пусть случайной, пусть даже мимолетной, все равно приносил он собою что-то необычное, обязательно по-кайсыновски радужное, через край льющееся, и ты не мог не заряжаться этой энергией. Бог ты мой, рядом с ним ты забывал о своих горестях и невзгодах, каких немало было в нашей необустроенной жизни».

А. Нурпеисов

1997. Нальчик

«Ваше творчество многогранно, известно всем до мировых масштабов и стало духовным достоянием всех».

*Вилает Рустамзаде,
поэт*

1977. Баку

«Кулиев – один из лучших поэтов нашей страны, достойный наставник молодых поэтов. Своей поэзией он обессмертил себя».

*Осман Хубиев,
карачаевский писатель*

1977. Нальчик

«Рано погасла яркая звезда кавказской поэзии... Балкарский народ лишился своего славного сына Кайсына

Кулиева, а карачаево-балкарская литература потеряла своего гениального поэта, певца Кавказа. Россия потеряла одного из талантливейших ведущих поэтов, так широко и так прекрасно воспевавшего мир, жизнь, природу, справедливость, братство народов. Его поэзия бессмертна. Кайсын Кулиев живет в сердцах миллионов».

*Осман Хубиев,
писатель*

2000. Карачаевск

«Высокий оптимизм, постоянная жажда добра, светлое человеколюбие, неистовое желание нести в мир радость научили Кайсына Кулиева думать о большом и важном в жизни, ставить и решать проблемные творческие задачи. На главной магистрали борьбы и труда закалился его героический герой, научился проходить, «головы не склоняя, мимо бездны, взвалив на широкие плечи камни бед», и быть «железом и огнем, быть молотом и наковальней».

*Адам Шогенцуков,
поэт*

1967. Нальчик

«Все творчество Кайсына Кулиева связано с горами. Оно – постоянное восхождение на новые вершины, открытие неизведанных поэтических высот. С этих вершин мир видится ему дальше, масштабнее, глубже поэт воспринимает наше сегодня и солнечную даль грядущего...

Кайсын Кулиев – поэт, обладающий орлиным взором, поэт, нашедший волшебный масштаб всеохватывающего видения нашей современности».

Адам Шогенцуков

1967. Нальчик

«Кайсын – не только великий поэт, но и великий читатель, пронизательный ценитель поэзии. Его эстетика – своеобразная лирическая проза, а точнее – мудрые и сердечные стихи в прозе. Эта одна грань его большого таланта, а таланту, как известно, научиться нельзя. А вот отношению Кайсына к художественному наследию пред-

шественников можно и должно учиться всем нам, литераторам Кавказа».

*Нафи Джусойты,
известный осетинский
литературовед, писатель*

1999. Цхинвали

«Кайсын — великий поэт балкарского народа, который щедро одарил его своим поэтическим гением, который отдал Кайсыну свою судьбу, свой язык и голос, свое сердце и разум. И я низко склоняю свою голову перед балкарским народом, давшим нам всем, всему человечеству такого поэта».

Нафи Джусойты

1999. Цхинвали

«Влияние Кайсына Кулиева на людей безмерно. Я люблю его стихи, потому что Кайсын монолитная фигура».

*Ираклий Абашидзе, поэт,
вице-президент АН Грузинской ССР*

1977. Москва

«Люблю Ваши стихи. Вам Бог дал дарование. Но еще больше у Вас мужества, силы воли, и их Вы проявили на войне и в мирное время».

*Константин Симонов, писатель,
Герой Социалистического Труда,
лауреат Госпремий СССР*

1977. Москва

«Вы один из ровесников революции... Ваш взлет, Ваше величие — яркое доказательство того, какого расцвета достигла наша культура. Я люблю Вас не только как великого поэта, но и как великолепного человека»

*Алексей Сурков, поэт,
Герой Социалистического Труда*

1977. Москва

«Впервые я увидел Кайсына, когда ему было двадцать лет. Он поразил меня большим знанием русской

поэзии и ярким, самобытным талантом... Он принадлежит к вершинам мировой лирики».

*Семен Липкин,
переводчик, поэт*

1977. Москва

«Кайсын Кулиев – великий мастер стиха. Я люблю его поэзию».

*Николай Дамдинов,
поэт Бурятии*

1977, Москва

«Кайсын Кулиев является защитником народной судьбы, народных интересов и чаяний, боли и радости людей, их чувств. Все эти качества принадлежат ему. Совесть его чиста, как чиста его поэзия... Кайсын – дитя родных гор – поднял балкарскую поэзию до самых высоких вершин Эльбруса. Родные скалы подарили ему ритмы и звучание, родная земля дала ему силу и смелость дерзаний. И когда у него иссякали силы, он припадал к источнику живой воды – к родному фольклору».

*Евгений Евтушенко,
поэт*

1977. Москва

«Поэзия Кайсына Кулиева – это зеркало, в которое смотрит балкарский народ и видит себя большим. Поэт, который дает своему народу испытать такое сознание, чувство такой радости, – настоящий поэт, кровный сын своего народа».

*Алим Кешоков,
писатель Кабардино-Балкарии*

1959. Нальчик

«Кайсын Кулиев оставляет в наследство потомков нескончаемую, полную драматизма и глубоких мыслей, любви и преданности родной земле поэзию. И памятником ему будет нескончаемая эта песня».

Алим Кешоков

1985. Нальчик

«Кулиев совершил подвиг. Он воспел свой народ простым языком и сделал его известным. Кайсын – плоть

от плоти своего народа. Я благодарна судьбе, что читаю его стихи на родном языке. Благодарна ему и за то, что он всегда поддерживал нас, молодых, и мы иногда берем его поэтические образы и следуем его традициям»

*Танзиля Зумакулова,
балкарская поэтесса*

1977. Москва

«Чтобы преградить путь войнам, отстоять вековую мечту о счастье, Кайсын Кулиев готов быть солдатом свободы в любом уголке планеты, а если придется, то и погибнуть за правое дело, ибо «лик мужества ясен и светел, чужбины для подвига нет». Эти слова для Кулиева — не громкие фразы, а оружие, выхваченное из сердца».

*Аркадий Кулешов,
поэт Белоруссии*

1971. Минск

«...балкарский поэт читал цикл стихов, посвященных Киргизии, ее благородным людям, оказавшим ему помощь в годы войны, что помогло ему выжить и испытать то великое и святое чувство, которое зовется дружбой народов...

Кайсына Кулиева уже нет в живых, но о нем мы говорим и сегодня так, словно он живет среди нас. Потому что умирают ведь только те, кого забывают. А для нас он незабвенен».

*Иокубас Склутаускас,
поэт*

20 августа 1987

«Какой погибает талант! Какой обаятельный человек! Кайсын от природы велик и талантлив. Он много раз выступал в нашем университете и всегда собирал большую аудиторию. Студенты и преподаватели любят его как человека и восхищаются его редким даром выступать и говорить. Он прирожденный оратор, публицист и неповторимый поэт и мыслитель».

*В. К. Тлостанов,
профессор, ректор КБГУ*

1985. Нальчик

«У Кайсына Кулиева огромный талант и неповторимое благородство. Именно эти качества оказали на меня

большое влияние. Я никогда не забуду его поддержку и помощь, а я так нуждался в ней. Он это понял, поэтому я всегда в долгу перед ним... Его творческий путь для меня – это великолепная школа поэзии. Он никому так много не помогал, как мне. Я все это хорошо понимаю. Этим я горжусь и живу».

*Назир Хубиев,
поэт*

1978. Карачаевск

«Единственно важное – это вызванный поэтом отклик в душах и умах людей. А за эти месяцы, Кайсын, о Вас было написано столько статей и столько интересного и дельного, сколько о другом не написано за всю жизнь. И хотя много напечатано в связи с выдвижением книг на соискание Ленинской премии, люди все-таки писали не из конъюнктурных соображений, а от души, и то, что сказано о Вас, в совокупности не менее ценно, чем медаль лауреата».

*В. Ц. Гоффеншефер,
критик*

24 апреля 1965. Москва

«Чувство огромной благодарности и теплоты испытываю я к Кайсыну Кулиеву за цикл стихов об Армении... Воистину щедра любовь большого поэта из Балкарии к армянской земле! Невольно мечтаешь о том, чтобы кто-то из армянских поэтов сказал прочувствованное слово о гордой стране Кайсына – маленькой Балкарии. Я верю: эти неожиданные пока еще строки непременно родятся, и тогда мы вложим в добрые руки Кайсына подарок, достойный его любви и восхищения».

*Н. Саакян,
литературовед*

18 апреля 1973. Ереван

«...читаю, перечитываю в «Новом мире» твои стихи – неторопливые, мудрые. Знаю, нелегко тебе далась великая художественная простота поэзии, много пришлось пережить, прочувствовать, передумать. И вот ты даришь людям большую жизнеутверждающую силу своего та-

ланта, и люди вечно будут благодарить тебя за твое доброе и щедрое сердце».

Якуб Земляк,
писатель

1971. Фрунзе

«...Ваша статья в «Известиях» за 20 января 1972 года под названием «Колосья и звезды» по праву может быть названа стихотворением в прозе. В ней с большим проникновением и мастерством сказано о значении и назначении поэзии, о связи ее с человеческими чувствами, что вновь и вновь открываешь оттенки и нюансы в понятиях о поэзии и проникаешься глубоким уважением и благодарностью к Вашему труду.

Особенно вызывают восхищение теплые строки о Пушкине, об этом непревзойденном стихотворце, о его животворящей поэзии... Мне хочется сказать, что такие статьи и Ваша будущая книга – жизненно необходимы. Они сразу же по своей логике и содержанию обращают на себя внимание, пробуждают любовь к прекрасному, добрые человеческие чувства».

С. К. Успенский,
пенсионер

1972. Томск

«...литература и искусство должны приносить людям большое эстетическое удовольствие. Например, когда Вы в своем письме говорите о «боли раненого камня», я нахожу, что это превосходное выражение. Оно принадлежит к искусству, поскольку рождает эстетическое наслаждение».

Робер Мерль,
известный французский писатель

20 марта 1974. Франция

«...Посылаю Вам экземпляр варшавской газеты «Фолкс Штымэ» с опубликованным в переводе на еврейский Вашим потрясающим стихотворением «В пражском гетто». Этим переводом занимался я. Пусть это будет, так сказать, фундаментом нашей творческой дружбы. Я буду счастлив, если Вы выразите желание продолжать ее. Надеюсь, Вы мне пришлете обещанное стихот-

ворение «Сон», с которым мне также очень хочется ознакомить еврейского читателя».

Редактор газеты «Фолкс Штымэ»

22 октября 1972. Рига

«...Кайсын Кулиев – это поэт моей души. «Юность из тумана мне машет белым рукавом» – это художественный образ, и так сказать мог только настоящий поэт. Я поклоняюсь его поэзии. Однажды и навсегда пленил меня один из верных рыцарей поэзии – Кайсын Кулиев.

Я обрела любовь в лице мудрого, гуманного Кайсына Кулиева. Поэт покори́л мое читательское сердце, ибо добрые всходы сеет его поэзия. Он – поэт горячий, нежный, беспокойной души, к добру и злу отнюдь не равнодушный... Мудрая муза поэта то радостно сверкает, то родит печаль, будоражит душу, одаряя ее озарением и светом».

*Людмила Владимировна Чеберяк,
работница главпочтамта Алма-Аты*

1972

«...Вы нужны нам, поклонникам Вашего творчества, Вашей поэзии. А мне близки еще и тем, что Вы мой соплеменник. Я горжусь Вами, как гордятся и все любящие Вас балкарцы. Вот почему хочу, чтобы Вы долго жили, долго творили и приносили нам радость».

*Таусултан Моллаев,
научный сотрудник станции
садоводства и виноградарства*

1 августа 1972. Дербент

«В Вашей поэзии многое созвучно моим мыслям, моей судьбе, судьбе моей семьи. Есть в ней что-то от глубокой философской обобщенности, когда каждый может найти в ней предмет для раздумий, и особенно тот, кого жизнь во всей ее сложности и красоте провела через многие испытания... Ваши стихи (особенно «Чегемская поэма») повергли меня в долгие размышления и сопоставления на фоне опыта своей жизни, – жизни, намного превысившей срок жизни отца. И нельзя не удивляться силе судьбы на примере нашей семьи (как и других), как в калейдоскопе, соединявшей светлые и темные стороны времени нашего поколения. Все это звучит в Вашей поэзии – в

ней все от жизни, с ее настоящими и мнимыми ценностями».

*Магомед Назирович Катханов,
профессор*

23 мая 1972. Ленинград

«...Недавно по телевидению весь Узбекистан слушал твою пламенную, сердечную, братскую, взволнованную речь обо мне. Я сам слушал с большой радостью и восхищением. Спасибо, дорогой, за это. Твои слова останутся на века жить, ибо они засняты, запечатлены на киноплёнке, будут сохраняться! Когда ты говорил на своем родном языке, у нас все поняли без перевода, ибо языки наших народов близки и понятны друг другу».

*Уйгун,
народный поэт Узбекистана*

19 декабря. Ташкент

«Поэзия Кайсына Кулиева – явление резко своеобразное... Он – на перекрестке традиций. Его поэзию формировали русская поэтическая классика, народная поэзия балкарцев и вообще горцев, великая культура Востока. Он – поле их взаимопроникновения... Кулиев – явление ярко национальное, он поэт Кавказа».

*Ст. Рассадин,
известный литературовед*

1974. Москва

«Мы просим Вас направить в Берлин любое свое произведение, которое было бы в том или ином номере журн. «Зиннунд форм» связано с темой борьбы молодежи за братство между народами, за мир, социальную справедливость и культуру. Жанр произведения целиком зависит от Вас. Мы будем рады стихотворению, песне, рассказу, эссе, интервью, репортажу и т. п.

*Вильгельм Гирнус,
доктор наук, профессор
редактор журн. «Зиннунд форм»*

1972. Берлин. ГДР

«Поэтическая Муза Кайсына Кулиева связана прежде всего с родной Кабардино-Балкарией. Но, как всегда бывает с настоящей народной поэзией, она выходит дале-

ко за пределы родного края. Он – поэт сурового мужества, прямой, правдивой речи, и это его высокогражданское чувство вдохновенно прозвучало в стихах, прочитанных на творческом вечере в Риге».

*Борис Тихов,
заслуженный артист Латвийской ССР*

2 ноября 1973. Рига

«По моему мнению, таких поэтов, как Кайсын Кулиев, в Советском Союзе сейчас не более пяти-шести, а на Украине, к сожалению, с Кайсыном Кулиевым в данное время никто сравниться не может. Были у нас Павло Тычина, Максим Рыльский, Андрей Малышко, которые могли говорить, как поэты всего Союза, но они ушли, а молодые пока не заменили их».

*Д. Дереч,
литературовед*

1 сентября 1973. Винница

«Из всех стихов, напечатанных в последнее время, мне запомнился аналитический эпос Кайсына Кулиева».

*Андрей Вознесенский,
известный советский поэт*

25 сентября 1974. Москва

«Поэзия Кайсына Кулиева стала неотъемлемой частью всей нашей многонациональной литературы. Его «Книга земли» исполнена любви к земле родного Чегема и к «земле людей» – советской земле».

*Георгий Марков,
известный писатель, зампреда Комитета
по Ленинским и Госпремиям СССР в области
литературы и искусства*

1974. Москва

«Свой танец я посвящаю поэту Кайсыну Кулиеву. Поздравляю его с высокой наградой: присуждением ему лауреата Госпремии СССР за «Книгу земли». Она полу-

чила широкое признание у советских и зарубежных читателей и заслуженно оценена правительством».

Махмуд Эсамбаев,
народный артист СССР,
Герой Социалистического Труда

6 ноября 1974. Нальчик

«Дорогой мой друг, безмерно счастлива поздравить тебя с высокой премией и *Вашу самозаветную щедрую поэзию, которая дышит землей, небом, вершинами гор, душой народа*. Приветствую песни, которые будут».

Зульфия,
народная поэтесса Узбекистана

1974. Ташкент

«Вы редкий человек, дар природы и не только как художник, но и как человек. Вам нет цены. Вам все мы обязаны самым светлым, самым добрым, самым красивым и самым человеческим, ибо Вы излучаете Свет, Добро, Красоту, Человечность и Мужество, высеченные из многострадального горного камня.

Человеческая душа — наивысшее создание природы. В Вас вместились душа самая яркая, самая нежная. А Вы — неисчерпаемый источник Добра и Совершенства. Пусть судьба к Вам будет доброй и справедливой. Я, как и многие, кто знает Вас, благодарна жизни, благодарна судьбе за то, что знаю Вас, за то, что Вы есть на земле».

Назифа Кагиева,
карачаевский литературовед

1972. Карачаевск

«Кайсыну Кулиеву дарю книгу «Сломанная подкова», поэту, *чей талант в нотах мужества, с пожеланием новых творческих свершений*».

Алим Кешоков,
писатель

Декабрь 1973. Нальчик

«Я уверен, что Вас как поэта ожидает в Чехословакии успех. Ваши стихи глубоко гуманистические, богатые, как богат Ваш язык, язык поэта. Меня *очень глубоко потряс-*

ли стихи о скалах, и я мечтаю когда-нибудь увидеть Ваш родной Чегем.

О Вас мне много говорил чешский поэт Йослар Ганзлик. Вы были вместе с ним в Монголии несколько лет назад».

*Йелинек Вацлав,
поэт и переводчик*

21 января 1975. Прага

«Дорогой друг и земляк Кайсын-ага, прочитал книгу «Так растет и дерево». *Ваша проза все та же поэзия, по-кавказски искренняя, вдохновенная, мудрая.* Прошу считать меня в рядах горячих поклонников и ценителей *Вашего яркого поэтического таланта...*»

*Азиз Шариф,
профессор МГУ*

1975. Москва

«...Читая Ваши стихи, хочется думать, хочется плакать. Вы даете силу и хочется прожить еще на земле. Хочется любить землю и все на земле так, как *Вы любите.* Даже камень под ногой и *то хочется благословить после чтения Ваших стихов.* Хочется быть лучше, добрее — вот какие чувства возникают от Ваших слов. Так писать может человек, у которого добрая душа, который сам любит жизнь».

*Павлова Людмила Николаевна,
почитатель таланта Кулиева*

1975. Уфа

«Читаешь стихи Кайсына и восторгаешься его любовью к отчому дому, к селу, людям, ко всему прекрасному — к природе, камням... Какую надо иметь добрую душу, чтобы до боли в сердце, так крепко любить свой народ, свою Родину! Любить мать («Дворик моей матери», «Глаза матерей»), детей (посвящение дочери Жанне), давать напутствие сыновьям («Пусть доброта не покидает вас...», или: «...Быть не старайся всюду первым, но добрым, честным быть стремись...»)

Вот эту непосредственность, простоту души, ее силу

я почувствовала, перечитав несколько раз стихотворения Кулиева».

*М. М. Арустамова,
инженер*

1975. Ереван

«Когда читаешь чудесный и душевный очерк из книги «Так растет и дерево» К. Кулиева о великом русском поэте Лермонтове, то на память приходят звенящие строки из его стихотворений... Очерк заслуживает того, чтобы назвать его подлинным гимном — торжественной песнью поэтическому труду великого поэта. О Лермонтове много опубликовано очерков, но такого, который бы помогал читателям глубже заглянуть во внутренний мир великого поэта, запечатлеть незабываемый его образ, познать его как верного друга людей с тонкой душой, еще не встречалось...»

*Д. Пятаков,
читатель*

1975. Николаев

«Ваши эссе о Пушкине, Лермонтове, Твардовском, Са-рьяне и других из книги «Так растет и дерево» — это целая школа понимания и усвоения гениев.

«Страницы автобиографии» потрясли меня там, где Ваша семья подъезжала к Нальчику после одиннадцатилетней разлуки. Вы, обняв сына, сказали: «Вот она, наша родная земля, земля отцов». А у самого щеки были мокры от слез. Кем станут дети, которые слышали эти слова из уст великого поэта?

Какими извилистыми тропами шли Вы, сколько бед и несчастий натерпелись Вы и Ваше поколение? Об этом мы редко задумываемся и не сразу понимаем слова: «Не ради забавы слагаю я стих...»

Спасибо, Кайсын-ага, за книгу, за Ваши мудрые слова и наставления. «Так растет и дерево» будет для меня самым дорогим подарком от Вас, ваших гор и народа... Вы блестяще написали эту книгу.

*Роллан Сейсенбаев,
полковник*

2 сентября 1975. Москва

«Искренне обрадовался, встретив среди сигнальных экземпляров только что выпущенную издательством «Художественная литература» первую книгу Вашего трехтомного собрания сочинения.

В эти часы, когда книга начинается только шествие к почитателям *Вашего самобытного таланта, захотелось послать автору его детище, поистине ставшее примечательным событием в культурной жизни страны*».

Борис Стукалин,
председатель книжного издательства СССР

1976. Москва

«Мы собрались сюда, дорогие товарищи, чтобы любимому поэту высказать радость за то, что правительство удостоило его высшей награды – ордена Ленина. Разделить с нами эту радость приехали гости из Ленинграда, Москвы, Башкирии, Киргизии, Узбекистана, Азербайджана, Белоруссии, Карачаево-Черкесии, Южной Осетии...»

Т. К. Мальбахов,
Первый секретарь Кабардино-
Балкарского обкома КПСС

Ноябрь. 1977. Нальчик

«Мне очень хочется сказать Вам большое спасибо за Ваше выступление по Всесоюзному радио, посвященное Дню 8 Марта. В стихах *Вы так пишете о Женщине, ее красоте, добром сердце, что кажется будто все женщины планеты Ваши матери и сестры. И даже самые несчастливые женщины могут быть счастливы от сознания того, что есть на свете Человек, который искренне преклоняется перед нами*».

М. Габдулина,
читатель

Башкирия

Среди многих миллионов почитателей я – один из них. Я горжусь Вашим большим достижением и огромным талантом... Кайсын-ага, Вы являетесь сыном земли Киргизии и Кавказа, сыном двух народов – балкарского и киргизского. Киргизы так считают и гордятся Вами».

Сагындык Емирбаев,
писатель

30 августа 1975. Фрунзе

«Стихи Кайсына заворожили меня. Он писал о войне, о человеке на войне, о горцах-солдатах. *Это были мужественные стихи поэта*, кровь свою пролившего в боях с фашистскими захватчиками, ни на минуту не сомневавшегося в нашей победе. *И в то же время в стихах Кайсына была глубочайшая лирика. Стихи были нежны, красивые, как сам Кайсын.* Это были стихи поэта, влюбленного в свои горы и реки, в своих земляков-кавказцев — горцев. И в то же время горячо любившего нашу огромную страну...»

С. Иванов,
литературный критик

19 октября 1970. Москва

«...Ваша поэзия бесконечно дорога нам, она часть нашей жизни, продолжение дела Аветика Исаакяна».

Виген и Авак Исаакяны

4 января 1977. Ереван

«Кулиев — свободный поэт. Он совершенно свободен от литературщины, украшения, загроможденности, не говоря уже о фальши. Я сказал бы, *он свободен, как ветер, если бы ветер мог мыслить*».

Вера Звягинцева,
переводчик

Февраль. 1965. Москва

«Дорогой Кайсын! Поздравляю, обнимаю близкого брата, истинного рыцаря, *большого поэта*...»

Иосиф Ноненашвили,
поэт

Тбилиси

«Дорогой Кайсын Шуваевич! *Благодарим Вас за чудесную поэму о Матери.* Всегда рады представить Вам страницы нашего журнала. С искренним уважением, редактор отдела поэзии и искусства».

В. Зинина

13 декабря 1976. Тбилиси

«Дорогой Кайсын, от всей души поздравляю Вас, нашего замечательного советского поэта, мудрого и доброго человека, большого сына своей республики – прекрасной земли. Все Ваши радости особенно дороги для меня».

Отар Тактакишвили,
известный композитор

1974. Тбилиси

«Многоуважаемый Кайсын Шуваевич, позвольте мне сердечно поздравить Вас с достойной оценкой Вашего замечательного таланта – с присуждением Госпремии. Ваши замечательные стихи, воспевающие мужество и героизм советских людей и их беззаветную любовь и преданность родине, давно уже нашли путь к сердцам миллионов читателей...»

Виктория Сирадзе,
секретарь ЦК компартии Грузии

1974. Тбилиси

«Безграничное спасибо Вам, поэт Кайсын Кулиев, за поэму в прозе «Колосья и звезды». Она задела во мне все струны души. Спасибо за тот обширный параметр от Шекспира до Твардовского, который взят Вами не зря... Не каждому суждено, особенно простому смертному, подняться до высокой трагедии и драматургии, а также до высокой сатиры. Но Вы сумели подняться. И сила таланта в этих случаях отражает самую глубь вещей и даль действительности, самую высокую истину...

Хотела бы отозваться на «Колосья и звезды» музыкой.

Русудан Тахидзе,
композитор

12 мая 1972. Тбилиси

«Нечасто внутренний мир поэта бывает так слит с внешним миром, как Чегем и Кулиев. Какую из его книг ни возьмете – в ней жизнь автора и жизнь гор. Поэт вбирает в себя этот мир. Он как бы выражение этой природы».

Ираклий Андронников,
литературовед

Москва

«В стихах Кайсына Кулиева я узнал новое о грузинских поэтах Леонидзе и Чиковани, хотя и был знаком с ними с детства. Но Кайсын Кулиев их увидел по-своему, приметив то, чего я раньше не замечал. *Именно такое предметное, глубокое творчество обогащает нас, так как создает предпосылку интернациональному развитию*».

О. В. Тактакшвили,
композитор

Декабрь, 1969. Тбилиси

«Дорогой мой брат, Кайсын Шуваевич! Искренне, от всей души поздравляю Вас, *выдающегося советского поэта*, с 60-летием со дня рождения, с награждением орденом Ленина. Желаю Вам богатырского здоровья, счастья, новых творческих удач».

Шараф Рашидов,
первый секретарь ЦК КП Узбекистана
Ноябрь, 1977. Ташкент

«Дорогой Кайсын, светловолосый друг, от всего сердца поздравляю тебя с дважды лауреатом. В наступающем году от души пророчу быть лауреатом Ленинской премии. *Тропа твоей мудрой поэзии ведет тебя к этой достойной награде*.

Поклон Маке, детям и внукам.

С Новым годом, с новым счастьем! Яшасын Чегем ва Кайсын шону сабийи! (Да здравствует Чегем и его славный сын Кайсын)»

Расул Расулов,
писатель

Ташкент

«Любимый друг и брат! Кайсын-ага, мы, каракалпакские писатели с восхищением и гордостью приветствуем Вас, *выдающегося советского поэта, великого сына Азамата — балкарского народа* в связи с 60-летием со дня рождения.

Пусть в Вашей гостеприимной сакле еще долгие годы горит очаг Вашей жизни, *вдохновенной поэзии*».

Юсуп Аймурзаев,
каракалпакский писатель

Ноябрь, 1977. Нукус

«Кайсын Кулиев умеет искренне, задушевно разговаривать со своим поколением, со своим родным балкарским народом, через сердце которого он находит пути к сердцу других братских народов».

*Наби Хазри,
поэт*

3 апреля 1965. Баку

«Дорогой Кайсын Шуваевич, желаю Вам в Новом году здоровья, творчества, хорошего настроения. Жду встречи с Вами».

*Олжас Сулейменов,
казахский поэт*

30 декабря 1972. Алма-Ата

«Дорогой Кайсын Шуваевич! Рад выразить Вам свою сердечную признательность за то, что благодаря Вашей душевной щедрости наша поездка по казахской земле была такой прекрасной. Если эти поездки знакомят тебя с такими людьми, как Вы,— значит, они весьма и весьма полезны».

*И. Осипов,
писатель*

30 июня 1971. Москва

«Многоуважаемый Кайсын Шуваевич, в мемориальной библиотеке Максима Рыльского сохраняется сборник Ваших стихов с надписью: «Максиму Рыльскому — мастеру, который выше всяких моих похвал. С горячей любовью к его большой поэзии и культуре».

28 октября 1959. Москва

«Сотрудники музея Вашего собрата по перу с Украины обращаются к Вам с большой просьбой переслать в дар музею книгу стихов для библиотеки «Современника Максима Рыльского», для которого вот уже несколько лет мы собираем экспонаты».

*Б. Рыльский,
директор музея*

19 февраля 1976. Киев

«Мы, сотрудники музея Рыльского, с берегов Днепра горячо поздравляем Вас с 60-летием. Синие горы Балкарии сегодня ликуют вместе с Вами, *лучшим певцом Кавказа... Мы – почитатели Вашего нежного и мудрого поэтического слова...*»

Сотрудники музея

Ноябрь, 1977. Киев

«В многоголосом хоре лучших наших поэтов *Ваш голос, правдивый, с большой любовью к людям, имеет свой чистый тон, раскрывает душу сына гор.*

С чувством большой радости мы всегда встречаем Ваши стихи на страницах газет, журналов, слышим по радио и гордимся Вами. Все, о чем Вы говорите: о Родине, думах и заботах простых тружеников, о труде и жизни, о человеке, – живет в нашем сердце. *Нам дорога Ваша поэзия не только своей талантливостью, но и самобытностью, большой человеческой добротой.*

Нина Васильевна Перельченко,
учительница

Украина

«Уважаемый Кайсын Кулиев, редакция газеты «Утга зохиол урлаг» открыла рубрику «Слово друзей», посвященную 50-летию Монгольской народной республики.

В этой рубрике публикуются материалы зарубежных гостей, которые посетили нашу страну. Мы помним Вас, когда были в Монголии и было много встреч с Вами. Просим Вас прислать свои впечатления, очерки, путевые заметки о нашей стране и о наших друзьях. Не забудьте прислать свою фотографию».

Редакция и СП писателей Монголии

20 января 1971. Улан-Батор

«Дорогой Кайсын, спешу тебя обрадовать накануне Нового года Новым языком! Отныне наш Кайсын стал говорить *и звонко петь на моем туркменском... Переводы очень добротные, и звучат они по-настоящему.* Это первая туркменская ласточка! Она, наверное, протянет за собой стаю крылатых песен Кайсына в каракумские просторы.

Еще раз желаю тебе, дорогой друг, отменного здоровья,
новых, еще высших творческих взлетов!»

Ата Атаджан

1968. Ашхабад

«Все туркменские писатели от всего сердца поздравляют Вас, дорогой Кайсын Шуваевич, *подлинно народно-го поэта*, со славным юбилеем и высокой правительственной наградой».

*Ташли Курбанов,
председатель СП Туркменистана*

1977. Ашхабад

«Потомки Махтумкули благодарны Вам за Вашу *могучую поэзию, за Ваш двухтомник. Ваша поэзия стоит этого!* Передайте привет балкарскому народу, который подарил миру такого поэта, как Вы».

*Аширберды Курт,
писатель*

Ашхабад

«Примите наши сердечные поздравления в связи с присуждением Госпремии СССР.

Мы все разделяем Вашу радость. Гордимся дружбой с Вами. Желаем орлиных полетов для достижения новых высот в творчестве».

*Турсун-заде, Киноатов Ниязи, Миршакар
Рахим-заде, Шукухи, Левики,
писатели Таджикистана*

1974. Душанбе

«Я обращался к его прекрасным стихам, так как они удивительно музыкальны, жизненны, дарят людям красоту, добро и нежность».

*Мурад Кажлаев,
композитор, народный артист СССР*

Ноябрь, 1998. Нальчик

«Выдающийся поэт с щедрым сердцем и светлой душой, беззаветно любивший свой народ, не мог не любить и братский кабардинский народ. Вся его жизнь, литературно-творческая деятельность — яркое свидетельство того, как он всегда был щедр, ласков к представителям других национальностей, особенно к своим братьям — кабардинским литераторам. У всех нас навсегда сохранится в сердцах огромная благодарность за его неустанное внимание и доброту к молодому поколению кабардинской литературы».

*П. Ж. Шевлоков,
литературный критик*

1997. Нальчик

«Высшее проявление человеческого духа я почувствовал в общении с этим гигантом, с бунтарем, философом и балагуром, как называли везде Кулиева. Общаясь с ним, вникая глубже в его мысли, я, невольно начиная играть, задевал те чуткие струны, которые извлекали чарующие звуки музыки, рожденные его вдохновенными словами о радостях и печалях жизни, о насущном хлебе, коре чинара, прижимаясь к которой можно обрести покой и утешение земли родной».

*В. Л. Молов,
композитор*

2000. Нальчик

Кайсын был человеком высоких нравственных принципов, правил, от которых не отступал никогда. Ему органически был чужд конформизм. Для него не было и не могло найтись причины, побудившей бы его к компромиссу, к сделке с совестью. Нечего говорить, что это значит в иные времена. Быть со своим народом в радости и горе — в этом весь Кайсын».

Чингиз Айтматов

2002. Москва

«Духовное родство, которое Кайсын безошибочно обнаруживал у самых разных поэтов, укрепляло в нем чувство мира как единого дома человечества. Естественно,

✓ что зародыш этого чувства — врожденная любовь к «малой родине», к Чегему, через который, благодаря Кайсыну, ныне пролегает одна из дорог современной мировой поэзии».

Чингиз Айтматов

«Кайсын был удивительно обаятельным человеком. Он никогда не ставил себя выше всех. Всегда вежливо уступал другому дорогу в самой простой среде. Такое поведение подкупало людей».

*Мухажир Кульбаев,
бывший секретарь Кабардино-
Балкарского обкома партии*

2000. Нальчик

«Кайсын Кулиев — гордость и слава нашего народа. Он был самой яркой звездой современной литературы на высоком небосводе Кавказа, достигший зенита славы и мирового признания своим самобытным талантом».

*И. И. Рахаев,
заслуженный деятель искусств КБР*

2000. Нальчик

«Человеческая натура Кайсына Кулиева была особой, богатой, неповторимой. Он всегда удивлялся всему, что казалось ему новым».

*Х. Х. Хавпачев,
музыковед*

2000. Нальчик

«С каждым годом значение кайсыновских стихов все будет возрастать. Мы и другие поколения музыкантов будем все чаще и чаще обращаться к его прекрасным стихам, так как они удивительно музыкальны, жизненны, дарят людям красоту, добро и нежность».

*Мурад Кажлаев,
композитор, народный артист СССР*

Ноябрь, 1998. Нальчик

«Творчество Кайсына Кулиева глубоко и масштабно отразило нелегкий, непростой переход наших народов из тьмы к свету, из бесписьменного состояния культуры к ярким ее высотам. Выйдя из теснин ущелья Чегема, из среды балкарских охотников и пастухов, он смог стать носителем высокого интеллекта и культуры. Ему удалось высветить своим талантом суровый, мужественный путь горца, облик его земли и достойно занять место рядом с крупнейшими представителями мировой поэзии».

В. М. Коков, Президент Кабардино-Балкарской Республики

15 ноября, 2002. Нальчик

«Поэзия Кулиева — это как тот родник, из которого хочется пить постоянно, потому что всякий раз *ощущаешь необыкновенную свежесть и чистоту его стихов*».

*Б. Г. Кагермазов,
поэт*

2000. Нальчик

«Поздравляю дорогого юбиляра Кайсына Шуваевича с датой золотой осени, высокой правительственной наградой, желаю счастья ему, его семье, его дому. Пусть *вечно цветет его человеческий и мужественный талант на радость родной земле, миллионам читателей и друзей*».

*Наталья Капиева,
литературовед*

1977. Пятигорск

«Дорогой Кайсын Шуваевич, от всего сердца поздравляю Вас, народного поэта Кабардино-Балкарии, лауреата Госпремии СССР и РСФСР в день Вашего 60-летия. *Ваши замечательные стихи, проникнутые идеями социалистического гуманизма, стали достоянием всей многонациональной советской литературы и получили всенародное признание.* В годы Великой Отечественной войны Ваша поэзия служила делу победы и служит делу борьбы за мир, укрепления дружбы между народами, воспеания красоты родной земли.

Широка и многогранна Ваша общественная деятельность как депутата Верховного Совета СССР.

Приятно сообщить, что издательство «Художественная литература» в год Вашего юбилея завершила выпуск трехтомного собрания Ваших сочинений.

Желаю Вам крепкого здоровья, счастья и новых творческих успехов».

Стукалин,
председатель книжного
издательства СССР

1977. Москва

«Ереванский госуниверситет и Институт Мировой литературы им. А. М. Горького организует в октябре 1973 года в Ереване Всесоюзную конференцию «Традиции Некрасова и многонациональная советская литература». Студенческо-преподавательский состав и научная общественность ИМЛИ были бы рады видеть Вас гостем нашей конференции и выслушать Ваши соображения о Некрасове. Тема выступления, разумеется, свободная. Но если у Вас есть желание ее сформулировать, тем лучше. Шлите ее нам. Мы введем ее в печатную программу конференции».

Л. М. Арутюнов,
секретарь оргкомитета конф.

Москва

«Великолепный знаток мировой литературы, музыкальной культуры, плюс к тому огромный поэтический талант позволили ему стать вровень с лучшими творениями мировой культуры».

М. Х. Шхануков-Лафишев,
доктор физико-математических наук,
профессор

2000. Нальчик

«В произведениях весь поэт: его человеческая доброта и сердечность, душевная щедрость и благородство, мудрость и верность любви и дружбе. Он — человек высоких нравственных принципов, от которых никогда не отступал».

Е. А. Абулова, Д. А. Напсо,
профессора

2000. Пятигорск

«...Кайсыну было суждено стать светочем горного края, выразителем чаяний каменных теснин и жителей этой родной отчизны».

*Э. Б. Гуртуев,
писатель*

2000. Нальчик

«Он превыше всего ценил свою родину, все те ее истоки, которые и даровали ему жизнь, и наполнили ее многогранным, высоким содержанием».

*П. Т. Сопкин,
доцент Кубанского госуниверситета*

1997. Краснодар

«Творчество Ваше мне необычайно дорого и близко своей светлой верой в человека, своими глубокими и прекрасными мыслями, своей великолепной, чеканной образностью. Оно меня несказанно трогает своей благородной человечностью, оно волнует, потрясает, заставляет звучать самые тонкие, сокровенные струны души. Читая Вас, сам как бы становишься поэтом, сам перевоплощаешься в Кулиева, начинаешь видеть красоту мира глазами поэта, размышлять о жизни и судьбах человечества умом Кулиева, воспринимать радость и горе сердцем Кулиева».

*А. М. Разумный,
известный еврейский писатель*

Рига

«...Наши поэты часто вспоминают добрым словом и с увлечением говорят о Ваших стихах. Я часто думаю о Вас и особенно сейчас, когда перевожу Ваши стихи. Надеюсь, и Вы не забыли молодого латыша, который читал Ваши стихи в Рижской госбиблиотеке. Вот он сегодня обращается к Вам со своими строками. Тогда Вы мне говорили о подстрочниках моих стихов. Сегодня я обращаюсь к Вам по поводу Ваших произведений... Ваша книга скоро выйдет на латышском языке».

Янис Сирмбардис

Рига

«Переводя Ваши стихи, я много думал о судьбах Вашего народа и о судьбе своего народа, о судьбах всех народов больших и малых... Что меня больше всего восхищает в Ваших стихах – это старание разобраться в сложностях жизни, глубина мысли, правдивость во всем. Без умолчания острых углов жизни и без громких слов в то же время».

*Янис,
переводчик стихов Кулиева*

Рига

«Для меня встреча с древней землей Кабардино-Балкарии была настоящим праздником. Я занимаюсь проблемами искусства и, естественно, первозданные красоты Вашего края, ваши энергичные люди – выше всех похвал. Такие встречи очень важны для меня».

*Айвер Кальве,
писатель*

Рига

«Всех участников творческой дискуссии в Праге в 1966 году К. Кулиев удивил органичным сочетанием крестьянской мудрости и широкой европейской эрудиции».

*Альгимантас Балтакис,
известный поэт*

Прага

«Глубоко усвоив традиции устно-поэтического творчества балкарцев и других горских народов, обогатив эти традиции достижениями мировой поэтической мысли, Кайсын Кулиев создал своим пером новый язык поэзии, в частности, лирики. Значение этого творческого подвига выходит за рамки собственно литературы и культуры одного народа. Размах таланта, масштаб мышления крупного творца позволили Кулиеву воплотить на материале жизни небольшого народа проблемы, волнующие все человечество, возвысив тем самым мировосприятие современников до общечеловеческого, планетарного уровня».

*Х. Х. Сохроков,
министр образования и науки КБР*

17 декабря, 2002. Москва

«Уважаемый Кайсын Шуваевич! Учащиеся нашей школы, в том числе и члены литературного кружка «Подснежник», ведут переписку с вашими земляками, учащимися СШ №8 им. Марко Вовчок г. Нальчика.

Эта переписка началась в 1955 году с благословения нашего выдающегося поэта Павло Тычины, певца «чувства семьи единой». Идя навстречу 50-летию образования СССР, мы планируем выпустить альбом, где хотели отобразить дружбу учащихся Ровенской области и Вашей Кабардино-Балкарии.

Мы просим Вас прислать нам материалы для этого альбома. В частности, мы надеемся получить Ваше письмо о том, как Вы относитесь к украинскому народу, его культуре и литературе...»

*Татьяна Рожко,
ученица средней школы*

Дубровский район Ровенской области

«На днях в библиотеке я взял Вашу книгу стихов «Завещанный мир». Все Ваши стихи мне очень понравились. Постараюсь стихи Ваши перевести на азербайджанский язык. Хочу глубже познакомиться с Вашим замечательным творчеством».

*Рагим Алхас Хальфа оглы,
рабочий*

18 февраля 1966. Сумгаит

«Ваши слова о матери захватывают глубокие уголки моего сердца. Понять Ваши стихи о матери я могу, потому что я сам жил в Казахстане».

*Кондратов Александр Васильевич,
научный сотрудник*

29 января 1966. Москва

«Я сердцем чувствую Ваши замечательные стихи. Если Вы не будете возражать, то я попробую перевести их на русский язык. Я жил в городе Майском в Кабардино-Балкарии. Очень часто бывал горах, в Верхней Балкарии, в Безенги. Меня волнуют горы и люди гор, поэтому у меня особый интерес к Вашей поэзии».

Анатолий Ковальчук

20 августа 1966. Украина

«С большим интересом прочитал Вашу книгу «Я пришел с гор». Ваша книга привлекает читателя глубиной мысли, в ней чувствуется ощущение живой современности и голос родной земли».

*Дрейден Семен Давидович,
писатель*

5 октября 1962. Москва

«Когда я читала журн. «Огонек», то увидела знакомое лицо — поэта Кайсына Кулиева. Взгляд задержался на строчках:

Мели снега жестокой доли
И помню, что огонь зачах...

Мне вспомнилась Киргизия и опаленные высылкой годы. Теперь вместе с Вами я радуюсь тому, что огонь вновь «в балкарском доме венчает каменный очаг», и радуюсь тому, что Вы так прекрасно сказали о завещанном мире...»

Г. Шарипова

12 февраля 1962. Алма-Ата

«В дань уважения к Вашему таланту я перевел Ваши стихи на немецкий язык. Они опубликованы в газете «Фройдшафт» (издательство «Социалисты Казахстана» Целинноградской области), которая выходит для немцев, проживающих в Казахской ССР. Я перевел следующие Ваши стихи: «Хлеб и роза», «Терпение», «Да, раны нанесенные любовью...», «Путь мой был труден с каждым днем...», «Где-то стонет женщина в дали...», «Живем с тобою каждый день и час...», «Был пахарем, солдатом и поэтом...», «Любой навет заранее приемлю», «Лишь мертвые не ведают тревог...», «И я причинял, о женщины, горя немало...», «Мотылек», «Всегда, мой друг, наглядна высота», «Ты не ел того хлеба...», «Зловещие слова Майданек, Бухенвальд...», «Следы ранений на камнях видны», «Покой нет» и др.

В газете «Новое время» (Ноес лебен) издательства «Правда» (Москва) тоже были опубликованы эти стихи на немецком языке. Стихи Ваши в моих переводах очень

понравились немецким читателям и в этих газетах появилось много восторженных отзывов о Ваших стихах.

Будучи в Нальчике я купил несколько книг Ваших стихов. У нас их не найти. Вскоре после возвращения домой я перевел несколько десятков Ваших стихов на немецкий язык. Ваши стихи мне очень нравятся. Я с удовольствием перевел бы целую Вашу книгу стихов. Но, к сожалению, у нас в Союзе негде издавать, а с зарубежными издательствами у меня нет никакой связи.

От души Вас поздравляю с праздником Великого Октября, желаю Вам много хорошего в жизни».

Ф. Больгер

2 ноября 1972.

Целиноградская область Казахстана

«От души поздравляю, Кайсын Шуваевич, с 50-летием, желаю Вам высокого гражданского накала в творческом горении».

*Сибгат Хаким,
писатель*

1967. Казань

«Дорогого Кайсына Шуваевича поздравляю с Новым годом и желаю ему счастья. Глубокоуважаемая и незабытая поэтом

*Мария Прилежаева,
писатель*

Москва

«Дорогой Кайсын, смотрим на Эльбрус, а тебя не видим. Поздравляем с Новым Годом! Поправляйся скорее. Мы с женой Галкой отдыхаем в Кисловодске».

*Лев Ошанин,
поэт*

Москва

«Недавно во время литературной передачи из Москвы я слышал стихотворение, посвященное нашему народному поэту Эшрефу Шемьи-заде. Это событие, если можно так выразиться, еще больше увеличило к Вам, Кай-

сын Шуваевич, глубокое уважение и явилось поводом для этого письма. Вернее, не только я, а множество моих земляков, наряду с семьей Шемьи-заде, считаем Вас родным поэтом.

Ваши стихи «Хлеб и роза», «Горы», «Огонь на горе» и особенно стихи и поэмы из сборника «Раненый камень» читаем с большим интересом. Такой большой интерес моего народа к Вам и Вашему творчеству не без основания. Он прежде всего объясняется задушевностью Ваших стихов, но и еще больше сходством языка и судеб двух родственных народов – балкарского и крымско-татарского.

В течение десяти лет после больших перемен, к сожалению, мы до сих пор не имеем книг своего любимого поэта Шемьи-заде. Но теперь имеются радостные вести о том, что в этом году в связи с 60-летием со дня его рождения будет издан сборник произведений Шемьи-заде. Спасибо Вам: в этом есть и Ваша большая заслуга».

Идрис Асанин

15 марта 1968. Самарканд

«Если Вы, Кайсын Шуваевич, доверяете моему художественному вкусу, то дайте мне, что сами сочтете нужным для перевода на русский язык. Могу заверить Вас, что постараюсь сделать все с учетом языка оригинала и размера и образной системы стихов. Конечно, Ваши произведения переводят многие квалифицированные переводчики, но бывают, очевидно, случаи, когда не все нравится автору, и поэт может сделать лучше. Буду счастлив сделать все возможное, чтобы понравиться Вам. Это будет моим подарком. Очень жаль, что на вечере Вы не прочитали свое программное произведение. Мне очень нравится стихотворение «Был пахарем, солдатом и поэтом...» Это Ваше стихотворение – великая вещь гражданской тематики. Здесь мастерски использован прием противопоставления, или, если хотите, сопоставления, на первый взгляд, несопоставимых величин. И все это проникновенно, зримо и проникнуто трепетной любовью к матери. В этом стихотворении больше мыслей, чем слов».

Владимир Юрьевич Карасевич,
поэт

27 августа 1973. Рига

«Низкий поклон, маэстро Кайсын Шуваевич, за хорошие слова о нас. Вспоминаем о Вашем пребывании у нас, как о самом прекрасном празднике. Да сбудутся все Ваши желания».

*Ливиу Дамиан,
молдавский поэт*

26 декабря 1972. Кишинев

«Я давно все собираюсь сказать тебе, что я люблю твои стихи и тебя самого и, думаю, что накануне Нового года вряд ли удастся мне сказать тебе об этом. С наилучшими пожеланиями».

И. Друцэ, поэт

Кишинев

«Дорогой Кайсын Шуваевич, я очень неудачно заходил к Вам несколько раз, но Вас не было. Выполняю с большим опозданием Ваши просьбу. Сообщаю домашний телефон А. Масленниковой.

Мы очень были бы рады видеть Вас у себя. Непременно заходите к нам каждый раз, когда будете приезжать в Москву.

Всего Вам доброго».

*Леонид Пастернак,
сын поэта Л. Б. Пастернака*

Москва

«Милые Кайсын и Мака, мы пробовали с Вами договориться по телефону. Один раз к телефону подходил Ваш сын Алим. И он обещал передать Вам наше сообщение. В другой раз никто не отвечал по телефону.

Мы приехали, чтобы Вас найти, но не смогли. Мы дома. Женя пошла на вокзал за билетами. Позвоните нам или лучше приезжайте. Нита очень будет рада, она была огорчена Вашим вчерашним поспешным бегством. Всего хорошего. Ваши Олена и Женя».

Леонид Пастернак

«Мы гордимся тем, что являемся современниками Кайсына Кулиева, великого поэта и гражданина, чья поэзия, полная высокого мужества, умудренная опытом

доброты, пронизанная чувством долга, зовет к стойкости и душевной щедрости».

*Давид Шаваяев,
начальник архивного Управления КБР*

1987. Нальчик

«С давних пор преклоняюсь перед Вашей личностью и поэзией. Черпаю бодрость из постоянной памяти о Вашей благородной жизни. Мало осталось таких родников. Почти не осталось. Но Вы живы и в расцвете сил, которые Вам сохранил Бог в награду за Ваше мужество, безропотное страдание, беззаветное служение поэзии».

*А. Межиров,
поэт*

Декабрь 1977. Москва

«Больше всего на свете поэт ненавидел ложь и в жизни, и в стихах, ему были чужды литераторы, которые думали одно, а писали другое. А ведь и таких, к сожалению, было немало. Будучи по природе очень добрым человеком, Кулиев был непримирим к любой фальши».

*Зубер Тхагазитов,
народный поэт КБР*

Нальчик

«Довоенные стихи Кайсына Кулиева отличаются глубиной, самобытностью, большой эмоциональностью, народностью поэтического чувства, сочным национальным колоритом. Но лишь война по-настоящему определила поэтический склад Кайсына Кулиева. С войной поэт-воин перестает быть только национальным поэтом. Его поэзия перерастает национальные рамки и приобретает характер общечеловеческий по значимости содержания, по потрясающей силе чувств».

*Лия Ерусалимчик,
литературный сотрудник издательства
«Советский писатель»,
литературный критик*

13 августа 1943. Москва

«Кайсын Кулиев принадлежит к разряду тех поэтов, чье слово дышит отвагой и правдивостью, соединяет верное чувство реального с бесстрашием образного поиска».

*Иосиф Гринберг,
литературный критик*

1976. Москва

«Лирика Кайсына Кулиева неизменно отвечает героическому началу и утверждает его в повседневной жизни наших людей. Этим и определяется ее характер и особый колорит, в суровости которого угадывается пылкость, сердечность и страстность».

*Борис Соловьев,
критик*

1964. Москва

«Кайсын Кулиев имеет «свою походку», ни на чью не похожую. А это всего важнее для поэта! Кайсын Кулиев искренен, масштабен в философской мысли. Любовь к траве, к земле, горам, детям, женщине и красоте в нем неистребима».

Газим-бег Багандов

1967. Дагестан

«Кайсын Кулиев в Киргизии не ограничивался только переводами произведений киргизских поэтов и писателей на русский язык, он активно занимался тем, как их переводят на русский язык и отчасти проблемой теории поэтического перевода... Если талант балкарского поэта возмужал, окреп в окопах Великой Отечественной войны, то созрел, получил стальную закалку в Киргизии».

*Камбаралы Бобулов,
критик*

Фрунзе

«Поэзия Кулиева – опыт настойчивого обретения своей манеры, суть которого определила тяга к простоте и самостоятельности («чужой бешимет не примеряй, мой стих»). Поэт выверяет свое слово мерой изначально-

ных, первичных ценностей бытия. Ставка на безыскусность прямого и единственного слова («давайте звать забор забором»), неприятие нарочитого усложнения, затемняющего смысл вещей, обрели программное значение в поэзии Кулиева».

Казбек Султанов,
литературовед

Москва

«Имя и книги Кайсына Кулиева преодолели границы и языковые барьеры. Эрудиция его — органический сплав мировой культуры и собственного опыта — удивляла глубиной и разносторонностью... В нем сочетались черты большого поэта, мыслителя, высокообразованного человека...».

Валентин Кузьмин,
писатель

Нальчик

«Я Вас люблю как доброго, отзывчивого и чуткого человека. Увидев и узнав Вас, я, да и все мы, узбеки, еще больше полюбили Вас и Вашу доброту, правдивость, непримиримость к малейшей грубости и нечестности. Да сохранит Вас Аллах!»

А. Якубов,
известный узбекский писатель

«Ваша истинная поэзия стала спутницей моей жизни. Строки, идущие из глубины души поэта, всюду преследуют, призывают к добру».

Алламурад Кареев

Ашхабад

«Дорогой Кайсын, какое великое счастье иметь возможность приносить своим творчеством радость людям».

Из письма Татьяны Дмитриевны Гулиа

Сухуми

«Поздравляю с юбилейной датой. Примите от будущего литературного музея Северного Кавказа самые ис-

крепкие пожелания хорошего здоровья и большого творческого счастья».

*Полонская,
директор музея*

Ставрополь

«Дорогой друг Кайсын, пусть всегда будет твоя правдивая песня, которая озарила нашу дружбу. За мир и счастье на земле! Крепко обнимаю тебя. С братской любовью».

Максим Танк

Белоруссия

«Кайсын-аке! От всей души поздравляю Вас с юбилеем — 60-летием. Посылаю Вам через молодого джигита Руслана бальзам «Арашанды», изготовленный из высокогорных трав Ала-Тооу, чтобы Вы попробовали аромат запаха альпийских лугов родных Вам киргизских гор. Желаю Вам, дорогой мой брат, долгой и счастливой жизни, больших творческих успехов».

Будайбек Сабыр-уулу

Киргизия

«Когда читаю Ваши стихи, я радуюсь и восхищаюсь. Когда читаю, как пишут, то горжусь, что знакома с Вами. Дай Бог Вам силы и вдохновения на долгие годы. Вы — глубокий, нежный, тонкий и человечный поэт».

*З. А. Богомолова,
литературовед*

Ижевск

«Ваши стихи превосходны, красивы, художественны, содержательны и берут за душу. Чувствуется огромная сила, большой талант, душевная чистота и патриотизм в Ваших стихах как большого Человека нашей эпохи.

Преклоняюсь перед Вашей поэзией, шлю самые наилучшие пожелания в дальнейших творческих успехах в Вашем благородном и нужном деле».

Хильчевский Сергей Николаевич
Рославль Смоленской области

«Сегодня слушала Ваши стихи, их читали М. Кузнецов и М. Ульянов по первой программе радио. Я люблю хорошие стихи. О Ваших стихах сегодня подумала: буду искать Ваши сборники для себя, своих детей и внуков, а также и для своих друзей.

Большое спасибо за Ваши стихи».

*Л. Трофимова,
учительница с 37-летним стажем*

Вологда

«Давно мучила меня мысль написать Вам и поблагодарить Вас за прекрасное стихотворение под заглавием «Когда стареет красивая женщина...» Большое спасибо Вам за простоту мысли, дающую нам силу, энергию и, главное, благородство Вашей души. Остаюсь с глубокой благодарностью к Вам. Если у Вас есть Мать, то поцелуйте ее от меня за такого талантливое сына».

Яковлева Мария Васильевна

Рига

«Многоуважаемый поэт Кайсын Кулиев! 22 января 1963 года мы с большим интересом и волнением прослушали по радио передачу Вашей поэмы о Владимире Ильиче Ленине. Поэма нам очень понравилась. К сожалению, быстрое чтение не дало нам возможность более подробно уловить содержание поэмы. Но даже из прочитанного дает нам право думать о Вас как о настоящем, большом советском поэте. Поэтому мы «загорелись» желанием знать, как можно больше о Вашем творчестве. По просьбе группы заключенных, отбывающих свой срок наказания в исправительно-трудовой колонии, убедительно прошу Вас, если это не представит Вам больших трудностей, выслать нам бандеролью поэму о Ленине и другие Ваши стихотворения на русском языке...»

Иван Прончатов

Потьма. Мордовская АССР

«В художнике мы ценим индивидуальное, ему одному присущие черты, свое особенное видение мира. Он нам дорог «лица не общим выраженьем». Именно таким не-

повторимым художником слова является Кайсын Кулиев. Его поэзию не спутаешь ни с кем. «Рождайся, как обвал, баллада, строка — орлиных крыльев взмах. Стремись вперед сквозь все преграды, как всадник, скачущий в горах... Я воспринимаю лирику К. Кулиева нежной и суровой, полной драматизма и мужества, предельно искренней. Думается, этого поэта нельзя спутать не только с певцами равнин и степей, но и не с одним из поэтов горских народов. Диапазон его творчества широк: не только лирика в собственном смысле этого слова, но жанровые картины, портреты весенних тружеников-умельцев — философские миниатюры, песни — все у Кулиева имеет свои, ему одному свойственные краски. Мне представляются антологическими шедеврами его стихи».

*П. Хузангай,
чувашский поэт*

*Из речи на выездном заседании бюро
Правления Союза писателей РСФСР*

13 октября 1959 г.

«Сердечный и поэтически уважаемый большой певец прекрасной Балкарии! Всегда, когда я вижу «перевод с балкарского» меня охватывает глубокая радость. Передо мной выступают картины моей молодости: уютный Нальчик в тупчике под снежными вершинами, много солнца и много горских юношей и девчат... В 20-е годы я работала в Ленинском учебном городке, где обучалось более трехсот человек... Было много тяжелого, смешного и трагического. Но нам улыбались снежные вершины, дикие ущелья, и мы переживали за всех юношей и девушек. Мы сочувствовали стройному и светловолосому Магомету Энееву, всегда тяжело задумчивому и стоящему в одиночестве. Он по-своему, по-княжески переживал судьбу Балкарии... Мы жили в садах Долинска. Мы радовались, что через год наши юноши и девушки будут гулять по парку с книгами в руках.

И вот я очень рада судьбе балкарского народа, рада, что Вы, балкарец, прославили свой народ. И пусть благодатны и мудры будут Ваши песни. Пусть еще шире и дальше облетают мир — пусть славится Балкария! Пишите больше о своей стране теми же словами, как о Вашей

прекрасной родине. Я по-лермонтовски люблю Кавказ, но уже нигде не бываю. Мне скоро 80 лет. Я латышка из Калужской губернии. Глубоко люблю Россию, особенно леса (мой отец был лесником). Привет Балкарии – дням моей молодости. Я прочитала Ваше стихотворение «Матери» в Литературной газете и растрогалась.

Будьте благословенны, живите долго». (Подпись была неразборчива. Письмо датировалось: 10 февраля 1976 г. Обратный адрес гласил: Москва, ул. Воровского, 52. Союз писателей СССР. Кайсыну Кулиеву лично).

«Люблю Вашу поэзию, люблю то, что она полна гражданской страсти и глубокой человеческой мудрости, пронизана благородным и светлым мужеством. Ваше творчество – истинно и ярко национально. Оно несет в себе нечто общечеловеческое. Ваша великая любовь к культуре других народов делает Вас интернациональным поэтом. Все хорошее, все прекрасное у вашего народа близко и другим народам».

*Киселев Константин Григорьевич,
работник автопарка*

Поселок Томашполь
Винницкой области, Украина

«Дорогой Кайсын Кулиев, Вы опубликовали хорошую книгу «Так растет и дерево». Спасибо Вам. Такую книгу мог написать только большой поэт. Я рад, что встретил ее».

*Чеснов Ф. И.,
книголюб, инженер*

Москва

«Будучи чукотским шаманом, шлю тебе самых моих добрых «духов». Пусть они оберегают тебя, как говорят мудрые чукчи, от злого начала. Прочти, брат, моего «Белого шамана» в журнале «Наш современник» в №10–11–12 за 1977 г.

Всегда твой Н. Шундук».

*Н. Шундук,
известный чукотский прозаик*

«Без Вас скучаю, читаю книгу, прекрасные страницы, иногда она вышибает слезы. Это не от слабости. Я плачу за стойкость и мужество раненого камня».

*Борис Укачин,
горно-алтайский поэт*

«Дорогой Кайсын, обнимаю тебя, нашего собрата и брата. Пусть твой великий талант вечно сияет миру над вечными, свободными вершинами Кавказа».

*Вардгес Петросян, Левон Мкртчян,
Сильва Капутикян, Серго Ханздян*

Ереван

«Многоуважаемый, дорогой Кайсын Шуваевич, Вы являетесь символом доброты, честности, любви ко всем народам. У Вас широкая душа и большое сердце. Потому Вас в Туркмении считают «халкь бульбули» (певцом народов). Такую оценку давали народы в Средней Азии Алишеру Навои, Рудаки, Махтумкули. Вы истинный сын земли. В этом Ваше величие и Вашей поэзии.

Все мы любим Вашу поэзию и ждем Ваших прекрасных стихов».

*Билялов Исмаил,
ваш читатель*

Кайрак-Кум. Туркмения

«Кланяюсь тебе низко, заранее благодарю за все, желаю железного здоровья, самых прекрасных успехов и самого веселого настроения».

Николай Старшинов

Москва

«Мы все поклонники Вашего чудесного таланта и радуемся тому, что мы знали Вас тогда, когда Вы только начинали «дорогу в тысячелетие». В моем фронтовом дневнике от 7 апреля 1943 года есть такая запись: «Это было под Ростовом. Сегодня к нам в редакцию приехал Кайсын Кулиев. Это очень жизнерадостный, веселый и хороший поэт. Он нам читал свои стихи и С. Есенина...»

*Зубко Семен Тихонович,
однопольчанин*

Киев

«Твой вклад в киргизскую литературу, который ты внес, мы и весь киргизский народ никогда не забудем. Благодаря твоим переводам с киргизского на русский язык произведения киргизских писателей стали известными не только в Советском Союзе, но и в других странах. Киргизия для тебя стала второй родиной. Написанные тобой стихи о нашей республике знает каждый киргиз, рожденный у подножия Ала-Тооу. Каждый киргиз тебя считает кровным братом, бесконечно любит. Твои книги являются украшением библиотеки и представляют большие духовно-нравственные ценности для нас.

Кайсын-агай, киргизы никогда не забудут те годы, когда мы вместе работали с вами».

Союз писателей Киргизии. 10 подписей

«Добрый день, дорогой наш Кайсын! От имени литераторов и читателей Карачаево-Черкесии и от себя лично сердечно поздравляю Вас и Вашу семью с праздником Октября!

Я нахожусь в Пятигорске в санатории, 22 октября 1978 года я приехал из санатория «Ленинские скалы» к скалам Кайсына Чегемского ущелья. Экскурсантам я рассказывал о человеке, которого подарили миру эти горы».

*Осман Хубиев,
карачаевский прозаик*

«От всей души желаю Вам и всей Вашей семье крепкого здоровья, творческих успехов в литературной деятельности, огромного семейного счастья, всего самого доброго и светлого. С праздником Дня Победы. И пусть над миром будет чистое небо!»

*Ада Намазова,
работник телевидения*

Баку

«Вы поэт яркий и служите верно поэзии по велению самой жизни. Давно Вас читаю. Очарованный Вашим талантом, я радуюсь от души, когда читаю Ваши стихи... Вы возвышаете тружеников земли. У Вас есть хорошие крылья. И оставайтесь всегда молодым...»

Андрей Лупан

Кишинев

«Я не нов в своих пожеланиях... И все-таки пусть всегда будет Ваша прекрасная поэзия высокой, как Эльбрус и чистой, как его вершины. Желаю Вам в расцвете своего таланта как минимум сто лет».

Х. Семенихин

«Дорогой Кайсын Шуваевич! Поздравляем Вас с 60-летием со дня рождения и искренне желаем счастья и радости, всего самого прекрасного в жизни и творчестве».

*Алла Черневская,
член научно-творческого общества
«Чувства семьи единой», студентка
пединститута, белорусска;
Екатерина Мельченко,
член того же общества, украинка*

Киев

«Уважаемый друг Кайсын Кулиев, Ваша «Горская поэма...» — это сама жизнь... Услышав ее впервые 30 октября 1963 года в Долинске со сцены санатория имени Кирова г. Нальчика на литературном вечере из уст автора, по радио в дни Октября и прочитав ее лично, я много думал и решил, что по этой поэме нужен фильм, чтобы сравнить прошлое и настоящее кабардинского и балкарского народов».

Патрин Иван Михайлович

Город Волжский Волгоградской области

«С любовью и гордостью произносят казахи Ваше имя. Народ — особый читатель. Он ценит художественное слово и видит в Вас одного из крупнейших властителей чувств, мудреца, Гражданина. Несокрушим Ваш дух. Пусть крепнет Ваш творческий гений во славу культуры братских народов нашей великой Родины».

Союз писателей Казахстана

Алма-Ата

«Уважаемый Кайсын Кулиев! Очень хотелось бы, чтобы это письмо дошло до Вас. Надеюсь, что Вы его полу-

чите. И зная Вашу занятость, прошу извинить меня за беспокойство. Как-то случайно услышала по радио несколько Ваших стихов из «Книги земли». Не могу Вам не выразить тех чувств и удовлетворения услышанным, так глубоко трогают Ваши стихи мою душу своей правдивостью, с таким тонким понятием человека и всего земного».

Николаева Ирина Яновна

Новосибирск

«Дорогой брат Кайсын, искренне поздравляю тебя, великого и доброго сына земли Балкарии, с 60-летием и горжусь тем, что на такой маленькой земле неукротимого балкарского народа есть такой могучий талант – Кайсын! Он – эталон величия таланта, доброты и любви к своему народу, рода человечества».

Сафуан Шаймерденов

Алма-Ата

«Низкий поклон моему прекрасному и высокому Чегему, низкий поклон моим прекрасным горам и рожденным среди них земледельцам и поэтам!»

Юрий Александрович Михайлов

Таруса

«Вас, сына маленькой республики горцев, читают на всех континентах Земли. Так может случиться только, если люди прониклись мыслями и желаниями автора и становятся его единомышленниками. Вся Ваша жизнь – стремление отдать все свои силы, опыт, знания человечеству и принести в его дом мир, дружбу и взаимоуважение».

Коллектив Нальчикского конструкторско-технического бюро и опытного завода.

*Директор В. Г. Василенко,
секретарь парткома В. С. Настаев,
председатель месткома Н. Н. Коврижин*

«За добро и радость полагается благодарить», – сказали Вы в своей книге «Так растет и дерево», Кайсын Шува-

евич. Других Ваших книг я не читала, к сожалению. Но за эту одну книгу поклон Вам до самой Земли. Это не книга, а богатство, которым Вы, накопив его по крупинкам, делитесь с нами, читателями. Спасибо Вам за эту щедрость. Будучи этим летом в Пятигорске я, по совету гида, купила Вашу книгу. Как я была ему благодарна, могла бы в спешке не заметить ее и пройти мимо. Какая это была бы утрата для меня! Книга поражает своей простотой и доходчивостью языка. Вы – балкарец, изъясняетесь легко и свободно на русском языке, пишете легко и свободно. Я завидую Вашему знанию моего языка и преклоняюсь перед Вами».

*Минкова Валентина Александровна,
электросварщик коксохимзавода*

Кемерово

«Милый, дорогой, любимый Кайсын! В моем лице к тебе обращается весь Институт, благословенный ИМЛИ, вся Академия наук. Мы проводим анкеты. Уже ответили многие: Л. Леонов и другие славные мастера. Напиши мне несколько слов о своем личном восприятии Л. Толстого и А. Чехова, о том, что их роднит и что различает – с твоей личной, писательской, поэтической точки зрения».

З. Паперный

Москва

«Кайсын Шуваевич! Наша любовь к Вам и восхищение Вашей поэзией бесконечны. Многим из нас не посчастливилось встретиться с Вами, но нам кажется, что мы не раз виделись и постоянно были с Вами, то есть стихи и поэмы нам близки и понятны, особенно нам нравятся строки из стихотворения «Где б ты ни жил...»

Сейчас мы готовим большой концерт к фестивалю дружбы, посвященный 60-летию СССР, который состоится 3–4 ноября. На этом фестивале у нас будут гости со всего Кавказа.

От имени всех 120 членов «КИДА» очень и очень просим найти время на один день приехать к нам. Мы желаем Вам нескончаемой энергии, творческого труда.

Дорогой Кайсын Шуваевич, очень просим – не откажите. Низко кланяемся Вам».

*Г. Латокова,
директор Карачаево-Черкесской областной
национальной школы-интерната*

*Р. Гожева,
президент «КИДА»*

Черкесск

«Многоуважаемый Кайсын Шуваевич, снова Вас беспокоит Лидия Александровна Новочарова из Московского радио. Можете меня ругать, но я уже спланировала (к 60-летию Вашего рождения) выступление на тему «Пою мое Отечество». Надеюсь, что Вы не откажитесь выступить. Текст и пленка нужны в конце сентября. Посылаю Вам письма (конечно же, благодарственные от радиослушателей) на передачу 8 марта 1977 года».

Л. Новочарова

Москва

«Ваша книга «Так растет и дерево» доставит радость всем, кто любит и понимает поэзию. Вы пишете стихи и прозу и чувствуется любовь к Родине и Кавказу».

Василиад и Марклян Кузьмич

Грузия

«Дорогой Кайсын Шуваевич, в январе 1979 года наш журнал «Дружба народов» отмечает свое 40-летие. В связи с этой датой 23 января в Центральном Доме литераторов состоится вечер «Дружба народов». Нам очень хотелось бы видеть Вас среди участников этого вечера. Подтвердите свое согласие выступить на вечере. Средства, полученные от продажи билетов, поступят в Фонд мира. С Новым Годом и с самыми добрыми пожеланиями».

*Сергей Баруздин,
главн. редактор журнала*

Москва

«Многоуважаемый Кайсын Шуваевич! К Вам обращается коллектив центральной библиотеки и комитет

комсомола Московской сельскохозяйственной академии им. А. К. Тимирязева.

Заполняя анкету в библиотеке, студенты, преподаватели и сотрудники нашей Академии называли Вас своим самым любимым поэтом современности. По их желанию мы обращаемся к Вам с просьбой встретиться с нашими читателями — искренними почитателями Вашего таланта. Через Бюро пропаганды Союза советских писателей мы узнали Ваш адрес и получили сведения о том, что Вы нередко бываете в Москве. Мы рады провести встречу с вами в любое удобное для Вас время. Просим сообщить о Вашем дне встречи и предполагаемом дне встречи за неделю до ее проведения. Адрес: 125013. Москва, А-8, Тимирязевская ул., 49, корп. 10. ЦНБ. ТСХА.

Директор библиотеки и секретарь ВЛКСМ
Москва

«Кайсын Шуваевич, — самому могучему в поэзии нашего трагического и прекрасного XX в. — шлю мой и от Волги-матушки поклон. Поэзия твоя глубока и высока, ясна и таинственна, как судьбы наших народов. Я счастлив быть твоим современником, брат мой по исторической судьбе.

Обнимаю тебя, благороднейший ты человек, удивительный поэт».

*Григорий Коновалов,
Река Волга*

1 сентября 1977

«Дорогой и уважаемый Кайсын! Узнала о Вашем награждении и как близкий Вам человек, горжусь этой достойной, заслуженной наградой. Никогда не забуду Вашей доброты и благородства. Ваши стихи всегда учили меня, как надо жить, ибо в них — сама правда. Такая же правда, как и Вы для меня. Я надеюсь, что Вы не поставили точку на нашей дружбе. И однажды, возможно, Вы вдохновитесь написать мне в прозе. Всегда преданная Вам К. Ш. Логинова».

«Уважаемый товарищ! Убедительно прошу Вас не отказать мне в любезности и передать предлагаемое пись-

мо автору замечательной книги «Так растет и дерево» (М., Современник. 1975), лауреату Госпремии Кайсыну Кулиеву. Я не знаю его домашнего адреса и местожительства. Это вынуждает меня беспокоить Вас. Просьба, с которой я обращаюсь к тов. Кулиеву имеет очень существенное значение для меня и для полноты того романа о Есенине, который мною написан в 1975 году, но непрерывно дорабатывается и дополняется».

А. А. Чачуа-Лаппа-Стиржевская

Батуми

«Наш Кайсын-ага, исэнмесиз! Вы единственный, кто оставил казанцам глубоко волнующее впечатление на торжествах юбилея Мусы Джалиля. Торжества прошли замечательно, даже в отсутствие «великих поэтов-писателей».

Вы оказались настоящим поэтом — Гражданином. Спасибо Вам!

Кайсын-ага! В знак благодарности и уважения к Вам шлю несколько своих снимков из «мгновений юбилея». Пусть они будут для Вас памятью о тех замечательных днях, когда Вы были здесь».

А. А. Ильясов

Казань

«Хочу поблагодарить Вас за стихи, которые мне пришли на помощь как верные друзья. Они помогают мне быть тверже. Ваши стихи — самые нужные для меня слова. Спасибо за Ваш труд. Пусть у Вас все будет хорошо и счастье не покидает Ваш дом».

Галина

18 июня 1977

«Поздравляю Вас с Новым 1978 годом. Хочется пожелать Вам здоровья, творческой энергии, поэтического вдохновения и по-прежнему радовать читателей своими глубокими произведениями. Продолжайте также пламенно «глаголом жечь сердца людей».

*Т. Е. Моносова,
учительница*

Выборг Ленинградской области

«Прочитал подаренную тобой книгу и этим, главным образом, продиктована потребность написать тебе. «Так растет и дерево» — замечательная книга. Ее достоинство в том, что буквально за каждой строкой и словом слышен голос Кайсына Кулиева. Это очень твоя книга. Я ощутил желание говорить и размышлять о книге, о ее содержании, в духе автора — словами благородства, достоинства. Просто это твои качества проявлены в книге отчетливо и концептуально, так сказать, в чистом виде.

Самые сильные впечатления произвели на меня «Страницы автобиографии». Это целый трагический роман, но со светом, как бывает потрясающе в грозу. Жаль, что так коротко».

Константин Ваншенкин

Москва

«Дорогой Кайсын Шуваевич, журнал «Литературный Азербайджан» намерен опубликовать в юбилейном номере, посвященном 60-летию Великого Октября, стихи поэтов из всех союзных республик. Хотелось бы, чтобы Вы приняли участие в этой публикации. Будем признательны, если Вы откликнитесь на нашу просьбу и пришлете одно-два стихотворения».

*И. Третьяков,
главн. редактор журнала*

Баку

«Дорогой Кайсын Шуваевич, сердечно поздравляем Вас с днем рождения, желаем здоровья, счастья, новых творческих успехов. Всегда рады видеть Вас в редакции и на страницах газет».

Ред. коллегия газ. «Известия»

Москва

«Благодарность советского Комитета «Содействия Всемирному Конгрессу миролюбивых сил» К. Кулиеву за активное участие в подготовке и в проведении Конгресса миролюбивых сил.

Многоуважаемый Кайсын Шуваевич! Советский Комитет «Содействия миролюбивых сил» выражает благо-

дарность за активное участие в проведении Всемирного Конгресса миролюбивых сил с 25-го по 31 октября 1973 г».

*М. Замятин,
председатель Советского Комитета
О. Хархардин,
ответ. секретарь Комитета*

Москва

«Приглашение секретариата Союза писателей СССР К. Ш. Кулиеву принять участие в Пленуме СП, посвященном 40-летию Первого Всесоюзного съезда советских писателей. Москва».

Правление Союза писателей СССР

Москва

«В дни поэзии народов СССР СП Грузии приглашает Вас лично принять участие в этих торжествах, которые посвящаются 50-летию образования СССР...»

*Григол Абашидзе,
первый секретарь СП Грузии*

«Дорогой Кайсын Шуваевич! С 23 ноября по 3 декабря 1972 года в нашей республике состоятся Дни братских литератур – творческие встречи товарищей по перу. Будут выступления перед рабочими «ВЭФ» и рыбаками Латвии, знакомства с их работой...»

Нам очень хочется, чтобы Вы в этом празднике приняли участие, чьи произведения широко переведены на латышский язык и пользуются у нас большой популярностью».

*А. Янсонс,
первый секретарь СП Латвии*

Рига

«С 20-го по 30 июня 1974 года в Казахстане состоятся Дни советской литературы. Просим Вас участвовать и ждем Вашего согласия. Телеграфируйте».

*Г. Марков,
председатель СП СССР*

Москва

«Дорогой Кайсын Шуваевич, 1 июля 1971 года в Центральном Доме литераторов будет проведен литературный вечер «Голоса друзей». В программе вечера предполагаются выступления советских и зарубежных писателей, делегатов и гостей съезда писателей. Секретариат правления просит Вас принять участие в проведении вечера и выступить с чтением одного-двух стихотворений».

*В. Озеров,
секретарь правления СП СССР*

Москва

«Не всегда встречаются настоящие поэты и люди. Не всегда требует Апполон к священной жертве, а Вас требовал. Вы доказали, что Парнас наряду с Казбеком и Эльбрусом находится на Кавказе. Недаром Пушкин и Лермонтов ездили туда за вдохновением.

Дерзайте, дорогой мой, Вам многое дано...»

Подпись неразборчива

Ленинград

«Почетная Грамота Президиума Верховного Совета Дагестана К. Ш. Кулиеву в связи с Днями искусства и литературы Кабардино-Балкарской АССР в Дагестане».

«За большую и плодотворную работу по подготовке и проведению выездного заседания секретариата Правления СП РСФСР в г. Грозном объявить благодарность секретарю Правления Союза писателей РСФСР – Кулиеву Кайсыну Шуваевичу»

*С. Михалков,
председатель СП РСФСР*

«Горячо поздравляю талантливого сына балкарского народа с высоким званием, пою и танцую в хороводе миллионов почитателей твоего таланта. Горжусь тобой, желаю здоровья и еще больших успехов в завоевании новых высот. По-братски обнимаю».

*Ахия Бозиев,
научный сотрудник Института
языкознания Академии наук СССР*

Москва

«Дорогой Кайсын, горячо поздравляю с присуждением Госпремии СССР, желаю новых творческих успехов на благо советской литературы»

*Борис Балкаров,
проректор по учебной работе КБГУ, доктор
филологических наук, профессор*

Нальчик

«Дорогой Кайсын, писатели Карачаево-Черкесии от всего сердца поздравляют тебя с присуждением Госпремии СССР. Живи долго, твори на радость всем, гордимся тобой».

*Халимат Байрамукова,
председатель СП Карачаево-Черкесии*

Черкесск

«Уважаемый Кайсын-муаллим! Сердечно поздравляю Вас со столь высокой оценкой Вашей поэзии, поэзии мудрой, доброй и – еще добавлю – целомудренной.

Госпремия – это и читательская, всенародная! – благодарность».

Виталий Василевский

«Милый Кайсын, опять ты вынуждаешь меня потратить деньги на телеграмму. Однако я делаю это с большим удовольствием, ибо твоя талантливая «Книга земли» получила справедливую и высокую оценку. Радуюсь, поздравляю, обнимаю».

*Сергей Васильев,
профессор*

Москва

«Дорогой брат, с великой радостью поздравляю с высокой премией. Как хорошо, что золотая птица посетила нас! Нежно обнимаю».

*Муса Гали,
известный башкирский писатель*

Уфа

«Дорогой Кайсын, от всей души поздравляем тебя. Сердцами мы с тобой. Поднялись на Тарки-Тау и ударили по струнам за нашего Кайсына!»

Расул Гамзатов и Шахтаманов

Махачкала

«Сердечно поздравляю тебя, дорогой Кайсын, с присуждением Госпремии СССР. От души желаю здоровья, новых творческих успехов, крепко жму руку».

*Билар Кабалоев,
первый секретарь Северо-Осетинского
обкома партии*

Орджоникидзе

«Уважаемый Кайсын Шуваевич, примите от имени Министерства СССР и от меня лично самые сердечные поздравления с присуждением Вам Госпремии. Искренне желаем Вам, дорогой Кайсын Шуваевич, доброго здоровья, большого счастья, новых замечательных творческих свершений во имя дальнейшего расцвета многонациональной литературы Советского Союза».

*Кухарский,
замминистра культуры Союза*

Москва

«Уважаемый, дорогой Кайсын-ага! С наступающим Новым Годом – Годом грозного дракона и в Вашем лице поздравляю всех писателей Кабардино-Балкарии. Желаем им добиться еще больших успехов, издать новые книги на славу родной литературы. Жангы да жылда Минги таууча бийик болугъуз!»

*Б. Боронтой,
горно-алтайский поэт*

«Дорогой Кайсын, поздравляю, очень, очень радуюсь, что хорошо, то хорошо. Обнимаю».

*Сергей Залыгин,
писатель*

Москва

«Обнимаю, целую тебя, поздравляю и радуемся за тебя всей семьей. Кайсын, мы очень любим тебя и желаем тебе счастья».

*Константин Симонов,
писатель*

Москва

«Не найти мне этих слов, чтобы выразить тебе, дорогой Кайсын, свою радость за вручение тебе лауреата Госпремии СССР. Желаю тебе крепкого здоровья, обнимаю».

*Лейла Атабекова,
землячка поэта из селения Эль-Тюбю*

«ЦК профсоюзов работников культуры сердечно поздравляет Вас с присуждением Госпремии СССР за Ваш большой вклад в развитие советской литературы. Желаем Вам счастья, здоровья, дальнейших творческих успехов».

*Пашков ,
председатель ЦК профсоюзов*

Москва

«Коллектив Карачаево-Черкесского пединститута сердечно поздравляет Вас с высокой Правительственной наградой. Желаем Вам от всей души отличного здоровья, счастья, кавказского долголетия, дальнейших творческих успехов».

Захидат Тамбиева

Карачаевск

«Уважаемый Кайсын Шуваевич, примите сердечные поздравления по поводу получения почетного Звания деятеля культуры Армении. С наступающим Новым Годом. Спасибо Вам за ваши проникновенные стихи и за прекрасное понимание армянской поэзии, особенно нашей, средневековой».

Сильва Капутикян

Ереван

«Будьте всегда здоровым и веселым, как мы видели Вас на торжественном вечере-юбилее А. Исаакяна. С большим приветом первая поклонница С. Капутикян».

*Нина Арутюнян,
учительница*

Ереван

«Дорогой Кайсын, горячо поздравляю с присуждением высокой награды – Госпремии СССР. Творчество твое приносит людям радость. Оно высоко человечесно, талантливо, мудро. Многие тебе лета! Желаю тебе золотой Звезды Героя поэзии, огромного размаха и полета тебе... По поручению твоих осетинских друзей».

*Сергей Марзаев,
председатель СП Северной Осетии*

Орджоникидзе

«Редакция журнала «Знамя» шлет Вам, Кайсын Шуваевич, горячие поздравления в связи с присуждением Госпремии СССР за Ваши самобытные, талантливые стихи, включенные в сборник «Книга земли». С наилучшими пожеланиями...»

Знаменцев и В. Кожевников

Москва

«Горячо поздравляю, дорогой Кайсын Шуваевич, с Госпремией СССР, как говорится, дай Бог, чтобы она была не последней. Дружески обнимаю».

*В. Косолапов,
писатель*

Москва

«Искренне радуемся и горячо поздравляем дорогого поэта с присуждением Госпремии СССР. Желаем новых творческих радостей и новых прекрасных вершин в поэзии. Дружески обнимаем».

*Людмила Татьяничева,
поэтесса
и Николай Селянский*

Москва

«Центральный Комитет ВЛКСМ горячо и сердечно поздравляет Вас, талантливого советского поэта, с присуждением Госпремии СССР. Желаем Вам новых творческих успехов, крепкого здоровья и счастья».

*Тяжелников ,
первый секретарь ЦК комсомола*

Москва

«Дорогой Кайсын, жители Чегемского ущелья сердечно поздравляют тебя с присуждением высокого Звания лауреата Госпремии СССР 1974 года. Мы, особенно земляки твоего родного ущелья, гордимся тем, что ты прочно вошел в семью лучших писателей и поэтов Советского Союза, что твои произведения читаются во многих странах мира, что ты своими произведениями славим свой народ и ущелье, в котором родился и вырос. Мы по праву можем тебя назвать балкарским Пушкиным, а Чегемское ущелье — ущельем Кайсына.

Жаль, что среди Вас (поэтов) нет Александра Сергеевича. Он, наверняка, притянул бы тебя в свои могучие объятия. От всего сердца желаем тебе нартского здоровья и наилучших творческих успехов! «Все еще впереди!»

Подписи более десяти человек

Верхний Чегем

«Дагестанский областной комитет партии сердечно поздравляет Вас, народного поэта братской Кабардино-Балкарии, с присуждением Госпремии СССР за сборник «Книга земли». От души желает Вам новых творческих успехов в Вашей литературной и общественно-политической деятельности, крепкого здоровья, счастья и благополучия в жизни».

*Умаханов,
первый секретарь Дагестанского
обкома партии*

Махачкала

«Редакция журнала «Советская литература» сообщает Вам, что в одиннадцатом номере журнала публикуют-

ся Ваши стихи в переводе на английский, немецкий, испанский, польский, французский языки».

*В. Харьков ,
ответ. секретарь*

Москва

«Члену Совета по международным писательским связям СП СССР тов. К. Ш. Кулиеву. Приглашаем Вас на заседание по Международным писательским связям, которое состоится 1–2 февраля 1972 года в конференц-зале в Правлении СП СССР в одиннадцать часов дня».

*Н. Федоренко,
председатель Совета*

Москва

«Глубокоуважаемый Кайсын Шуваевич, в четверг 4 января 1973 года в одиннадцать часов дня в Москве в помещении издательства редколлегии «Библиотека поэта» состоится заседание. Прошу принять участие в заседании. В гостинице «Москва» Вам забронирован номер».

*Ф. С. Прийма,
главн. редактор*

Москва

«Редакционная комиссия высылает Вам, уважаемый Кайсын Шуваевич, верстку Вашего выступления на V съезде писателей СССР. Просим Вас посмотреть текст, завизировать его не позднее 15–20 апреля 1972 г».

Винокуров

Москва

«Журнал «Русская речь» постоянно печатает статьи о языках народов нашей страны. В дальнейшем редакция планирует расширить публикацию материалов о языках, контактах и, в частности, о роли русского языка в жизни многонационального государства. Кайсын Шуваевич, просим Вас ответить на вопросы анкеты полностью или выборочно. Ваши ответы мы предполагаем опубликовать на страницах «Русской речи» в номерах, посвя-

ценных 50-летию образования СССР. Не могли бы Вы уведомить нас о том, когда мы сможем получить ответы на нашу анкету? Нам это необходимо для планирования в очередной номер журнала».

*В. И. Бороковский,
редактор журнала, член-корр. АН СССР*

Москва

«Журнал «Вопросы литературы», орган СП СССР, Института мировой литературы им. М. Горького. Вся наша редколлегия журнала поздравляет Вас с наступающим праздником Весны. Очень хочется с Вами повидаться. Всех, всех Вам благ».

А. Дмитриев

Москва

«Уважаемый Кайсын Шуваевич! Госкомитет Совета Министров РСФСР по делам издательства и книжной торговли сердечно поздравляет Вас с Новым 1974 годом и желает дальнейших успехов в Вашей выдающейся творческой работе, крепкого здоровья, личного счастья».

Н. Свиридов

Москва

«В связи с избранием Вас депутатом Верховного Совета СССР, дорогой Кайсын Шуваевич, писатели РСФСР сердечно поздравляют Вас с высоким доверием, желаем больших успехов в благородном служении Родине».

Секретариат Правления СП РСФСР

«Дорогой мой учитель Кайсын Шуваевич! Поздравляю Вас с днем рождения. Желаю Вам крепкого здоровья, счастья в личной жизни, новых, еще другим не достигаемых восхождений в неизмеримых высотах Поэзии и Прозы. Вы достигли главной высоты – высоты Человеческого сердца, его всеобщей любви. Но на этом нельзя успокаиваться! Любящий Вас и Вашу Поэзию Виктор Логвинов».

Город Феодосия Крымской области

1975 г.

«Добрый день, дорогой Кайсын Кулиев! Только что послушал передачу 22 декабря киевского радио «Литературная викторина». Я ваш однополчанин саперной части. В часы личного времени Вы читали солдатам свои стихи и поэмы. Часто вспоминаю небольшую комнату в казарме в городе Старая Руса, где были расположены два взвода – взвод связи и саперный взвод третьего батальона 201-й воздушно-десантной бригады им. С. М. Кирова. Это было зимой 1940 года. Сейчас Вы уже вышли на широкую литературную дорогу, известны всему Советскому Союзу. Мы же, ваши рядовые однополчане, оставшиеся в живых после таких потрясений и ужасов войны, помним и следим за Вашим творчеством. Ваша проза в последние годы все чаще печатается в центральных издательствах – журнале «Юность», газете «Известия». Понятно, мы вырезаем эту прозу и храним в память о тех грозных годах нашей далекой юности».

Семен Тихонович Зубко

Киев

«Дорогой Кайсын Шуваевич, старые однополчане-десантники – поклонники Вашего солнечного таланта – сердечно поздравляют Вас с Госпремией СССР. Гвардейского Вам здоровья и вдохновения».

Борис Жаворонков

Рязань

«Кайсын Шуваевич, Московский госуниверситет и Институт языка и литературы, истории им. Галимджана Ибрагимова приглашают Вас принять участие в научных конференциях, посвященных 80-летию Сергея Есенина и 70-летию со дня рождения Мусы Джалиля. Мы очень просим Вас принять участие в работе данных конференций.

*М. К. Мухарьянов,
зам. директора
Н. Г. Юзиев,
завсектором*

Казань

«Ректорат Ростовской Высшей партийной школы убедительно просит Вас, видного советского поэта выступить на встрече со слушателями – профессорами и преподавателями нашей партийной школы – в связи с 50-летием образования СССР. В ВПША учатся из Кабардино-Балкарии 17 чел. Встреча с одним из видных представителей Кабардино-Балкарии, более близкое знакомство с достижениями культуры и литературы вашей республики и с Вашим творчеством для нас представляет большой интерес».

*Д. Зеркин,
И. О. директора ВПША, профессор
Ф. Поташев,
секретарь парткома
Вл. Воробьев,
зав. кафедрой русского языка
и литературы*

Ростов-на-Дону

«Уважаемый тов. Кулиев, поздравляю Вас с присуждением Госпремии СССР, желаю больших творческих удач и всего самого хорошего из того, что есть хорошего в жизни.

Я была один раз в Нальчике – это сказка! Мне кажется, что и сейчас я еще вдыхаю его воздух, перед глазами горы, небо. Я не поэт и не писатель. Я собираюсь проводить вечер, посвященный Кабардино-Балкарии и Вашему творчеству. У меня недостаточно материала о Вас и вашей республике. Не смогли бы Вы мне выслать еще некоторые материалы. По-настоящему великие люди всегда уж очень скромные. Поэтому я Вас очень прошу об этом и это не будет нескромным. Может быть, Вы найдете время и напишете о Ваших планах, с чего и как Вы начали?

Я никак не могла найти сборник стихов «Книга земли». Народ у вас героический, места исторические, насыщенные большими событиями, земля богатая и я хочу рассказать о Вас, воспеть по-своему Кабардино-Балкарию, воздать должное ей и Вашей поэзии».

Галина Андреевна Беспалова

15 ноября 1974. Рязань

«Ваша поэзия, привлекающая к себе любовь многих, получила теперь особое общественное признание. Кайсын Шуваевич, я рад, что счастливая судьба способствует Вашим стихам, они исполнены благородных помыслов и большой поэзии. Желаю Вам новых свершений...»

О. Белинский

11 ноября 1974. Москва

«Уважаемый Кайсын Шуваевич, я очень интересуюсь поэзией талантливого балкарского народа. Я занимаюсь переводами. Мои переводы печатались в журналах Азербайджана, Украины, Латвии, Армении, Грузии, Узбекистана.

После окончания Института по личной рекомендации Первого секретаря СП Украины В. П. Козаченко я приехал в Баку с целью совершенствования знания тюркских языков и литератур. Под руководством известных профессоров А. С. Крыжановского, В. М. Вагапзаде я работаю над переводами для «Антологии азербайджанской поэзии», которая выйдет в издательстве «Днипро». Буду работать в новом бакинском издательстве «Язычи» (Писатель). Я хотел бы переводить Ваши стихи, поэтому прошу прислать мне стихи в подстрочниках».

Александр Григорьевич Петкунь

18 января 1976. Киев

«Милый Кайсын, посылаю тебе список доставшихся мне стихов, чтобы ты получил представление о том, как получается по-русски. Посылаю три перевода. В основном, я твой мюрид. Пусть Новый год принесет тебе новые стихи нам на радость. Здоровья и счастья. Спасибо за открытку, за Чегем: многое прошло передо мной... После 20-го поеду за город и буду тебя переводить. Целую тебя».

Семен Липкин

Москва

«Дорогой Кайсын, поздравляю тебя, великого поэта Кавказа, с присуждением Госпремии СССР. Горжусь тобой. Обнимаю, целую».

Семен Липкин

Москва

«Глубокоуважаемый Кайсын Шуваевич, творчество М. Волошина занимает свое и немалое место в русской литературе. Его популярность растет. Однако его литературная судьба была суровой. В течение 50 лет его книги не издавались. Поэтому я обращаюсь к Вам как члену редколлегии «Библиотеки поэта» с просьбой содействовать рассмотрению вопроса об издании собрания стихотворений М. А. Волошина в «Большой серии» и включения этого издания в тематический план на ближайшие годы. В Л.-О. издательства «Советский писатель» направлено соответствующее письмо. Аналогичное письмо направлено всем членам редколлегии».

Л. И. Власов

Минск

«Поздравляю с высоким признанием твоей чудесной поэзии. На этот раз поэзия оценена справедливо. Обнимаю».

Марк Лисянский

Москва

«Дорогой мой друг Кайсын! Светлые дни мы прожили с тобой и каждый день я смотрел в твои мужественные глаза и знал твое открытое сердце. Хорошо дышать рядом с тобой! Я и раньше много читал твою философскую и душевную лирику, а теперь я просто упиваюсь ею. За каждой строкой – ты и только ты – поэт своего доброго, честного и благородного народа».

Верчасов Иршад

15 ноября 1975. Москва

«Уважаемый Кайсын Шуваевич, редакционная коллегия «Библиотека поэта» в свое время вынесла решение об издании в составе «Большой серии» сборника избранных произведений Д. Кедрина. Вопрос о составителе этой книги, автора вступительной статьи к ней был оставлен открытым с тем, чтобы его решить в рабочем порядке. Нужно путем опроса членов редколлегии утвердить кандидатуру. В качестве составителя одностомника

Д. Кедрина, автора вступительной статьи и примечаний к нему предполагается тов. Коваленко Светлана Александровна, сотрудница Института мировой литературы им. М. Горького. Она занимается историей советской поэзии. Коваленко принимала уже участие в изданиях «Библиотеки поэта» однотомника Э. Багрицкого и зарекомендовала себя как работник, обладающий способностями и опытом. Прошу Вас известить редакцию о своем согласии или несогласии с предлагаемой кандидатурой».

В. Н. Орлов

Москва

«Дорогой Кайсын, куда это годится могучему горцу и светлому певцу пребывать на 15-й Парковой, хотя я понимаю, что по твоему летоисчислению это не твои дни. Скорее в горы, на воздух, на Олимп!...»

К. Серебряков

Москва

«Я ведь очень близко от вашей больницы: у меня 13-я Парковая, но сегодня у Вас не посетительный день и мне пришлось использовать личные связи, чтобы проникнуть на территорию больницы и прислать Вам письмо. Еще и еще раз желаю Вам от всего сердца добра, здоровья. А себе – Ваших новых, прекрасных стихов.

Я счастлива, что знакома с Вами и что Вы будете скоро здоровы и будете нашим постоянным автором. Как только я выйду на работу, буду решать вопрос о публикации Вашей книги. Это может произойти очень быстро, если Вы на этой неделе позвоните мне, и мы по телефону снимем вопросы. Будьте же скорее здоровы. Ваша палата № 240. Поздравляю Вас с Новым Годом...»

Е. Медведева

4 января 1974. Москва

«Редакция журнала «Нева» обращается к Вам, Кайсын Шуваевич, с просьбой получить от Вас новые стихи. Если Вы сможете нам предложить что-либо, мы охотно

предоставим Вам свои страницы в ближайших номерах 1973 года...»

*Р. Б. Корнев,
зам. главн. редактора
В. А. Рождественский,
завотделом поэзии*

Ленинград

«Прошло полгода с нашей встречи в Москве. Запланированный результат — текст интервью, твои мысли о поэзии и о ее значении в наше время — выйдут в декабре в ННЛ (Новая немецкая литература) вместе с Вашими стихами.

Встреча, твое гостеприимство и беседы с тобой были для меня так увлекательны, что кроме запланированного вышла прилагаемая радиопередача с твоими стихами и мыслями, с моими обсуждениями и рассказами о нашей общей любви к поэзии, к людям. Наши разговоры о гуманизме и Кавказе, о поездке, о дружбе и встречах — все это осталось для меня приятным воспоминанием.

Передача получилась хорошей и о ней много говорят. Я прилагаю рукопись и газетные статьи. Вы прочтете в них о себе. Может быть, кто-нибудь переведет Вам несколько строк и передаст основные мысли и образы. И может быть, я очень надеюсь, Вы поймете меня, как я радуюсь, что Ваше имя, стихи и мысли у нас действенны и значимы.

Шлю сердечный привет Вам и Кавказу, обнимаю по-дружески, с наилучшими пожеланиями...»

Хельмут Прайзер

Франкфурт-на-Одере. ГДР

«Чем глубже мы понимаем, что все мы живем на маленькой планете — Земле — и должны заботиться о ней и друг друге, тем лучше будет расцветать поэтическое творчество в мире. Искусство, литература и особенно поэзия имеют великую возможность быть душой человечества и его совестью».

Зигфрид Хэнен

ГДР

«Приятно сказать Вам эти искренние слова. Вы — наш постоянный и любимый автор».

Редакция Литгазеты

1967. Москва

«Ваши стихи, статьи о поэзии всегда привлекают доброе внимание наших читателей.

Ликуя пламени зари, Вы оплакивали всю боль земли и противостояли всем бурям.

Кайсын Шуваевич, Вы стали верным сыном гордого народа, обогатили родной язык. Вы стали и любимым писателем всего нашего многонационального советского народа и многих зарубежных стран. Слава Ваших стихов перешагнула государственные границы. Ваши стихи согревают сердца людей, живущих за снежными горами и синими морями.

«У поэтов и гор долг один — высота». Этой строкой из Вашего стихотворения ваши друзья напутствуют Вас: звать к новым стихам, только к высотам, к вершинам прекрасных замыслов. Пусть живет на земле высота свободы, дружба, красота, так страстно воспетые Вами».

*48 подписей сотрудников газеты
«Литературная Россия»*

Москва

«Уважаемый Кайсын Шуваевич! Я никак не могу Вас поймать. А нам для редакции журнала «Памир» непременно нужно хотя бы одно Ваше новое стихотворение для юбилейной публикации. Это — в рубрику «Красный цвет моих республик», которая украшает весь наш годовой комплект журнала.

Пожалуйста, еще раз прошу. Мирзо Турсун-заде и я клятвенно говорили, что вот-вот уже пришлете, и мы все успеем напечатать.

В этом году и Ваш юбилей — 60-летие со дня рождения. Привет Вам от всех сотрудников журнала».

Марианна Фоеронова

12 мая 1977. Таджикистан

«Я стал изучать Ваше творчество и вновь прихожу к той мысли, о которой неоднократно говорил Вам и дру-

гим в Дубултах. Говорил о том, что среди тюркоязычных поэтов сегодня, конечно, после Назыма Хикмета, Вы единственный великий поэт. И это свое мнение пропагандирую кому бы то ни было: и в степях русского, и в горах алтайского края».

*Борис Укачин,
горно-алтайский поэт*

«Не знал, что Вы были в Переделкино, а теперь Нема сказала мне, что Вы в Дубултах. Пишу сюда. И заставляет меня писать Вам вот какое дело. Как-то весной, если Вы помните, я Вам дал анкету и Вы согласились на нее ответить. Я сказал об этом начальству, а начальство у меня теперь — Лавинский, который раньше был замом в «Дружбе народов». Он тогда очень обрадовался и вот теперь все время спрашивает: «А как там с ответом Кайсына Кулиева?» Понимаю, что, видимо, посягаю на Ваше время (а что может быть дороже времени для поэта?). Но, если бы Вы написали на двух-трех страницах, было бы хорошо. Во-первых, Вы обязали меня на всю жизнь, во-вторых, сильно бы помогли журналу «Литературное обозрение», и, в-третьих, просто нам было бы интересно знать Ваше мнение».

Л. Баханов

11 июля 1977. Москва

«Прошу Вашу фотографию времен литературного дебюта. Пришлите нам ее, пожалуйста. Заранее благодарим Вас и одновременно просим Вас простить нас за назойливость».

Попробуй только не ответить на вопросы анкеты, которая тебе послана!»

*Борис Полевой,
писатель*

Москва

«Салам алейкум! Дорогой Кайсын, во-первых, хочу знать, как твое здоровье, что нового? Мы второй день отдыхаем в Евпатории с женой Ирой и каждый день купаемся и загораем на пляже, лечим свои старые кости».

Когда я приеду, расскажу обо всем. Дай Аллах, чтобы мы встретились в Нальчике. Ира передает тебе большой привет, а я горячо целую твои благородные усы. Она очень просит, чтобы ты приехал сюда на три-четыре дня, чтобы вместе отдыхать. Я ей говорю: «У него нет времени: он творчески работает и пишет замечательные стихи». Но она настаивает, чтобы ты приехал на несколько дней. Она говорит: «Если только представится маленькая возможность, я сочту за счастье видеть поэта здесь.

Мы отдыхаем отлично».

*Магомед Кучуков,
народный артист РСФСР и КБР*

20 июля 1972.

Евпатория Крымской области

«Будь прекрасен, будь какой ты есть и пусть жизнь твоя ложится, как твои стихи. Обнимаем тебя...»

*Наум Гребнев,
переводчик стихов поэта,
фронтальная подруга К. Кулиева, жена Н. Гребнева*

1 ноября 1972. Москва

«Дорогой Кайсын, кажется, я в воскресенье еду. Правда, у меня все время такое чувство, будто что-то должно случиться: или заболею, или еще что-нибудь, что мешает мне. Но Бог даст и все будет хорошо.

Стихотворение «По пути из Варшавы» я перевел и отдал Борисову для польского сборника. Спасибо тебе, что ты отдал Адаму Шогенцукову деньги и послал письмо, которое я просил. Посылаю тебе плод моего фотографического чтения, раздай картины тем, которые там есть. А Регине я пошлю сам. Думаю, что возвращусь в апреле».

Наум Гребнев

Москва

«Я была в Нальчике и хотела встретиться с Вами. Но в это время Вы были в Киргизии. Поэтому я не могла видеть Вас. Об этом я очень сожалею.

Кайсын Шуваевич, я приглашаю Вас во Владимир. Я

очень высоко оцениваю Вашу книгу «Так растет дерево». Благодарю Вас, что Вы написали такую прекрасную книгу».

*Нина Макаровича,
поэтесса*

Владимир

«Ваша статья запланирована в литературную полосу на 15 сентября. Обещанную Вами статью ожидаем в редакции не позже 12 сентября 1972 г.».

*Н. Пенкин,
редактор газ. «Известия»*

Москва

«Спасибо большое, что откликнулись на нашу просьбу и прислали прозу. Но нам хотелось бы опубликовать другой отрывок из «Колосьев и звезд» — о ремесле художника. Возможно ли это? Вчера и сегодня звонила Вам, но никто не подходил к телефону. Откликнитесь! Ждем письма или звонка. Все шлют Вам приветы солнечных майских празднований».

*Ира,
сотрудник редколлегии газ. «Известия»*

25 апреля 1972. Москва

«Библиотекари с большой заинтересованностью и любовью пропагандируют Ваши произведения, опираются на них в руководстве чтением. Они пишут, что им было бы очень приятно прочитать в юбилейном, двенадцатом, номере журнала «Библиотекарь», посвященном 50-летию образования СССР, строки стихов, обращенные к ним.

Редакция журнала просит Вас прислать несколько слов о роли библиотеки в Вашей жизни и в Вашем творчестве.

Может быть, Вы скажете и свои соображения по организации библиотечного обслуживания населения в вашей республике, о взаимообогащении и взаимопроникновении культур».

*Б. Бачалдин,
главн. редактор журнала,
кандидат педагогических наук*

22 августа 1972. Москва

«На днях удалось достать «Знамя» № 5, в котором опубликованы отрывки из Вашей книги «Так растет и дерево», так удивительно-прекрасно написано. Какой прекрасный русский язык! Не все умеют так писать на своем родном языке. Восхитительно, умно, глубоко и тонко. Вы не можете читать некоторые стихи Тютчева, а мы не можем, читая Вашу прозу. Это поэтическая проза. Очень хотелось бы прочесть всю книгу. Надеемся, что Вам все-таки лучше и Вы поправляетесь...

Наша маленькая семья передает Вам привет и наилучшие пожелания. Благополучие в доме — это душевный покой, который так необходим в нашей трудной жизни.

Ваши преданные московские друзья.

Драгунская Алла Васильевна

17 июня 1975. Москва

«Вы уехали из Москвы в ужасном состоянии, увезя с собой аллергию. Уже прошло две недели, и мы беспокоимся о Вас. Поэтому наш первый вопрос: «Как Ваше здоровье? Стало ли лучше?»

Очень жаль, что Вы не показались профессору Ольшанскому, который Вас ждал и назначил Вам день приема, в порядке исключения, преклоняясь перед Вашим талантом. Ольшанский — крупный специалист по аллергии. К нему приезжают из-за границы. Надеюсь, что Вы найдете возможность ему показаться, ведь лекарственная аллергия — очень затяжная болезнь. У нас все по-старому, без больших новостей.

Погода стоит ужасная: жаркая. Но она быстро сменяется на холодную».

Алла Васильевна Драгунская

Москва

«Прежде всего, Кайсын Шуваевич, разрешите нашим сотрудникам новорожденного журнала «Литературная учеба» поздравить Вас с теми многочисленными приветствиями, которые Вы получили по случаю Вашего юбилея и награждения Вас орденом Ленина. Ссылаясь на наш с Вами разговор в Кремле, на объединенном Пленуме творческих союзов, я еще раз хочу напомнить, что мы

очень заинтересованы в Вашем участии в журнале как выдающегося мастера поэтического искусства. Предметом выступления может быть Ваша собственная творческая практика или, как принято говорить, лаборатория, ее тайны, весь рабочий процесс – от первых заготовок (записных книжек), рождения замысла и до их воплощений, где и как высекается искра поэзии? Что есть вдохновение? Поэтическое открытие? Как пишутся стихи? Умом или сердцем? Словом, на Ваше усмотрение – о чем интереснее поразмышлять Вам как поэту.

Возможно, Вам приходилось сталкиваться с творчеством молодых? Нам бы хотелось получить как можно раньше Ваши заметки, размер от 15–17 машинописных страниц до одного печатного листа.

Сообщите, пожалуйста, Кайсын Шуваевич, что и на какой срок мы можем рассчитывать. Привет Вам от нашего главного редактора А. Михайлова. С уважением».

*Банкетов Александр Михайлович,
редактор журнала по отделу
советской литературы*

Москва

«Поздравляю Вас, выдающегося советского поэта, воина-солдата, Гражданина-Интернационалиста, прошедшего нелегкий путь борьбы и созидания, с замечательной вехой. Ваша жизненная и трудовая биография – это 60-летие. Вы награждены высокой наградой – орденом Ленина...

Желаю Вам немеркнущего солнечного света Вашей глубоко человеческой лирики.

С искренними чувствами».

*Телек Ишемкулов,
секретарь Нарынского
обкома партии Киргизии*

«Научная библиотека госмузея им. С. И. Тургенева просит Вас прислать новую книгу стихов «Вечер», где есть хорошие стихи, посвященные нашему земляку Михаилу Кирееву».

Директор библиотеки

Орел

«Казанский музей им. М. Горького и музей А. С. Пушкина просят прислать фотографии и любую книгу стихов».

Директоры музеев

Казань

«Музей-усадьба Л. Н. Толстого просит книгу с автографом».

Директор музея

Ясная Поляна

«Музей В. В. Маяковского благодарит Вас за содержательный автограф, который пополнит экспозицию нашего музея».

Директор Музея

Грузия

«Министерство культуры Татарской АССР просит Вас, Кайсын Шуваевич, прислать рукопись своего стихотворения, посвященного Мусе Джалилю, свою фотографию и книгу стихов с автографом».

Сотрудник министерства культуры

Казань

«Магнитогорский музей им. Бориса Ручьева обращается к Вам с просьбой прислать книгу стихов с автографом и свою фотографию. Вы знали нашего поэта и написали о нем очерк и предисловие к его книге».

Директор музея

Магнитогорск

«Дорогой друг Кайсын, статья написана и одобрена. Обнимаю тебя. Три недели думал только о тебе».

Ираклий Андроников

11 января 1976. Москва

«Осуществилась моя мечта, теперь я уверенно, по некоторым данным, которые я узнал, заявляю, что ты скоро станешь лауреатом Госпремии и на твоей груди будет зо-

лотой орден Ленина. Восхищаюсь и говорю: «Ура!!!» Заранее тебя я поздравляю. Эта общая радость для всех нас!

Желаю тебе здоровья, чтобы ты радовал нас своими замечательными успехами в области поэзии и прозы».

*Бозиев Ахия Танаевич,
научный сотрудник Института
языкознания АН СССР*

9 марта 1974. Кисловодск

«...Принимаюсь за письмо с глубоким волнением, ибо слишком много хочется сказать и быть понятой. А это — трудная задача... Письмо вызвано Вашей книгой «Так растет и дерево». Вашу поэзию знаю и люблю давно, слежу за всем новым, что появляется в периодике. Особенно меня покорила Ваша книга в прозе «Так растет и дерево» глубокими мыслями и языком, а также подборкой имен, среди которых нашли поэтов, чье творчество мне бесконечно дорого.

Так просто и так высоко поделились Вы в своей книге своими мыслями с нами, читателями, о назначении поэта и поэзии в жизни. Я благодарю Вас за чистый пламень радости, которым горело мое сердце, когда я читала книгу, за пронизательную душевную боль, которую я испытала, прикоснувшись к прекрасному искусству слова, благодарю за то, что в Вашей душе горит любовь к Лорке, Твардовскому, Арсению Тарковскому, Т. Табидзе и другим поэтам, что Вы нашли такие прекрасные слова для них и так выразили их поэтическую суть, что комок стоял в горле...

За книгу Вам большое спасибо. Особенно меня взволновал цикл стихов «Половецкая луна». Иногда я перечитываю некоторые вещи, чеканные и прекрасные строки которых завораживают и тревожат...

Бесконечно благодарная Вам. Ваша книга, повторяюсь, покорила меня многим. Но прежде всего своей искренностью, обнаженностью сердца, красотой и чистотой языка. Вот уж поистине Вы с предельной силой, страстью и точностью выполняете основную задачу поэта — пронзать сердца художественным словом».

Галина Константиновна Николаева

Ленинград

«Если бы Вы знали, Кайсын Шуваевич, сколько лет я собираюсь написать Вам это письмо. Я познакомилась с Вами давно, когда в какой-то газете случайно прочитала Ваши стихи. Они тронули меня своей задушевностью. Казалось, это мои мысли, чувства, слова так складно и точно выраженные в стихах. Мне особенно близки Ваши стихи, потому что я была в ваших краях, правда, как туристка. Красотой Кавказ покоряет всех, поэтому Ваши стихи имели для меня еще и личный интерес. Затем мне посчастливилось купить Ваши книги и тогда я тоже хотела написать Вам. Все, что я напишу, для Вас не ново. Вас знают и любят миллионы людей нашей страны и за рубежом... Я полностью разделяю их чувства.

Одним письмом больше, одним меньше. Какое это имеет значение?! Тем более, что все, что я думаю о Вашей поэзии, было многократно сказано.

Искренне огорчалась, когда, просматривая список лауреатов Госпремии, не находила Вас. И вот на днях, прочитав в газете, что Вы получили эту премию, я очень обрадовалась. От всей души поздравляю Вас!

Снова подумала написать Вам, но снова не написала...

Большое спасибо Вашим переводчикам – Науму Гребневу, Семену Липкину и др., без их талантливого труда мы бы никогда не почувствовали Вашей искренней души, Вашей земли...»

Людмила Павловна Могилевич

Кременчуг Полтавской обл.

«Мы с тобой часто виделись, когда у меня не было острой необходимости взять у тебя десятиминутное интервью. А теперь судьба разводит нас в разные концы.

Мне очень надо знать о том, как произошла твоя первая встреча с Николаем Семеновичем Тихоновым, как начал представлять ему свои стихи – когда и где?

Неожиданно выяснилось, что с 14 июля я ухожу в отпуск и буду отдыхать в Кисловодске, в санатории ЦК «Десять лет Октября». Может быть, нам удастся встретиться на этот раз? Но я не знаю, где ты будешь с 14 июля по 15 августа. Если будет у тебя возможность, черкни мне в санаторий, а, может, ты сумеешь написать о том, что меня интересует? Мне это нужно для книги, а в ней эпистолярную форму найти трудно. Твои ответы мне помогут.

Прости, что пишу фломастером. Дел, как всегда, множество. Одиннадцатого иду отчитываться на политсовет, а завтра — в обком».

Д. Христинов

Ленинград

«Приглашаем Вас на вечер чествования доктора филологических наук, профессора О. Б. Алиева в связи с 60-летием со дня его рождения и 40-летием научно-педагогической деятельности. Заседание Совета состоится 30 января 1971 года в 18 часов в актовом зале КЧГПИ».

Ректорат, партбюро и местком

Карачаевск

«Приглашаем Вас на юбилейный вечер Заслуженного деятеля искусств СОАССР, драматурга, режиссера театра Маирбека Курманговича Цомакова в связи с 60-летием со дня рождения и 40-летием сценической и общественной деятельности. Вечер состоится в помещении театра, начало в 19 час.»

Министерство Культуры СОАССР

Орджоникидзе

«Приглашаем Вас на юбилей народного артиста РСФСР, драматурга, главн. реж. кумыкского драматического театра им. А. С. Салаватова Гамида Алиевича Рустамова в связи с 60-летием со дня рождения и 40-летием сценической и общественной деятельности. Вечер состоится в помещении театра. Начало в 19 час.»

*Министерство культуры Даг. ССР,
СП Дагестана, отделение ВТО*

Махачкала

«Просим сообщить день Вашего прибытия (номер поезда, рейс самолета) на юбилейные торжества, посвященные 100-летию Народного поэта Абхазии Д. Гулиа. Торжество состоится 21–23 сентября 1974 г.»

Юбилейная комиссия

Абхазская АССР. Сухуми

«Приглашаем Вас на открытие выставки, посвященной 80-летию со дня рождения Заслуженного деятеля искусств КБАССР Николая Никифоровича Гусаченко. Чествование состоится в музее изобразительных искусств. Проспект Ленина, 35»

*Министерство культуры. Союз художников
и музеев изобразительных искусств КБАССР*

«5 февраля 1973 года исполняется столетие со дня рождения М. М. Пришвина. Кайсын Шуваевич, издательство «Советский писатель» намерено в самое ближайшее время выпустить большой сборник воспоминаний о М. М. Пришвине. Собраны уже почти все воспоминания ученых, писателей, художников и общественных деятелей, как П. Л. Капица, К. Г. Паустовский, В. В. Иванов, Г. С. Вирейский, С. Т. Коненков и др.

Мы были бы крайне Вам признательны, если бы Вы нашли время сказать свое слово о М. М. Пришвине. Жанровые границы этого сборника будут достаточно широкими: от воспоминаний, личных встреч до публикации и переписки с М. М. Пришвиным, суждений о его жизни и творчестве, вплоть до наблюдений за взаимным творческим влиянием. Возможны проза, стихи, эссе. Сроки юбилея заставляют издательство спешить с выпуском сборника, материалы мы должны представить не позднее конца года.

Заранее признательная В. Пришвина»

Валерия Дмитриевна Пришвина
5 августа 1972. Москва

«Ваш авторский вечер будет в Центральном доме работников искусств СССР, 22 ноября 1972 года в 8 час. вечера. Ждем Вас с нетерпением».

*Э. Резниковский,
зам. директора ЦДРИ СССР, заслуженный
работник культуры РСФСР*

Москва

«Я приехал из Ташкента, хотел увидеть Вас, но, к сожалению, мне не суждено было встретиться с Вами. Я живу и работаю в Ташкенте, в издательстве им. Гафура

Гулама, заведуя отделом крымско-татарской литературы. Оставляю Вам свои последние книжки. А роман, который выйдет в свет на днях, я Вам вышлю. Очень хотел бы увидеть в печати Вашу рецензию на мой скромный труд.

Большой привет Вам от наших земляков – Эшрефа Шеньи-заде, Шамиля Аллядина и Юсуфа Болота».

Писатель Черкез-Али

Ташкент

«Мир дому твоему» и пусть огонь, зажженный тобой на северных склонах Кавказа, светит века!»

*Осетинские писатели: Ходарцева,
Ардосенов, Черджиев.*

Орджоникидзе Северная Осетия

«Большой поэт и большой человек, неутомимый труженик советской литературы, Кайсын Шуваевич, Вы завоевали душу и сердце самого строгого критика – десятков миллионов читателей нашей «Литературной газеты». Вашу Музу знают в родных Вам горах, аулах, в городах и селах всей великой нашей страны. Не залеживаются ни на библиотечных полках, ни на прилавках магазинов Ваши книги, и то, что к нам в редакцию «Литературной газеты» часто обращаются с вопросами: «Что нового написал Кайсын Кулиев, где добыть его новую книгу?» – не лучшее ли это свидетельство народного признания, справедливости в присвоении Вам Народного поэта в связи с 50-летием со дня рождения?!»

Редколлегия «Литгазеты»

Москва

«Не скрою, давно я не испытывал такого наслаждения от поэзии. Я и моя жена Галина Андреевна сидели перед телевизором совершенно очарованные, когда слушали Ваши стихи.

Хвала Творцу, посылающему нам время от времени, к сожалению, очень редко таких поэтов, как ты, Кайсын».

М. Алексеев

17 февраля 1972. Ессентуки

«Я решил не поздравлять тебя телеграммой, так как хочется сказать тебе слова, не вмещающиеся в сухой текст телеграфа. Был горячо, по-братски рад, что ты получил Премию. Ты заслуживаешь и гораздо большего. Бесконечно люблю и ценю твой поэтический талант и глубоко уважаю и люблю тебя как Человека. Для меня ты всегда воплощаешь в себе лучшие качества кавказского рода, мужество, талант, дружбу. Есть люди, которые одним своим появлением и присутствием, а порой даже только воспоминанием о них, приносят радость. Ты для меня всегда принадлежишь к их числу. Спасибо тебе за это, как и за твои замечательные стихи. Еще раз поздравляю тебя. И желаю новых оценок твоего высокого творчества. Молю Богов о твоём здоровье и долголетьи. Шлю сердечный привет и поздравления твоим родным и близким. Надеюсь, что небо и судьба подарят мне еще много раз радость встреч с тобой. Я горжусь дружбой с таким человеком как ты, Кайсын!»

*Сергей Смирнов,
писатель*

14 ноября 1974. Минск

«Я говорю «Здравствуйте» не только как приветствие, но и как горячее пожелание, чтобы Вы много лет здравствовали всем своим талантом, сочетающим мудрость с высоким гуманизмом».

Ирина Ивановна Горская

28 января 1975. Москва

«Мне хочется сердечно поблагодарить за книгу «Так растёт и дерево». 7 октября 1975 года в день моего рождения мне подарил Вашу книгу друг моего семейства И. П. Колесников. Какая это была для меня радость!

У меня и моих детей много хороших друзей в Кабардино-Балкарии. Я их нашла, когда была там на могиле своего мужа. Он погиб, защищая эту землю в августе 1942 года. Он покоится в братской могиле г. Баксана. Когда пришли поздравить меня дети и внуки, то младшая внучка Танечка сказала: «Обо мне тоже написал Кайсын Кулиев «Сказку о солнце». А это действительно так, это сделали наши друзья. 8 Марта мы получили Вашу

книгу «Сказка Солнца» с надписью: «Хорошей девочке Танечке. К. Кулиев». Мы, я и внучка, очень благодарны за это.

Прочитав Вашу книгу «Так растет и дерево», я много узнала нового и интересного, захватывающего. Здесь все: и поэзия, и лирика, и живопись. Узнаешь о великих людях, начиная с XVI в. до известных людей XX в. А как изумительно Вы написали о русских поэтах! При этом всего на нескольких страницах. Все Вы смогли соединить в этой книге, даже страшные дни нашествия гитлеровских орд на нашу Родину. Хочется говорить, что Ваша книга — это курс народного университета культуры. Как хорошо написано о тех, кто давно ушел из жизни, но их поэзия жива и она жива в душах современников».

П. Гуриева

28 февраля 1975. Москва

«Первым долгом почтительно склоняю свою голову перед Вами как перед поэтом и человеком. Спасибо Вам за Ваши прекрасные и мудрые строки. Они много раз наполняли мое сердце восторгом жизни, веселили, придавали мне мужества в минуты отчаяния.

Спасибо Вам за то, что Вы почувствовали боль Комитаса, величие Исаакяна, за то, что в Вашем творчестве нашлись слова любви к моему народу».

Стефан Габриэльян

Минск

«Корней Чуковский говорил: «К. Кулиев — замечательный человек». Я согласна с ним».

Валентина Непомнящая

20 октября 1976. Москва

«Были в Вашей жизни две вехи, две поры: чегемский мальчик, не знавший по-русски, и автор книги «Так растет и дерево», а между ними скалы, фамильный знак Кулиевых «мужра»...

Психологизм кулиевской поэзии, склонность к строгим краскам, подчас даже сумеречным, имеет под собой определенную национальную основу. В его поэзии бушу-

ют великие страсти, но страсти символизируют не столько грозу, сколько предгрозые.

Оптимизм кулиевских стихов — в животворной философии, которую исповедует поэт. Издревле мудрость кавказской философии, вера в истину, основу которых составляют вольнолюбие, верность чести, культ добра. Эти качества ярко выражены в художественном слове Кайсына Кулиева»

*Савва Дангулов,
якутский писатель*

31 марта 1976. Улан-Удэ

«Поздравляю Вас, Кайсын-ага, с Новым годом, пусть он принесет Вам огромного человеческого счастья и творческого взлета на радость советской культуре».

Турсунбек Какишев

Алма-Ата

«Писатели Казахстана сердечно поздравляют Вас, Кайсын-ага, по случаю Вашего юбилея с 50-летием со дня рождения. С любовью и гордостью произносят казахи Ваше имя. Народ — это особый читатель и почитатель художественного слова. Он видит в Вас одного из крупнейших властителей чувств, мудреца, Гражданина. Ваш талант несокрушим, как Ваш дух. Будьте здоровы. Пусть крепнет Ваш творческий гений во славу культуры братских народов нашей Великой Родины».

Союз писателей Казахстана

Алма-Ата

«Хочу выразить Вам, дорогой Кайсын Шуваевич, восхищение Вашим творчеством и мою любовь к Вашей поэзии. Когда я впервые открыла Ваши книги, то была потрясена, поражена какой-то светлой атмосферой, в которой я очутилась: светлый воздух вокруг стал золотистого цвета, каким Вы видите перед собой жизнь! Какими прекрасными чертами открывается жизнь перед Вами!

В ваших стихах есть «доброта хлебов и мудрость трав», доброжелательность, простота, естественность и человек-

ность, простор степей, и воздух вольных гор, и даль равнин, и небо над рекой.

Счастлива Балкария, имея такого поэта».

Елена Охотская

18 сентября 1975. Ленинград

Танг ахши болсун!
Арию, ахши адам,
Наш любимый, наша гордость —
Кайсын Шуваевич.

Вы гордость не только балкарского народа, но и русского и других народов нашей страны. Поздравляем Вас с присуждением Госпремии СССР. Мы, шофера и экскурсоводы турбазы Чегемского ущелья, преданно любим Вас и восхищаемся Вашей поэзией».

*Подписи неразборчивы. Шофера и экскурсоводы
туристического бюро Кабардино-Балкарии*

«Посылаю тебе, Кайсын, обещанный сборник «Осенняя почта». Убежден надеждой услышать твое слово о моих виршах. «Литературная Россия» за 12 декабря дала несколько строк о моем сборнике. Стихи для журн. «Юность» подошли с обещанным фото. Жду твое собрание сочинений. Обнимаю тебя по-братски и желаю тебе успехов на действующих фронтах...»

Александров

Харьков

«Извините за столь интимное обращение, ведь мы с Вами, дорогой Кайсын, совсем не знакомы. Впрочем, не знакомы Вы со мной, а я Вас прекрасно знаю, хотя мы виделись только один раз в Доме литераторов на ул. Воровского. Несколько лет тому назад в то время на съезде писателей там были Вы, Давид Кугультинов, Жигульский, Ольга Берггольц и другие... С Вами я познакомилась потом, читая главным образом в «Новом мире» и в газетах Ваши удивительные стихи. Я очень люблю Вашу поэзию, и она неотделима от Вас. В ней чувствуется ее автор, прекрасный человек, добрый, чистый и мудрый, словом, незаурядная личность, Человек, много понапрас-

ну страдавший. Вот все это и дает мне право назвать Вас, дорогой Кайсын, давно знакомым.

Я рада, что такой человек живет на земле. Это явление не столь частое в нашей не слишком радостной жизни».

Э. Полищук,

почитательница таланта поэта

13 февраля 1972

«Высоко ценю Ваше творчество и люблю его, дорогой Кайсын Шуваевич. С волнением посылаю Вам книгу «Свет сынов» на Ваш строгий суд. Хотелось бы знать Ваше мнение. Если будет возможность, напишите мне».

Н. Шумаков

10 сентября 1972. Москва

«Мой друг Борис Орлов часто и с уважением рассказывал мне о Вас, особенно о среднеазиатском периоде жизни.

Год назад Борис неожиданно умер. Почему? Никто не знает. Но, по всей вероятности, это было самоубийство. И вот сейчас мы, ближайшие друзья покойного (Русская поэтесса Муза Скоробогатова, украинский прозаик Геннадий Шуров), собрали его лучшие стихи и опубликовали посмертный сборник. В стихах этой книги Борис часто упоминал Ваше имя. Поэтому я и направляю Вам книгу. Кроме того, будет еще просьба: не смогли бы Вы, скажем, опубликовать в «Литературной России» или в другом месте рецензию и прислать ее мне? Мы собираем сейчас материалы о Борисе и нам это необходимо».

Евгений Михайлович Волошко,
украинский литературный критик

Донецк

«Еще раз мысленно благодарю тебя, хочу поздравить с наступающим Новым годом. Пусть он принесет тебе, Кайсын, радость и счастье, здоровье и благополучие, начало новых творческих успехов и осуществление надежд. Всего самого лучшего, обнимаю».

Яша Козловский

Москва

«От всего сердца поздравляю Вас, Кайсын Шуваевич, и Вашу семью с наступающим Новым годом. Желаю Вам крепкого здоровья и большого счастья. Пусть Новый год принесет Вам много творческих успехов».

Баграт Шинкуба

Абхазия

«По-братски горячо поздравляю Вас и Ваших близких с праздником весны. От всего сердца желаю Вам и всем, кто вместе с Вами, самого крепкого здоровья, самого светлого счастья. С теплым весенним приветом!»

Олесь Юренко

25 апреля 1972. Миргород. Музей Д. Гурамишвили

«Большое-пребольшое спасибо, Кайсын Шуваевич, за Ваши теплые, сердечные слова привета и поздравления, за Ваши добрые, душевные пожелания, за все то доброе, что есть в жизни нашей.

Как ни тяжело было расстаться с Миргородом и горячо любимым Давидом Гурамишвили, но пришлось расстаться: годы и здоровье мои уже не те, чтобы и службу служить и весело жить!

Будьте добры, пришлите мне одну из Ваших книг, нескананно буду рад и благодарен Вам».

Олесь Юренко

Полтава

«Дорогой наш друг, от души радуемся и поздравляем тебя с оказанным высоким доверием — с выдвижением в кандидаты в Верховный Совет СССР. Желаем крепкого здоровья, больших творческих успехов. Обнимаем».

Абдиджалил Нурпеисов, Тахви Калантай

Алма-Ата

«Я был в Москве и мне сказали, что Вы легли в больницу на обследование. Но все кончилось хорошо. Я от всего сердца был рад этому, — что Вы здоровы, что Вы по-прежнему бодры и веселы, что Вы снова дарите людям

не только свою прекрасную поэзию, но и прекрасную улыбку. В ЦДЛ я узнал об этом и мне было радостно до слез. Еще мне сказали, что Вы отдыхаете в Малеевке... Ах, как хочется встретиться с Вами и обнять Вас как самого дорогого человека, как старшего брата, как любимого поэта!»

*Микаэл Чикатуев,
абазинский поэт*

2 мая 1972. Черкесск

«Брат мой Эльбрус, мой дорогой Кайсын! Обнимаю крепко-крепко. Поздравляю тебя и твою семью с Новым годом.

Мечтаю поздравить тебя в новом году с Ленинской премией. Верю, надеюсь. Недавно купил твою отлично изданную книгу «Звездам — гореть!» Читал с огромным наслаждением. Ты — яркий, нежный философ нашего века, дорогой мой. Живи на радость нам, твоим друзьям, назло — врагам».

*Наби Хазри,
поэт*

26 декабря 1973. Баку

«Пишет тебе твой брат Гурунц, которому 24 декабря исполняется 60 лет. Эту печальную дату будут отмечать, наверное, уже в 1973 году, в начале его по старому стилю. Когда-то радовались дню своего рождения, но теперь — не очень: радости в нем мало. И все-таки юбилей есть юбилей. Во-первых, я приглашаю тебя на мой юбилей. Во-вторых, высылаю тебе новую свою книгу, чтобы, прочтя ее, ты немного восстановил в памяти те не очень легкие пути, по которым мы шли с тобой, трудились, добравшись до юбилейного возраста. Еще хотелось бы, чтобы ты черкнул пару строк о своем брате. Выйдет Указ обо мне и твоё слово украсило бы мой юбилей. Такое слово с руками бы оторвали в «Литературной газете» или в «Литературной России», где я часто печатаюсь».

Л. Гурунц

Ереван

«Принято Постановление секретариатом СП СССР от 19 марта 1976 года о поездке в Хабаровский край и совместном издании Хабаровским книжным издательством трехтомного подарочного издания для строителей Байкало-Амурской магистрали «Сувенир для БАМа».

В первой книге будут представлены произведения (стихи, рассказы, небольшие повести объемом до 3 авт. листов) писателей Российской Федерации лауреатов Ленинской, Государственной премий. Во второй книге – произведения писателей других союзных республик. В третьей книге – произведения писателей стран социалистического содружества.

Цель настоящего издания – в художественных образах рассказать молодым строителям магистрали XX в. о силе человеческого духа, о стойкости и преданности советских людей своей Родине.

Убедительно просим Вас, Кайсын Шуваевич, принять участие в создании этих книг и прислать нам три-четыре стихотворения или небольшую поэму, которые бы отвечали тематической направленности данного издания, а также краткое приветствие и напутствие строителям БАМа и свою фотографию размером 6х9 см.

Материалы просим прислать не позднее 10 июня 1976 года по адресу: Москва, ул. Воровского, 52. СП М. В. Горбачеву»

*Г. Марков,
первый секретарь Правления СП СССР*

«После подписания Г. М. Марковым писем авторам книги издатели попросили вот о чем: «Уже первые поступления к нам – обращения писателей к строителям БАМа убедили нас, что в такой короткий срок очень трудно избежать пустых, стандартных слов. Поэтому принято решение несколько расширить авторское выступление – это должно быть своеобразное раздумье, размышление писателя о поколении – ведь каждому есть что вспомнить из своей биографии и сказать сегодня нашей молодежи напутственное слово – это будет очень ценно и весомо. Объем от двух до пяти страниц.

Учтите, пожалуйста, эту просьбу Хабаровского книжного издательства».

М. Горбачев

Москва

«Уважаемый Кайсын Шуваевич, с большим удовлетворением прочитал Ваши стихи. Михаил Николаевич поручил мне заняться практическим отбором их для журнала. По нашему общему мнению, страницы журнала «Москва» могли бы украсить стихи «Из тетради», «В старой Руссе», «Поэты», «Поэт и горы», «Огонь очага», «Дрова», «Молния», «Над раненым камнем, склонясь горевал...», «Чегемец», «Мой земляк, чья твердая рука...»

Если у Вас нет возражений против такого отбора, мы постараемся опубликовать эти стихи во второй половине 1975 года».

М. Горбачев,
зам. главн. редактора журн. «Москва»

13 марта 1975. Москва

«Этой осенью довольно широко будет отмечаться 200-летие Пятигорска, где состоится и Всесоюзная Лермонтовская конференция. Мне поручен доклад «Лермонтов и Кавказ». В связи с этим очень прошу тебя ответить на такие вопросы: «Когда в твой поэтический мир вошла поэзия Лермонтова? Что тебе в ней особенно близко и дорого? Есть ли у тебя строки, посвященные великому русскому поэту?» Увы, этого я не знаю. Не сочти за труд и ответь. Желаю доброго здоровья, вдохновения и радостных Первомайских дней».

Давлет Гиреев,
писатель

24 апреля 1980. Орджоникидзе

«С большим удовлетворением мы прочитали в редакции твои стихи, дорогой Кайсын. Отобрали для печати в одном из самых ближайших номеров (после 7), который уже сдается в производство. Мы взяли следующие твои стихи: «Тихие стихи», «Снегопад в горах», «Ты поешь колыбельную песню», «Я знаю, что на свете есть море», «Белый снег, целомудренно белый...», «О, как бедна была бы ты, жизнь людская...», «У воронов и ласточек для взлета...»

Спасибо за готовность представить журн. «Звезде» свои новые стихи».

Попов

31 марта 1976. Ленинград

«Глубокоуважаемый Кайсын Шуваевич! В декабре 1978 года Литературный институт им. А. М. Горького отметит свое 45-летие. К этой дате мы намерены издать иллюстрированную книгу, рассказывающую о жизни и труде Литературного института.

Нам бы хотелось от Вас, бывшего студента института, получить материал (воспоминания, заметку, статью) — форма свободная, размеров до 5 страниц, хотя и тут не ставим никаких ограничений, раскрывающих какую-то страницу институтской жизни.

Просим рукописи направлять по адресу...»

*В. Пиминов,
ректор института*

Москва

«Мне доставляет огромное удовольствие поздравить Вас, Кайсын Шуваевич, с публикацией прекрасного цикла стихов на страницах журн. «Наш современник» № 9 за 1976.

Мне радостно, что у нашего журнала есть такой интересный, талантливый, любимый читателями автор!

Сейчас мы уточняем планы на следующий год. Можем ли мы рассчитывать на то, что и в 1977 году Вы порадуете нас новыми стихами? Всего Вам наилучшего».

*С. Викулов,
главн. редактор*

10 сентября 1976. Москва

«Уважаемый Кайсын Шуваевич, просим Вас откликнуться на нашу анкету о М. Шолохове и прислать ответы в первых числах января. Заранее благодарим. С уважением, редактор отдела критики».

Юрий Михайлов

9 февраля 1974. Ростов-на-Дону

«Многоуважаемый Кайсын Шуваевич, Лениздат включил в свои планы сборник, посвященный О. Ф. Берггольц. В него войдут публикации из наследия О. Берггольц и воспоминания о ней. Просим Вас принять участие в сбор-

нике в любой удобной для вас форме. Нас интересуют и воспоминания, и переписка, и документы. По всем вопросам, которые у вас возникнут, обратитесь к составителям сборника – Игорю Сергеевичу Кузьмичеву и Галине Михайловне Цюриковой по адресу...»

Д. Т. Хренков

11 февраля 1977. Ленинград

«Дорогой Кайсын Шуваевич, 12-ю книжку «Литературного обозрения» мы посвящаем Москве. В связи с этим мы обращаемся к Вам с просьбой рассказать всеозначному читателю со страниц журнала о том, какую роль в Вашей личной и творческой биографии сыграла Москва, что она значит для Вас, чем дорога, словом, «Москва в моей жизни». Срок сдачи номера – середина октября. Убедительно просим Вас откликнуться на нашу просьбу»

Л. Бондина,

зав. отделом литературы народов СССР

Алиева,

ст. редактор отдела

13 сентября 1976. Москва

«В октябре 1972 года СП СССР в Ереванском госуниверситете проводит научно-теоретическую конференцию на тему «Художественный перевод как средство взаимобогащения и сближения литератур народов СССР», посвященную 50-летию образования СССР.

На обсуждение участников конференции выносятся широкий круг вопросов, имеющих актуальное теоретическое значение. Главная тема, предлагаемая участникам конференции, будет рассмотрена широко в ее различных аспектах. Наряду с известными учеными-литературоведами на конференции выступят и поделятся своим творческим опытом известные советские писатели и мастера художественного перевода.

Секретарь СП СССР придает большое значение этой конференции. Очень хотелось бы, чтобы она прошла на высоком научно-теоретическом и творческом уровне и чтобы с ее трибуны звучали голоса виднейших советских писателей, крупнейших мастеров, которые своим творчеством и общественной деятельностью внесли неоцени-

мый вклад в дело укрепления дружбы советских народов и литератур.

Поэтому мы обращаемся лично к Вам, Кайсын Шуваевич, с просьбой принять участие в конференции.

Убедительно просим Вас известить нас о своем решении не позже 30 июня с. г.»

*Ю. Верченко,
секретарь СП СССР*

«По поручению секретариата СП СССР 26 июня 1972 года в Центральном парке культуры и отдыха им. М. Горького проводится Праздник советской литературы «Делегаты VI съезда Союза писателей СССР в гостях у москвичей». Ваше выступление, Кайсын Шуваевич, состоится в субботу, 26 июня. Сбор участников во дворе СП СССР — ул. Воровского, 52 в 17 час.»

*О. Шестинский,
секретарь Правления СП СССР*

«17 сентября 1976 года в Молдавии открываются Дни советской литературы. Как Вы, Кайсын Шуваевич, конечно, знаете, такие встречи писателей с трудящимися республики, краев и областей страны приобретают огромное общественно-литературное значение.

В настоящее время формируется состав писательской делегации на Дни советской литературы в Молдавии.

Секретариат Правления СП СССР и Совет по молдавской литературе хотели бы заблаговременно иметь сведения о товарищах, желающих принять участие в них.

Кайсын Шуваевич, пожалуйста, сообщите нам не позднее 1 августа с. г. о возможности поехать в Молдавию».

*В. М. Озеров,
секретарь Правления СП СССР,
В. П. Катаев,
председатель совета по молдавской литературе*

«С 3-го по 9 июня 1976 года проводится X Всесоюзный праздник поэзии Пушкина. Убедительно просим Вас принять участие в торжествах, связанных с проведением этого праздника в Пскове и в селе Михайловском. Отъезд

в Псков из Москвы в среду 2 июня в 15 час. Просим Вас заблаговременно, не позднее 25 мая с. г., уведомить нас о своем решении. В случае согласия Вам с 1 июня в Москве будет заказана гостиница».

*Ю. Ворченко,
секретарь Правления СП СССР,
И. Андроников,
председатель комитета по проведению
Пушкинского праздника поэзии*

«24 мая 1971 года состоится заседание Комиссии Президиума Совета Министров РСФСР по Государственным премиям РСФСР. Об этом сообщаем Вам, члену Комиссии по Госпремиям РСФСР».

*В. Кочемасов,
председатель Комиссии Президиума Совета
Министров РСФСР по Госпремиям РСФСР*
Москва

«Стихотворение, посвященное Кайсыну Кулиеву:

Мальчик резвый, кудравый,
влюбленный.
Это — балкарский поэт
и чтоб — русский,
Берет карандаш воспаленный,
Не сломай его при
перегрузке!»

*Евгений Долматовский,
поэт*

Москва

«Я бесконечно тронут, Кайсын Шуваевич, Вашей такой непосредственной и такой искренней реакцией на мои стихи, напечатанные в «Московском комсомольце». Такие письма, как Ваши, помогают жить. Если у Вас есть ненужные подстрочники давно переведенных, созвучных мне Ваших стихов, то пришлите их мне. Я люблю Вас как поэта и человека, олицетворяющего для меня звучание гор. И мне поэтому хочется попытаться сделать для Вас что-то хорошее. В этом нет измены традиционным Вашим переводчикам, так как любое стихотворение мо-

жет переводиться кем угодно и сколько угодно раз, — тем более поэта широко известного. Это подтверждается всей историей классики и именно так со временем достигается максимально возможное поэтическое качество звучания на других языках.

Если бы Вы писали по-немецки или по-французски — кто бы стал кланяться у Вас подстрочники?! Переводили бы Вас кто во что горазд... То, что сделали грузины для своего Т. Галактиона, абсолютно правильно: выпустили тиражом 800 экземпляров. Но, может, я ломлюсь в открытую дверь, и такие подстрочники кабардинских классиков уже существуют?

Примите от нас с женой Эввой самый сердечный ХОХ!

Живется нам трудно и скучно, но мы еще надеемся на путешествие и радостную встречу с Вами.

Низкий поклон моему прекрасному и высокому чегемцу. Обнимаю и благодарю Вас».

*Юрий Александров,
переводчик и поэт*

Июль 1976. Таруса

«Обращаюсь к Вам с просьбой, чтобы Вы прислали свои воспоминания о народном поэте Чувашии Петре Хузунгае. Вы знали его и он высоко ценил Ваше творчество. В 1959 году он был в Вашей республике, восхищался красотой земли Кабардино-Балкарии. Предполагается издание книги-воспоминаний о Хузангае».

*Кузина-Хузунгай,
вдова поэта, кандидат филологических наук
Чебоксары*

«Кайсын-ага, я очень люблю Ваши стихи и часто их читаю. У меня есть Ваша книга «Раненый камень». Эта книга на русском языке. Наш крымско-татарский язык очень близок балкарскому языку. У меня большое желание читать Ваши замечательные стихи в оригинале, то есть на балкарском языке. Однако в Узбекистане на балкарском языке Ваших книг нет. Поэтому у меня к Вам большая просьба, чтобы Вы одну из своих книг прислали с автографом на балкарском языке. Для меня это будет

большая радость и самый драгоценный подарок в моей жизни».

Айдер Эмиров

Ангрен. Узбекистан

«Я, как и Вы, Кайсын Шуваевич, училась в Литературном институте первого набора 1933 года. Но потом я не стала учиться, хотя кое-где, кое-что, кое-когда у меня печатается и даже есть несколько стихотворений, переложенных на музыку Юрием Брюковым и Георгом Аганияном. Я очень люблю Ваши стихи многие знаю наизусть. У меня много журналов с Вашими стихами. Неужели Вы были в годы депортации в Ошской области колхоза им. Карла Маркса Араванского района Киргизии или в колхозе им. Ворошилова Джамбульской области Казахстана?! У меня был в классе мальчик Кайсын и Володя Хубиев. Среди моих учеников было много балкарцев, карачаевцев, чеченцев. Я учила 5–6-е классы. А в Ошской области – 8–10-е. Я просто интересуюсь: не Вы ли это?»

Е. Холина

Истра Московской области

«Не могу удержаться, дорогой Кайсын, чтобы не поблагодарить тебя за стихи, которые я только что услышал. Я имею в виду «Книгу земли». Хвалить такие прекрасные стихи можно. Они мудрые, роскошные, тихие, задумчивые и полные энергии, чеканные и певучие. Такие строки стихов укрепляют дух на жизненном пути, услаждают душу, наполняя ее осмысленной радостью и счастьем.

На родине у Вас все измеряют высотой, а у нас, русских, глубиной. В этих стихах есть все: и высота и глубина мысли. Я счастлив, что могу понимать их до конца. Еще раз Вам спасибо за стихи!»

*Виктор Петухов,
читатель*

«Сердечно поздравляю Вас, Кайсын Шуваевич, пишу Вам в порыве братских чувств, в которых передаю аро-

мат днепровских лугов и золотистых русских лугов. Россия благодарит Вас, что Вы открыли ей Кавказ и Чегем».

Аржич Васильев

Москва

«Как было хорошо, дорогой Кайсын, в Дубултах. Я видел тебя каждый день. И хоть по-немногу, но мы могли обмениваться словами, приветствиями, анекдотами... Однажды я пошел в «Детский мир» и купил моему внуку книжку «Сказка о добром муравье». Митя очень ожил, когда узнал, что она того самого дяди Кайсына, который жил с нами в Дубултах. Когда я закончил читать сказку, то Митя сказал: «Еще почитай мне с начала». Так я читал ему три раза.

Кайсын, хочу тебе сказать, что я вполне разделяю восторг моего внука: эта сказка замечательная! Яков Аким хорошо перевел ее, молодец!

Милый Кайсын, у меня к тебе просьба: напиши автограф на этой сказке и вышли ее Мите Паперному».

Зиновий Паперный

20 сентября 1976. Москва

«Милый Кайсын, прости меня. Вот, наконец, посылаю тебе переводы. Во-первых, напиши честно: пристойны ли они? Во-вторых, я был у Бианы, там все в порядке, но им бы хотелось хоть немного добавить стихов, пусть совсем коротких. Нет ли у тебя таких? Хорошо это бы сделать побыстрее, тогда книгу сдадут на иллюстрацию и включим в очередной план.

Видишь, я тянул столько лет, а теперь я тебя тороплю. Сукин я сын!

При всех случаях черкни мне письмо... Напиши откровенно, что тебе не нравится в моих переводах? Обнимаю тебя крепко. Твой Я. Аким. На днях я женился. Позвони Вале. Она сказала, что ты едешь. Оставляю письмо ей».

*Я. Аким,
переводчик*

Москва

«Я получил Ваши книги. Огромное Вам спасибо. Вас я глубоко уважаю, как человека и поэта. У меня к Вам прибавилось уважения как к доброму и отзывчивому человеку с большой буквы. Еще раз большое спасибо. Благодарный Вам».

Б. Горбачев

21 августа 1971. Краснодар

«Я прочитал Вашу книгу «Раненый камень». За эту книгу я крепко обнимаю Вас. Ваши книги я читаю со школьной скамьи. Этим я горжусь».

*Назир Хубиев,
народный поэт Карачаево-Черкесии*

Карачаевск

«Очень неудобно беспокоить Вас, но без Вашего благословения мне не обойтись никак. Вы, наверное, не забыли, что я и Муса Батчаев были членами Вашего семинара в Москве, на Всесоюзном съезде молодых писателей в марте 1969 года? Если Вас особенно не затруднит, я хотела бы вступить в Союз писателей и чтобы Вы дали бы мне рекомендацию.

Муса уже вступил в Союз писателей еще в позапрошлом году, а я по своей неорганизованности до сих пор никак не соберу документы».

Мира Тлябичева

«К Вам обращаются ученики и учительница слабослышащих детей. Мы очень любим поэзию и часто проводим поэтические праздники. Наша комсомольская группа носит имя А. С. Пушкина. В этом году Лермонтовский праздник мы провели на склонах Машука. Мы любим стихи Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Светлова, Гамзатова, Кулиева и др. поэтов. Мы выучили Ваши стихи и выступили с монтажом на теоретической конференции слухового восприятия слабослышащих. Ваше стихотворение «Глухонемой» потрясло наших гостей из Ставрополя, учителей школы глухонемых.

Мы имеем большую мечту встретиться с Вами. Это для всех ребят нашей школы будет большим счастьем и

большим праздником. Мы живем в интернате и наши связи с внешним миром ограничены. Очень, очень просим Вас, дорогой Кайсын Шуваевич, приехать к нам на встречу. Мы живем в Ново-Пятигорске, на ул. Школьной, д. 48. Напишите нам предварительно, когда Вы сможете к нам приехать, чтобы мы могли подготовиться.

«По поручению ребят школы: Джерештиев, Еронин, Полоскова и др.»

Нина Сергеевна Анисимова

Пятигорск

«В дни, когда наша страна готовится к славной дате – 50-летию образования СССР, мы убедительно просим Вас рассказать нам о Вашей работе и встречах на дорогах жизни с интеллигентными людьми, послужившими прототипами литературных героев».

Учащиеся Московской СШ

Рязань

«Наше знакомство с Тобой началось давно. С того момента, как мы прочитали следующие строки, написанные Тобой: «Именем Лермонтова я клялся в самые трудные дни моей жизни. И клятва эта была нерушима». С того дня мы горячо любим Тебя за Твою Любовь к Лермонтову, за Твои стихи, за «Горскую поэму...» Мы любим не только Тебя, но и Твой народ, Твою Балкарию и Твой Эльбрус.

Мы всегда мечтали встретиться с Вами, дорогой Кайсын Шуваевич. Но нам удалось увидеть Вас только один раз на Лермонтовском празднике поэзии в Пятигорске на торжественном открытии праздника в помещении Пятигорского театра 14 октября 1969 года. Мы аплодировали Вам и были рады тому, что видели живого Кайсына Кулиева!

У нас есть Ваш портрет, что напечатан в книге «Раненый камень». Мы просим Вас прислать нам свой портрет, а на обратной стороне его напишите для нас те строки о Лермонтове, которые когда-то покорили нас...»

Члены клуба «Парус». СШ 26

Липецк

«Я хотел бы, чтобы Вы много лет здравствовали и радовали людей своей поэзией и своим ярким талантом, своей мудростью и высоким гуманизмом. Думаю, что истинно талантливые люди великодушны. Именно поэтому, отбросив колебания, я решилась обратиться к Вам с просьбой ознакомиться с моими стихами и откровенно написать стоят ли они внимания.

Некоторые из них положены на музыку. Как песни они звучат по радио, издаются и используются не только в Советском Союзе, но и за рубежом. Однако теперь, когда я сама уже подхожу к последнему рубежу, очень бы хотелось оставить после себя хоть небольшой сборник стихов, в которых нашли отражение мысли и чувства, волнующие меня и многих моих современников».

Раиса Ивановна Горская

Москва

«Извините за беспокойство. Вы — поэт, широко известный в мире. Этим письмом, конечно, я хочу обратить Ваше внимание на себя. Я два года прожил у Вас, в КБАССР, работал там, до этого о существовании балкарцев я знал только из факта проживания в маленьком городке Башкирии, где я родился. О балкарцах я узнал в 1945 году от одного демобилизованного капитана-балкарца, который сносно говорил по-татарски.

У меня есть желание, чтобы письменный язык для тюркских народов был единым, чтобы в Казани, Уфе, Ташкенте, Алма-Ате люди могли читать газеты на этом языке. А стихи Ваши тоже могли бы распевать на этом едином языке».

Фарид Исмагилов

Волжск

«Как-то случайно я слушала по радио несколько Ваших стихов из «Книги земли». Не могу выразить словами всех тех чувств, которые я испытывала тогда. Так глубоко трогают душу Ваши стихи, тонкие и пронзительные, в которых выражено все земное. За Ваши прекрасные стихи огромное Вам «русское» спасибо, за Ваше творчество...»

Николаева Ирина Яновна

22 февраля 1972. Новосибирск

«Вас поздравляют ветераны лесопиления и моряки Архангельска с родины первого русского ученого М. В. Ломоносова.

Если возможно, то пришлите мне «Книгу земли» «с автографом».

*А. Талантов,
моряк*

Архангельск

«Я постоянно читаю Ваши книги. Первый раз я о Вас узнал случайно. Однажды во время нашей практики я зашел в книжный магазин совхоза селения Вьюнки и увидел сб. стихов «Кизиловый отсвет». Я купил его и сразу прочитал. Стихами был покорен. После этого я достал Ваш двухтомник 1970 года издания. Эти книги я прочитал досконально, и они стали для меня дорогими».

Вазых Фектулов

Наровчатовский район Пензенской обл.

«Я, студентка 5 курса Коломенского педагогического института, с детства увлекаюсь поэзией. Шестой год как я пишу стихи.

Вы, может быть, будете удивлены тому, что, живя в Коломне Московской обл., я посылаю Вам несколько стихотворений и именно Вам, чтобы узнать Ваше суждение.

Ваше мнение о моих стихах наиболее авторитетно и Ваша поэзия наиболее близка мне. Кавказ — моя родина, родина моих предков, поэтому меня связывают родственные чувства с замечательными народами Кавказа. Мне близка Ваша поэзия, Ваш философский подход к жизненным явлениям».

Наталья Петросова

Коломна

«Дорогой Кайсын, книгу «Так растет и дерево» прочитал залпом, а кое-что и перечитывал. Ты — молодец. Книгу эту я ждал и рад, что она меня не разочаровала. Обнимаю. Семье привет от нас с Алей».

Ст. Рассадин

Москва

«Я сын Азрета Атчаевича Кулиева, Ваш близкий родственник. Я часто вижу Вас, как Вы выступаете по телевидению на различных юбилейных торжествах. Вы не подумайте, что я Вас знаю только по телевидению, я знаю Вас по рассказам отца — Кулиева Азрета.

В настоящее время все мы живы и здоровы, чего и Вам желаем — вечного здоровья.

Дядя Кайсын, я хочу попросить Вашего совета. Мы хотели уезжать на родину, так как до сих пор живем в Киргизии. Мы не знаем куда ехать, где лучше обустроиться. Ждем Вашего совета.

Камал Кулиев

Киргизия

«Кайсын Шуваевич, вот уже 10 лет, как я живу на Камчатке, вышла замуж за летчика. Моему сыну уже 6 лет. Я очень скучаю по родине, по родному языку. Мы живем на берегу Тихого океана. Кроме меня и брата, балкарцев здесь нет.

Как поживает Хажимуса Кулиев и его дети? Передайте привет ему и Вашим сыновьям и жене от нас.

Я Вас приглашаю на Камчатку к нам в гости. У нас кругом вулканы, край необычайно интересный. Он бывает красивым и суровым по своим климатическим особенностям. Посмотрите на карту страны и Вы увидите полуостров Камчатку. На нем есть поселок Усть-Камчатский. Здесь мы живем. Мой муж купил в Петропавловске-Камчатске томик Ваших стихов Минского издательства. Мы всей семьей время от времени его перечитываем, и он напоминает нам о родине, о ее прекрасных горах. Мне снятся горы, и я тогда не нахожу себе места на берегу Тихого океана. Этот величественный океан меркнет перед величием нашего Эльбруса, прекрасно воспетого Вами.

Я очень бы хотела иметь на балкарском языке Ваши стихи. Большое Вам спасибо, что Вы так душевно и величественно описали образ матери-горянки. А я не могу принести цветы на могилу матери, потому что я не помню даже ее черты. Сколько я ни искала ее фотографии, но так и не смогла ни у кого найти...»

*Лиза Ульбашева,
начальник отдела
строительного управления*

Усть-Камчатский

«В июне 1975 года мне пришлось, вернее, посчастливилось быть в ваших прекрасных краях. Я отдыхал в санатории «Нартан» в Нальчике. С экскурсиями был на Чегемских водопадах, видел чинару – Ваше любимое дерево. О нем Вами написаны стихи. Добрался до Вас в качестве бесстрашного беркута, но, к сожалению, мне не пришлось повстречаться с Вами. Встречался с балкарскими друзьями – учителями. Они мне понравились, как простые и скромные люди. Через них я передал Вам привет.

Прошло семь месяцев, но до сих пор вспоминаются Ваши стихи, как добрый утренний туман и радуга в горах...»

*Заки Ишмуратов,
учитель русского языка и литературы*

Уфа

«Я – участник Великой Отечественной войны, более сорока лет собираю книги писателей с автографами. Первую книгу я получил в 1936 году будучи студентом библиотечного отделения института от А. Н. Толстого, а потом от других. Так я подружился с книгой на всю жизнь. Сейчас в моей библиотеке таких подарков с автографами около 3 тысяч. Книги мне подарили М. Шолохов, Р. Гамзатов, Ш. Рашидов, Л. Леонов и многие другие.

Хотелось бы получить от Вас любую книгу с автографом. Прошу об этом».

И. П. Сергеев

Село Карамышево Псковской области.

13 ноября 1975

«По сложившимся обстоятельствам судьба романа моего отца Х. А. Аппаева «Черный сундук» сложилась так, что до сих пор он не переведен на русский язык.

Кайсын Шуваевич, посылаю Вам копию своего письма. Прошу Вашего согласия перевести на русский язык этот роман, так как Вы большой знаток родного и русского языков. Я бесконечно благодарна за высокую оценку этого произведения и, зная это, осмеливаюсь от имени многих читателей и лично от себя обратиться к Вам с данной просьбой.

Если не представится возможность самому взяться за эту работу, то прошу Вас оказать содействие в подборе равного переводчика издания романа.

Издательство «Современник» эту рукопись передало для ознакомления Архангельскому, уровень мастерства которого мне мало известен. С искренним уважением дочь писателя Тамара Аппаева»

*Тамара Хасановна Аппаева,
учительница русского языка и литературы,
отличник просвещения РСФСР*

Аул Кумыш Карачаевского района КЧА области

«Рукопись подстрочного перевода романа «Черный сундук» находится в вашем издательстве в редакции «Литература народов РСФСР» с 1973 года. Вы являетесь директором издательства «Современник», уважаемый Юрий Львович Прокушев. Как сообщает тов. Чукреев В. И., перевод этого романа намечается на 1977 год.

По утверждению ценителей литературы с 30-х годов и широкого круга читателей этого романа, он по идейному содержанию и художественному уровню не имеет себе равного в карачаево-балкарском языке. Роман «Черный сундук» Х. А. Аппаева вошел в историю карачаево-балкарской литературы как значительное явление. Автор романа признан основоположником и классиком родной литературы.

В 30-е годы, будучи в Карачево-Черкесии русский писатель Ю. Либединский, большой знаток Кавказа, ознакомившись с подстрочниками романа, любезно согласился перевести его на русский язык еще при жизни автора. Но в связи с арестом в 1937 году первого секретаря Карачаево-Черкесского обкома партии, роман остался не переведенным.

После реабилитации отца в 1957 году роман был переиздан на родном языке тиражом в 10 тысяч экз., что является редким явлением в карачаево-балкарской литературе.

В 1958 году Ю. Либединский при встрече с нашими писателями на Первом учредительном съезде писателей России интересовался судьбой моего отца и его рома-

на. И вновь выразил желание вернуться к переводу этого произведения. При жизни Л. С. Соболева я имела встречу с ним и говорила, чтобы роман перевел сам Соболев. Он мне сказал, что, если будет подготовлен подстрочник мастерами и знатоками двух языков, то он возьмется за перевод.

В 1973 году карачаево-черкесская организация СП представляла Вам подстрочный перевод романа в ваше издательство. Мне, как единственной наследнице, не безразлично качество перевода. Я с подстрочниками не знакома. Хотелось бы, чтобы над художественным переводом работал опытный писатель, знающий жизнь и литературу народов Кавказа.

На мой взгляд, таковыми могли бы быть: Кайсын Кулиев, Николай Тихонов, Владимир Солоухин, Семен Липкин, Яков Козловский. Как мне известно, Кайсын Кулиев перевел роман «Среди гор» Тюгельбая Сыдыкбекова, которому была присуждена Сталинская премия. Тем более, К. Кулиев работает на языке оригинала и высоко оценивает данное произведение. Он в последнее время работает над прозой.

Учитывая обстоятельства смерти отца и создавшееся положение с изданием романа на русском языке, прошу Вас оказать содействие в осуществлении перевода писателем, имеющим дарование и мастерство, соответствующие уровню автора романа».

Дочь писателя – Тамара Аппаева

2 апреля 1975.

Село Кумыш Карачаевского района

«...Я уже дома, а мысли мои с вами. Не забываю тот вечер, когда мы сидели у Исмаила Кулиева в его славной семье и с милыми твоими сыновьями, дорогой Кайсын.

Шлю всем привет. Передай привет профессору Аскеру Аппаеву. Всех Вас поздравляю с Майским праздником.

Кайсын, несмотря на занятость, ты найди время, пойди к Шахмурзаеву Саиду и передай привет от меня. Только ты способен создать красивые минуты отдыха и воскресить все хорошее: дни юности, девичьи грезы и мечты, все, что связано с родным селом Чегемом. Эти дни,

когда я побывала в Чегеме, я никогда не забуду, как и тебя, дорогой поэт.

Независимо от корней родства, чегемцы дороги мне. Я была рада тому, что люди приходили повидать меня, простую женщину, и выражали свои душевные чувства и уважение.

Я давно разлучилась с Чегемом, но меня земляки все же не забыли. С Айшаткой я пошла к известному в Чегеме камню (абсолту) и вспомнила, как в детстве мы собирали с ней фиалки под этими же камнями и скалами.

Была на твоём подворье, где ты родился. Здесь я в детстве была не раз и до сих пор помню твоего статного высокого и симпатичного отца Шуву, а облик сестры моего отца горянки Кудяевой я не помню. Когда она умерла, я была маленькой.

Проходя по селу, я видела те же каменные заборы (хунала), что были и при моем детстве, — свидетели ужасных картин (войны и выселения народа). Вековые скалы были свидетелями тех событий, а мне казалось, что они и сейчас говорят со мной... Обращаясь ко мне, скалы говорят: «Бедная Лейла, где ты была и что делала до сих пор, в какой стороне? Ты изменилась, а мы стоим нерушимо как прежде, в дни твоей юности...»

Кайсын, прошу тебя, пойдешь в верхнюю часть села, где стоят рядом две высокие темные скалы и где я была не раз и доверяла этим любимым скалам свои тайны и девичьи годы. Посвяти этим скалам стихи. Это будет память обо мне и о роде Кулиевых, так как эти скалы являются самыми близкими соседями семьи Кулиевых.

Жду двухтомник стихов».

Лейла Атабекова

27 апреля 1971. Махачкала

«В мае текущего года исполняется 70 лет со дня рождения выдающегося грузинского поэта Симона Чиквани. Прошу Вас прислать для нашей газеты воспоминания или небольшую статью — что будет удобно. Материал должен быть не позднее 10 мая...»

Реваз Маргуани,
поэт

20 апреля 1973. Тбилиси

«Был в поликлинике и решил зайти к тебе, дорогой Кайсын. С радостью узнал, что ты вырвался из этого дантова ада и находишься на поправке в родных краях. Набирайся сил, здоровья, оптимизма и терпения. Я прощаю тебе, что ты уехал из Москвы, не позвонив мне, как обещал. Но мне понятна радость, суматоха, с которой ты вырвался из столицы».

А. А. Чунихин

10 марта 1972. Москва

«Вас беспокоит В. Шепилов, бывший ст. инструктор турбазы «Башиль», в настоящее время преподаватель физкультуры г. Суздаля. Цель моего приезда в Нальчик заключалась в покорении безымянной вершины в верховьях ущелья Башиль-ауз П-3950 м над уровнем моря и названии ее Вашим именем. В состав группы войдут в основном инструктора турбазы «Башиль», руководитель — заслуженный мастер спорта СССР И. Г. Кохиани, который с удовольствием согласился на наше предложение руководить восхождением. Начало восхождения назначено на 16 августа с турбазы «Башиль».

Кайсын Шуваевич, если у Вас есть время, то мы, участники, ждем Вас и приглашаем подняться с нами на Вершину.

С уважением Ваш В. Шепилов

13 августа 1973 года

«В 1987 году в августе месяце, спустя два года после смерти К. Ш. Кулиева, я, профессор С. И. Эфендиев, и доцент кафедры философии КБГУ И. Х. Шаваев поехали впервые отдыхать на турбазу «Верхний Чегем». Директором турбазы был Мухар Чегембаев. В то время там отдыхал известный прозаик Жанаканит Жюнусович Залиханов, самый близкий друг Кайсына Кулиева. Он нам рассказал, что альпинисты хотят подняться на самую высокую вершину Чегемского ущелья и назвать эту вершину именем Кайсына Кулиева. Об этом говорили и многие сотрудники турбазы, где мы отдыхали больше недели. Возле нарзанового источника у подножия горы Техтинги и бурлящей реки Чегем мы неоднократно фо-

тографировались втроем — я, Залиханов и Шаваев. Нас фотографировал фотограф Мусукаев, который не раз запечатлел Кайсына Кулиева в фотоискусстве и именно в этих местах. Он вспоминал о том, что Кайсын Кулиев не раз был в этих местах с друзьями, которые приезжали к нему из различных городов Советского Союза. Это были М. Дудин, М. Карим, Р. Гамзатов, Н. Гребнев, сын Бориса Пастернака со своей семьей и многие другие».

Салих Ибрагимович Эфендиев

Нальчик

«Вот уже я в Москве, в суете большого города. После Нальчика, тихого и уютного городка, все мне кажется не так хорошо.

Встреча с тобой доставила мне большую радость. Благодарю за братский прием, великодушие. Спасибо Маке, твоей супруге, и друзьям, родственникам, особенно Исмаилу Кулиеву, которые принимали нас как гостей и угощали от души всем, что было у них.

Единственная к тебе просьба: не более! Может, придется еще много раз потрудиться для родины. Так писал много лет тому назад в Индийских Гималаях, обращаясь к самому себе, Николай Рерих...»

Леонид Митрохин

18 апреля 1973. Москва

«Я журналист из Сибири, работаю в редакции газеты «Красноярский рабочий». В то же время руковожу литературным объединением в г. Очинске.

Лично для меня и многих северян Ваше имя стало синонимом добра, человечности и высокой поэзии. Откровенно скажу — Вас любят и читают в Сибири. Только жаль, что слишком малы издания столь нужных людям Ваших стихов. О поэзии можно говорить и спорить долго. Поэтов можно отвергать и принимать. Но Ваши стихи навсегда остаются в сердцах людей, запоминаются. Вот почему ребята попросили меня встретиться лично с Вами и передать слова любви и благодарности.

Могли бы Вы встретиться со мной и где? Сообщите. Я здесь отдыхаю в санатории «Эльбрус», корпус 10, комната 52».

Ильментьев Данил Афанасьевич

11 февраля 1966. Нальчик

«Милый Кайсын, волнуемся за твоё здоровье. Будь молодцом, горячо поздравляем с Новым годом. Верим в исполнение всех твоих желаний, крепкого здоровья и новых стихов для нас и всей сегодняшней поэзии. Дружески обнимаем».

*Сергей Баруздин, Леонард Лавинский, Александр
Николаев, Ярослав Смеляков, Михаил Луконин,
Валентина Дмитриева*

Москва. 15-ая Парковая.

Больница Минздрава, палата 240

«Посылаю тебе, дорогой Кайсын, «Огонь» и стихи из «Книги земли». Прочитал с большим удовлетворением твои стихи из этого цикла в переводе Наума Коржавина. «Реквием» — это потрясающее произведение и перевод очень хороший.

Как движется дело с книгой нашего старца? Что мне написать Фофановой?»

*Семен Липкин,
переводчик и поэт*

Москва

«Еще с тех пор, как я впервые прочитала стихотворение «Черный конь умирает на белом снегу», восхищаюсь и преклоняюсь перед Вашим талантом. Теперь к моим чувствам прибавилась материнско-женская любовь к Вам. Мне очень тяжело от сознания, что Вы больны и пишете «Больничные стихи».

Прошу Вас, не болейте, преодолите болезнь, не поддавайтесь ей! Вам это не впервой. 12 лет я живу в мире Ваших чувств, Ваших дум и благодарю Вас за счастье знать, что есть на земле такие люди, как Вы. Я уверена в

том, как любима Ваша поэзия людьми и как она греет их души. Будьте здоровы, пожалуйста! Об этом я буду горячо просить Бога...»

Поэтесса Антонина Баева

Москва

«Дорогой Кайсын! Несколько лет тому назад Вы сделали щедрую надпись к книге, которую Вы мне подарили. Это был акт гостеприимства. Понимаю, — ведь и я, и сам М. М. Пришвин были для Вас тогда незнакомыми людьми. Сейчас я посылаю Вам книгу Пришвина и книгу о нем. Примите, прошу Вас, их. Там идет рассказ о Михаиле Михайловиче... Если Вы прочитаете всю книгу, то полюбите Пришвина.

Эту книгу я намеревалась посвятить поэтам, но издательство воспротивилось моему намерению. Я не горюю, была бы книга! Пожалуй, только поэт ее прочитает с настоящим пониманием. Я буду счастлива, если Вы пожелаете написать о книге искренне и вольно.

Привет Вам и добрые пожелания к Новому году. Привет моим любимым горам. В эту осень я наконец-то по канатной дороге увидела Эльбрус во всем его великолепии. Перед этим я перенесла спазм мозговых, сердечных сосудов и еще кое-что, довольно тяжелое. Но после подъема все обошлось благополучно. Ученые еще откроют в будущем, какие силы таятся в горах».

Валерия Дмитриевна Пришвина

28 декабря 1969. Москва

«Дорогой Кайсын, находясь в дальней зарубежной поездке и не зная о твоём славном юбилее, я не мог тебя вовремя поздравить, дорогой друг. Пусть я буду последним поздравляющим с 60-летием, но зато первым поздравляю тебя с Новым годом. Счастья тебе, здоровья, удачи. Обнимаю».

Поэт Николай Доризо

25 декабря 1977. Москва

«Дружеские шаржи от Николая Доризо:

Усы твои,
 словно сабли,
Имя Кайсын,—
 как нож.
Давно не живешь ты
 в сакле —
В сердце моем
 живешь».

«Салам Сана, Кулиев юлдаш! Привет Вам от С. В. Эльчара, народного поэта Чувашской АССР... Давно горю желанием приобрести русско-балкарский или балкаро-русский словарь, чтобы не беспокоить Вас, или обратиться к балкарским лингвистам. Но, к сожалению, я их не знаю. Если имеются такие словари, хотя бы старого издания, для меня все равно, то не можете ли Вы достать и прислать один экземпляр мне. Я навсегда бы остался Вам благодарен за такой подарок. Этот словарь мне нужен, как я Вам уже говорил на съезде писателей РСФСР, для сравнения балкарских слов с чувашскими.

История гласит так: народы болгарского происхождения заселяли к началу нашего века пространство Прикаспия и Северного Кавказа. Впоследствии одна часть этих народов переселилась в устье Дуная, смешалась со славянами. Эти народы образовали Болгарию. Болгары, приняв славянский язык, ославились, оставив только название своего народа. Другая часть поднялась вверх по Волге и образовала к тому времени большое государство — Камско-Волжскую Болгарию. А третья часть осталась на Северном Кавказе. Ученые предполагают, что они явились прародителями теперешних балкарцев. Мне кажется, что несмотря на сложившиеся исторические трудности, смешения и перемещения народов, во многом наши народы сохранили первобытный строй своего языка.

Чувашский язык также считается одним из древнейших ветвей тюркского языка. Установлено, что чуваша входили в состав Болгарии и занимали в ней ведущее место. Когда под ударами татаро-монгольского нашествия распалось Булгарское государство, часть болгар смеша-

лась с кипчаками из Золотоордынского ханства, приняв мусульманство. Эта часть, куда входило больше всего городского населения и, главным образом, болгарская аристократия, отатарилась. А другая часть – племена сувазов – упорно держалась за свою языческую веру. Она переселилась в лесистые горные районы, т. е. на теперешнюю территорию Чувашии...

Все это я Вам пишу, чтобы вызвать интерес к изучению наших народов, для сравнения чувашских и балкарских слов и узнать, какими изменениям они подверглись...»

Эльчер Семен Васильевич

18 апреля 1959. Чебоксары

«Огромное спасибо за письмо, Кайсын. Я в Москве, приехал на XXIV съезд КПСС и заболел. Попал в больницу, где нахожусь по сей день. Но скоро выпишываюсь.

Здесь я познакомился с твоим двухтомником. Это замечательные и по-настоящему солидные книги. Из этой серии, мне кажется, твой двухтомник выгодно выделяется и составом и составлением. Твоя лирика самая умная в нашей поэзии. Спасибо тебе за замечательный двухтомник».

*Семен Данилович Данилов,
якутский поэт*

29 мая 1971. Москва

«Кайсын, ты богатый человек. Ты богат таким богатством, которое невозможно отнять – богатством души. Несмотря на черные ветры, которые пронесли над твоей головой, Кайсын, ты – счастливый человек. Ты счастлив друзьями. Их у тебя много. И только ближайших и близких ты знаешь по имени. А тебя знают десятки миллионов людей – почитателей твоего таланта в Советском Союзе и за рубежом. В этом тоже твое богатство – всенародное признание и уважение».

*Константин Соколиков,
поэт*

23 октября 1977. Москва

«Ваши стихи и поэмы всегда украшение нашего журнала «Дон». Мы этим гордимся и надеемся с Вами еще не раз радовать наших читателей прекрасными поэтическими творениями».

Редколлегия журнала

Ростов-на-Дону

«Ваше письмо, тов. К. Ш. Кулиев, С. М. Черкесов, Т. Ж. Хуламханов мной, маршалом Советского Союза, Министром Вооруженных Сил СССР Р. Я. Малиновским, внимательно просмотрено. В соответствии с вашей просьбой я ознакомился со службой вашего земляка Х. С. Депуева.

Тов. Депуев является боевым офицером, участником Великой Отечественной войны. За боевые заслуги во время войны он награжден несколькими боевыми орденами и медалями.

После Великой Отечественной войны за безупречную службу он был награжден орденом Красной Звезды, юбилейными медалями 30 и 40 лет Вооруженных сил. Кроме того, ему в январе 1958 года было присвоено звание полковника, а в августе этого же года он был выдвинут на должность замкомандира танкового объединения. Принимая ваше желание о том, чтобы тов. Депуеву было присвоено звание генерала, должен вам сообщить, что к присвоению генеральского звания представляются офицеры, которые положительно проходят положительную аттестацию и занимают должность со штатной категорией «генерал».

Тов. Депуев работает в должности со штатной категорией полковника и на выдвижение по службе пока не аттестован.

У нас, в Советском Союзе и в Советской Армии, путь открыт для продвижения по работе и службе всем национальностям, поэтому есть все основания ожидать, что тов. Х. С. Депуев будет генералом, все зависит от него самого.

С уважением к вам.

*Малиновский Родион Яковлевич,
Маршал Советского Союза,
министр Вооруженных Сил*

16 февраля 1960. Москва

«Во втором письме от 22 июля 1960 года, направленном К. Ш. Кулиеву, дается служебная характеристика на заместителя командира в/ч 16695 полковника Депуева Хакима Сафаровича.

Вывод: Занимаемой должности вполне соответствует. По уровню подготовки и богатому служебному опыту он заслуживает назначения на должность командира соединения и присвоения очередного воинского звания — генерал-майор танковых войск. Может быть назначен заместителем начальника Управления боевой подготовки Округа».

Печать. Командир воинской части 16695 генерал-майор Т/В — Горбачев

22 июля 1960

Здесь же приводились в письме К. Ш. Кулиеву краткие биографические данные на Х. С. Депуева:

Он родился в 1913 году в с. Верхний Хулам Хуламо-Безенгийского района. Член КПСС с 1939 года. Образование — педтехникум в 1932 году, Орловское бронетанковое училище, Академические курсы усовершенствования офицерского состава при Военной академии Б.Т. и МВ в 1951. Окончил полный курс Военной академии им. М. В. Фрунзе в 1957 году. В Советской армии находится с 10 октября 1935 года»

«Дорогой Кайсын, от всей души поздравляю Вас с юбилеем и большой правительственной наградой. Желаю Вам здоровья, радости и много прекрасных стихов».

*Аня Луконина,
жена известного поэта
Михаила Луконина*

Москва

«Не серчайте, Кайсын. Но, не дожидаясь Вашего согласия, мы Вашу фамилию уже напечатали в рекламе, подготовили книгу «Наши гости», где коротко рассказали о Вас.

Ваши стихи переведены на удмуртский язык и идут в шестом номере нашего журнала «Молот». Подборка стихов подготовлена для газет, радио и телевидения.

Очень просим Вас найти возможность приехать на

Дни литературы Удмуртии. Они будут проходить с 19-го по 24 июня 1978 года. Заранее Вас благодарим».

Флор Васильев

15 мая 1978. Ижевск

«Кайсын Шуваевич, найти Вас по телефону очень трудно. Поэтому я обращаюсь к Вам с двумя просьбами для «Литературной России». Ваш знакомый, горно-алтайский поэт Борис Укачин только что выпустил в издательстве «Советский писатель» книгу новых переводов «Голос снега». Кажется, он Вам эту книгу выслал. Не могли бы Вы написать несколько страниц о ней? Я был бы очень признателен.

Вторая просьба. В Новом году 5 января в первом номере «Лит. России», которая по решению ЦК расширяет объем и увеличивается тираж, предполагает дать подборку стихов лучших поэтов России. Эти стихи мне дороги. В эту подборку сами поэты отберут свои лучшие стихи минувшего года. Не могли бы Вы, Кайсын Шуваевич, предложить один из своих напечатанных в прошлом году переводов».

В. Дементьев

Москва

«Кайсын Шуваевич, мы просим Вас перевести на балкарский язык стихотворение коми поэта Ивана Курачева «Моя муза». В 1979 году в Сыктывкаре будет отмечаться 140-летие поэта со дня рождения и книга «Моя муза» выйдет на многих языках народов мира. Уже есть 49 переводов. Как составитель этой книги, я убедительно прошу оказать нам братскую помощь в получении балкарского текста».

К. Хоменко

10 января 1978. Удмуртия

«...Переводы я скоро закончу, хотя на этот раз работа идет труднее, чем всегда. Присылай мне еще стихи.

Как тебе отдыхается? Я рад, что хоть два месяца ты

проживешь без суеты. И, может быть, в покое напишешь еще что-нибудь.

Передай привет всем».

*Наум Гребнев,
переводчик поэта*

14 июля 1977. Москва

«...Перечитал все переводы после твоих замечаний. Мне кажется, что в их оценке ты немного погорячился... Встретимся, обо всем поговорим. До 28 августа мы будем в Переделкино. Передай всем привет. Привет тебе от Миши и Баклановых. Я уже исправил многое в переводах».

Н. Гребнев

29 сентября 1978. Москва

«... Из того, что ты мне оставил, я перевел, что смог. Получилось 700 строчек. Стихи я уже перепечатал. Если дашь команду, что с ними делать, я поступлю с ними, как ты скажешь... Вышла, кажется, многострадальная венгерская книжка, а Нарекаци уже печатается. Вот и все мои новости. Если хочешь экземпляр моих переводов, то я пошлю тебе».

Наум Гребнев

Москва

«Уважаемый Кайсын Шуваевич! Обращаюсь к Вам за советом и помощью, потому что Ваша поэзия человечна, добра, выстраданная. Она близка моему сердцу. Помогите мне опубликовать мои стихи...»

*Абдулла Пасшу,
курдский поэт*

Москва

«Приглашаем Вас на юбилей — 50-летие уйгурского советского писателя Хизмети Абдулина.

Многоуважаемый Кайсын-ага, в связи с 50-летием нашего отца мы Вас приглашаем на дружеский ужин 1 ноября в 7 часов в ресторан «Кэлэмг Эр». Мы очень хотим, чтобы Вы были у нас почетным гостем.

Кайсын-ага, мы Вас будем ждать с нетерпением. Для нас это большая честь, чтобы Вас принять у себя дома как близкого и великого человека».

СП Казахстана и семья писателя Х. Абдулина
30 октября 1975. Алма-Ата

«Вас, Кайсын Шуваевич, я считаю одним из самых замечательных и глубоких по мысли поэтов, а еще я ценю в Вас прямоту, честность и мужество. Поэтому я хочу услышать Ваше мнение о своей музе, именно из Ваших правдивых уст. Надеюсь, что Вы понимаете меня. Мне 24 года. В конце 1969 года я был демобилизован с флота. Сейчас работаю на заводе. В прошлом году поступал в вуз на исторический факультет, но не прошел по конкурсу. Я написал стихотворение, посвященное Вам.

Вашу песню встречаю,
Словно солнце – уют...
Я не видел, не знаю,
Как чинара цветет.

Но поэзии чары
Так сильны в эту ночь!—
Близкий запах чинары
не могу превозмочь...»

Анатолий Константинович Малый
19 февраля 1971.
Мелитополь Запорожской области

«Дорогой Кайсын Шуваевич, редколлегия и весь коллектив газ. «Комсомольская правда» в день годовщины Октября счастливы поздравить Вас со всенародным праздником и присуждением Вам Госпремии СССР. Желаем Вам крепкого здоровья, новых вершин и новых побед».

Редколлегия «Комсомольской правды»
Москва

«Дорогой Кайсын, поздравляем тебя, нашего дорогого друга, с заслуженной высокой оценкой твоей поэзии.

Желаем тебе, певцу всей прекрасной земли, новых поклонников — читателей, новых успехов. Крепко обнимаем».

*Редколлегия журн. «Дружба народов» — Баруздин,
Лавлинский, Теракопьян, Шиловцева, Жигулин,
Руденко, Сергеева, Холопов*

Москва

«От имени тружеников села Сормаково сердечно поздравляю с высокой наградой! От души желаю дальнейших успехов в Вашей творческой работе».

*Лейла Хаупшева,
поэтесса*

Селение Сормаково Зольского района КБР

«Милый брат Кайсын, сердечно поздравляем тебя с великим восхождением на высокую вершину поэзии. Пусть «Книга земли» будет жить на планете вечно».

*Осман, Магомед, Назир Хубиевы
из Карачаево-Черкесии*

«Искренне поздравляю, Кайсын Шуваевич, с присуждением Госпремии СССР. Желаю большого здоровья и творческих успехов».

*Е. И. Чазов,
академик*

Москва

«Дорогой Кайсын-ага, сердечно поздравляю Вас, семью с единственным праздником Добра, Весны и Света! Счастлив Ваш талант, который озарен светом правды, красотой человеческого духа. Желаю Вам горского здоровья и звездных радостных взлетов».

*Борис Укачин,
горно-алтайский поэт*

«Уважаемый Кайсын Шуваевич, в ЦДЛ состоится вечер, посвященный 70-летию Михаила Исаковского. Юбилейный Комитет и СП СССР приглашают Вас принять участие. Просим сообщить Ваше согласие. С уважением».

Селихов

21 января 1975

«С 3-го по 10 апреля состоятся Дни литературы в Ростове-на-Дону, посвященные юбилею М. Шолохова. Руководитель А. Кешоков. Секретариат Союза писателей СССР просит Вас, Кайсын Шуваевич, принять участие. Просим подтвердить Ваше согласие».

*Батраков,
бюро пропаганды*

Москва

«Поздравляю с Днем Победы, дорогой Кайсын. Желаю Вам и Вашей семье здоровья, успехов, большого счастья.

Пусть вечно будет наше небо. Вижу и слышу Вас по Центральному телевидению. Горжусь Вами, живя на Крайнем Севере. Тоскую по родной своей Чегемской земле, бесконечно дорогой моему сердцу. С уважением

Зайнаф Аккизова

Норильск

«Дядя Кайсын, я часто читаю о Вас, о Ваших успехах и смотрю иногда на Вашу фотографию, на которой Вы вместе с моим отцом. Я, Бернард — сын Бектурсунова Суетбека. Очень радуюсь, особенно успехам Вашего сына. Ведь мы все трое остались без отца и матери. Случайно на курсах повышения в городе Омск я встретился с человеком, который живет в ваших краях и очень уважает Вас. И я решил написать Вам письмо. Мне будет очень приятно, если Вы ответите, хотя бы в двух словах, что Вы живы и здоровы. Ваше письмо будет памятью и о моем отце. С уважением».

Бернард

Чита

«Милый Кайсын! Странная со мной происходила история — последний месяц был я в Чехословакии и почему-то часто без всякого повода, вот так, вдруг вспоминал тебя и думал о тебе и твоих стихах. И вот возвращаясь домой и нахожу твою открытку. Очень обрадовался. Тому, что помнишь обо мне, что память наша скрестилась.

Я не умею «поддерживать» переписку, типичный сын своего времени — неаккуратно отвечаю даже на самые насущные письма. Я не выбрался даже как следует по-

благодарить тебя за книгу стихов. А ведь обрадовался, и всем читал откуда и даже хотел написать рецензию, потому что очень нравится сборник. Так что, видишь, с полным правом можно считать меня свиньей. Но, дорогой Кайсын, это будет весьма поверхностное суждение, основанное лишь на фактах. В действительности же, с тех пор, как я с тобой познакомился и узнал тебя и о тебе, я испытываю к тебе стойкую нежность и неубывающую любовь! Вот!

А если всерьез, то очень рад, что ты у меня есть, независимо от того, есть ли я у тебя.

Прости меня за эти сантименты.

Крепко обнимаю тебя и хочу видеть».

*Даниил Гранин,
писатель*

«Дорогой Кайсын! Я не имею к тебе никакого определенного дела. Но очень тебя люблю, часто вспоминаю и «болею» за тебя в предстоящих соревнованиях. Часто вспоминаю наши совместные поездки и встречи в Текинском, Лермонтове, Пятигорске, Ленинграде. Что за дни чудесные! И какой чудесный ты, Кайсын! Какой поэтический, человеческий и мудрый без важности! Какой ты простой и какой сложный (в смысле богатый), какой благородный, какой в высшем смысле слова национальный и в высшем же смысле общечеловечный. Ты, конечно, большая радость нашего века и очень сильный его выразитель. Обнимаю тебя. Не могу понять, как я не всунул тебе в руки свою книгу, которую собирался тебе подарить еще прежде, чем она вышла. Привет Маке и трем твоим сыновьям. И чтоб они хорошо понимали, кто их родители! Обобщенному особый привет со стажем!

От Цивы привет И. А.

Твой Ираклий Андроников

29 января 1965. Москва

«Спасибо тебе, дорогой Кайсын, за слово привет. Я горжусь, что есть у меня на Кавказе такой друг, что ря-

дом с белоснежным Эльбрусом сверкает его такая же высокая, поэтическая и отзывчивая душа. Обнимаю тебя».

Олесь Гончар,
писатель

20 марта 1976. Киев

«Кайсын Кулиев – неординарная личность, самообытный, яркий поэт. Мы много потеряли с его уходом. Безвременный уход его образовал в душе какую-то невосполнимую пустоту. У меня и сейчас перед глазами его улыбка. Улыбчивый человек, излучающий какую-то обезоруживающую теплоту. Забыть его невозможно – с этим, я думаю, согласится всякий, кто знал и общался с Кайсыном Кулиевым, – нашим современником, так много сделавшим в поэтическом искусстве».

Зара Долуханова,
народная артистка СССР

1988. Москва

«Кайсын Кулиев был поэтом настолько, что его невозможно было представить человеком другой профессии. Врожденное благородство налагало на него чеканные черты тот особенный отсвет, когда лицо было одновременно резким и мягким. Он умел поговорить, но зато умел и слушать... Он мастер благородного компромисса – и умел отступить, не теряя лица...»

Евгений Евтушенко,
поэт

1988. Москва

«Человек такого огромного, редкого таланта, как Кайсын, не мог походить на кого-либо. И не должен был походить. Тогда он и не являл бы столь сильную индивидуальность...»

Алим Кешоков,
писатель

1987. Москва

«Как поэт, он в изгнании безмолвствовал, писал «в стол», не имел читателя, и всю благородную горечь его

молчания я остро ощутил лишь однажды, когда Кайсын вдруг собрал русскую секцию и устроил собственный поэтический вечер в узком кругу. Какой необычайный, какой чудесный был вечер! Кайсын читал подстрочники своих стихов, потом читал свои стихи на балкарском, размышляя о поэзии, что-то комментировал и под конец прочитал одно небольшое стихотворение, которое сам перевел на русский. Там речь шла о фронтовом друге, друг любил петь песню о девушке с голубыми глазами, друг пал в бою, песня осталась, но ее уже никто не споет, как он...»

Вадим Ковский,
литературовед, критик

18 сентября 1987. Москва

«Кулиев всегда достойно представлял свой народ как человек и *достойно представлял Балкарию как поэт. Кулиев был таким, каким его задумал балкарский народ. Народные представления о добрых людях всюду на земле одни и те же.* Только, может быть, суровая природа Балкарии, нелегкая жизнь в горах требовали от людей большего мужества и большей готовности помогать друг другу. На Кайсына Кулиева всегда можно было положиться».

Левон Мкртчян,
литературовед, критик

1990. Ереван

«Русский язык Кулиев знал в совершенстве и тонко чувствовал все оттенки. В ссылке, между прочим, ему пришлось переводить на русский язык стихи видных киргизских поэтов. Иные из этих стихотворений и по сей день издаются в переводе К. Кулиева.

Он был человеком чрезвычайно начитанным. Знал мировую литературу, русскую классику».

Михаил Синельников,
переводчик

Москва

«Салам алейкум, багъалы Кайсын!

Мы лично не знакомы, но наши горы, родной язык, общность народов роднят нас.

Пишу тебе, прочитав твою книгу стихов «Книга земли». Я горд тем, что наша земля родила поэта, который смог передать прекрасными словами поэзии мудрость гор и прекрасную душу людей, живущих в горах...»

*Аскер Мурзакулович Вадахов,
полковник, командир в/ч 52441*

Ташкент

«Дорогой, славный друг мой и всего моего народа — Кайсын! От всей души желаю Вам и Вашим родным счастья и здоровья, новых и новых творческих радостей, которые радуют и нас, ваших читателей и почитателей. Стихами Кайсына славится и украшается вся советская литература — будьте же щедры и дальше. Над вершинами Ваших гор до моих маленьких Карпат летит Ваш голос, неповторимый, страстный и прекрасный! Будьте счастливы! Будьте радостны! Будьте щедры!»

*Микола Бажан,
писатель*

Киев

«Дорогой Кайсын Шуваевич!

Позвольте мне представить себя: меня зовут Альберт Лаврентьевич Рассмусен. Я американец, который живет в ФРГ, в красивом городе, я преподаю русский язык в гимназии для девушек, и я очень интересуюсь русским языком уже много лет.

Я только что прочитал статью о Вас в журн. «Русский язык за рубежом». Она мне очень понравилась. Ваши стихи просто поразили меня своей великолепной красотой. Ваши мысли о человечестве очень важные для всех народов.

Ваша «Женщина, которая купается в реке», не зная зла и смерти, и вьюги, зимы, тюрьмы и сумы, должна познакомиться со всеми людьми всех стран! Я хотел бы познакомиться с Вами.

Должен признаться, что я раньше ничего не знал о Балкарии. Благодаря Вам я очень хотел бы посетить Ваш город и сказать больше о Вашей Балкарии.

Я прочитал стихи многих других советских писателей, но Ваши стихи меня больше тронули, чем все другие. Вы действительно открываете сердце человеческому горю. К сожалению, в нашем мире есть много горя. Нам надо слушать Вас, доброго поэта нашего времени!

Спасибо за Ваше искусство, дорогой Кайсын Шуваевич! Желаю Вам вечных успехов! Восхищающийся Вами».

*Альберт Лаврентьевич Рассмусен,
преподаватель*

7 февраля 1976. Германия

«Милый Кайсын,

Сейчас, когда начинают приходить добрые читательские отклики, могу поблагодарить Вас за отличную подборку умных, мудрых и очень свежих стихов, напечатанных в первом номере журн. «Юность». Отныне Вы автор «Юности» и никогда об этом не забывайте. Для наших двух миллионов читателей нужны Ваша мудрость и Ваше умение заставить звучать лучшие струны сердец читателей.

Итак, спасибо и до новых встреч на страницах «Юности».

*Борис Полевой,
писатель*

Москва

«Дорогой Кайсын Шуваевич, к Вам обращается собиратель слов о мире и дружбе. Очень прошу Вас поддержать мое начинание. Подарите мне для хранения свою рукопись с горячим словом о дружбе и мире. А если найдется возможность, пришлите для моей библиотеки и Вашу книгу, желательно с автографом. Хотелось бы иметь и вашу фотографию в созданном мной альбоме «Писатели Советского Союза».

Я буду бережно хранить Ваш дар и Вашу рукопись. А все ценное и нужное для мира я охотно распространяю среди народа. С уважением».

И. Соболев

18 марта 1961. Село Калиновка
Елховского района Куйбышевской обл.

«...Ваши стихи для меня и моей жизни стали неотъемлемой частью моей души. Я всегда мечтала выразить Вам за них свою глубокую благодарность. С искренним уважением».

Е. Ольшанская

31 мая 1970. Киев

«Пользуясь случаем, хочу сказать, что мне здорово повезло в том, что я имею возможность общаться с вами, пользоваться Вашей поддержкой.

Вы – человек тонко чувствующий, чуткий. Позвольте Вам напомнить один экспромт, который я прочитал Вам когда-то в небольшом кругу.

Монолог Эльбруса

– Ценю поэтов, но как сына, –
Сказал Эльбрус, – люблю
Кайсына.

Ю. Крутов

«Драгоценный мой Кайсын! Поздравляю с Новым годом Тебя, Маку и Твоих джигитов. Трудный год мы пережили. Пусть Новый год для нас будет лучше. Спасибо тебе, что Ты есть! Для меня это радость и утешение. Нас остается все меньше, и нужно держаться теснее и крепче.

Обнимаю тебя крепко, милый мой друг».

Вл. Орлов

Ленинград

«Пусть вовек будет благословенно имя твоей Матери, осчастливившей всех нас твоим рождением, да еще накануне Великого Октября. Я тебя боготворю».

Твоя Тоня Баева

Москва

«Кайсын Шуваевич, Вы давно известны русским читателям, и Ваше имя неразрывно связано с русской поэзией и культурой».

Борис Виктор

Молдавия

«Кайсын, как ты мне дорог! Всегда у меня радостная улыбка, когда я вижу тебя, и так хорошо, что ты есть».

С. А. Воронин

Ленинград

«Горжусь, что первым перевел тебя на украинский язык. К сердцу твоему горскому дошло мое сердце степное. Выражая свою любовь к тебе, Кайсын, хочу сказать: «Ах, если бы меня сослали на Кавказ! Это была бы самая большая радость для меня». Все твои книги у меня есть. Но не на всех твоя размашистая рука. Твой почерк напоминает мне тучи во время бури.

Твой заместитель старосты нашей группы, когда учились вместе в Литературном институте».

Федор Гарин

Полтава

«Дорогой Кайсын, поздравляю Вас и Вашу семью с Новым годом. Желаю Вам нартского здоровья, много радости и мудрого творчества. Всегда Ваш».

*Имам Мустафаев,
бывший первый секретарь ЦК Компартии
Азербайджана, академик АН Азербайджанской ССР*

«Поверь моей искренности и моему вкусу, что твои стихи для детей — они чудо и так хороши! Читали мы их с Лейлой и поражались: какие они прекрасные и какие при всей человечности они детские. Поменьше было бы болтовни о специфике детской литературы, а побольше было бы таких стихов, как у тебя. Спасибо тебе и спасибо Яше Акиму, который обладает тем даром, каким обладает хороший переводчик. Это твои стихи. В них дышит твоя душа, бьется твое доброе сердце!... Я радуюсь не только за тебя, но и за тех детей, которые будут читать твои стихи, взяв в руки твой бесценный дар...»

*Регина Кафриэльяни,
редактор издательства
«Детская литература»*

Москва

«Я хочу услышать голос дорогого мне певца — Кайсына, — доставившего мне необыкновенное удовольствие, в самое ближайшее время. Жду срочно звонка. Искренне Ваш».

*Магомед Даутович Кажлаев,
доктор медицинских наук, проф.,
отец известного композитора
Мурада Кажлаева*

Баку

«Снимаю шляпу и низко кланяюсь, Кайсын Шуваевич, перед Вашей мудростью, перед человечностью, перед красотой и величием Вашей поэзии».

Неберекутин Алексей Федорович
Краснодар

«Все, созданное Вами, несло для простых людей истину: как быть правдивыми, честными и благородными и уметь делать для жизни доброе и нужное. Всегда Вас уважающий почитатель».

Подпись неразборчива
4 октября 1965. Нальчик

«Дорогой Кайсын Шуваевич, передаю салам Горному орлу Северного Кавказа от горного жителя Азербайджана. Я очень люблю Ваши стихи. Слушал, как Вы их заборно читали в Баку и в Сумгаите. Хорошо читали, по-кавказски! Если есть возможность, то пришлите мне свою книгу с автографом. Я очень буду благодарен. Я — литератор и книголюб. Желаю Вам нового орлиного взлета — высоко к облакам большой поэзии! Хотя Вы давно поднялись выше гор Кавказа. Однако направляйте еще выше свой полет! Здоровья, счастья Вам».

Кузьма Георгиевич Хромов
Сумгаит. Азербайджан

«Добрый день, Кайсын Шуваевич, я испытываю большое эстетическое наслаждение, когда я читаю Ваши сти-

хи, особенно меня волнует цикл стихов «Раненый камень». К сожалению, с вашими стихами я познакомился недавно. Но теперь я не расстаюсь с ними и часто обращаюсь к ним, как к далекому другу.

Спасибо Вам за певучесть четверостишия, за легкость запоминания и простоту изложения. Спасибо за то, что Вы умеете так просто волновать читательские чувства, поднимать настроение в мрачные дни жизни. Ваши стихи вселяют надежду и веру... Спасибо за ваше доброе сердце, которое не очерствело в трудные годы жизни. Спасибо судьбе, которая сохранила для нас, молодого поколения, Вас, прекрасного поэта.

Благодарю Вас за теплые строки, подаренные девушкам и женщинам, матери; как они бывают нужны и необходимы нам в будничные дни вечных забот. Я беру с Вас пример побеждать жизненные невзгоды и благодарю Вас, что не даете опуститься, озвереть. С Вашими стихами светлеет душа».

М. С. Алиева

г. Майский. КБР

«Всегда с восхищением читаю Ваши великолепные стихи и горжусь Вами как большим представителем и маяком всего Кавказа. При встречах с читателями я всегда говорю о Вас, как о примерном нашем поэте».

*Жанэ Кирымизэ,
адыгейский поэт*

Майкоп

«Извините за нескромность и неожиданность, что я стучусь к Вам с огромной просьбой. Кайсын Шуваевич, я люблю Вашу поэзию. В моей библиотеке, где около пяти-сот поэтических сборников, есть и Ваша чудесная книга «Раненый камень». Мне бы хотелось иметь Вашу любую книгу, выпущенную вашим издательством. Я работаю в газете. Если будете здесь, приходите в гости, буду рад».

Борис Белов

2 апреля 1965.

Город Стов Горьковской области

«Дорогой Кайсын Кулиев, читаю Вашу «Книгу земли» и почти из каждого стихотворения делаю выписки. Госпремия СССР присуждена Вам заслуженно».

В. Пожарский

17 декабря 1977. Ленинград

«Пишу Вам, так как очень хочется мне поделиться своей радостью. Вы для меня открыли мир поэзии. Все началось с опубликованного Вами в «Литературной газете» стихотворения «Стихи, написанные во время болезни». Меня поразила простота, глубина и легкость стиха. Ваши стихи очень хорошо читаются. Глубоки по содержанию и очень оптимистичны. Ваши мысли близки мне. Как-то я спокойно относилась к поэзии в школе, в институте, когда мы изучали различных поэтов-классиков: Пушкина, Лермонтова, Тютчева. Из них каждый по-своему велик. А вот Вас я открыла для себя сейчас — настоящего, современного поэта с простым и ясным изложением глубоких мыслей.

Мне повезло, и я купила Вашу последнюю напечатанную книгу «Книгу земли». И я теперь с интересом слежу за Вашим творчеством».

*Вера Александровна Куликова,
библиотекарь воинской части*

16 февраля 1976. Шамхор, Азербайджан

«Дорогой Кайсын, сердечно и горячо поздравляю тебя со славным 60-летием со дня рождения и высокой правительственной наградой. От души, по-братски желаю тебе богатырского здоровья, новых выдающихся творческих взлетов, большого счастья в жизни».

*Жанакаит Залиханов,
писатель*

Нальчик

«Лекарства получила, безгранично благодарна. Желаю Вам здоровья, больших творческих успехов, обнимаю как брата».

Пуриц

«Дорогого учителя, человека, поэта поздравляю с юбилеем и высокой государственной наградой. Горячо обнимаю. Любящий Вас светло...»

*Аркадий Кайданов,
поэт*

Нальчик

«Вас любят и молодые, и старые. Ваши книги, Кайсын, не лежат на прилавках. Вы имеете большое счастье доставлять людям самые сокровенные чувства. Примите в знак искренней любви к Вам мой скромный дар – рог тура как символ красоты и величия родных гор, воспетых Вами.

Пусть так же не иссякает Ваш солнечный талант, как не иссякнет лучистое вино в этом роге. Сколько капель вмещается в этом роге, столько лет Вам счастливой жизни!

Благодарный Вам за все доброе. Ваш ученик...»

*Исса Боташев,
драматург*

Нальчик

«Дорогой мой брат, Кайсын Шуваевич! Сердечно поздравляю с праздником революции!

Пусть вечно блещет Ваша лучистая поэзия. Ваш...»

Андрей Малышко

3 ноября 1967. Киев

«Кайсын Шуваевич, я Вам пишу как другу, как близкому человеку. Разрешите мне назваться Вашим другом. Надеюсь, что Вы не обидитесь на меня за это, хотя я о Вас ничего не знаю. Знаю только то, что Вы живете на свете и являетесь известным поэтом Кайсыном Кулиевым. А где живете – не знаю. Просто каждая встреча в печати с Вами для меня большая, светлая радость, как встреча с близким и старым другом. Каждое Ваше слово – радостно и больно слышать: ведь Вы как никто другой поняли жизнь людей.

Я Ваша читательница. Живу, как все, просто и скром-

но. Работаю инженером-строителем, воспитываю сына, учусь заочно.

Я очень давно хотела выразить Вам благодарность за Ваши незабываемые стихи. Извините меня за смелость, за то, что я Вам решилась написать. Я хотела выразить все откровенно, но видно, у меня не совсем хорошо получилось. Когда мне грустно, мне хочется читать Ваши стихи, говорить с Вами, как с хорошим другом...»

Дильбара Исламова

Узбекистан

«Дорогой Кайсын-ага, поздравляем Вас с восхождением на сияющую вершину 60-летия. От всей души желаем новых великих вершин творчества, алтайско-сибирского здоровья, кавказского долголетия, наш мудрый, вечно юный поэт.

Примите наши горячие поздравления с праздником Октября. Наш сердечный поклон прекрасной земле Кабардино-Балкарии».

Писатели горного Алтая

1977, ноябрь

«Кайсын Шуваевич, глубоко уважаемый Человек! Вы очень просты. Сегодня я не стал подавать многословные телеграммы на художественном бланке, как делаете Вы, а пишу от руки. Примите мои самые искренние поздравления в день счастливого 60-летия, в день Вашего рождения. Желаю Вам, как врач, прежде всего крепкого здоровья, неиссякаемой творческой энергии, воплощения в жизнь всех Ваших замыслов, долгих, счастливых, мирных десятилетий жизни.

Я согласен с Ираклием Андрониковым, когда он говорит: «Кайсын – мудрый и справедливый человек».

*Виктор Шогенов,
врач*

29 октября 1977. Нальчик

«После чтения Ваших стихов, Кайсын Шуваевич, я понял, что значит дружба. Я глубоко раскаиваюсь за свои преступления, которые я совершил. Вот уже год, как я

сижу в тюрьме за неверные проступки. Долго размышлял, как мне дальше жить и быть честным человеком. Здесь я стал писать стихи. Давно думал, к кому бы мне обратиться? И решил обратиться к Вам. У Вас очень сложная, трудная, но в то же время прекрасная судьба. Родник Вашего сердца, связанный нитями с живительной водой, неиссякаем. Вы были тесно связаны с такими личностями, как Б. Пастернак, А. Фадеев, Н. Тихонов, и были в дружеских отношениях с ними. Вы знаете настоящую цену настоящей светлой, мужской дружбы. Дружба согревала Ваше сердце, она давала Вам новые силы и знания. Поэтому я к Вам обращаюсь, Кайсын Шуваевич, за советом и посылаю свои стихи, чтобы Вы их прочитали и сказали свое мнение.

Я верю в жизнь и в себя, что я стану настоящим гражданином Родины. В этом мне поможет Ваша высокая поэзия».

Подпись неразборчива

Письмо из тюрьмы

«Мне только сообщили о том, что наша книга «Вечный огонь» вышла в Берлине и продается в магазинах. В этой книге есть Ваши избранные стихи, Кайсын Шуваевич, стихи Евтушенко и мои. На днях мы должны получить авторские экземпляры. Должны выслать и мой заказ, который им я делал при заключении издательского договора.

Сердечно поздравляю Вас с выходом в свет этой книги. Переводчиком книги был Прейслер, лауреат ГДР, известный поэт. Он сделал отличные переводы и он же написал предисловие к этой книге. Я часто вспоминаю нашу встречу в Москве».

*Леонид Трофимович Кузубов,
поэт*

Декабрь, 1976. Москва

«Семнадцатого августа 1976 года в Москве состоится Пленум советского Комитета защиты мира, посвященный ходу кампании гонки вооружения и разоружения. На этот пленум приглашаются председатели и ответственные секретари Комитетов защиты мира.

Кайсын Шуваевич, просим Вас принять участие в этом Пленуме».

Председатель советского комитета

28 июля 1976. Москва

«Центральный Дом работников искусства СССР приглашает Вас в среду 22 ноября 1977 года на творческий вечер народного поэта Кабардино-Балкарии, лауреата Госпремии СССР и РСФСР Кайсына Кулиева.

В Вечере принимает участие заслуженный артист РСФСР Яков Смоленский и поэты – Белла Ахмадулина, Наум Гребнев и другие».

Председатель вечера Виктор Боков,
поэт

Москва

«Дорогой Кайсын Шуваевич, будем счастливы видеть Вас 7 октября в 9 часов вечера на дружеском ужине на шестнадцатом этаже нашей гостиницы «Азербайджан».

Администрация гостиницы

1975. Баку, проспект Ленина, 1

«Министерство культуры и СП Азербайджана приглашают Вас, Кайсын Шуваевич, на открытие Дома-музея народного поэта республики Самеда Вургунa. Открытие состоится 6 октября в 12 часов по ул. Мясникова, 4».

*Оргкомитет по проведению Дней советской
литературы в Азербайджане*

Баку

«Вот уже много лет, Кайсын Шуваевич, я с увлечением собираю коллекцию книг с автографами их авторов. Книга, на которой рукой автора написаны даже самые скупые слова, становится еще более любимой и дорогой, а автограф становится неотъемлемой частью книги и истории. У меня есть книги с автографами Г. Маркова, Н. Тихонова, Л. Леонова, С. Бабаевского, Ю. Бондарева, С. Капутикян и И. Стаднюка, О. Гончара, С. Щипачева, Р. Рождественского, Э. Межелайтиса, А. Кешокова и др. авторов.

Вашу поэзию люблю, всегда читаю Ваши стихи, которые печатаются в центральных газетах и журналах.

Прошу Вас выслать мне «Книгу земли» с автографом. Это будет для меня самым ценным подарком. Я книголюб».

Иван Лукич Запекин

16 сентября 1977. Челябинск

«Дорогой Кайсын Шуваевич, Кабардино-Балкарский областной комитет партии, Президиум Верховного Совета и Совет Министров КБАССР сердечно поздравляют Вас, замечательного народного поэта и известного общественного деятеля республики, со славным юбилеем — 50-летием со дня рождения.

На протяжении долгих лет творческой деятельности Вы вносите достойный вклад в развитие кабардино-балкарской и всей советской литературы. Ваши стихи и поэмы нашли широкое признание и высокую оценку советского читателя. Ваше поэтическое творчество характеризуются глубокой верностью интересам народа.

Партия и правительство высоко оценили Ваш вклад в развитие социалистической культуры и литературы, наградив Вас Орденом Трудового Красного знамени и присудив Вам звание лауреата Госпремии РСФСР им. М. Горького.

Кабардино-Балкарский областной комитет КПСС, Президиум Верховного Совета и Совет Министров республики желает Вам доброго здоровья, долгих лет жизни и новых успехов в творческом труде».

*Обком КПСС, Президиум Верховного Совета
и Совет Министров*

30 октября 1967. Нальчик

«Дорогой Кайсын Шуваевич! Писатели Чечено-Ингушетии горячо приветствуют и поздравляют Вас, нашего большого друга и собрата, одного из ведущих советских поэтов, в связи с 50-летием со дня Вашего рождения и 30-летием творческой деятельности.

Вы пришли в литературу в середине 30-х годов и с тех пор неустанно совершенствуете свое поэтическое мастерство, создавая для своего родного народа много вдохновенных и изумительных произведений.

Ваши замечательные книги способствуют воспитанию человека и росту национальной балкарской культуры.

Ваши поэтические произведения снискали Вам заслуженную славу не только в КБАССР, но и во всем Советском Союзе и за его пределами. Они пользуются неизменным успехом у миллионов читателей. В них Вы воспеваете думы и чаяния своего народа, раскрывая и показывая его богатый мир и духовную красоту».

Писатели Чечено-Ингушетии

Октябрь, 1967. Грозный

«Дорогой наш земляк Кайсын Шуваевич! Чегемский райком КПСС и райисполком от имени всех трудящихся горячо поздравляют Вас, широко известного в стране поэта, лауреата Госпремии им. М. Горького, народного поэта КБАССР, с 50-летием Вашего рождения и 30-летием литературно-общественной деятельности.

Вы прошли большой творческий путь. Вашей рукой написано много замечательных произведений, содержание которых хорошо известно трудящимся нашего района, принесших Вам заслуженную известность и славу не только в нашей республике, но и во всем Советском Союзе».

Чегемский райком партии и райисполком

2 сентября 1967. Чегем

«Дорогой Кайсын Шуваевич! Кабардино-Балкарский обком партии, Президиум Верховного Совета и Совет Министров КБАССР горячо и сердечно поздравляют Вас со славным 60-летием со дня рождения и награждением Вас высшей наградой Родины – орденом Ленина. Ваша замечательная жизнь талантливого поэта является ярким примером служения нашей социалистической Отчизне. Вы внесли большой вклад в развитие культуры и духовной жизни народов Кабардино-Балкарии. Ваша прекрасная поэзия будет всегда способствовать воспитанию нынешних и грядущих поколений...»

*Обком партии, Президиум Верховного Совета и
Совет Министров*

30 октября 1977. Нальчик

«Уважаемый Кайсын Шуваевич, примите сердечные поздравления и наилучшие пожелания в день своего 60-летнего юбилея. Вы – ровесник Октября, советский поэт *большого самобытного таланта, который является глубоко народным*. Вы прославили наши народы в стране и за рубежом, снискали любовь и признание у миллионов читателей. Награждение орденом Ленина – это заслуженная оценка Вашего многолетнего труда...»

Зольский райком КПСС и райисполком
Октябрь, 1977

«Дорогой Кайсын Шуваевич, Баксанский райком КПСС горячо и сердечно поздравляет Вас, народного поэта КБАССР, лауреата госпремий СССР и РСФСР, с замечательным юбилеем – 60-летьем со дня рождения.

Вас хорошо знают не только в нашей республике. Ваша поэзия далеко шагнула за пределы родного края. Мы гордимся Вашим талантом, высоко художественными поэтическими произведениями и с радостью встречаем каждую новую строчку».

Баксанский райком КПСС
Октябрь, 1977

«Советский райком КПСС и райисполком горячо поздравляют Вас с 60-летьем со дня рождения.

Трудящиеся района уважают и ценят Вас, с большим интересом читают Ваши произведения, в которых раскрываются разум, чувство и вера народа в духовную красоту. Ваши произведения проникнуты общечеловеческими идеями, глубоко раскрывающими жизнь народа.

Мы искренне рады, что Вас высоко оценили, наградив орденом Родины...»

*М. Таумурзаев,
секретарь Советского райкома КПСС
А. Маршенов,
председатель райисполкома*

Октябрь, 1977

«Дорогой Кайсын, сердечно поздравляю с 60-летьем и высокой правительственной наградой. Символично, что

Ваш праздник совпал с великим юбилеем нашей родины — праздником дружбы и братства народов.

Трудящиеся Татарии знают Вас как настоящего интернационалиста, человека, с оружием в руках защищавшего Родину от фашизма в годы Великой Отечественной войны, как *великолепного поэта нашего времени, художника страстных чувств и большой душевной щедрости, мужества и правды, пробуждавшего в сердцах людей высокие нравственные качества, любовь к народу*.

М. Валеев,

секретарь Татарского обкома партии

Октябрь 1977. Казань

«Адыгейские собратья по перу от чистого сердца поздравляют Вас, *одного из правофланговых больших советских поэтов, с 60-летием. Вы — это пример для всех нас, как надо создавать высокохудожественные произведения, воспевать Отечество, мир, дружбу, могучую чистую любовь. Пусть Ваш мужественный возраст станет трамплином для второго шестидесятилетия...*»

*Тембот Керашев, Кирымизе Жанэ,
Юсуф Тлюстен*

Октябрь, 1977. Майкоп

«Дорогой Кайсын Шуваевич, сердечно поздравляю с 60-летием, высокой наградой Родины. Желаю Вам больших творческих успехов, удач, многих лет жизни и крепкого здоровья».

Алексей Бадмаев

1 ноября 1977. Элиста

«...Он излучал свет доброты и восхищал щедростью своего таланта. Кулиев внес заметный вклад в золотой фонд мировой культуры и принадлежит не только Кавказу, а всей огромной планете».

*Назир Хубиев,
поэт*

Карачаевск

ПОСЛЕСЛОВИЕ АВТОРА

В конце последнего раздела этого тома мне хотелось бы сказать, что все высказывания, послания, поздравления, приглашения Кайсыну Шуваевичу, которые шли из всех союзных, автономных республик, краев и областей бывшего Советского Союза, взяты из различных архивов ЦГАЛИ СССР, ЦДЛ им. Фадеева, ЦГА КБР, архива новейшей истории КБР, архивов Ростовской области, литературного музея КБР. В них содержится уникальный материал, который представляет большой интерес для всестороннего исследования и глубокого социально-философского анализа творчества Кайсына Кулиева.

Для этого потребуется скрупулезная и кропотливая работа будущих кайсыноведов XXI в. Невозможно было нам, трем авторам, все эти материалы, касающиеся жизни и творчества поэта, включить в данный том. Мы использовали малую долю этого огромного архивного материала. Взяли только 440 высказываний, поздравлений, приглашений и посланий, обращенных к Кулиеву. Мы вообще не затрагивали поэтические послания и обращения, посвященные поэту. Это особый раздел и проблема, которые могут составить целый том.

Приведенные выше высказывания, приглашения, поздравления являются достоверными. Они отражают многогранные связи Кайсына Кулиева со многими писателями, поэтами, композиторами, артистами, художниками, учеными, переводчиками, военачальниками, общественно-политическими деятелями, учителями, студентами, школьниками, рабочими, колхозниками, заключенными и просто почитателями и поклонниками его талантливой поэзии и в целом творчества. Архивные материалы отражают целую эпоху второй половины XX в. Они свидетельствуют о всеобщей любви и социальной памяти людей к имени гениального поэта и выдающегося гуманиста — Кайсына Шуваевича Кулиева. Все это огромный духовный пласт и бесценный культурно-исторический материал.

Исходя из большого количества писем, телеграмм, приглашений, посланий, которые были адресованы поэту, можно утверждать, что его Муза стала известной во многих странах Европы, Америки, Азии, Африки. Книги

К. Ш. Кулиева читают десятки миллионов людей нашей планеты, ибо духовная культура не имеет национальной границы. Она становится достоянием огромного пространства как закономерное явление жизни человечества. В орбиту этого диалектического процесса включена и поэзия балкарского поэта Кайсына Кулиева как неотъемлемая часть мировой художественной культуры.

Научное освещение в историческом, социально-философском и литературоведческом аспектах имеет большое познавательное значение в условиях национального возрождения и в нравственном воспитании подрастающего поколения.

В России, СНГ и во многих зарубежных странах поэзию Кулиева хорошо знают и глубоко чтут память о нем. Его поэтическое творчество – это немеркнущая звезда на небосклоне мировой художественной культуры. Он обессмертил свое имя на века своим неповторимым талантом как поэт-мыслитель и навсегда вошел в духовную культуру человечества.

Хотелось бы еще сказать, что Кайсын Кулиев получил широкое признание в мире еще и потому, что его стихи и поэмы были переведены на различные языки многих народов. Начиная с 1942 года, когда было переведено его известное стихотворение «Всегда гордился тем, что горец я!», которое транслировалось по радио «Совинформбюро» на 14 языках Европы, кончая 1985 годом – последним годом его жизни. Над переводами его стихов и поэм работали более 40 лет самые известные талантливые переводчики, знатоки восточной литературы, такие, как Д. Кедрин, П. Антокольский, С. Липкин, Н. Коржавин, Н. Гребнев, М. Дудин, Н. Тихонов, В. Звягинцева, Я. Козловский, Л. Шерешевский, О. Чухонцев, Д. Голубков, Я. Аким, Ю. Нейман, Я. Хелемский, Б. Ахмадулина, Д. Долинский и многие другие. На английский язык его перевели О. Штарц, на болгарский – Николай Христов, на венгерский – Антал Гидаш, на польский – Витольд Домбровский, на чешский – Вацлав Йелинек и Мечислав Кргоун, на немецкий – Марта Вебер, Вильгельм Гирнус, на голландский – Латауверс, на арабский – Муин Бейсу, на колумбийский – Энрике Сендойя, на кубинский – Луис Саурдас, на турецкий – Каншаубий Мизиев и другие.

Поэзия Кайсына Кулиева – это вершина духовного национального потенциала балкарского народа, его невиданный художественный феномен. После ухода из жизни Кайсына Кулиева балкарский народ духовно осиротел, до сих пор чувствуя в душе невосполнимую пустоту, так как поэт обладал излучающей душевной теплотой и был духовным лидером творческой интеллигенции. К сожалению, после его смерти в некоторой степени идет угасание духовной энергии балкарского народа, так как нет такой мощной интегрирующей личности. Об этом хорошо сказал кабардинский поэт Руслан Семенов: «...Я всегда обольщался только тем, что имел и имею счастье знать Вас, великого живого человека, учителя-философа, ненавязчивого, как сама жизнь. Придет время, и на Ваших стихах будут воспитываться новые и новые поколения многострадальной земли человечества».

Главная задача социально-философского исследования творчества Кайсына Кулиева – понять все его великие уроки. Он занимал особое место в интеллектуальной истории балкарского народа. Это ярко проявилось сразу после возвращения его из Киргизии. Кайсын Кулиев оставил большой след не только в области художественной литературы, но и в языкознании, в истории развития национальной критической мысли, в политике и этнофилософии балкарского народа.

Публикуемые в данном томе высказывания, послания, поздравления, различные приглашения свидетельствуют о том, что Кулиев все время был в эпицентре общественно-политической жизни страны, начиная с 40-х вплоть до середины 80-х годов XX в. Он впитал в себя культурные традиции многих народов – России, Средней Азии, Казахстана, Закавказья, Украины, Белоруссии, Молдавии, Прибалтики. Поэтому в читательских кругах имя Кайсына Кулиева воспринимается как символ духовной культуры.

Для него великая, всеобъемлющая истина – это совесть, справедливость, доброта. Таким он остался в памяти миллионов людей России, СНГ и многих зарубежных стран, с которыми поэт общался и имел дружественные связи.

Как известно, в XX в. наравне с величайшими открытиями в области науки и техники, были и большие по-

трясения в общественно-политической и культурной жизни человечества. Каждая личность — это продукт той исторической эпохи, в которой она жила. Таковым был и Кайсын Кулиев. По меткому выражению немецкого философа Ф. Ницше, «умственная совесть» не позволила К. Кулиеву писать хвалебные оды и стихи в честь руководителей. В своих произведениях он воспел все живое и неживое, но не тех, которые стояли у власти. Когда высланные народы находились в Средней Азии и Казахстане вне системы «координат» и вне общественно-политической и культурной жизни страны, Кайсын Кулиев все вынес и не потерял своего собственного достоинства. Его независимый и гордый дух не поддавался насилию и давлению комендантского режима.

Кайсын Кулиев был проницательным мыслителем и гуманистом. Он хорошо понимал душевную субстанцию балкарского народа. Его творчество представляет собой высшую ступень в художественном развитии балкарской литературы.

В его поэзии, прозе и литературно-критических статьях, выступлениях на Международных конгрессах, научно-теоретических конференциях глубоко отражается вся история второй половины XX в. Будущие поколения исследователей творчества Кайсына Кулиева должны рассматривать все вопросы во времени, то есть в историческом аспекте.

Мы желаем будущим кайсыноведам дальше пойти в объективном исследовании тех проблем, которые поставлены в докладе, посвященном 80-летию со дня рождения поэта, и тех вопросов, которые нами освещены в шести томах. Социально-философское осмысление духовного наследия Кайсына Кулиева требует постоянного творческого поиска и нового подхода с учетом общих закономерностей и специфических особенностей развития мировой художественной культуры. Мы считаем, что это основной принцип научного исследования национальной художественной культуры.

Рецензия

ПО ЗОВУ ДУШИ И СЕРДЦА

О творчестве одного из лучших поэтов XX в. Кайсына Кулиева написано множество критических работ, отдельных книг. Казалось бы, что можно еще добавить ко всему сказанному о поэте? Оказывается – очень многое. Это доказала семья Эфендиевых – доктор философских наук, профессор Салих Ибрагимович, доктор филологических наук, профессор Тамара Емельяновна и их сын – Фуад Салихович, доктор философских наук, профессор. Они завершили многотомный труд, посвященный жизни и творчеству К. Ш. Кулиева.

Первые две книги («К. Ш. Кулиев. Биография поэта», часть 1, 1917–1958 гг., часть 2 – 1959–1985 гг.) рассказывают о жизненном и творческом пути поэта.

Третий том «Друзья поэта» посвящен выдающимся современникам Кайсына Кулиева, с которыми поэт дружил многие годы.

Четвертый том – «Воспоминания современников о Кайсыне Кулиеве», скоро выйдут пятый и шестой тома, которые находятся в печати.

Что же прежде всего привлекает читателей в книгах Эфендиевых? Это – глубокое знание творчества поэта и огромный архивный материал, который они собирали более тридцати лет и всесторонне обобщили все, что сказано о нем на протяжении полувека критиками, исследователями и рядовыми читателями. Еще в 1982 году сам поэт разрешил Эфендиевым работать над его личным архивом и подписал их заявление. Удовлетворяя их просьбу, поэт был уверен, что Эфендиевы будут серьезно заниматься изучением его творчества и у них найдутся последователи-кайсыноведы. Они впервые ввели в научный оборот обширный архивный материал. Конеч-

но, за всем этим стоял огромный многогранный и кропотливый труд неутомимых исследователей, стремление определить значение творчества поэта и то место, которое он занял в родной и мировой поэзии. Все это подтверждается высказываниями критиков и выдающихся представителей разных стран, разных литератур. Имена этих писателей и поэтов говорят сами за себя. Это Б. Пастернак, А. Фадеев, Д. Кедрин, К. Симонов, Н. Тихонов, А. Твардовский, А. Кешоков, К. Отаров, Р. Гамзатов, М. Дудин, Д. Кугультинов, Ч. Айтматов, М. Карим, И. Абашидзе, Л. Мкртчян, Н. Джусойты и многие другие. Ничего выдуманного в этих книгах нет, а есть строго подобранные факты, архивные материалы, научные выводы и обобщения.

У читателя появилась возможность узнать все о любимом поэте. Не о каждом поэте масштаба Кулиева написано такое исследование. Кайсын Кулиев понимал это и оказывал посильную помощь авторам в сборе материалов, необходимой информации, радовался тому, что нашлись бескорыстные, преданные литературе, в частности его поэзии, исследователи, критики-профессора Эфендиевы.

Они шаг за шагом прослеживают творческий путь великого поэта по годам, всякие поездки поэта по родной земле и в зарубежные страны, его встречи с видными общественными деятелями и коллегами по перу, его многочисленные выступления на Международных конгрессах, симпозиумах и научно-теоретических конференциях, на сессиях Верховного Совета СССР, съездах Союза писателей СССР и РСФСР, союзных республик и автономных республик. Каждому должно быть ясно, с какими трудностями сопряжена такая работа исследователей — пройти мысленно по многочисленным дорогам, которые исколесил поэт в мире, начиная с порога родного дома, где поэт сделал свои первые шаги на земле, кончая первоцегемской усадьбой, где он жил в последние годы и сделал последние шаги, прощаясь с миром своих земляков, так любивших его. Он оставил им в дар свое Слово, которому суждена долгая жизнь.

Книга состоит из трех разделов: Часть 1. «Друзья Кайсына Кулиева», часть 2. — «Друзья К. Кулиева из бывших союзных республик СССР» и часть 3 — «Зарубежный Восток и Запад в творчестве Кайсына Кулиева».

В настоящее издание вошло 22 очерка из первой и второй части. Из них 12 очерков о российских друзьях Кулиева. Из СНГ – речь идет о друзьях из Грузии, Армении, Киргизии, Узбекистана, Таджикистана, Белоруссии, Казахстана, Туркмении и из Прибалтики. В них включены стихотворения Кулиева, посвященные друзьям, его высказывания о них, переписка с ними, его выступления на съездах Союза писателей, всесоюзных совещаниях, торжественных мероприятиях. Работа проф. Эфендиевых написана на основе архивных материалов, которых насчитывается более 470 источников. В ней много достоверных фактов, еще неизвестных кайсыноведам и тем, которые занимаются вопросами национального литературоведения – взаимосвязями и взаимовлияниями литератур нашей страны, СНГ и зарубежных стран.

Многогранное творчество Кайсына Кулиева (его поэзия, проза, драматургия и литературно-критическое наследие), литературные взаимосвязи с писателями Востока и Запада являются, по нашему мнению, актуальной научной проблемой изучения культуры народов не только России, СНГ, но и дальнего Зарубежья. Это не случайно, так как Кайсын Кулиев – это один из лучших балкарских поэтов, национальная гордость народа. Социально-философское осмысление духовно-нравственных ценностей культуры различных народов, подчеркивают авторы данной монографии, имеет исключительно важное значение для национального возрождения и укрепления дружбы и взаимопонимания между народами.

В эту книгу включены около 60 уникальных фотографий Кулиева с его друзьями: он на родине в Чегеме, у родника в Чегемском ущелье, ведет беседу с колхозниками селения Безенги. В 1959 году видим его, беседующим с Н. Тихоновым и М. Айбеком. В этом же году видим его на сессии Верховного Совета СССР и среди балкарских детей на родине Кязима Мечиева, на съезде Союза писателей РСФСР как то: Фазу Алиева, Расул Гамзатов, Алим Кешоков, Адам Шогенцуков, Мустай Карим, Даниил Долинский, Михаил Киреев и другие. Интересна и фотография Кулиева, когда он был в Москве в июне 1971 года среди руководителей Советского правительства – Л. И. Брежнева и А. Н. Косыгина. Запоминается и фотография Кулиева, где он сидит рядом с Мустаем

Каримом на VI Всесоюзном совещании молодых писателей в Москве 1975 году. Памятна фотография Кулиева с грузинским композитором Вано Мурадели, Алимом Кешоковым, с армянской поэтессой Сильвой Капутикян, когда они были в Нальчике в 60-е годы. Искусством памяти является фотография, на которой Кулиев и Ханафи Хутуев изображены среди делегатов Кабардино-Балкарии в Северной Осетии в Дни литературы и искусства КБАССР. Эмоционально впечатляющей является фотография Кулиева среди друзей в Москве в 1965 году – А. Кешоковым, С. Липкиным, З. Тхагазитовым, М. Кармоковым, В. Кузьминым, Б. Гуртуевым, Х. Хавпачевым, А. Шомаховым, А. Шогенцуковым. Все они такие молодые и счастливые! А также многие другие фотографии разных лет.

Книга вышла в хорошем оформлении. Хочется поблагодарить художника М. М. Горлова, корректора Е. Е. Терушкину и всех, кто причастен к ее изданию.

Особый интерес книга представляет для преподавателей вузов и специальных средних учебных заведений, учителей школ, аспирантов, студентов, изучающих художественную культуру и национальную литературу.

Я не критик, не литературовед, но как заинтересованный читатель, в меру своих возможностей высказываю свое личное мнение о прочитанной книге «Друзья Кайсына Кулиева». Сделать анализ и дать объективную оценку труду исследователей – это, конечно, непосредственное дело профессиональных критиков. Для меня дело осложняется еще и тем, что книга, о которой хочется сказать несколько слов, написана литературоведами, критиками, учеными, известными далеко за пределами республики. Их статьи и очерки не раз публиковались в периодических изданиях в России, СНГ, выходили отдельными книгами в Москве. Многочисленные выступления проф. Эфендиевых на международных и межвузовских научных конференциях по проблемам этнокультуры и вопросам социально-философского осмысления поэзии Кайсына Кулиева общеизвестны.

Хорошо зная жизнь и творчество Кайсына Кулиева, его обширные связи со многими известными писателями и поэтами, композиторами, художниками, военачальниками страны, Эфендиевы сумели показать Кулиева как

человека, одаренного самой природой, и поэта, выдающегося таланта.

Думаю, что ознакомившись с третьим томом «Друзья Кайсына Кулиева», читатель будет ждать четвертый и пятый тома – «Воспоминания современников о Кайсыне Кулиеве» и литературно-критические статьи, очерки, тезисы и доклады о поэте, написанные в разное время. Все это можно назвать капитальным трудом профессоров Эфендиевых. По моему глубокому убеждению, эти тома являются весомым вкладом в литературоведческую науку. Я не знаю ни одного поэта Кавказа, о котором было бы написано столько томов одной семьей об одном поэте. Если образно сказать – они столько же томов написали о нем, сколько написал сам поэт. Этот факт подтверждает еще раз мысль о том, что Кайсын Кулиев – это одна из вершин мировой художественной литературы, он уникальное явление духовной культуры балкарского народа XX в.

Я считаю, что самым лучшим памятником поэту является многотомный труд профессоров Эфендиевых, который приурочен к 80-летию и 85-летию со дня рождения Кайсына Шуваевича Кулиева.

Читателям и любителям поэзии Кулиева остается одно: поблагодарить создателей капитального труда о творчестве великого поэта и выдающегося гуманиста XX в. Пожелать Эфендиевым: Салиху, Тамаре, Фуаду, неутомимым труженикам-исследователям, еще больше успехов на нелегком пути, избранном ими по зову души и сердца.

Народный поэт Кабардино-Балкарии
Зубер Тхагазитов

30 мая 2001 г.

Рецензия

КАЙСЫН КУЛИЕВ В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННОКОВ

Недавно в издательском центре «Эль-Фа» вышел четвертый том, подготовленный профессорами Эфендиевыми – Салихом, Фуадом и Тамарой. «Кайсын Шуваевич

Кулиев. Воспоминания современников» (2001 г.) – так называется этот том, в который вошли 86 воспоминаний современников великого поэта, его близких друзей, родственников и просто знакомых, знавших его долгое время.

В эту книгу включены уникальные, очень интересные материалы, ранее никогда не опубликованные. В предисловии книги авторы подчеркивают, что каждый из них писал свои воспоминания по памяти, излагал по своему усмотрению те или иные факты биографии поэта и не трафаретно выразил свою любовь к нему. Каждое воспоминание – это ценный материал для познания этнокультуры, имеющей непреходящее историческое значение в социально-философском осмыслении многогранного таланта Кайсына Кулиева как духовного феномена балкарского народа и его национального символа.

Авторы этого тома провели огромную работу по сбору материалов-воспоминаний большого количества людей. За короткий срок они успели не только собрать материал, но и издать эту уникальную книгу, посвященную 85-летию со дня рождения поэта. Объем монографии 33,6 п. л., 638 страниц.

Свои воспоминания писали представители 19 национальностей России и СНГ – балкарцы, кабардинцы, русские, казах, грузин, азербайджанка, осетин, татарин, армянка, чеченец, карачаевцы, адыгеец, черкес, еврей и др. Все они были и есть друзья Кайсына Кулиева. Среди них первый Президент Кабардино-Балкарской Республики – Валерий Мухамедович Коков, Премьер Правительства КБР – Хусейн Джабраилович Чеченов, известные писатели и поэты, композиторы, художники, артисты, врач, архитектор, переводчик стихов поэта, крупные партийно-советские работники, ученые, рабочие, колхозники, учителя, соседи, пенсионеры, домохозяйки, шофер и т. д. «Мы благодарны за то, что они откликнулись на нашу просьбу, – пишут Эфендиевы в предисловии этой книги. – В этом проявилось их глубокое уважение к памяти поэта, их любовь к его творчеству. Ибо поэзия Кайсына Кулиева принадлежит всем народам Земли, как бесценное достояние духовной культуры человечества».

Каждое воспоминание охватывает длительный период общения с поэтом. В книге материалы расположены последовательно и значимо. Удивительно то, что ни одно

воспоминание не повторяет другое. Все названия воспоминаний точно отражают содержание каждого раздела и показывают искреннюю любовь и уважение к памяти Кайсына Кулиева. Самым главным и ценным, на наш взгляд, является структура 4 тома. Замысел этого тома можно считать уникальным, потому что они, авторы, никого не повторяют. Впервые в истории художественной мемуарной литературы балкарского народа после смерти поэта так скоро вышла книга воспоминаний современников. Профессора Эфендиевы собрали большой исторический материал, переработали, обобщили его, поэтому книга эта имеет исключительно ценное познавательное значение в изучении биографии и творчества К. Ш. Кулиева. Верно пишут авторы, что прошлое, хранящееся в памяти людей, является частью настоящего. Настоящее со временем уходит в прошлое, потому что наступает будущее. Эта объективная закономерность развития истории и духовной культуры. В этом заключается суть сохранения в социальной памяти выдающихся людей, которые внесли большой вклад в развитие художественной культуры.

Каждое воспоминание идет таким образом: сперва — фотография того, кто вспоминает о своих встречах с поэтом, затем идет их краткая автобиография, потом — очерк. Тем самым Эфендиевы в этой книге увековечили не только самого поэта, но и его современников, живых и ушедших из жизни, за то время, пока готовилась книга. За это время ушли из жизни Адам Шогенцуов, Ханафи Хутуев, Ибрагим Ахматов, Петр Шевлоков, Аслан Дауров, Хажбекир Хавпачев, Мустафа Созаев, Хамиша Шехихачев, Тимур Шаханов, Осман Хубиев.

Книга содержит необычайно богатый материал для ученых-исследователей творчества Кайсына Кулиева. В четвертом томе читатели найдут личные автографы поэта, подписанные им на книгах, которые подарил он Эфендиевым. «Милому, дорогому Салиху с любовью. Кайсын Кулиев». Или: «Милый Салих, будь счастлив. 4 сентября 1969 год. Кайсын Кулиев». А 24 мая 1974 года поэт писал: «Салиху Эфендиеву с любовью». Эта надпись сделана на сборнике стихов «Вечер» (М., 1974). Годом раньше поэт писал на титульном листе сборника стихов «Звездам — гореть!» (1973): «Тамаре и Салиху

Эфендиевым, моим дорогим друзьям». Находясь в больнице, поэт сделал такую надпись на сборнике стихов «Высокие деревья»: «31 марта 1975. Больница. Тамаре Эфендиевой. Всего самого хорошего тебе, Салиху и детям. Кайсын Кулиев». В 1980 году он с благодарностью подарил им книгу «Колосья и звезды» с таким автографом: «Тамаре Эфендиевой как всегда с благодарностью за все ваши труды. 16 марта 1980 г. Москва». Эти душевно-искренние автографы свидетельствуют о том, что семья Эфендиевых пользовалась у поэта большим уважением, и он высоко оценивал их неутомимый труд в исследовании его творчества.

Из всех разделов книги большой научный интерес представляет доклад, посвященный 80-летию со дня рождения поэта, «Кайсын Кулиев и проблемы национального возрождения», который сделал проф. С. И. Эфендиев. В нем автор глубоко раскрыл влияние Кайсына Кулиева на развитие художественной мысли творческой интеллигенции балкарского народа. В своем докладе он поставил 104 проблемы для дальнейшего исследования творчества поэта.

Книга вышла в хорошем оформлении, как и предыдущие три тома.

Следует поблагодарить художника М. М. Горлова и редактора данного тома Л. О. Тамазову.

Многочисленные читатели, приобретая 4-й том «Кайсын Шуваевич Кулиев. Воспоминания современников» (2001), будут благодарны профессорам Эфендиевым – Салиху, Тамаре, Фуаду – за их неутомимый, неустанный и безвозмездный труд в деле увековечивания памяти выдающегося поэта XX в.

Издание книг из серии «Друзья Кайсына Кулиева» будет продолжено: есть уже подготовленные 5-й и 6-й тома, которые находятся в типографии. Все шесть томов и готовящийся к печати фотоальбом (7 том) посвящены 85-летию со дня рождения Кайсына Шуваевича Кулиева, которое будет отмечаться в ноябре 2002 г.

Н. А. Шогенцукова,
доктор филологических наук, профессор
кафедры зарубежной литературы КБГУ

9 августа 2001 г.

в первом четверостишии Кулиев повторил то, что многократно воспевалось поэтами всех времен и народов.

Во втором четверостишии горский поэт стремился художественно приблизить мастера-титана к человеческим судьбам людей, на долю которых всегда выпадает много бед и горя. Поэт в это время много писал о человеческих страданиях в связи с его внезапной болезнью. Так, в «Стихотворении, написанном в больнице», посвященном врачу Н. А. Лопаткину, Кулиев писал,:

Страданье человека! Милосердным
ты делаешь того, кто человек,
что было домом — стало пеплом серым,
чернейшим снегом стал белейший снег...¹

(Перевод Б. Ахмадулиной)

Имена Кайсын Кулиев и Прометей всегда будут звучать символично, как и понятия о терпении и о сострадании к ближнему. Дело в том, что Кулиев был поэтом сострадательным, глубоко чувствующим; личностью всеохватывающего ума и человеком большого сердца, то есть добрым. «Добрым быть нелегко», — изрек когда-то мудрец Питтак. Нам кажется, что Кулиев обратился не случайно к теме Прометея. Милосердной обители у Кулиева никогда не было. Известно, что он подолгу жил в гостинице «Москва» в столице. Но и она не была для него материнским домом, где были бы душевный покой, отдых и взаимопонимание. В Москве поэт жил напряженной жизнью: много отдавал времени общественной работе, писал стихи, рецензии, статьи, встречался со своими переводчиками, занимался вопросами публикаций своих и чужих сборников стихов. И во всем надо было проявлять стойкость и терпение. «Терпенье было посохом моим...» — признавался поэт в стихотворении «Больной всегда бывает одинок» (1975) он писал: «Я стойкость у тебя перенимал, я твоему терпению учился».

Обращаясь к образу Прометея, Кулиев не заимствовал то, о чем писали многие до него в мировой художественной культуре. Хотя второе четверостишие говорит о силе и всемогуществе человеческого разума, Кулиев ее выра-

¹ Кулиев К. Собрание сочинений. В 3 т. М., 1977. Т. 3. С. 70.

зил по-своему, по-горски. Эта мысль прошла, как известно, в стихах известных поэтов XIX и XX вв.

Сила Прометея до сих пор
Царствует – она сильнее смерти,
Снежные громады катит с гор
Мечет молнии и вихри вертит.

Мысль о техническом и социальном прогрессе множество раз варьировалась в различных аспектах и формах в эпоху Возрождения и позже, когда античный титан потерял свою мифологическую значимость и стал ближе к человеку, его делам и поступкам, прогрессу, в его движении вперед. Но Кулиева волновало не это, а привлекало понятие «Прометеевский огонь» как неугаемое внутреннее стремление к достижению высоких целей в науке, искусстве, общественной работе, как талант, одаренность.

Кулиевские мысли в двух последних четверостишиях не повторяют известное. Однако хотелось бы сказать, что в третьем четверостишии Кулиев ближе всего в трактовке о Прометее к трилогии Эсхила и древнему мифу, согласно которому первые люди Девкалион и Пирра, появились на свет от Прометея и Пандоры, поэтому в каждом из людей есть что-то от Прометея. Он наделил людей «слепыми надеждами», верой в лучшее. А Пандора наделила смертных человеческими несчастьями, открыв ларец и пустив их гулять по свету.

Независимо от того, как перевел это стихотворение Н. Гребнев, национальная специфика и мышление Кулиева сохранены.

Родина, в ущельях снеговых
На вершинах этих первозданных
Сколько за века прошло твоих
Горцев – Прометеев безымянных.

В этом суть и смысл стихотворения «Прометей». Горцы Кавказа – это Прометей, но только никому не известные, их не славили в гимнах за их трудовые и боевые подвиги, за их повседневные деяния, когда они защищали Родину от врагов, прорубали гранит скал в борьбе с бездоро-

жьем, стремились выжить в экстремальных условиях и природных катаклизмах в горах... Они безымянные, как тот Неизвестный солдат у Вечного огня, который подарил людям Прометей и которому веками слагают оды и поют дифирамбы.

Последнее четверостишие – это пламенный призыв поэта, пафосное обращение к тем, кому предстоит защищать свободу и честь личности, нации, страны; пожелание прометеевского мужества, крепости и стойкости духа; уметь жертвовать собой ради счастья других:

Всем дарил им ты, седой Кавказ,
Мужество сердец и зоркость глаза,
Говорил им:

– Будьте в трудный час
Прометейми, сыны Кавказа!

Не случайно известный композитор лауреат Государственной премии РСФСР (1991) Аслан Дауров (1942–1999) закончил свою статью «Огонь Прометей» о поэте так: «...Пока наш вечный и седой Кавказ будет жив, будет живо и имя Кайсына Кулиева, его верного сына, великого поэта, неповторимого человека, носившего в своей груди великое и доброе сердце, бесконечную любовь к жизни, неугасимый огонь Прометей»¹.

Ф. С. Эфендиев

М. А. ШОЛОХОВ И К. Ш. КУЛИЕВ

Кайсын Кулиев (1917–1985) был лично знаком с М. А. Шолоховым с 1954 года, когда балкарский поэт поехал в Москву на Второй Всесоюзный съезд писателей, состоявшийся 15–26 декабря. Десять лет Кулиев не был в Москве, так как он находился вместе со своим насильственно высланным народом в Киргизии. На съезд было избрано 738 делегатов, представлявших 3695 писателей Советского Союза. Был в числе них и Кайсын Кулиев,

¹ «Я жил на этой земле...»: Кайсын Кулиев. Портрет в документах. Нальчик: Эльбрус, 1999. С. 237.

входивший в состав писательской организации Киргизии. «Я поехал на Второй съезд писателей СССР и после десяти лет снова увидел Москву» [1], — писал он в очерке «Страницы автобиографии».

Балкарский поэт жадно слушал доклады А. Суркова «О состоянии и задачах советской литературы», содоклады К. Симонова — «Советская художественная проза», С. Вургунa — «Советская поэзия», А. Корнейчука — «Советская драматургия», Б. Полевого — «Советская литература для детей и юношества», выступления П. Антокольского, М. Ауэзова, М. Рыльского о художественных переводах литератур народов СССР, а также М. Шолохова, А. Фадеева, Ф. Гладкова, К. Федина, И. Эренбурга, В. Ладиса, Я. Коласа, М. Исковского, В. Катаева, Б. Лавренева, С. Маршака.

Кулиеву, много пережившему в депортации, запомнились слова К. Симонова, призывавшего к тому, чтобы литература с бескомпромиссной правдивостью изображала жизнь и «не баюкала, а закаляла людей». Эти мысли Симонова были близки Кулиеву, проповедовавшему своими стихами преодоление трудностей, мужество терпения, веру в справедливость. «Я тоже все это время старался не говорить жалких слов, унижающих достоинство человека» [2], — думал Кулиев внимательно слушая выступления Симонова и Шолохова, которых он особенно ценил за прямоту и честность выступлений.

Заставила Кулиева задуматься дискуссия по вопросу создания «идеального героя». Он был на стороне М. Шолохова, решительно осудившего это требование, так как, по мнению Шолохова, оно ведет к подмене правды жизни, к заранее задуманным схемам. По душе были слова М. А. Шолохова, сказавшего: «...каждый из нас пишет по указке своего сердца, а сердца наши принадлежат родному народу, которому мы служим своим искусством».

В дни съезда Кулиеву удалось встретиться с М. Шолоховым, Н. Тихоновым, К. Симоновым, которых он попросил морально поддержать его, помочь в издании произведений, написанных в период «муки молчания», проживания на чужбине, когда балкарский поэт был исключен из Союза писателей СССР как спецпереселенец, и не имел права печатать свои произведения ни на

одном языке. За одиннадцать лет замалчивания репрессированного поэта многое позабылось: даже то, что его книгу «Горы мои» выдвигали в 1943 году на соискание Сталинской премии и как чествовали его в тяжелую военную зиму 1942 в Москве как поэта-фронтовика. Тогда на этом вечере присутствовали А. Фадеев, Б. Пастернак, Самед Вургун, Д. Кедрин, Перец Маркиш, Н. Асеев, Мамед Рагим. Переводы стихов Кулиева читали известные мастера – Вера Звягинцева, Мария Петровых и др.

Участвуя как делегат съезда, Кулиев не жаловался своим собратям по перу на несправедливость существования, когда он и его народ жили при режиме спецпереселения, иссушавшего человеческий жизненный потенциал. Но Шолохов понял Кайсына и остро ощутил его душевную усталость, желание вновь добиться значимости в среде советских литераторов, обещал поддержать его и приглашал к себе в гости на Дон.

Донской край с его неповторимой природной красотой, историей борьбы многих поколений за вольность и власть всегда привлекал Кулиева как художника. Первый раз увидел Кулиев Дон и населявших его людей – казаков в произведениях великого мастера слова М. А. Шолохова, после которого, казалось бы, ничего нового сказать и написать о Доне нельзя. Это было в годы учебы в Москве, когда восемнадцатилетний балкарец приехал в столицу в 1935 году, учился на актерском факультете в ГИТИСе и на вечернем отделении Литературного института имени А. М. Горького. Тогда Кулиев прочитал «Донские рассказы» и «Тихий Дон». Его поразила философская глубина произведений Шолохова и огромная сила эстетического воздействия. «Читая книги Шолохова, я учился глубинным вещам таким, как принципиальность творческой позиции, как народность в подлинном смысле этого слова. Слишком близкой и горькой музыкой звучала для меня вся мощная симфония «Тихого Дона». Мне очень понятны и духовно близки горячие натуры Григория Мелихова и Аксины Астаховой, их порывы, заблуждения и страдания». Меня поражают могучесть, широта и яркость поэтики несравненной шолоховской эпопеи» [3]. Прозаик Шолохов и поэт Кулиев – художники слова прошлого века, но один учился у другого.

Духовное влияние гениального романиста было настолько великим, что почти каждый писатель 30-х–70-х годов нашей страны ощущал его воздействие. Коснулось это и Кулиева, признававшего, что «художников, совершенно свободных от всякого влияния или опыта предшественников и старших современников, не бывает и не может быть... Жаль, что некоторые литературоведы часто примитивно толкуют сложнейший процесс учебы и преемственности творческого опыта» [4].

Неслучайно в статье о Шолохове Кулиев писал о художественных традициях и новаторстве. Он признавал основные идеи и эстетические принципы творчества Шолохова, художественное мышление которого отражало сознание целой эпохи. И дело не только в формах прямого и непосредственного воздействия Шолохова на поэтическое творчество Кулиева, хотя и об этом писал горский поэт: «...хочу сегодня с благодарностью признать, что я много и старательно учился у Михаила Александровича» [5]. И далее: «...выдающийся художник слова, живущий рядом с тобой, всегда является опорой и школой, в каком бы жанре он ни работал... Ни один из писавших о моих скромных книгах никогда не упоминал о влиянии Шолохова. Это лишь потому, что я писал стихи, а не романы».

Чем дорог был для него крупнейший представитель литературы соцреализма, Кулиев сказал в кратком эссе о нем — «Мое слово о Шолохове»: «...С невероятной силой выразил Шолохов игру красок, разнообразие характеров, живое дыхание земли, ее ликование и стоны. Его пейзажи так подлинны, что осязаемо чувствуешь каждую травинку, полдневный зной и свежесть рассвета. Физически ощущаешь задумчивый дождь над хатами станицы, бурные ливни над широкими донскими степями. Все сверкает, переливается неповторимыми красками, пленяя и завораживая; все живое и сущее обретает свой точный облик» [6].

И всегда, когда Кулиев был на земле донского края, он видел его глазами М. А. Шолохова.

Очерк «Мое слово о Шолохове» Кулиев написал в 1965 году и включил его в свою книгу, написанную на

русском языке,— «Так растет и дерево» (М., Современник. 1975. 463 с.)

Написать о Шолохове в связи с его 60-летием Кулиев попросил главный редактор журнала «Дон» М. Соколов. В своей телеграмме он писал: «Дорогой Кайсын! Ждем обещанный материал о Шолохове. Уже готовим номер, срочно сообщи срок представления. С товарищеским приветом М. Соколов» [7].

Вместе с Шолоховым Кулиев встречал в 1963 году на донской земле английского писателя Чарльза Сноу и был при вручении ему наград. На торжественную церемонию вручения диплома почетного доктора филологических наук пришел и ректор Ростовского университета, член-корреспондент АН СССР Ю. А. Жданов. Он хорошо знал этого английского ученого и общественного деятеля. На ученом Совете в РГУ после краткого выступления М. Шолохова, приветствовавшего гостя, Кулиев тоже сказал приветственную речь в честь английской науки.

После торжественной части М. Шолохов и К. Кулиев остались в стенах храма науки для встречи со студентами, которые задали им много вопросов, один из которых касался их общей судьбы: «были ли они участниками Великой Отечественной войны?»

— Да, в конце декабря 1942 года я был направлен на Сталинградский фронт,— отвечал Кулиев.— Был я и в донских степях. Здесь на Сталинградском фронте были и мои старшие коллеги, призванные в армию в качестве военных корреспондентов «Правды», «Красной звезды», «Сын Отечества» и других газет — М. Шолохов, К. Симонов, В. Гроссман, А. Кешоков, очерки и статьи которых имели огромное воспитательное значение...

Был я тогда молод и неопытен в искусстве русской речи. У них я учился писать. Шолоховский рассказ «Наука ненависти», опубликованный 22 июня 1942 года в газете «Правда», стоял в ряду лучших произведений по силе патриотического воздействия на читателя.

Говоря об этой встрече в 1963 г. с Ч. Сноу, Кулиев писал: «...Шолохова знает весь мир. Мне вспоминается, с каким благоговением известный английский писатель и ученый Чарльз Сноу во время встреч с нами назвал советского романиста Шолохова Великим писателем» [8].

Кайсын Кулиев не раз бывал в станице Вешенской по приглашению Шолохова, встречался с ним на съездах Союза писателей СССР, РСФСР, различных совещаниях как член Советского Комитета защиты мира на Всесоюзных конференциях сторонников мира, как депутат Верховного Совета СССР; слушал его выступления и удивлялся широте его ума, простоте слога и яркости народных выражений, которые в устах донского казака-писателя обретали блеск и остроумие.

Историческим документом является фотография, сделанная в доме Шолохова, когда он принимал у себя делегацию писателей Кабардино-Балкарии. В центре стоит Шолохов, окруженный поэтами и писателями. Среди них — Кайсын Кулиев, Алим Кешоков, Адам Шогенцуков, Берт Гуртуев, Амирхан Шомахов, Хачим Теунов. Фотография запечатлела неповторимый момент: Кулиев читает стихи, а они внимательно слушают его. Об этой встрече с Шолоховым неоднократно вспоминал Кулиев и восхищенно рассказывал о гостеприимстве великого писателя Дона, о том, что дом его всегда открыт для гостей.

В 1975 году общественность страны широко отмечала 70-летие со дня рождения М. А. Шолохова.

Кулиеву из Москвы в Нальчик была послана телеграмма такого содержания: «Уважаемый Кайсын Шувачев, с 3-го по 10-е апреля состоятся Дни литературы в Ростове, посвященные юбилею М. Шолохова. Руководителем будет А. Кешоков. Секретариат просит Вас принять участие. Просим подтвердить Ваше согласие.

Бюро пропаганды. С глубоким уважением Батрак».

Спустя некоторое время, секретарь Союза писателей СССР Верченко прислал Кулиеву телеграмму, в которой говорилось: «Юбилейный комитет приглашает Вас на празднование юбилея — 70-летия М. Шолохова.

Просим приехать в Москву 22-го мая. Гостиница «Россия». Восточный блок. Включаем Вас в поездку 29 мая в станицу Вешенская. С приветом Верченко».

Для творческой интеллигенции Дона мнение горского поэта о Шолохове имело, как мы думаем, большое значение. Если учесть то, что редактор отдела критики жур-

нала «Дон» Ю. Михайлов писал Кулиеву 9 декабря 1974 года: «Уважаемый Кайсын Шуваевич! Просим Вас откликнуться на нашу анкету о М. А. Шолохове и прислать ответы на вопросы в первых числах января. Заранее благодарны Вам. С уважением редактор отдела критики» [9].

Кулиев отвечал на вопросы анкеты. Они были опубликованы в юбилейном номере журнала «Дон», в которых были слова любви и признания к великому писателю России. «Я люблю суровый реализм и могучую поэтическую крылатость Шолохова, неукротимую земную силу его творчества, — писал Кулиев, заканчивая свое слово о Михаиле Александровиче. — Легче жить и работать, когда рядом с тобой живет такой большой художник слова» [10].

О незабываемых встречах с Шолоховым Кулиев не раз рассказывал своим друзьям. Они знали, как высоко ценил Михаил Александрович поэзию горца XX в. — Кайсына Кулиева, который был символом национальной художественной культуры балкарского народа.

Всего на полтора года пережил Кулиев Шолохова. Общественность России похоронила их со всеми почестями, достойными их таланта и согласно завещаниям: М. А. Шолохов похоронен во дворе усадьбы станицы Вешенская (ныне музей); К. Ш. Кулиев — в Первом Чегеме во дворе своего дома (ныне музей).

Оба ушли в бессмертие, как неповторимые художники слова XX столетия.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кулиев К.* Так растет и дерево. М., 1975. С. 454.
2. Там же. С. 455.
3. Там же. С. 112.
4. Там же.
5. Там же.
6. Там же. С. 113.
7. ЦГА КБР, ф. 852, оп. 3, д. 97, л. 34.
8. *Кулиев К.* Так растет и дерево. М., 1975. С. 111.
9. ЦГА КБР, ф. 852, оп. 5, д. 120, л. 7.
10. *Кулиев К.* Так растет и дерево. М., 1975. С. 114.

КАЙСЫН КУЛИЕВ О НАЦИОНАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Тезисы представлены для
конференции «Россия XXI в.
глазами молодых ученых».
Краснодар, КГИКИ. 14 марта
2002 г.

1. Выявить объективные критерии, раскрыть внутренний мир уникальной общности людей – своей нации, то есть балкарского этноса, пытался на протяжении жизни выразить в художественном слове Кайсын Кулиев. Творческий процесс познания национального характера горца как представителя определенной нации со стороны «субъективного», то есть авторского отношения, можно проследить в произведениях поэта, начиная с 40-х годов – сборника стихов «Мои соседи», – до стихотворений 70-х и середины 80-х годов XX в. Наиболее ярким это поэтическое выражение было в таких произведениях, как «Горцы-крестьяне», «Памяти чегемского пахаря», «Всаднику, скачущему по Чегемской долине», «Со своей старухой старый горец...», «Песня горцев-партизан», «Каменщику Джанхоту в день его шестидесятилетия», «Песни горцев, подобно пословицам, кратки», «Предки мои», «Старым горским мастерам», «Чабан», «Чокка», «Табунщик», «Бешмет».

2. Художники слова не подходят к оценке структурных параметров нации как исторического и социального образования, которые характеризуются общностью территории, языка, культуры, экономики, государственностью и другими «объективистскими параметрами». Их интересует духовно-нравственное проявление в нации, квинт-эссенцией которого выступает национальный характер.

«Мало жили, много пережили», –
Присказка мне помнится одна.
Так у нас в Чегеме говорили,
Там, где камня больше, чем зерна, –

писал Кулиев в 1975 году, когда творческое осознание исторического прошлого и настоящего воспринималось

через призму национального, как бы от имени этноса, духовные, сущностные черты которого Кулиев глубоко выразил в стихотворениях: «Руки горца», «Родной язык», «Когда бы горцам...», «Каким бы малым ни был мой народ...», «Стихи, сказанные зимой в Чегемском ущелье», «Чегемский камень», «Говорю скале в Чегеме», «Песни старого ашуга». В стихотворении «Каким бы малым ни был мой народ» поэт писал:

Я верую, что будет жить, как жил,
Мой малый род, чье мужество, бывало,
И мужество и силу возвращало
Мне, потерявшему остаток сил [1].

(Перевод Н. Гребнева)

3. Мужество, смелость, и терпение воспевал Кулиев и много раз призывал своих земляков быть такими же стойкими титанами в борьбе с трудностями, каким был легендарный Прометей, символический образ мировой художественной культуры («Прометей», «Прометей, прикованный к скале»):

Всем дарил им ты, седой Кавказ,
Мужество сердец и зоркость глаза,
Говорил им:

— Будьте в трудный час
Прометейами, сыны Кавказа!

(Перевод Н. Гребнева)

В другом стихотворении «Расулу Гамзатову» (1972) Кулиев, обращаясь к другу, признался: «Я ныне завидую только тому, кто может быть стойким в несчастье...»

Именно в 70-е годы XX столетия ученые стали заниматься проблемами национального характера, национальной психологией, вопросами развития и формирования национального самосознания. Тогда же стал остро вопрос о национальном менталитете, о духовном феномене национального самосознания и национального сознания каждого этноса. Поэты по-своему решали все эти вопросы через свое мироощущение и творческое сознание.

4. Кулиев гордился своей принадлежностью к про-

стому сословию – трудящимся, которые были чабанами, охотниками и хлеборобаи. Об этом свидетельствует его известное стихотворение «Какого ни прошел бы я ученья...». В нем специфика национального художественно отражена через индивидуальное мировосприятие автора, самосознание которого нашло преломление в национальном сознании его народа, его духовности и коллективной ментальности.

.....

И тем гордиться буду я до гроба,
Что и моя душа наделена
Крестьянской простотою хлебороба,
Бесхитростностью горца-чабана [2].

(Перевод Н. Гребнева)

В другом стихотворении «Камень здесь на всем и всеми...» (1973) Кулиев воспевал горское терпение, тех тружеников, которые веками жили в горах и здесь умирали – «жили в камне и на камень падали в свой смертный час»; жизненной правдой руководствовался поэт, когда писал в этом стихотворении: «Каменным терпенье было у людей моей земли, словно камень, до могилы боль они свою несли». Осознание исторического прошлого воспринималось поэтом через специфические особенности бытия своих предков – балкарцев:

Здесь болели и серели
Камни гор, домов, могил,
Будто бы окаменели
Все, кто здесь когда-то жил,
Будто стало здесь камнями
Все, что было искони:
Наши песни, наши дни,
Слезы, пролитые нами [3].

5. Этническая специфика поэзии Кулиева в определенной степени сконцентрировалась в историческом опыте балкарского народа. Этот опыт поэт хорошо знал и глубоко его чувствовал. Общеизвестно, что основой любой нации является материальная жизнь, а ее главным выражением – духовное, которое нашло художественное

отражение в морально-этической и философской лирике поэта. Познание нации и национального характера шло через художественное осмысление их внутреннего мира, сферы духовного. Ведь нация – это есть не что иное, как духовное самовыражение отдельных членов этноса, его ярких личностей. Кулиев был одним из них, в генах которого генофонд нации нашел наиболее полное выражение. Обращаясь к своим предкам («Предки мои»), Кулиев говорил о своем кровном единстве с ними, что его душа принадлежит отчему краю:

Я удивляюсь величию и силе
Песен, звучавших в минувшие дни.
Предок мой, прадед мой, нас породили
Горы одни,
Горы одни.

.....

Видел я много не виданных вами
Стран и народов, неведомых вам,
Но, возвратясь, припадал я губами
к отчим камням,
К отчим камням! [4]

Национальный характер как феномен этничности трудно охарактеризовать. Дело в том, что «проблема» выявления реальностей национального характера тех или иных народов до сих пор точно не раскрыта ни учеными, ни писателями, ни художниками. Поэты разных эпох и народов многократно воспевали своих национальных героев и героинь, а следовательно, и уникальность внутреннего мира нации, ее психологический склад и самобытный культурно-исторический феномен. Так, в Дагестане сложено немало легенд, песен, преданий, стихов о народной героине Парту Патиме, ставшей символом, олицетворяющим возрождение и популяризацию историко-культурного наследия Страны гор. Ее можно считать не только национальной гордостью дагестанцев, но и в целом народов Кавказа.

Кайсын Кулиев не был исключением в этой плеяде певцов и поэтов, когда он воспевал своих народных героев, земляков-односельчан, когда он, по его словам, «воду пил, текущую меж скал», набирая сил, «и приобщался к

мудрости высокой» [5] («Я воду пил, текущую меж скал...»)

6. И еще об одном: о национальной агрессивности народов Кавказа, которая считалась якобы чуть ли не национальной чертой характера. У Кулиева есть одно стихотворение, в котором строки приводят к мысли об агрессивности человека:

Так было из века в век:
То сеял хлеб человек
И землю плугом взрезал,
То в сердце клинок вонзал.

Да, прямо в сердце, насквозь,
Так издавна повелось [6].

(Перевод Я. Акима)

Феномен насилия и жестокости человека не может быть характерен для какой-то отдельной нации. Он присущ многим членам этноса, и философы пытались объяснить это явление, исходя из социальных, психологических, экологических, этнологических и прочих причин. Все эти различные объяснения в научном познании несколько далеки от поэтического воззрения на феномен человеческой агрессии. Мы полагаем, что, когда Кулиев писал стихотворение «... И только одно из двух», он имел в виду человеческую реакцию национальной или, точнее, социальной защиты.

...И только одно из двух:
Во влажную землю — плуг.
Иль прямо в сердце кинжал —
И рану папахой зажал.

Кулиев не воспевал убийц, в их ореоле геройства и власти и, защищаясь от сложившегося неверного мнения, что на Кавказе «издревле жестокость почиталась» и «здесь погрязло все во зле», он написал стихотворение «Два голоса в горах», в котором поэт пытался сказать, что это не было нормой кавказской жизни, убийцу всегда осуждали:

– Здесь, говорят, сражались племена,
Чем кровь врага, вода была дороже!

– Здесь знали: кровь у всех людей красна,
Хоть разны боги их и цвет их кожи!

– Чужую жизнь никто здесь не ценил,
Здесь кровь текла, как в половодье реки!

– Неправда, тот, кто кровь чужую лил,
Презренен был и проклят был навеки! [7]

(Перевод Н. Гребнева)

ЛИТЕРАТУРА

1. Кулиев К. Собрание сочинений. В 3 т. М., 1977. Т. 3. С. 362.
2. Кулиев К. Избранные произведения. В 2 т. М., 1970. Т. 2. С. 126.
3. Кулиев К. Собрание сочинений. В 3 т. М., 1977. С. 329.
4. Кулиев К. Раненый камень. М., 1968. С. 159.
5. Там же. С. 163.
6. Кулиев К. Собрание сочинений. В. 3 т. М., 1977. Т. 3. С. 314.
7. Кулиев К. Избранные произведения. В 2 т. М., 1970. Т. 2. С. 347.

Р. А. Эфендиева

К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ МЕТАФОРИЧЕСКОГО МИРОВИДЕНИЯ К. КУЛИЕВА (англо-русские сопоставления)

Тезисы доклада научно-теоретической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения Кайсына Кулиева. Вторые Эльбрусские чтения, 12–13 ноября 1997 г., Нальчик.

1. В 1977 г. в Москве, в издательстве «Прогресс», был издан сборник избранных стихов балкарского поэта Кайсына Кулиева «Трава и камень» на английском языке с параллельными русскими текстами.

Следует отметить, что произведения Кулиева изданы на многих языках народов мира: английском, польском, чешском, болгарском, немецком, монгольском и почти на всех языках бывших союзных республик нашей страны.

Проблема художественного перевода – тема отдельного большого разговора, но несомненно одно: он играет поистине неопределимую роль в популяризации того или иного художника слова. Взять Кайсына Кулиева, который сам признавал, какую роль сыграл в его жизни перевод с балкарского на русский и другие языки, скажем, даже в пределах нашей страны, – на украинский, белорусский, узбекский и др.

Вот что отметила С. К. Башиева в отношении переводов стихов Кулиева с балкарского на русский и другие языки: «Поистине, художественный перевод открыл поэта малочисленного народа людям самых разных национальностей. Словно яркая радуга, он соединил снежные вершины Кавказа с дальними равнинами и океанами» [1]. Интересно высказывание в этом плане политического деятеля советской эпохи А. Микояна: «Раньше трудно было мечтать, чтобы так скоро – с точки зрения исторических масштабов – в созвездии талантливых поэтов нашей многонациональной страны засветились такие яркие звезды поэзии, как аварец Расул Гамзатов или балкарец Кайсын Кулиев, пишущие на родном языке и широко переводимые на языки других народов. Это выдающиеся поэты из малых народов, но они стали такими же популярными и любимыми в стране, как талантливые поэты больших народов» [2].

2. Как известно, в художественном переводе большую роль играет проблема адекватности, которая зависит от точной передачи речевых средств, использованных в оригинале. Метафорическое мировидение художника слова (поэта или писателя) – это не только языковое своеобразие произведений поэта, но и специфика его национального мышления, миропонимания, его оценки и эмоциональное воссоздание действительности.

Обратимся к метафоре в произведениях Кулиева как к феномену, в котором проявляются особенности нацио-

нального мировидения, национального мировосприятия и индивидуального ощущения.

В стихотворении «Терпение» (1964) есть такие строки:

В твой дом несправедливость и беда
Пусть не найдут дороги никогда.

Но если их тебе не избежать,
Умей терпеть, а это значит, ждать.

Терпи, как пуля, сжатая в стволе,
Терпи, как порох, спрятанный в земле.

Как терпят боль от топора чинары,
Как терпит камень молота удары [3].

(Перевод Н. Гребнева)

Возьмем второе четверостишие от слов («Терпи, как пуля, сжатая в стволе...» и перевод на английском: «Be patient like a mine hid in the ground, or like a bullet in the barrel poised. Endure the pain like trees when they're chopped down, like stone under the hammer's vicious blows».

Русский перевод характеризуется более высокой эмоциональностью, чем английский. Метафоры в двух языках как результат эмоционально-психологического состояния человека и восприятия мира несколько отличаются друг от друга. Но в целом английский перевод почти идентичен оригиналу русского текста, передает речевые обороты и мысль поэта.

Обратимся к другому стихотворению Кулиева «Не верю тем, чьи никогда глаза печалью не туманятся...» (1964). Вдумаемся в текст:

Не верю тем, чьи никогда
Глаза печалью не туманятся.
Я знаю: плачет и вода
Пред тем, как льдом она затянется.

Река грустит, как мы с тобой,
Хотя и знает: все изменится,

Растает лед, и вновь листвою
Ольха на берегу оденется.

Без грусти лист не упадет,
Без боли ветка не сломается.
без тяжких дум не тает лед
И льдом трава не покрывается [4].

(Перевод Н. Гребнева)

А вот английский перевод: «Quite humanly the river grieves, while knowing there's no cause for tears: the ice will melt, and alder trees upon its banks will sprout new leaves. How sad for trees to strip, in autumn, How painful for a bough to break. For ice to melt in must be torment, How grass crushed by the snow must ache!»

Итак, в русских переводах мы наблюдаем более высокую степень экспрессии и нормативная окраска слова несколько выше, чем в английских. Но основная задача, по нашему мнению, — сохранение специфики мировосприятия художника слова и верная ее передача на другом языке — выполнена. Ольга Шартц — опытный переводчик, поэтому стихи Кулиева на английском так же хороши, как и на русском. Сборник избранных стихов «Трава и камень» Кайсына Кулиева доставит наслаждение тем, кто владеет в совершенстве английским языком.

Английские тексты цитировались по сборнику стихов «Трава и камень». М.: Прогресс, 1977. В нем есть параллельные русские тексты стихотворений «Терпение» и «Не верю тем, чьи никогда глаза печалью не туманятся...»

ЛИТЕРАТУРА

1. Башиева С. К. В оригинале и переводе. Литературно-критические статьи. Нальчик: Эльбрус, 1990. С. 43.
2. Микоян А. Слово к молодым // Юность, 1972. № 12. С. 4
3. Кулиев К. Собрание сочинений. В 3 т. М., 1977. Т. 2. С. 146.
4. Там же. С. 150.

О ДОСТОВЕРНОСТИ ПЕРЕВОДА С РУССКОГО ЯЗЫКА НА АНГЛИЙСКИЙ

(По произведениям Кайсына Кулиева)

Тезисы выступления на II
Международном Конгрессе
«Мир на Северном Кавказе че-
рез языки, образование, культу-
ру» 15–20 сент. 1998 г. Пяти-
горск, ПГЛУ

Симпозиум 3. Языки наро-
дов Северного Кавказа и других
регионов мира

1. Сборник избранных стихотворений Кулиева «Тра-
ва и камень» (М., 1977) на английском языке с парал-
лельными русскими текстами – пока единственный ху-
дожественный документ, на который можно опираться
исследователям-кайсыноведам по вопросам мастерства
перевода и особенностям употребления фразеологических
оборотов.

Ольга Шартц проделала, на наш взгляд, огромную ра-
боту, удачно передав национальную индивидуальность
поэзии Кулиева, эмоционально-экспрессивную окраску его
стихов и их стилистические нюансы. Она переводила на
английский язык с русского перевода и по подстрочни-
кам самого поэта. Кулиев давно хотел издать на англий-
ском языке свои произведения. Несколько стихотворе-
ний на нем было опубликовано, когда он был в Индии в
составе советской делегации.

И вот в 1977 году подготовленные им избранные сти-
хи были изданы. Поэт тщательно отобрал те стихи, кото-
рые, по его мнению, были ближе всех к оригиналу. Пере-
водил с балкарского на русский лучший переводчик Наум
Гребнев. «Русский» Кулиев обладает завидной для мно-
гих собратьев цельностью и определенностью стиля, –
писал Станислав Рассадин в статье «Вторая родина», – и
при том, что у него все-таки не один, а несколько пере-
водчиков» [1]. Вот этим-то «русским» Кулиевым пользо-
валась переводчица Ольга Шартц.

2. Обратимся к анализу перевода стихотворения Ку-

лиева на английский язык «Опять чинары скорбно шелестят...» (1965). В английском переводе оно звучит так: «Again the plane trees murmur...» В английском языке нет кавказской чинары, поэтому переводчик взял сочетание двух слов «plane trees» (простые деревья) и слово «скорбный» заменил на «sadly» (печально). Поэтому перевод с английского языка прозвучал так: «Снова простые деревья печально шелестят...» В названии стихотворения и в его содержании, по нашему мнению, сохранены соотношение смыслового объема и стилистическая окраска слов, с их грамматическим обобщением:

Пусть над одним утесом гром гремит,
Не может и другой стоять в покое.
Нетронутое дерево скорбит,
Хоть люди рубят дерево другое.

(Перевод Н. Гребнева)

На английском языке имеем:

When thunder crashes over one mountain spur
No mountains anywhere can feel relaxed.
A tree, unharmed and whole will the hurt
Though its another tree that's fallen to the axe.

Н. Гребнев удачно передал особенность оригинала и основную мысль произведения, поскольку Кулиев всегда сам делал подстрочники на русском языке к своим стихам и переводчики, не знавшие балкарского языка, оставались верными подлиннику, и их стиль в конечном счете всегда носил отпечаток подлинника. Переводы Н. Гребнева, Н. Коржавина, В. Левики, Я. Козловского выполнены на высоком поэтическом уровне с максимальным приближением к оригиналу. Но так как речь шла об одном переводчике – о Н. Гребневе, сошлемся на оценку узбекской поэтессы Зульфийи. В письме к Кулиеву она писала: «Вам повезло с переводчиком Н. Гребневым. Он никогда не изменяет изяществу, тонкости, задушевности, поэтичности в своем творчестве. Во всех его работах всегда и всюду чувствуешь рядом с подлинным почерком переводимого поэта его, Гребнева, мягкую, трепещущую душу и обаяние» [2].

Ольга Шартц пользовалась теми стихами Кулиева, которые переводил на русский язык Н. Гребнев. И мы

позволим себе утверждать, что адекватность художественного перевода в данном случае стихотворения «Опять чинары скорбно шелестят...» соблюдена. Английский перевод близок к переводу Н. Гребнева.

3. Верность передачи речевых средств – основа мастерства перевода. С. К. Башиева по этому поводу писала: «Адекватность художественного перевода во многом зависит от верной передачи речевых средств, использованных в оригинале, так как именно они в первую очередь являются критерием оценки творческой индивидуальности того или иного мастера слова. Любая, кажущаяся на первый взгляд незначительной, деталь в художественном произведении может подчас нести в себе определенную эстетическую нагрузку, таить в себе глубокий подтекст, и если переводчик не уловит этой особенности оригинала, мысль автора может утратить свою полновесность, исказиться. В конечном счете это, как правило, приводит к ослаблению эмоционального заряда образа, притуплению его остроты» [3].

К счастью, этого не произошло с переводами Ольги Шартц стихов Кулиева на английский язык. Для примера возьмем еще одно стихотворение Кулиева из этого же сборника – «Речки детства» (1965) в переводе Н. Гребнева. О. Шартц перевела его, по мнению поэта, более удачно: («Река твоего детства»), так, как было в оригинале у Кулиева. У него река детства – это символ национально-го истока, этнического бытия, родного очага:

У всех у нас вначале были речки,
С их берегов мы начинали путь,
В их водах, маленькие человечки,
Учились мы нырять и не тонуть.
Пусть эта речка – мелкий ручеек.
Ее течение – это твой исток.

На английском:

We all had our own rivers once
In which we paddled, learned to dive,
To keep afloat, and from whose banks
We, youngsters, pushed off into life.
It may have been a shallow brook,
But your beginning there you took.

В том и другом случае речевые средства соблюдены, они почти такие же, как на родном языке с их эстетическим и определенным эмоциональным воздействием. «Английские» стихи Кулиева звучат почти так же хорошо, как и в русском переводе: с их философской глубиной мысли, искренними душевными переживаниями и национальным оптимизмом: «Коснись реки, и станешь ты моложе, и голос матери услышишь в ней». Или: «Прильнешь, и ты уже не одинок, ее течение – это твой исток» [4].

Стихи К. Кулиева цитировались на русском и английском языках по сборнику избранных стихотворений «Трава и камень». М., 1977.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мастерство перевода. Выпуск 9. М., 1973. С. 15.
2. ЦГА КБР, ф. Р-852, оп. 5, ед. хр. 55, л. 1.
3. *Башиева С. К.* В оригинале и переводе. Нальчик: Эльбрус, 1990. С. 46–47.
4. *Кулиев К.* Трава и камень. М., 1977. С. 148.

Р. А. Эфендиева

ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ В ЛИРИКЕ А. ПУШКИНА И К. КУЛИЕВА

Тезисы доклада межвузовской научно-практической конференции «Пушкин и Кавказ: история и современность». 28–29 мая 1999 г. Пятигорск, Пятигорский государственный лингвистический университет.

Конференция посвящалась 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина.

1. Образ женщины в лирике Пушкина и Кулиева – это огромное нравственно-эстетическое обобщение, а не просто обращение к определенному лицу. Это цельная

художественная концепция любимой и матери, случайно повстречавшейся женщины и дорогой сестры. В этом художественном обобщении воплощались человеческая красота и душевная щедрость, умение жертвовать собой и проявлять волевую черту характера, высокая любовь и мудрость, нравственная чистота и романтический порыв чувств, жизнелюбие и оптимизм. Кто не знает стихотворения Пушкина «Я вас любил; любовь еще, быть может...»?!

Я Вас любил; любовь еще, быть может,
В моей душе угасла не совсем;
Но пусть она Вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить Вас ничем.
Я Вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я Вас любил так искренно, так нежно,
Как дай Вам бог любимой быть другим.

«В этом удивительном по силе чувства и художественной лаконичности стихотворения, — писал С. М. Петров, — рельефно воплотились те черты гуманности и изящества, в которых Белинский видел отличительные особенности пушкинской лирики любви» [1]. Эти отличительные черты и особенности пушкинской лирики многократно отзвучат в поэзии о любви поэтов пушкинской поры и других поколений на протяжении всего XIX и XX вв. Исследователи поэзии Пушкина утверждают, что проникновенно-страстный монолог, написанный в форме письма к любимой, адресован молодой девушке — Анне Алексеевне Олениной. Особенно заставляет задумываться последняя фраза: «Как дай Вам бог любимой быть другим». Что это — прощание с той, которую Пушкин так долго безмолвно и безнадежно любил, или благословение найти счастья с другим? Очевидно, и то, и другое. В том-то и величие истинной любви.

Другое, известнейшее, хрестоматийное стихотворение Пушкина «Я помню чудное мгновенье», как полагают литературоведы, посвящено А. П. Керн. В нем поэт воспел непобедимую, всепреображающую силу любви. Обратимся к последним строкам:

И сердце бьется в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.

2. В женском образе любимой находила, по существу, пушкинская идея воплощения гармонии мира, которая по-разному нашла художественное отражение в поэзии вот уже на протяжении двухсот лет в любой из национальных литератур больших или малых народов. Пушкинская Мария («Бахчисарайский фонтан») – это духовность и целомудренность, Зарема – страстность и чувственность, Татьяна Ларина («Евгений Онегин») – верность и жертвенность, черкешенка из «Кавказского пленника» – волевая сила и целеустремленность, Земфира («Цыганы») – любовная страсть и таборная воля и т. д. И не важно, кто это были: польская ли княжна в татарском гареме («Бахчисарайский фонтан») или русская дворянка Татьяна из провинции в романе в стихах «Евгений Онегин», реальная Анна Петровна Керн или выдуманная фантазией поэта женщина («Я помню чудное мгновенье»). Все они – олицетворение лучшего, того, что может быть в жизни, в человеческой судьбе в счастливые или трагические дни.

3. «Женщина – одно из непостижимых и загадочных явлений жизни, – писал Кайсын Кулиев. – Я постоянно считаю, что женщина выше меня, она была моей матерью, вскормила человечество. А что касается поэзии, то она и женщина никогда не расстанутся. Женщина не давала остыть очагу мировой лирики, ей мы обязаны шедеврами Пушкина и Петрарки, Тютчева и Лорки, Хафиза и Блока, Есенина и Пастернака» [2].

Стихотворения Кайсына Кулиева о женщинах: «Дочери гор», «Женщинам, которых я не знаю», «Женщина купается в реке», «Женщинам» («Вы – скорбь ночей, войной сожженных...»), «Женщинам, которых я любил», «Женщинам, которые любили меня» («Женщины, я повторяю снова...»), «Женщины, я ль не страдал от вас...», «Женщина месит взошедшее тесто», «Я тебе такую боль нанес...», «Я тебя вспоминал...», «Я слово искал...», «Горянке», «Говорю женщине», «Говорю Лейле в Чегеме», «Мой поздний свет», «Женщина на берегу моря» и мно-

гие другие – проникнуты пушкинским светом, его уважительным отношением к женщине и преклонением перед ее бессмертной красотой и гуманностью. Особенно пушкинское начало в любовной лирике можно проследить в стихах Кайсына Кулиева, которые он написал в начале 80-х годов как то: «Свет твоего лица» [3]. «Словам любви звенеть», «Как еще красива ты!», «Костер в твою честь», «Это счастье мое», «Ты вновь их повтори», «Ты вошла в мой дом», «О, вешние глаза твои!», «Чтобы время тебя не состарило», «Ты была моим праздником», «Твое лицо – лицо весны» и другие о его одухотворенной и большой любви к той, которая скрасила его последние годы жизни. Каждое из этих стихотворений психологически мотивированно, искренне.

.....
Твое лицо, лицо весны –
Мне радостью одной даны.

Я и слова мои со мной
В плену у красоты земной!.. [4]

(Перевод Н. Кондаковой)

Или:

Ты новые звезды на небе зажгла,
Ты силы для новой строки мне дала,
Ты жизнь мне наполнила новизной,
Лишь светлые мысли отныне со мной.
Все тягостное позабылось, ушло,
И дням и словам моим стало тепло.
Я нежность твою до конца сберегу,
И свет, и счастливую эту строку [5].

(Перевод Я. Акима)

Полные глубокой мысли и просветленного чувства кулиевские строки о любимой поражают своим благородством и нравственным началом. «Кулиевские женские образы – это не только образы прекрасных, любящих женщин, – это олицетворение чистоты и благородства, – пишет кайсыновед, проф. Т. Е. Эфендиева. – Любовь делается равной смыслу самой жизни. В таком един-

стве показа переживаний лирического героя и самого поэта проявляется единство и цельность многих стихотворений, посвященных женщинам, особенно в стихотворениях-посланиях» [5].

Для подтверждения высказанной мысли приведем поэтические строки Кулиева из стихотворения «Ты – свет жизни»:

Ты на белую гору меня подняла,
Небывалую радость ты сердцу дала,
Женщина! Ты свет жизни, всей жизни земной,
Ты звездой счастливой взошла надо мной,
Час мой неповторимый, спасибо судьбе.
«О, как ты хороша!» – говорю я тебе [6].

(Перевод Я. Акима)

ЛИТЕРАТУРА

1. История русской литературы XIX в. М., 1960. Т. 1. С. 196.
2. Кулиев К. Так растет и дерево. М., 1975. С. 455.
3. Он же. Человек. Птица. Дерево. М., 1985. С. 267–326.
4. Там же. С. 302.
5. Эфендиева Т. Е. Поэзия жизни. Нальчик, 1977. С. 136, 138.
6. Кулиев К. Человек. Птица. Дерево. М., 1985. С. 307.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
С. И. Эфендиев. Кайсын Кулиев и проблемы национального возрождения. (Доклад, посвященный 80-летию со дня рождения Кайсына Шуваевича Кулиева)	7
С. И. Эфендиев. Тюркоязычный мир не забыл своего певца	43
Ф. С. Эфендиев. Русская тема в лирике Кайсына Кулиева. (К 80-летию со дня рождения)	59
Т. Е. Эфендиева. Слова любви, слова признания	73
Ф. С. Эфендиев. Послания и посвящения Кайсыну Кулиеву	94
Ф. С. Эфендиев. Об интеллектуальном, нравственном и духовном. (Философская лирика Кайсына Кулиева)	103
Ф. С. Эфендиев. Художественное отражение трагедии репрессированных народов. (Вызов времени: поэзия К. Кулиева 1945–1955 гг.)	110
Т. Е. Эфендиева. «Кинжал» в поэзии А. С. Пушкина и К. Ш. Кулиева	120
Ф. С. Эфендиев. О субъективных особенностях чувственного восприятия цветов у Кайсына Кулиева	129
Ф. С. Эфендиев. Алим Кешоков и Кайсын Кулиев. (К 85-летию со дня рождения А. Кешокова)	140
Ф. С. Эфендиев. Константин Симонов и Кайсын Кулиев	149
С. И. Эфендиев. Кайсын Кулиев – уникальное явление художественной культуры балкарского народа	167
Ф. С. Эфендиев. Пространственные и временные категории поэзии К. Ш. Кулиева в контексте духовной культуры Востока и Запада	200
С. И. Эфендиев, И. С. Жетишева. Кайсын Кулиев в изобразительном искусстве, живописи и графике	205
Художники, которые работали над оформлением книг К. Ш. Кулиева в местном и центральном издательствах	228
Ф. С. Эфендиев, Т. Е. Эфендиева. Кайсын Кулиев в контексте мировой культуры	232
С. И. Эфендиев. Кайсын Кулиев и музыка	241
Ф. С. Эфендиев. «Мы слушали музыку...» (О встречах Кайсына Кулиева с Георгием Свиридовым)	294
Т. Е. Эфендиева. Художественное восприятие национального мира	301
Ф. С. Эфендиев. О психологии поэтического творчества К. Ш. Кулиева	306
С. И. Эфендиев. Кайсын Кулиев и писатели Дона	312
Ф. С. Эфендиев. Природа как средство раскрытия художественной правды. (По роману «Была зима» К. Ш. Кулиева)	351

Т. Е. Эфендиева. Художественное отражение категории времени в поэзии Кайсына Кулиева	356
С. И. Эфендиев. Историко-географическое и культурологическое значение статьи К. Кулиева «Время и песня»	360
Ф. С. Эфендиев. Социальная память и творческое сознание	366
С. И. Эфендиев. Значимость творчества К. Ш. Кулиева в этнокультуре балкарского народа	369
Т. Е. Эфендиева, Ф. С. Эфендиев. Проблема этногенеза в цикле стихов Кайсына Кулиева «Половецкая луна»	370
Ф. С. Эфендиев. О синтезе культур горцев и народов России	376
Т. Е. Эфендиева. Кайсын Кулиев о традициях и новаторстве	381
Ф. С. Эфендиев. Об особенностях перевода поэзии К. Ш. Кулиева	387
С. И. Эфендиев. Письма однополчан Кулиеву К. Ш. как исторические документы Второй мировой войны	392
Т. Е. Эфендиева. Эфенди Капиев и Кайсын Кулиев	406
Ф. С. Эфендиев. Борис Ручьев и Кайсын Кулиев. (К вопросу о диалектике поэтических взаимовлияний)	416
Ф. С. Эфендиев. Кайсын Кулиев о роли русского языка в судьбе горцев	419
Т. Е. Эфендиев. Роман Кайсына Кулиева «Была зима» и проблема нравственности	424
Ф. С. Эфендиев. Современное состояние балкарского этноса и проблемы его демографии	436
Т. Е. Эфендиева. Семья на Северном Кавказе в поэтическом освещении Кайсына Кулиева и Расула Гамзатова	441
Ф. С. Эфендиев. Национальная идея и этнокультура как способ бытия. (О творческом сознании К. Кулиева)	447
Экологические проблемы в поэзии Кайсына Кулиева	450
Ф. С. Эфендиев. Национальное самосознание и этносоциальные процессы	454
Т. Е. Эфендиева. Духовная культура как феномен социального бытия балкарского народа и его идеалы	457
С. И. Эфендиев, Ф. Эфендиев. Завещание К. Ш. Кулиева как итог его земной жизни	461
С. И. Эфендиев. Культурно-историческое значение творчества К. Ш. Кулиева. (По архивным материалам)	468
Послесловие автора	609
Другие документы	614

Литературоведческое издание

Серия «КЛИО»

(«Кавказский литературно-исторический Олимп»)

Тамара Емельяновна Эфендиева

Салих Ибрагимович Эфендиев

Фуад Салихович Эфендиев

**КАЙСЫН ШУВАЕВИЧ КУЛИЕВ – СИМВОЛ
НАЦИОНАЛЬНОЙ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ**

Том 6

Зав. редакцией Л. О. Тамазова

Художник М. М. Горлов

Технический редактор Т. В. Демьяненко

Корректоры: Л. Б. Карамышева, Н. В. Римская

Рег. № 2050 от 28.12.2000

Сдано в набор 07.08.02. Подписано в печать 05.06.03. Формат 84×108^{1/32}. Печать офсетная. Гарнитура SchoolBook. Бумага офсетная. Усл. п. л. 24,57. Уч.-изд. л. 25,12. Тираж 1000. Заказ № 391

Издательский центр «Эль-Фа»
Республиканского полиграфкомбината им. Революции 1905 г.

Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.
Министерства печати и информации КБР
360000, КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 33